ДЖЕЙМС РОЛЛИНС
РЕБЕККА КАНТРЕЛЛ

КРОВАВОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

ЭКСМО

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС
РЕБЕККА КАНТРЕЛЛ

КРОВАВОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС
РЕБЕККА КАНТРЕЛЛ

КРОВАВОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Р 67

James Rollins, Rebecca Cantrell

THE BLOOD GOSPEL

Copyright © 2013 by James Czajkowski and Rebecca Cantrell

Оформление серии *С. Шикина*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Роллинс Дж.

Р 67 Кровавое Евангелие / Джеймс Роллинс, Ребекка Кантрелл ; [пер. с англ. Ю. Вейсберга]. — М. : Эксмо, 2013. — 624 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-63415-6

Сильное землетрясение в районе древней израильской крепости Масада обнажило неизвестное захоронение, сокрытое в недрах горы. На осмотр находки прибыли трое специалистов — сержант спецназа США Джордан Стоун, священник из Ватикана Рун Корца и археолог Эрин Грейнджер. Захоронение оказалось частью подземного храма с таинственным саркофагом. Сохранившиеся знаки свидетельствовали о том, что некогда здесь была спрятана священная книга. По легенде, Иисус Христос начертал ее собственной кровью, заключив в ней тайну своей божественности...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Вейсберг Ю.И., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

SBN 978-5-699-63415-6

От Джеймса:

Энн Райс

За то, что показала нам красоту в монстрах
И монстров в окружении прекрасного

От Ребекки:

Моим мужу и сыну за то,
что они защищали меня от монстров

И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями.

И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати с нее?

И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землею, раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее... И говорят: достоин Ты взять книгу и снять с нее печати: ибо Ты был заклан и кровию Своею искупил нас Богу.

Откр. 5:1–3, 5:9

Я — Лазарь. Я воскрес из мертвых. Вам все открыть вернулся; все открою.

Т. Элиот
«Песнь Любви Дж. Альфреда Пруфрока»
(перевод О.А. Гераськина)

БЛАГОДАРНОСТИ

На этой книге можно найти множество отпечатков пальцев в дополнение к тем, что оставили на ней два автора, имена которых обозначены на обложке. Прежде всего позвольте мне поблагодарить группу моих критиков: Салли Барнс, Криса Кроу, Ли Гаррета, Джейн О'Рива, Денни Грейсона, Леонарда Литтла, Скотта Смита, Пенни Хилл, Джуди Прей, Дейва Мюррея, Уилла Мюррея, Кэролайн Уильямс, Джона Киза, Кристиана Райли, Эмми Роджерс и в особенности Каролин МакКрей, которая помогала сдвигать это повествование с мертвой точки своими возражениями и сомнениями. И конечно же, Дэвида Сильвиана, который был моей правой рукой на всех этапах работы и после. Я не могу не выразить громкой благодарности Джо Конрату за все его усилия, направленные на то, чтобы это повествование получилось как можно лучше. А напоследок, конечно же, особый поклон четырем людям, играющим важные роли в моей карьере: моему редактору Лисе Кёш и ее коллеге Аманде Бержерон; моим агентам Руссу Галену и Дэнни Барору. И как всегда, я должен подчеркнуть, что ответственность за любые, да и вообще за все ошибки и неточности в фактах и деталях ложится всецело на мои плечи.

Теперь Ребекка. Я хочу поблагодарить всех, кто работал изо всех сил, помогая вытащить эту книгу, да и меня саму на свет Божий, в том числе моих превосходных агентов Элизабет Эванс, Мэри Элис Кейр, Энн Коттл и Лису Кёш из издательства «Харпер». Этот роман и другие мои романы стали значительно интереснее благодаря великолепной редакторской группе Коны Инк, состоявшей из Кэтрин Уодсворт, Джудит Хит, Карен Холингер и Дэвида Деардорфа. Это было трудное путешествие, и я не смогла бы осилить его без постоянной и твердой поддержки моего надежного супруга и замечательного сына, экспертов по оружию для защиты семьи. Благодарю также и Джеймса за то, что пригласил меня принять участие в этой работе.

Пролог

73 год н.э., весна
Масада, Израиль

Мертвые продолжали петь.

В трехстах футах над головой Елеазара звучал хор девятисот иудейских повстанцев, словно назло римскому легиону, стоящему перед воротами крепости. Защитники поклялись, что лишат себя жизни, но не сдадутся. Эти заключительные молитвы, звучащие с высоты и обращенные к Небесам, эхом раскатывались по туннелям, прорытым внизу вокруг центральной части горы Масада.

Мысленно простившись со стоящими под горьким палящим солнцем обреченными людьми, Елеазар усилием воли оторвал свой пристальный взгляд от крыши коридора, пробитого в известняковой скале. Как он хотел сейчас стоять позади них и петь с ними, с теми, кто должен будет отдать свою жизнь в последнем бою. Но судьба предрекла ему другое место.

Иной путь.

Он держал в руках этот драгоценный предмет; нагретый солнцем камень, размером с новорожденного ребенка, лежал у него на руке между ладонью и локтем. Бережно прижимая камень к груди, он протиснулся в грубо прорубленный проход, ведущий к центру горы. Каменотесы заложили

зев прохода камнями. Никто из живых не мог последовать за ним.

Семь сопровождающих его воинов с факелами в руках выстроились в цепь впереди него. Мысленно они все еще наверняка были со своими братьями, с теми девятью сотнями воинов, оставшихся наверху, на залитом солнцем плато. Крепость пребывала в осаде уже не один месяц. Десять тысяч римских легионеров, расположившихся вокруг и разбив немыслимое число лагерей, окружили эту гору с расположенным на вершине городом-крепостью столь плотным кольцом, что ни один человек не мог ни войти, ни выйти из него. Закончив песнопение, восставшие поклялись лишить жизни и самих себя, и членов своих семей еще до того, как римляне преодолеют крепостные стены. Они молились, готовя себя к тому, чтобы убить невинных.

Мое место среди них.

Миссия Елеазара была столь же тяжкой, как камень в его руках. Его мысли постоянно возвращались к тому, что ожидало их внизу. Подземный храм. Он провел много часов в молитве в этом храме, стоя на коленях на каменных плитах, пригнанных настолько плотно друг к другу, что и муравей не смог бы проползти между ними. Он досконально изучил гладкие стены храма и его высокий сводчатый потолок. Его восхищала превосходная ручная работа мастеров, трудом своим сотворивших это святое место.

Но даже и тогда не осмелился он смотреть на саркофаг, стоящий в этом храме.

Та *нечестивая, порочная* надпись передавала *самое святое* слово Всевышнего.

Он плотнее прижал камень к груди.

Прошу тебя, Всевышний, освободи меня от этого бремени.

Эта последняя молитва, как и тысячи предыдущих, осталась без ответа. Жертвы восставших, оставшихся наверху, должны быть прославлены. Источник их ужасающей решимости и воли должен служить более возвышенной цели.

Дойдя до сводчатого входа в храм, Елеазар не мог решиться сделать шаг внутрь. Воины из его свиты, теснясь

и толкая друг друга, занимали привычные места. Прижавшись лбом к холодной стене, он молил Всевышнего смягчить его страдания.

Никто не вышел из храма.

Его пристальный взгляд метался из стороны в сторону, пытаясь увидеть то, что происходит внутри. Мерцающий свет факелов, дрожащие тени на каменных блоках, из которых была сложена арочная крыша... Струи дыма, завиваясь, поднимались вверх, ища выход, но выхода не было.

Выхода не было не только для дыма, но и ни для кого из них.

Наконец его глаза остановились на той самой девочке, которую держали воины, на ее коленках. При взгляде на нее у Елеазара от жалости защемило сердце, но при этом он ни на секунду не забыл о возложенной на него миссии. Он надеялся, что она закроет глаза и ему не придется смотреть в них, когда наступит ее конец.

Вода в глазах...

Вот так его давно умершая сестра описывала эти невинные глаза, глаза своей дочери, своей маленькой Азувы.

И вот сейчас Елеазар пристально смотрел в глаза своей племянницы.

Все еще детские глаза — но на него смотрели отнюдь не глаза ребенка. Она уже успела повидать такое, чего ребенок видеть не должен. А скоро она уже ничего не сможет увидеть.

Прости меня, Азува.

Шепча последнюю молитву, он подошел к освещенному факелами саркофагу. Слабеющий огонь факелов отражался от беспокойных глаз одного из семи воинов, ожидающих его. Много дней сражались они с римлянами, зная, что для них концом битвы явится их собственная смерть, но такой конец их не радовал. Он кивнул им и человеку в мантии, стоявшему среди них. Девять взрослых мужчин собрались для того, чтобы принести в жертву ребенка.

Стоявшие рядом с девочкой мужчины поклонились Елеазару, словно святому. Но не знали они правды: не знали,

насколько нечистым он был. Только он да еще тот, кому он служил, знали это.

У всех мужчин были кровавые раны; некоторым их нанесли римляне, другие получили свои раны от девушки, которую они пленили.

Пурпурное одеяние, которое на нее надели против ее воли, было слишком велико для нее, и она казалась в нем еще меньше, чем была на самом деле. Ее грязные руки сжимали разорванную куклу, сшитую из смуглой кожи, цвет которой был таким, какой бывает после загара в Иудейской пустыне; одна пуговица, пришитая вместо глаза, была оторвана.

Сколько же лет назад он подарил ей эту куклу? Елеазар помнит, каким восторгом вспыхнуло ее худенькое личико, когда он, опустившись на колени, протянул ей ее. Вспомнил, как раздумывал над тем, сколько солнца могло попасть в это маленькое тело, чтобы лицо девочки излучало такой свет, так ярко сияло оно радостью и весельем при виде такого скромного подарка, сшитого из кожи и материи.

И вот он искал ее лицо сейчас, искал тот самый солнечный свет.

Но видел лишь смотрящую на него темноту.

Она, оскалив зубы, зашипела.

— Азува, — обратился он к ней.

Глаза, когда-то спокойные и прелестные, как глаза лани, посмотрели на него с дикой ненавистью. Она глубоко вдохнула и плюнула горячей кровью ему в лицо.

Елеазар пошатнулся, с изумлением почувствовав что-то мягкое, шелковистое на лице и ощутив железный запах крови. Дрожащей рукой он обтер лицо. Опустившись перед ней на колени, кусочком ткани стер кровь с ее подбородка и сразу отбросил от себя запачканную кровью тряпочку.

А потом он услышал это.

И она тоже.

Елеазар и Азува одновременно вскинули головы. Из всех, кто был в храме, только они слышали пронзительные крики, донесшиеся сверху, с плато на вершине горы. Толь-

ко они узнали, что римляне пробились сквозь ряды защитников крепости.

Резня наверху началась.

Человек в мантии, заметив их движение, сразу понял, что произошло.

— У нас нет больше времени.

Елеазар посмотрел на человека в пыльной коричневой мантии, старшего среди них, того, который требовал, чтобы этого ребенка крестили, несмотря на весь царивший кругом ужас. Годы избороздили морщинами бородатое лицо старшего. Мрачные, непроницаемые глаза были закрыты. Губы беззвучно произносили молитву. Лицо выражало твердость человека, уверенного в своей непогрешимости.

Наконец эти святые глаза снова раскрылись и нашли лицо Елеазара; они смотрели так, словно хотели проникнуть в его душу. И это вызвало в его памяти другой взгляд другого человека, и было это много лет назад.

Дабы скрыть стыд, Елеазар отвернулся.

Воины обступили раскрытый каменный саркофаг в центре храма. Вырубленный в цельной глыбе известняка, он мог вместить в себя трех взрослых мужчин. Но вскоре он станет местом заточения лишь для одной этой маленькой девочки.

Во всех углах тлели погребальные костры из мирты и ладана. В их благовонном аромате Елеазар ощущал и другие запахи, вызывающие тревогу: запахи горьких солей и едких пряностей, подобранных и смешанных так, как предписывалось в древних наставлениях ессеев[1].

Все было готово к свершению ужасного действа.

Елеазар в последний раз склонил голову, моля Всевышнего направить их по иному пути.

Возьми меня, но не ее.

Но каждому из них в соответствии с ритуалом предназначалось исполнить назначенную ему роль.

---

[1] Ессеи — название иудейской секты, существовавшей, по предположениям, в период земной жизни Христа, но не упомянутой в Библии.

Девушки, лишенной невинности.

Рыцаря Христова.

Воителя.

Одетый в мантию старший заговорил. Его замогильный голос ни разу не дрогнул.

— На то, что мы должны совершить, есть воля Всевышнего. Ради сохранения ее души. И душ остальных. Так берите же ее!

Но не все пришли сюда по доброй воле.

Азува вырвалась из державших ее рук и бросилась к выходу, проворная, как молодая косуля. Лишь один Елеазар смог опередить и поймать ее. Он ухватил девушку за запястье. Она отбивалась, стараясь разжать его руку, но он был сильнее. Мужчины обступили их. Азува, прижав к груди куклу, бросилась на колени. Она выглядела такой несчастной и маленькой.

Старший подал знак стоящему рядом воину.

— Да свершится.

Шагнув вперед, воин ухватил руку Азувы, вырвал из нее куклу и отшвырнул ее прочь.

— Нет! — с плачем выкрикнула она; это было первое слово, вылетевшее из ее слабого горла, произнесенное жалким, детским голосом.

Азува снова вырвалась и с неистовой силой бросилась вперед. Она прыгнула на ненавистного ей война, обхватила ногами его талию и, свалив его на каменный пол, вцепилась зубами и ногтями ему в лицо.

Два других воина бросились ему на помощь. Оттащив взбешенную девочку, они прижали ее к полу.

— Тащите ее в усыпальницу! — приказал старший.

Двое державших ее мужчин застыли в нерешительности, попросту опасаясь сделать хоть какое-то движение. Ребенок, казалось, подчинил их своей воле.

Елеазар видел, что ее озлобление вызывают не воины, прижавшие ее к полу. Ее взгляд был прикован к тому, чего она только что лишилась.

Он поднял разорванную куклу и положил ее перед окровавленным лицом девочки. Когда она была младше, именно

это часто успокаивало ее. Игрушка как живая дрожала в его руке. Порывшись в ворохе воспоминаний, роившихся в его голове, Елеазар увидел ее вместе со смеющимися сестрами, играющими под ясным солнцем этой самой куклой.

При виде куклы ее взгляд смягчился, стал менее суровым. Азува перестала биться и, высвободив одну руку из сжимавшей ее мужской руки, протянула ее к кукле.

Когда ее пальцы коснулись игрушки, ее тело обмякло, словно она покорилась судьбе, поняв, что избежать ее невозможно. Как это бывало с нею в раннем детстве, она обрела свое единственное утешение — свою подругу-куклу. Азува не хотела идти во тьму одна. Поднеся игрушку к лицу, она прижала крохотный куклин носик к своему носу — так она в детстве успокаивала себя.

Елеазар жестом руки приказал мужчинам отойти и поднял успокоившуюся девочку. Он бережно прижал ее холодное тело к своей груди, и она, как это бывало в прежние времена, прильнула к нему. Он молился, прося Всевышнего дать ему силы на то, чтобы исполнить это праведное действо. Камень, который он прижимал к телу свободной рукой, напомнил ему о клятве, которую он дал.

Старший, стоящий в стороне, затянул молитвы, связывая воедино жертву, принесенную наверху, и эту жертву в подземном храме, используя старинные магические заклинания, священные слова, подбрасывая при этом щепотки ладана в маленькие погребальные костры. А в это время на плоской вершине горы восставшие лишали жизни своих соплеменников, спасая их от римлян, пробившихся через ворота.

Эта трагическая расплата кровью создавала долг, покрыть который надо было здесь.

Держа в руке камень, Елеазар вместе с девочкой приблизился на несколько шагов к саркофагу, который к этому времени почти наполнился до самых краев, жидкость в нем чуть шумела, и ее поверхность поблескивала в свете факелов. Сейчас это была *миква* — ритуальная ванна, в которую погружаются желающие совершить очистительное омовение.

Но не благословенная вода, а *вино* наполнило ванну. Повсюду на полу стояли пустые глиняные кувшины.

Подойдя к усыпальнице, Елеазар заглянул в ее черную глубину. При свете факелов вино казалось кровью. Азува уткнулась лицом ему в грудь. А его самого переполняла горькая печаль.

— Давай, — приказал старший.

Прижав в последний раз маленькое тело девочки к себе, он услышал, как она всхлипнула. Елеазар посмотрел в темный дверной проем. Он мог бы еще спасти ее тело, но только в том случае, если обречет ее душу на вечные муки, а также и свою. Намеченное ужасное действо было единственным праведным путем ее спасения.

Воин самого высокого ранга, приняв девочку из рук Елеазара, держал ее над раскрытой усыпальницей. А она прижимала к груди куклу, в ее глазах застыл ужас, когда он наклонил ее над поверхностью вина. И остановился. Она отыскала глазами глаза Елеазара. Он протянул к ней руку, но почти сразу отдернул ее назад.

— Да будет благословен господин наш Всевышний, пребывающий на Небесах, — речитативом произнес старший.

А над ними вдруг смолкли все песнопения. Азува склонила голову, как будто тоже услышала это. Елеазар представил себе кровь, впитывающуюся в песок и проникающую вниз, в глубь горы. Все должно быть сделано немедленно. Многие смерти наверху дали сигнал к тому, чтобы закрыть усыпальницу — то будет финал этого мрачного действа.

— Елеазар, — промолвил старший. — Пора.

Елеазар держал в руках бесценный камень, священный секрет которого заключался в том, что подвинуть его вперед можно было, только приложив к нему большое усилие. Держа камень в руках, Елеазар почти не чувствовал его веса — сердце заставляло его глубоко и часто дышать.

— Этому суждено свершиться, — сказал человек в мантии, и сейчас его голос звучал мягче, чем прежде.

Елеазар не поверил этому голосу, а потому и не ответил. Он подвинул девочку ближе.

Старший опустил ее в вино. Она, барахтаясь в темной жидкости, хваталась маленькими пальчиками за каменные стенки своего гроба. Красная жидкость, перехлестывая через края, растекалась по полу. Ее глаза с мольбой смотрели на Елеазара, когда он клал камень, который до этого держал в руках, ей на грудь — а потом нажал на него. Под действием веса камня и усилия его дрожащей руки ребенок глубоко погрузился в винную ванну.

Азува больше не сопротивлялась и лишь плотнее прижимала куклу к груди. Она лежала так спокойно, словно уже была мертвой. Ее губы двигались, произнося слова, которые были не слышны, потому что ее маленькое лицо было под слоем вина.

Какими же были эти последние слова?

Елеазар знал, что этот вопрос будет тревожить его до конца дней.

— Прости меня, — задыхаясь, произнес он. — И прости ее.

Вино, пропитавшее рукава его сутаны, казалось, жгло ему кожу. Все время, пока старший не закончил молитвы, он смотрел на ее недвижное тело.

И время это показалось ему вечностью.

Наконец молитва закончилась и можно было встать. Утопленная Азува осталась на дне, навеки придавленная весом священного камня, ставшего ее вечным стражем. Елеазар сотворил молитву о том, чтобы это действо очистило ее душу, о вечном раскаянии за порчу, которую она несла в себе.

Моя маленькая Азува...

Он рухнул на саркофаг.

— Закрыть его, — приказал старший.

Известняковая плита, поддерживаемая веревками, опустилась на свое прежнее место. Мужчины замазали стыки плиты и саркофага жидкой смесью золы и извести, чтобы связать камни между собой.

Елеазар провел ладонями по стенам ее темницы, словно это прикосновение успокаивало ее. Но ей уже не нужно было успокоения.

Он приник лбом к суровому бездушному камню. Это был единственно возможный путь. Все было сделано во имя высшего блага. Но все эти правдивые доводы не облегчают боли. Ни его боли, ни ее.

— Ну, пошли, — сказал старший. — Мы сделали то, что должно было быть сделано.

Елеазар с шумом наполнил легкие грязным зловонным воздухом. Воины, кашляя, направились к выходу, шаркая по каменному полу. А он стоял один вместе с ней, покоящейся в сырой усыпальнице.

— Ты не можешь дольше оставаться здесь, — обратился к нему старший, стоя в дверном проеме. — Ты должен идти другим путем.

Елеазар, спотыкаясь, пошел на голос; слезы, застилавшие глаза, почти ослепили его.

Как только они уйдут, усыпальница будет скрыта, проход к ней исчезнет. Ни одно живое существо не запомнит места, где он находится. Любой, кто осмелится пройти к нему, лишится жизни.

Елеазар почувствовал на себе пристальный взгляд старшего.

— Ты сожалеешь о том, что дал клятву? — спросил он. В его голосе слышались жалость и сочувствие, но также и неколебимая твердость.

Эта твердость и явилась причиной того, что Христос называл их старшего «Петрус», что значит «Камень». Он был апостолом, которому суждено было стать основателем новой Церкви.

Елеазар встретил этот пристальный каменный взгляд.

— Нет, Петр, я не сожалею.

Часть I

Призирает на землю, и она трясется;
прикасается к горам, и дымятся.
Псал. 103:32

Глава 1

26 октября, 10 часов 33 минуты
по местному времени
Кесария, Израиль

Доктор Эрин Грейнджер осторожно обмахивала мягкой кисточкой древний череп. По мере того как с него слетала пыль, она своими глазами ученого внимательно рассматривала тонкие линии стыков костей, открытый родничок. Ее внимательный взгляд оценивал степень омозолелости, судя по которой этот череп мог принадлежать новорожденному и, судя по форме тазовой кости, мальчику.

Ему было всего несколько дней от роду, когда он умер.

Она продолжала освобождать скелет ребенка от земли и песка, при этом со стороны сама казалась женщиной, рисующей лежащего на боку младенца, колени которого были прижаты к груди, а пальчики тонких ручек сжаты в кулачки. Считали ли его родители удары его сердечка, целовали ли его невероятно нежное теплое тельце; поняли ли они, что биение этого маленького сердечка остановилось?

Как это произошло с ее новорожденной сестрой.

Эрин закрыла глаза, ее рука, держащая кисть, замерла в воздухе.

Ну, всё.

Открыв глаза, она, прежде чем снова заняться скелетом, поправила непокорную прядь белых волос, выбившуюся

из зачесанного назад «конского хвоста». Она выяснит, что произошло здесь много сотен лет назад. Ведь смерть этого младенца, так же как и смерть ее сестры, не была случайной. Но этот мальчик умер в результате насильственных действий, а не по неосторожности.

Она продолжала работать, рассматривая положение, в котором находились конечности ребенка. Прежде чем придать тело земле, кто-то изрядно потрудился, восстанавливая его прежнее состояние, но усилия этого человека не смогли скрыть поломанные и недостающие кости, что свидетельствовало о проявленной к ребенку жестокости. Даже прошедшие две тысячи лет не смогли скрыть следы преступления.

Отложив в сторону кисть, Эрин сделала еще одно фото. Время окрасило кости в тот же самый светло-коричневый цвет, почти неотличимый от цвета этой суровой земли, в которой они покоились, но она с такой осторожностью откапывала скелет, что сохранила формы костей. Однако потребуется еще много часов напряженного труда на то, чтобы откопать из земли остальные кости.

Эрин опустилась с одного колена, допекающего ее ноющей болью, на другое. В свои тридцать два года она вряд ли могла считаться старой, но сейчас она чувствовала себя именно такой. Грейнджер провела в котловане не больше часа, но колени уже дали знать о себе. В детстве она слишком много времени проводила в молитвах, стоя на коленях на твердом земляном полу церкви. Тогда Эрин, не чувствуя никакой боли в коленях, могла простоять на них и полдня, если этого требовал ее отец, — однако после стольких лет, в течение которых она пыталась забыть свое прошлое, возможно, она и не сохранила в памяти столь малозначащего факта, как боль в коленях.

Морщась от боли, Эрин поднялась и потянулась, вскинув голову и оглядываясь вокруг, стоя в котловане, глубина которого была ей по пояс. Прохладный морской бриз приятно обдувал ее горячее лицо, унося прочь воспоминания. Слева стояли лагерные палатки, ветер раздувал их пологи, рассеивая песок по площадке, предназначенной для последующих раскопок.

Попавшая в глаз песчинка ослепила ее, и только после дюжины морганий она смогла смотреть на белый свет. Песок был здесь повсюду. Каждый день ее волосы из белокурых превращались в коричнево-рыжие — такой был цвет израильской пустыни. Ее носки, поверх которых она надевала кеды, были похожи на наждачную шкурку, под ногтями у нее постоянно был песок, даже во рту постоянно ощущался вкус песка.

Тем не менее, глядя на пластиковую желтую ленту, окружающую зону ее археологических раскопок, Эрин не могла сдержать сияющую улыбку радости от того, что под ее кедами покоится сейчас древняя история. Пятно ее раскопок находилось в центре древнего ипподрома, скакового круга колесниц. Перед ним простиралось вечное Средиземное море. Солнечные лучи придавали воде цвета индиго какой-то нереальный металлический оттенок. Тянувшиеся за ее спиной длинные ряды древних каменных сидений, разделенные на ярусы, смотрелись как свидетельство деяний умершего две тысячи лет назад царя, архитектора города Кесария: бесславного царя Ирода, отвратительного убийцы невинных младенцев.

Конское ржание, плывущее над скаковым кругом, звучало в ее ушах, но не как эхо прошлого — оно доносилось из временной конюшни, наспех построенной на дальнем конце ипподрома. Местная группа готовилась к пробным скачкам. Скоро ипподром возродится, снова вернется к жизни, но, возможно, всего на несколько дней.

Она не могла этого дождаться.

Но до этого и ей, и ее студентам предстояло довести до конца еще много дел.

Положив ладони на бедра, Эрин пристально смотрела на череп убитого младенца. Возможно, уже сегодня во второй половине дня она сможет покрыть этот крошечный скелет гипсом и приступить к трудоемкому процессу выемки его из земли. Ей очень хотелось поскорее доставить его в лабораторию, где и провести подробное исследование. Там кости расскажут ей намного больше того, что она могла бы узнать непосредственно на месте раскопок.

Эрин опустилась на колени рядом с младенцем. Ее озадачило то, что она увидела на его бедре. На нем по всей длине виднелась какая-то вмятина в форме зубчатой каймы. Она наклонилась, чтобы получше рассмотреть бедро, и ее спине, которую обдувал прохладный ветерок, вновь стало жарко.

Может быть, это следы чьих-то зубов?

— Профессор? — громкий с техасским акцентом голос Нейта Хайсмита, нарушив тишину, прервал ее задумчивость.

Она, проворно поднявшись с колен, оперлась локтями о деревянные распорки, защищающие котлован от всепроникающего песка.

— Прошу прощения, — обратился к ней ее аспирант, склонив голову.

Накануне Эрин обратилась ко всем со строгим указанием не беспокоить ее в это утро, и вот на тебе — он все-таки потревожил ее. Удерживая себя от того, чтобы не накричать на него, она достала флягу в потрепанном чехле и сделала долгий глоток чуть теплой воды. После нее во рту остался такой привкус, как будто она долго держала в нем ложку из нержавеющей стали.

— Ладно, невелика беда, — сухо произнесла Эрин.

Она приложила ко лбу сложенные козырьком пальцы свободной руки и, сощурясь, посмотрела на него. Он стоял на краю котлована, а за его спиной безжалостно светило солнце. На нем была низко надвинутая стетсоновская соломенная шляпа, потертые джинсы и полинявшая клетчатая рубашка, закатанные рукава которой демонстрировали его хорошо развитые бицепсы. Эрин подозревала, что он специально закатал рукава, дабы поразить ее. Но это, конечно же, не сработает. В последние несколько лет, полностью посвятив себя работе, Эрин внушила себе, что единственный мужчина, которого она нашла бы достойным внимания, ушел из жизни уже несколько веков назад.

Она внимательно осмотрела площадку, покрытую песком и усеянную камнями. Возле выданной ее группе радарной установки для подземных исследований не было ни одного человека, и она больше походила на пескоструй-

ный агрегат или на газонокосилку, чем на высокотехнологичный прибор, позволяющий заглянуть под землю и под камни.

— Почему вы не занимаетесь порученным вам картографированием этого квадранта?

— Я занимался этим, профессор.

Его голос сделался более тонким, что бывало всегда, когда он волновался. В такие минуты у него также начинала дергаться бровь.

Нейт что-то нашел.

— В чем дело?

— Вы не поверите, если услышите то, что я вам скажу.

Нейт подпрыгивал на месте, готовый броситься показывать ей свою находку.

Эрин улыбнулась, потому что он был *прав*. Что бы это ни было, она не поверит ему, пока не увидит это собственными глазами. Это была своего рода мантра[1], которую она вколачивала в головы своим студентам. *Предмет не существует до тех пор, пока вы не выкопаете его из земли и не возьмете его в ваши собственные руки.*

Для того чтобы защитить свое рабочее место и из уважения к костям ребенка, Эрин осторожно накрыла скелет куском брезента. После этого Нейт наклонился и помог ей выбраться из глубокого котлована. Как обычно, он задержал ее руку в своей на секунду дольше, чем это было необходимо.

Стараясь не хмуриться, она высвободила свою руку из его руки и стряхнула пыль с колен своих джинсов. Нейт, сделав шаг назад, отвел глаза в сторону, видимо понимая, что и на этот раз он переступил черту дозволенного. Эрин не бранила его. Да и какая в этом польза? Замечая внимание, которое оказывали ей мужчины, она редко поощряла их в этом, но никогда не выходила за рамки пристойности. На раскопках Эрин, как и остальные женщины, таскала землю, не пользовалась косметикой и избегала романтических контактов. Хотя она и была среднего роста, но о ней говори-

[1] М а н т р а — священный текст, заклинание, молитва.

ли, что она держится так, будто как минимум на фут выше. Именно такого поведения требовала от нее профессия, к тому же она была еще и молодой женщиной.

Там, дома, у нее были отношения, но Эрин так и не привязалась и не прикипела ни к кому. В конце концов, большинство мужчин решили, что она внушает страх, а это, отпугнув от нее многих, сделало ее привлекательной для других.

Таких, как Нейт.

К тому же он хорошо проявил себя на работах в поле и обладал большими знаниями в области геофизики. Этому способствовал его интерес к ней, и их отношения упрощались сами собой.

— Ну, показывайте.

Эрин повернулась в сторону палатки цвета хаки, где хранилось оборудование. Если показывать будет нечего, то можно будет хоть на короткое время укрыться от этого нестерпимо палящего солнца.

— У Эмми вся информация в ноутбуке. — Нейт пошел через площадку. — Это просто джекпот, профессор. Мы взяли хороший *честный* джекпот.

Эрин подавила улыбку, удивляясь его энтузиазму, и ускорила шаги, чтобы не отставать от своего длинноногого спутника. Ее восхищала его страстность, но, подобно жизни, в археологии не удается ухватить джекпот в результате работы, занявшей лишь одно утро. Иногда впустую проходят многие десятилетия...

Эрин, поднырнув под полог палатки, придержала его открытым, давая пройти Нейту, который, войдя в нее, тут же снял шляпу. Солнечные лучи не падали прямо на палатку, и от этого внутри было на несколько градусов прохладнее, чем снаружи.

Жужжащий электрический генератор питал ноутбук и допотопный, дышащий на ладан металлический вентилятор, который направлял струю воздуха прямо на Эмми, двадцатитрехлетнюю студентку-преддипломницу из Колумбии. Эта темноволосая женщина больше времени проводила в палатке, чем снаружи. Банка с диетической кока-

колой, стоявшая перед ней на столе, была покрыта каплями воды. Слегка располневшая и утратившая форму, Эмми не проводила многие годы под палящим солнцем, ради того чтобы закалить себя и подготовить к малоподвижной археологической работе в поле, но она обладала тонким технологическим чутьем. Щелкая пальцами одной руки по клавиатуре, Эмми другой рукой дала знак Эрин и ее спутнику подойти поближе.

— Профессор Грейнджер, вы не поверите своим глазам.

— Это я уже неоднократно слышала, пока шла сюда.

В палатке находился еще и третий ее студент. Похоже, все *единогласно* решили прекратить работу, для того чтобы исследовать находку Нейта. Хайнрих навис над плечом Эмми. Флегматичный двадцатичетырехлетний студент из Сводного университета в Берлине, которого трудно было заставить в чем-либо усомниться. Для него оставить на время свою работу означало признать, что находка поистине значительная.

Карие глаза Эмми словно прилипли к экрану.

— Программа все еще работает над увеличением изображения и улучшением его качества, но я думаю, вы не прочь посмотреть на него уже сейчас.

Эрин отстегнула тряпицу, пристегнутую к поясу, и вытерла пот с лица.

— Эмми, пока я не забыла, этот скелет младенца, который я откопала... Я увидела необычные отметины и прошу тебя их сфотографировать.

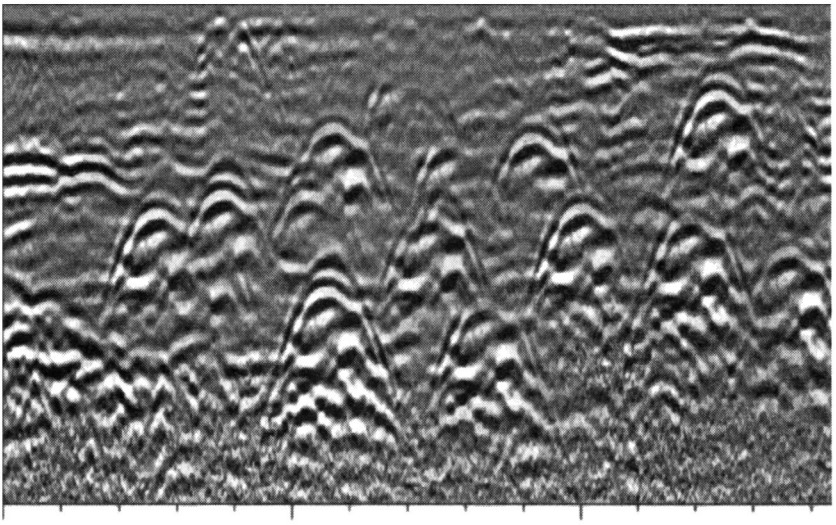
Эмми согласно кивнула, но Эрин подозревала, что она не услышала ни единого слова, сказанного ей.

Нейт нервно вертел в пальцах свою шляпу.

Так что же они нашли?

Эрин подошла ближе и встала рядом с Хайнрихом. Эмми откинулась на спинку своего металлического стула так, чтобы начальнице был лучше виден экран.

На экране ноутбука появилось горизонтальное сечение изображений, отсканированных Нейтом нынешним утром и представленных в системе трехмерной сейсмики. Каждое изображение представляло картину горизонтального се-

чения почвы на различной глубине в восьмом квадранте. Изображения представляли собой квадратные срезы серой почвы с нанесенными на них черными линиями в форме парабол — казалось, что этот рельеф образовался вследствие ряби, созданной осушающим ветром на поверхности жидкой почвы. Но черные линии представляли твердую субстанцию.

Сердце Эрин забилось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из горла. Не веря своим глазам, она еще ниже наклонилась над экраном.

На этой грязевой луже было великое множество волн. За десять лет, в течение которых она выезжала на раскопки, ей не доводилось видеть ничего подобного. Да и не только ей — вообще никому.

Этого не может быть.

Не обращая внимания на недовольно сжатые губы Эмми, она провела пальцем по контуру параболы на экране. Эмми буквально тряслась от злости, когда кто-либо касался руками экрана ее ноутбука, но Эрин должна была убедиться в том, что это правда, — то есть *потрогать* это собственноручно.

Придя в себя, она с трудом заговорила, однако в ее голосе слышалась надежда:

— Нейт, какого размера площадь вы отсканировали?

Тот ответил сразу и без колебаний:

— Десять квадратных метров.

Она искоса посмотрела на него.

— Всего десять метров? Вы уверены?

— Вы же сами обучали меня использовать РОН[1], помните? — Он с гордым видом откинул голову. — Причем очень старательно и дотошно.

Эмми рассмеялась.

Эрин, не замечая ничего, продолжала расспросы:

— Это результат с учетом поправки?

— Да, профессор, — со вздохом ответил он. — С учетом всех поправок.

Эрин почувствовала, что этими вопросами, касающимися его умения и квалификации, она уязвила его самолюбие, но достоверность для нее была превыше всего. Она доверяла приборам, но людям, работающим с ними, она доверяла не всегда.

— Я сделал все, — сказал Нейт, склонившись к ней. — И, предвосхищая ваш вопрос, скажу, что сигнатура[2] в точности такая же, как и у скелета, который вы только что откопали.

В точности такая же? Так, значит, возраст этого слоя земли две тысячи лет. Эрин снова посмотрела на картинку, будоражившую ее воображение. Если эти данные верны... она, конечно, должна в этом убедиться, но если все окажется именно так, то каждая парабола — это человеческий череп.

---

[1] РОН — регистр общего назначения; регистр центрального процессора, в котором, кроме операций пересылок данных, можно выполнять логические и арифметические команды.

[2] Сигнатура — специфическое содержимое памяти, характеризующее объект.

— Я сделал предварительный расчет, — перебил ее размышления Нейт. — Их более пятисот. И ни один из них не превышает в диаметре четырех дюймов.

Четырех дюймов...

Это не просто черепа — это черепа *младенцев.*

Сотен младенцев.

Эрин прочитала про себя отрывок из Евангелия от Матфея: «Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов»[1].

То самое избиение младенцев. Как утверждается, Ирод приказал сотворить это, дабы быть абсолютно уверенным, что он убьет того самого младенца, которого опасался, поскольку придет день, когда этот младенец займет его трон и станет вместо него царем иудеев. Но его замысел тем не менее потерпел крах. Этот младенец скрылся в Египте, а когда вырос, то стал мужем, известным под именем Иисуса Христа.

Так неужели ее группа нашла трагическое подтверждение деяниям Ирода?

Глава 2

26 октября, 13 часов 03 минуты
по местному времени
Масада, Израиль

Пот разъедал глаза Томми. Брови уже не сдерживали его. Благодаря снова химиотерапии.

Он ступил на другой голыш цвета верблюжьей шерсти. Все камни на этом крутом подъеме были одного цвета, и каждый из них слишком горяч, чтобы сесть на него. Он сдвинул ниже свою ветровку, так чтобы та, закрыв ноги, послужила подстилкой между его брюками и обжигающей поверхностью камня. Как обычно, Томми задерживал всю

[1] Мф. 2:16.

группу. И как обычно, он оказался слишком слабым, чтобы преодолеть подъем без перерывов на отдых.

Он старался отдышаться и перевести дух. Палящий воздух был редким и сухим. Да и достаточно ли в нем кислорода? У его спутников-скалолазов, казалось, не было никаких затруднений с дыханием. Все выглядело так, словно он, дедушка, катался по американским горкам в компании четырнадцатилетних парней. Сейчас ему даже были не слышны их голоса.

Этот каменистый подъем — названный Змеиной тропой — извивался, ползя вверх по почти вертикальным откосам бесславной горы Масада. Всего несколько ярдов было до ее вершины, на которой еще стояли руины древней иудейской крепости. Со своего места на ведущей наверх тропе Томми видел лежащую внизу Иорданскую долину и ее сухую, выгоревшую землю.

Томми отер пот с глаз. Живший в округе Оринджᵃ, он считал себя привычным к жаре. Но то, что было здесь, походило на ползанье внутри раскаленной печи.

Его голова качнулась вперед. Снова захотелось спать. Как ему хотелось положить щеку на прохладную простыню в отеле и хорошенько подремать в прохладном кондиционированном воздухе! А потом, если он почувствует себя лучше, с удовольствием поиграл бы в видеоигры...

Томми судорожным движением стряхнул с себя дремоту. Это было совсем неподходящее время для дневного сна. Но ведь он так устал, а в пустыне было так тихо... В отличие от людей, животные и жуки обладали достаточной ловкостью и смекалкой для того, чтобы спрятаться от дневной жары. Сейчас вокруг царило непроницаемое безмолвие. А после смерти будет так же?

— Ты в порядке, дорогой мой? — спросила его мать.

Томми вздрогнул. Почему он не слышал, как она подошла? Неужели снова заснул?

ᵃ О р и н д ж — один из крупнейших округов в США, расположен в Южной Калифорнии между побережьем Тихого океана и Национальным Кливлендским лесным заповедником.

— В полном порядке, — ответил он сиплым голосом.

Мать закусила губу. Они все знали, что дело его плохо. Томми приподнял манжету над новым кофейно-коричневого цвета пятном, обезобразившим его левое запястье.

— Мы можем ждать тебя столько, сколько тебе будет нужно. — Она тяжело опустилась на камень рядом с ним. — Интересно, почему они назвали этот подъем Змеиной тропой? Лично я не видела ни одной змеи.

Говоря с ним, мать смотрела на его подбородок. Его родители теперь очень редко встречались с ним глазами, а когда такое все-таки случалось, они плакали. И это продолжалось в течение двух последних лет, отданных хирургии, химиотерапии, радиационному облучению, — и вот теперь повторение всего этого по причине рецидива.

Возможно, в последний раз они посмотрят на его лицо, когда он ляжет в гроб.

— Сейчас слишком жарко для змей.

Из-за частого и хриплого дыхания ему был ненавистен его собственный голос.

— Да, они превратились бы в змеиные стейки. — Мать сделала долгий глоток из бутылки с водой. — Обжаренные под солнцем и готовые к употреблению. Да и мы такие же.

Торопливой походкой подошел его отец.

— У вас все в порядке?

— Я просто решила сделать короткий привал, — соврала мать, скрывая немощь сына. Она намочила свой носовой платок и протянула его Томми. — Я устала.

Томми хотел поправить ее, сказать отцу правду, но был сейчас слишком слаб. Он провел мокрым платком по лицу.

Отец торопливо заговорил, что бывало с ним всегда, когда он нервничал:

— Мы уже совсем рядом. Всего несколько ярдов, и мы увидим крепость. Настоящую крепость Масада. Попробуй представить ее себе.

В знак согласия Томми закрыл глаза, но представил себе плавательный бассейн. Голубой, с прохладной водой, пахнущей хлором.

— Десять тысяч римских воинов расположились в шатрах лагерем вокруг нее. Воины с мечами и щитами ждали под солнцем. Они перекрыли все возможные пути отхода, пытаясь уморить голодом девятьсот мужчин, женщин и детей, остававшихся на плато. — Отец, помолчав секунду, заговорил быстрее, речь его стала еще более взволнованной и эмоциональной: — Но восставшие стояли насмерть до самого конца. И даже после него. Они так и не сдались.

Томми натянул шляпу, которой была прикрыта его голая голова, почти до самых глаз и, сощурившись, посмотрел на отца.

— В конце концов, папа, они ведь убили себя.

— Нет, — со страстью в голосе возразил отец. — Иудеи предпочли умереть свободными людьми, но не сдаваться на милость римлян. Но они не убили себя после капитуляции. Они выбрали свою судьбу. Выбор такого рода определяет то, каким человеком ты являешься.

Томми поднял с земли горячий камень и сбросил его с тропы вниз. Камень покатился, а потом исчез за краем обрыва. Что сделает отец, если он сам выберет свою судьбу? Если он покончит с собой, вместо того чтобы быть рабом рака? Наверное, его отец не будет сильно гордиться этим.

Томми внимательно всматривался в лицо отца. Люди часто говорили, что они похожи: такие же густые черные волосы, такая же мягкая, немного застенчивая улыбка. После того как химиотерапия лишила его волос, никто больше не говорил ничего подобного. Интересно, подумал Томми, стал бы он выглядеть как отец, достигнув взрослого возраста.

— Ну, вы готовы идти дальше?

Отец подтянул повыше рюкзак на плечах. Мать метнула на него злобный взгляд.

— Мы можем еще немного подождать.

— Я же не сказал, что мы должны идти, — попытался оправдаться отец, — я просто спросил...

— Конечно, готовы, — сказал Томми и встал, он старался удержать родителей от ссоры.

Не отрывая глаз от тропы, он с трудом побрел вперед. Один желто-коричневый ботинок — вперед, затем — вперед другой, такой же. Скоро он дойдет до верха, и его родители наконец-то дождутся того, что окажутся вместе с ним в форте. Именно ради этого момента Томми и согласился на эту поездку, на это долгое восхождение — потому что это оставит им что-то на память. Они явно не готовы согласиться с этим, но он-то знает, что воспоминаний о нем у них останется немного. Поэтому он хотел оставить им одно хорошее воспоминание.

Томми считал шаги. Таким способом вы обычно преодолеваете трудности. Вы считаете. Если вы сказали «один», то знаете, что скоро скажете «два», а после этого — «три». Томми сосчитал до двадцати восьми, после чего тропа выровнялась.

Он достиг вершины. Он чувствовал, что его легкие превратились в два горящих бумажных мешка, но был рад, что совершил задуманное.

На вершине стоял деревянный павильон — хотя слово «павильон», мягко говоря, не совсем подходило к этому сооружению, построенному из четырех тонких деревянных стволов, покрытых сверху четырьмя еще более тонкими стволами, положенными наискось и создающими в «павильоне» небольшие затененные пространства. Но все-таки здесь было лучше, чем под открытым солнцем.

За краем скалы перед ним расстилалась пустыня. Она была высохшей и безлюдной, но все равно по-своему красивой. Повсюду, насколько хватало глаз, стояли коричневые, побелевшие в некоторых местах дюны. Ветер швырялся песком в скалы. Ветряная эрозия за тысячи лет незаметно съела прежде стоявшие здесь утесы. Ни людей, ни животных. Видели ли защитники крепости все это, прежде чем сюда пришли римляне?

Опустошенность, убивающая все.

Томми повернулся и обвел глазами плато, которым заканчивалась вершина. Плато, на котором две тысячи лет назад произошло это страшное кровопролитие. Перед ним была большая плоская площадка, примерно пять футболь-

ных полей в длину и, возможно, три таких поля в ширину. На ней стояло примерно полдюжины развалившихся каменных построек.

Так вот для чего я карабкался сюда?

Мать смотрела вокруг таким же разочарованным взглядом. Она откинула с глаз прядь своих вьющихся каштановых волос, лицо ее было розовым от солнечного жара или от напряжения.

— Это больше похоже на тюрьму, чем на крепость.

— Это и была тюрьма, — сказал отец. — Тюрьма, состоящая из камер смертников. Никто не вышел отсюда живым.

— Отсюда никто никогда не выйдет живым.

Едва произнеся эти слова, Томми сразу же пожалел об этом, в особенности после того, как его мать, отвернувшись, просунула палец под солнцезащитные очки, вытирая выступившие слезы. Но все-таки он был рад, что она почувствовала что-то настоящее на фоне постоянного вынужденного вранья.

Сгладить внезапно возникшую напряженность помогла поднявшаяся к ним девушка-гид. Ее ноги были голыми — она носила короткие шорты цвета хаки, — а длинные черные волосы во время долгого восхождения ветер привел в полный беспорядок.

— Я рада, друзья мои, что вы справились с подъемом!

Она говорила еще и с сексуальным израильским акцентом.

Томми ответил ей улыбкой, благодаря за то, что она дала ему возможность подумать о чем-либо другом.

— Спасибо.

— Я только что говорила всем остальным участникам восхождения, что слово «Масада» происходит от слова *мецада,* что значит «крепость», и вы можете понять почему. — Вытянув длинную загорелую руку, она обвела ею вокруг плато. — Стены этих казематов, защищающих крепость, — это фактически две стены: одна внутри другой. Между ними располагались основные жилые кварталы обитателей Масады. Над нами Западный дворец — самое большое строение Масады.

Томми оторвал взгляд от ее губ, чтобы посмотреть туда, куда указывала ее рука. Это громадное здание совершенно не выглядело дворцом. Это была руина. В старой каменной стене зияла огромная брешь, перед которой стояли вполне современные строительные леса. Это выглядело так, словно кто-то прервал на середине подготовительные работы к съемкам очередной серии о приключениях Индианы Джонса.

Под этими строительными лесами, должно быть, залегала древнейшая история, но Томми этого не чувствовал. Однако хотел. История много значила для его отца, а следовательно, она должна была много значить и для него. Но эта ужасная болезнь поставила его вне времени, вне истории. В его голове уже не было места для трагедий других людей, особенно тех, кто ушел из жизни тысячи лет назад.

— Следующее здание, как мы полагаем, было частной баней, — сказала гид, показывая на строение слева. — Внутри было обнаружено три скелета; черепа были отделены от тел.

Томми поднял голову. *Наконец-то что-то интересное.*

— Они были обезглавлены? — спросил он, подходя ближе. — Они покончили жизнь самоубийством, отрубив собственные головы?

Ее губы слегка искривились в усмешке.

— На самом деле воины тянули жребий, чтобы определить, кто должен будет убить остальных. И только последнему из оставшихся в живых пришлось кончать жизнь самоубийством.

Томми окинул руины хмурым взглядом. Так, значит, они убивали своих детей, когда дело шло к концу... Он вдруг почувствовал внезапное чувство зависти. Мгновенная смерть от рук тех, кто любит тебя, намного лучше, чем медленное и безжалостное разложение от рака. Устыдившись этих мыслей, он посмотрел на родителей. Его мать, обмахиваясь путеводителем, улыбнулась ему, а отец был занят фотографированием.

Нет, он никогда не попросит их об этом.

Приняв это решение, Томми вновь перевел взгляд на здание бани.

— А эти скелеты... они все еще там? — Он сделал шаг вперед, намереваясь заглянуть за металлическое ограждение.

Девушка-гид преградила Томми путь, выставив перед ним свою пышную грудь.

— Сожалею, молодой человек, но внутрь входить запрещено.

Он, стараясь не смотреть на ее грудь, чувствовал горечь от этого запрета.

Перед тем как двинуться дальше, мать спросила:

— Ну, как ты, Томми?

Может, она видела, как он смотрел на девушку-гида? Он залился краской.

— Я в порядке.

— Ты не хочешь попить? Может, выпьешь водички?

Она протянула ему пластиковую бутылку.

— Нет, мама, я не хочу.

— Я прикрою еще немного твое лицо от солнца.

Мать раскрыла сумочку. Обычно Томми покорялся такой опеке, но сейчас девушка-гид улыбнулась ему, и он вдруг решил не показывать ей, что к нему относятся, как к ребенку.

— Мам, да я в порядке, — оборвал он ее, причем более резко, чем хотел.

Мать, вздрогнув, закрыла сумочку. Девушка-гид отошла.

— Прости, — обратился он к матери. — Я не хотел.

— Все нормально, — успокоила его мать. — Я пойду к отцу. А ты побудь здесь.

С тягостным чувством Томми смотрел вслед матери.

Все еще злясь на себя, он подошел к зданию бани и, опершись на металлическое ограждение, заглянул внутрь. Дверца прохода со скрежетом раскрылась под действием его веса. Он чуть не упал и быстро попятился, но перед тем как шагнуть назад, что-то лежащее в углу этого помещения привлекло его взгляд.

Что-то мягкое, трепещущее и мерцающее, похожее на смятый листок бумаги.

Чувствуя какое-то необъяснимое любопытство, он огляделся вокруг. В его сторону никто не смотрел. А кстати, какой штраф может быть за вхождение в запретную зону? Чем, на худой конец, это может кончиться? Симпатичная девушка-гид, возможно, просто прогонит его оттуда и отругает?

Это не столь серьезное наказание, можно и стерпеть, решил Томми.

Он снова заглянул за ограду, пытаясь определить, что вызывает дрожание и мерцание этого предмета.

Маленький белый голубь с трудом передвигался по мозаичному полу; его висящее левое крыло волочилось по плиткам. Кончики его перьев выводили на слое пыли, покрывающей пол, какие-то таинственные знаки.

Несчастное существо...

Он должен забрать эту птицу отсюда. Она умрет здесь от жажды, или ее кто-нибудь съест. Их гид наверняка знает, куда можно отнести раненую птицу, чтобы ее спасти. Его мать работала волонтером в подобном приюте в Калифорнии до того времени, пока его рак не погубил жизнь всей их семьи.

Томми проскользнул через проход. Внутри комната оказалась маленькой, даже меньше кладовой, в которой отец хранил инструменты. Четыре гладких каменных стены и пол, покрытый мельчайшими выцветшими мозаичными плитками. Мозаичный узор, с трудом различимый под слоем пыли, представлял собой восемь сердечек, расположенных по кругу и образующих цветок; ряды сине-белых плиток казались волнами, а окаймление из белых треугольничков на фоне терракота казалось ему похожим на зубы. Он попытался представить себе древних мастеров, укладывавших этот напоминающий пилу узор, но эти раздумья утомили его.

Переступив порог, за которым была тень, Томми облегченно вздохнул — хоть на некоторое время он укроется от беспощадных лучей солнца. Сколько же людей нашли здесь свою смерть? Холодок прошел по его спине, когда он представил себе, как это могло быть. Должно быть, они встали

на колени — Томми был уверен в том, что они встали на колени. Мужчина в грязной холщовой сутане стоял над ними, держа меч в поднятой руке. Он начал с самого молодого, а к тому времени, когда все было кончено, у него едва хватало сил на то, чтобы поднять руку, но он ее поднял. В конце и он сам опустился на колени и стал ждать быстрой смерти от меча своего товарища. После этого все было кончено. Их кровь текла по крошечным мозаичным плиткам, заполняла зазоры между ними, растекалась лужами на полу...

Томми потряс головой, изгоняя из памяти это видение, и огляделся вокруг.

Никаких скелетов.

Наверное, их поместили в музей, а может быть, предали земле в каком-то месте.

Птица, прервав свое путешествие по плиточному полу, подняла голову и уставилась на Томми сперва одним глазом, потом другим, вероятно определяя его размеры. Ее глаза, похожие по цвету на малахит, были зелеными с бриллиантовым блеском. До этого Томми никогда не видел птиц с зелеными глазами.

Он встал на колени и зашептал; шепот его был не громче дыхания:

— Ну же, подойди сюда, малыш. Ну подойди, тебе нечего бояться.

Птица снова внимательно посмотрела на него сперва одним глазом, потом другим — а затем, хромая, запрыгала к нему.

Радуясь доверчивости птицы, Томми протянул руку и осторожно взял раненое существо. Как только он поднялся, держа теплое тельце в своих ладонях, как в колыбельке, земля ушла у него из-под ног. Он изо всех сил старался сохранить равновесие. Может быть, после долгого восхождения у него закружилась голова? Между ног на мозаичном полу вдруг появилась тонкая черная линия, подобная какому-то живому существу.

Змея, было первым, что пришло ему в голову.

Его сердце учащенно забилось от страха.

Но черная линия расширилась, а это было уже кое-что похуже. Не змея, а *трещина*. Струйка темного оранжевого дыма, завиваясь, поднялась в воздух из одного конца трещины, как будто кто-то бросил туда непотушенную сигарету.

Птица, вдруг забившись в его ладонях, вспорхнула в воздух и полетела сквозь дым, тянущийся через дверной проем наружу. Очевидно, рана у нее не была столь серьезной. Ее крылья рассекли струйку дыма, словно указывая Томми дорогу. У дыма был на удивление сладкий запах — почти такой же, как ладан, но с малой примесью горьких пряностей.

Томми, наморщив брови, нагнулся вперед и подставил ладонь под струйку дыма. Тот прошел между его пальцами и, к его удивлению, оказался не теплым, а холодным, словно струился из холодных земных глубин.

Томми нагнулся, чтобы рассмотреть место, откуда выходил дым, — но тут мозаичный пол под его ботинками треснул, как стекло. Плитки посыпались в провал — голубые, желто-коричневые и красные. Провал, расширяясь, поглотил узор.

Томми попятился к двери. Струи дыма, ставшего красновато-оранжевым, поднимались из щелей в разбитом мозаичном полу. Глухой скрежет доносился из сердцевины горы, вся комната сотрясалась.

Землетрясение.

Томми выскочил из дверного проема здания бани и сразу упал на спину. Прямо перед собой он увидел, как здание сильно качнулось, словно какой-то разгневанный бог кинул в него что тяжелое, — а затем рухнуло в глубокую расселину, разверзшуюся позади него.

Края расселины осыпались, делая ее шире. До места, где лежал Томми, оставалось не больше фута. Он стремглав бросился назад. Расселина словно гналась за ним. Он заставлял свои ноги бежать, но вершина горы затряслась, и он снова свалился на землю.

Опираясь о землю локтями и коленями, Томми отполз прочь. Камни врезáлись в ладони. А вокруг него здания и колонны обрушивались на землю.

Молю тебя, о Боже, помоги мне!

Из-за дыма и пыли уже в нескольких футах ничего нельзя было рассмотреть. Когда он полз, то видел, как какого-то человека накрыл упавший на него кусок стены. Две женщины с пронзительным криком бросились бежать, когда земля под ними начала раздвигаться.

ТОММИ!

Он пополз туда, откуда донесся голос матери, и наконец выбрался из дымового облака.

— Я здесь! — хрипло закричал он и зашелся в кашле.

Отец бросился к нему и поднял его на ноги. Мать ухватилась за его локоть. Они потащили его к Змеиной тропе, подальше от разрушений.

Томми посмотрел назад. Трещина расширилась, расколов вершину горы. Глыбы горной породы откололись и скатились вниз, в пустыню. Черный дым поднимался к поблекшему голубому небу, как будто переносил весь творящийся на земле ужас к пылающему солнцу.

Они втроем, спотыкаясь, добрели до края скалы.

Землетрясение кончилось так же внезапно, как и началось.

Его родители оцепенели, как будто боясь, что от любого их движения подземные толчки могут возобновиться снова. Отец обхватил их обеими руками. С плато на вершине горы доносились пронзительные крики, крики боли.

— Томми? — Голос матери дрожал. — Ты в крови.

— Да пустяки, — ответил он. — Немного ободрал руки.

Отец убрал руки с их плеч. Он потерял шляпу и порезал щеку. Его обычный глубокий голос сейчас стал тонким и высоким.

— А вы не думаете, что это террористы?

— Я не слышала взрыва бомбы, — сказала мать, гладя Томми по плечам, как маленького ребенка.

Обычно он возражал против этого, но сейчас — нет.

Облако черновато-красного дыма наплывало на них, словно хотело унести их с утеса.

Отец принял решение и, указав рукой на крутую, ведущую вниз тропу, сказал:

— Пошли. Этот дым может быть токсичным.

— Я вдыхал его, — успокоил их Томми, оставаясь на месте. — И ничего.

Какая-то женщина выскочила из облака дыма, держась за горло. Она не видела, куда бежит: ее веки вспухли и кровоточили. Сделав несколько шагов, она наклонилась вперед и застыла в этой позе.

— Пошли! — пронзительно закричал отец, толкая Томми перед собой. — Пошли же!

Они бросились бежать, но убежать от дымового облака не могли.

Оно настигло их. Мать закашляла — влажный, неистовый, неестественный звук. Томми бросился к ней, не зная, что делать.

Родители остановились, опустились на колени.

Ну, вот и всё.

— Томми, — задыхаясь, произнес отец. — Иди...

Не послушав отца, Томми сел на землю рядом с ними.

Если мне все равно предстоит умереть, так пусть это произойдет так, как я хочу. Вместе с семьей.

Почувствовав, что это конец, Томми успокоился.

— Все нормально, папа.

Он стиснул руку матери, затем нащупал руку отца и тоже стиснул ее. Слезы потекли из его глаз при мысли о том, что он, уходя, не оставляет после себя никого.

— Я очень люблю вас.

Родители смотрели на него — прямо в глаза. Несмотря на весь ужас момента, Томми чувствовал себя очень хорошо.

Он крепко обнял обоих родителей и не размыкал объятий даже после того, когда их тела обмякли; он не желал выпускать их из рук, хотя они уже перешли в руки смер-

ти. Когда силы покинули Томми, он опустился на колени рядом с их телами и стал ждать того момента, когда и сам испустит последний вздох.

Но минуты шли за минутами, а последний вздох все не наступал.

Томми провел рукой по залитому слезами лицу и с трудом поднялся на ноги, стараясь не смотреть на скрюченные тела родителей, их распухшие глаза и окровавленные лица. Если бы он на них не смотрел, то, может быть, они бы и не умерли? Может быть, это всего лишь сон?

Он медленно обошел вокруг их тел. Отвратительного дыма уже не было. Земля была усеяна мертвыми телами. Насколько хватало глаз, всюду лежали мертвые.

Это был не сон.

Почему я единственный остался в живых? Ведь умереть должен был я. Но не мать и не отец.

Опустив голову вниз, Томми снова посмотрел на их тела. Его печаль не выплакать в слезах. Она глубже и тяжелее всех тех дум, которые он передумал, размышляя о собственной смерти.

Какая чудовищная ошибка. Ведь он был больным, он был неполноценным человеком. Он уже давно знал, что смерть вот-вот придет за ним. А его родителям суждено было хранить память о нем, запечатленном в четырнадцатилетнем возрасте на тысяче фотографий... Ведь это им была суждена печаль.

Томми упал на колени и зарыдал, простирая руки к солнцу, расправляя ладони, моля и одновременно проклиная Бога.

Но Бог пока не решил, что с ним делать.

Когда Томми простирал руки к небу, один рукав опустился, обнажив запястье — бледное и чистое.

Он, опустив руки, смотрел на свою кожу, не веря глазам своим.

Его меланома исчезла.

Глава 3

26 октября, 14 часов 15 минут
по местному времени
Кесария, Израиль

Стоя на коленях в котловане, доктор Эрин Грейнджер, сокрушенно вздыхая, рассматривала разрушения, вызванные землетрясением. Согласно первоначальным сообщениям, эпицентр его находился на расстоянии многих миль от места раскопок, но колебания земли ощущались на всем пространстве, ограниченном израильской береговой линией, в том числе и здесь.

Песок сыпался через проломы в досках, крепивших откосы ее котлована, и вновь медленно погребал под собой ее недавнее открытие, словно им так никогда и не было суждено появиться из земли.

Но даже это было не самым худшим из того, что сотворило землетрясение. Осыпавшийся песок можно удалить снова, но что делать с обломком толстой доски, лежащей на том самом черепе младенца, который она со всей осторожностью старалась извлечь из земли? Эрин не позволяла себе даже и думать о том, что может оказаться под этим злополучным куском дерева.

Ради всего святого, пусть он окажется неповрежденным...

Три ее студента, взволнованные и нетерпеливые, стояли возле котлована, почти у самого его края.

Стараясь не дышать, Эрин взялась за кусок раздробленной доски, подняла его и, не поворачиваясь, подала Нейту, а затем приподняла кусок парусины, которым раньше накрыла скелет.

На том месте, где раньше покоился целый череп младенца, теперь лежало множество мелких его обломков. Тело спокойно пролежало в земле две тысячи лет до того, как она откопала его — чтобы подвергнуть разрушению...

У нее пересохло в горле.

Сев на дно котлована, Эрин, едва касаясь кончиками пальцев обломков черепа, считала их. Слишком много. Она

опустила голову. Свидетельства причины смерти младенца были утрачены по ее недосмотру. Она должна была завершить откапывание скелета и только после этого идти за Нейтом в палатку, чтобы смотреть результаты, полученные на РОН.

— Доктор Грейнджер? — обратился к ней Хайнрих, стоявший на краю котлована.

Эрин быстро повернулась к нему, чтобы он, не дай бог, не подумал, что она молилась. Этот студент-археолог из Германии отличался чрезмерной религиозностью, и Эрин не хотела давать ему повод думать, что и она столь же привержена религии.

— Хайнрих, надо поместить в гипс остальную часть этого экспоната, — сказала она, решив предохранить оставшуюся часть скелета от возможных последующих толчков и негативных последствий землетрясения.

А ведь для сохранения этого крошечного черепа надо было сделать так мало. Но сейчас уже так поздно...

— Будет сделано.

Хайнрих пригладил пятерней свои отросшие светлые волосы и поспешил к палатке с приборами и принадлежностями, благополучно пережившей землетрясение. Убыток от этого стихийного бедствия потерпела только Эмми — разлилась ее банка с диетической кока-колой.

Джулия, сильфидоподобная[1] подружка Хайнриха, поспешила за ним. Она не должна была находиться в зоне раскопок, но Эрин не возражала против того, что она проводила здесь уик-энды.

— Я проверю наши приборы.

Взволнованный голос Эмми сразу навел Эрин на мысль о том, насколько все они еще молоды. Даже в их возрасте она не была такой молодой. Или была?

Эрин жестом руки обвела вокруг ипподрома. Все здесь было в руинах еще до их прихода сюда.

---

[1] Сильфидоподобная — в данном случае грациозная; сильф — существо, дух, обитающий в воздухе.

— Этому месту пришлось испытать многое, — сказала она, а потом, придав своему голосу показную бодрость, добавила: — Давайте поработаем и приведем его в нормальное состояние.

— Мы же можем отстроить его заново. У нас есть технологии. Он будет лучше, чем прежде, — поддержал ее Нейт, до этого гудевший себе под нос музыкальный пассаж из «Человека на шесть миллионов долларов»[1].

Эмми, перед тем как направиться к своей палатке, посмотрела на него с кокетливой улыбкой.

— Вы можете принести мне новую доску? — спросила Эрин Нейта.

— Да не вопрос, профессор.

Нейт ушел, а мелодия, которую он напевал, продолжала звучать в ее голове. А что, если они и вправду смогут возродить его заново? Не пятно раскопок, а все это место...

Эрин пристально рассматривала руины, представляя себе, как изначально могло выглядеть это место. Мысленно она разместила на нем ту половину строений, которые теперь были разрушены до основания. Она представила себе ликующие толпы, грохот колесниц, топот копыт. А затем вспомнила, что произошло здесь до того, как был построен этот ипподром: избиение младенцев. Представила себе панический ужас беспомощных матерей, у которых воины вырывали из рук младенцев. Матерей заставляли смотреть, как удары меча прерывали плач их детей.

Сколько загубленных жизней...

Если обнаруженное ею окажется именно тем, что она предполагает, то уже сейчас Эрин может высказать догадку, почему Ирод построил свой ипподром именно на этом месте. Не испытывал ли он приливов какого-то мрачного веселья оттого, что топот копыт и потоки крови еще больше осквернят могилы тех, кого он лишил жизни?

---

[1] «Человек на шесть миллионов долларов» (Six Million Dollar Man) — американский фантастически-приключенческий фильм режиссера Ричарда Ирвинга (1973 год).

Пронзительное ржание вывело ее из состояния задумчивости. Она встала и посмотрела в сторону конюшни, рядом с которой конюх прогуливал игривого белого жеребца. В лошадях Эрин разбиралась. В детстве она по многу часов проводила в стойлах и знала, причем не понаслышке, как ненавистны лошадям землетрясения. Какое сильное волнение и беспокойство проявляли эти крупные, чуткие животные перед первым толчком и как трудно было успокоить их после землетрясения. Она надеялась, что этим лошадям обеспечен надлежащий уход.

Вернулись Хайнрих и Нейт. В руках у Нейта была целая доска, а Хайнрих принес коробку с гипсом, кувшин с водой и ведро. В университете он посещал класс искусства и дизайна, и него были хорошие руки — как раз то, что было необходимо для того, чтобы помочь Эрин собрать воедино куски черепа.

Нейт протянул ей доску. На Эрин пахнуло свежим лесным запахом сосны, что было так необычно здесь, в жаркой пустыне. Осторожно, стараясь не повредить оставшейся части скелета, он спустился к ней. Они вдвоем установили доску на место сломанной, придвинули ее плотно к стенке котлована и в этом положении закрепили ее скобами. Она надеялась, что новая доска не сломается и не сделает ее несчастной, как это произошло с прежней.

Нейт ушел проверять свои приборы, а они с Хайнрихом принялись раскапывать песок. Доска повредила череп и левое предплечье. Эрин вспомнила крохотный родничок, вспомнила шейный отросток плечевой кости. Она была уверена в том, что это были свидетельства, улики. Теперь они утрачены навсегда.

Перед тем как сохранить хотя бы то, что осталось, она подняла камеру и сфокусировала ее на разбросанных по песку обломках черепа. Затем сфотографировала сломанную плечевую кость, ее отломанный радиусный отросток. Щелкая затвором, она чувствовала, будто ее предплечье посылает в мозг импульсы сочувствия. Эрин сама в четырехлетнем возрасте повредила свое предплечье, и с тех пор оно нередко напоминало ей об этом.

Кладя камеру на место и все еще глядя на эту сломанную кость, Эрин, проведя пальцами по левой плечевой кости, словно вновь перенеслась в тот момент в прошлом, когда впервые почувствовала боль в предплечье.

Ее мать потащила Эрин к отцу, заставляя показать ему ангела, которого она только что нарисовала цветными карандашами. Гордая, надеясь на похвалу, девочка протянула ему картину, которую он взял в свою огромную мозолистую руку. Отец был таким высоким, что ее макушка была ниже его колена. Он, взяв картину, лишь мельком взглянул на нее.

Внезапно отец сел и притянул ее к себе, поставив у своих колен. Ее начала бить дрожь. Ей было всего четыре года, но она уже знала, что самое опасное в мире место как раз и находится возле отцовских колен.

— Какой рукой ты рисовала этого ангела? — Его трубный голос заполнил ее уши, как мощный поток воды, внезапно хлынувший на землю.

Еще не научившись врать, она подняла свою левую руку.

— Левая рука творит мошеннические проделки, расплатой за которые являются вечные муки, — объявил он. — Ты больше никогда не будешь писать или рисовать этой рукой. Тебе понятно?

Смертельно напуганная, она утвердительно кивнула.

— Я не допущу, чтобы зло исходило от моего ребенка.

Отец снова посмотрел на нее, словно ожидая чего-то. А она не понимала, чего он хочет.

— Да, сэр.

Тогда он приподнял свое колено и положив на него ее левую руку, хлопнул по ней, как будто это был кусок дерева.

Эрин тщательно осмотрела место, где были разбросаны осколки, все еще чувствуя боль в руке. Она, надавив на руку, почувствовала тот заживший шейный отросток. Отец не позволил вести ее к доктору. Если молитва не исцелит рану или не спасет жизнь ребенка, значит, Бог не пожелал этого, а они всегда должны подчиняться воле Господа.

Когда Эрин бегством спаслась от отцовской тирании, то целый год посвятила тому, чтобы выучиться писать левой

рукой так же свободно, как правой, при этом она, казалось, вкладывала всю свою злость и решимость в каждую строчку, выходившую из-под ее пера. Она не позволила отцу принять какого-либо участия в своей судьбе. И пока что зло, как кажется, не проникло в нее, хотя рука ее болела в дождливую погоду.

— Так, значит, то, что сказано в Библии, верно, — голос Хайнриха вывел ее из состояния задумчивости. Он ухватил пригоршню песка с ног младенца и высыпал его за край котлована. — Бойня все-таки была. И произошла она здесь.

— Нет. — Эрин внимательно рассматривала разбросанные обломки костей, решая, с чего начать. — Вы слишком спешите с выводами. У нас есть весьма убедительные свидетельства того, что массовое убийство произошло здесь, но я сомневаюсь в том, что оно как-либо связано с рождением Христа. Исторический факт и религиозные предания часто связывают воедино. Помните, занимаясь археологией, мы должны всегда относиться к Библии, как... — Она старательно подыскивала нейтральное, не подстрекающее к ссоре слово, но не сумела его подобрать. — Как к религиозно-возвышенной интерпретации событий, записанных кем-то склонным видеть эти события и факты так, что они вписываются в их идеологию. Кем-то, кто ставит перед собой цели укрепления религии.

— Вместо целей академических? — немецкий акцент Хайнриха зазвучал более явственно, а это значило, что он вышел из состояния душевного равновесия.

— Вместо объективного подхода. Наша единственная цель — как людей науки — состоит в том, чтобы найти вещественные доказательства прошлых событий, вместо того чтобы опираться на древние предания. Мы должны выяснить все.

Хайнрих тщательно смахивал щеткой песок с маленькой бедренной кости.

— Выходит, вы не верите в Бога? Или в Христа?

Эрин внимательно всматривалась в неровную поверхность кости. Нет, новых повреждений на ней не было.

— Я верю в то, что Христос был человеком. Что он увлек за собой миллионы. Верю ли я в то, что он превращал воду в вино? Для этого мне нужны доказательства.

Она мысленно вернулась к своему первому причастию, когда еще верила в чудеса; верила, что и вправду пьет кровь Христа. Ей казалось, что с тех пор прошло уже много столетий.

— Ну а сейчас вы здесь, — Хайнрих обвел рукой вокруг места, на котором они стояли. — Исследуете библейское сказание.

— Я исследую историческое событие, — поправила его Эрин. — И я здесь, в *Кесарии*, а не в *Вифлееме*, как описывает это Библия, потому что я нашла свидетельства, которые привели меня сюда. Я здесь из-за фактов. Но не из-за веры.

К этому моменту Хайнрих уже очистил нижнюю часть скелета. Они оба работали сейчас быстрее, чем обычно, боясь, что последующие земные толчки могут произойти в любую минуту.

— Повествование, написанное на глиняном горшке, изготовленном в первом веке, привело нас сюда, — сказала она. — Но не Библия.

После многих месяцев копания в глиняных черепках в Рокфеллеровском музее в Иерусалиме Эрин обнаружила непонятно кем подписанный разбитый кувшин, на котором упоминалось массовое захоронение детей в Кесарии. Этого было достаточно для получения гранта, благодаря которому они все оказались здесь.

— Так, значит, вы пытаетесь... разоблачить Библию? — В его голосе ясно слышалось разочарование.

— Я пытаюсь выяснить, что произошло здесь. А это, что весьма вероятно, никак не связано с тем, о чем повествует Библия.

— Значит, вы не верите, что Библия святая? — Прекратив работу, Хайнрих пристально уставился на нее.

— Склонность к обожествлению и Библия — это не одно и то же. И это, первое, присутствует в каждом мужчине,

женщине и ребенке. И возникает оно не в церкви, не вылетает изо рта преподобного отца.

— Но...

— Мне нужны щетки.

Эрин выбралась из котлована, подавляя закипающий в ней гнев, который она хотела скрыть от своего студента.

Она не прошла еще половины пути до палатки с инструментами и материалами, как услышала звук мотора вертолета. Подняв голову и приложив ладонь ребром ко лбу, Эрин стала искать вертолет в небе.

Большая винтокрылая машина, выкрашенная в цвет хаки, летела с большой скоростью и на малой высоте; на хвосте был выведен номер S-92. Что ему здесь надо? Эрин пристально наблюдала за вертолетом. Поднятый винтами вихрь наверняка снова наметет песок на откопанный скелет.

Она повернулась назад, чтобы попросить Хайнриха накрыть кости.

Прежде чем Эрин открыла рот, оставленный без присмотра жеребец арабской породы, необъезженный и белоснежный, как сказочный конь, выбежав из стойла, стрелой понесся по полю. На всем скаку он не увидел бы котлована. Понимая, что ей не успеть отогнать коня от Хайнриха, Эрин все-таки бросилась к нему.

Хайнрих, должно быть, услышал или почувствовал топот копыт. Он выпрямил спину и встал как раз в тот момент, когда жеребец был уже у края котлована, и этим еще больше напугал встревоженное животное. Конь, встав на дыбы, ударил Хайнриха в лоб копытом.

Вертолет за ее спиной, опустившись на землю, выключал двигатель.

Жеребец, пятясь от шума, приблизился к краю котлована.

Эрин обошла вокруг коня.

— Ну, успокойся, мальчик, — ее голос звучал спокойно и ласково. — Никто не собирается тебя обижать.

Жеребец уставился на нее огромным черным глазом. Его грудная клетка часто раздувалась и опадала, дрожащий

торс лоснился от пота, с губ свисала пена. Ей надо было успокоить его и отвести подальше от котлована, в котором лежал недвижный Хайнрих.

Не прекращая успокаивать жеребца ласковыми словами, она встала между ним и краем котлована. После этого, вытянув руку, погладила его по крутой шее. Жеребец вздрогнул, но остался стоять на месте. Эрин чувствовала знакомый запах лошади. Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Лошадь сделала то же самое.

Надеясь, что конь последует за нею, она отошла в сторону, подальше от Хайнриха. Ей надо отвести его в какое-то более спокойное место, чтобы он снова не напугался.

Жеребец, ноги которого тряслись, сделал шаг.

К ней подбегал Нейт, а за ним — Эмми и Джулия.

Эрин взмахом руки велела им остановиться.

— Нейт, — произнесла она нараспев. — Не разрешайте никому приближаться, пока я не уведу жеребца подальше от Хайнриха.

Нейт застыл на месте. Его спутницы сделали то же самое.

Конь тяжело дышал, вскидывая мокрую от пота холку. Эрин, запустив пальцы в серую гриву, отвела жеребца на несколько шагов от котлована. После этого она кивнула Нейту.

Внезапно ее внимание отвлек крик, раздавшийся за ее плечом: какой-то маленький человек в балахоне стремительно несся к ним по песку. Этот человек — без сомнения, конюх, — запыхавшись, приблизился к ним, набросил поводок на шею коня и забормотал что-то непонятное, показывая рукой туда, где стоял приземлившийся вертолет. Эрин все поняла. Конь не любил вертолеты. Она и сама их не жаловала. Женщина потрепала его по холке, как бы прощаясь с ним. Конюх повел жеребца к стойлу.

Эмми и Джулия уже спустились в котлован и стояли возле Хайнриха. Джулия положила руку ему на лоб. Половина лица юноши была в крови. Джулия что-то тихонько говорила Хайнриху по-немецки, но он не отвечал. Эрин облегченно вздохнула: по крайней мере, раненый дышал.

Спустившись в котлован, Эрин встала рядом с девушками, осторожно отвела руку Джулии и ощупала его голову. Большая потеря крови, но череп, кажется, цел. Она оторвала кусок от своей банданы и приложила его к ране. Конечно, такой тампон был отнюдь не стерильным, но ничем другим она не располагала. Ее ладонь почувствовала теплую кровь.

Хайнрих застонал и приоткрыл свои серые глаза.

— Это жертвоприношение. На месте, где покоятся расколотые черепа.

Эрин в ответ чуть заметно улыбнулась. Уже два черепа раскололись в этот период ее выезда на раскопки...

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

Хайнрих что-то невнятно пробормотал по-немецки, с трудом шевеля побелевшими губами. Его глаза, не в силах смотреть на что-либо, закатились. Она должна показать его врачу.

— Доктор Грейнджер? — произнес за ее спиной голос с заметным израильским акцентом. — Прошу вас, немедленно встаньте.

Она положила дрожащую ладонь Джулии на самодельный тампон и с усилием выпрямилась, чуть расставив руки и помахивая ладонями в воздухе. По ее опыту, люди говорят таким тоном только в тех случаях, когда они вооружены. Эрин повернулась, но очень медленно. Кровь Хайнриха уже высохла на ее ладонях.

Солдаты. Много солдат. Они полукругом стояли вокруг котлована, одетые в форму под цвет песка пустыни, с пистолетами на поясе и с автоматами на плечах. Всего их было восемь, и все были в состоянии боевой готовности. На головах у всех серые береты, и только на одном берет был зеленый — он, по всей вероятности, командир этой группы. Оружие было направлено на нее.

Так сразу?

Она опустила руки.

— Доктор Грейнджер. — Сейчас это звучало не как вопрос, а как призыв. Он говорил с ней таким тоном, как будто вообще никогда не задавал вопросов.

— Что вам здесь надо? — спросила она, стараясь, несмотря на страх, говорить спокойно и с достоинством. — Наши разрешительные документы в порядке.

Он изучающе разглядывал ее своими черными, как маслины, глазами.

— Вы должны лететь с нами, доктор Грейнджер.

В первую очередь она должна была позаботиться о Хайнрихе.

— *Я занята. Мой студент ранен и...*

— Я лейтенант Перельман. Из АМАНа. У меня приказ доставить вас.

Словно подчеркивая значимость его слов, солдаты чуть выше, не больше чем на четверть дюйма, приподняли свои автоматы.

АМАН — разведывательная служба израильской армии, и встреча с ней не предвещала ничего хорошего. В груди у Эрин все кипело от злости. Они заявились сюда, чтобы забрать ее с собой, их вертолет напугал лошадь, которая травмировала Хайнриха... Эрин старалась говорить спокойно и не выдавать голосом своих эмоций:

— Доставить меня куда?

— Об этом я не уполномочен говорить вам.

По поведению лейтенанта было ясно, что он не отступит от сказанного, но применять строгие меры также не входит в его намерения. Впрочем, вряд ли ей удалось бы воспользоваться последним.

— Ваш вертолет напугал лошадь, и она травмировала моего студента, — сказала она, уперев в бока сжатые в кулаки руки. — Причем серьезно.

Лейтенант посмотрел на Хайнриха, затем чуть заметным кивком подал знак одному из солдат. Тот, вытащив санпакет, спустился в котлован. По всей вероятности, медик. Ну, это уже что-то. Эрин разжала кулаки и провела ладонями, выпачканными кровью, по своим джинсам.

— Я хочу, чтобы вы доставили его по воздуху в больницу, — сказала она. — А потом, возможно, мы сможем поговорить о прочих вещах.

Лейтенант посмотрел на сидевшего в котловане медика. Тот кивнул, его лицо выглядело встревоженным. По всей видимости, ничего хорошего.

— Хорошо, — сказал Перельман.

Он сделал жест рукой, на который его солдаты мгновенно отреагировали. Двое помогли поднять Хайнриха из котлована; двое других принесли носилки. Уложив на них раненого, они понесли его к вертолету. Джулия поспешила за ними, прижимаясь к боку лежащего на них Хайнриха.

Эрин с облегчением вздохнула. Доставка в больницу на вертолете — это было для Хайнриха сейчас самым лучшим.

Она приняла протянутую лейтенантом Перельманом руку, когда выбиралась наверх из котлована. Не сказав ни слова, он повернулся и быстро пошел к вертолету. Оставшиеся солдаты встали позади нее, показывая этим, что она должна следовать за лейтенантом. Эрин пошла вслед за Перельманом. Ее под угрозой оружия силой уводили с места раскопок.

Она не победила их в споре, однако сможет получить от них всю возможную информацию.

— Все это как-то связано с произошедшим землетрясением? — спросила она Перельмана.

Лейтенант, оглянувшись назад, оставил ее вопрос без ответа, однако она смогла увидеть ответ на его лице. Многое прояснилось. Землетрясения разрушают вещи, но они и снимают с них прикрытия.

Среди прочих вопросов возник и еще один.

В Израиле работает множество археологов. Так по какой причине именно ее они сдернули с места, где она вела раскопки? Эрин не обнаружила никаких древних сокровищ, которые могли бы послужить причиной такой спешки. Археологов не перевозят с места на место военными вертолетами... Тут явно какая-то нелепая ошибка.

— Почему именно меня? — не унималась Эрин.

Наконец Перельман ответил:

— Я могу лишь сказать, что возникла весьма деликатная ситуация и потребовалась ваша экспертиза.

— Потребовалась кому?

— Этого сказать я не могу.

— А если я откажусь?

Перельман буквально сверлил ее своим взглядом.

— Вы являетесь гостем нашей страны. Если вы откажетесь следовать за нами, вы больше не будете считаться гостем нашей страны. И ваш товарищ *не будет* доставлен в больницу на вертолете.

— Я думаю, наше посольство не одобрит такого отношения, — с угрозой в голосе сказала она.

Его губы скривились в насмешливой улыбке.

— Именно член делегации от посольства Соединенных Штатов и рекомендовал обратиться к вам.

Эрин едва справилась с тем, чтобы не выразить открыто своего удивления. Насколько ей было известно, никто в посольстве никогда даже и не слышал о ней. Либо Перельман лгал, либо он знал намного больше, чем знала она. Как бы то ни было, никакого толку от дальнейших разговоров не было. А вот доставить Хайнриха в больницу было необходимо.

Ей не оставалось ничего другого, как только продолжать идти к вертолету. Солдаты окружили ее, как будто она, подобно жеребцу, могла вдруг внезапно взбунтоваться.

Нейт и Эмми поспешно шли следом. Нейт выглядел озлобленно-воинственным, на лице Эмми была тревога.

Эрин повернулась и, сделав несколько шагов назад, дала указания:

— Нейт, вы до моего возвращения остаетесь за старшего. Что надо делать, вам известно.

Нейт, выглядывая из-за плеча солдата, растерянно произнес:

— *Но, профессор...*

— Скрепите воедино кости скелета. А Эмми пусть тщательно изучит левую бедренную кость, прежде чем вы загипсуете ее.

Нейт показал рукой на вертолет:

— Вы уверены, что полет с ними будет безопасным?

Эрин пожала плечами.

— Как только мы поднимемся, свяжитесь с консульством. Узнайте, действительно ли они рекомендовали меня. Если они скажут, что нет, сразу обращайтесь к силам быстрого реагирования.

Солдаты шли не сбиваясь с ноги, их ничего не выражающие взгляды были устремлены вперед. Либо они не понимали по-английски, либо ее угроза их совершенно не беспокоила. Это могло быть либо очень хорошо, либо очень плохо.

— Не летите с ними! — закричал Нейт.

— Не думаю, что у меня есть выбор, — ответила Эрин. — Да и у Хайнриха тоже.

Она дождалась, пока парень осознает сказанное ею, после чего простилась с ним кивком.

Лейтенант Перельман, стоя на пороге кабины, помахал ей рукой.

— Прошу вас, доктор Грейнджер.

Когда она проходила под вращавшимися лопастями вертолета, те закрутились быстрее, мотор взревел.

Поднявшись внутрь, Эрин села на единственное свободное кресло и пристегнулась ремнями. Носилки, на которых лежал Хайнрих, стояли в другой половине салона; Джулия сидела на кресле рядом с ним. При виде Эрин на ее лице появилась жалкая улыбка, а Грейнджер показала ей сжатый кулак с поднятым большим пальцем. Интересно, подумала она, используют ли они этот жест в Германии?

Когда вертолет набирал высоту, Эрин повернулась к сидящему рядом с ней солдату и в удивлении отпрянула. Рядом с ней сидел не солдат. Священник... На нем были черные брюки и сутана с капюшоном, доходившая ему до лодыжек, на руках были черные перчатки, глаза прикрывали темные солнцезащитные очки, знакомый ей белый воротничок — отличительный знак римско-католического духовенства.

Она отодвинулась от него. Преподобный тоже изогнулся вбок, чтобы быть подальше от нее, и, подняв одну руку, поправил капюшон.

За то время, что Эрин занималась археологическими раскопками, у нее было бессчетное количество споров и ме-

лочных столкновений с католическими священниками. Но сейчас его присутствие рядом с ней вселило в нее надежду на то, что причина ее вызова действительно может быть связана с местом проведения раскопок, с каким-то обстоятельством, связанным с религией, в особенности с христианской. Но, с другой стороны, существовало и опасение, что этот падре, возможно, предъявил свои права на ее находки еще до того, как она увидела их. Если так, то ей придется покинуть место проведения раскопок, а ее студент пролил свою кровь зазря.

Нет, такого быть не должно.

14 часов 57 минут

Женщина, сидящая рядом, благоухала лавандой, конским потом и кровью. Запахи более чем неуместные на современном историческом этапе, да еще и рядом с падре Руном Корцой.

Она протянула ему руку. Корца уже очень долгое время намеренно не касался женщины. Даже то, что ее ладонь была покрыта засохшей кровью, не облегчало его положения, но выбора у него не было, к счастью, на руках у него были перчатки. Он, сделав над собой усилие, пожал протянутую руку. Ее теплая рука оказалась сильной и подвижной, но он ощутил ее дрожь. Так, значит, он внушал ей страх.

Это хорошо.

Отпустив ее руку, Корца отодвинулся, стараясь увеличить расстояние между ними. У него не было желания вновь прикасаться к ней. По правде говоря, ему бы хотелось, чтобы она вышла из вертолета и снова вернулась на место своих раскопок. Ради нее самой, да и ради него самого.

До получения этих вызовов падре пребывал в одиночестве и в состоянии глубокой медитации, будучи готовым покинуть этот суетный мир ради красоты и уединения в Клой-

стере[1], на что он имел полное право. Но кардинал Бернард не позволил ему оставаться там. Он вытащил Руна из его кельи, в которой тот медитировал, и направил его в эту поездку в суетный мир, чтобы пригласить какого-либо археолога и, возможно, разыскать какие-либо артефакты. Рун ожидал, что археологом, которого он должен будет привезти, окажется *мужчиной,* но Бернард выбрал *женщину,* да еще к тому же и красивую.

Что это значило, Корца мог только догадываться.

Он сжал в ладони крест, свисающий у него с шеи. Теплота металла чувствовалась через перчатку.

Над его головой лопасти винта пульсировали, словно огромное механическое сердце, бьющееся так быстро, что, казалось, оно вот-вот разорвется.

Падре перевел взгляд на вторую женщину. Она была немкой — он понял это по шепоту, с которым она обращалась к лежащему на носилках мужчине. Ее белое платье было запачкано кровью. Она держала за руку раненого, ни на секунду не отрывая взгляда от его лица. Железный запах крови распространился по всему салону воздушного судна.

Рун закрыл глаза, нащупал четки, висевшие у него на поясе, и начал читать про себя «Отче наш». Вибрация от винтов машины мешала читать молитву. Он бы с большим удовольствием путешествовал на муле с живым, бьющимся сердцем.

Но грохот и свист лопастей заглушили более тревожные звуки — глухие шлепки о пол капель крови, текущей из разбитого черепа, частое дыхание женщины, сидевшей возле него, отдаленное ржание напуганного жеребца.

Когда вертолет выполнял вираж, салон наполнялся запахом авиационного керосина. От этого прежде незнакомого запаха Корце щипало ноздри, но и при этом он все равно был лучше, чем запах крови. Он давал ему силы смотреть на раненого мужчину на носилках, на кровь, стекающую тонкими струйками на металлический пол и капающую на камни, лежащие внизу на земле.

---

[1] К л о й с т е р — город в округе Берген, штат Нью-Джерси.

Сейчас, поздней осенью, солнце садилось рано, по крайней мере на два часа раньше. Рун опасался, что помощь этому раненому скоро может уже не потребоваться. Слишком много свалилось на его плечи.

Уголком глаза Корца внимательно смотрел на женщину, сидевшую рядом. На ней были потрепанные джинсы и запыленная белая рубашка. Ее умные карие глаза блуждали по салону и, казалось, оценивали каждого из сидящих в нем мужчин. Взгляд этих глаз пробегал мимо, не останавливаясь на нем, словно его здесь и не было. Испытывала ли она страх к нему как к мужчине, или как к священнику, или по какой-либо другой причине?

Положив ладони в перчатках на колени, Корца стал погружаться в медитацию. Он должен выбросить из головы мысли о ней. Все его святые устремления нужны ему для выполнения поставленной перед ним задачи. Возможно, выполнив ее, он сможет снова вернуться в святилище в Клойстере, где никто не потревожит его отдохновения.

Внезапно женщина коснулась его локтем. Рун напрягся, но не сдвинулся с места. Медитация уже ввела его в состояние покоя. Женщина наклонилась, чтобы посмотреть, как чувствует себя ее коллега; ее тонкие брови тревожно взметнулись вверх. Мужчина уже не придет в себя, но Рун не мог сказать ей этого. Она бы ни за что ему не поверила. Ну что может знать о ранах и кровотечениях простой пастырь?

Намного больше, чем она может себе представить.

15 часов 03 минуты

В кармане Эрин запищал мобильный телефон. Вытащив, она положила его рядом на сиденье по другую сторону с намерением скрыть аппарат от лейтенанта Перельмана. Эрин опасалась, что он не разрешит ей общаться с кем-либо, пока она в воздухе.

Эсэмэска была от Эмми: «Привет, профессор. Вы можете говорить?»

Лейтенант, казалось, смотрел в другую сторону.

Эрин набрала ответ: «*Пиши*».

Сообщение от Эмми пришло так быстро, как будто она печатала его, пока Эрин думала.

«Осмотрела бедренную кость скелета».

«И?»

«На ней следы зубов».

Это подтверждало прежнее предположение Эрин. Она еще тогда приняла эти отметины на кости за следы зубов. Вертолет сильно качало, и она с трудом напечатала ответ: *«Неудивительно... Здесь, в пустыне, немало хищников».*

Ответ от Эмми пришел не скоро — он был длинным и печатать его пришлось долго. «Но эти укусы такие же, какие я видела на наших раскопках в Новой Гвинее. Такое же расположение зубов. Такая же картина вгрызания».

Сердце Эрин забилось быстрее; она помнила, что нашла Эмми во время последней раскопки: охотники за головами в Новой Гвинее. Это могло означать только одно...

Неужто каннибализм? Здесь?

Если это так, то причина возникновения этого массового захоронения детей может оказаться еще страшнее предания об избиении младенцев царем Иродом. Количество скелетов новорожденных было весьма большим, что явно не свидетельствовало о недоедании или о нехватке продуктов и не могло служить признаком того, что младенцы стали жертвой голода.

«Какие еще свидетельства?» — напечатала она.

«4 передних зуба. Непрерывная дуга. Кости этого новорожденного обгрызали люди».

Палец Эрин застыл над клавиатурой — шок не давал ей продолжить переписку. И тут лейтенант Перельман внезапным движением выхватил у нее телефон. Она, пристегнутая к сиденью, рванулась, чтобы отобрать его. Лейтенант выключил телефон.

— Никаких контактов из вертолета! — закричал он.

Эрин задохнулась от гнева, но промолчала и, подчиняясь ему, скрестила руки на груди. Нет никакого смысла доводить этот эпизод до скандала.

Пока.

Лейтенант опустил телефон в карман рубашки. Телефона она лишилась.

Эрин облегченно вздохнула, когда вертолет опустился на площадку перед медицинским центром Гилель в Яффе. Она слышала, что здесь существует хорошее травматологическое отделение, и ее порадовало то, что пострадавшего доставили сюда так быстро. Она попыталась расстегнуть ремни, удерживающие ее на сиденье, но Перельман накрыл ее руку своей.

— Не сейчас, — предупредил он.

Его парни тем временем выбрались из вертолета и вытащили носилки. И Джулия уже стояла рядом с ними на площадке, по-прежнему сжимая в руке пальцы Хайнриха. Она подняла другую руку и помахала на прощание Эрин. Грудная клетка раненого поднималась и опадала, когда его везли на носилках. Он дышал. Эрин надеялась, что и вправду скоро увидит его снова.

Как только солдаты снова поднялись в вертолет, тот быстро и резко поднялся в воздух.

Грейнджер отвела взгляд от больничных корпусов и посмотрела на раскинувшуюся за Кесарией пустыню, а беспокойные мысли о положении Хайнриха сменились другими тревожными размышлениями, об обгрызенной бедренной кости.

Но все-таки куда же они меня везут?

Глава 4

26 октября,
15 часов 12 минут по местному времени
Тель-Авив, Израиль

Батория Даробонт стояла в ожидании в тени на лестничной площадке третьего этажа над отелем. Она смотрела вниз на выложенный плитками фонтан, занимавший большую часть вестибюля отеля; вода стекала по стене в полукруглую чашу из непривычного зеленого мрамора. Ей казалось, что глубина воды в фонтанной чаше два, а то и три

фута. Она поглаживала красивые бронзовые перила, прикидывая высоту площадки, на которой стояла.

Двадцать пять футов[1]. *Падение с такой высоты не смертельно. Действительно захватывающее действо.*

Мужчина, стоявший рядом с ней, постукивал по перилам. С копной черных вьющихся волос, огромными карими глазами и прямым носом, он выглядел так, как будто только что сошел с фрески, изображающей Александра Великого. Разумеется, он — принц из какой-то далекой страны — отлично сознавал, что был красивым и богатым, и осознание этого выработало у него привычку делать все так, как ему хочется.

Ее это беспокоило.

Ему страстно хотелось уговорить ее снять свое шелковое, от известного модельера платье и лечь с ним в постель. Она в общем-то не очень противилась этому, но ее больше интересовало то, что будет между ними, чем то, что этому предшествует.

Легким взмахом белой руки Батория откинула назад свои рыжие волосы, доходившие ей до талии, поймав его взгляд, устремленный на темную ладонь, вытатуированную у нее на горле. Необычный знак, и более опасный, чем кажется с виду.

— Как насчет пари, Фарид?

Его взгляд снова устремился в ее светлые глаза с серебристым отливом. У него действительно были на редкость длинные и густые ресницы.

— Пари?

— Давай на то, что тот, кто прыгнет в фонтан, — она показала своим длинным пальцем вниз на атриум, — то есть победитель, получает все.

— А ставки? — спросил он с безукоризненной улыбкой. По его виду можно было понять, что игра ему нравится.

Батория тоже улыбнулась, поднимая свое тонкое изящное запястье.

— Если ты выиграешь, я отдаю тебе свой браслет.

---

[1] Около 7,5 м.

Этот бриллиантовый браслет стоил пятьдесят тысяч долларов, но расставаться с ним она не намеревалась. Она никогда не проигрывала в спорах.

Фарид рассмеялся.

— Мне не нужен этот браслет.

— Но я отдаю его тебе в *твоем* номере.

Фарид заглянул за перила и замолчал. Молчаливым он ей нравился больше.

— Если выиграю я... — Она подошла к нему настолько близко, что пола ее шелкового платья касалась его горячей ноги. — Я получаю твои часы — ты отдаешь их мне в *моем* номере.

Часы «Ролекс»; по ее прикидке, они стоили столько же, сколько ее браслет. И они тоже были ей не нужны. Но прыжок сократит затянувшийся флирт и, возможно, приведет к более вдохновенному и страстному сексуальному наслаждению по сравнению с тем, на что Фарид, вероятно, был способен.

— А в каком же случае я окажусь в проигрыше? — спросил он.

Батория подарила ему долгий и томный поцелуй. Он ответил на него, как и положено настоящему мужчине. Она опустила свой мобильный телефон в его карман, нащупав пальцами стальное лезвие ножа. Фарид был вовсе не таким безоружным, как можно было предположить. Она припомнила слова своей матери:

Даже белая лилия и та отбрасывает черную тень.

Когда она отошла назад, Фарид провел обеими руками по ее покрытой шелком спине.

— А что, если мы обойдемся без прыжка?

Батория рассмеялась.

— Никогда в жизни.

Ухватившись обеими руками за холодные перила, она перепрыгнула через них. Приняла стойку, готовясь прыгнуть в воду ласточкой, — руки при падении разведены в стороны, спина выгнута. Платье плотно облегало ноги. В какой-то момент ей показалось, что она ошиблась, определяя глубину, и что падение будет для нее смертельным,

но именно в этот момент Батория почувствовала облегчение, которое было сильнее страха. Она упала в воду всей плоскостью тела, распределив таким образом его вес.

Удар о воду был настолько сильным, что у нее остановилось дыхание.

Примерно секунду Батория плавала лицом вниз в холодной голубизне, чувствуя покалывание в груди и в области живота, но потом ее бурлившая кровь постепенно успокоилась. Она перевернулась вверх лицом; ее ставший прозрачным корсаж показался из воды, в то время как вода, стекавшая с головы, изменила цвет ее волос, превратив их из рыжих в почти черные. Женщина весело рассмеялась.

Когда она встала на ноги во весь рост, все, кто был в вестибюле, уставились на нее. Несколько зрителей даже зааплодировали, словно то, что она проделала, было частью некоего шоу.

Наверху в растерянности стоял Фарид.

Батория выбралась из фонтана. Вода, стекая с ее тела, впитывалась в дорогой шерстяной ковер. Она поклонилась Фариду, и тот ответил на ее поклон легким кивком, за которым последовало драматическое расстегивание браслета его «Ролекса» и вздергивание бровей — признание того, что она выиграла пари.

Спустя несколько минут они уже стояли перед дверью ее номера. Батория чуть заметно дрожала в своем мокром платье в охлаждаемом кондиционерами воздухе коридора. Фарид своей ладонью, мягкой как шелк и горячей как уголь, гладил ее по спине, просунув руку под тонкое платье, — это тоже вызывало дрожь, но совсем иного рода. Она вздохнула и посмотрела на него мрачным взглядом, желая поскорее согреться именно жаром его тела, а не каким-либо иным способом, которые были у него в арсенале.

Когда Батория доставала карточку для открывания дверного замка, «Ролекс» болтался на ее запястье.

Открыв замок, она толчком распахнула дверь, и тут зазвонил ее мобильник. Но звонок доносился из брюк Фарида. Батория повернулась к нему, сунула руку в его карман и вытащила мобильник.

— Как он там оказался? — с изумлением спросил Фарид.

— Я сунула его туда, когда мы целовались. — Она смотрела на него с улыбкой. — Поэтому он и не промок. Я знала, что ты никогда не прыгнешь.

Морщина — признак уязвленной гордости — прочертила его великолепный лоб.

Остановившись в дверях, Батория проверила, что на телефоне. Это была эсэмэска, причем важная; в сообщении было указано имя отправителя. Она вся похолодела; охватившую ее дрожь уже невозможно было унять никаким теплом, никаким горячим прикосновением.

Времени для игры уже нет.

— Кто такой Аргентум? — спросил Фарид, глядя на дисплей телефона из-за ее плеча.

Ой, Фарид... ну какой женщине не хочется иметь свои тайны.

Именно поэтому Батория путешествовала под таким множеством фальшивых имен; под одним из них она и забронировала этот номер.

— Оказывается, мне необходимо срочно посетить одно место, — сказала она, войдя в номер и повернувшись к нему. — Здесь мы должны с тобой проститься.

Выражение мрачного разочарования появилось на его лице, глаза сверкнули гневом.

Фарид грубо втолкнул ее в комнату. Заключив ее в крепкие объятия и прижав к стене, он пинком ноги закрыл дверь.

— Я попрощаюсь с тобой, когда мы закончим, — хрипло сказал он.

Батория подняла бровь. Оказывается, в Фариде *пылал* скрытый огонь.

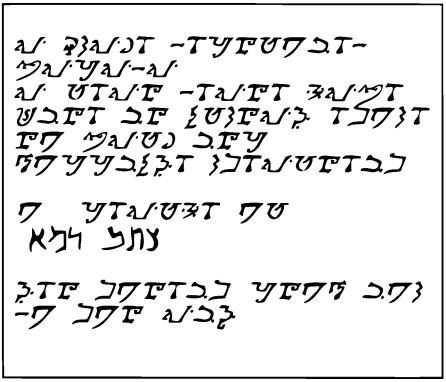
Улыбаясь ему и бросив телефон на кровать, она притянула его к себе еще ближе, их губы почти соприкасались. Она повернула его так, что его спина оказалась прижатой к стене, и потянулась рукой к его брюкам, отчего его мрачная улыбка стала шире. Но Фарид не понял, что она ищет. А Батория вынула из кармана спрятанный там нож, одной

рукой раскрыла его — и тут же вонзила лезвие ему в глазницу. Провернув лезвие, вытащила нож. Высвободилась из его объятий, прижав тело плотнее к стене, чувствуя через свою мокрую одежду тепло его тела и понимая, что это тепло, а вместе с ним и жизнь, скоро покинут это тело. Она наслаждалась этим остывающим теплом, крепче прижимаясь к нему и чувствуя, как билось в предсмертных судорогах его тело.

Когда Фарид затих, она наконец могла уйти. Его тело ожидала земля, его жизнь закончилась.

Оставив его там, где он лежал, Батория подошла к кровати и села на нее, скрестив ноги. Снова взяла телефон и открыла прикрепленный к письму посланный ей файл. На экране появилось единственное фото куска бумаги со странной надписью. Это рукописное послание пришло словно из другого времени, когда писали на пергаменте заточенным кусочком кости. Текст больше походил на код, чем на язык, он был написан на древнем варианте иврита.

Одним из направлений ее учебы в Оксфорде было изучение древних языков, и теперь Батория читала на латыни, на древнегреческом и на иврите так же свободно, как на своем родном венгерском. Она внимательно расшифровала письмо, будучи полностью уверена, что не допустила ошибок. Работая над текстом, она даже чаще дышала.

Землетрясение разрушило Масаду,
причинило множество смертей,
достаточно сильное, чтобы указать,
как Ее возможно откопать.

Батория прикрыла рукой свое белое горло, кончики пальцев ощупывали знак, черневший на ее коже. Она думала о той ночи, когда этот знак появился на ее горле и навсегда связал ее. Ее горячая кровь все еще бурлила в жилах.

Она продолжила чтение.

Иди. Найди.

ш

Один из рыцарей направлен туда для того,
чтобы разыскать ее.
Не останавливайся ни перед чем.
Ты должна довести все до конца.

Батория пристально вглядывалась в эти фразы, написанные на арамейском языке эпохи царя Ирода. Велиал[1] долго ждал этого послания. Ее губы беззвучно шевелились, произнося эти страшные слова. Произнести их вслух она не осмелилась.

Книга крови

Судорога какого-то ранее незнакомого страха свела ей пальцы.

Тот, на кого она работала, уже давно подозревал, что эта иудейская горная твердыня, возможно, хранит в своих недрах эту бесценную книгу. Однако он подозревал, что книга может храниться не только в этой крепости, но еще

[1] В е л и а л (Велиар) — одно из имен сатаны в Библии.

и в целом ряде других мест. В этом и заключалась одна из причин, по которым Батория тайно находилась здесь, в центре Святой земли. Отсюда она всего за несколько часов могла добраться по меньшей мере до дюжины мест, в которых могло бы быть устроено древнее хранилище.

Но был ли он прав? Могла ли Масада считаться надежным местом хранения Книги крови? Ведь если она и ее команда засветят свое присутствие здесь, то снова скрыться они уже не смогут. Было ли у него достаточно оснований, чтобы пойти на такой риск?

И лишь на последний вопрос она знала ответ.

Да.

Если эта Книга действительно извлечена из места ее хранения, то это единственная возможность, единственный шанс покончить со старым миром и создать новый мир, мир Его имени. Батория хотя и обучалась своему делу с юных лет, но все-таки никогда не верила, что такой день настанет.

Необходимо тщательно подготовиться.

Она нажала на вторую клавишу быстрого набора номеров, и на дисплее возник мощный мускулистый мужчина, который ответил после первого же звонка. Это был Тарек, ее заместитель.

— Какие будут указания?

В его низком басовитом голосе все еще чувствовался тунисский акцент, хотя он практически на протяжении всей своей жизни не общался ни с одним из соотечественников.

— Поднимай остальных, — приказала Батория. — Охота наконец-то начинается.

Глава 5

26 октября, 15 часов 38 минут
по местному времени
Борт вертолета в небе над Израилем

Эрин нестерпимо хотелось поскорее оказаться на земле, где не было этой жары, шума и пыли — и где не было бы этого священника. Ей нестерпимо жарко, но падре наверня-

ка еще хуже в его сутане, да еще и с капюшоном. Эрин пыталась вспомнить, когда католические священники перестали носить капюшоны. Еще до ее рождения. Капюшон на голове сидящего рядом преподобного и его солнцезащитные очки оставляли открытым только подбородок, квадратный с вертикальной складкой посредине. Подбородок кинозвезды... Но, сидя рядом с ним, Эрин испытывала беспокойство. Она могла с уверенностью сказать, что в течение получаса он даже не пошевелился. Вертолет, попав в воздушную яму, опустился на несколько футов, но ее желудок так и остался в воздухе на прежней высоте. Она с трудом сглотнула слюну. Как жаль, что она не взяла с собой воду. Да и у солдат, как ей казалось, тоже не было с собой воды, но они, похоже, отлично обходились без нее. Так же как и падре.

Монотонный, выжженный жарой пейзаж проплывал внизу. Вертолет, поднявшись в воздух с площадки возле больницы, взял курс на северо-восток в сторону Галилейского моря. После каждой минуты полета в голове возникали новые предположения относительно конечной точки их полета, но Эрин скоро потеряла интерес к попыткам угадать, в каком именно месте они могут приземлиться.

Они приблизились к знакомой горе с плоской вершиной; отвесные склоны возвышались посреди пустыни. Эрин рассмотрела белый палец, указывающий на платформу, возведенную римлянами, — с нее они в конце концов сокрушили стены крепости.

Масада.

Это место Эрин даже не рассматривала в качестве конечной точки их полета. Подробные раскопки в Масаде были проведены еще в шестидесятых годах. И ничего нового не было обнаружено здесь в течение прошедших десятилетий. Туристы исходили здесь все вдоль и поперек.

Возможно, после землетрясения что-то новое вблизи крепости стало доступным для глаза. Какой-нибудь римский лагерь? Или останки, пролежавшие в земле девятьсот лет... Ведь всего здесь было обнаружено тридцать или сорок тел. Они были перезахоронены со всеми воинскими почестями в 1969 году.

Эрин нагнула шею, чтобы обеспечить себе лучшую видимость. Повсюду лишь непотревоженные пески, никаких признаков деловой активности вокруг подножия горы. Но на вершине она приметила большой вертолет. Возможно, туда и лежит их путь... Эрин выпрямилась на своем сиденье, готовясь к тому, чтобы выяснить, чего ради она так спешно понадобилась здесь.

Падре тоже сделал еле заметное движение: его красивый подбородок чуть повернулся. Значит, он, по крайней мере, еще живой. Она как-то не учла его присутствия в вертолете, когда задумывалась над конечной точкой их маршрута. Масада, хотя и являлась в первую очередь иудейской исторической достопримечательностью, хранила внутри себя руины византийской церкви, построенной примерно в 500 году н. э. Землетрясение, возможно, сделало видимыми какие-либо христианские мощи или реликвии. Но если израильтяне хотят передать находки этому священнику, то какая необходимость в ее присутствии здесь? Концы с концами что-то не сходятся...

Вертолет стал приближаться к вершине; в открытую дверь залетал песок, поднимаемый с земли винтами. Эрин сощурилась и прикрыла глаза ладонями, защищаясь от горячих песчинок. Надо было позаботиться о защитных очках. И о воде. И об обеде. И о запасном мобильнике.

Жаль, что Перельман отобрал у нее телефон. Наверняка ее студенты уже не раз звонили ей, чтобы рассказать о состоянии Хайнриха... Да пошло все куда подальше: она не желала думать о том, что будет сейчас. Эрин хотела быть на месте своих раскопок, там где сейчас ее студенты. Ведь, что бы ни случилось, она несет за них всю полноту ответственности.

Эрин поднесла большой и указательный пальцы к уху, как бы говоря Перельману, что ей нужен телефон.

Вынув ее аппарат из кармана, лейтенант закричал, перекрикивая шум:

— Только не включайте его!

— Слушаюсь, сэр.

В таком страшном шуме он не мог расслышать сарказма, которым она щедро приправила свою реплику.

Эрин сунула телефон в задний карман джинсов. Но в ту же секунду, когда лейтенант отвернулся от нее, она включила мобильник и проверила, есть ли на нем сообщения.

Внезапно в поле зрения возникла вершина.

Оглушенная грохотом, Эрин, нагнув голову, напряженно смотрела вниз. В тот момент, когда ей стало понятным, что она видит внизу, ее словно громом поразило.

Масада... *пропала.*

Стены, строения, водохранилища — все превратилось в кучи камней. Стены с бойницами, окружавшие крепость в течение тысячелетий, были полностью разрушены. Вместо колумбария и синагоги она увидела груды бутового камня. Гора практически была рассечена напополам. Такого разрушения ей никогда до этого не доводилось видеть.

Пилот сбавил обороты винта, и они зависли над покатой площадкой, поскольку плоская вершина горы была сплошь усеяна каменными обломками. Вертолет стал садиться.

Эрин силилась рассмотреть хоть что-то сквозь окутавшее их облако пыли. Возле края плато были выложены черные прямоугольники. Они имели слишком правильную форму, а потому их нельзя было отнести к творениям природы. Два человека принесли и бросили новый мешок рядом с остальными.

Мешки для трупов. И причем не пустые.

Масада была одним из наиболее притягательных для туристов местом в Израиле. Возможно, в момент землетрясения там было множество туристов. Сколько еще жизней поглотила проклятая гора? Живот Эрин вновь свели спазмы, но на этот раз не из-за вертолета.

Холодная рука легла ей на плечо, отчего она в страхе отпрянула. Падре. Он тоже, должно быть, заметил мертвых. Может быть, она была несправедливой к нему. Возможно, он здесь для того, чтобы исполнить прощальные обряды или проследить за тем, чтобы с мертвыми обходились так, как этого требует церковь.

Ей сразу стало не по себе от одной мысли о том, как сильно она испугалась за несколько минут до этого. Это ведь не было местом раскопок. То, что она видела, было последствием стихийного бедствия. Как ей хотелось снова оказаться в Кесарии!..

Лейтенант Перельман, выпрыгнув из вертолета, лающим голосом скомандовал что-то на иврите. Его люди покинули вертолет через оба выхода и направились к трупным мешкам. Должно быть, им было поручено собрать тела. Неудивительно, что офицер хранил в таком строгом секрете порученное ему задание. Лично она такому заданию не позавидовала бы.

Священник выпрыгнул из вертолета грациозно, как кот. Струи воздуха от крутящихся лопастей раздували полы его сутаны. Поглубже надвинув на голову капюшон, он стал вертеть головой из стороны в сторону, словно ища что-то.

Эрин старалась нащупать своей мокрой от пота рукой зажимы ремней безопасности. Пол под ее ногами казался накренившимся. Стараясь успокоиться, она откинулась на спинку сиденья и сделала несколько глубоких вдохов. У израильтян была причина на то, чтобы привезти ее сюда, а значит, ей надо успокоиться и выяснить, что это за причина.

Падре повернулся и протянул ей свою повернутую на старый манер, ладонью вверх, руку в перчатке, чтобы помочь выбраться из вертолета, — вполне куртуазный жест, явно не имевший ничего общего с тем, как лейтенант Перельман вытаскивал ее из котлована перед полетом сюда.

Поблагодарив святого отца, Эрин оперлась на его руку. Он отпустил ее в тот самый момент, когда подошвы ее кедов ступили на известняк. Ветер сдул с его головы капюшон, открыв бледное лицо с высокими скулами и густыми черными волосами. Симпатичный мужчина для священника.

— Tot ago attero... — пробормотал он, снова натягивая капюшон на голову и скрывая под ним лицо. «Какая большая потеря», — быстро перевела с латыни Эрин.

Преподобный поклонился ей перед тем, как уйти с целеустремленным видом, словно ему как минимум было известно, зачем он здесь.

Прикрыв рукой глаза, Эрин посмотрела на солнце, стоявшее уже не так высоко. Примерно через час солнце сядет. Если к этому времени они не погрузят тела, наверняка нагрянут шакалы. При этой мысли ее всю передернуло, несмотря на жару.

Она заставила себя смотреть на картину разрушений, на то, что происходило позади трупных мешков, на людей, извлекающих трупы из-под развалин. Люди эти были одеты в небесно-голубые биозащитные костюмы.

Биозащитные костюмы при землетрясении?

Прежде чем Эрин успела осознать причину такой предосторожности, к ней приблизился высокий солдат. На нем не было биозащитного костюма. Это уже хорошо.

Солдат шел прямо к ней. Даже не имей он на предплечье своей куртки цвета хаки вышитого флага, она бы безошибочно признала в нем американца. Все в нем говорило: «яблочный пирог»[1] от белокурых волос, подстриженных и уложенных по армейскому уставу, до лица с квадратным подбородком и широких плеч. Его ясные голубые глаза смотрели прямо на нее, показывая, что он готов к любой реакции с ее стороны. Солдат ей понравился. Он производил впечатление умелого и дельного человека, не привыкшего отступать в трагических ситуациях, в которые он наверняка попадал. Но что американские военные делают здесь, на вершине израильской горы?

— Доктор Эрин Грейнджер?

Так вот оно что, он ждал ее. А что ей сулит эта встреча — успокоение или дополнительные тревоги и волнения?

— Да, я доктор Грейнджер.

Солдат посмотрел на священника, который за ее спиной шел в сторону от них по площадке, усыпанной бутовым

[1] «Яблочный пирог» — намек на известную поговорку «американский, как яблочный пирог» (as American as apple pie).

камнем. Подняв одну бровь, он негромко сказал, обращаясь к лейтенанту Перельману:

— А вот падре мое присутствие здесь не обрадовало.

Лейтенант подал знак двум своим солдатам, а потом, прежде чем ответить, кивнул в сторону священника.

— Падре Корца присутствует здесь по просьбе Ватикана. Во время землетрясения в Масаде находилась группа туристов-католиков. В ее составе был племянник кардинала.

Так вот почему здесь падре, подумала Эрин. Одна тайна раскрыта. Солдат, казалось, согласился с ее умозаключением и снова посмотрел на нее.

— Спасибо вам, доктор Грейнджер, за то, что вы приехали. Нам надо спешить.

Он пошел в сторону от вертолета, туда, где были наиболее значительные разрушения.

Эрин пошла за ним, стараясь не отставать, так как он на своих длинных ногах двигался вперед намного быстрее, чем она. Идя рядом с ним, женщина смотрела на него и под ноги, стараясь не замечать трупные мешки и не молчать, чтобы хоть как-то отвлечься от тяжких дум.

— Меня буквально вытащили с места раскопок, причем без всяких объяснений. Что вообще здесь происходит?

— Со мной произошло почти то же самое. — Его губы скривились в усталой улыбке. — Еще вчера я был в Афганистане. Всего несколько часов назад прилетел в Иерусалим. — Он остановился, вытер ладонь о свою футболку песочного цвета и протянул ей руку. — Для начала позвольте представиться: сержант Джордан Стоун. Девятый батальон рейнджеров. Израильтяне обратились к нам за помощью.

Его рукопожатие было теплым и твердым, без намека на агрессивность; Эрин сразу заметила белую полоску на его левой руке там, где должно было быть обручальное кольцо. Почувствовав неловкость оттого, что ей бросилась в глаза эта деталь, она быстро отпустила его руку и представилась:

— Доктор Эрин Грейнджер.

Они пошли дальше.

— Не сочтите это за грубость, доктор, но, если вы хотите продолжить ваши археологические изыскания, нам надо спешить. Ожидаются последующие толчки.

Эрин прибавила шаг.

— А зачем на них биозащитные костюмы? Тут что, произошло нападение с применением химических или биологических средств?

— Не совсем так.

Прежде чем Эрин успела попросить его объяснить более подробно и внятно, что здесь произошло, сержант остановился у края известняковой глыбы, преграждающей путь, повернулся к ней и сказал:

— Доктор, вы должны собраться с духом и набраться мужества.

16 часов 03 минуты

Джордан сомневался в том, что Грейнджер когда-либо видела нечто подобное. Тропа была сплошь завалена камнями и усеяна раздавленными изуродованными телами: некоторые были засыпаны, другие смотрели широко открытыми невидящими глазами на безжалостное солнце; здесь были и старики, и дети. Вот если бы у нее были шоры, которые надевают на лошадей, Джордан мог бы уберечь ее от такого зрелища. Но шор у него не было, поэтому ей пришлось идти через весь этот ужас до временного лагеря, разбитого на краю пропасти, образовавшейся после землетрясения.

Джордан обошел тело, накрытое куском голубого брезента. Сержант не позволял себе отвлекаться на мертвых; он достаточно насмотрелся на них в Афганистане. Возможно, прошлым вечером он, в одиночестве, выпил слишком много виски «Джек Дэниелс» с единственной целью — отвлечь себя от постоянных мрачных дум. А до этого он должен был держать под контролем и свою команду, и собственные чувства.

Встреча с археологом вызвала у него некоторое удивление. Но не тем, что перед ним оказалась женщина. Стоун не имел ничего против работы с женщинами. Некоторые из

них были вполне дееспособными, другие — нет; этим они не отличались от мужчин. Но для начала неплохо бы выяснить, зачем сюда был направлен археолог...

Джордан тыльной стороной ладони отер пот со лба. Все вокруг было под слоем пыли, а температура как будто застыла на отметке девяносто градусов[1]. Он глубоко вдохнул, чувствуя в жарком воздухе пустыни медный привкус крови. И тут он заметил, что доктора Грейнджер нет за его спиной.

Стоун ожидал, пока она поравняется с ним, и, глядя на нее, заметил в ее глазах выражение сочувствия и сострадания; она не отрывала взгляда от руин и развалин, озирая мертвые тела, скорбные позы мертвых. Сегодняшний день она забудет не скоро.

— Вы в порядке? — спросил он.

— Пока я иду, все нормально. Но если придется на некоторое время остановиться, вам придется весь оставшийся путь нести меня на руках.

Говоря, Эрин смотрела на него с вымученной улыбкой, которая, казалось, стоила ей нечеловеческих усилий.

Джордан снова пошел вперед, но более медленным шагом, чем раньше, пытаясь держаться подальше от разбросанных по земле тел.

— Большинство жертв умерли мгновенно. К счастью, они ничего не почувствовали.

Но это была неправда. Для того чтобы убедиться в этом, ей достаточно было посмотреть на мертвые тела.

Эрин скептически подняла бровь, но не стала разубеждать его, что он, конечно же, оценил.

Она пристально смотрела на тело молодой женщины. Ее лицо было покрыто волдырями, кровь запеклась вокруг глаз и рта. Совсем не типичная жертва землетрясения.

— Ведь не все эти тела были раздавлены, сержант. Отчего умерли те, кто не попал под камни?

— Зовите меня Джордан. — Стоун заколебался, он готов был держать пари на то, что, соври он и на этот раз, она

[1] 32 градуса по Цельсию.

поймала бы его на лжи. Уж лучше сказать ей самую малость из того, что дозволено, чем вынуждать ее делать предположения. — Мы пока только берем пробы, но, по данным предварительного анализа на газовом хроматографе, мы предполагаем, что они подверглись воздействию какой-то субстанции, сходной с зарином[1].

Эрин споткнулась о кусок обтесанного камня, но продолжала идти. Джордан восхищался ее мужеством.

— Нервно-паралитический газ? Так вот почему привлекли американских военных...

— Израильтяне обратились к нам за помощью, потому что у нас есть опыт в подобных делах. Но пока мы еще не дали точного ответа о природе этого газа. Наиболее вероятно, что это зарин. Быстрое воздействие, мгновенное распространение. Но к тому времени, когда первые специалисты подразделения оперативного реагирования прибыли в Масаду, газ уже превратился в инертный.

Хотя бы здесь немного повезло, подумал Джордан, а то число жертв могло бы быть значительно большим. Израильтяне считают землетрясение главной причиной произошедшего. Первые специалисты подразделения оперативного реагирования надели защитные костюмы только после обнаружения первых трупов.

— Кто мог это сделать?

В голосе Эрин слышались шоковые интонации человека, не привыкшего ежедневно собственными глазами видеть подобное. Он невольно позавидовал ей.

— К сожалению, у меня нет ответа на этот вопрос.

Даже газ был окутан тайной. У него не было никаких параметров, по которым можно было бы определить современное средство, используемое в военных целях. При разложении основных составляющих этого газа парни Джордана выявили странные аномалии. Например, присутствие корицы. Ну кто, черт возьми, сдабривает специями нервно-паралитический газ? Его группа все еще пытается опреде-

[1] З а р и н — боевое отравляющее вещество нервно-паралитического действия.

лить природу нескольких столь же странных и трудно уловимых при анализе ингредиентов.

Поэтому Джордан до сих пор и не выяснил точного состава газа. В этом и заключалась его работа, и он был большим специалистом в данной области. Он старался отогнать от себя даже мысль о том, что обнаружил ранее не известный нервно-паралитический газ с такой высокой поражающей способностью, в особенности здесь, на Ближнем Востоке. Ни его руководство, ни израильтяне явно не придут в восторг, узнав об этом.

Перед ним лежал трупный мешок, обойти который было невозможно. Джордан протянул руку доктору Грейнджер, намереваясь поддержать ее и в то же время по возможности приободрить. Она сжала его руку крепче, чем он ожидал. Ее сил хватит на то, чтобы работать не только карандашом.

— А может, это была террористическая атака?

Голос Эрин звучал по-прежнему уверенно, но рука чуть-чуть дрожала. Надо поддержать разговор, решил Джордан, дабы успокоить ее.

— Именно об этом израильтяне сразу и подумали. — Он отпустил ее руку. — Но токсичный газ распространился одновременно с землетрясением. Мы подозреваем, что старые емкости с ядовитым веществом могли быть закопаны где-то здесь, и под воздействием земных толчков они раскрылись.

Она нахмурила брови.

— Масада — это ведь святое археологическое место. Я не могу допустить и мысли о том, чтобы израильтяне могли захоронить здесь нечто подобное.

Джордан пожал плечами.

— Как раз для того, чтобы выяснить это, я и мои ребята прибыли сюда.

Так вот что ему приказано сделать: найти источник и, соблюдая все меры предосторожности, извлечь или взорвать оставшиеся емкости.

Некоторое время они шли молча. До уха Джордана долетел звук, похожий на падение трупного мешка на железный пол вертолета. Им надо поспешить. Приближается ночь, а ему не хотелось выделять ни одного из своих парней

для отпугивания шакалов. Он заметил, что глаза Эрин остекленели и расширились, а дыхание стало хриплым. Надо отвлечь ее разговором, решил он.

— Мы уже почти дошли до лагеря.

— Кто-нибудь остался в живых?

— Только один. Мальчик.

Стоун жестом указал вперед на передвижную лабораторию, размещенную в герметизированной пластиковой палатке, в которой находился сейчас подросток.

— Он был здесь один? — спросила Эрин.

— С родителями.

Предположительно мальчик несколько раз глубоко вдохнул этот химическое отравляющее вещество, но выжил. По его описаниям газ выглядел как горячее красновато-оранжевое облако со сладким специфическим запахом. Ни один из современных нервно-паралитических газов не подходит под это описание.

Джордан, посмотрев на нее, сказал:

— Его родителям не повезло.

— Да, — вздохнув, согласилась Эрин.

Стоун пристально смотрел на пластиковую палатку, стоящую на краю засыпанной камнями площадки. Сквозь прозрачные пластиковые стены он рассмотрел священника, стоявшего на коленях рядом с мальчиком. Его порадовало, что мальчик не один и возле него присутствуют люди. Но какие слова духовного отца могут успокоить его?

Неожиданно даже его собственная работа показалась ему не такой трудной.

— Так это ваш лагерь? — Эрин показала на стоящую перед ними потрепанную односкатную парусиновую палатку, стоящую на краю провала.

Лагерь — слишком пышно сказано.

— Ну и убожество.

Стоун снова посмотрел на провал. Тот словно гигантский шрам прорезал землю, пять ярдов в ширину и не меньше ста ярдов в длину. Даже если поверить в то, что он возник в результате обычного землетрясения, провал все равно казался неестественным.

— Это и есть ваш масс-спектрометр? — спросила археолог, когда они дошли до места.

Глядя на ее удивленное лицо, Джордан не мог сдержать улыбку.

— Неужели вы думаете, что они доверят нам, мелким армейским сошкам, работать с такими дорогими игрушками?

— Да нет... просто... ну...

Ему нравилось наблюдать, как она заикается от смущения. Каждый считает, что, если на тебе форма, твои умственные способности проверили на призывном пункте.

— Мы слегка растрясли его на камнях, доктор, но он, кажется, работает.

— Простите, — сказала она. — Я не это имела в виду. И, прошу вас, называйте меня Эрин. Когда я слышу «доктор», то чувствую себя педиатром.

— С удовольствием. — Кивнув, Стоун указал ей на палатку. — Ну вот, Эрин, смотрите.

Двое из его парней что-то делали в этом убогом пристанище. Один, присосавшись к солдатской фляге, стоял перед компьютером. Другой сидел перед монитором, вертя координатные ручки на пульте дистанционного управления передвижным устройством, выделенным их группе. Примерно час назад они опустили на канате небольшого робота в расселину, образовавшуюся после землетрясения.

Как только сержант ввел ее в палатку, оба парня, повернув голову, быстро кивнули ему, но намного дольше задержали свои взгляды на симпатичном белокуром докторе.

Джордан представил Эрин, подчеркнув ее ученое звание.

Молодой веснушчатый парень снова занялся рукоятками управления роботом.

Джордан, указав на него, сказал:

— Доктор Грейнджер, это наш виртуозный компьютерщик, капрал Сэндерсон, а вот тот джентльмен, уничтожающий наши запасы питьевой воды, — это младший сержант Купер.

Хорошо сложенный чернокожий парень натянул на руки латексные перчатки. Не меньше чем дюжина пар та-

ких испачканных кровью перчаток уже лежали в стоящем возле него мусорном контейнере.

— Я бы с удовольствием сделал перерыв, чтобы поговорить, но мне надо заканчивать уборку, — сказал Купер и перевел взгляд на Джордана. — Куда ты засунул запасные батареи? Цифровая камера Маккея еле дышит, а нам надо фотографировать каждое тело, перед тем как укладывать его в мешок.

Эрин вздрогнула и снова побледнела. За время своего долгого пребывания в воюющей стране Джордан осознал, как легко и быстро привыкаешь к постоянному ужасу, в окружении которого находишься почти ежедневно. Сейчас он практически ничего не мог для нее сделать. Так же как и для тел, лежащих вокруг палатки.

— В голубой сумке, в правом кармане.

Купер, расстегнув молнию на кармане сумки, извлек из него ионно-литиевую аккумуляторную батарею.

— Вот черт! — выругался Сэндерсон, и все повернули голову в его сторону.

— В чем дело? — спросил Джордан.

— Да этот ровер[1] снова остановился.

Купер, закатив глаза, вышел из палатки.

Капрал, нахмурившись, смотрел на экран монитора с таким видом, словно, играя в компьютерную игру, должен был сдаться.

Эрин, склонившись над его плечом, смотрела на четыре монитора, каждый из которых показывал материал, отснятый камерами, установленными на ровере.

— Это изображения из той самой расселины?

— Ну да. Вот только ровер, кажется, завяз намертво...

Глядя на экран, легко можно было понять, из-за чего Сэндерсон впал в такое отчаяние. Ровер угодил в трещину, в которой его заклинило. Упавший на него крупный песок и мелкие камни затемняли изображения, передаваемые двумя камерами. Сэндерсон нажимал на рычаги, звенья

[1] Ровер — исследовательский мобильный аппарат.

гусениц перемещались, поднимая пыль и песок, но само устройство оставалось на месте.

— Кусок армейского дерьма! — выругался он, имея в виду ровер.

Проблема заключалась отнюдь не в оборудовании. Ровер был вполне современным устройством, оснащенным датчиками и радарами, способными зафиксировать то, как пукнет мышь, хозяйничающая на складе. Проблема была в том, что Сэндерсон еще не освоил искусства манипулирования парой рычагов. Джордан также не освоил этого.

Эрин посмотрела на него любопытным взглядом.

— Это, кажется, устройство ST-20? Я прокорпела за таким пультом не одну сотню часов. Можно мне попробовать?

Возможно, стоит дать ей такую возможность... Сэндерсон, похоже, не сможет ничего сделать с роботом. К тому же Роджер с уважением относился к тем, кто готов был действовать быстро и энергично, чтобы помочь справиться с затруднением.

— Конечно.

Сэндерсон с видимым разочарованием убрал руки с пульта и отъехал на своем стуле, освобождая проход.

— Будьте моей гостьей. Единственное, что я еще не пытался предпринять, — это спуститься в эту щель и дать пинка этому роботу.

Эрин встала на то место, где только что стоял стул Сэндерсона, и взялась за оба рычага с таким видом, будто знала, что следует делать. Она попеременно включала рычаги заднего и переднего хода, пытаясь двинуть ровер то вперед, то назад, — действовала так, словно пыталась припарковать автомобиль на малом пространстве впритык с другими автомобилями.

— Я уже пытался это делать, — сказал Сэндерсон. — Ничего из этого...

Внезапно ровер выбрался из щели. Джордан заметил, как на лице Эрин появилось едва заметное выражение человека, одержавшего победу, и проникся к ней еще большим уважением, в том числе и за то, что она пощадила самолюбие Сэндерсона. А он стоял, уперев руки в бока.

— Леди! Вы же опозорили меня в глазах моего непосредственного командира.

После этого он улыбнулся и подкатил стул, поставив его позади нее, словно трон. Устроившись на стуле, Эрин посмотрела на Джордана.

— А что вы ищете?

— Наша команда была откомандирована сюда с заданием найти источник газа.

— Позвольте мне сообщить вам кое-что, — сказала она с бесхитростной улыбкой. — Я здесь для того, чтобы по просьбе правительства Израиля проследить за тем, чтобы вы в процессе своей работы не повредили ни одного из тысячелетних артефактов.

На лице Джордана тоже появилась улыбка.

— Значит, мы занимаемся похожими делами.

Он не пошел в своих объяснениях дальше того, что сказал, но о ее присутствии здесь просили израильские спецслужбы, а не управление по охране памятников старины. Однако он еще в этом не убедился. А невыясненные секреты просто приводили его в бешенство.

Все глаза были прикованы к мониторам, когда Эрин направила ровер на груду камней.

— А кстати, чем вы занимаетесь в Израиле? — поинтересовался Сэндерсон.

— Веду раскопки в Кесарии, — ответила она. — Рутинная работа.

По тону, каким она сказала это, Джордан понял, что для нее эта работа вовсе не рутинная. Интересная.

Ровер заскользил по обнаженной поверхности каменной породы и, съехав с нее, оказался в странного вида прямом проходе.

— Обратите внимание на стены. — Она поворачивала камеры ровера. — Их поверхности не гладкие. А покрыты остроугольными сколами.

— Значит? — нетерпеливо спросил Роджер.

— Этот туннель пробит людьми. Руками и зубилом.

— Так это спуск вниз? К центру горы? — Он подошел ближе к ней. — И кто же, по-вашему, мог его пробить? Мятежные иудеи, которые погибли в крепости?

— Возможно. — Эрин отклонилась подальше от него — из соображений сохранения личного пространства. — А может быть, византийские монахи, жившие на этой горе спустя несколько столетий... Без подробного исследования нельзя сказать что-либо определенное. Я полагаю, что этот малыш, возможно, является первым, кто после столь длительного периода времени прошел по этому переходу.

Ровер снова вскарабкался на груду камней; в свете галогеновой лампы, укрепленной поверх его лицевой поверхности, смоляно-черная трещина приобретала странный беловатый оттенок.

— Проклятие, — вырвалось у Эрин.

— В чем дело? — спросил Джордан.

Она полностью развернула ровер вправо, чтобы показать груду разбитых камней.

— И что это?

Для Джордана эта груда мало чем отличалась от других подобных груд камней.

— Посмотрите наверх. — Эрин обвела пальцем ту часть изображения на мониторе, которая привлекла ее внимание. — Здесь был туннель, но он обрушился.

— Так тут немало подобных мест, — вступил в разговор Сэндерсон. — Почему вы считаете эту груду важной находкой?

— Посмотрите по сторонам, — ответила Эрин. — На них видны следы довольно-таки современных буровых инструментов.

Джордан в волнении подался вперед.

— И что это значит?

— Это значит, что кто-то пробивал проход в этот туннель — возможно, в прошлом столетии или что-то около того. — Эрин вздохнула. — И, вероятно, украл что-то ценное.

— Так, может, это *они* и оставили газ.

Предположив это, Джордан почувствовал облегчение, однако не был уверен, из-за чего: возможно, потому, что этот газ был современным нервно-паралитическим, а не каким-либо отравляющим газом, применявшимся в древности. Но облегчение он все-таки почувствовал.

Эрин снова развернула ровер и пустила его вперед вниз по тропе. Вдруг он выехал на открытое место.

— Остановитесь здесь, — сказал Роджер. — Что это за место?

— Похоже на подземное хранилище.

Эрин повернула ровер, для того чтобы осмотреть это пустое помещение. Никаких разбитых емкостей в нем не было.

Джордан, повернувшись в сторону капрала, спросил:

— Что показывают приборы?

Сэндерсон согнулся над монитором. У него могли возникнуть проблемы с управлением ровером, но свои приборы этот парень знал хорошо.

— Большое количество продуктов вторичного распада. Никаких активных субстанций. Однако здесь присутствуют самые горячие точки во всей этой области. Я бы сказал, что это хранилище и есть источник газа.

Одна из камер повернулась под углом вверх, и на мониторе появилась картина сводчатого потолка.

— Похоже на церковь, — сказал Сэндерсон.

Эрин покачала головой.

— Больше похоже на подземный храм или гробницу. Да и стиль постройки древний.

Она провела рукой по экрану, как будто это помогало ей ощутить сам камень.

— А что это за ящик? — спросил Джордан.

— Я думаю, саркофаг, но не могу категорически утверждать это, пока не осмотрю его вблизи. Этот свет не дает ясной картины.

Эрин направила ровер вперед, но он остановился. Она нажала на оба рычага и нетерпеливо вздохнула.

— Опять застрял? — спросил Джордан.

Они находились сейчас совсем близко друг от друга.

— Конец связи, — объявила Эрин. — А если говорить точно, то это максимальная длина каната, на которую может удалиться ровер.

Она стала рассматривать изображение, посылаемое камерой, направленной на саркофаг.

— Это почти наверняка погребальное вместилище. И если это так, то здесь, должно быть, погребен кто-то из важных персон.

— Достаточно важный для того, чтобы в его склеп ставили мины-ловушки?

Если так, то вот оно, объяснение.

— Такое возможно, но у египтян, не у иудеев — первые были известными придумщиками и изготовителями коварных капканов. — Потерев подбородок, она закончила: — Но это бессмысленно.

— Здесь все сделано со смыслом, — возразил Сэндерсон и хмыкнул, словно подтверждая свои слова. — Хотя бы этот нервно-паралитический газ, пахнущий корицей.

Эрин быстро повернулась к нему на вертящемся стуле:

— Что?

Джордан сердито посмотрел на Сэндерсона, а затем рассказал, что они обнаружили.

— Одна из аномалий этого газа. Мы обнаружили следы присутствия в нем корицы.

— Тогда это дает *некоторую* возможность предположить, что внутри находится гробница.

— Каким образом? — спросил Джордан, не видящий в этом факте никакого смысла.

— В древности корица была очень редкой приправой, — объяснила Эрин. — При погребении богатых людей ее сжигали в процессе погребальных обрядов, считая, что ее запах приятен Богу. Об этом есть много упоминаний в Библии. Моисею было приказано использовать ее, когда он готовил масло для миропомазания.

— Так, значит, корица — это загрязняющая примесь?

Джордан был рад полученной информации. О корице он знал только то, что ему нравились посыпанные ею гренки.

— Концентрация корицы в остаточном газе слишком высока, чтобы считать ее просто загрязняющим веществом, — более уверенным голосом произнес Сэндерсон.

— А что еще вы можете рассказать мне о том, как древние использовали ее? — поинтересовался Джордан.

— Если бы я знала, что такой вопрос возникнет, я бы непременно подготовилась, — ответила Эрин с искренней улыбкой, которая сразу умерила его настороженность. — Возможно, они использовали ее для улучшения пищеварения. При простудах. Для борьбы с кровососущими насекомыми.

— Ищи ее! — приказал Джордан.

Он в одно мгновение оказался за спиной Сэндерсона, в таком возбужденном состоянии, словно только что выпил чашку тройного эспрессо. Пальцы капрала летали по клавиатуре.

— Нашел.

— В чем дело? — спросила Эрин. — Что я такого сказала?

— Возможно, вы частично решили мою проблему, — ответил Джордан. — Большинство средств, отпугивающих кровососущих насекомых, отличаются от нервно-паралитического газа всего на две химических связи. Первый нервно-паралитический газ...

Сильный подземный толчок не дал ему закончить. Стул Эрин откатился назад и едва не опрокинулся. Джордан успел задержать его; парусиновая палатка закачалась, а опорные металлические конструкции протестующе затрещали.

Эрин напряглась, будто готовясь соскочить со своего стула, но Стоун, положив руки ей на плечи, удержал на месте.

— Вы будете в большей безопасности, если во время толчков останетесь здесь, — сказал он.

Джордан не добавил к сказанному, что на всем разрушенном плато не было ни одного безопасного укрытия. На то, чтобы окончательно расколоть напополам эту столовую

гору[1], потребуется не так много подземных толчков. Подземный толчок сошел на нет.

— Все в порядке, хватит глазеть попусту. — Он повернулся к Сэндерсону: — Ты уверен, что в этом помещении нет активного газа?

Капрал согнулся над клавиатурой и почти сразу выпрямился.

— Нет, сэр. Ни одной молекулы.

— Отлично. Тащи сюда Купера и Маккея и предупреди Перельмана. Мы готовимся и спускаемся впятером.

Эрин встала, будто и она тоже была готова идти с ними, но Роджер покачал головой.

— Простите, но вам придется побыть наверху, пока мы не убедимся в безопасности камеры.

Она сердито нахмурилась.

— Вы для этого сдернули меня с места раскопок и притащили сюда? Я не собираюсь...

— Я отвечаю за четырех солдат своей команды. А это весьма нелегкая ответственность, доктор Грейнджер. Возможно, как раз там, внизу, и находится источник этого смертоносного нервно-паралитического газа. Я не вправе подвергать риску жизнь штатского человека.

— Опять я для вас доктор Грейнджер, да? — То, как Эрин произнесла эти слова, внезапно тронуло его. Она напомнила ему мать. — Скажите, а какую постоянно действующую инструкцию в отношении меня вы получили, сержант Стоун?

— Как я уже говорил вам, убедиться в целости этого места.

Он старался сдерживать себя и говорить мягко, но убедительно. К тому же сейчас у него не было времени на то, чтобы вступать в спор с разгневанной ученой женщиной, желающей сунуться в самое пекло.

— Интересно, как я могу убедиться в целости этого места, сидя здесь?

---

[1] Столовая гора — гора с плоской вершиной.

— Вы же сказали, что единственная вещь там — это саркофаг...

— Я сказала, что это единственное, что я могу видеть отсюда. Ну а что находится внутри саркофага, сержант Стоун?

Ее тон стал градуса на два холоднее, чем минуту назад. Но Джордан решил не сдаваться.

— *Это меня мало заботит, доктор. Я...*

— А как раз это и должно вас заботить. Потому что он открыт.

Стоун в удивлении отступил на шаг назад.

— Что?

Эрин ногтем пальца постучала по экрану, показывая место на изображении, передаваемом камерой ровера.

— Смотрите. Это крышка. Она стоит на ребре рядом с саркофагом. Вероятно, кто-то вскрыл саркофаг и снял с него крышку.

Как жаль, что она это увидела. Насколько теперь усложнится его жизнь...

— Мы и представить себе не можем, что может оказаться внутри, — понизив голос, произнесла Эрин. — Тело иудейского царя. Одна из первых копий Торы. Масада — это бесценное историческое место для еврейского народа. Если что-то будет повреждено...

Джордан открыл рот, намереваясь возразить ей, но вместо этого сделал глубокий вдох, за которым последовал медленный выдох. Израильтяне получат его голову, если его команда допустит хотя бы малейшую ошибку. Да пропади все пропадом.

— Там же могли находиться и неповрежденные емкости с газом. И если так, то кто даст гарантию, что они не могут быть в любой момент повреждены очередным подземным толчком? И нас ждет такой же конец, как и тех людей, что вы видели наверху...

Эрин побледнела, а затем, выпрямившись, произнесла:

— Я понимаю, сержант, какие могут быть последствия.

Но в этом-то Джордан как раз и сомневался.

— Вам когда-нибудь доводилось спускаться вниз на веревке?

— Конечно, — ответила она. — Я давно потеряла счет таким спускам.

Он пристально посмотрел на нее.

— Я полагаю, что вы можете считать больше, чем до одного?

Она улыбнулась.

— Со счетом у меня все в порядке. Я даже могу сосчитать до ста.

Джордан почувствовал некоторое облегчение. По крайней мере, с тем, чтобы опустить ее вниз, проблем не будет.

— С этого момента вы подчиняетесь всем моим командам. Когда я скомандую прыгать...

Эрин сделала серьезное лицо.

— Я спрошу, на какую высоту. Мне все это известно.

Теребя себя за мочку уха, Джордан сказал:

— Сэндерсон, подбери доктору Грейнджер подходящие ремни. Она пойдет с нами.

Глава 6

26 октября, 16 часов 42 минуты
по местному времени
Тридцать миль от Масады

Батория снова задернула занавеску, которая скрыла от нее голый пустынный пейзаж вокруг ангара аэропорта, и вдруг задумалась, а не в последний ли раз она видела сейчас солнце.

На несколько мгновений женщина закрыла глаза и погрузилась в себя. Она глубоко вдохнула и попыталась заглушить боль, которую кровь беспрерывно разносила по всему ее телу, эту тупую боль, которая всегда при ней и которую невозможно забыть, — напоминание об обете, который она дала, когда была намного моложе. Эта боль была так же неразлучна с ней, как черная ладонь, вытатуированная на ее шее и похожая на сдавливающую горло руку; боль и ла-

донь появились одновременно, связывая данную на крови клятву и готовность пойти на любые жертвы ради Него.

Протянув пальцы к горлу, Батория ощупала этот источник боли и символ, напоминающий об обете. Он служил и еще одной цели: *защите.* Это был знак того, что она является одной из избранных Им; он как бы возвышал ее над всеми. Никто не смел к ней прикоснуться, и все подчинялись ей.

Батория с усилием отвела руку назад, напомнив себе о том, что никогда не должна проявлять даже малейшей слабости, в особенности перед другими людьми.

Она повернулась, всматриваясь в черный провал ангара, чуть освещенный цепочкой светильников, свешивающихся с укрепленной к стропилам арматуры. Ее команда уже была на борту вертолета и дожидалась ее.

Кто-то из членов экипажа с лязгом закрыл задний грузовой люк. Что-то громко стукнуло в эту закрытую дверь, затем человек отошел на шаг назад, так чтобы изнутри машины могли видеть его дрожавшую фигуру, после чего дверь закрыли на замок.

Она позволила себе чуть улыбнуться, успокаивая и подбадривая себя. Черная метка на ее горле не только защищала ее.

Тсс, издала она звук, обращенный в темноту. Подожди немного, и ты станешь свободной.

Послание это содержало не слова — оно отгоняло прочь желания тепла и комфорта.

Батория почувствовала, как ей ответило эхо: *удовлетворение, голод и глубокий колодец, наполненный любовью.*

Греясь в этом свете, она подтянула кевлар[1] и кожаные брюки так, чтобы они облегали ее формы, после чего пристегнула кобуру с «ЗИГ-Зауэром»[2] к одному из плече-

---

[1] К е в л а р — обиходное название бронежилета, из ткани, выпускаемой фирмой «Кевлар», делают пуленепробиваемые жилеты.

[2] «ЗИГ-Зауэр» — пистолет, выпускающийся одноименной швейцарско-немецкой компанией, состоит на вооружении армии США и многих стран Европы и Азии.

вых ремней безопасности и пошла через широкий ангар к вертолету, чтобы присоединиться к своей команде. Винты уже вращались, и машина была готова подняться в воздух, шум, казалось, заполнял все ближнее пространство.

Пригнув голову под вращающимися лопастями, Батория взобралась в кабину специально спроектированного вертолета «Еврокоптер Пантер»[1], и герметичная дверь захлопнулась за ней. Внутри было темно и холодно, в замкнутом пространстве салона, казалось, можно говорить только шепотом. Эта машина средней грузоподъемности была способна взять на борт десять человек и шестьсот фунтов груза, помещенного в хвостовой отсек.

Но это был не обычный вертолет. Модифицированный на основе технологии «стелс», он был практически невидимым, а звукопоглощающая изоляция двигателя делала его почти неслышным. К тому же он был окрашен в израильские камуфляжные цвета, принятые в данном регионе. Исключения составляли окна кабины — они были закрашены черным, что делало их невидимыми снаружи.

Когда Батория пробиралась к своему изолированному от других сиденью, все глаза следили за ней. Все девять человек в вертолете были сезонными охотниками, профессионалами. Она видела голодный блеск в их глазах, видела дикость, прикрытую их пустыми, ничего не выражающими взглядами.

Не обращая на них внимания, женщина села рядом со своим помощником Тареком. В сумраке кабины он казался тенью и был таким же холодным, как тень. Она вспомнила жар, исходивший от Фарида, прикосновение его горячей руки к своей спине. Сейчас это казалось ей воспоминаниями о чем-то очень давнем.

Надев наушники, Батория связалась по радио с пилотом. В затемненной машине он будет ориентироваться в полете

---

[1] «Еврокоптер Пантер» — военная версия вертолета «Eurocopter AS365 Dauphin», многоцелевой двухмоторный вертолет среднего веса. «Пантера» используется для широкого круга военных целей.

только по приборам, показания которых будут корректироваться программами, моделирующими маршрут полета.

— Какой наш статус? — спросила она.

Ответ пилота был скорым и лаконичным:

— Я уже получил по радио соответствующие израильские коды безопасности, необходимые для посадки на вершине. Они ожидают грузовой вертолет. Мы будем готовы приземлиться на вершине через двадцать две минуты.

Батория проделала простые вычисления в уме. *Спустя семь минут после захода солнца.*

Отлично.

По еле слышному шуму, доносившемуся снаружи, она поняла, что двигатели заработали быстрее. Батория представила себе двери ангара, раскрытые у нее над головой, и солнце, светившее через них. Вертолет накренился вперед, к солнцу, и она представила себе, как он летит над горячими песками — темная пылинка над огненно-красным морем.

— Сколько? — прорычал Тарек.

Батория поняла, о чем он спрашивает: *с какими силами им предстоит встретиться в Масаде?* Но, кроме этого, в этом слове ей послышалась жажда боя. Оно как будто наполнило салон вертолета сильным эмоциональным возбуждением, оно было спичкой, брошенной в бензиновую лужу.

Она ответила ему и на то, о чем он спросил, и на то, что не было сказано:

— Семнадцать.

Лицо Тарека оставалось в тени, но Батория почувствовала его суровую усмешку, представила себе, как встают дыбом короткие черные волосы на его шее — инстинктивная реакция на присутствие невидимого хищника.

В соответствии с данными, полученными от осведомителей, плоскую вершину горы сейчас охраняло только небольшое подразделение солдат. Девять ее мужчин и преимущество, обеспечиваемое внезапностью, — по ее прикидкам, это позволяло захватить вершину примерно за пару минут.

А после этого должна быть найдена Книга.

Рука Батории снова потянулась к горлу, но она, сцепив пальцы рук, прижала их к коленям.

Подвести Его она не может.

Но во всем этом деле присутствует один неизвестный элемент: у нее из головы не выходило предупреждение, содержавшееся в Его письме:

Один из рыцарей направлен туда для того, чтобы разыскать ее.

Не останавливайся ни перед чем.

Батория рассказала об этом Тареку.

— Будь готов. Один из рыцарей Христовых может оказаться там.

Тарек, напрягшись, застыл, его тень казалась ей скульптурой, высеченной из черного льда. Его голос, который больше походил на шипение, произнес древнее имя, каким называли таких людей, но в его устах оно звучало как проклятие.

Сангвинист.

Глава 7

27 октября, 16 часов 44 минуты
по местному времени
Масада, Израиль

Эрин, оставшись одна в палатке, украдкой осмотрелась вокруг и прислушалась. Джордан велел ей дожидаться его возвращения и оставаться внутри. Это дало ей возможность несколько минут побыть в одиночестве. Вынув мобильный телефон, она посмотрела пришедшие сообщения.

Сообщение от Нейта: «НЕ МОГУ СВЯЗАТЬСЯ С ПОСОЛЬСТВОМ. ОНИ ПЕРЕГРУЖЕНЫ ДЕЛАМИ ИЗ-ЗА ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ. ВЫ В ПОРЯДКЕ?»

Боясь, что неожиданно может нагрянуть Перельман, Эрин торопливо набрала ответ: «Я В ПОРЯДКЕ. ВСЕ ДЕЙСТВИЯ ЗАКОННЫ. ЧТО С ХАЙНРИХОМ?»

Дисплей долго оставался черным, и она подумала, что Нейт отошел далеко от телефона.

«НЕЙТ?»

«МОЖЕТЕ ПОЗВОНИТЬ МНЕ?»

Звонить ему Эрин не могла. Ее бы услышали. В этом она не сомневалась. Перельман сломает ее телефон, если снова увидит, что она им пользуется.

«НЕТ». Она быстро набирала ответ. «ОТВЕТЬ МНЕ. НЕМЕДЛЕННО».

Еще одна долгая пауза.

«ХАЙНРИХА УЖЕ НЕТ».

Она рухнула на стул Сэндерсона. Хайнрих умер. Он умер в больнице в тысячах миль от своего дома, умер из-за нее. Ведь это она оставила его одного в котловане, чтобы пойти за щетками, которые и нужны-то ей не были — ей просто не хотелось продолжать спор. Что она скажет его родителям? Из мусорного контейнера, наполненного использованными резиновыми перчатками, невыносимо пахло кровью. Эрин с трудом подавила позывы к рвоте.

— Док? — Джордан, просунув голову в палатку, повел глазами вокруг. — Мы готовы вас снарядить, если... — Он вошел внутрь палатки. — Эрин, вы в порядке?

Подняв голову, она посмотрела на него. Его голос доносился до нее как будто издалека.

— Эрин? Что-нибудь случилось?

Стоун быстро подошел к ней. Она в ответ покачала головой. Если она скажет ему о смерти Хайнриха, то сорвется прямо здесь, в этой палатке, окруженной телами мертвецов.

Джордан с тревогой смотрел на нее.

Не в силах выдержать его взгляд, Эрин взялась снова за телефон и набрала очередное сообщение Нейту. Она не думала, что Джордан будет против этого.

«ПОНЯЛА. ПОЗВОНЮ, КОГДА СМОГУ».

Отправив сообщение, женщина спрятала телефон в карман.

— Это касается моих раскопок, — сказала она, стараясь заставить его поверить ее лжи. — Много лет ушло на пла-

нирование и подготовку, и вот на тебе — столько бед из-за этого землетрясения...

— Мы скоро доставим вас обратно.

— Я знаю.

Он, наверное, подумал, что она явно не в себе, если так переживает из-за каких-то древних костей, выкопанных из земли. Однако Эрин слегка успокоилась, и даже душевная боль из-за смерти Хайнриха стала немножко слабее. Эти мысли, а может быть, присутствие Джордана, подействовали на нее положительно. Только вот где взять силы на то, чтобы пройти мимо мертвецов, лежащих вокруг палатки? Эрин сделала последний глубокий вдох.

— Я готова, — объявила она, вставая.

— Тогда пошли. Мы наденем на вас страховочные ремни безопасности.

Она дошла с Джорданом до края расселины, где он вручил ей запутанный клубок из ремней и защелок. Армейское оснащение, не имеющее ничего общего с тем, к чему она привыкла. Эрин тупо смотрела на выданную ей путаницу ремней.

Джордан пришел на помощь:

— Ставьте одну ногу сюда. Вторую — туда.

Стоя за ее спиной, он помогал ей совладать с ремнями. Его уверенные руки скользили по ее телу, разглаживали ремни, закрепляли их зажимами и защелками. Наконец, когда страховочные ремни были надеты, Эрин почувствовала, что температура ее тела поднялась не меньше чем на десять градусов. Она проворно защелкнула замки ремня, охватывающего грудь.

Поднялся вертолет. Эрин обвела взглядом плоскую площадку на вершине. Спасшийся подросток улетел вместе с основной командой и трупными мешками. Сейчас, похоже, на площадке, над которой с каждой минутой сгущались тени, работало не больше дюжины людей.

Джордан, обойдя ее, встал с ней лицом к лицу. Нагнувшись, он подтянул ремни на ее бедрах, строго соблюдая все формальности этикета и не скрывая в то же время своей заботы о ней. Подтягивая ремень, закрепленный на ее талии,

Стоун притянул ее к себе. Эрин смотрела в его голубые глаза, которые становились более темными при свете закатного солнца.

— Скажите, может, вам надо сообщить мне что-то перед тем, как мы отправимся туда? — спросил он. — Если да, то как раз сейчас для этого самое время.

— Нет, нет. Ничего. — Эрин считала, что лучше уж лезть в эту дыру, чем оставаться здесь, наверху, среди мертвецов. — Просто неудачный день.

— Кстати, Сэндерсон согрел для вас стул, — Стоун смотрел ей в лицо изучающим взглядом. — Посредством ровера вы сможете управлять нашим продвижением под землей прямо отсюда.

Собрав все силы, которые еще у нее оставались, Эрин с трудом улыбнулась.

— Вижу, вам очень хочется позабавиться?

Он еще раз посмотрел на нее встревоженным взглядом, прежде чем направиться к своим людям.

На другом краю парни перебрасывали веревки через край расселины. По краю расселины были расстелены голубые одеяла, чтобы уменьшить трение веревок об острые края камней. Казалось, парни знают, что и как надо делать. Однако Эрин дважды проверила крепость веревки.

Сэндерсон шел позади нее. Он не должен был спускаться и сейчас помогал своим товарищам готовиться к спуску. Капрал протянул ей что-то напоминающее карандаш — круглый предмет такой же длины и толщины.

— Сержант велел дать вам шприц с атропином, — пояснил он. — Лучше всего суньте его за носок.

— И что с ним делать?

— Если вы попадете в зону действия этого таинственного газа, снимите колпачок и ткните себя в бедро.

От одной мысли о том, что такое может случиться, у нее похолодело в груди.

— А я думала, что внизу уже нет активного газа...

— Это просто предосторожность, но все равно будьте внимательны. Вещество достаточно сильное. Не используйте его, пока не будете *точно знать*, что вы попали в атмос-

феру, где присутствует этот газ. Под воздействием атропина ваше сердце станет биться так, что выскочит из груди. Он настолько силен, что если вы не находитесь под воздействием газа, то ваше сердечко может не выдержать и разорваться. Причем достаточно быстро.

— А нам надо надеть биозащитные костюмы?

— В них было бы слишком тяжело спускаться. Да и ремни могут перетереть ткань. Только не волнуйтесь, при первых же симптомах — тошнота, кровотечение — сразу воспользуйтесь шприцом. Вы должны оставаться живой столько времени, сколько нам потребуется для того, чтобы вытащить вас наверх.

Эрин пристально смотрела в его веснушчатое лицо, стараясь понять, говорит он серьезно или шутит, стараясь ее напугать.

Сэндерсон сжал ее плечи.

— У вас все будет хорошо.

Но чувствовала себя Эрин совсем *не хорошо*. Дыхание у нее было чуть учащенным, когда она поднимала штанину и засовывала шприц поглубже в носок.

Лейтенант Перельман в сопровождении двух солдат — молодого израильтянина и более старшего по возрасту американца — подошел к провалу. Американец с густыми каштановыми волосами нес на плече ранец. Эрин прочитала его имя, вышитое над карманом форменной куртки: *Маккей*. На его большом ранце были три выпуклые буквы: *«АТС»*.

Поймав ее взгляд, он объяснил:

— «Артиллерийско-техническая служба». Я занимаюсь взрывными работами.

Они, должно быть, планируют взорвать все уцелевшие емкости, которые обнаружат там. Это причинит ей дополнительные волнения; к тому же, испытав шок, вызванный смертью Хайнриха, она теперь очень легко поддавалась панике.

Маккей протянул руку. Эрин пожала ее. Он был крупным мужчиной, весьма расположенным к полноте и примерно лет на десять старше своих сослуживцев. На ее

взгляд, ему было сорок с небольшим. Маккей широко улыбался, пожимая ей руку.

— Вы самый симпатичный спутник-скалолаз, которого я встретил за многие годы службы, — игриво подмигивая, признался он, она попыталась улыбнуться в ответ.

Маккей подошел к краю расселины, словно это был поребрик тротуара. Расселина была достаточно широкой, и спуск в нее не должен был вызывать никаких затруднений, да и на горе не было острых камней с безобразными, вызывающими страх зазубринами. Но женщину не переставая колотила дрожь.

Маккей и Купер прикрепили свои ремни к паре веревок. Эрин, отойдя на свободное место, проделала то же самое, дважды дернув веревки и проверяя надежность крепления.

Еще один человек из команды Джордана — женщина по имени Тисон, встав на колени возле расселины, опустила в нее длинный шланг. Возле ее колен, обтянутых камуфляжными брюками, примостился газовый хроматограф.

— Ну, что он показывает, Тисон? — спросил подошедший Джордан.

— Показывает наличие азота, кислорода, аргона, — ответила она, не отрывая пристального взгляда от экрана. — Следы всего, что в принципе можно ожидать. Но отравляющего газа нет, сержант.

— Продолжай следить за атмосферой в расселине, капрал. — Джордан повернулся к ним: — Всем держать шприцы с атропином наготове.

— Чего мы ждем, сержант? — Купер повис над пропастью. Веревка, на которой он висел, казалась тонкой для такого мощного тела, но в его глазах играл адреналин. Прирожденный скалолаз.

Роджер поднял руку и потряс ею в воздухе.

— Рейнджеры, вперед!

Купер в ответ издал призывный клич, а Маккей устало вздохнул, после чего эта пара попятилась к отвесному склону скалы: они перемещались так легко, словно их ноги ступали по ровной земле.

Следующими пристегнулись к веревкам израильтяне, после чего скрылись за краем расселины.

Тисон возилась с приборами. На ней не было спасательных ремней, потому что она должна была работать наверху.

Оставалось спуститься лишь Джордану и Эрин. Стоун выступил вперед с каким-то большим оружием за спиной и прикрепил к своим ремням веревку, лежавшую рядом с ее веревкой. Пристегнувшись, наклонился и, ухватив ее веревку, потянул ее к себе.

— Крепление хорошее.

— Можете не сомневаться.

На лице Джордана промелькнула улыбка, он наклонился вперед и сделал большой шаг в провал. Посмотрел вверх, лицо его было серьезным, слова — четкими и твердыми:

— Ну, давайте. А я сразу за вами.

Эрин наклонилась, чувствуя, как ее руки разжались и сжались, позволяя веревке скользить между ее прикрытыми перчатками пальцами, кода она опускалась вниз. Следующее, что она почувствовала, — что она стоит рядом с Джорданом на гладкой поверхности скалы.

16 часов 54 минуты.
За три минуты до заката солнца

Едва ботинки Джордана коснулись земной тверди, он первым делом привычным способом проверил все свое вооружение. Похлопал по висящей у бедра кобуре с «Кольтом 1911», затем проверил нож «Ка-Бар» в чехле, закрепленный на лодыжке. Но его основное оружие — «Хеклер и Кох МП7» — висело на ремне, перекинутом за правое плечо. Этот пистолет-пулемет мог делать 950 выстрелов в минуту, а его пули из закаленной стали могли в момент изрешетить кевлар, превратив его в кусок швейцарского сыра.

Быстро проверив оружие, крепления и оптику, Стоун убедился, что все в порядке и ничего не повредилось при спуске. Эрин пристально следила за ним.

— Вы думаете, здесь вам потребуется вся эта огневая мощь? — спросила она, снимая с рук перчатки, а потом, сложив их вдвое, сунула в боковые карманы.

— Это обычное дело для всей моей группы, — ответил Джордан, пожимая плечами.

Он собирался дать ей более подробные объяснения, но в его наушниках сквозь треск раздался голос Сэндерсона:

— Сержант, мы наблюдаем приближающийся израильский грузовой вертолет. Как я предполагаю, они намерены вывезти остальные тела.

Вертолет, вывозивший тела, улетел до этого, и это было как раз кстати. Джордан хотел, чтобы все до одного убрались как можно быстрее с этой чертовой горы. Поправив наушник, он сказал:

— Понятно.

Они с Эрин присоединились к остальной группе, собравшейся возле тонкой расселины на поверхности скалы. Кабель ровера спускался вниз и пропадал в темноте.

Джордан взглянул на Эрин. Что же, черт возьми, случилось с ней в палатке? Поначалу он думал, что она, возможно, боялась высоты и не сомневалась в надежности веревок, но археолог справилась со спуском запросто, что называется, не моргнув глазом. По всему было видно, что раньше ей доводилось делать это не менее сотни раз. Выходит, за те несколько минут, когда Эрин оставалась одна в палатке, она могла увидеть или услышать что-то, что напрочь выбило ее из колеи. Джордан не рассчитывал, что она расскажет ему всю правду. Сейчас ей, кажется, полегчало, но он надеялся на то, что в любом случае ее состояние не повлияет на ход выполнения операции.

Купер вытащил голову из расселины шириной в два фута, в которой скрылся ровер, и бросил в нее зажженную осветительную шашку, чтобы рассмотреть, что ожидает их впереди.

— Это вход в пробитый людьми туннель.

Уперев руки в бока, Маккей смотрел на узкий проход.

— С трудом, но ты должен пройти через него.

Маккей покачал головой.

— И это говорит тощий человек, который только и может, что в жиме лежа поднять свой собственный вес...

Джордан не был тощим и наверняка в жиме лежа мог поднять вес гораздо больший, чем его собственный. Но пройти в проход он мог, а вот Маккею, да еще с полным снаряжением, придется через него буквально продираться.

Купер улыбнулся своей широченной улыбкой.

— Я бы на твоем месте надел всю эту сбрую на исподнее, да еще нанес бы на него густую смазку.

— И устроил бы для тебя бесплатное представление? Не дождешься.

Лейтенант Перельман стоял, скрестив руки на груди и нахмурив брови. Стоявший возле него солдат-израильтянин переминался с ноги на ногу.

Джордан не видел причин для задержки. Солнце уже садилось, и ему хотелось закончить здесь дела побыстрее. Он включил и отрегулировал фонарь, висевший у него на плече.

— Пошли.

16 часов 57 минут. Закат солнца

Стоя на коленях и затаив дыхание, Эрин наблюдала, как мужчины входят в проход. Она ожидала, что здесь их встретит запах какого-либо химического вещества, хотя Тисон и Сэндерсон уверяли, что с атмосферой под землей все обстоит отлично. Здесь стоял неприятный запах плесени, смешанный с застоявшейся духотой, свойственной подолгу необитаемым помещениям. Знакомый и странно успокаивающий запах древних усыпальниц.

Нащупав шприц в носке, Эрин встала позади Джордана перед узким проходом. С трудом протиснув плечи между грубыми поверхностями стен прохода, она развернулась, надеясь, что Маккей последует ее примеру и не сильно обдерет при этом кожу.

Воздух здесь был намного прохладнее, чем на вершине горы. Под ногами шуршал песок, в котором вязли ее кеды. Пламя осветительной шашки покрывало стены туннеля

зловещим желтым светом. Когда Эрин дошла до догоревшей осветительной шашки, то с трудом подавила в себе желание поднять ее и положить в карман. Ведь они попросту засоряли археологическую площадку. Она решила забрать ее на обратном пути. Одной рукой Грейнджер непрерывно касалась потолка прохода, следя за тем, чтобы не удариться головой, когда высота прохода начнет вдруг уменьшаться; она буквально сгорала от нетерпения поскорее добраться до усыпальницы и начать ее осмотр.

Впереди нее Маккей, пробираясь по проходу, старался облегчить себе путь потоком проклятий и жалоб на сдавливающую его тесноту. Купер, слушая его, беззаботно смеялся.

Эрин тоже не могла не улыбаться. Она часто работала с солдатами, поскольку нередко места раскопок находились в зонах вооруженных конфликтов. В прошлом Грейнджер воспринимала присутствие военных как неизбежное зло, однако сейчас чувствовала, что какие-то непонятные узы возникли между ней и этой группой, причиной чего, по ее мнению, были ужас и кровопролитие наверху и напряженное ожидание того, что ожидало их внизу.

Наконец они с Джорданом достигли конца узкого прохода. Войдя в пробитый людьми туннель, Стоун помог ей войти в него. Стоя в проходе, он протянул ей руку, показывая этим, что земля под ногами твердая.

— Подождем, пока не выйдут остальные.

Сейчас Джордан командовал здесь всеми. Эрин остановилась и ощупала стену туннеля, ощущая пальцами острые края, оставленные долотом, и представляя себе покрытых потом людей, орудовавших здесь долотами и кувалдами. Встав на колени, она ощупала тропу, поднимая в пригоршнях землю и просеивая ее сквозь пальцы.

Тысячи лет назад кто-то прокопал этот проход. Кто? И зачем?

В нескольких футах крупные куски скальной породы закрывали вход в пробитый туннель — эту картину передавали наверх камеры ровера. Туннель, должно быть, обру-

шился. Эрин провела рукой по следу на камне, оставленному сверлом. Явно двадцатый век. Но когда именно?

Она потянула рукой за что-то похожее на эластичные ремешки и увидела, что из кучи мелких камней выглядывает современный противогаз. Эрин приблизилась к нему, таща за руку Джордана. Если это была официально разрешенная экспедиция, она должна была бы знать о ней. А если неофициальная, то как эти люди могли тайно выполнить столь объемные работы в таком известном месте? Ведь это должны были быть очень серьезные работы. Сравнимые с войной...

Прежде чем они успели что-либо рассмотреть, прозвучал сигнал радио Джордана. Связь была достаточно громкой, и она услышала металлический голос Купера, сообщавший: «Здесь все в безопасности, сержант. Ожидайте скорой встречи с гостями. Несколько каких-то сраных охламонов спускаются вниз».

— Ко мне. — Джордан, махнув рукой, подал ей знак идти рядом с ним. — Ближе ко мне, доктор.

Эрин послушно приблизилась к нему, обдумывая, что необходимо сделать в первую очередь: с помощью металлодетектора поискать инструменты; соскрести с потолка копоть и определить, какими факелами пользовались рабочие; снять гипсовые слепки со стен и выяснить, какими инструментами велись здесь проходческие работы. В этих делах Хайнрих был настоящим докой...

Эрин споткнулась, и Джордан тут же подхватил ее; его рука была теплой и уверенной, а глаза — тревожными.

— Доктор?

Она покачала головой и жестом руки попросила его не волноваться.

Пройдя примерно десять ярдов, они подошли ко входу в подземное помещение, которое совсем недавно Эрин видела на мониторе, куда его передали камеры ровера. Древний, но хорошо выполненный дверной проем. Он оказался слишком узким для того, чтобы два человека могли пройти через него одновременно. Эрин отступила назад, предоставив Джордану войти первым. По ее предположениям, высота

дверного проема была чуть больше шести футов; она, подняв руку, слегка коснулась арки проема, а потом следом за Джорданом переступила порог.

Ее руки моментально покрылись гусиной кожей. Здесь было намного холоднее. Расплывчатый желтый свет трех осветительных шашек, разбросанных в произвольном порядке по помещению, вырвал из темноты гладкий, аккуратно сложенный из известковых плит пол; потолок, местами покрытый пятнами копоти; стены, сложенные из плотно подогнанных каменных блоков. Эрин отдала бы сейчас все на свете за возможность сфотографировать слой пыли, покрывающий пол; возможно, она нашла бы на нем отпечатки подошв разорителей и грабителей могил, вскрывших этот саркофаг. Но Джордан и его парни уже набились в помещение и затоптали своими башмаками отпечатки подошв, оставленные теми, кто был здесь до них.

Парни разбрелись по помещению, а потом собрались возле дальнего края саркофага, прислонившись к стене. Должно быть, там было что-то очень интересное. Как только Эрин получит полное представление о помещении, в которое они попали, она сразу же присоединится к ним.

— Только, пожалуйста, ничего не трогайте, — попросила Грейнджер, будучи абсолютно уверенной, что эту ее просьбу они проигнорируют.

Оглядев помещение, Эрин пошла по следам ровера, которые привели ее к каменному саркофагу. Как она и ожидала, тот был накрыт цельной каменной плитой, все стороны которой были отлично обработаны, углы точно выдержаны, а все поверхности были идеально плоскими. Эрин в очередной раз подивилась мастерству этих древних камнетесов. Их инструменты были явно примитивными, однако результаты работы поражали. Археолог смотрела на полированную, без всяких видимых повреждений верхнюю крышку, лежащую на полу рядом с усыпальницей, которую она столько времени покрывала. Странно было видеть ее целой, поскольку грабители могил, снимая крышки саркофагов, обычно их разбивают.

Эрин снова обвела взглядом помещение, на этот раз ища блоки или веревки, которые, возможно, использовались ими, но грабители, по всей вероятности, уходя, прихватили их с собой. И это также было необычным.

Она сделала шаг вперед — но чья-то рука удержала ее.

— Я ведь просил, чтобы вы были все время возле меня, — сказал ей Джордан.

Они вместе приблизились к саркофагу. Когда Эрин наконец-то подошла к нему настолько близко, что можно было сделать несколько снимков, то, обшарив все карманы, обнаружила, что единственным устройством для фотографирования оказался ее мобильный телефон. Она сделала множество снимков саркофага с разных сторон и сфотографировала кучи золы в углах, страшно жалея, что при ней нет ее «Никона» — он остался в Кесарии.

Она рискнула быстро заглянуть внутрь саркофага. Ничего. Только голый камень, покрытый темно-бордовыми пятнами. Но что могло оставить такие пятна коричневого цвета? Пятна высохшей крови? Большинство смол становятся со временем черными.

Эрин также сделала несколько снимков пустых глиняных кувшинов, стоявших вокруг саркофага. Должно быть, в них хранилась та жидкость, засохшие пятна которой она видела на нижней плите. Обычно в таких кувшинах хранили вино. Но зачем наполнять вином саркофаг?

Как только Грейнджер выпрямилась, Джордан отошел от дальней стены. Даже при этом тусклом свете она видела, что он чем-то встревожен.

— Доктор, а как вы объясните вот это?

Эрин посмотрела поверх голов мужчин, раздвинувшихся в стороны.

На стене висела ужасающего вида скульптура, подобная богохульному распятию. Грейнджер, обойдя саркофаг, стала подходить ближе к ней, и с каждым шагом ужас в ней нарастал.

Это не была скульптура.

На стене висел высушенный труп маленькой девочки лет примерно восьми, одетой в разорванную грязную оде-

жду. Несколько черных стрел пригвоздили ее к стене на высоте не меньше одного ярда от пола. Острия пронзили ее грудь, шею, плечо и бедро.

— Такими штуками стреляют из арбалетов, — сказал Джордан. — Посмотрите, вроде бы они сделаны из серебра.

— *Из серебра?*

Эрин стояла перед ребенком, пораженная сначала одним нарушением хронологической точности, а потом и другим. Темно-бордовая одежда девочки выглядела древней и по стилю, и по степени разрушения. Украшения и структура ткани соответствовали периоду падения Масады. Возможно, ткань была соткана в Самарии, может быть, в Иудее, но в любом случае по меньшей мере две тысячи лет назад.

Запавшее лицо девочки обрамляли пряди длинных черных волос. Глаза были закрыты, как будто она спала спокойным сном, подбородок опустился на грудь, губы чуть раскрыты, словно смерть пришла к ней на середине вдоха. Нетронутыми остались даже ее тонкие реснички. Судя по состоянию мягких тканей, все еще остающихся на костях скелета девочки, она пребывает в таком состоянии всего несколько десятилетий.

Несколько десятилетий... Как такое может быть?

Какой-то предмет лежал на полу под ногами девочки. Эрин опустилась на одно колено возле него.

Кукла...

У нее защемило сердце. Маленькая высохшая игрушка, сшитая из лоскутков затвердевшей от времени кожи, с остатками матерчатой кукольной одежды, покрытой такими же темно-бордовыми пятнами, как и платье девочки. Вытянутые руки девочки, казалось, тянулись к этой игрушке, до которой она уже никогда не могла дотронуться.

Вид этой поневоле разлученной с хозяйкой куклы возбудил в душе Эрин еще более сильное чувство боли и тоски, заставив вспомнить такую же самодельную куклу. Она положила ее в гроб своей малютки-сестры. Эрин с трудом сглотнула слюну, изо всех сил стараясь удержать слезы и не показаться глупой окружавшим ее мужчинам. Она еще не могла прийти в себя после смерти Хайнриха, а сейчас ей

снова надо прилагать все силы, чтобы взять себя в руки и не показаться солдатам размазней.

Все еще стоя на коленях, Эрин посмотрела вверх, на другую руку девочки, наполовину заслоненную телом, и увидела что-то блестящее между ее зажатых в кулачок пальцев.

Странно.

Она провела ладонью по стене, чувствуя твердые полосы раствора, закрывающие щели между каменными блоками кладки. Хотя останки девочки свидетельствовали о том, что ее убийство произошло весьма недавно, а не в древние времена, Эрин все-таки обращалась с телом со всей осторожностью. Ведь этот ребенок был чьей-то любимой дочерью.

Она потянулась к руке девочки. Та задрожала и вдруг дернулась. Мумифицированное тело ударилось о стену, словно ребенок был еще живым.

Эрин, едва успев подавить крик, отпрянула назад. Сильная рука опустилась к ней на плечо, удерживая ее на месте.

— Еще один подземный толчок, — сказал Джордан.

Мелкая пыль сыпалась с каменного свода. Позади Эрин камень из стенной кладки с глухим стуком упал на пол. Женщина, затаив дыхание, ждала, когда толчок сойдет на нет.

— Они становятся все сильнее, — сказал Джордан. — Для нас здесь нет больше ничего интересного. Надо уходить.

Эрин сбросила с плеча его руку. Теперь это было ее место, и здесь еще оставались вещи, которые ей необходимо было осмотреть. Подойдя ближе к стене, она снова потянулась к ручке девочки.

Джордан, заметив выражение настороженного внимания на ее лице, встал рядом с ней.

— Что это?

— Похоже, перед смертью ребенок схватился за что-то рукой.

В соответствии с Археологическим протоколом ни до одного предмета нельзя дотрагиваться, прежде чем этот предмет не будет сфотографирован, но ведь эта девочка не была

убита в древние времена, поэтому на этот раз Эрин решила нарушить требования Протокола.

Подойдя ближе, Грейнджер дотронулась до пальчиков девочки. Она ожидала, что те окажутся хрупкими, но, как ни странно, они были необычайно мягкими. Не переставая удивляться состоянию тела, она не успела схватить предмет, который сжимали пальчики, и, когда они разжались, он упал на покрытый пылью пол.

Для того чтобы определить, что это за артефакт, не требовалось иметь ученую степень доктора археологии.

Джордан чуть слышно выругался.

Ошеломленная, Эрин смотрела на эту медаль, на крест, на свастику.

Немецкая медаль. Времен Второй мировой войны[1].

Это была ясная идентификация разорителей и грабителей захоронения, проникших сюда с помощью современных горнопроходческих орудий. Но почему эту медаль сжимали мумифицированные пальчики девочки, внутри этого древнего иудейского захоронения?

---

[1] Здесь и далее автор допускает ошибку. На изображении мы видим медаль Креста военных заслуг, она же медаль «За военные заслуги» (Kriegsverdienstmedaille), учрежденную 19 августа 1940 года для награждения гражданских лиц за достижения на трудовом фронте. Вероятность награждения ею боевого офицера, да еще и эсэсовца, практически равна нулю. Кроме того, совершенно непонятно, зачем этому офицеру было надевать на себя медаль при выполнении секретного боевого задания. Ну и, наконец, никакого отношения к «Аненербе» она иметь не может. Специфическая гравировка на ее реверсе — чистая фантазия автора.

Джордан сжал кулаки.

— Нацисты, должно быть, проникли сюда первыми. Совершили налет и опустошили это место.

Его слова практически ничего не объясняли. Гитлер, как известно, был одержим оккультизмом, но что он надеялся найти в Масаде?

Эрин пристально и внимательно рассматривала одежду девочки. С чего нацистам вздумалось пускаться во все тяжкие, для того чтобы облачить ребенка в одежды, похожие на те, что носили в начале первого тысячелетия, прежде чем пригвоздить ее к стене арбалетными болтами?

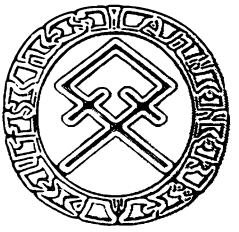
Она представила себе, как девочка срывает эту медаль с формы своего мучителя, прячет ее, хранит, как доказательство того, кто были ее убийцы. И снова волна сочувствия и жалости к этой девочке — и за ее недетское мужество, проявленное в последние минуты жизни, — нахлынула на Эрин. И вновь глаза наполнились слезами.

— Вы в порядке? — Лицо Джордана приблизилось к ее лицу настолько, что она видела едва заметный шрам на его подбородке.

Чтобы скрыть слезы, Эрин подняла к глазам телефон и сделала несколько снимков медали. Эта девочка не остановилась ни перед чем ради того, чтобы сохранить улику, позволяющую безошибочно идентифицировать ее убийцу. Эрин должна зафиксировать эту улику.

Когда она опустила телефон, Джордан наклонился, поднял медаль с покрытого пылью пола и повернул ее оборотной стороной.

— Может быть, мы узнаем, чьих рук это дело. Офицеры СС часто нацарапывали свои имена на оборотных сторонах

своих медалей. Кем бы ни был этот сукин сын, я хочу знать его имя. А если он еще и жив...

В этот момент Джордан нравился Эрин больше, чем когда-либо. Стоя плечом к плечу, они рассматривали этот небольшой металлический диск. На оборотной стороне не было нацарапано никакого имени, а только какой-то странный символ.

Эрин сфотографировала медаль, лежавшую на ладони Джордана, а затем прочитала вслух надпись, расположенную по окружности:

— «Дойчес «Аненербе».

— Все ясно, — мрачно сказал Джордан.

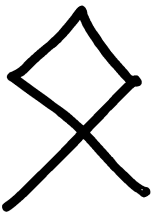
Она с недоумением посмотрела на него. Современная история Германии никогда не была предметом ее изучения.

— Что именно?

Джордан вертел медаль в руке, глядя то на одну, то на другую сторону.

— Мой дед воевал во Вторую мировую войну. Он много рассказывал мне о ней. Это одна из причин, почему я вступил в армию. И я увлекся историей. «Аненербе» представляла собой тайную секту нацистских ученых, проявляющих интерес к оккультизму; они странствовали по всему миру в поисках сокровищ и доказательств существования древней арийской расы. Гитлеровская банда грабителей могил.

И они оказались здесь первыми. Эрин почувствовала нестерпимую горечь поражения. Она уже привыкла к разграбленным захоронениям, но такие грабители обычно действовали в древности. Мысль о том, что это место подверглось разграблению каких-то несколько десятков лет назад, казалась ей невыносимой.

Стоун коснулся пальцем центра медали.

— Это не их обычный символ. Обычный символ «Аненербе» — меч, обвитый лентой. А это что-то новое.

Эрин с любопытством дотронулась до символа в центре.

— Похоже на древнескандинавскую руну. Из Старшего Футарха[1]. А может быть, это руна Одал[2].

Она нарисовала ее пальцем на пыльном полу.

— Эта руна обозначает букву О. — Эрин повернулась к Джордану: — Может быть, это инициал обладателя медали?

Но прежде, чем она успела рассказать об этой руне более подробно, раздался громкий лающий окрик Маккея:

— Стоять! Поднять руки!

Вздрогнув, Грейнджер обернулась.

Джордан, прижав к плечу приклад своего пистолета-пулемета, повернулся в сторону дверного проема. Снова дрогнула земля. Все заволокло каменной пылью, из которой возникла черная фигура.

Глава 8

26 октября, 17 часов 44 минуты
по местному времени
Масада, Израиль

— Не открывать огня! — закричал Джордан, поднимая левую руку. — Это падре.

Опустив ствол своего пистолета-пулемета, он стал напряженно всматриваться в служителя церкви. То, что свя-

---

[1] Старший Футарх — старейшая форма рунического алфавита, использовавшегося германскими племенами в период со 2 по 8-е столетие н. э. для нанесения надписей на артефактах, таких как драгоценности, амулеты, инструменты, оружие, а также для надписей на рунических камнях.

[2] Руна Одал во времена нацизма в Германии символизировала родство, семью и объединяла людей по принципу крови. Эта руна была эмблемой многих дивизий СС, а также первой дивизии, укомплектованной добровольцами из числа фольксдойче.

щенник оказался здесь, казалось довольно странным, но Джордан заметил кое-что более тревожное.

На нем не было никакого альпинистского снаряжения.

Как только подземный толчок сошел на нет, Джордан приблизился к преподобному и остановился перед ним.

— Что вы здесь делаете, падре?

Тот внимательно посмотрел на него из-под капюшона своей сутаны, на что Джордан ответил таким же пристальным, оценивающим взглядом. Корца был на два дюйма выше Джордана, и под длинной распахнутой курткой его тело выглядело худощавым, мускулистым и гибким. Твердые черты его лица ясно говорили о славянском происхождении. Полные губы придавали лицу некоторую мягкость. Концы его длинных черных волос лежали на воротнике, хотя священнослужителю надлежало иметь более короткую стрижку. Но его глаза, внимательные и черные — *слишком* черные, — вот что заставляло сердце Джордана биться учащенно и тревожно, а его пальцы — непроизвольно сжимать оружие.

Он всего лишь священник, внушал себе Стоун.

Корца еще на мгновение задержал свой взгляд на Джордане, затем быстро отвел глаза и обвел ими помещение усыпальницы.

— Вы слышали меня, падре? Я ведь задал вам вопрос.

Слова, сказанные преподобным, были едва слышными, произнесенными на выдохе, ответа на поставленный вопрос в них не было:

— Церковь обладает преимущественным правом на все то, что находится внутри этой усыпальницы.

Корца сделал шаг, чтобы обойти Джордана. Тот схватил его за руку — но поймал лишь воздух. Падре каким-то образом увернулся и с достоинством подошел к раскрытому саркофагу.

Джордан последовал за ним, заметив, что взгляд преподобного остановился на девочке, пригвожденной к стене; при этом его лицо не выражало ничего. Корца заглянул внутрь пустого саркофага, заметно напрягся и застыл на месте.

Эрин, отойдя от стены, приблизилась к падре. Она держала в руках свой мобильник, надеясь услышать сигнал Сети и сбросить свои фотографии куда-нибудь, где они были бы в безопасности, — исследователь остается исследователем в любых обстоятельствах.

Как только она приблизилась к саркофагу, Джордан встал между ней и Корцой. Почему-то ему не хотелось, чтобы она находилась рядом с этим странным священником.

— Это уже запрещенная для посторонних зона, — предупредил он.

Перельман, держа руку на кобуре, поддержал его:

— Вам не следует находиться здесь, падре Корца. Израильское правительство установило строгие ограничения в отношении вашего посещения этого места.

Священнослужитель игнорировал слова и того, и другого — он пристально смотрел на Эрин.

— Вы нашли какую-нибудь книгу? Или каменный блок вот такого размера?

Он развел руки в стороны, показывая размер блока. Эрин покачала головой.

— Ничего подобного мы не нашли. Только эту девочку. Похоже, немцы опустошили эту усыпальницу во время войны.

Его единственной реакцией на ее слова было лишь то, что глаза его чуть сузились.

Да кто он, этот парень?

Джордан положил руку на приклад своего пистолета-пулемета и не спускал глаз со священнослужителя, ожидая его дальнейших действий. Падре, вероятно, считал, что молчаливость и быстрота движений являются основными аспектами поведения, вызывающими уважение людей, однако пока в его действиях не было заметно ничего угрожающего.

Периферийным зрением Джордан заметил, что рука Маккея потянулась к ножу.

— Спокойно, капрал, — приказал он. — Отставить.

Падре, не обративший внимания на движения Маккея, вдруг настороженно замер, не завершив поворота и напра-

вив ухо в сторону, откуда послышался какой-то звук. Он смотрел в глаза Джордана, но сказанные им слова относились ко всем:

— Вы все должны уйти отсюда. *Немедленно.*

В последнем слове слышалось явное предостережение.

О чем он вообще говорит?

Ответ на этот вопрос прозвучал из наушника Джордана — внезапно раздавшийся крик, крик крови и боли, столь неожиданный, отчаянный и резкий, что он, казалось, минуя уши, вонзился прямо в мозг.

Сэндерсон.

Сверху.

Крик резко оборвался, и наступило абсолютное молчание.

— Сэндерсон! Ответь! — кричал Джордан, теребя укрепленный на шее микрофон.

Ответа не было.

— Капрал, ответь!

Священник быстро пошел к дверному проему. Купер и молодой израильский солдат преградили ему путь отхода. Все, кто был в усыпальнице, подняли оружие.

Дойдя до порога, падре поднял лицо кверху, к потолочному своду; все его тело напряглось, он стал похож на большого кота, готового к драке. Слова, которые он затем произнес, напрочь смыли остатки еще теплившегося в них хладнокровия.

— Прижмитесь плотнее к стенам. — Он обернулся и посмотрел в глаза Джордану. — Делайте то, что я говорю, иначе вы все умрете.

Джордан взял оружие на изготовку.

— Вы что, падре, угрожаете нам?

— Не я. Те, кто *идет сюда.*

17 часов 07 минут

Эрин всеми силами стремилась понять, что происходит. Она и преподобный смотрели в глаза друг другу. На мгновение выражение страха появилось на его бледном лице, и

этого было достаточно, чтобы ее сердце чуть не выпрыгнуло через горло. Эрин поняла, что его волнует их безопасность, а не его собственная. Его глаза наполняла жуткая тоска, когда он отвернулся в сторону, — словно уже оплакивал их.

Во рту у Эрин пересохло; она попыталась сглотнуть, но не смогла.

Однако Джордан явно не собирался сдаваться без боя:

— Что происходит? Я оставил своих людей наверху. Так же как и лейтенант Перельман.

Ответом был тот же скорбный взгляд священника, а потом он сказал:

— Сейчас они уже мертвы. Вы тоже будете мертвы, если не...

Вдруг Купер, стоявший возле дверного проема, издал громкий протяжный вздох. Все сразу повернулись в его сторону. Он открыл рот, но вместо слов из него хлынула кровь. Боец рухнул на колени и тут же ткнулся лицом в пол. Из его шеи, под самым основанием черепа, торчала черная рукоять кинжала.

Эрин закричала. Солдаты, все как один, подняли оружие. Она отступила назад, за их спины — за линию огня.

Позади тела Купера появилось что-то черное, объемное, и из тени выступила фигура человека. Джордан дал по ней очередь, грохот выстрелов заполнил все замкнутое пространство усыпальницы. Тень снова превратилась в темноту — но перед этим она схватила молодого израильского солдата, все еще стоявшего перед дверным проемом. Эрин уловила взглядом, как сверкнула сталь, после чего солдат, сбитый с ног, исчез в черном туннеле.

Джордан не стрелял, опасаясь, что его пули могут попасть в солдата.

Раздался вопль, полный ужаса, — и наступила тишина.

Лейтенант Перельман, пошатываясь, сделал шаг вперед, держа оружие наготове.

— Марголис!

Рука священника в черной перчатке отодвинула израильтянина назад. Твердо и решительно.

— Оставайтесь здесь, — предупредил Корца.

Однако его собственные действия были прямо противоположными его словам. Он тряхнул запястьем, и между его пальцами, словно материализовавшись из воздуха, появилось лезвие. Было видно только острие; в его рукаве скрывался посеребренный серповидный кинжал, похожий формой на коготь какого-то доисторического хищника.

Почти сразу же из темноты донесся дикий продолжительный вопль.

От страха Эрин почти парализовало и словно пригвоздило к месту, на котором она стояла.

Даже закаленные и немало повидавшие солдаты почувствовали то же самое. Джордан оттащил Эрин подальше от дверного проема. Маккей и Перельман, направив оружие на вход, прикрывали их с боков. Отступив и перегруппировавшись, они укрылись за саркофагом.

Из туннеля донесся одинокий пронзительный крик.

Джордан поднял Эрин без всяких усилий, словно ее кости сделались пустотелыми, а плоть перестала быть материальной. Она и сама чувствовала нечто похожее; ей казалось, будто она плывет куда-то.

Он опустил ее в открытый саркофаг.

— Оставайтесь здесь. Не высовывайтесь.

Сталь в его голосе и железная твердость во взгляде вернули Эрин в прежнее состояние — но оставаться в этом укрытии ей не хотелось. Джордан придавил ее рукой ко дну.

— Вы поняли, что я вам сказал?

— Да.

Эрин хотела прижаться к земле, накрыть голову руками, уйти от царящего в усыпальнице ужаса, но стоило ей принять эту позу, как темнота напугала ее еще сильнее. Она вцепилась пальцами во внутреннюю кромку саркофага. Как и все, кто был рядом, она неотрывно смотрела в смоляно-черный зев туннеля.

Слева от нее раздался резкий удар, и яркая световая вспышка ударила ей по глазам. Маккей держал в руке горящую световую шашку.

— Бросай! — закричал Джордан, указывая на черный вход.

Маккей размахнулся и бросил горящую шашку в сторону дверного проема. Упав, она несколько раз перевернулась с одной стороны на другую и сразу же дала яркий свет; из рассеявшейся тьмы возникли темные тени и движущиеся черные фигуры, которых Эрин насчитала четыре.

Среди них была и одинокая фигура в центре в разорванной сутане, освещенная светом шашки, горящей в дверном проеме. Одной рукой он прикрывал глаза от слепящего огня, другой сжимал кривой кинжал, с лезвия которого капала кровь — в падающих каплях отражался свет пламени.

— Падре, — закричал Джордан, поднимая пистолет-пулемет, — отойдите!

Предостережение оказалось запоздалым.

Фигуры, скрывавшиеся в тени, словно бешеные псы, бросились на падре. Они сбили его с ног. Он свалился на горящую шашку, загасив пламя своим телом. Эрин вздрогнула. В помещении снова воцарилась тьма, но за мгновение до этого фигура, налетевшая на преподобного, подскочила вверх и метнулась в усыпальницу. Отлетев от священника на значительное расстояние, она рухнула на камни пола и сразу с невообразимой быстротой бросилась вперед. Волк? Нет. Человек в помятой коричневой коже с широко разведенными в стороны мускулистыми руками; в одной из них был зажат крюк, на который мясники подвешивают туши.

Джордан опустился на одно колено и открыл огонь, прошив очередью грудь нападавшего. Часть пуль угодила в сводчатый потолок. Попавшие в цель пули свалили нападавшего на каменный пол; он застыл, словно тоже стал каменным.

Клубок теней через дверь вкатился в усыпальницу. Падре схватился с двумя фигурами в черном. Третья фигура проскочила мимо дерущихся.

Этот третий нападавший вдруг замедлил бег, а потом быстро ринулся на лейтенанта Перельмана. Сцепившись, они врезались в стену под распятой девочкой и пропали из поля зрения. Раздался резкий звук выстрела израильского авто-

мата; пули из повернутого вверх ствола, попав в потолок, высекли сноп искр. Эрин распласталась в каменном коробе.

И вдруг одна из теней, словно материализовавшись, возникла над ней. Она заметила, как мелькнули оскаленные зубы — *зубов было слишком много,* — и пожалела, что в руках у нее нет ни пистолета, ни ножа. Скрестив руки, она закрыла ими лицо и затаила дыхание, ожидая, когда зубы вопьются в ее тело.

Однако очередь пуль прошила торс стоявшего над ней мужчины, и тот рухнул в саркофаг, придавив Эрин своим телом. Она изо всех сил старалась высвободиться из-под рухнувшего на нее тела, ее джинсы стали мокрыми от крови. Стиснув зубы, она шарила руками по лежащему на ней телу в поисках оружия. Но нашла не пистолет — в руках у нее оказался египетский *хопеш*[1] с длинным кривым лезвием. Подобные сабли она видела на картинах и в виде иероглифов, но знала, что это оружие не использовалось в сражениях уже как минимум семь столетий.

— Вы в порядке? — перегнувшись через край саркофага, спросил Маккей.

Эрин не успела ему ответить — он пропал с ее глаз: над бортом саркофага была пустота. Она поднялась на колени, сжимая саблю.

А Маккей, перелетев через усыпальницу, уткнулся в стену головой, которая при этом треснула. Он упал на пол, начертив на стене толстую кровавую полосу. Черная фигура прыгнула на Маккея и вцепилась ему в горло.

17 часов 08 минут

Напавший на Джордана буквально пригвоздил его к полу — он был сильнее, чем кто-либо из тех, с кем сержанту раньше доводилось иметь дело. К тому же парень оказался на редкость проворным в борьбе, а Джордан выронил из рук свой пистолет-пулемет. Стоун извернулся и протя-

[1] Хопеш — разновидность холодного оружия, применявшаяся в Древнем Египте. Имеет внешнее сходство с ятаганом.

нул руку к лодыжке, где в чехле притаился нож «Ка-Бар». Ему удалось вытащить его, поскольку костистые руки его противника были заняты: одной он вцепился Джордану в горло, другой прижимал его руку к каменному полу. Ногти нападавшего буквально вырывали из его тела куски плоти.

Рывком отведя свободную руку назад, Стоун всадил глубоко в горло противника лезвие ножа. Оно вошло по самую рукоятку, после чего Джордан двинул лезвие вбок.

Кровь потоком залила ему руку.

Мужчина сразу обмяк. Джордан сбросил с себя безжизненное тело и сел на корточки. Он не отрывая глаз смотрел на Эрин, стоявшую в саркофаге с короткой кривой саблей в руке. Джордан понял, что она собирается выбраться из саркофага, чтобы помочь Маккею, лежащему в другом конце усыпальницы. Но помочь тому не мог уже никто. Так же как и Перельману, лежащему рядом с ним на полу с вырванным горлом.

Джордан, ударив изо всей силы ногой напавшего на Маккея, столкнул его с тела своего сослуживца. Заметив позади Эрин какое-то движение, он мгновенно повернулся в ее сторону.

Позади нее маячила какая-то тень.

Он бросился к Эрин, но чья-то рука удержала его, отодвинув в сторону. Это выглядело так, будто автомобиль, мчавшийся на недозволенной скорости, вдруг резко затормозил. Джордан, потеряв равновесие, ткнулся в стену.

С изумлением он увидел священника, буквально пролетевшего мимо него, сбившего Эрин вниз на дно саркофага и налетевшего на человека, приблизившегося к ней с вполне ясными намерениями. Он ударил его плечом и отбросил назад с такой силой, что тот врезался в мумифицированную девочку на стене. Высохшие кости с треском рассыпались, не выдержав такого удара, а самого Корцу отбросило на шаг от стены.

Его противник, извиваясь в корчах, повис над землей, пригвожденный к стене. Тупые концы арбалетных стрел, вошедшие в его тело, удерживали его на весу. Наконечник одной стрелы торчал у него из горла. Он вцепился в него

пальцами. Кровь пузырилась в ране, словно в кипящем котле.

Корца подошел к нему и одним мощным ударом перерубил ему шею.

Джордан, с трудом поднявшись с земли, встал на колени и осмотрелся вокруг. Преподобный стоял у стены, его спина под разорванной сутаной сгорбилась. Черная кровь, стекающая с кинжала на пальцы, капала на землю. Джордан не мог понять, сколько крови вытекает из ран, полученных самим священником.

Он поднял с земли свое оружие и, спотыкаясь, направился к Эрин. Не было никакого смысла подходить к кому-либо из его команды. Он узнавал смерть с первого взгляда и сейчас мог с уверенностью сказать, что в усыпальнице оставались живыми лишь три человека: Корца, Эрин и он сам.

Джордан держал падре под пристальным наблюдением, не будучи уверенным в том, что он на их стороне.

Распахнув свою длинную сутану, Корца опустился на колени и склонил голову, словно в молитве, — но сейчас эта поза была вызвана не молитвой. Он что-то искал на полу. Когда падре встал, то подобранный им предмет мгновенно исчез в складках его черной сутаны.

Кукла девочки исчезла.

Вместо того чтобы поинтересоваться, в каком состоянии Эрин, он поднял куклу? Джордан решил отказаться от дальнейших попыток определить, что за человек этот священник.

— Эрин? — произнес он, подойдя к ней.

Она, не выпуская из рук сабли, метнулась к нему.

— Да это же я, — успокоил ее Стоун, отводя в сторону оружие и поднимая обе руки с растопыренными ладонями.

Ее расширенные глаза сузились, взгляд сосредоточился на нем. Через секунду она опустила саблю. Джордан осторожно взял клинок у нее из рук и бросил его на пол. Эрин резко отступила в угол; лицо ее было белым, глаза, казалось, ничего не видели. Стоун поднял ее на руки и сел, опершись спиной о холодный камень и усадив ее на свои ко-

лени. Провел руками по ее телу, ища раны. Эрин казалась невредимой.

Священник подошел к ним. Рука Джордана инстинктивно потянулась к кобуре пистолета, вторая рука обвила Эрин. Какие у него намерения?

— Их больше нет, — прошептал Корца так, словно это были слова молитвы. — Но мы пока еще не в безопасности.

Джордан внимательно смотрел на этого человека в разорванной сутане.

— Они запрут нас здесь, — произнес преподобный с такой уверенностью в голосе, что Джордан поверил ему.

— Откуда вы знаете?..

— Потому что это как раз то, что должен был бы сделать я. — Он быстро пошел к дверному проему.

Джордан понял, зачем он туда идет. Ровер стоял на полу, одна камера направлена на них, и над ней светится зеленый индикатор. Падре каблуком ударил по объективу. Металл и стекло посыпались на землю и раскатились по камням.

Джордан все понял, вспомнив предсмертный крик Сэндерсона:

— *Они наблюдают за нами.*

Глава 9

26 октября, 17 часов 11 минут
по местному времени
Масада, Израиль

Когда на плоской вершине горы затихли последние крики, Батория, припав в почерневшему экрану монитора, застыла в шоке, словно оказавшись в капкане между прошлым и настоящим.

Она следила за битвой, произошедшей в усыпальнице, и знала, что все, кого она послала вниз, убиты. Сумбурное сражение происходило в потемках, многое происходило вне зоны обзора камеры. Но Батория все-таки успела рассмотреть кое-что еще до того, как на поле битвы воцарился хаос.

Она видела солдата в шлеме, стоящего лицом к лицу с человеком в черном облачении; его спина была обращена в сторону камеры. Но она заметила на нем белый римский воротничок-колоратку, когда он единственный раз обвел взглядом усыпальницу.

Ее бурлящая в жилах кровь похолодела от этого мимолетного взгляда врага. Он и был тем самым рыцарем Христовым, о котором упоминалось в текстовом послании.

Сангвинист.

Эти двое мужчин стояли друг против друга, как бараны в время гона. Возможно, этот воин и решил бы ее проблему, но рыцарь, обойдя воина, остановился и стал внимательно смотреть на дальнюю от него стену — что он там увидел?

Как жаль, что камера не может показать дальнюю часть усыпальницы.

Среди этих теней вдруг возникла женщина в обычной одежде; еще один сюрприз. Она вошла, помахивая мобильным телефоном; по ней было ясно видно, что она проверяет, есть ли там сигнал.

Рыцарь повернулся к женщине и развел руки, чтобы показать ей размеры Книги.

Батория, вздохнув, оживилась.

Женщина покачала головой.

Рыцарь медленным шагом обошел комнату. Усыпальница казалась пустой; ничего, кроме саркофага, в ней не было. Никаких мест, куда можно спрятать книгу. Когда рыцарь пожал плечами, она с облегчением выдохнула.

Так, значит, книгу они *не нашли*.

Либо там ее никогда не было, либо ее похитили.

Затем до рыцаря дошло, что на присутствие в усыпальнице команды Батории необходимо быстро отреагировать. Он должен был потерпеть поражение, но она недооценила его способностей, а также поддержки, оказанной солдатами. Он в считаные секунды расправился с половиной ее команды.

По тому, как он себя вел, Батория поняла, что этот рыцарь, находившийся под землей, не просто человек, пере-

одевшийся в другую одежду, что он много старше и что из него также течет кровь, как и из ее людей.

А потом, когда этот рыцарь бросился крушить камеру ровера, она подробно рассмотрела его лицо: его подбородок с вертикальной складкой, его широкоскулое славянское лицо, его напряженные темные глаза. Она узнала его, и от этого у нее буквально отнялись конечности и земля ушла из-под ног.

Но ведь жизнь проходит не в безвоздушном пространстве.

В окружавшей ее пустоте Батория чувствовала, как ее снова наполняет безудержная ненависть, делая из нее орудие злости и мщения.

Наконец она встала с места, сжала руки в кулаки и стукнула по темному монитору своим древним кольцом с рубином. Как и многое из всего, чем она владела, это драгоценное кольцо было в течение долгого времени связано с ее семьей.

А также и с тем самым рыцарем.

Рун Корца.

Это имя внушало ей такой же страх, как черная ладонь на ее шее, — и причиняло ей такую же боль. Всю свою жизнь она постоянно слышала о том, как неудача, принесенная Корцей, ввергла ее когда-то славное семейство в бедность и бесчестье, тяготевшие над несколькими его поколениями. Батория коснулась пальцем края татуировки, этого источника постоянной агонии — и напоминания еще об одном долге крови, за который она должна рассчитаться с этим рыцарем.

Она снова вспомнила ту давнюю церемонию с преклонением коленей перед Ним, кому она посвятила всю себя. Его руку на своем горле, выжигающую этот знак, смысл которого был в том, что Его ладонь и пальцы навсегда связывали ее с Ним в форме рабской зависимости.

И все из-за этого рыцаря.

Батория видела его в тысячах снов и всегда надеялась, что когда-нибудь отыщет его живым, для того чтобы заставить расплатиться за все его деяния, которые обрекли

несколько поколений женщин в ее семье на то, чтобы провести годы в мучениях — сделать их пленницами крови, свести их судьбу к тому, чтобы воспитывать, служить и ждать.

То, что она узнала, принесло с собой и другую правду, болезненное осознание.

Батория снова почувствовала Его руку на своем горле, ее удушающее сжатие, выжигающее из нее все связанное с ее прежней жизнью.

Ее хозяин должно быть знал, что Рун Корца и был тем рыцарем, посланным в Масаду, чтобы отыскать и вернуть Книгу. Но эту тайну он не открыл ей. Он послал ее на встречу с Корцей, не предупредив ее.

Почему? Ужели ради того, чтобы доставить себе это жестокое удовольствие, или в этом был какой-то более серьезный и значимый повод?

Знай Батория наперед, что Корца окажется в усыпальнице, она не послала бы вниз никого из своих людей. Она дождалась бы, пока он поднимется наверх с Книгой — или с пустыми руками, не найдя там ничего, — и пристрелила бы его в расселине, как муху на стене.

Эта бойня внизу показала Батории, что Корца слишком опасен, чтобы встречаться с ним в открытом бою, даже если бы она послала туда все оставшиеся у нее силы.

Но существовал и другой путь, более подходящий.

Злоба, кипевшая в ней, постепенно выкристаллизовалась в другой, новый замысел.

До того, как сгустилась тьма, Батория заметила одного из своих людей возле дверного проема усыпальницы; через одно плечо у него был переброшен ранец. Такая же шайка оставалась ждать наверху возле выхода из расселины.

Она обратилась к двум охотникам, все еще стоявшим на карауле.

Тарек, подобно многим другим, брил голову и разрисовывал свою кожу черными татуировками в форме библейских пассажей, написанных на латыни. Кожа, сшитая нитками из человеческих жил, прикрывала его мускулистое шестифутовое тело. Стальные кольца-пирсинги протыкали

губы и ноздри. Его черные глаза сузились в щелки от бешенства, когда он узнал о потерях, вызванных встречей с теми, кто оказался в усыпальнице. Он жаждал мести. Причем собственноручной.

— Этот рыцарь слишком опасен, — предупредила Батория. — Особенно когда он приперт в угол. Мы понесли уже слишком большие потери, чтобы рисковать и посылать еще людей.

Тареку нечего было возразить. Они же оба наблюдали на экране монитора за происходившим внизу побоищем. Однако и у него тоже было свое мнение. Не такое оптимистическое, но приводящее к такому же результату.

— Надо нанести удар по расселине. — Батория подошла к своим людям, находившимся рядом. — Убейте их всех до единого.

Она намеревалась похоронить рыцаря и его спутников, а вместе с ними перезахоронить и тайну под многотонным слоем горного камня. Ну а если Корца уцелеет при обвале, тогда его судьбой будет медленная смерть под этими камнями.

На мгновение ей показалось, что Тарек не собирается исполнять ее приказ. Сейчас им руководило кипевшее в его крови бешенство. Внезапно его взгляд застыл на ее шее. На татуировке. Он отлично знал ее смысл и значение.

Не подчиниться ей означало не подчиниться *Ему*.

Тарек склонил голову — глядя на него, казалось, что он сгибает железный стержень, — а потом вдруг исчез в ночи.

Батория закрыла глаза, стараясь уйти в себя. Внезапно негромкий стон вывел ее из этого состояния, напомнив ей, что у нее еще много несделанных дел.

Стоявший на коленях в пыли капрал с веснушчатым лицом по имени Сэндерсон был единственным выжившим после резни на вершине горы. Он был голым до пояса; его откинутую назад голову удерживали в таком положении гвозди, глубоко вонзившиеся ему в череп, — это было дело рук уцелевшего бойца ее команды Рафика, брата Тарека. Он был тощим, казалось, состоявшим из костей и злобы, но в трудных ситуациях он часто оказывался незаменимым.

Батория подошла ближе, глаза солдата следили за ней.

— У меня есть кое-какие вопросы, — ласковым голосом произнесла она.

Капрал молча смотрел на нее неподвижными от ужаса глазами и дрожал, обливаясь потом; он выглядел совсем мальчишкой. Он был очень похож на ее брата, который очень любил розы и прохладное вино, но, после того как у нее на шее появилось это клеймо, ей запретили иметь какие-либо контакты с ним. Она должна была покончить со всеми земными привязанности и связать себя только с Ним.

Еще одна утрата, ответственность за которую она тоже возлагала на плечи Корцы.

Батория провела тыльной стороной ладони по гладкой щеке капрала. Он был еще молод для того, чтобы отращивать бороду. Однако, несмотря на ужас, который был в его глазах, она заметила в них и слабые искорки открытого неповиновения.

Батория вздохнула.

Похоже, он еще надеется оказать сопротивление.

Она, отклонившись назад, подняла руку, как бы отгоняя прочь возникшее в ней желание.

Фас.

Эта пара — Батория назвала их Хунор и Магор в честь двух героев венгерской мифологии — была почти всегда рядом с нею, навсегда предана ей. Не видя их, она почувствовала, что они зашевелились в темноте, позади нее, где их кормили. Батория протянула ладонь — и сразу же почувствовала на ней горячий язык, мохнатую морду и услышала низкое урчание, подобное раскату грома, донесшегося из-за горизонта.

Батория опустила ладонь, всю мокрую от крови.

— Они еще голодные, — пояснила она, зная, что это правда, и чувствуя, как эхо охватившего их желания отдается внутри нее.

Глаза солдата расширились; он весь напрягся, не в силах представить себе то невообразимое, что ожидало его. Ужас, охвативший его при виде того, что стояло позади нее,

погасил в его глазах все даже самые слабые искорки неповиновения.

Батория склонилась к нему совсем близко. Чувствуя его горячее дыхание, почти ощущая испытываемые им муки, приблизив губы к его уху, она зашептала:

— Скажи мне — пусть сначала будет простой вопрос, — кто эта женщина там внизу?

Но прежде, чем капрал смог ответить, ночь за ее спиной взорвалась. Свет, звук и жар изверглись из вершины Масады, сотрясая землю, превращая ночь в день. Языки пламени взметнулись из трещины, превратив все вокруг в жуткую смесь дыма и выброшенной из недр земли и закрыв все то, что Бог открыл для обозрения всего лишь несколько часов назад. А Батория намеревалась опустить вниз всю гору, дабы скрыть свои следы.

Этот взрыв вновь принес ей умиротворение и покой.

Батория посмотрела на капрала.

Она все еще ждала ответа.

Глава 10

26 октября, 17 часов 14 минут
по местному времени
Масада, Израиль

Жар, горячий, как дыхание дракона, обжег спину Руна. Он представил себе пелену огня, перекатывающуюся через закрытый темный саркофаг. Но именно *звук* тревожил его сильнее всего. Он боялся, что эта сметающая все ударная волна могла расколоть его череп, вызвать обильное кровотечение из ушей и осквернить это считающееся священным пространство. За пределами усыпальницы, в которой они находились, камни дождем осыпались на пол у входа. В отличие от первого взрыва, который закупорил расселину сверху, этот, второй, старался разрушить само помещение.

И таким образом отрезать их от мира.

Когда огонь и неистовый грохот стихли и сменились глухим скрежетом, Рун изо всех сил схватился за стенки

саркофага, высеченные из известкового камня. Получится так, будто он умер в саркофаге — попав в западню точно так же, как однажды в этой каменной западне закрыли другого человека. Что касается его самого, он был бы рад такому исходу. Но эта женщина и солдат не заслужили такой доли.

После первого взрыва Корце удалось силой заставить их укрыться внутри этого каменного гроба. Понимая, что древняя усыпальница может стать для них единственным убежищем, он напряг все силы и с помощью солдата накрыл их сверху каменной плитой. Если они выжили, он не знал, как сможет объяснить им, откуда у него такая сила. Кодекс, по которому он жил, требовал от него скорее дать им умереть, чем ответить на подобные вопросы.

Но Рун не мог позволить им умереть. И теперь они лежали, плотно прижавшись друг к другу, в кромешной темноте. Корца пробовал молиться, но то, что он чувствовал, по-прежнему переполняло его. Он чувствовал запах вина, которым сам когда-то наполнял это вместилище; чувствовал металлический запах крови, пропитавшей лохмотья, в которые превратилась его одежда; чувствовал запах дыма от сгоревшей бумаги и мела — компонентов использованной взрывчатки.

Ни один из этих запахов не перебивал простого аромата лаванды, которой пахли ее волосы.

Биение ее сердца, быстрое, как взмахи крылышек лесного жаворонка, отзывалось в его груди. Тепло ее трепещущего тела согревало все его тело. После Элисабеты он никогда так близко не соприкасался с женщиной. Он довольствовался малым — Эрин отвернулась от него, уткнувшись лицом в грудь солдата.

Корца считал удары ее сердца и в этом ритме обрел покой, о котором можно только молить Бога. Это продолжалось до той минуты, пока наконец тишина снова не вернулась в их сознание и в мир, лежащий за стенами их маленькой усыпальницы.

Эрин зашевелилась, но он, дотронувшись до ее плеча, попросил лежать спокойно. Он хотел подождать подольше, чтобы быть полностью уверенным, что помещение вновь

не начнет трясти, когда они попытаются сдвинуть крышку саркофага. И лишь тогда, когда Корца будет знать, что они наверняка не будут погребены под новым камнепадом, он сможет решиться поднять крышку.

Ее дыхание замедлилось, сердце забилось спокойнее. Да и солдат тоже успокоился.

Наконец Рун уперся коленями в нижнюю часть каменного вместилища и надавил плечом на крышку. Та со скрипом двинулась вбок. Встав и немного передвинувшись, он снова налег на крышку. Массивная плита отодвинулась, образуя щель шириной в ладонь, потом в две ладони.

Наконец она наклонилась и с грохотом упала на пол. Узники были свободны, хотя Рун опасался, что они всего лишь поменяли тесную камеру на более свободную. Но храм, по крайней мере, устоял. Люди, которые пробили в камне это потайное помещение, укрепили его стены, чтобы те могли выстоять в любой ситуации, в которой может оказаться гора.

Корца поднялся на ноги и помог Эрин и Джордану выбраться из саркофага. Одна осветительная шашка уцелела при обвале и сейчас освещала помещение тусклым светом. Сощурившись, Рун сквозь пелену обжигающей пыли посмотрел на дверной проем, ведущий в усыпальницу.

Его больше не было. Земля и горная порода засыпали его от пола до потолка.

Оба его компаньона кашляли, прикрывая лицо частями одежды и фильтруя через них воздух. Долго им так не выдержать.

Солдат щелкнул выключателем фонаря и направил его луч на дверной проем. Встретившись глазами с Руном, он отступил на шаг; его и без того мрачное лицо стало подозрительным и настороженным.

Женщина провела лучом второго фонаря вокруг, осматривая разрушения в усыпальнице. Толстый слой пыли лежал на всем; мертвые тела, казавшиеся статуями, засыпанными порошком, напоминали о недавней резне.

Но под разбитыми кусками тяжелой каменной крышки саркофага не скрывалось ничего. Свет ее фонаря надолго

задержался в этом месте. Множество пылинок, плавающих в световом луче, не могли запорошить правду о том невероятном, совершенном им деле: о том, как он поднял, а потом отодвинул этот камень, чтобы освободить их.

Солдат, кажется, не обратил на это внимания. Он стоял напротив засыпанного дверного проема с таким лицом, словно перед ним была какая-то неразрешимая тайна.

Луч фонаря женщины, стоявшей рядом с ним, был направлен на Руна, туда же смотрели и ее глаза.

— Благодарю вас, падре.

Он уловил в ее голосе нечто странное, когда она произносила слово «падре». Это привело его в легкое замешательство — он почувствовал, что она неверующая.

— Меня зовут Рун, — шепотом представился он. — Рун Корца.

Он не доверился своему другому вынужденному компаньону и не сообщил ему своего полного имени, хотя общался с ним дольше; но уж если им суждено умереть здесь вместе, то он хотел, чтобы они знали его имя.

— А я Эрин, а это Джордан. А как...

Солдат резко оборвал ее; в его тоне звучало холодное бешенство:

— А кем были они?

Под этим вопросом таился и другой вопрос. Рун понял это по голосу Джордана, прочитал это на его лице: «*Что* они делали здесь?»

Корца задумался над вторым, незаданным вопросом. Церковь запрещает раскрывать правду, это наиболее охраняемый секрет. Многое может быть потеряно вследствие огласки. Но этот мужчина был воином — таким же, как и он сам. Он твердо стоял на земле, противостоял тьме, и он заплатил кровью за то, чтобы получить верный ответ.

Рун с почтением отнесся к такой жертве. Он посмотрел прямо в глаза своему второму компаньону и сказал ему правду, назвав тех, кто на них напал:

— Они *стригои*.

Его слова повисли в воздухе, словно плавающие пылинки; они скорее затуманили суть дела, нежели откры-

ли правду. Солдат склонил голову к плечу — он был явно сконфужен. Женщина тоже смотрела на священника, и в ее взгляде было больше любопытства, чем злости. В отличие от солдата она, кажется, не ставила ему в вину то, что здесь погибло столько людей.

— Ну и что это значит?

Солдат не успокоится, пока не докопается до истины, да и после этого он, без сомнения, тоже не успокоится.

Рун сбросил камень, лежавший на теле одного из мертвецов, и смел песок с его лица. Женщина светила фонариком на его руки, а он повернул в их сторону покрытую пылью голову мертвеца. Свободной рукой в перчатке он раскрыл его холодные губы, раскрывая перед ними одну из древних тайн.

В луче фонарика блеснули длинные белые клыки.

Рука солдата машинально опустилась на приклад его пистолета-пулемета. Женщина затаила дыхание и непроизвольно прикрыла рукой горло. Животный инстинкт самозащиты. Но вместо того, чтобы окаменеть от страха, она опустила поднятую к горлу руку и, подойдя к Руну, опустилась возле него на колени. Мужчина же, оставаясь на месте, насторожился и подготовился к схватке.

Для Руна это не было неожиданным, а вот женщина, проявив себя иначе, его удивила. Ее пальцы — поначалу они дрожали, но дрожь их быстро унялась — потянулись, чтобы ощупать длинный острый зуб; она действовала подобно святому Фоме[1], ощупывавшему раны Христовы, ища подтверждения сообщенной ему вести. Правда ее явно страшила, но докопаться до нее она тем не менее хотела.

Эрин смотрела на Руна скептическим взглядом, каким обладает только современный ученый-исследователь. И ждала.

---

[1] Святой Фома — в Библии один из двенадцати апостолов, не поверивший в воскресение Христа. «Пока не увижу, не поверю», — сказал он. Христос пришел к нему, он увидел, проверил — и поверил.

Корца не сказал ничего. Она просила рассказать правду. Он ее рассказал. Но не мог заставить ее поверить рассказанному. Показав рукой на труп, она произнесла:

— Это могут быть колпачки типа коронок, надеваемые на зубы и удлиняющие их...

Даже сейчас Эрин отказывалась верить, ища какую-либо утешительную альтернативу реальности, как это делали многие до нее. Но в отличие от них, она пригнулась ближе, не ожидая получить ни подтверждения, ни утешения, и подняла верхнюю губу повыше.

Когда она ощупывала зубы, Рун ожидал, что ее глаза расширятся от страха, но увидел он совсем другое: ее брови взлетели вверх, а на лице появилось выражение интереса человека, занимающегося наукой.

В очередной раз удивившись, Корца смотрел на нее с таким же интересом, с каким она рассматривала зубы.

17 часов 21 минута

Стоя на коленях над телом, Эрин пыталась осмыслить то, что видела перед собой. Ей необходимо было понять, уяснить значение и смысл всей этой пролитой крови и смертей.

Она мысленно перелистала список этносов, в которых принято заострять зубы. В Суданской пустыне молодые мужчины оттачивают свои передние резцы до остроты бритвы при подготовке к переходному обряду[1]. У древних майя спиленные зубы считались признаком знатности. На Бали спиливание зубов было частью обряда перехода во взрослый возраст и означало преображение животного в человека. На всех континентах была распространена подобная практика. На всех без исключения.

Но здесь все было иначе.

---

[1] Переходный обряд — ритуал, связанный с изменением социального статуса субъекта, например обрезание, женитьба, посвящение в рыцари и др.

Поскольку целью Эрин было добраться до правды, она должна была признать, что эти зубы не затачивались какими-либо инструментами.

— Док, скажите мне, — Джордан навис над ее плечом, а его напряженный голос забивал все маленькое пространство. — Скажите мне, что вы об этом думаете.

Эрин старалась придать своему голосу спокойное звучание — и ради себя самой, и ради него. Потеряй она сейчас спокойствие и хладнокровие, неизвестно, обретет ли она их когда-нибудь вновь.

— Эти зубы, похожие на те, что мы видим у семейства собачьих, имеют крепкие корни в верхней челюсти. Посмотрите, какие утолщения имеются в основании клыков — там, где под ними расположены углубления в челюстной кости.

Джордан, перешагнув через груду камней, встал между ней и падре. Одна его рука так и застыла на прикладе.

— Я согласен с вами в этом вопросе.

Эрин бросила на него взгляд, в котором, как она надеялась, он заметит приободряющую улыбку. Но, похоже, это не сработало, потому что его лицо оставалось по-прежнему суровым, когда он спросил:

— Но все же что это значит?

Эрин, все еще стоя на коленях, откинулась назад, увеличивая расстояние между собой и зубом, который она только что ощупывала.

— Такие крепкие корни являются обычными у хищных животных.

Корца отошел в сторону. Ствол пистолета-пулемета в руках Джордана последовал за ним.

— Джордан? — Эрин встала рядом с ним.

— Рассказывайте дальше. — Его глаза были сосредоточены на падре, словно он ожидал, что тот прервет женщину; но священник спокойно стоял в стороне. — То, что вы сказали, интересно, ведь верно, падре?

Эрин внимательно рассматривала покрытое пылью лицо мужчины, голова которого лежала на груде камней. Оно

имело вполне нормальные человеческие черты, такие же, как и ее собственное лицо.

— Челюсти льва развивают давление в шестьсот фунтов на один квадратный дюйм. Для того чтобы обеспечить такое усилие, альвеолы зубов должны быть прочными и толстым слоем облегать клыки — так, как мы видим сейчас.

— Из сказанного вами следует, — сказал Джордан, прочищая горло, — что эти клыки появились не в результате следования какому-то странному обычаю. Следовательно, они *естественные?*

Эрин вздохнула.

— Я не могу предложить иного объяснения тому, что мы видим.

Даже в тусклом свете своего фонарика, глядя на лицо и в глаза Джордана, она видела, какой шок и страх вызвали у него ее слова. Эрин и сама была в таком же состоянии, но не позволяла своим чувствам овладеть ее сознанием. Чтобы как-то отвлечься от них, она обратилась к преподобному с вопросом:

— Вы ведь назвали их «стригои»?

На его лице моментально появилась непроницаемая маска из теней и секретов.

— Этих людей, над которыми тяготеет проклятие, называют по-разному: «вриколаки», «аземы», «даканавары». Они являются бедствием, известным во многих уголках света. Сегодня они называют себя вампирами.

Эрин отпрянула назад. Неужели память об этом ужасе связана с ритуальным подпиливанием зубов, со зловещим подражанием настоящему террору, забытому в настоящее время? Забытому, но еще существующему... Словно ледяной палец провел черту у нее на спине.

— И вы сражались с ними? — Скептицизм Джордана, казалось, заполнил всю усыпальницу.

— Да, — спокойно прозвучал мягкий голос священника.

— Тогда кто же вы сам, падре? — Джордан занял более удобное положение, словно ожидал, что вспыхнет драка. — Некий коммандо из Ватикана?

— Я бы не произносил такие слова. — Корца выставил перед собой руки в перчатках. — Я всего лишь пастырь, покорный слуга Господа. Но для того, чтобы служить папскому престолу, я и еще несколько моих собратьев по вере были обучены борьбе с этой чумой, вот так-то.

У Эрин было не меньше сотни вопросов, которые ей не терпелось задать, но среди них был один, требующий немедленного ответа, — тот самый вопрос, который мучил ее с того момента, когда падре, войдя в усыпальницу, произнес свои первые слова.

Церковь обладает преимущественным правом на все то, что находится внутри этой усыпальницы.

Внезапно почувствовав радость от того, что между ними стоит солдат, Эрин наблюдала за этим загадочным человеком из-за плеча Джордана.

— Ранее вы упоминали о Книге, которая, возможно, спрятана здесь. Это из-за нее мы подверглись нападению? Почему мы оказались здесь в западне?

Лицо священника стало непроницаемым. Он вытянул шею к потолку, сложенному из каменных блоков, словно пытаясь получить указание свыше.

— Гора еще не успокоилась.

— Что...

Вопрос Джордана был прерван сильнейшим скрежетом камней, сопровождаемым грохотом сокрушающих взрывов. Земля затряслась — сначала несильно, а затем сильнее и сильнее.

Эрин уткнулась в спину Джордана, прежде чем твердо встать на ноги.

— Очередной толчок?

— Или очередная подвижка, вызванная ослаблением инфраструктуры горы. — Джордан посмотрел на потолок. — В любом случае он опустится. Причем скоро.

— Мы должны сначала найти, как выбраться отсюда, — сказал Корца. — А уж потом обсудим все остальное.

Джордан подошел к засыпанному дверному проему.

— Через него нам не добраться до прохода. — Корца, не сходя с места, медленно сделал полный оборот вокруг

себя. — Но ведь говорят, что те, кто пришел сюда, чтобы спрятать эту Книгу во время падения Масады, воспользовались тропой, о которой знали всего несколько человек. И эту тропу они замуровали в каменной кладке, после того как вышли отсюда.

Джордан провел медленным взглядом по стенам.

— И где же она?

В глазах падре был тот же вопрос.

— Это секрет был утерян.

— А вы не скрываете его от нас? — спросил Джордан.

Корца провел пальцами по четкам, свисавшим у него с пояса.

— Эта тропа не входит в свод знаний, интересующих церковь. Поэтому никто о ней и не знает.

— Неправда.

Эрин быстро провела обеими руками по ближайшей к ней стене, втыкая гвоздь в швы между каменными блоками, заделанные раствором.

Все глаза смотрели в ее сторону. Она улыбнулась и сказала:

— Я знаю, где выход.

17 часов 25 минут

Джордан надеялся, что Эрин действительно знает то, о чем говорит.

— Покажите мне, где он.

Она поспешно двинулась в дальний конец усыпальницы, на ходу касаясь пальцами грубой поверхности кладки, как будто читая книгу, написанную шрифтом Брайля[1].

Стоун последовал за нею, похлопывая одной рукой по каменной кладке стен, а вторую руку держа на своем пистолете-пулемете. Корце он не доверял. Предупреди их падре с самого начала, его люди могли бы остаться в живых. По

[1] Шрифт (азбука) Брайля — система чтения и письма для слепых (по выпуклым точкам).

крайней мере, пока Джордан не намеревался становиться к нему спиной.

— Чувствуете, какая ровная кладка у этой стены? — спросила Эрин. — Блоки подогнаны так тщательно, что количество раствора, необходимого для их скрепления, было минимальным. Я думаю, они цементировали стыки только в качестве дополнительной меры, дабы обезопасить свод в случае землетрясения.

— Выходит, это единственная причина, почему мы еще живы, — сказал Джордан. — Будем считать это излишествами, допущенными при постройке.

На губах Эрин заиграла смущенная улыбка. Он надеялся увидеть эту улыбку снова, но при свете солнца и где-нибудь в безопасном месте.

У задней стены она опустилась на одно колено возле заколотых трупов. Плечи ее напряглись, а глаза, отвернувшись от мертвых, сосредоточились на стене. Она встала и пошла дальше. Джордан любовался ею. Она, положив ладонь на древние камни, вела ею по стене вниз.

— Я еще раньше обратила на это внимание... — Земля снова дрогнула. — Еще до нападения. Когда мы рассматривали девочку. — Эрин взяла его руку и положила ее на каменный блок рядом со своими. — Чувствуете рубчики раствора между блоками?

Он ощутил рукой холодный твердый камень.

— Эта секция не такая, как остальные стены, — торопливо сказала она. — Квалифицированные каменщики — такие, как те, что выкладывали свод, — убрали бы выступающий наружу раствор, дабы придать стене надлежащий вид и защитить раствор от выбивания, если кто-либо коснется стены.

— Вы хотите сказать, что здесь они работали неряшливо?

— Вовсе нет. Тот, кто выкладывал эту секцию стены, работал на *другой* стороне. Вот поэтому-то раствор и выпучивается здесь, на *нашей* стороне.

— Заделанный дверной проход. — Стоун присвистнул. — Отлично, док.

Он внимательно смотрел на стену. Выложенная подобным образом, ее секция имела форму арочного прохода. Возможно, археолог права. Он ударил по стене кулаком. Стена не поддалась.

— Она кажется мне чертовски прочной.

На то, чтобы прокопать в ней проход, потребуются многие часы, возможно дни. А Джордан был почти уверен в том, что в их распоряжении только лишь минуты. Эрин проделала хорошую работу, но этого совсем недостаточно для их спасения.

Секция сводчатого потолка вблизи дверного проема с треском отделилась от основной кладки и с оглушительным грохотом рухнула вниз. Эрин инстинктивно отскочила назад, а Стоун бросился к ней с намерением предохранить ее от возможного камнепада. Как бы для них все не кончилось погребением здесь, рядом с трупами монстров и людей.

Его людей, рядом с Купером и Маккеем.

— Маккей... — задумчиво произнес Джордан.

Священнослужитель нахмурился, а Эрин пристально смотрела на скрюченное тело Маккея. В ее глазах светились надежда на будущее и понимание того, что задумал Джордан.

— А времени у вас хватит? — спросила она.

— Когда я оказался в *таких* обстоятельствах? Надо решаться не раздумывая.

Пройдя по груде камней, Стоун опустился на колени рядом с телом Маккея.

Прости меня, дружище.

Он осторожно перевернул его безжизненное тело на бок, стараясь не смотреть на вырванное горло, и положил руку ему на плечо. Джордан вспоминал, каким он был, его мертвый друг; вспоминал его лающий смех, его привычку отколупывать этикетки с пивных бутылок, его похотливые взгляды, бросаемые на встречных красивых женщин.

Все прошло.

Но никогда, мой друг, не будет забыто.

Стоун снял с его плеч ранец и вернулся к стене, где его ждала Эрин. Он не хотел оставлять ее наедине со Корцой.

Кто знает, что у этого человека на уме. Этот священнослужитель весь набит тайнами, которые стоили жизни его людям. Интересно, как будет падре хранить свои тайны, если им удастся выбраться из этой западни?

Что бы он ни планировал, эта гора, вероятнее всего, раздавит их. Джордан быстрым движением расстегнул молнию и раскрыл рюкзак. Будучи подрывником группы, Маккей запасся взрывчаткой, которая, согласно первоначальному плану, предназначалась для взрыва емкостей с отравляющим газом и уничтожения все еще опасных его остатков. Ведь тогда они думали, что им предстоит нечто более простое, типа ликвидации террористов.

Джордан действовал быстро, вставляя взрыватели в блоки пластиковой взрывчатки С-4. Маккей мог бы справиться с этим намного быстрее... Джордан старался не думать сейчас о нем и не смотреть в его сторону, будучи не в силах подавить в себе боль и горечь от этой потери. Может быть, потом ему станет легче. Если, конечно, это «потом» для них наступит.

Он уложил и скрепил проволокой заряды, быстро делая в уме необходимые расчеты и бросая при этом частые взгляды на Эрин, разговаривающую с преподобным.

— Эта девочка, — сказала она, показывая рукой на тело пригвожденного к стене ребенка, — по вашим словам, умерла, когда ей было две тысячи лет?

Голос Корцы был настолько тихим, что Джордану пришлось напрячь слух, чтобы расслышать его ответ.

— Она была из стригоев. Замурованная здесь для того, чтобы охранять Книгу. И эту возложенную на нее миссию она исполняла до того момента, пока эти серебряные стрелы, выпущенные из арбалетов, не прервали ее жизнь.

Работая руками, Джордан представил себе, как разворачивались эти леденящие кровь события: *нацисты открыли саркофаг, обнаружили девочку, которая еще живая лежала в этом распроклятом гробу, а затем пригвоздили ее к стене градом серебряных стрел.* Стоун вспомнил тот измятый потрепанный противогаз, валявшийся возле входа в усыпальницу. Должно быть, нацисты знали, что их может

ожидать там. Они готовились к встрече и с девочкой, и с токсичным газом.

Эрин наседала на падре, стараясь найти путь к пониманию всего этого, стараясь вставить разрозненные куски информации в научное уравнение, дабы объединить их и придать смысл.

— Выходит, что церковь использовала эту бедную девочку? Насильно заставила ее быть сторожевой собакой целых две тысячи лет?

— Она не была *девочкой*, и она спала, оставаясь нетленной в этом святом вине. — Корца перешел на шепот, в котором слышались нотки обиды. — Вообще-то вы правы. Не все одобряли столь жестокое решение. И были против этого проклятого места. Говорят, что апостол Петр указал на эту гору в то трагическое время, дабы связать кровавую жертву иудейских мучеников с этой усыпальницей, воспользоваться этой мрачной завесой ужаса в качестве дополнительной защиты сокровища.

— Постойте, — с насмешливой издевкой возразила Эрин. — Вы говорите, *апостол Петр... святой* Петр? Вы говорите, что он приказал кому-то доставить эту Книгу сюда во время осады Масады?

— Нет. Петр сам принес сюда Книгу. — Руки священника перебирали четки. — Вместе с теми, в ком он был абсолютно уверен.

Джордану показалось, что падре вовсе не расположен рассказывать им об этом.

— Да этого не может быть, — в запале возразила Эрин. — Петр был распят во времена царствования Нерона. Примерно за три года *до того*, как пала Масада.

Корца, повернув голову в сторону, ответил ей тихим голосом:

— При описании исторических событий точность соблюдается не всегда.

Как раз в тот момент, когда преподобный произнес эту загадочную фразу, Джордан закончил свои приготовления.

Он встал и поднял беспроводной детонатор. Эрин вопросительно посмотрела на него.

Жаль, что Стоун не мог придумать более успокоительных слов.

— Или это сработает... или мне придется нас всех убить.

Глава 11

26 октября, 18 часов 01 минута
по местному времени
Месторасположение не определено, Израиль

Сидя на больничной койке, Томми потрогал трубку внутривенной капельницы, торчащей у него из груди. Он делал это скорее машинально, чем из любопытства. Он знал, зачем медсестра поставила ему капельницу. Это была уже вторая капельница. После столь частого забора крови они опасались, что вена может не выдержать и лопнуть.

Его лечащий врач — худенькая скуластая женщина в оливково-зеленой форменной одежде и с мрачным лицом — не удосужилась назвать ему свое имя, что показалось ему странным. Обычно врачи представлялись, надеясь на то, что пациент запомнит их имя. А эта женщина-врач вела себя так, словно хотела быть забытой, и как можно скорее.

Томми потянул на себя тонкое фланелевое одеяло и огляделся вокруг. Палата, в которой он лежал, казалось, была обычной больничной палатой: регулируемая кровать, внутривенные линии вливания бог знает чего ему в кровь, столик с оливково-зеленым пластмассовым кувшином и чашкой.

Ему было скучно без закрепленного на стене телевизора, хотя он и не понял бы ничего из передач израильских каналов. Но за многие месяцы, проведенные им до этого в больницах, он привык к тому, что привычное мелькание картин на мерцающих экранах оказывало на него успокаивающее действие.

От нечего делать Томми слез с кровати и, направившись к окну, потащил за собой стойку со всем, что было укре-

плено на ней; его голым ступням было холодно на полу, выложенном плитками из линолеума. Из окна открывался вид на освещенную луной пустыню, нескончаемые скалы и купы низкорослого кустарника. За автомобильной парковкой он увидел какое-то нерукотворное свечение. Израильтяне, вывезя его из зоны бедствия, переместили неизвестно куда.

Зачем?

Больницы, в которых он лежал, находились в городах, в людных местах, где были огни и автомобили. Но ничего этого он не увидел, когда вертолет сел на парковку, — лишь группу зданий, большинство окон в которых были темными.

В вертолете Томми был пристегнут ремнями к среднему сиденью между двумя израильскими коммандос, которые, насколько это было возможно, отстранялись от него, боясь соприкоснуться с его телом. Он мог предположить, чем это было вызвано. Еще перед полетом Томми слышал, как один американский солдат упомянул, что на его одежде и на коже в открытых местах могут сохраниться составляющие компоненты токсичного газа. Никто не осмелился прикоснуться к нему до тех пор, пока он не прошел процедуру дегазификации.

Там, в Масаде, его раздели догола и поместили в дегазификационную палатку, и его одежду тоже. Когда он был в палатке, его заставили пройти через систему химических душей и, казалось, соскребли с его кожи каждую отмершую клетку. Даже использованная при мытье вода собиралась в особые герметичные бочки.

Томми готов был держать пари на то, что именно по этой причине он и оказался в этой глухомани: стал подопытной морской свинкой, наблюдая за которой они смогут выяснить, почему он перенес воздействие этого газа и остался живым, в то время как все остальные умерли.

В конце концов, пройдя через все это, Томми был рад тому, что больше никто и никогда не будет вспоминать о поражении кожи, вызванном меланомой, исчезнувшем с его запястья. Он рассеянно поскреб пальцем это место, все еще

пытаясь выяснить, что это могло значить. Его секрет было легко сохранить. С ним практически никто и не говорил — они говорили *при нем*, говорили *о нем*, но редко говорили *с ним*.

И только один человек смотрел ему в глаза.

Падре Корца.

Томми помнил эти черные глаза на добром лице. Его слова были добрыми и тогда, когда он расспрашивал о его отце и матери, об ужасах того дня. Томми не был католиком, но, несмотря на это, ценил доброту преподобного.

Стоило ему подумать о родителях, на глаза тут же наворачивались слезы — но он прятал их в коробочку. Томми сам придумал эту коробочку, куда складывал свои лекарства от рака. Когда что-то причиняло ему нестерпимую боль, он откладывал это на потом. При его ухудшающемся здоровье и терминальном диагнозе[1], Томми и представить себе не мог, что будет жить долго и вряд ли ему потребуется открывать эту коробочку.

Опустив глаза, он внимательно рассматривал свое запястье.

Теперь казалось, что так оно и будет.

Глава 12

26 октября, 18 часов 03 минуты
по местному времени
Масада, Израиль

Эрин опустилась на колени за саркофагом, закрыв уши руками, сразу, как только Джордан включил спусковой механизм взрывателя устройства С-4, закрепленного на стене. Взрыв буквально встряхнул все ее внутренности. Каменная пыль заполнила помещение. Посыпавшийся с потолка пе-

[1] Терминальный диагноз — диагноз опасных для жизни заболеваний, учитывающий динамику протекания болезни, физическую боль, положение в семье и прочие индивидуальные особенности больного и его жизненные обстоятельства.

сок скользил по ее не прикрытой одеждой коже, словно тысячи мелких шустрых паучков.

После взрыва Джордан довольно сильно тряхнул ее и прокричал:

— Передвиньтесь отсюда!

Эрин не поняла, к чему такая поспешность, — ведь эхо от взрыва еще отдавалось у нее в ушах, мало того, оно становилось все сильнее. Она в изумлении смотрела на землю, качавшуюся под ней.

Еще один толчок.

Падре взял ее за другую руку и потянул к еще дымившейся стене. В ней зияло небольшое отверстие. Но оно было *слишком* маленьким.

— Помогите мне! — закричал Джордан.

Взявшись втроем, они выдернули сдвинутые, отделившиеся друг от друга блоки вдоль кромки стены. За образовавшимся в стене отверстием неясно маячил вырубленный в скале темный проход. Давным-давно люди пробили его, чтобы он выводил их куда-то, а сейчас для них переместиться хоть *куда-либо* было намного лучше, чем оставаться здесь.

Толчки становились все более угрожающими. Неустойчивая земля уходила из-под ног у Эрин и отбрасывала ее на стену.

— Скорее! — заорал Джордан, вытаскивая последний блок, после чего узкий лаз стал проходимым, хотя бы с трудом и впритык. — Всем уходить!

Прежде чем они смогли что-то начать, громоподобный раскат швырнул всех на пол.

Арочный потолок над их головами прорезала трещина.

Джордан вскочил на ноги, схватил Эрин и протолкнул ее в отверстие в стене. Пробираясь через него, она в кровь ободрала локти. Протащив через лаз ноги, посветила фонариком на Джордана.

— Сейчас вы, падре, — велел Джордан. — Вы тоньше, чем я.

Согласно кивнув, преподобный просунул голову в узкий проем, затем протащил свое тело; вкатившись в проход за

стеной, стал на колени рядом с Эрин и сразу же обвел проход быстрым взглядом. Что он ожидал там увидеть?

Эрин снова повернулась к Джордану. Он приветствовал ее торопливой улыбкой. За его спиной весь потолок рухнул вниз одним большим куском, раскрошив на куски саркофаг.

Джордан бросился в проем. Просунув в него одно плечо, стал быстро протискиваться дальше. Лицо его побагровело от натуги. Усыпальница позади него продолжала рушиться, проседая под массой горы. Голубые глаза Стоуна встретились с ее глазами. Эрин поняла то, что они выражали. Он не сможет пролезть. Джордан кивком указал вперед в сторону темного прохода, давая понять, что она должна оставить его.

Внезапно до невозможности сильные пальцы Корцы ухватились за свободную руку Джордана и дернули ее с такой силой, что блоки по обеим сторонам лаза слетели со своих мест, освободив проход для тела. Джордан свалился на священника, задыхающийся, с лицом, выражающим что-то среднее между агонией и облегчением.

Корца поднялся и помог встать Джордану.

— Спасибо, падре, — Стоун учтиво пожал ему руку. — Хорошая работа, я даже и не пускал в ход второе плечо.

Священник жестом руки указал на темный, ведущий вниз проход. Перед ними был крутой спуск — лестница из грубо вырубленных ступеней. Гора продолжала сотрясаться, и им было ясно, что опасность еще не миновала.

— Пошли! — сказал он.

Эрин сейчас было не до возражений. Она бросилась вниз по туннелю, перепрыгивая через ступеньки, в слабеющем луче своего фонарика с трудом различая, куда поставить ногу. Гора продолжала сотрясаться. Эрин уже не ориентировалась, где право и где лево, где верх, а где низ. Она стремилась только вперед.

Оступившись, она подвернула правую лодыжку и упала бы, если бы падре не подтолкнул ее вперед и не взвалил ее тело себе на плечи, как это делают пожарные, когда переносят травмированных людей в безопасное место. Рука,

обхватившая ее тело, была железной, перекатывание его мышц во время бега походило на поток расплавленной каменной массы.

Спустившись на один ступенчатый пролет перехода и оказавшись в более-менее безопасном месте, Корца внезапно остановился и поставил ее на ноги.

Переведя дыхание, Эрин ощупала лодыжку. Больно, но терпимо. Она направила вперед слабый луч своего фонарика. Луч уперся в стену, выложенную из известняковых плит и преграждающую дальнейший путь.

Джордан, догнавший их, прохрипел:

— Тупик.

18 часов 33 минуты

Рун провел рукой по плоской стене, преграждающей им дорогу, ощупал ее поверхность в поисках возможного выхода из этого смертельного тупика. Была уже ночь, но каменная кладка еще сохраняла остатки солнечного тепла.

Закрыв глаза, Рун представил себе крупный камень, который, будучи установленным в каком-то месте в стене, преграждал выход из туннеля. Он уже чувствовал, что в углах нижнего ряда кладки между блоками имеются зазоры.

Затем Корца, приложив ухо к грубой поверхности камня, прислушался к тому, что происходит в мире, расположенном по ту сторону каменной кладки. Затаив дыхание, он вслушивался в звуки, доносившиеся оттуда: мягкая поступь когтистой лапы по песку, еле слышное биение сердца шакала...

— Может, пойдем назад, падре? — спросил Джордан, его голос сопровождался гулким эхом. — Поищем другой проход?

Но этот американец, конечно же, знал, что никакого другого прохода не существует.

— Мы почти на свободе, — объявил Рун, выпрямляясь и поворачиваясь лицом к своим спутникам. — Это последнее препятствие.

Но время неумолимо текло, как песок в песочных часах. В данном случае это соответствовало тому, что было на самом деле.

Гора над их головами не прекращала сотрясаться. И сейчас песок сыпался сверху на крутые ступени прохода, сыпался через расселины и трещины, образовавшиеся выше, и скапливался в этой, самой нижней, части туннеля. И для того, чтобы заполнить его полностью, требовалось не так много времени.

Джордан, присоединившись к Руну, тоже приложил ладонь к каменной кладке.

— Будем толкать?

Другого выбора не было.

Эрин, закинув за уши пряди своих белокурых волос, присоединилась к ним.

Рун налег всем телом на ближайший к ним каменный блок, сразу же осознал тщетность своих усилий, но продолжал давить вместе с ними на стену, пока по звуку биения их сердец не понял, что они выдохлись; кроме того, он почувствовал запах крови из их расцарапанных о камень ладоней. Этих общих усилий было явно недостаточно.

А Масада тем временем сотрясалась. Песок уже доходил до середины икр.

Его спутники, стоя по обе стороны от него, облокотились спинами на недвижные камни.

— А как насчет гранаты, висящей у вас на поясе? — Женщина кивком указала на нее. — Может, она, взорвавшись, сделает пролом в стене?

— Гранатой эту стену не разрушить, — вялым голосом ответил Стоун. — Осколки полетят прямо в нас. Даже если бы у меня еще оставалась взрывчатка из запасов Маккея, сомневаюсь, что нам удалось бы взорвать эту стену и не превратиться при этом в котлеты для гамбургеров.

Сильный толчок потряс гору. Лицо Эрин побелело. Джордан пристально смотрел на камень, словно решил попытаться сдвинуть его с места усилием воли. Гримаса отчаяния перекосила его лицо, неодолимое желание жить, хотя бы еще один час, еще один день.

Стоун, обхватив рукой женщину, привлек ее ближе к себе. Она всем своим обмякшим телом прильнула к нему, пряча лицо у него на груди. А он нежно поцеловал ее в макушку, возможно, так нежно и осторожно, что она даже и не почувствовала его поцелуя. Как легко они перешли к объятиям... Священник задумчиво смотрел на естественное успокоение и поддержку, которые обеспечивают контакт, прикосновение, утешение, обретаемое лишь при взаимном сближении.

Его пронзила сильная душевная боль, желание быть такими, как они.

Но это была не его роль. Он отвернулся и стал рассматривать большой валун, решив не мешать им своим присутствием.

Песок сыпался ему на брови и ресницы. Он, не поворачиваясь в их сторону, закрыл глаза и застыл в молитвенной позе.

Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей[1].

Строки Священного Писания всплывали в его памяти, когда надо было найти ответы на поставленные вопросы и когда надо было на чем-то сосредоточиться. Он подчинился воле Господа, отдал себя в Его руки.

Песок медленно покрывал его ноги, а он ждал — но ответа не было.

Пусть будет так.

Он обретет свой конец здесь.

Рун взял в руку нагрудный крест, и вдруг строка из Священного Писания вспыхнула золотым сиянием перед его мысленным взором: *Иосиф, купив плащаницу и сняв Его, обвил плащаницею и положил Его во гробе, который был высечен в скале; и привалил камень к двери гроба...*[2]

Ну конечно же!..

Глаза его широко раскрылись, и он стал внимательно рассматривать один из камней. Корца ощупал его поверхность, представил себе точно такую же поверхность этого

---

[1] Псал. 118:105.

[2] Мк. 15:146.

камня с другой, наружной, стороны. Он припомнил зазоры между блоками в углах нижнего ряда кладки, припомнил, что края одного из камней были *закругленными*. Он представил себе, что это закругление тянется по всему периметру камня, образуя окружность.

Мысленно он видел это.

Плоский каменный *диск*.

Его губы шевелились в молчаливой благодарной молитве; он встретился глазами со своими спутниками.

Эрин встала и сделала шаг к нему.

— Ну, что?

Она, должно быть, заметила что-то на его лице. Вероятней всего, то, что говорило о его собственном отчаянии, которое так легко могли увидеть другие. Глаза женщины светились надеждой.

Когда к ним подошел Стоун, Рун отцепил с его пояса гранату.

— Да это не сработает, — махнул рукой солдат. — Я же только что объяснял...

— Помогайте мне.

Корца, пройдя через кучу насыпавшегося сверху песка, подошел к валуну и стал разрывать песок в углу, образованном каменной кладкой и полом. Он копал быстро и споро, но песок постоянно осыпался, сводя его усилия на нет. Одному ему было не справиться.

— Помогите мне.

Спутники стали по обе стороны.

— Докапывайтесь до пола, — приказал он.

Они дружно работали до тех пор, пока не обнажилась от песка нижняя кромка и они не увидели своими глазами небольшой закругленный и заполненный раствором зазор между каменным диском и полом туннеля. Рун нагнулся и, протянув руку вниз, запихнул гранату глубоко в расселину, закрепив ее под кромкой диска. После этого он просунул палец в кольцо и, повернув голову, произнес:

— Отойдите, насколько это возможно, назад по туннелю.

— А вы? — спросил Стоун.

Никто уже не выгребал песок, и он сыпался и сыпался, покрыв запястье преподобного, а затем поднялся до половины локтевой кости.

— Я последую за вами.

Солдат поколебался, но в конце концов кивнул и повел женщину с собой. Эрин, обернувшись, спросила:

— А вы уверены, что это сработает?

Рун не был в этом уверен. Но он должен был довериться Господу — и поверить стиху Библии, в котором сказано, что камень закрывает доступ ко гробу.

От Марка святое благовествование, 15:46.

Корца шепотом произносил его сейчас, как ответ на поставленный вопрос и как молитву.

Иосиф, купив плащаницу и сняв Его, обвил плащаницею и положил Его во гробе, который был высечен в скале; и привалил камень к двери гроба.

С этими словами он дернул кольцо на гранате, освободил руку и начал лихорадочно разгребать насыпавшийся песок.

Он сделал всего три шага.

Позади него рванула граната; раздался сильнейший, какой-то лающий хрип, вместе с которым в воздух взлетел огненный шар, окутанный облаком пыли. Когда Рун упал на пол, его голова уперлась в край стены.

В полубессознательном состоянии, не видя ничего перед собой, он перекатился на спину.

Послышался звук шагов — его спутники подошли к нему.

Он неподвижно лежал плашмя на спине.

В воздухе пахло песком и дымом — но вскоре бриз освежил воздух в проходе. Сладкая, чистая струя воздуха пустыни.

— Я потащу его.

Джордан, подхватив Руна под мышки, поволок его по засыпанному песком полу.

Женщина бежала впереди.

— Смотрите! Силой взрыва гранаты камень *откатило* на два фута в сторону. Как мне это не пришло в голову... Они закрыли вход сюда, как в усыпальницу Христа!

— *...и привалил камень к двери гроба,* — с трудом произнес Рун; его голос то звучал четко, то сходил на нет.

Конечно же, Эрин поняла теперь то, что он проделал.

Корца пролез мимо закопченного взрывом камня на воздух. Посмотрел вверх. Звезды были яркими, сияние их было пронзительным, как острие бритвы, и вечным. Эти звезды наблюдали за тем, как возводилась Масада, они же были свидетелями ее разрушения.

Мощное крещендо скрежещущего камня и грохот падающих скал слились воедино — казалось, что гора развалилась окончательно. А потом наконец-то наступила долгожданная тишина.

Эрин и Джордан все еще продолжали тащить священника дальше в пустыню, не желая больше подвергаться риску. Но в конце концов они остановились.

Теплая рука сжала плечо Руна. Он заметил блеск ее янтарных глаз.

— Спасибо вам, падре, вы спасли наши жизни.

Такие простые слова. Слова, которые ему редко доводилось слышать. Как солдату Господа, ему часто доводилось по многу дней не говорить ни с кем. Та прежняя боль — он наблюдал, как эта пара обнимается под звездами, — вернулась, только сейчас она вонзалась глубже, причиняя почти непереносимые муки. Рун пристально смотрел в эти глаза.

Чувствовал бы я что-то подобное, не будь она такой красивой?

Когда тьма скрыла его, Эрин, склонившись ближе, спросила:

— Падре Корца, а какую Книгу вы здесь искали?

Она и этот солдат сражались, убивали, теряли своих друзей — и все из-за этой Книги. Так разве они не заслужили ответа на этот вопрос? Даже по одной этой причине он должен ей сказать.

— Это Евангелие. Написанное кровью его создателя.

Ее лицо предстало перед ним в обрамлении звезд, сиявших на небосклоне за ее спиной.

— Что вы имеете в виду? Вы говорите о каком-то утраченном апокрифическом тексте?[1]

Рун слышал в ее голосе страстное стремление к знанию, но она, казалось, не поняла смысла его слов. Он повернул свою еще тяжелую голову и встретился с ней глазами. Она должна видеть, что он говорит искренне.

— Это Евангелие, — повторил он; в эту минуту над миром опустилась тьма, — собственноручно написанное Христом. Его собственной кровью.

---

[1] Апокрифический текст — сочинение, предполагаемое авторство которого не подтверждено и маловероятно или недостоверно.

Часть II

> Много сотворил Иисус пред учениками Своими чудес, о которых не написано в книге сей.
>
> *Ин. 20:30*

Глава 13

26 октября, 16 часов 48 минут
по местному времени
Борт вертолета над Масадой

Вертолет «Еврокоптер» набирал по спирали высоту над дымящимся вулканическим кратером, образовавшимся на том месте, где прежде возвышалась Масада. Пилот с трудом преодолевал тепловые потоки, поднимающиеся от пустыни и возникшие после того, как темная песчаная завеса песка постепенно осела, давая свободу палящему солнечному жару. Лопасти перемешивали каменную пыль, двигатели надрывно завывали, всасывая засоренный воздух.

Внезапно вертолет сильно тряхнуло, и он завалился на правый борт, едва не выбросив за борт Баторию, стоявшую перед открытой дверью отсека. Она, вцепившись в поручни ограждения, напряженно всматривалась вниз. Над разрушенной вершиной горы все еще бушевало пламя. Она лицом чувствовала его жар, словно смотрела не вниз, а вверх, на солнце. На мгновение закрыв глаза, Батория мысленно перенеслась в один из летних дней своей юности, в загородный дом на берегу реки Дравы в Венгрии; представила себя сидящей в саду, наблюдающей за младшим братом Иштваном, который своим маленьким сачком пытался ловить бабочек.

Какой-то странный гул вернул ее обратно в вертолет; воспоминания отлетели прочь, и это вызвало ее раздражение. Она повернулась к лежащему на полу молодому капралу; его бледное лицо и узкие зрачки ясно свидетельствовали о том, что он пребывает в состоянии глубокого шока.

Тарек стоял на коленях на его плечах, а его брат Рафик рисовал что-то на груди парня острием своего кинжала; по его скучному лицу было видно, что занимается он этим от скуки, вызванной бездельем. Когда ему надоело и это, он, как бы в рассеянности, облизал лезвие, как будто послюнявил карандаш, готовясь писать дальше.

— Прекрати, — приказала Батория.

Тарек посмотрел на нее тяжелым злобным взглядом, одна половина его верхней губы приподнялась, обнажив длинный клык. Рафик опустил вниз руку, державшую кинжал. Взгляд его проворных, как у хорька, глаз метался между Баторией и братом, лицо его сияло в предвкушении того, что может произойти.

— У меня есть к нему один последний вопрос, — сказала она, пристально глядя на Тарека.

Взгляд, устремленный на нее, был взглядом животного. Впрочем, для нее Тарек и Рафик во всех смыслах и были животными.

Наконец Тарек откинулся назад и дал знак брату уйти.

Батория, заняв место Рафика, положила ладонь на щеку солдату. Как он был похож на Иштвана... Именно поэтому она запретила им уродовать его лицо. А он в упор смотрел на нее, жалкий, почти ослепленный болью, едва ли понимающий, что с ним и где он.

— Я даю тебе обещание, — сказала она, опускаясь так близко к его лицу, словно желая поцеловать его в губы. — Один последний вопрос. Ответь на него — и ты свободен.

Их взгляды встретились.

— Эрин Грейнджер, археолог.

Батория решила сделать паузу, чтобы это имя проникло сквозь ступор в его сознание. Ранее он уже выболтал практически все, что знал: о том, как они избежали гибели под обвалом на охваченной огнем вершине Масады. Батории

следовало бы оставить умирать его там вместе с товарищами по оружию, но ей необходимо было выжать из него все, что возможно, невзирая на жестокость, с которой это будет сопряжено. Она уже давно овладела всеми практическими аспектами использования жестокости.

— Ты говорил, что доктор Грейнджер работает вместе с группой студентов.

Батория помнила женщину, которую камера, установленная на ровере, выводила на монитор. Эта женщина-археолог не выпускала из рук мобильный телефон, было ясно, что она пытается связаться с внешним миром. Но зачем? Снимала ли она что-либо на камеру в телефоне? Нашла ли какие-либо ключевые факты? По всей вероятности, нет, но перед тем, как покинуть это место, Батория должна абсолютно удостовериться в этом.

В зрачках глаз капрала, застывших на ней, была агония — он знал, что она задумала.

— И где же они? — спросила Батория. — Где доктор Грейнджер проводит раскопки?

Слеза, вытекшая из глаза капрала, коснулась ее ладони, лежавшей на его щеке. Какое-то мгновение — мимолетное, как вдох, — она надеялась, что он все-таки промолчит.

Но он не промолчал. Его губы зашевелились. Батория склонила к ним ухо, чтобы расслышать одно-единственное слово.

Кесария.

Она выпрямилась, и в ее голове сразу начали возникать планы. Рафик сосредоточенно смотрел на нее, его глаза выражали готовность исполнить ее приказ. Он обожал такие дела. Его пальцы сжимали рукоять кинжала.

Батория, не обращая на него внимания, отвела волосы с бледного лба капрала.

Как он похож на Иштвана...

Снова нагнувшись, она поцеловала его в щеку и чиркнула зажатой в руке бритвой по его горлу. Струей хлынула темная кровь. Слабый стон донесся до ее уха.

Когда Батория выпрямилась, глаза капрала были уже пустыми и безжизненными.

Наконец-то свободен[1].

— Никому не дотрагиваться до тела, — приказала она, вставая на ноги.

Рафик и Тарек удивленно пялились на нее, не понимая, как можно упустить шанс доставить себе удовольствие.

Не обращая на них внимания, Батория, опустившись на сиденье, откинула назад голову. Она не считала для себя нужным пускаться в какие-либо объяснения с ними и им подобными. Прислонившись спиной к переборке грузового отсека, она чувствовала, что там происходит какое-то движение и перемещение чего-то тяжелого. Вытянув руку, положила ладонь на переборку. *Успокойся,* — мысленно повторяла она, напрягая волю в попытках самовнушения. — *Все хорошо.*

Он успокоился, но она все еще чувствовала его волнение, отражающее ее собственное нервное состояние. Должно быть, еще совсем недавно он чувствовал болезненную тревогу, переполняющую ее сердце.

А может быть, причина была в том, что его двойник пропал.

Батория пристально смотрела в окно на пустыню.

Двойник был послан на поиски.

Она должна быть уверена.

Убивать сангвинистов было трудным делом.

Глава 14

26 октября, 19 часов 11 минут
по местному времени
Пустыня в районе Масады

Эрин, погруженная в свои мысли, держала голову потерявшего сознание священника на своих коленях. Над ними сверкали звезды, лунный серп вылезал из-за горизонта, и мягкий вечерний бриз наметал песок между дюнами.

---

[1] «Наконец-то свободен» — слова из известной песни американских негров; они же высечены на могильной плите Мартина Лютера Кинга.

Она смотрела на лицо этого мужчины, на его голову, покоящуюся на ее коленях.

Возможно ли такое?

Падре уверял, что Христос написал Евангелие. Наверняка он бредил. Возле правого виска у него вздулась громадная шишка.

Эрин дотронулась до его холодной, как лед, брови.

— Джордан!

Стоун стоял в нескольких шагах, пристально всматриваясь в пустыню, готовый отразить возможных преследователей — а может быть, ему просто надо было обдумать то, что произошло. Или погрустить.

Он обернулся к ней.

— Я думаю, падре впал в состояние шока, — сказала Эрин. — Он стал таким холодным и бледным.

Джордан, подойдя, опустился на колени рядом с ней. В отличие от священника, его тело буквально излучало жар.

— Да, действительно бледный, — подтвердил он. — Вот что значит проводить все дни в библиотеке и работать по ночам.

Эрин нравилась внешность Джордана. Даже сейчас, покрытый сажей и въевшейся копотью, он выглядел симпатичным мужчиной. Она старалась не вспоминать, насколько защищенной чувствовала себя, находясь в его руках там, в туннеле. Все было так естественно: и то, как она прильнула к нему, и мускусный запах его тела, и то, каким теплом веяло от него. Она не могла забыть того нежного поцелуя в макушку. Она тогда притворилась, что ничего не заметила, хотя, если говорить начистоту, ей хотелось большего. Но тот момент, момент отчаяния и страха неминуемой смерти, уже позади.

Голова преподобного на ее коленях зашевелилась. Эрин снова посмотрела на него.

Джордан протянул к нему руки и аккуратно раздвинул окровавленные куски его рубашки, осматривая скрытые под ними раны. Белая грудь падре с хорошо развитой мускулатурой казалась мраморной по сравнению с дубленой

кожей Джордана. Серебряный крест размером с ладонь свешивался на черном шнурке с его шеи и покоился на груди поверх уцелевшего куска материи. На кресте были выгравированы слова *Munire digneris me*.

Эрин перевела начало этой молитвы: «Снизойди и защити меня».

— Да, бедняге здорово досталось, — со знанием дела заключил Джордан.

На оголенной коже серьезность его ранений не вызывала сомнений. Во многих местах были рваные раны, из которых сочилась кровь.

— Сколько крови он потерял? — спросила Эрин.

— Думаю, не очень много. Большинство ран вроде бы поверхностные.

Она вздрогнула.

— Они болезненные, — согласился Стоун. — Но не опасные для жизни.

И снова по ее телу пробежала дрожь, но не от того, что сказал Джордан. Просто стало намного холоднее — пустыня быстро отдавала свое дневное тепло.

Стоун достал из кармана пакет первой санитарной помощи и стал обрабатывать голову падре. Эрин почувствовала запах спирта, когда он вытащил из упаковки обтирочную салфетку.

— Меня больше беспокоит тот удар, который он получил при разрыве гранаты. Он, возможно, получил контузию или трещину в черепе. — Джордан снял с себя камуфляжную куртку и накрыл ею недвижное тело священника. — Он казался вполне нормальным еще минуту назад, когда вы с ним разговаривали. Нам необходимо обеспечить ему полноценную медицинскую помощь, и как можно быстрее.

Эрин, опустив голову, смотрела на Корцу. *Рун*, напомнила она себе. Первое имя шло ему больше. Оно было более мягким по звучанию, и в нем скрывалась некая древняя таинственность. Поверх превращенной в лохмотья рубашки на нем был римско-католический воротничок-колоратка из белой материи, а не пластмассовый, какие носили большинство современных священнослужителей.

И вот теперь он лежал без сознания, на его лице было выражение облегчения — ничто из порученного ему ранее его не тяготило. Губы его были более полными, чем ей поначалу казалось, его четко очерченные черты казались более выразительными. Темно-каштановые волосы, свешиваясь локонами на лоб, почти касались бровей, а со стороны затылка доходили до круглого воротника. Эрин сдвинула волосы с его лица.

Она заволновалась еще сильнее, почувствовав ледяной холод его кожи.

Очнется ли он? Или уже умер, как Хайнрих?

Джордан кашлянул. Эрин отдернула руку. Рун ведь был священником, и ей непозволительно играть его волосами.

— Как ваше радио? — спросила она, потирая ладони. Свой мобильный телефон она потеряла. Сейчас он погребен где-то внутри обрушившейся горы. Джордан недавно возился с трубкой своего радио. — Удалось дозвониться до кого-либо?

— Нет. — Лицо Джрдана стало мрачно-озабоченным. — Корпус радио треснул. Может, мне все-таки удастся заставить его работать...

Голые руки Джордана от холода покрылись гусиной кожей. Однако он заботливо подоткнул полы своей куртки под тело Руна.

— Ну, так каковы же наши планы? — спросила Эрин.

Улыбнувшись, Стоун ответил:

— Я думал, у вас есть планы.

— Мне надо было спросить, до какого времени вам нужно быть с нами и когда с нами расстаться. Ведь у вас есть соответствующие приказы на этот счет?

Джордан оглянулся назад, на поверженную гору, и по его лицу пробежала тень.

— Судьба тех, кто должен был исполнять мои приказы, сложилась не совсем удачно.

— Лично я не вижу, что вы сделали не так, — стараясь говорить спокойно, заметила Эрин.

— Возможно, если бы он, — Джордан указал пальцем на лежащего без памяти преподобного, — сказал нам, с чем мы имеем дело, у нас были бы более хорошие шансы.

— Он же спустился, чтобы предостеречь нас.

Лицо Джордана исказилось в гримасе.

— Он спустился для того, чтобы найти эту Книгу. У него была уйма времени на то, чтобы предостеречь нас до того, как мы спустились, или предостеречь людей, оставшихся наверху, о том, что эти монстры на подходе. Но он же этого не сделал.

Эрин посчитала себя обязанной защитить падре, раз он сам не мог постоять за себя.

— И все-таки он сделал все, чтобы вывести нас оттуда. И он ведь упрятал нас в саркофаг во время взрыва.

— Может, он попросту нуждался в нашей помощи, чтобы самому выбраться оттуда?

— Возможно. — Она жестом руки указала на бескрайние пески вокруг них. — Но что нам делать сейчас?

Лицо Стоуна стало каменным.

— Сейчас, я думаю, лучше всего его не трогать. Пожалуй, все, что мы можем для него сделать, это обеспечить ему тепло и покой. После взрыва сюда должны прибыть отовсюду команды спасателей. Мы должны оставаться здесь. Они достаточно скоро обнаружат нас.

Он сдвинул в сторону куртку и стал ощупывать тело Руна.

— Что вы делаете?

— Ищу подтверждение. Я хочу знать, кем в действительности является этот человек. Он, как мне кажется, не обычный падре.

Эрин было не по себе от того, что надо обыскивать находящегося без сознания священника, однако в то же время она испытывала и определенное любопытство.

Ни водительского удостоверения, ни паспорта Джордан не обнаружил, но нашел нож Руна в ножнах, прикрепленных к лодыжке. Нашел он и кожаную фляжку для воды, пристегнутую к брючному карману. Отвернув пробку, он сделал глоток. Эрин, которая также испытывала жажду,

протянула руку, желая напиться. Джордан весь скривился и, поднеся открытую фляжку к носу, принюхался.

— Это не вода.

От неожиданности она нахмурилась.

— Это вино.

— *Вино?*

Эрин взяла фляжку и тоже отпила из нее чуть-чуть. Сержант был прав.

— Этот человек не перестает удивлять, — покачал головой Джордан. — Взгляните хотя бы на это.

Он поднял нож Руна, изогнутое лезвие имело форму полумесяца и отливало серебром в лунном свете.

И может быть, это и было серебро — такое же, из какого были сделаны арбалетные болты, пригвоздившие девочку к стене.

— Это оружие называется *карамбит*, — пояснил Джордан.

Сложив палец в кольцо, он обхватил им рукоятку у основания и, быстро поворачивая запястье, показал ей различные положения, в которых может быть использован такой нож.

Эрин отвернулась, возвращаясь в памяти к сражению, к крови, стекавшей с этого лезвия.

— Странное оружие для священника, — пожал плечами Джордан.

Для нее это было *наименее* странным обстоятельством нынешней ночи.

Но Джордан не унимался.

— Не только потому, что большинство священнослужителей обычно вообще не носят при себе ножи, а из-за его происхождения. Это оружие из Индонезии. И этот стиль появился более восьмисот лет назад. Древние суданцы скопировали форму этого лезвия с тигриного когтя.

Глядя на Руна, Эрин припомнила, как ловко он владел ножом. Это оружие подходило ему так же, как и имя.

— Но вот одна очень странная деталь. — Стоун взял нож так, чтобы Эрин могла его видеть. — Если судить по патине[1], я бы сказал, что этому лезвию как минимум сто лет.

Они оба внимательно посмотрели на падре.

— А может быть, и намного больше. — Джордан перешел на шепот. — А что, если он один из них?

— Один из кого?

Стоун удивленно приподнял одну белесую бровь, и Эрин поняла, кого он имеет в виду.

— Стригой?

— Вы видели, как он поднял крышку саркофага? — Его голос прозвучал более уверенно, с вызовом.

Эрин, приняв этот вызов, возразила:

— Возможно, у него был прилив адреналина. Как у женщин, поднимающих автомобили, наехавшие на их младенцев... Не знаю, но я ехала с ним из Кесарии. В дневное время. Вы ведь встретили его на вершине Масады, когда солнце было еще высоко.

— Может быть, эти стригои могут выходить при свете солнца... Черт возьми, мы ведь ничего о них не знаем. — Злость и боль утраты исказили его лицо. — Я знаю наверняка лишь одно, а именно то, что я ему не доверяю. Предупреди нас Корца вовремя, нас было бы здесь больше, чем *трое*.

Эрин положила руку на теплое плечо Джордана, но он движением плеча сбросил ее и встал.

Она пристальным взглядом смотрела на человека, голова которого покоилась на ее коленях, вспоминая его последнее откровение.

Это Евангелие. Написанное собственноручно Христом. Его собственной кровью.

Если это правда, то что за этим скрывается?

Вопросы буквально жгли ее мозг. Какие откровения могут содержаться на страницах этого утраченного Евангелия? Почему эти самые стригои так стремятся заполучить

---

[1] Патина — пленка разных оттенков, образующаяся на серебре, бронзе, меди, латуни при окислении металла.

его? И самое важное, почему Христос спрятал его именно здесь?

Джордан, должно быть, прочитал ее мысли.

— И эта самая Книга, — сказал он. — Та самая, из-за которой погибло столько хороших людей. Лично я абсолютно уверен, что в Библии всего *четыре* Евангелия. От Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна.

Эрин покачала головой, радуясь, что они перешли к теме, в которой она кое-что знает.

— В действительности там много больше Евангелий. В «Свитках Мертвого моря» содержатся фрагменты примерно *дюжины* различных Евангелий. Из разных источников: от Марии, Фомы, Петра и даже Иуды. Но только четыре вошли в Библию. Однако ни в одном из них нет даже и намека на то, что Христос писал Свою собственную Книгу.

— Так, может, церковь сама и удалила их? Начисто стерла эти упоминания. — В запале Джордан выставил вперед подбородок. — Мы-то знаем, с каким мастерством церковь прячет и хранит свои тайны.

В его словах был некоторый смысл.

И никаких упоминаний, никаких намеков на то, что оно существует, а потому никому и не найти его.

Эрин подняла глаза на Джордана, снова удивляясь его сметливости даже сейчас, когда его переполняли эмоции.

— Я не могу понять другого, — продолжал он. — Будь я главой церкви и заполучи в руки древний документ, написанный Иисусом Христом, я бы размахивал им повсюду, сделал бы его доступным для всех... Так почему же святой Петр схоронил его здесь? И какие тайны вообще здесь хранятся?

Кроме существования стригоев? Эрин решила не будоражить его этим вопросом, тем более что он был лишь одним из многих.

Джордан повернулся к священнику, держа нож наготове.

— Есть лишь один человек, который знает ответы на все наши вопросы.

Неожиданно Рун резко повернулся и сел, выпрямив спину. Его глаза пристально смотрели на них.

А вдруг он слышал их разговор?

Падре, повернув голову в сторону, стал напряженно всматриваться в темноту. Его ноздри раздувались, как будто он обнюхивал воздух. Наконец он снова заговорил; голос его звучал спокойно, но это спокойствие внушало страх.

— Что-то рядом с нами. Что-то ужасное.

Сердце Эрин подскочило и едва не выскочило из горла, из-за удушья она не могла говорить.

— Еще больше стригоев? — спросил Джордан. Именно этот вопрос она и хотела задать.

— Есть кое-что пострашнее стригоев.

Глава 15

26 октября, 19 часов 43 минуты
по местному времени
Пустыня в районе Масады

Рун, протянув руку, обратился к солдату:

— Мой нож.

Джордан без колебаний положил нож на его протянутую ладонь. Рун прикрыл себя обрывками сутаны, понимая, что сейчас каждый ее лоскут нужен ему для защиты от ночного холода.

— Что происходит? — спросил Джордан, доставая пистолет.

Рун оценил его предусмотрительность еще тогда, когда там, в усыпальнице, сержант снимал с трупов своих товарищей уцелевшие боеприпасы. Возможно, это и поможет сейчас, но не сильно.

Резкий пронзительный запах заглушил аромат цветов пустыни, смешанный со слабым запахом остывающего песка, и Рун потряс головой, словно желая отогнать его от себя. Он начал быстро шептать молитву.

— Рун? — женщина нахмурила брови.

— Это богопротивное создание, — ответил он.

— Да что это, черт возьми? — спросил Стоун, проверяя оружие.

Рун вытер лезвие о грязную штанину своих брюк.

— Извращенная бестия. Иными словами, животное, сила и чувства которого усилены мерзкой стригойской кровью.

— И что же это за извращенная бестия, нельзя ли точнее? — Солдат взял пистолет на изготовку.

Пронзительный воющий ответ прозвучал из тьмы; со всех сторон прозвучало эхо, а за ним последовали звуки, характерные для стремительного бега крупного животного. Вряд ли у кого-то могло появиться желание оказаться вблизи живого существа, производящего такие звуки.

Рун произнес название этого животного:

— *Беспощадный волк.*

Он показал концом лезвия на груду валунов, дающих им хотя бы слабый шанс уцелеть.

— Прячьтесь.

Корца быстро повернулся вокруг. Джордан обладал достаточным опытом, чтобы понять, когда следует подчиняться. Он схватил Эрин за руку, и они бросились бегом к ненадежному укрытию за камнями.

Рун, будучи осведомленным о повадках опасного зверя, всматривался в темноту. По тому, как завывал волк, он понял, что хищник знает о том, что его обнаружили. Он старался ослабить людей, лишить их присутствия духа.

И в общем-то ему это удалось.

Пальцы Руна сжимали рукоять ножа, одновременно он пытался отвлечься от громких ударов волчьего сердца, заполняющих все пространство вокруг него. Они звучали слишком громко, настолько громко, что не позволяли ему точно определить точку, где находится источник этого звука, поэтому он старался сейчас не допустить, чтобы этот звук подавил его и заглушил другие звуки.

Он чувствовал присутствие этого животного, видел движение теней, видел их кружение.

Но где же?..

Глухой удар по песку за его спиной.

Он не смог повернуться вовремя.

Зверь разогнал темноту, словно сбросил с себя мантию, его темный мех был черным, как нефть. Он напал. Рун, припав к земле, откатился с его тропы. Мощные челюсти щелкнули, ухватив только ткань одежды. Волк сжал зубами полу разорванной сутаны и потянул ее. Рун не удержался на ногах и упал, но пола сутаны оторвалась, тем самым освободив его. Он откатился прочь, острые камни пустыни и колючие растения раздирали его голую спину. Он изловчился, быстро сел на корточки и наконец-то оказался прямо перед мордой своего противника.

Беспощадный волк завертелся, быстро приближаясь к нему. Его губы поднялись, обнажив желтые клыки. Это было крупное животное размером с медведя, которые во множестве бродили по горам Румынии в его детские годы. Багрово-золотые глаза волка сияли такой злобой и ненавистью, которых никто из живущих под солнцем не мог даже и вообразить. Высокие уши плотно прижимались к черепу, низкий громоподобный рык доносился из грудной клетки. Кривые когти, настолько длинные, что могли разом вырвать сердце из груди человека, скребли по песку. Мышцы на лапах напряглись и стали похожи на толстые стальные канаты.

Рун выжидал. Давно, когда он только что надел крест, такой зверь едва не лишил его жизни — но тогда он был не один. С ним были еще двое. Убить *беспощадного волка* было едва ли возможно: это ловкое и мускулистое животное, покрытое шкурой прочной, как кольчуга, и настолько проворное, что, казалось, опережало свою тень.

Несколько ножей могли бы для него что-то значить. Но свой нож Рун выронил.

Падре сжимал свои пустые пальцы. Уголком глаза он уловил серебряный блеск на песке, как раз там, где обронил свой нож, когда уносил ноги от волка. Тогда ему не удалось поднять нож.

А волк словно знал это, его раскрытые губы напряглись и вытянулись, из пасти неслось дикое рычание.

И он бросился на Руна.

Рун отскочил вправо, но ярко-красные глаза следили за ним. Этого волка больше не обмануть — он прыгнул прямо на Руна.

Резкий пронзительный вопль взорвал тишину пустыни — и сразу же за ним раздался сокрушительной силы удар. Задние лапы застигнутого в прыжке волка вдруг согнулись. Его мощные передние лапы с размаху врезались в песок, а тяжелое тело по инерции продолжало скользить по песку.

Рун отскочил в сторону и бросился поднимать нож. Обернувшись и посмотрев на волка сзади, он увидел за его вздыбленным загривком Стоуна, бегущего к нему от груды валунов. Из дула его «Хеклера» вылетало пламя, искры прорезали темноту, а он все стрелял, опустошая свою обойму.

Глупый, храбрый, необычный парень.

Рун подхватил с земли нож.

Хищник уже смог подняться на ноги и теперь, стоя между Руном и солдатом, вертел головой, стараясь держать обоих в поле зрения. Его кровь черными лужами разливалась по песку.

Но до конца было еще далеко.

Сержант выбросил дымящуюся обойму и вставил в оружие другую. Даже его пистолет-пулемет оказался недостаточным для того, чтобы быстро справиться с волком. Его сердце рвалось в бой; *беспощадный волк* не обращал внимания ни на боль, ни на самые угрожающие раны. Стоя между ними, он крутил своей израненной мордой. Его кроваво-красные глаза светились хитростью.

Внезапно Рун понял, на кого сейчас бросится хищник.

Напрягая мышцы, он отскочил в сторону.

В сторону валунов.

Туда, где находилось самое слабое существо.

19 часов 47 минут

Хищник понесся туда, где находилась Эрин. Стоя прижавшись спиной к лежащим штабелем валунам, она не могла никуда спрятаться. Если бы она побежала, этот монстр

настиг бы ее меньше чем за секунду. Эрин втиснулась глубже в щель между камнями и затаила дыхание.

Джордан открыл огонь. Пули густо ложились в заднюю часть тела хищника, вырывая куски плоти с шерстью, но тот несся все так же стремительно. Рун тоже бежал к ней с невероятной скоростью. К несчастью, он так и не успел добежать до нее. И не смог остановить хищника.

Монстр затормозил, выпустив когти на четырех своих лапах, засыпав глаза женщины песком. Липкая слюна из его пасти облепила ей щеки. От горячего, зловонного дыхания животного она едва не лишилась чувств.

Эрин достала свое единственное оружие — то, что хранила в носке у лодыжки.

Коготь, впившийся ей в бедро, потащил ее из расселины, пасть хищника разверзлась до чудовищного размера.

Эрин закричала, всунула руку за эти страшные зубы глубоко в глотку, всадила иглу шприца с атропином в глубь толстого, набухшего от крови языка монстра и успела вытащить из пасти руку прежде, чем его челюсти сомкнулись.

Волк неожиданно свалился на спину и выплюнул раздавленный пластиковый шприц. Эрин вспомнила предостережение Сэндерсона:

Под воздействием атропина ваше сердце станет биться так, что выскочит из груди. Он настолько силен, что... ваше сердечко может не выдержать и разорваться, если вы не находитесь под воздействием газа.

Беспощадный он или нет, но волк — это животное. Эрин на это и рассчитывала. Но, что если это средство окажется неэффективным? Ответ на этот вопрос она получила почти сразу.

Волк, лежа на спине, отодвинулся назад, вытянул шею. Из его глотки вырвался протяжный вой. Глаза выпучились. Атропин повысил кровяное давление. Кровь, черная, как нефть, хлестала из пулевых отверстий в шкуре, растекаясь по песку.

Эрин почувствовала несказанное удовлетворение, когда волк завыл, и в ее памяти всплыло веснушчатое лицо молодого капрала, давшего ей шприц.

Это за Сэндерсона.

Но хищник не желал умирать, не отомстив за себя. Злоба и боль исказили его морду, превратив его в настоящего монстра. Он оскалил зубы... и внезапно бросился ей в лицо.

19 часов 48 минут

Рун не мог понять, что сделала эта женщина, как ей удалось завалить этого *беспощадного волка* на спину и выпустить из него столько крови. Однако то, что она сделала, дало ему возможность добежать до зверя, ослепленного болью и злобой, но все еще способного почувствовать его приближение.

С ревом он отпрыгнул от Эрин и бросился ему на горло.

Но Руна уже не было на том месте, куда метил хищник. Он пригнулся на бегу и, скользя по песку подошвами своих ботинок, проскользнул под волчьей пастью, с которой обильно капала слюна, на расстоянии вытянутой руки от его носа и сжатых скрежещущих зубов. Припав на одно колено, шмыгнул между передними лапами зверя и очутился у него под грудью. Вот тут-то он вытащил свой серебряный кинжал и, собрав все силы, всадил его глубоко в брюхо, одно из немногих слабых мест на теле волка. Острое как бритва лезвие его кинжала прошло через шкуру и мускулы. Он беззвучно произнес молитву об упокоении животного — ведь, несмотря ни на что, волк все-таки был одним из созданий Божьих. И не он сам выбрал себе такой жестокий жребий.

Кровь хлынула на Руна, заливая ему руки, грудь, лицо. Он откатился из-под волка, стал на корточки и вытер кровь с глаз.

Сбоку подбегал сержант, всаживая бесполезные пули в умирающее животное. Волк, обратив морду к ночному небу, завывал; этот скорбный вой становился все слабее и, наконец, стих, когда волк растянулся на песке. Его глаза уже не были красно-рубиновыми и не горели в ночи золотым сиянием. Волк слабо захныкал, видно все еще не желая расставаться с жизнью, — но как раз в этот момент она

и покинула его. Последняя судорога пробежала по звериному телу, и он затих.

Рун, подняв кверху руки, скрестил два пальца над мертвым телом животного. Он освободил его от пут вечного рабского существования.

Доминус вобискум, — сказал он про себя. — *Да пребудет с вами Господь.*

Эрин выбралась из расселины в камнях, кровь текла из рваной раны на ее бедре. Стоун поддерживал ее за спину, не опуская свой пистолет-пулемет, все еще наставленный на тело *беспощадного волка*.

— Он и вправду подох, Корца?

Кровь животного стекала с тела Руна. На губах он чувствовал привкус железа. От него жгло в горле, стесняло грудь. Он подавлял его чувства. В свое время, трудясь во имя Бога, он испытывал бесчисленные соблазны и сошел с пути праведного только однажды — это был страшный час его жизни. Да... даже неколебимая решимость не могла удержать его тело от особого реагирования на кровь.

Он отвернулся.

За его спиной два согласованно бьющихся сердца — солдата и женщины — громко стучали, требуя его внимания. Он не подал виду, что слышит.

Отойдя назад, Рун натянул на глаза капюшон сутаны и стал всматриваться в молчащую пустыню, надеясь, что они не видели, как его клыки начали становиться длиннее.

Глава 16

26 октября, 19 часов 46 минут
по местному времени
Борт вертолета над Кесарией

Умирая вместе с Хунором, Батория корчилась от боли, выворачивавшей наизнанку ее живот, напрягаясь под ремнями безопасности сиденья вертолета. Ее пальцы сжимали живот в попытках остановить поток крови, вытекающий из раны, нанесенной в одолженной плоти. Батория чувствова-

ла, что кровные узы, связывающие ее с ним, пропали. Но она не хотела расставаться с этими узами, хотела вобрать в себя их дух, спрятать у себя на груди, ласкать и оберегать их во все время их путешествия.

Хунор... мой сладкий, мой любимый...

Но он уже ушел, его боль улетучивалась из нее. Опустив голову, Батория смотрела на свои бледные ладони. Она осталась целой и невредимой — но раны на ней были. Последний, едва слышный вой Хунора, вой облегчения, подействовал на нее так, словно ее внутренности тоже были уничтожены.

Тому, последнему крику ответил другой крик.

Магор громко скорбел в грузовом отсеке позади кабины, призывая своего брата-близнеца, это были горестные стенания животного, потерявшего брата из одного помета. Два щенка-детеныша были оторваны от сосков умирающей волчицы. Они были подарком от Него и были связаны с Баторией кровными узами в процессе одного мрачного ритуального обряда; они стали как бы частью ее самой, так же как и та татуировка на ее горле.

Она заворочалась на своем сиденье и положила ладонь на стенку, отделяющую ее от Магора, желая пойти к нему, притянуть его к себе, сплотиться воедино, как соединил их обряд, прижаться друг к другу так тесно, словно они охраняют слабый язычок пламени от неистовых порывов ветра.

Я здесь, — мысленно сообщала она ему, подбадривая его, не в силах скрыть собственную печаль.

Да и как она могла ее скрыть?

Было трое, осталось двое.

В ее памяти зазвучали слова старой венгерской колыбельной, призывающей скорый, мирный и спокойный сон. Она спела ее Магору:

Тенте, беба, тенте[1].

Магор успокоился, его любовь, сплетенная с ее любовью, соединяла их воедино.

---

[1] Тенте, беба, тенте (*венг.* Tente, baba, tente) — баю-бай, малыш, баю-бай.

Двое должны выжить.

Во имя одной цели.

Чтобы отомстить.

С немалыми усилиями Батория взяла себя в руки и стала пристально смотреть в окно кабины.

Вертолет летел в глухой ночи, оставив далеко позади руины Масады. Ее уцелевшие люди сидели понуро и молчаливо на сиденьях рядом с ней. Они были сплошь перепачканы кровью, но ни один из них не был ранен.

Тарек бубнил латинские молитвы — одно из напоминаний о том, что некогда он был священником. В то время как губы его шевелились, глаза неподвижно смотрели на нее, наблюдая, насколько она изможденa и опечалена. Он знал, в чем причина.

Только одно существо было способно лишить жизни *беспощадного волка* в расцвете лет.

Так, значит, Корца еще жив.

Пристальный взгляд Тарека задержался на ее плече. Только тогда Батория все-таки заметила страх, полыхающий в его глазах. Она дотронулась пальцами до плеча — те стали мокрыми.

От крови.

Не в силах прийти в себя от агонии Хунора, она, должно быть, порвала рубашку и содрала кожу о штырь, торчащий из соседней стены. Рана была неглубокой. И все-таки Тарек осторожно отстранился подальше от ее испачканных кровью пальцев.

Пурпур, окрашенный серебром.

Даже капля ее крови была ядом для него и всех ему подобных. Проклятие и бедствия порождал этот знак на ее горле. Очередные Его подарки. Проклятие в ее крови защищало ее от клыков Его армий и в то же время было источником постоянной боли, которую Батория ощущала во всех своих венах, — боль была тупая, но постоянная, неослабевающая, незабываемая, дающая о себе знать при каждом ударе сердца.

Она вытерла пальцы и, действуя одной рукой, перевязала рану, затянув узел зубами.

Рядом с Тареком сидел его брат, Рафик, склонив голову и с явным почтением воспринимая то, что Тарек снова обратился к латинским молитвам.

Другие люди просто сидели, уставившись на свои перемазанные кровью башмаки. Их связь с теми солдатами, что спустились вниз, зародилась несколько десятков лет назад, а то и еще раньше. Батория знала, что эти люди обвиняют ее в гибели своих сотоварищей. Он тоже будет винить ее. Она боялась наказания. А Он его назначит.

Батория смотрела через окно вниз, представляя себе, что где-то там должен быть Корца.

Живой.

Злоба жгла ее сильнее, чем боль в крови. Магор отвечал ей, воя за перегородкой. *Скоро*, — обещала она ему.

Но сначала она должна выполнить одно дело в Кесарии. В ее памяти возникла женщина-археолог, размахивающая сотовым телефоном в усыпальнице. Батория поняла, что выражало лицо этой женщины: возбуждение, смешанное с отчаянием. Женщина-археолог что-то знала.

Я в этом уверена.

Но что? Ключ к тому, где находится Книга? Если так, то смогла ли она передать эту информацию до того, как гора обрушилась на них?

Ответ мог быть только в Кесарии.

Там снова прольется кровь.

И на этот раз никакие сангвинисты ее не остановят.

Глава 17

26 октября, 20 часов 01 минута
по местному времени
Пустыня в районе Масады

— Корца?

Хриплый нетерпеливый голос солдата прервал мысли Руна, всматривавшегося в пустыню из-под опущенного капюшона сутаны. Услышав свое имя, произнесенное со-

чным, приказным тоном, он напряг слух, стараясь понять, что происходит в сердце этого человека.

— А ну повернись, — сказал сержант, — а то я застрелю тебя там, где ты стоишь.

Сердце женщины тоже билось сейчас чаще.

— Джордан! Ты не можешь просто взять и застрелить его.

По мнению Руна, сержанту ничего не стоит сделать это прямо сейчас. Это было бы самым простым и самым легким. Ну а разве его собственный жизненный путь был когда-нибудь простым и легким?

Рун стоял перед ними, не скрывая от них своего истинного происхождения.

Женщина отступила на шаг назад. Солдат, оставаясь на месте, не сводил ствол своего оружия с груди Руна.

Корце было понятно, что они должны сейчас видеть: его лицо, перепачканное кровью; его тело, прикрытое лохмотьями, словно тенями. Но смотрели они только на его зубы, сверкающие в лунном свете.

Он чувствовал, как зверь внутри него поет, воет, стремясь освободиться. Весь залитый кровью, Рун боролся со зверем, стараясь удержать его внутри себя; боролся и с самим собой, стараясь удержать себя от того, чтобы не броситься в пустыню и спрятаться там от стыда. Вместо этого он просто поднял руки и развел их на ширину плеч. Они же хотят убедиться, что у него нет оружия, а также жаждут узнать правду.

Женщина, все еще прикованная к месту, на котором она стояла, все-таки справилась с первоначально охватившим ее страхом.

— Рун, выходит, вы тоже стригой.

— Никоим образом. Я — сангвинист. Но я не *стригой*.

На лице Стоуна появилась усмешка, но оружие он по-прежнему держал наготове.

— По-моему, это одно и то же.

Для того чтобы они поняли, решил он, ему надо еще больше унизить себя в их глазах. Даже сама мысль об этом

была ему ненавистна, но он не видел другого способа для них выбраться из пустыни живыми.

— Пожалуйста, принесите мое вино, — попросил Корца.

Когда он протянул руку, указывая на фляжку, наполовину закопанную в песок, его пальцы дрожали от нетерпения.

Женщина нагнулась и подняла фляжку.

— Бросьте ему ее, — приказал солдат. — Не приближайтесь к нему.

Она сделала то, что он велел; ее широко раскрытые янтарные глаза светились любопытством. Фляжка упала на песок на расстоянии вытянутой руки от Руна.

— Можно мне ее взять?

— Только медленно.

Оружие солдата выло от нетерпения; он явно хотел полностью выполнить свои обязанности.

Того же хотел и Рун. Не сводя глаз с сержанта, он опустился на колени. Как только его пальцы коснулись фляжки, он почувствовал успокоение, жажды крови не чувствовалось. Это вино, возможно, спасет их всех.

Рун посмотрел на своих спутников.

— Можно я отойду в пустыню и попью этого вина? А после этого я все вам объясню... *Пожалуйста,* — взмолился он. — *Пожалуйста, предоставьте мне последний шанс не потерять свое достоинство полностью.*

Ну нет, этому не бывать.

— Стой, где стоишь, — приказным тоном произнес Стоун. — И на коленях.

— Джордан. Ну почему...

— Пока я здесь командую, доктор Грейнджер, а вы мне подчиняетесь, — оборвал ее солдат.

Ее лицо вспыхнуло от переполнявших ее эмоций, однако вскоре на нем появилось выражение покорности. Было ясно, что и она тоже не верит Руну. Это настолько удивило его, что он даже почувствовал обиду.

Поднеся фляжку к губам, Корца опорожнил ее одним долгим глотком. Вино, как всегда, обожгло ему горло и ог-

ненным потоком устремилось вниз. Он обеими руками обхватил горло и наклонил голову.

Тепло от этого священного вина, крови Христовой, в момент сожгло все узы, связывающие его с этим временем и с этим местом. Внезапно, помимо своей воли, перед ним вновь возник его самый большой грех, от которого ему не суждено избавиться до тех пор, пока наложенная на него в этом мире епитимия не будет исполнена.

Элисабета в легком розовом платьице, смеясь, порхала по саду, сияя, словно утреннее солнышко, словно самая прекрасная роза среди всех, что расцвели в этом саду.

Такая красивая, такая полная жизни.

Хотя он был священником, давшим обет избегать прикосновений к плоти, ничто не запрещало ему смотреть на эту созданную Богом красавицу; смотреть на ее белые нежные лодыжки, на короткие мгновения появляющиеся из-под платья, когда она нагибалась, чтобы состричь веточку лаванды, или на нежный изгиб ее шейки, открывающийся его глазам, кода она выпрямлялась, чтобы посмотреть на небо, и тогда ее взгляд проникал на самые небеса.

Как она любила солнце — и в теплые летние послеполуденные часы, и в обещающие холода ясные зимние дни.

Элисабета продолжала ходить по саду, собирая лаванду и тимьян, чтобы приготовить припарки для своей кобылы, и тем временем рассказывая ему о пользе каждого из этих растений. За месяцы их знакомства Рун узнал очень много о лечебных растениях. Он даже начал писать книгу по этому вопросу, надеясь открыть всему миру ее дар целителя.

Передавая ему стебли лаванды, она касалась своими мягкими пальчиками его ладони. При этом дрожь пробегала по его телу. Падре не должен чувствовать такого, но и уйти прочь он тоже не мог. Рун подошел ближе, восхищаясь ее сияющими в солнечном свете черными как смоль волосами, изгибом ее длинной белой шейки, выступающим из ворота кремовым плечиком и формами тела, облегаемыми ее мягким шелковым платьем.

Девушка-служанка помогала Элисабете, держа перед ней корзину для веточек лаванды. Эта худенькая девочка отворачивала голову в сторону, чтобы не показывать родимое пятно цвета малины, покрывающее половину ее лица.

— Анна, отнеси корзину на кухню и высыпь там то, что мы собрали, — попросила девушку Элисабета, бросая в корзину еще одну веточку тимьяна.

Анна пошла к дому, сгибаясь под тяжестью груза. Руну следовало бы помочь этой маленькой девочке тащить такую тяжелую ношу, но Элисабета никогда бы не позволила ему это, считая, что это не его дело.

Элисабета всегда смотрела вслед бредущей девочке. Однажды, когда они остались вдвоем, она повернулась к Руну, ее лицо в это мгновение стало еще красивей — если такое было вообще возможно.

— Вот она, минута покоя! — радостно воскликнула она. — Я чувствую себя такой одинокой, когда моя служанка постоянно находится возле меня.

Рун, который часто проводил дни, молясь в одиночестве, отлично понимал, что одиночество намного предпочтительнее общества неверных приятелей.

Она улыбнулась ему.

— Но к вам это не относится, падре Корца. В вашем обществе я никогда не чувствую себя одинокой.

Он не мог выдержать ее пристального взгляда. Отвернувшись, он опустился на колени и сорвал веточку лаванды.

— Вам никогда это не надоедало, падре Корца? Всегда быть в маске?

Она поправила свою широкополую шляпу. Элисабета постоянно прилагала огромные усилия, для того чтобы уберечь от солнца свою нежную кожу. Женщины ее круга не должны выглядеть так, словно целый день вынуждены работать на солнце.

— По-вашему, я ношу маску? — спросил он, придав своему лицу бесстрастное отсутствующее выражение.

Знай она, что именно он изо всех сил старался скрыть под этой маской, ей бы следовало с криком и со всех ног броситься от него прочь.

— Конечно. Вы носите маску, падре. А вот я должна носить много масок, но носить их на одном лице совсем не трудно. Леди, мать и жена. И еще множество других. — Она покрутила надетое на палец тяжелое золотое кольцо, подарок от ее мужа Ференца. — Но я часто задумываюсь, что таится под всеми этими масками.

— Я думаю, все остальное.

— И сколько во всем этом правды... какую часть нашей истинной натуры мы обязаны скрывать, падре? — От ее негромкого голоса у него по спине ползли мурашки. — И от кого?

Рун, глядя на ее тень, лежащую на траве рядом с ним, пробормотал таким голосом, словно читал молитву:

— Мы скрываем то, что должны скрывать.

Ее тень переместилась на шаг от него, очевидно, что ответ ей не понравился — эта мысль буквально сокрушила его так же, как если бы она вдруг растоптала его своим изящным каблучком.

Черная тень ястреба проплыла по полянке. Рун прислушался к его частому сердцебиению, доносившемуся сверху, и к едва слышному сердцебиению мыши, доносившемуся снизу. Его служение церкви, эта зеленеющая полянка, яркое солнце, распустившиеся цветы... все эти щедрые дары, данные Господом любому и каждому, в том числе и таким приземленным людям, как он.

Неужто этого недостаточно?

Элисабета разгладила руками подол своего платья.

— Вы мудрый, падре. Аристократ, который прикрывает лицо маской человека более низкого ранга, долго не проживет в наше время.

— А почему это так волнует вас? — озадаченно спросил он.

— Да потому, что я попросту устала от интриг. — Ее глаза пристально следили за полетом ястреба. — Ведь и церковь наверняка вынуждена вести борьбу в таком же ки-

пящем котле, наполненном амбициями, и малыми и большими?

Кончиком пальца он дотронулся до своего нагрудного креста.

— Я думаю, что Бернард защищает меня от самого худшего.

— Никогда не доверяйте тем, кто берется быть вашим защитником. Они уповают на вашу неосведомленность и темноту. Лучше смотреть на вещи прямо и не испытывать страха.

Рун попробовал успокоить ее:

— Может быть, лучше довериться тем, кто защитит вас? Если они будут делать это из любви к вам — я имею в виду, защищать вас.

— Речь настоящего мужчины. И падре. Но я по опыту доверяю очень немногим. — Она в задумчивости склонила голову. — Вам я доверяю, падре Корца.

— Я же священник, а поэтому вы и должны доверять мне, — произнес он с улыбкой.

— А вот другим священникам я не доверяю. В том числе и вашему преподобному Бернарду. Но вы — совсем другой. — Элисабета положила свою ладонь на его руку; он пришел в восторг от этого прикосновения. — Вы просто друг. Один из моих очень малочисленных друзей.

— Это большая честь для меня, моя леди.

Отступив на шаг назад, он церемонно поклонился, надеясь этим вычурным жестом поднять настроение.

Она снисходительно улыбнулась.

— Так и должно быть, падре.

Тон, которым это было произнесено, рассмешил обоих.

— Ну вот, снова возвращается Анна. Расскажите мне еще раз о том, как вы с братом бежали наперегонки и как ваш забег закончился в ручье и у каждого оказались в башмаках рыбы.

Рун рассказал ей эту историю, украшая ее многочисленными подробностями, которые он опустил при предыдущем рассказе об этом, сильно насмешившем ее.

Какое это было счастливое время для них обоих, сколько было смеха...

Но наступил день, когда она прекратила смеяться.

День, в который он предал ее.

День, в который он предал Бога.

Корца снова ощутил себя в своем теле: холодный песок врезáлся в колени, сухой ветер стирал слезы со щек. Серебряный крест прожигал через перчатку ладони, оставляя на них багровые следы ожога. Плечи его согнулись под бременем его грехов, его неудач. Но он еще крепче сжимал в ладонях обжигающий металл.

— Рун? — произнес его имя женский голос.

Он поднял голову, часть его сознания обещала ему, что сейчас он увидит Элисабету. Солдат не спускал с него подозрительного взгляда, женщина смотрела на него с жалостью.

Он сосредоточенно смотрел на солдата, посчитав, что выдержать тяжелый пристальный взгляд этого мужчины ему будет легче.

— Ну так начинай свои объяснения, — заявил Стоун, нацеливая свое оружие в сердце Руна, как будто оно и так уже не было разбито много лет назад.

20 часов 08 минут

— Джордан, взгляните на его зубы... они снова стали нормальными.

Изумленная Эрин сделала шаг вперед, намереваясь подробнее рассмотреть это чудотворное превращение и понять то, чему ее разум отказывался верить.

Джордан своей мускулистой рукой преградил ей путь. Она подчинилась.

Несмотря на проявляемое ею любопытство, присущее ученым, Рун все же еще внушал ей страх.

— Спасибо вам... за ваше терпение. — Голос падре был слабым и дрожащим, славянский акцент слышался в нем

более явственно — казалось, что он только что вернулся издалека, оттуда, где все еще говорят на его родном языке.

— Только не думай, что нашему терпению не будет конца, — предупредил его Джордан, в его уверенном голосе уже не было прежней враждебности.

Эрин оттолкнула удерживавшую ее руку Джордана, желая услышать то, что скажет Рун, но подойти к нему ближе она не решилась.

— Вы сказали, что вы были сангвинистом, а не стригоем. Как это понимать?

Рун посмотрел в темную пустыню, словно ища там ответ на поставленный вопрос.

— Стригои — это дикие беспощадные существа, способные лишь на убийство и массовую резню; они не служат никому и все делают ради собственной пользы.

— А сангвинисты?

— Все состоящие в Ордене сангвинистов раньше были стригоями, — ответил Рун, глядя ей прямо в глаза. — Но сейчас все, кто состоит в моем Ордене, служат Христу. Именно Его благословение позволяет нам ходить при свете божественного сияния и быть его воителями.

— Значит, ты можешь ходить при дневном свете? — спросил Джордан.

— Да, но солнечный свет все еще причиняет мне боль, — признал священник, дотрагиваясь до капюшона своей сутаны.

Эрин припомнила свою первую встречу с Руном: его надвинутый низко капюшон; одежда, прикрывающая большую часть тела, на глазах солнцезащитные очки. У нее мелькнула мысль, не переняли ли католические монахи обычай носить сутаны с капюшонами у Ордена сангвинистов, в качестве внешнего прикрытия некоей более страшной тайны.

— Но без защиты благословения Христа, — продолжал Рун, — прикосновение солнца убьет стригоя.

— А в чем конкретно выражаются эти *благословения* Христа? — спросила Эрин, удивляясь иронии, с которой был задан этот вопрос, но прозвучавшей помимо ее воли.

Рун долго смотрел на нее, словно подыскивая подходящие слова для объяснения этого чуда. Когда он наконец заговорил, его речь звучала торжественно; в ней звучала уверенность в том, что Эрин наконец-то узнает то, о чем даже и не догадывалась в своей прежней жизни.

— Я следую по пути Христа и дал клятвенный обет отказаться пить человеческую кровь. Такое действо является для нас запретным.

Джордана интересовали более практичные вещи:

— Тогда чем же вы *питаетесь*, падре?

Рун выпрямился. Он весь светился гордостью, его голос, обращенный к ней, четко звучал в тишине пустыни:

— Я поклялся вкушать только Его кровь.

Его кровь...

Эрин слышала, каким тоном были произнесены последние слова, и поняла их значение.

— Вы говорите о *крови Христа*, — сказала она, с удивлением замечая, что в ее тоне нет и следа насмешки. Воспитанная в благочестивом вероисповедании римско-католической церкви, она знала даже о том, *что* является источником этой крови. Эрин мысленно вернулась в детство; вспомнила себя стоящей на коленях на грязном полу перед алтарем; вспомнила горькое вино, проливающееся ей на язык.

Она пристально посмотрела на кожаный бурдючок для воды, который Рун сжимал в руках.

Но *воды* в нем не было.

Не было в нем и *вина* — ведь она сама совсем недавно отпила из него.

Она знала, чем наполнена фляжка Руна.

— Это *священное* вино, — сказала она, указывая на то, что он держал в руках.

— Более чем священное, — ответил он, с благоговением поглаживая бурдючок.

Эрин поняла и это.

— По-вашему, это *видоизменяющаяся* субстанция.

Она узнала смысл этого слова, когда впервые соприкоснулась с катехизисом и тогда же поверила в реальность та-

кого явления. Видоизменение считалось одним из главных догматов католицизма. Вино, освященное во время мессы, становится истинной кровью Христа, сама Его сущность вселяется в это вино.

Рун нагнул голову в знак согласия с нею.

— Это правда, мой благословенный сосуд содержит вино, превращенное в кровь Христа.

— Невозможно, — пробормотала Эрин, но ее голос звучал совсем не убедительно.

Джордан тоже не купился на это.

— А я ведь пил из твоей фляжки, падре. Это действительно похоже на вино, пахнет, как вино, да и вкус такой же, как у вина...

— Но это не вино, — взорвался Рун. — Это кровь Христа.

Насмешливые нотки снова появились в голосе Эрин, и это помогло ей успокоиться.

— Значит, вы считаете видоизменения результатами *реальных* изменений, а не метафорических?

Рун воздел руки к небу.

— Да неужто я так и не убедил вас? Это Его кровь поддерживает мой Орден. Сам акт видоизменения — это одновременно и договор между Христом и человечеством, и их обещание служить друг другу. Но для стригоев, которых он желает спасти, это значит даже нечто большее. За то, что мы получили шанс обрести наши души, мы поклялись навсегда отказаться от поедания человеческой плоти и поддерживать жизненные силы только Его благословенной кровью, сделавшись рыцарями Христа, связанными обетом верно служить церкви до конца своих дней, после чего Он снова пригласит нас на свою сторону. Таков наш договор с Христом и церковью.

Эрин не смогла заставить себя поверить ничему из сказанного им. Ее отец перевернулся бы во гробе своем от одной мысли о том, что кровь Христа используется подобным образом.

Рун, должно быть, увидел сомнения на ее лице.

— Почему вы думаете, что первые христиане относились к вину причащения как к «лекарству бессмертия»? Потому

что они знали то, что потом было надолго забыто. Но церковь обладает *более долгой* памятью.

Он повернул свой бурдючок пробкой вниз, так что они могли увидеть печать Ватикана на его донной части: два скрещенных ключа, обвитых шнуром, под строенной короной, иначе говоря, тиарой. Его пристальный взгляд остановился на Эрин.

— Я прошу вас верить только тому, что вы видите своими глазами и чувствуете своим сердцем.

Эрин тяжело опустилась на валун и обхватила голову руками. Она уже попробовало вино из его фляжки. Как человек, занимающийся наукой, она отказывалась верить в то, что это было не вино, а нечто другое. И все-таки она же видела стригоя, питающегося кровью, и видела, как Корца пьет свое вино.

И то и другое давало силы.

Эрин пыталась дать этим сверхъестественным явлениям хоть какое-то научное объяснение.

Невозможно превратить вино в кровь, а значит, это должна быть *вера*, позволяющая Руну пить вино так, как если бы это была кровь. Это должно быть что-то вроде эффекта плацебо.

— Док, вы в порядке? — спросил Джордан.

— Видоизменение — это просто легенда. — Эрин пыталась объяснить ему суть своих размышлений. — Миф, и не более.

— Такой же, как стригои? — перебил ее Рун. — Те, кто расхаживает по ночам и пьет человеческую кровь? С их существованием вы можете согласиться, но вы не можете согласиться с тем, что благословенное вино — это кровь Христа? Это вне пределов вашей веры?

Последнюю фразу он произнес более грустным голосом, чем все предыдущие.

— Я не всегда полагаюсь на веру. — Эрин, вытянув руки перед собой, сплела пальцы. — Я наблюдала, как церковь используется в качестве инструмента силового давления в борьбе против слабых, а религия — как препятствие на пути к истине.

— Христос оказывает заблудшим людям помощь более значимую, нежели активные действия, — запальчиво возразил Рун, словно пытаясь обратить ее к истинной вере, как часто делают священнослужители. — Он живет в наших сердцах. Сотворенные Им чудеса поддерживают всех нас.

Джордан прочистил горло.

— Все это хорошо, и даже очень, падре. Но вернемся *к вам.* Как вы стали одним из сангвинистов?

— Тут особенно нечего рассказывать. Несколько столетий назад меня укусил один стригой, а потом заставил выпить своей крови. — Руна всего передернуло. — Я был насильно превращен в одного из них, в существо, основное желание которого — пожирать людей.

— А что было потом?

Руна встревожил этот вопрос, и он хотел ответить на него с особой тщательностью.

— Я стал стригоем, но вместо того, чтобы идти их путем, мне была предложена другая дорога. И это случилось в ту самую ночь — еще до того, как я попробовал человеческую кровь, — когда меня посвятили в Орден сангвинистов. Я стал последователем Христа. И с тех пор я следую по стезе, указанной Им.

— И как же ты следуешь по этой стезе? — спросил Джордан со скептицизмом, который Эрин практически полностью разделяла. — В чем именно заключается твое следование Христу?

— Благословенная кровь Христа предоставляет сангвинистам многие блага. Такие как возможность ходить под солнцем. Она также дает нам возможность принимать участие во всем том, что является святым и погружено в таинство. Хотя, так же как и солнце, связанная с этим святость все еще жжет нашу плоть.

Он снял одну перчатку. На его ладони виднелся багровый волдырь в форме креста. Эрин припомнила, как он только что держался за свое нагрудное распятие, и представила себе, как оно обжигало ему кожу.

Рун, должно быть, прочитал ее мысли.

— Эта боль напоминает нам о страданиях Христа на кресте и служит постоянным напоминанием о данном нами обете. Но это небольшая цена за то, чтобы жить под сенью Его благодати.

Эрин следила глазами, как он снова бережно заправил свой крест под лохмотья своей сутаны. Жгло ли распятие кожу над его сердцем? Не потому ли католические священники имеют обыкновение носить такие массивные кресты, как символ хранимой ими тайны? Подобно сутане с капюшоном, позволяет ли такое одеяние сангвинистам не привлекать к себе внимание и оставаться незамеченными среди их человеческих собратьев?

У нее была почти тысяча подобных вопросов.

У Джордана же был только один.

— Тогда, как Христов воитель, с кем ты сражаешься?

И снова Рун посмотрел в пустыню.

— Мы призваны сражаться с нашими злобными братьями, стригоями. Мы выслеживаем их и предоставляем им шанс присоединиться к последователям Христа. Если они отказываются, мы их убиваем.

— Ну а мы, люди, тоже находимся в этом черном списке? — поинтересовался Джордан.

Рун снова посмотрел на них.

— Я поклялся *никогда* не лишать человека жизни, кроме как ради спасения другого.

Эрин снова обрела голос:

— Вы сказали, что ваша цель — убивать стригоев. Но, послушав вас, я поняла, что эти существа *не по своей воле* стали такими, какие они есть, — так же как и вы. Так же как, к примеру, собака не выбирает, становиться ли ей бешеной, когда ее бьют.

— Стригои стоят на более низшей ступени, чем животные, — возразил Рун. — У них нет души. Они существуют лишь для того, чтобы творить зло.

— Так, значит, твоя задача заключается в том, чтобы отправлять их обратно в ад, — резюмировал Джордан.

Глаза Руна чуть дрогнули.

— По правде говоря, поскольку у них нет души, мы не знаем, куда они идут.

Джордан, встав рядом с Эрин, опустил свое оружие, но по-прежнему оставался начеку.

— Если стригои дикие и жестокие, — спросила Эрин, — то зачем им нужно это Евангелие Христа?

Рун почти уже открыл рот, собираясь ответить, но вдруг замер — от этого сердце Эрин сразу забилось сильнее. Она повернула голову в ту сторону неба, куда был направлен его взгляд.

— Приближается вертолет, — почти сразу объявил он.

Джордан осмотрелся вокруг — но ограничился лишь быстрым поверхностным взглядом, он по-прежнему практически не сводил глаз с Руна.

— Лично я ничего не вижу.

— А я его слышу. — Рун склонил голову набок. — Это один из наших.

Эрин рассмотрела в небе свет, быстро приближающийся к ним.

— Вон он.

— А как понимать «один из наших»? — спросил Джордан.

— Он послан церковью, — объяснил Рун. — В нем те, кто не собирается причинять вам зла.

Глядя на приближающийся вертолет, Эрин ощущала ноющее беспокойство.

Сколько людей умерло за прошедшие века, услышав подобные обещания?

Глава 18

26 октября, 20 часов 28 минут
по местному времени
Кесария, Израиль

Батория молча шла по руинам ипподрома, а следом за ней бесшумно, словно тень, двигался Магор. Она, сделавшись таким же охотником, как и *беспощадный волк*, чувст-

вовала все то же самое, что и он. Ощущала соль Средиземного моря, гладь которого, похожая на черное зеркало, простиралась совсем рядом. Вдыхала вековую пыль, которой были покрыты древние каменные скамьи. Ее нос улавливал также и запахи конского навоза и пота.

Батория решила держаться подальше от конюшни и обойти ее с подветренной стороны, дабы не потревожить лошадей. Тарека и всех остальных она оставила в вертолете, и теперь то, что ее и эту компанию разделяло некоторое расстояние, доставляло ей истинную радость. Как хорошо быть одной! Рядом Магор, над головой темное небо, а намеченная жертва совсем рядом.

Они вместе с волком медленно шли по песку в направлении нескольких палаток, но интересовала их одна, в которой еще горел свет. Сейчас ей не нужны были охотничьи способности Магора, чтобы расслышать голоса, доносившиеся изнутри, — то, о чем говорили в палатке, ясно слышалось в тишине ночи. Батория различила два подвижных силуэта, двух людей. По звуку их голосов она поняла, что в палатке мужчина и женщина и они молодые.

Студенты-археологи.

Они были увлечены разговором, а это позволило ей без лишних усилий приблизиться к палатке, к тому ее боку, где виднелось маленькое, затянутое сеткой окошко и открытое для проникновения внутрь ночного бриза. Батория стояла возле окна, наблюдая за этими двумя людьми, словно молчаливый часовой на посту рядом с верным Магором.

Молодой парень в ковбойских башмаках и джинсах шагал по палатке из угла в угол, а молодая женщина сидела перед ноутбуком, потягивая диет-колу. На экране компьютера сменялись кадры репортажа CNN о землетрясении. Женщина не отрывала глаз от экрана, прижимая обеими руками наушники к ушам и вслушиваясь в комментарии и объяснения.

Не поворачиваясь и не отрывая глаз от экрана, она сказала:

— Попробуй снова связаться с посольством, Нейт.

Парень, подойдя к затянутому сеткой окошку, посмотрел наружу, но не с целью увидеть что-то, а просто так. Батория осталась стоять на прежнем месте, зная, что тень скрывает ее. Она очень любила такие моменты охоты, когда жертва находится совсем рядом и вовсе не подозревает о том, что вот-вот прольется кровь и ужас, как петлей, сдавит горло.

Магор, стоявший рядом с ней, был спокоен, как ночное небо. Батория снова с радостью подумала о том, как хорошо, что Тарека с его людьми нет рядом. Они не могут оценить всей прелести охоты, для них самое важное — это убийство, которое является лишь конечной целью.

Нейт, отойдя от окошка, остановился у стола и бросил мобильный телефон рядом с ноутбуком.

— Все бесполезно. Я без конца пытался связаться с ними. И все время занято. Пытался даже звонить в местную полицию. Не могу добиться от них ни единого слова о том, куда отправили доктора Грейнджер.

Эмми показала на экран, где все еще показывали репортаж.

— Что, если ее переправили в Масаду? В репортаже сообщают, что последующие толчки окончательно обрушили гору.

— Не стоит предполагать наихудшее. Доктор Грейнджер может быть где угодно. А ты не думаешь, что, если у профессора нашлось время послать нам эти фотки, она могла послать нам и текстовые сообщения? По крайней мере, сообщить нам, где она?

— Возможно, ей не позволили этого сделать. Тот израильский солдат буквально держал ее на коротком поводке. Но если судить по фотографии открытого саркофага, вполне можно предположить, что она обследует какую-то разграбленную усыпальницу.

Батория улыбалась, стоя в темноте и представляя себе ту самую женщину-археолога, отчаянно манипулирующую своим сотовым телефоном. Так, значит, она *переслала* фотографии, на которых изображено то, что она считала важ-

ным; возможно, на них можно будет найти что-то, что может навести на место, где находится Книга.

Действуя в темноте на ощупь, Батория погладила бинт на руке, напоминая себе о том, что Хунар отдал жизнь в погоне за тайной, которая, возможно, раскроет местонахождение этой Книги. Холодная злоба обострила ее чувства, заставила ум сосредоточиться, отвлечься от ощущения постоянно присутствующей боли в крови.

— Пожалуй, я пойду в свою палатку, — объявил Нейт. — Попробую поспать пару часиков, а потом посмотрим — может, нам и удастся связаться с кем-нибудь, когда уляжется этот тарарам, поднятый землетрясением. Да и тебе стоит поспать. Что-то подсказывает мне, что эта ночь будет долгой.

— Я не хочу оставаться одна. — Эмми подняла глаза от экрана ноутбука на Нейта. — Сначала Хайнрих, теперь ни слова от профессора... Я точно не засну.

В ее словах Батория почувствовала приглашение, но Нейт, казалось, этого не заметил. Жаль. Ей было бы намного проще украсть ноутбук и их телефоны, если бы они вдвоем ушли в его палатку. Такая пропажа была бы делом обычным в столь отдаленном лагере и ее посчитали бы обычным воровством.

А теперь Батории придется иметь дело с этой парой. Нейт был высоким и достаточно симпатичным парнем. Она могла понять Эмми и ее желание быть с ним.

Батория сама знала, как приятно ощущать рядом с собой теплое мужское тело, лежать в одной постели. Она вспомнила несчастного Фарида. Ее пальцы нащупали пояс и висящий на нем арабский кинжал, похищенный ею, после того как она его убила. Фарид все еще был ей полезен.

Батория отступила от окна на шаг, обдумывая, как лучше всего избавиться от этой пары — или, по крайней мере, отделить их друг от друга. Окинув взглядом лагерь и услышав отдаленное конское ржание, она улыбнулась, быстро шепнула что-то на ухо Магору, и волк молча помчался к конюшне размашистой рысью.

20 часов 34 минуты

Мучимый угрызениями совести, Нейт шагал из стороны в сторону по палатке.

Как я мог отпустить доктора Грейнджер одну?

Он был многим обязан профессору. Она дала ему шанс, когда все от него отвернулись. Два года назад Нейт наконец-то стал преддипломным студентом в Сельскохозяйственном и политехническом университете Техаса. Ему пришлось растить младшую сестренку, а для этого трудиться на двух работах. Из-за большой занятости на этих работах средний балл у него был низким, но доктор Грейнджер все-таки рискнула дать ему шанс. Профессор даже помогла ему получить для сестры полную стипендию[1] в Университете Райса[2], благодаря чему он мог совершать поездки.

И чем Нейт отплатил ей за это?

Он отпустил ее одну в вертолет, полный вооруженных людей.

Когда Нейт подошел к пологу палатки, он услышал дружное ржание чем-то напуганных лошадей, доносившееся из конюшни и отражаемое эхом от темных развалин.

Он вышел из палатки в ночную темень. Лунный свет освещал древние каменные сиденья и квадратной формы котлован, в котором его друг Хайнрих получил смертельный удар.

Холодный порыв ветра метнулся ему в глаза. Нейт, моргая, стряхнул с ресниц слезы.

— С лошадьми что-то не то.

— Мне лично все равно, — ответила Эмми, все еще сидящая за ноутбуком. — Мне хотелось бы, чтобы с ними случилось что-либо ужасное. Особенно с этим белым дьяволом.

---

[1] Полная стипендия покрывает практически все расходы, связанные с обучением в колледже или университете в течение всего периода обучения.

[2] Университет Райса — престижный частный университет в г. Хьюстоне, шт. Техас; создан по модели классических английских университетов.

— Да этот жеребец был просто напуган. И это был несчастный случай.

Нейт, конечно, не мог ставить ей в вину такую ненависть к лошадям. Хайнрих был мертв, и произошло это внезапно, ни с того ни с сего. Просто оказался не в том месте и не в то время. А ведь это запросто мог оказаться он, Нейт...

Ржание становилось все более пронзительным.

— Пойду посмотрю, — сказал он. — Может, это шакал.

— Не оставляй меня одну, — в голосе Эмми слышалась паника.

Нейт надел свою ковбойскую шляпу и стал шарить в деревянном ящике возле двери, ища пистолет доктора Грейнджер. Она использовала его для отстрела змей.

— Пусть конюхи и заботятся о своих лошадях, — убеждала его Эмми. — Нечего тебе ходить туда, да еще в полной темноте.

— Все со мной будет в порядке, — успокоил ее он. — Да и тебе здесь ничего не угрожает.

Радуясь, что нашлось какое-то занятие, которое хоть на время отвлечет его от тревожных мыслей, Нейт вышел из палатки и зашагал по песку. Но сразу же почувствовал, что ночь уже изменилась и стала совсем другой. Его руки моментально покрылись пупырышками гусиной кожи; донимавший холод было никак не унять.

Это Эмми внушила мне страх, — успокаивал себя он.

Сжав в руке рукоятку пистолета, Нейт зашагал быстрее — но вдруг справа от него промелькнула чья-то тень.

Он остановился и осмотрелся по сторонам. Уголком глаза заметил, как мимо пронеслось что-то большое. Нейт не успел рассмотреть, что это, не мог определить, кто встретился ему на пути, и лишь понял, что это животное, более крупное, чем любой из ранее виденных им шакалов. Животное было размером с теленка, но двигалось быстро и бесшумно, как хищник. Оно исчезло так быстро, что он так и не понял, кто это.

Нейт оглянулся назад, на хорошо освещенную палатку. Сейчас она была далеко, в ночи светилась лишь единственная лампочка.

Позади него пронзительно заржала лошадь.

20 часов 36 минут

Воспользовавшись громким ржанием жеребца, Батория проткнула острым концом кинжала Фарида палаточную ткань и провела лезвием вниз. Отлично заточенное лезвие легко и почти неслышно разрезало плотную, туго натянутую ткань палатки.

Она не спускала глаз с Эмми, склонившейся над ноутбуком, сосредоточившей взгляд на двери палатки и не видевшей, что за ее спиной появилась новая дверь.

Батория, пройдя боком через прорезанный в ткани проход, неслышно проскользнула в палатку. Оказавшись внутри, она встала позади перепуганной молодой женщины, которая не заметила ее присутствия. Один наушник еще находился в ухе Эмми, второй свешивался с головы. Батория слышала тихое жужжание, сопровождающее сообщение CNN, кадры которого мелькали на экране ноутбука.

Баторию поражало, насколько бессознательно большинство людей плывут по жизни, не обращая внимания на истинную природу окружающего их мира, устроившись в своих коконах со всеми современными удобствами, куда новости приходят в течение двадцати четырех часов семь дней в неделю; новости фильтрованные, разбавленные и содержащие дозу кофеина, необходимую для того, чтобы дать им возможность словить легкий кайф на фоне их однообразных повседневных жизней.

Но это же не жизнь.

В глубине своего сердца Батория ощущала волнение, такое же как Магор во время охоты: запах крови, смягченный расстоянием, адреналин и хищнический азарт.

Таким казался ей *настоящий* мир. Вот это была жизнь.

Батория сделала шаг вперед и одним беспощадным взмахом клинка под подбородком женщины разом положила конец ее слабой, еле теплящейся и никчемной жизни. Она столкнула ее тело с походного стула, чтобы поток крови не залил ноутбук.

Эмми встала на пол, так и не поняв, что уже мертва. Она умудрилась, скорчившись, пройти несколько футов к

двери, прежде чем свалилась на пол, где под ней сразу же образовалась красная лужа.

Батория действовала проворно. Она закрыла ноутбук, сунула его в висевшую на плече сумку, прихватив заодно пару сотовых телефонов, лежавших на столе.

Полог палатки всколыхнулся.

Она повернулась, чтобы увидеть входящего внутрь Нейта. Тот с первого же взгляда понял, что произошло, и его пистолет сразу же нацелился на нее.

— Какого черта...

Батория выпрямилась, на ее лице появилась приветливая улыбка. Но парень не собирался приветствовать ее.

За плечом Нейта шевельнулась тень и показались два красных глаза, горевших жаждой крови. Ночная охота еще не закончилась.

Батория сообщила свою волю своему другу и слуге, ее желание выразилось одним словом:

Фас!

Глава 19

26 октября, 20 часов 37 минут
по местному времени
Пустыня в районе Масады

Джордан в очередной раз провел пристальным взглядом по песку и камням, лежащим вокруг, ища место, чтобы спрятаться, но подходящего укрытия не было, тем более что укрыться надо было от наблюдателя, находящегося в воздухе.

Вертолет приближался. Лопасти винтов месили ночной воздух. Джордан пристальным изучающим взглядом смотрел на снижавшуюся машину. Он узнал этот заостренный серебристый нос, узнал плавные линии обводов. До этого он видел вертолет модели EC145 только на рекламных постерах, его преподносили как высококлассный геликоптер стоимостью в восемь миллионов долларов. Судя по рекламным описаниям, это был «Мерседес-Бенц» с воздушными винтами.

Кто-то поддерживающий Корцу был при деньгах.

Падре отошел в сторону, готовясь встретить вертолет.

Если Джордан правильно запомнил написанное в рекламе, машина принимала на борт восемь человек, включая пилота и второго пилота. Выходит, он может столкнуться с восьмью противниками, не обладая при этом какой-либо оборонительной позицией. Учитывая эту горькую правду, Стоун тем не менее достал из кобуры пистолет. На то, чтобы ввязаться в драку и выйти из нее победителем, он не рассчитывал, а поэтому мог лишь надеяться на то, что Корца не соврал и гости не причинят им зла.

Он повернулся к Эрин и негромко спросил:

— Вы можете встать?

Хорошо, если ноги у нее в порядке — вдруг им потребуется двигаться в быстром темпе.

— Попытаюсь, — ответила Эрин.

Встав, она скривилась и, поджав левую ногу, переместила всю массу тела на правую. Влажное кровавое пятно расплылось по левой штанине ее джинсов.

— Что произошло? — спросил Джордан, проклиная себя за то, что раньше не обратил внимания на ее ранение.

Она, опустив голову, посмотрела на низ своих джинсов и пришла в такое же удивление, как и он.

— Это, наверное, волк царапнул меня. Да это пустяк.

— Позвольте мне посмотреть.

Эрин удивленно вскинула брови.

— Я не собираюсь снимать джинсы прямо здесь.

Джордан вынул кинжал из ножен, притороченных к лодыжке.

— Я могу разрезать штанину над раной. Это, конечно, испортит ваши джинсы, зато ваша добродетель не пострадает. — Он улыбнулся.

Эрин, улыбнувшись в ответ, снова села на валун.

— Ну, это уже приемлемо.

Джордан распорол шов кинжалом, прилагая максимум внимания к тому, чтобы не поцарапать ей кожу. Он разорвал ткань, затем опустил оторванную штанину вниз до ее лодыжки. При этом его пальцы действовали вблизи ин-

тимных мест, но он всецело был занят только тем, чтобы невзначай не поранить ее, и лишь в необходимых случаях касался ее оголенной ноги, которая при лунном свете выглядела прямо-таки фантастически. Но Стоун этого не замечал. Он смотрел лишь на ее рану, неглубокую, но протяженную, от бедра вниз. С подозрением смотрел на нее, а потом, решив позвать Корцу, закричал, стараясь перекричать гул и грохот винтов приближавшегося к ним вертолета:

— Падре! *Беспощадный волк* разодрал Эрин ногу. Что ты можешь посоветовать нам по поводу этой раны?

Падре посмотрел на голую ногу Эрин, затем отвернулся и уставился взглядом в пустыню — ясно, что ему стало не по себе. В этот момент он поступил как истинный служитель церкви.

— Тщательно обработайте рану, причины для беспокойства нет.

Эрин обтерла бедро лоскутом, отрезанным от штанины.

Прежде чем Джордан успел разыскать свой походный санпакет, щеголеватый вертолет приземлился. Его винты взметнули им в лицо густое облако песка. Джордан сложил ладони чашечками, прикрывая рану на бедре Эрин.

Изогнувшись на один бок, она из-за его плеча следила за происходящим.

Три человека, все в черном, выпрыгнули из кабины вертолета, не дождавшись, пока опорные полозья достигнут земли. Лица их были закрыты капюшонами, и двигались они необычайно быстро, так же как Корца во время драки. Джордан хотел подбежать к ним, но сдержался и остался стоять неподвижно до тех пор, пока остальные, выбравшись из вертолета, не привели себя в порядок и не окружили их.

Трио, уединившееся с Корцой, шептались на языке, похожем на латынь. Джордан заметил, что на всех надеты воротнички-колоратки — признак того, что все они священники.

Подкрепление сангвинистов.

Эрин поднялась, Джордан встал рядом с нею.

Один из преподобных подошел к ним. Его холодные руки, скользнув вдоль тела Стоуна, забрали его оружие.

Нож он или не заметил, или не придал ему значения. В любом случае Джордан был благодарен ему за то, что нож остался при нем.

Еще один из прибывших удалился вместе с Корцей на несколько шагов в пустыню.

Третий подошел к телу *беспощадного волка* и побрызгал какой-то жидкостью мертвую тушу, словно крестил мертвое животное. Но в его сосуде была отнюдь не святая вода. Вспыхнула спичка, он бросил ее, тело вспыхнуло, и громадный язык пламени поднялся в воздух. Над темными песками поплыл запах горелой шерсти.

Третий падре остался сторожить Джордана и Эрин. Однако, как ей казалось, возникни потасовка, помощи от нее не будет никакой. Отвага, похоже, уже покинула ее. Плечи опустились, она балансировала, опираясь на здоровую ногу. Джордан двинулся, чтобы встать ближе к ней, но стороживший их священник предостерегающе поднял ладонь. Стоун, проигнорировав его предостерегающий жест, обвил рукой талию Эрин.

В пустыне, на некотором отдалении от них, Корца и его компаньон о чем-то ожесточенно спорили, как будто решали участь этих двух оставшихся в живых людей. Джордан пристально следил за происходящим. Оставят ли они их с Эрин здесь, в этом безлюдном месте, или, что еще хуже, покончат с ними так же, как они покончили с этим свирепым *беспощадным волком*?

На каком бы языке они ни спорили, Корца, по всей видимости, одержал в этом споре верх. К лучшему это или к худшему, Джордан не знал.

Как будто почувствовав на себе его внимательный взгляд, Корца обернулся, и их взгляды встретились. Он показал на вертолет и жестом пригласил его и Эрин подняться на борт.

Джордан все еще не понимал, что их ждет. Он знал, с какой легкостью армейские спецподразделения ликвидируют и людей, и все следы их пребывания на земле. Уготована ли им с Эрин подобная участь?

Мысленно просмотрев разные варианты развития событий, Стоун решил, что наилучший шанс для них уцелеть и выжить — это подчиниться и сесть в вертолет. Он, если надо, не побоялся бы вступить с ними в бой, но победителем из этого боя он бы не вышел. По крайней мере, сейчас.

Он помог Эрин доковылять до открытой дверцы кабины, дважды пригибая голову под вращающимися лопастями. Дождался, пока на борт поднимутся все остальные, бросил последний взгляд на пустыню, оценивая вероятность возможности побега. Но ведь у Эрин была только одна здоровая нога.

Корца оставался у него за плечом, словно молчаливое напоминание о невозможности побега. Подняв лежавшую на песке куртку Джордана, он протянул ее ему. Этот простой жест несколько успокоил Стоуна, и он почувствовал себя чуть более в безопасности.

— После вас, — галантно объявил падре.

Джордан, укутав курткой плечи Эрин, помог ей подняться в вертолет. Она чуть помедлила, наклонившись перед отверстием люка.

Как он и ожидал, внутренность салона вертолета поражала своей роскошью. Мягкий голубой свет падал на стены, декорированные панелями из темного дерева. Запах дорогой кожи щекотал ноздри. Плавные обводы смотрелись просто потрясающе. Это был совсем не тот общецелевой вертолет, на котором он обычно летал. Но сейчас Стоун отдал бы все на свете за то, чтобы очутиться на привычном для него борту.

— Осталось всего два свободных места, — сказала Эрин.

Джордан, окинув салон беглым взглядом, понял, что она права.

— Выходит, Корца, одному из нас предстоит путешествие в багажном отсеке?

— Я должен извиниться перед вами. Они рассчитывали взять на борт только одного меня, ну и, возможно, уцелевшего мальчика. Придется смириться с тем, что будет немного тесно, но лететь недолго.

Эрин оглянулась назад на Джордана, ожидая, что он скажет.

— Мы можем вдвоем уместиться на одном сиденье, — сказал тот и показал на одно из больших роскошных сидений, расположенных позади.

Она кивнула и, протиснувшись через колени людей, уже занявших места, села, сжавшись и сдвинувшись насколько возможно в одну сторону, чтобы освободить место для Стоуна.

Джордан последовал за ней и сдвинул застежку ремня безопасности на максимально возможное расстояние, перед тем как втиснуться на сиденье рядом с ней.

— У моей мамы была куча детей, — объяснил он, пристегивая одним ремнем их обоих. — Она обычно сажала нас попарно на одно сиденье и пристегивала одним ремнем. А у вас было не так?

Ее грустный голос прозвучал глухо:

— Моей маме не дозволялось водить машину. Как, впрочем, и никому из женщин.

Джордан невольно припомнил то, что она сказала совсем недавно: *Я наблюдала, как церковь используется в качестве инструмента силового давления в борьбе против слабых.* Сейчас он решил не продолжать разговор об этом, а расспросить ее позже.

Корца забрался в вертолет последним. Священник был меньше ростом, чем Джордан, и Эрин было бы менее тесно и более удобно, будь она пристегнута одним ремнем с Корцой, но Джордан был больше чем уверен, что такого падре не допустил бы.

Рун сел на последнее свободное сиденье, расположенное как раз напротив них. Накрытый капюшоном сутаны, сосед Корцы склонился к его уху и что-то зашептал. Джордан, не разобравший ни слова, был тем не менее уверен, что рядом с Корцой сидела женщина. Это повергло его в удивление. Она была человеком? Или церковь нанимала женщин-стригоев, чтобы пополнять ряды сангвинистов?

После этого никто ни с кем не говорил. Все сидели неподвижно, как изваяния, и это тревожило Джордана сильнее, чем если бы они говорили без умолку, перебивая друг друга.

Вертолет, взревев мотором, поднялся над пустыней, взметнув вверх облако песка, а Стоун был готов думать о чем угодно рядом с теплым телом прижавшейся к нему Эрин. Поначалу она старалась сидеть так, чтобы зазор между ними был достаточно большим, но вскоре прекратила это бесполезное занятие, поскольку их стягивал один ремень безопасности. Вертолет с гудением летел вперед по ночному небу, и она, внезапно расслабившись, погрузилась в сон — утомление и усталость взяли верх.

Ее голова легла на плечо Джордана, и он, подвинувшись, сел так, чтобы ей было удобнее. Сколько времени прошло с тех пор, как в последний раз красивая женщина вот так же спала на его плече... Резиновая стяжка слетела с ее белокурых волос, и они разметались по плечам. На таком близком расстоянии Стоун заметил у нее пряди более светлые, чем остальные волосы, имевшие цвет густого меда. Очевидно, во время раскопок эти пряди часто выбивались из-под банданы и выгорали на солнце.

Ему так хотелось запустить пальцы в один из таких локонов и дойти до его конца, как он, бывало, отслеживал путь нитки в большом гобелене, и попытаться докопаться до причин, почему эта женщина заняла такое важное место в его судьбе. В последние несколько часов Эрин довелось пройти через многое. Джордан намеревался вытащить ее изо всей этой сумятицы и отправить в безопасное место. Он должен был это сделать. Но он потерял всех, кто был под его началом...

Лучше закрыть пока эту тему.

Чтобы отвлечь себя от грустных размышлений, Стоун стал внимательно рассматривать рану на загорелом бедре Эрин. Хотя та и вправду была неглубокой, однако ее сморщенные края приобрели неприятно красный цвет и были облеплены пылью и песком. Двигаясь максимально осторожно, чтобы не разбудить ее, Стоун вытащил свой полевой санпакет. Достав антисептическую салфетку, осторожно

вычистил рану, мягко касаясь ее и медленно перемещаясь по ее длине. Она все-таки застонала во сне.

Сангвинисты, все как один, посмотрели в ее сторону.

Джордан незаметно переместил свою свободную руку ближе к ножу и оставил ее в этом положении.

— Не бойтесь нас, — тихо сказал ему Корца, лицо которого было скрыто под капюшоном. — Вы в полной безопасности.

Джордан не снизошел до ответа падре. И не пошевелил рукой.

21 час 02 минуты

Голова Эрин качнулась вперед, отчего она проснулась. Оглушенная ревом моторов вертолета, женщина с трудом поняла, что смотрит в пару удивленных глаз, светло-синих, с темным кольцом вокруг радужки. И эти глаза улыбались ей. Она улыбнулась в ответ, и только после этого до нее дошло, что это глаза Джордана.

Она заснула на его плече и проснулась, улыбаясь ему.

Женатому человеку.

В вертолете, полном священнослужителей.

С горящим лицом Эрин выпрямилась на сиденье и передвинула ремень безопасности так, чтобы создать хотя бы дюймовый зазор между ними. Она почти слышала неодобрительный вздох своей матери и чувствовала на своем лице тяжелую отцовскую ладонь.

Эрин повернулась к окну — это была единственно возможная поза, позволяющая скрыть покрасневшие от смущения щеки. За окном впереди светились огни приближающегося города и меркнущие над ним звезды. Среди хаотичной городской застройки ярко светился золотой купол.

— Похоже, мы подлетаем к Иерусалиму, — сказала она.

— Откуда вы знаете? — недоверчиво поинтересовался Джордан, скорее всего для того, чтобы облегчить ее смущение.

Эрин с радостью ухватилась за предложенную им возможность.

— Видите черную гору на востоке? Это Масличная гора. Важное историческое место для трех основных религий: иудаизма, ислама и христианства. И, как говорят, с этого места Иисус предположительно вознесся на небо.

Несколько сангвинистов тревожно заерзали при слове «предположительно», явно чувствуя обиду, однако Эрин продолжала:

— Книга пророка Захарии[1] вещает, что во время Апокалипсиса она расколется на две части.

— Круто. Давайте надеяться, что в ближайшее время это не случится. За последние два дня я по горло сыт горами, расколовшимися на две части. — Джордан указал вперед на тот сияющий золотой купол, который он заметил раньше. — А что это?

— Это Купол скалы[2]. Он построен поверх Мариа[3]. — Эрин подвинулась, чтобы Джордану было лучше видно. — Вокруг этого места вы можете видеть стену Старого города. Она словно лента огней, видите? К северу — мусульманский квартал. К югу и к западу — еврейский со славной Западной стеной.

— Той, которую называют Стеной Плача.

— Совершенно верно.

Эрин наклонилась вперед, и тело Стоуна, как приклеенное, скользнуло вперед вместе с ее телом.

Она пристально смотрела на священников, выражение их лиц, спрятанных за капюшонами, оставалось для нее невидимым. Эрин видела лишь лицо Руна, освещаемое си-

---

[1] Пророк Захария — священник Иерусалимского храма, муж Елисаветы, отец Иоанна Крестителя.

[2] Купол скалы — мечеть в Иерусалиме, построенная на одной из главных святынь ислама — священной заповедной территории аль-Харам аш-Шариф, на скале, откуда пророк Мухаммед был вознесен на небеса, где лицезрел Аллаха.

[3] Мариа — местность, где Авраам должен был на горе принести в жертву сына своего Исаака; позднейшая традиция отождествляет место жертвоприношения Исаака и Храмовую гору в Иерусалиме.

янием городских огней на виражах, совершаемых вертолетом. Его бесстрастные темные глаза следили за ней.

Лицо ее снова залила краска, и женщина опять повернулась к окну. Что Рун должен о ней подумать? За кого он должен ее принять, наблюдая за ней долгое время? Эрин пыталась представить себе, что можно увидеть, если смотреть на мир через призму глаз, которые видели мир в течение многих веков. А был ли Рун на Куполе скалы, когда Махмуд Второй[1] реставрировал его в 1817 году? Ее передернуло от этой мысли — она почувствовала страх, но вместе с ним и благоговение.

— Вам холодно? — Джордан потянулся и прикрыл своей курткой ее второе плечо.

— Я в п-порядке, — заикаясь, произнесла она на выдохе.

Ей и вправду было тепло, и даже очень. То, что она сидела рядом с Джорданом, непредсказуемым образом влияло на температуру ее тела. В течение прошедшего десятилетия Эрин была настолько занята, что не позволяла себе обращать внимание на мужчин. Сейчас ей просто повезло в том, что она оказалась притянутой ремнем к одному из них, который был чертовски привлекательным и... женатым.

— Спасибо вам за куртку.

— Скоро мы приземлимся.

Голос Руна привлек их внимание.

— В каком месте?

Джордан чуть отклонился от нее, и Эрин сразу почувствовала, что ее тело больше не ощущает его тепла. Опустив голову, она посмотрела на белую полоску кожи на его безымянном пальце.

Улика. Всегда принимай во внимание улику, прежде чем решиться на ответные действия.

А теперь... если бы ей удалось убедить свое тело действовать в соответствии с этой заповедью...

---

[1] Махмуд Второй — султан Оттоманской империи с 1808 по 1838 г.

— Мы будем должны завязать вам обоим глаза, — предупредил Рун с тем же неизменным выражением лица.

Джордан выпрямился. Ремень безопасности натянулся на его плечах.

— Так мы что, ваши пленные?

— Вы наши гости, — ответил Рун.

— Я своим гостям глаза не завязываю, — вспылил Джордан, сжимая кулаки. — Ничего себе, проявление гостеприимства...

— Тем не менее... — Рун отстегнул свой ремень безопасности.

Священник, сидевший рядом с ним, передал ему две ленты из черной ткани.

Нога Джордана, соприкасающаяся с ногой Эрин, напряглась и стала твердой как камень. Его ноги со всей силы уперлись в пол. Он, казалось, готов был броситься на сангвинистов без оружия — с одними кулаками и ожесточением.

Дотронувшись до его руки, Эрин сказала:

— Сейчас не время для этого, Джордан.

Он посмотрел на нее такими глазами, будто только что обнаружил, что она находится рядом с ним. Несколько секунд пристально смотрел на нее, а потом согласно кивнул.

Рун встал, ловко балансируя в качающемся вертолете. Сначала он завязал глаза Джордану, а потом закрепил черную повязку на глазах Эрин. Его холодные пальцы, осторожно касаясь ее волос, затянули узел на ее затылке. Закончив, он задержал свою ладонь на секунду дольше, чем требовалось, словно успокаивая ее.

После этого Эрин слышала, как он отошел, а потом до ее слуха донесся *щелчок* — он снова, сев на место, пристегнулся ремнем безопасности.

Чья-то рука крепко сжала ее руки. Это горячая ладонь Джордана грела ее ладони — он тоже хотел успокоить ее. То, что Стоун хотел сообщить ей посредством этого контакта, было простым и понятным.

Что бы ни ожидало впереди, они пройдут через все вместе.

Глава 20

26 октября, 21 час 13 минут
по местному времени
Иерусалим, Израиль

Рун помог солдату и женщине выйти из вертолета, провел их под вращавшимися лопастями. Он вывел их со взлетно-посадочной площадки, расположенной на крыше одного из зданий, и, проведя по нескольким лестницам, вывел на какую-то узкую улицу. И во все время этого путешествия солдат крепко сжимал в своей руке руку женщины.

На их лицах не было заметно испуга, но Рун слышал тревожное биение их сердец, чувствовал соленый запах их страха и видел, как блестят капельки пота на их коже. Он делал все возможное, чтобы прикрыть их от глаз остальных, вести их по таким переходам, чтобы им было удобно идти рядом. Он отказался перепоручить их кому-либо из своих собратьев — не из-за опасения, что кто-то из них может плохо обойтись с ними; он попросту считал своей обязанностью защищать их, чувствуя ответственность за этих людей.

Корца наблюдал, как они, прижавшись друг к другу, шли по улицам.

Эрин и Джордан.

Так или иначе, но в его сознании они перестали быть солдатом и археологом, а стали просто Эрин и Джорданом. Руну не нравилась такая постепенно нарастающая симпатия. Она создавала некие узы, которых не должно было быть. Эту жестокую истину он постиг много столетий назад.

Никогда впредь.

Он отвернулся.

Снова оказавшись на улице, они пошли по ней. Рун вдыхал ночные запахи старого города — пахло копотью, остывшими камнями, гниющими отходами на базаре. Другие сангвинисты окружали их трио.

Рун надеялся, что их окружение укроет от любопытных глаз эту пару, идущую с завязанными глазами.

Пока все было спокойно: закрытые ставнями витрины магазинов, слабое освещение. Корца прислушивался к стуку сердец, доносившемуся из узких аллей и с уличных перекрестков, образующих настоящий лабиринт в этом квартале города. Ничего подозрительного не было, но он все-таки заставлял их идти быстрее, опасаясь того, что их в любой момент могут увидеть.

Через несколько минут их группа подошла к стене, выложенной из грубо отесанного камня, возле которой их ждал одетый в мантию человек. Он постукивал своим кожаным ботинком по камню поребрика, выражая этим свою нервозность и нетерпение. Человек был невысоким и круглым, причем его рост и ширина были примерно одинаковыми. Его лицо и выбритая макушка излучали красноватое свечение.

Ну точно как у грифа.

Этого человека Рун знал: падре Амбросе — и практически не придал значения встрече с ним. Он просто охраняет проход.

Амбросе сделал шаг вперед, приветствуя их и в то же время преграждая им путь. Взгляд его безразлично скользнул по Руну и сопровождающим сангвинистам, но внимательно и пристально стал изучать Эрин и Джордана.

Его речь была сжатой и настолько немногословной, что ее можно было посчитать грубой.

— Вы не должны разглашать того, что увидите за этими воротами. Ни вашей семье, ни вашему армейскому руководству.

У Джордана, на глазах которого все еще была черная повязка, эти слова вызвали прилив упрямства — он остановился, притянув Эрин к себе.

— Я не исполняю приказов, полученных от того, кого я не вижу.

Рун понял причину столь бурной реакции этого человека и снял с глаз обе повязки прежде, чем Амбросе успел открыть рот и выразить протест. На эту пару уже насмотрелись и о ней наговорились. Знание о расположении этого места казалось малозначимым в сравнении с тем, что они

уже видели. Кроме того, эти двое в любом случае должны пройти внутрь помещения.

Джордан протянул руку Амбросе.

— Сержант Стоун, Девятый батальон рейнджеров, а это доктор Грейнджер.

— Падре Амбросе, помощник Его Высокопреосвященства кардинала Бернарда. — Перед тем как пожать руку Джордана, преподобный обтер ладонь о свою щеголеватую сутану. — Вы приглашены встретиться с Его Высокопреосвященством. Но я должен еще раз предупредить вас о том, что с этого момента все события и разговоры должны быть сохранены в строжайшей тайне.

— А иначе? — спросил Джордан, поглядев на Амбросе сверху вниз.

Руну все больше нравился этот парень.

— А иначе нам станет об этом известно, — ответил Амбросе, отступая на шаг назад.

— Ну все, хватит, — объявил Рун, протискиваясь мимо стоящего на дороге Амбросе.

Пройдя вперед, он остановился и положил ладонь на стену, сложенную из известняковых блоков, выписывая на ней крест движением пальцев; стена под его рукой была шершавой и теплой.

— Берите и пейте из нее все[1], — прошептал он и толкнул известняковый блок, расположенный в центре. За блоком, отодвинувшимся в глубь стены, оказалось небольшое, выдолбленное в камне углубление, похожее на стоящую у входа в храм чашу со святой водой.

Однако это выдолбленное в камне углубление было предназначено не для *воды.*

Рун, вынув из ножен кинжал, ткнул его острием в центр ладони, в то место, где гвоздь пронзил ладонь Христа. Сжав

---

[1] Берите и пейте из нее все... — здесь и далее пассаж из католической мессы

«Берите чашу сию и пейте из нее все,
ибо сие есть кровь Моя нового и вечного завета,
за многих изливаемая во оставлении грехов...»,

написанной по библейскому пассажу Мф. 26:27–28.

кулак, он выдавил из ранки несколько капель крови, которые пролились в каменную чашу, на ее внутреннюю поверхность, потемневшую от бесчисленных кровопусканий сангвинистов, входивших в это помещение до него.

— Ибо это сие есть кровь Моя нового и вечного завета.

Эрин, стоявшая позади него, не смогла сдержать крик удивления, когда стена с треском и скрипом раздвинулась, образовав проход, закрытый калиткой, но настолько узкий, что человек с трудом мог проникнуть в него, да и то боком.

— *Мистериум фидеи*[1], — закончил Рун и, толкнув плечом калитку, отрыл проход, после чего отступил назад.

Сопровождающие их сангвинисты проскользнули первыми, за ними последовал Амбросе. Эрин и Джордан вместе с Руном оставались на улице.

Женщина стояла, словно прикованная к месту, водя глазами сверху вниз по городской стене.

— Я изучала материалы, касающиеся всех ворот Старого города, и открытых и замурованных, — сказала она. — Но об этих воротах я не нашла даже и упоминаний.

— Название эти ворот много раз изменялось за прошедшие века, — ответил Рун, обеспокоенный тем, как бы поскорее увести их с улицы, пока они не привлекли к себе внимания. — Уверяю вас, что внутри вы будете чувствовать себя в полной безопасности. Эти ворота освященные, и стригои не могут переступить их порог.

— Не только они внушают мне беспокойство. — На всякий случай Джордан отошел чуть в сторону, на более удобную позицию. — Если Эрин не пойдет внутрь, я тоже не пойду.

Женщина в конце концов сделала шаг вперед, положила руку на шершавую поверхность камня в проеме и сразу почувствовала, что ее сердце забилось чаще. Судя по жадному блеску ее глаз, причиной учащенного сердцебиения был не страх, а неудержимое, страстное желание.

— Это же живая история. — Эрин выразительно посмотрела на Джордана. — Как же я могу *не войти* внутрь?

---

[1] Мистериум фидеи (Mysterium fidei) (*лат.*) — таинство веры.

21 час 19 минут

Джордан вслед за Эрин шагнул за темный порог и с трудом протиснулся боком через вход. Все предстоящее его не радовало, но он подозревал, что вопрос, входить ли им внутрь или не входить, был уже однозначно решен без учета их мнения. Стоун припомнил слова, произнесенные падре Амбросе:

Вы приглашены встретиться с Его Высокопреосвященством.

Ясно, что это скорее обязанность, чем приглашение.

Последним вошел Корца, закрыв за собой дверь. Непроглядная душная тьма окутала всю группу. Дышать в темноте было труднее. Джордан протянул руку и снова сжал руку Эрин. Она в ответ крепко, с чувством благодарности пожала его пальцы.

Сначала послышался знакомый скрежещущий звук, потом слабый *хлопок,* и в темноте ярко полыхнул язык пламени. В руке сангвиниста, сопровождающего группу и шедшего впереди Джордана, вспыхнула зажигалка «Зиппо». Вид этого знакомого современного предмета подбодрил Стоуна и приблизил испытываемые им чувства и ощущения к реальности.

Этот сангвинист взял с небольшой деревянной полки, висящей возле двери, свечу и передал ее Эрин. После чего Джордан тоже получил свечу, которую сам зажег. В сухом пыльном воздухе распространился запах дыма и воска, однако слабый свет свечей проникал недалеко.

Не говоря ни слова и практически не нуждаясь в свете, остальные сангвинисты дружно повернули и пошли по круто спускающемуся вниз туннелю. Джордана не пугало очередное подземное путешествие; Эрин шла за сангвинистами, а он двигался следом за нею — такой строй он посчитал более безопасным.

Даже при свете свечи Джордан с трудом различал, куда и мимо чего они идут. Кругом были лишь гладкие камни. Он чуть приотстал, для того чтобы видеть всех сопровождающих их сангвинистов, хотя и понимал, что сможет сделать очень немногое, если дело вдруг примет дурной оборот.

Корца, похоже, понял, что его тревожит, и, протиснувшись сквозь группу сопровождающих, пристроился позади него.

Эрин тем временем переместилась на несколько шагов вперед, прикрывая пламя свечи сложенной в чашечку ладонью. Она с такой быстротой вертела головой по сторонам, что Джордан опасался, как бы она не упала от головокружения. Для Эрин это было не чем иным, как переходом из настоящего времени в историю. А для Джордана — переход по минному полю, где каждый неосторожный шаг может привести к гибели обоих.

Стоун всеми силами старался запомнить дорогу, по которой их вели. Переход, казалось, уходил под углом вниз в северо-западном направлении, но твердой уверенности в этом у него не было. Тем более что он не знал наземного расположения города и, соответственно, совершенно не представлял себе, куда их могут вести. Единственно, на что он мог положиться, так это на его армейские навыки, подсчет шагов и запоминание пересечений с другими подземными переходами — все это помогало ему построить в голове примерную трехмерную карту. Худо-бедно, но это может помочь им найти обратную дорогу.

Наконец туннель закончился и они остановились перед массивной деревянной дверью, установленной на мощных железных петлях. Она, по крайней мере, открывалась без кровопускания сангвинистов — для этого достаточно было большого витиеватого ключа, которым ловко поигрывал Амбросе.

— Так это здесь мы встретимся с кардиналом? — спросила Эрин.

Падре Амбросе внимательно оглядел женщину сверху донизу, его губы скривились от испытываемого им отвращения, когда его взгляд задержался на ее раненой ноге и разорванных джинсах.

— Это выглядело бы не совсем пристойно, приветствовать Его Высокопреосвященство в вашем нынешнем виде.

Джордан закатил глаза. Пока что единственным, что этот недавно встреченный ими поп сделал для него, было

то, что он оказался *человеком*. Когда они, будучи еще на поверхности земли, обменивались рукопожатиями, Джордан почувствовал тепло реальной крови, текущей по его венам.

Опустив голову, Стоун смотрел на свою грязную, запятнанную кровью одежду. Эрин выглядела чуть лучше, а Корца был похож на жертву стихийного бедствия.

— У нас была тяжелая ночь, — извиняющимся тоном произнес Джордан.

Эрин, не сдержавшись, громко рассмеялась; в ее смехе слышались даже истерические нотки, поэтому она быстро замолчала.

— Я не могу даже и представить себе это, — пожал плечами Амбросе, пропуская мимо ушей смех Эрин.

Повернувшись к двери, падре открыл ее железным ключом, который все еще держал в руке. Толчком он распахнул дверь, и на них хлынул свет, а позади них оставался полутемный вестибюль.

Вся группа последовала за Амбросе. Джордан, шедший замыкающим, вошел в длинный каменный проход, пол которого был покрыт мягкой персидской ковровой дорожкой, а стены завешаны гобеленами. В настенных светильниках горели электрические лампы. По обеим сторонам прохода — ряды закрытых деревянных дверей.

Джордан задул свою свечу, но счел за лучшее сохранить ее на тот случай, если понадобится ради выхода на свободу проделать только что пройденный путь в обратном направлении.

Падре Амбросе, снова заперев дверь на ключ и положив его в карман, показал рукой направо.

— Вот ваша комната, доктор Грейнджер. А напротив слева — ваша, сержант Стоун. В комнатах вы можете привести себя в порядок.

— Мы не хотели бы разлучаться, — сказал Джордан, взяв Эрин за локоть.

— Даже во время мытья в ванной? — ледяным голосом спросил падре Амбросе.

Щеки Эрин вспыхнули. Джордан с удовольствием наблюдал за ней.

— Здесь вам ничто не угрожает, — успокоил их Корца. — Я же обещал вам.

Эрин переглянулась с Джорданом, взглядом передавая ему сообщение. Она хотела поговорить, когда они останутся вдвоем — это означало не противоречить священнику и дождаться, когда он уйдет.

Стоун согласился с нею. По крайней мере, сейчас.

21 час 24 минуты

Проводив глазами пару, разошедшуюся по выделенным им комнатам, Рун последовал за Амбросе вверх по проходу к другой двери, которую тоже надо было открыть. В этом храме было очень много замков, охранявших множество секретов, но сам этот проход вел к винтовой лестнице, вырубленной в скале больше тысячи лет назад.

Руну все здесь было знакомо до мелочей. Он пошел ко входу, но Амбросе, вытянув руку, преградил ему путь.

— Постой, — повелительным голосом произнес он. Маску любезности, в которой он предстал перед гостями, словно сдуло с его лица, обнажив его омерзительную сущность. — Я не представлю тебя Его Высокопреосвященству в одежде, заскорузлой от крови *беспощадного волка*. Даже я не могу нюхать это зловоние.

Рун вспыхнул и, не скрывая свою злость, ответил:

— Бернард видел меня и в более худшем виде.

Амбросе мог выдержать бешенство Руна не более секунды. Его рука опала, он отпрянул назад, его сердце во всю силу заколотилось от страха. Рун почувствовал себя капельку виноватым — но всего лишь капельку. Он знал, что за фрукт этот Амбросе. Им двигали низменные человеческие желания, обусловленные его чином, которым он очень гордился, а также его должностью помощника кардинала Бернарда. Но Рун очень хорошо знал цену лояльности этого человека. Амбросе оберегал положение Бернарда среди церковных иерархов, как преданный сторожевой пес, — и в собственной отвратительной манере верно служил карди-

налу, неусыпно следя за тем, чтобы никто не посмел оскорбить или пренебрежительно отнестись к начальству.

Но у Руна не было времени для подобных любезностей. Пройдя мимо Амбросе, он взбежал по лестнице, оставив падре далеко позади, и самостоятельно прошел по темным переходам, пока не оказался перед дверью из красного дерева, ведущей в кабинет Бернарда.

— Рун? — окликнул его изнутри кардинал, раскатисто, с латинским акцентом произнося звук «р»; в голосе, которым он произнес это имя, слышалась мягкость и теплота дружбы, проверенной веками. — Входи же, сын мой.

Рун вошел в комнату, освещенную одной белой свечой, горящей в изящном золотом канделябре. Даже в этом слабом свете он увидел усыпанный драгоценностями шар возле массивного письменного стола, старинное деревянное распятие, висящее на стене, и ряды томов в кожаных переплетах, закрывающие одну из стен. Корца вдохнул знакомый воздух, пропитанный запахами пергамента, кожи и пчелиного воска. За прошедший век в этой комнате ничего не изменилось.

Бернард поднялся ему навстречу. На нем было полное облачение кардинала, сшитое из малиновой ткани, поблескивающей при свете свечи. Он тепло приветствовал Руна, заключив его в объятия и ничуть не смущаясь мерзким запахом крови *беспощадного волка*, которой была залита его одежда. Бернарду — а он и сам был сангвинистом — довелось в прошлом участвовать во множестве сражений, и его совершенно не смущали такие, вполне естественные, последствия жестокой борьбы.

Подведя его к столу, кардинал пододвинул стул поближе.

— Садись, Рун.

Покорно сев, Корца постарался устроиться на стуле поудобнее, впервые почувствовав боль от недавно полученных ран.

Бернард, вернувшись в свое кресло, поставил на стол золотую чашу, наполненную освященным вином, и подвинул ее к Руну.

— Ты немало настрадался за эти последние часы. Пей, а потом мы поговорим.

Рун взял чашу за ножку, вдохнул аромат вина: резкий с легким запахом дуба. У него было сильное желание выпить его, но он колебался. Ему не хотелось ощущать боль, причиняемую епитимией, опасаясь, что она будет отвлекать его от разговора. Но в то же время его тревожили и напоминали о себе раны — а ведь и они тоже могут отвлечь его.

Решившись, Рун взял чашу и осушил ее, затем наклонил голову, так чтобы Бернард не видел выражения его лица, и стал ждать. Посетит ли его сегодня ночью снова видение Элисабеты, чтобы напомнить ему о его грехе? Хотя зачем это — ведь он совершил и более тяжкий грех, который будет тяготеть над ним вечно...

Рун, стоя на коленях на холодной сырой земле, молился возле надгробия своей младшей сестры. Безлунная ночь окутала его темнотой, еще более черной, чем надетое на нем семинарское одеяние. Даже звезды прятались за облаками, застилающими небеса.

Будет ли когда-нибудь снова сиять в его сердце свет радости?

Он всматривался в даты, выбитые на надгробном камне.

Меньше чем через месяц после родов смерть забрала ее и малютку-сына. Без крещения и отпущения грехов ребенок не мог быть погребен вместе с матерью. Она упокоилась здесь, на освященной земле, а ее дитя не могло лежать рядом с ней.

Рун навестит его маленькую безымянную могилу позднее.

Каждую ночь после похорон сестры он потихоньку, дождавшись, пока все заснут, уходил из монастыря, чтобы

1527 — 1554

молиться за нее, за ее сына и за успокоение печали в своем сердце.

Он услышал мягкие шаги за своей спиной.

Оставаясь коленопреклоненным, он обернулся.

К нему приближалась какая-то окутанная тенью фигура. В темноте Рун не мог различить черты лица приближающегося человека — но незнакомец не был священником.

— Благочестивый, — прошептал он, в его незнакомом голосе чувствовался иностранный акцент.

Сердце Руна забилось чаще, пальцы потянулись к нагрудному кресту, но он усилием воли заставил себя не расцеплять пальцы и держать руки по-прежнему сжатыми вместе.

Да и была ли у него причина опасаться этого незнакомца, в поведении которого не было ничего угрожающего?

Рун, склонив голову в поклоне, уважительно приветствовал этого человека:

— Вы поздно пришли на кладбище, друг мой.

— Я пришел затем, чтобы выразить свое уважение усопшим, — ответил он и обвел рукой с длинными белыми пальцами расположенные вокруг могилы. — Так же как и вы.

Леденящий ветер подул над погостом, уставленным каменными крестами и высеченными из камня ангелами, взметая последние осенние листья и принося с собой запах смерти и разложения.

— Тогда я оставлю вас с миром, — сказал Рун, поворачиваясь спиной к могиле, в которой его сестра нашла свой последний приют.

Неожиданно для него незнакомец вдруг опустился на колени рядом с ним. На нем были щегольские бриджи и кожаная куртка с поясом. Дорогие, начищенные до блеска черные туфли были в грязи. Несмотря на хриплый голос и акцент, его изящная и дорогая одежда свидетельствовали о его благородном происхождении.

Чувствуя нарастающее раздражение, Рун повернулся к нему; ему сразу бросилось в глаза то, что у незнакомца длинные черные волосы и белесые брови. Его припухшие

губы искривились в улыбке, хотя Рун, как ни старался, не мог понять, что его рассмешило.

Ну всё... уже и так поздно.

Рун, намереваясь подняться с колен, подобрал полы своей грубой измятой сутаны. Но подняться ему не удалось — незнакомец, заломив ему руку за спину, уложил спиной на влажную землю, словно собираясь заняться с ним любовью. Рун открыл было рот, намереваясь закричать, но этот человек накрыл своей холодной ладонью его рот и часть лица. Рун пытался сбросить его с себя, но его противник, захватив одной рукой оба его запястья, держал их без всяких усилий, словно это были ручонки младенца.

Рун продолжал сопротивляться, но этот мужчина, крепко держа, пригибал его к земле. Прижимаясь своей колючей щекой, он повернул голову Руна так, чтобы обеспечить доступ к его шее.

Неожиданно Рун все понял, его сердце лихорадочно забилось. Он уже слышал рассказы о таких монстрах, но никогда не верил им.

До этой минуты.

Острые клыки впились ему в горло, забирая его чистоту и непорочность, оставляя только боль. Он закричал, но ни одного звука не раздалось из его горла. Боль медленно превращалась во что-то другое, во что-то мрачное: блаженство охватило его...

Кровь Руна, пульсируя, вытекала из него, сразу же попадая в голодный рот незнакомца, холодные губы которого от притока его крови становились теплее.

Корца не прекращал борьбу, но сейчас уже с меньшими силами — потому что, если говорить правду, он и не хотел, чтобы этот человек прекращал свое дело. Его рука поднялась и помимо его воли прижала его лицо к своему горлу. Он понимал, что грешно предаваться подобному блаженству, но сейчас его это не заботило. Грех перестал что-либо значить для него: только бы чужой язык подольше оставался в ране на его горле, а острые зубы вгрызались бы в его мягкую нежную плоть — вот чего он желал сейчас.

В его сознании уже не осталось места для святости, только исступленный восторг, который сулил освобождение.

Наконец этот человек отпрянул от него.

Рун продолжал лежать, опустошенный, умирающий.

Сильные пальцы взъерошили его волосы.

— Время спать еще не пришло, благочестивый.

Разрезанное запястье прижималось к раскрытым губам Руна. Горячая нежная кровь хлынула ему на язык, заполнила рот. Он проглотил ее, рот его наполнился снова. Глубокий стон, донесшийся из глубины горла, захлебнулся в его крови.

Вскоре в его сознании горело одно лишь слово, одно желание.

Еще...

Затем этот бесценный источник был от него оторван, а в его сознании остался лишь непостижимый кладезь неудержимого желания наполнить себя кровью — любой кровью.

А над ним, лежащим на земле, незнакомец дрался с четырьмя священниками.

Лезвие серебряным блеском сверкнуло в лунном свете.

— Нет! — закричал Рун.

Грубые руки ухватили его за ноги и потащили обратно в спящий монастырь, где дар бессмертия скоро стал для него проклятием.

Рун воспринимал свою епитимию с содроганием. Даже сейчас он все еще искал того человека, который тогда убил его, который поломал его прошлую жизнь. В моменты покоя он все еще с удовольствием вспоминал о той своей первой пробе крови, о ее вкусе. Это был грех, в котором он многократно каялся, но расстаться с ним так и не смог.

Бернард наблюдал за ним, сидя за другим концом стола, его лицо было преисполнено такой же печалью, как и тогда — в ту ночь, когда Руна привели к нему, залитого кровью, рыдающего, пытающегося вырваться из рук монахов

и скрыться в ночи. Бернард тогда спас его, показав ему, как он может служить Господу в своей новой сущности, удержал его от того, чтобы хоть раз вкусить кровь чистого и непорочного человека.

Рун тряхнул головой, стараясь очистить свою память от прошлого.

Он смотрел на Бернарда и как на друга, и как на наставника, припоминая все, что случилось в Масаде и в пустыне. Кардинал был тем человеком, кто сам явился инициатором многого, человеком, который хранил множество тайн.

— Ты зашел слишком далеко, — хрипло произнес Рун, все еще чувствуя свое разорванное горло и струю горячей крови из запястья незнакомца.

— Неужели? — кардинал пригладил сильной рукой свои седые волосы. — И в чем же?

Рун понимал, что Бернард испытывает его. Он сжал в ладони свой нагрудный крест, для того чтобы боль помогла ему сдерживать злость.

— Ты послал эту женщину-археолога в самое пекло. Ты послал меня одного навстречу врагам — стригоям из Велиальской секты.

Его друг откинулся на спинку кресла и сцепил пальцы рук. Его брови сосредоточенно сдвинулись.

— Ты веришь, что те, кто на тебя напал, были из Велиальской секты? Почему ты так думаешь?

Рун сначала рассказал о том, что происходило наверху и под горой, а потом пояснил сказанное.

— Те стригои, что были там, не имели ничего общего с животными, втянутыми в эту трагедию. Они пришли, уже имея конкретные, ясные цели. И использовали смертоносные заряды.

— Использовали оружие людей. — Бернард опустил руки и выпрямился. В его теплых карих глазах появилось выражение боли. — Я не знаю, зачем они пришли.

Велиальская секта была одной из организаций стригоев, которые объединялись с людьми, сочетая в себе худшее из обоих миров — людскую хитрость с дикой жестокостью, современные средства вооружения с пороками античных

времен. Они были истинным бедствием, к тому же их численность страшно возросла за последнее столетие, создавая тем самым угрозу не только их собственному порядку, но вдобавок еще и церкви. Даже по прошествии десятилетий борьбы с ними, преследования и истребления их многое о жизни Велиальской секты все еще оставалось закрытым. Не было известно, кто руководит ими и кто он — *человек или стригой.*

Гнев Руна утих.

— Велиалы, возможно, почуяли странный запах смерти с места землетрясения и предположили то же самое, что и мы, относительно того, что там произошло.

Кардинал оставался недвижим, как изваяние.

— Значит, они ищут Евангелие — так же как и мы, — и дело их настолько безнадежно, что они уже не скрывают этого.

— Но Книга-то пропала, усыпальница пуста, — сказал Рун. — Они тоже ничего не нашли.

— Неважно. — Рун снова увидел освещенное свечой знакомое, ставшее более мягким, прежнее лицо, выражающее спокойствие и уверенность. — Если пророчества верны, они не смогут открыть ее. Только *трое* могут вернуть ее в этот мир.

Стул, на котором сидел Рун, затрещал, когда он подался вперед, прежняя злость снова обуяла его. Он очень хорошо знал, что имеет в виду Бернард, вспоминая о *трех*, о которых упоминалось в проповедях, связанных с Евангелием, — о трех личностях, которым судьбой предначертано найти и открыть эту книгу.

Женщина, умудренная Знанием.

Мужчина-Воитель.

Рыцарь Христа.

Даже сейчас, видя тусклое мерцание надежды в глазах Бернарда, Рун знал, о чем думает кардинал.

Он представил себе лицо Эрин, горящее от любопытства, — *Женщина, умудренная Знанием.*

И героическое нападение Джордана на *беспощадного волка — Мужчина-солдат.*

Корца сжал в пальцах свой крест, *делавший его рыцарем Христа.*

Он с трудом оторвал пальцы от серебра в надежде на то, что и его друг сможет так же расстаться со своей глупой надеждой.

— Бернард, ты слишком доверяешь этим древним пророчествам. За такую уверенность в прошлом приходилось платить большими бедами и кровопролитием.

Кардинал вздохнул.

— Не надо напоминать мне о моих прошлых ошибках. Я также изнемогаю под этим бременем, как и ты, сын мой. Я пытался действовать именем Бога в Венгрии в те, давно минувшие столетия. Это выглядело надменным толкованием высочайшего повеления. Я думал, что знамения указывали на Элисабету, думал, что ей было предназначено соединиться с тобой. Но я ошибался. Я еще тогда это понял и не отрекаюсь сейчас от того, что это была глупость. — Привстав с кресла, он протянул руку вперед и положил холодную ладонь на руку Руна. — Но разве ты *не видел* того, что произошло сегодня? Ты столкнулся среди этих каменных обломков с Женщиной, умудренной Знанием, которая оказалась у тебя слева, и Мужчиной-Воителем, оказавшимся у тебя справа. Это же должно что-то *значить.*

Глаза кардинала, полуприкрытые, но не безразличные, вдруг засветились ярче.

Рун отдернул свою руку.

— Но это же *ты* втянул в дело эту женщину.

Осознание этого внезапно зародило в душе Руна дурные предчувствия. Неужели его друг *все еще* пребывает под влиянием того пророчества? Даже после трагических последствий последней предпринятой ими попытки? Когда вследствие их *ошибки* пострадала другая женщина?

Бернард чуть махнул рукой, словно отмахиваясь от всех упреков.

— Да, я использовал свое влияние для того, чтобы послать какую-либо ученую женщину в Масаду. Но, Рун, ведь это *не я* обрушил гору, на которой стояла крепость. Ведь это *не я* спас женщину и воина и вывел их из усыпальницы —

последнего места, где хранилась Книга. Это *ты* спас их обоих, вопреки всем предписаниям.

— Я же не мог оставить их умирать там.

Рун, опустив глаза, посмотрел на свою изодранную одежду, снова почувствовал исходивший от нее запах крови.

— Разве ты не видишь? Сейчас пророчество — это ожившая сила. — Бернард поднял и поцеловал серебряный крест, висящий у него на шее, его губы покраснели от тепла, выделяемого этой священной вещью. — Каждому из нас предназначена его роль. Каждый наш смиренный поклон должен влиять на наши судьбы. И дело не в том, прав я или не прав, а в том, что мы должны любой ценой сделать так, чтобы Евангелие не попало в руки велиалов.

— Но почему? — Последующие слова Руна были преисполнены горечи: — Только что ты был уверен, что велиалы не смогут открыть ее. А теперь ты, кажется, вдруг перестал верить в эту часть пророчества...

— А я и не утверждаю того, что мне понятна воля Господня, я лишь при помощи всех своих сил осмысливаю то, что вижу.

Рун подумал о серебристо-серых глазах Элисабеты и янтарных глазах Эрин.

Я никогда впредь не паду так низко.

— А если я откажусь от такой судьбы? — спросил Рун.

— А разве кто-нибудь лучше Господа знает, что в сердце Его?

Эти слова обидели Корцу, но именно для этого их и произнес Бернард.

Рун, склонив голову, стал молиться о том, чтобы избрать верный путь. Была ли и вправду эта цель поставлена перед ним Богом? Может, это шанс для освобождения от душевных мук? Какую еще более грандиозную задачу, чем защита последнего Евангелия сына Своего, может поставить перед ним Бог? Рун все еще не верил в более глубокую мотивацию Бернарда, но кардинал, по всей вероятности, был прав, видя в сегодняшних событиях руку Господа. Он посчитал, что все произошедшее уже в прошлом.

Последнее местонахождение Книги было частично известно и связано с землетрясением, кровопролитием, вы-

живанием единственного мальчика — невинного создания, которое пощадила судьба. Но, вспомнив запах лаванды, исходивший от волос Эрин, Рун воспротивился следовать по этому пути. Он наверняка погубит ее — так же как в давние времена погубил другую женщину.

— Даже будь я согласен помочь тебе в поисках Евангелия... — Рун замолчал, увидев улыбку на лице Бернарда. — Даже и при этом мы не сможем заставить эту пару, находящуюся здесь, последовать с нами. Даже если велиалы не будут в этом участвовать.

— Верно. Мы никого не можем принудить. Эти двое должны присоединиться к поискам по своей воле. И поступив так, они должны отрешиться от всех мирских привязанностей. Ты думаешь, они готовы на такую жертву?

Рун мысленно представил себе пару, которую Бернард считал Женщиной и Воителем. Когда он впервые встретился с ними, он воспринял их такими, какими воспринимал их кардинал, то есть несколько более значительными по сравнению с их жизненными ролями: археолога и солдата.

Но сейчас Рун понимал, что это перестало быть правдой. Такие этикетки были бледными отражениями этих двух людей, которые проливали кровь, сражаясь на его стороне.

Для того чтобы описать их, были более верные способы, и один из них — это данные им имена.

Эрин и Джордан.

Его беспокоил последний вопрос кардинала. *Ты думаешь, они готовы?..*

Рун надеялся, что, ради них самих, ответ будет «нет».

Глава 21

26 октября, 21 час 33 минуты
по местному времени
Иерусалим, Израиль

Аллилуйя малым чудесам.

Джордан обнаружил несколько подарков, дожидавшихся его на кровати в отведенной ему маленькой монашеской келье. Аккуратно сложенный комплект чистой одежды

лежал на подушке, а на одеяле лежало возвращенное ему оружие.

Подлетев к кровати, он осмотрел свой автомат и пистолет. Они были заряжены — это доставило ему облегчение и одновременно встревожило его. Или его хозяева доверяют ему, или их совершенно не волнуют какие-либо угрозы с его стороны.

Но доверие — это улица с односторонним движением.

Стоя возле кровати, Стоун бегло осмотрел свою келью. Она была вырублена в скале. В келье помещалась односпальная кровать, приставленная вплотную к одной из стен; кроме нее в келье стоял широкий стол для умывальных принадлежностей, на котором возвышался медный таз, наполненный водой, над поверхностью которой клубился пар.

Джордан быстро осмотрел келью, на этот раз ища подслушивающие устройства. Обстановка комнаты была более чем спартанской, поэтому в ней было совсем немного мест для их установки. Он заглянул под матрас, провел рукой по тыльным сторонам рамы кровати, сколоченной из грубо обработанных досок, осмотрел стол для умывальных принадлежностей.

Ничего.

Он даже подошел к висящему на стене распятию и, сняв его, осмотрел оборотную сторону, чувствуя при этом некоторые уколы совести за этот акт богохульства.

И снова ничего.

Вероятно, они не собирались его подслушивать — по крайней мере, с использованием современных технических средств. Стоун пристально посмотрел на дверь. Насколько острым слухом обладают сангвинисты?

Учитывая уровень своей параноидальности, он подивился тому, как мудро было с его стороны приехать сюда. Разве лучше было бы, если они вместе с Эрин остались в пустыне и поимели бы шанс пообщаться с шакалами? Или с другим *беспощадным волком*?

Что было бы ничуть не лучше.

Прибыв сюда, они, по крайней мере, все еще живы. Другим повезло значительно меньше. Джордан представил

себе растерзанные тела своих сослуживцев, погребенные под тоннами камней. Он думал о телефонных звонках и визитах, которые ему предстоят, после того как это суровое испытание закончится: разговоры и встречи с родителями, вдовами, детьми...

Погруженный в тоску и печаль, он нырнул в кровать.

Ну что, черт возьми, он им скажет?

21 час 52 минуты

Теснота — одним этим словом можно было описать состояние комнаты Эрин.

Она постоянно ударялась локтем о стену, пытаясь отмыть себя дочиста в тазу. Сняла с себя бюстгальтер и трусики и, завершив омовение, принялась рассматривать оставленную для нее одежду.

С тем, чтобы надеть на себя белую хлопковую рубашку, которую она нашла на кровати, никаких проблем у нее не возникло — но как быть с длинной черной юбкой? Такую юбку Эрин носила в детстве, и она постоянно создавала ей проблемы: девочка не могла лазать в ней по деревьями и ездить верхом на лошади. В ее прежнем мире женщины ходили в юбках, в то время как мужчины, наслаждаясь при этом свободой, ходили в брюках.

В течение всех своих детских лет Эрин носила платья и юбки и сейчас не хотела возвращаться к старому. Но ее джинсы были распороты по шву, пропитаны кровью и потом, вываляны в песке, поэтому она должна была надеть юбку — а иначе ей ничего не останется, как предстать перед Джорданом и священниками в исподнем.

Вот так-то.

Эрин переложила содержимое карманов джинсов в карман юбки: нацистскую медаль из усыпальницы, бумажник, мятые, не больше игральной карты, вырезки из разных изданий, собранные за многие годы.

Кончики ее пальцев наткнулись на последний предмет, который вызвал у нее одновременно и прилив сил, и озлобление. Она всегда таскала с собой подобные вырезки, чте-

ние которых вызвало чувство вины и чувство злобы. Эрин представила себе детское лоскутное одеяло, из которого был вырезан этот кусочек; представила себе, как она стащила его до того, как была похоронена ее малютка-сестра, завернутая в это одеяло. Она хранила в себе память об этом, но сейчас, опасаясь, что воспоминания, переполнив ее, выплеснутся наружу, быстрым движением спрятала этот кусочек ткани глубоко в карман новой юбки.

Покончив с этим, Эрин надела на себя юбку, чувствуя сильное раздражение от того, как ткань трется о ноги. Сандалии она оставила возле кровати. Ноги обула в кеды.

Покончив с одеванием, она подошла к двери, которая оказалась открытой, и выглянула в коридор. В коридоре было пусто, и она вышла из комнаты. Повернувшись, чтобы закрыть свою дверь, услышала, как что-то царапает по камню — звук был такой, будто кто-то пытается с помощью ногтей выбраться из могилы. Испугавшись, но будучи при этом одержимой любопытством, Эрин стремительно побежала по залу. Она не хотела быть пойманной за пределами своей комнаты, особенно сейчас, услышав этот скребущийся звук. В ее воображении возникла пасть сидящего на цепи *беспощадного волка*.

Не постучавшись, она влетела в комнату Джордана.

Кроме полотенца и удивленного выражения на лице, она не увидела на нем ничего. Он схватил пистолет в правую руку, но сразу опустил его.

— О господи, простите. — Эрин залилась краской. — Я не должна была... Я не хотела...

— Все нормально, — ответил он, улыбаясь ее волнению, от которого ее щеки заполыхали еще жарче. — Я рад, что вы заглянули ко мне. Я ведь собирался поговорить с вами. Наедине.

Она согласно кивнула. Она и сама шла сюда именно за этим, но рассчитывала, что во время их беседы они оба будут *в одежде*.

Эрин топталась возле двери, стараясь не смотреть на мускулистую грудь Джордана, на тонкие линии мягких волос,

растущих ниже брюшного пресса и спускающихся ниже, на его длинные загорелые ноги.

Она хотела отвернуться, но ее взгляд задержался на необычной татуировке, выколотой на его левом плече, спускающейся частично по руке, идущей по груди, делающей на ней поворот и возвращающейся на то же плечо. Она выглядела как разветвленные корни дерева, исходящие из одной темной точки в верхней части его грудной клетки. В этой татуировке была какая-то флористическая красота, в особенности в сочетании с таким мускулистым телом.

Стоун, должно быть, заметил предмет ее пристального внимания. Ткнув пальцем в одну из ветвей, он сказал:

— Я сделал это, когда мне было восемнадцать.

— А что это?

— Это называется фигура Лихтенберга. То есть фрактальный узор, который формируется на поверхности какого-то предмета после удара молнии. А в данном случае этим «каким-то предметом» был *я*.

— Что? — Она подошла к нему, заинтригованная и обрадованная неожиданной возможностью справиться со смущением.

— Я играл в футбол во время дождя. Молния ударила в меня, когда я стоял в зачетной зоне после того, как сделал тачдаун.

Эрин пристально и с полуулыбкой смотрела в его голубые глаза, пытаясь понять, не разыгрывает ли он ее.

Он поднял вверх три пальца.

— Слово скаута[1].

Ну, он-то, конечно, был бойскаутом.

— Меня целых три минуты считали мертвым.

— Что вы говорите?

— Ага, — подтвердил он и кивнул.

— Ну и каково это, быть мертвым?

— Я не был в том самом темном туннеле, не видел яркого света впереди, но я вернулся назад совсем другим.

---

[1] «Слово скаута» — клятва, которую дают в шутку люди, отнюдь не состоящие в скаутских организациях.

— В каком смысле другим?

Джордан, задумавшись над этим вопросом, стал, как ей показалось, несколько приземленным. Интересно, думала она, скажет он ей, что видел Бога или что его коснулся ангел?

— Все было так, будто настал мой час. — Он положил руку на сердце. — И все, что произошло после этого момента, я воспринимал как вознаграждение или приз.

Эрин не могла оторвать взгляда от его грудной клетки. Как близко подошла к нему смерть... Он прошел через нее и вышел с другой стороны, как сангвинисты.

Улыбнувшись, Джордан повел пальцем по одной линии.

— Эти конфигурации иногда называют цветками молний. Они появляются в результате разрывов мелких капилляров под кожей в результате прохождения электрического тока, следующего за ударом молнии. Вот от этого я и пострадал. — Он дотронулся до середины ветвления на грудной клетке. — Эта конфигурация расползлась. Некоторое время она была ярко-красной, но затем поблекла, и от нее остался лишь маленький шрам.

— А потом?

— Я сделал себе эту оригинальную татуировку, чтобы не забывать о том, что эта жизнь дана мне в подарок. — Джордан рассмеялся. — А заодно и довел родителей почти до сумасшествия.

Эрин хотелось потрогать татуировку, ощупать ее — так она с первоначальным чувством недоверия обследовала все предметы, казавшиеся необычными. Женщина уже протянула палец к его груди, но внезапно остановилась, а палец застыл в воздухе близ черной отметины на его грудной клетке.

Стоун протянул руку, взял ее пальцы в свои и притянул их ближе.

— Там, где поначалу был шрам, вы нащупаете небольшой бугорок.

Эрин собралась было воспротивиться, но не смогла. Как только кончики ее пальцев коснулись его кожи, ее словно встряхнуло, словно шрам все еще хранил какую-то часть

электричества от той самой молнии, но она понимала, что это нечто большее, чем остаточный электрический заряд.

Джордан, должно быть, почувствовал то же самое. Его кожа натянулась в тех местах, к которым она прикасалась, упругие мышцы окаменели под ее пальцами. Его дыхание стало более глубоким.

Он все еще держал ее руку, а она, подняв голову, смотрела в его голубые глаза, на его губы — верхняя губа, уже чуть заросшая щетиной, напоминала очертаниями лук.

Глаза его потемнели, он склонился к ней, словно желая доказать, что остался живым после того злополучного удара молнии.

Эрин задержала дыхание и стала послушной его рукам — сейчас, после долгого дня ужасов, у них было одно общее желание.

Его поцелуй поначалу был нежным, легким как пушинка, его губы едва касались ее губ.

Она почувствовала жар во всем теле, словно электричество, исходившее от него, разогревало ее.

Поднявшись на цыпочки, Эрин плотнее прижалась к его губам, желая полнее ощутить его сладость, более глубоко прочувствовать его *самого*. Она обвила руками его голые плечи, прижала его ближе к себе, желая сделать его еще ближе, привязать к себе, еще сильнее согреться теплом его тела. Она растворилась в этом поцелуе, дала ему заполнить всю себя и вытеснить из памяти все ужасные события, случившиеся в усыпальнице.

Внезапно ее взгляд остановился на бледной круговой полоске кожи на безымянном пальце Джордана.

Это тоже была своего рода татуировка, служившая таким же ярким индикатором события, как и шрам, появившийся в результате удара молнии.

Он был женатым человеком.

Эрин отпрянула назад, налетев на умывальный стол.

— Ой, сожалею, — сказала она, придерживая стол и все стоявшее на нем.

— А я — нет, — хрипло произнес он, имея в виду совсем другое.

Она отвернулась, злясь на себя и, разумеется, на него тоже. Ей необходимо было успокоить дыхание и привести в порядок мысли.

— Я думаю, мы слишком спешим с этим.

Джордан посмотрел на часы.

— Так, может, перевести время?

Эрин не имела в виду время как таковое, но продолжать дальнейший разговор на эту тему не имело смысла.

— Мы ведь еще не расстаемся.

Джордан ответил ей понимающей, слегка смущенной улыбкой, а затем, отступив к кровати, присел на нее. Эрин, сев на другой конец кровати, скрестила руки на груди — ей необходимо было поменять объект объятий.

— Как ваше второе плечо? — спросила она неестественно высоким голосом.

Стоун повредил плечо, когда, протискиваясь через узкий проход, спасался из обрушающейся усыпальницы.

Джордан, дотронувшись второй рукой до больного плеча, вздрогнул и поморщился.

— Болит, но, я думаю, ничего серьезного. Во всяком случае, пусть лучше болит у живого, чем не болит у мертвого, лежащего под грудой камней внутри горы.

— А ведь еще немного, и мы могли бы остаться там...

— Кто говорит, что легкий путь является правильным?

Эрин вспыхнула, все еще чувствуя жар, его объятия, его поцелуй. Опустив голову, она стала смотреть на свои руки. Когда ей показалось, что молчание слишком затянулось, она, посмотрев на дверь, спросила:

— Как вы думаете, что им от нас надо?

Джордан посмотрел туда, куда был направлен ее взгляд.

— Не знаю. Может быть, они хотят расспросить нас о том, что там происходило. Взять с нас клятвы хранить все произошедшее в секрете. А может быть, хотят дать нам миллион долларов.

— Почему именно миллион долларов?

Стоун пожал плечами.

— А почему бы и нет? Я просто предположил... давайте будем оптимистами.

Она посмотрела на грязные носки своих кедов. Легко сказать, будем оптимистами... а как это сделать, особенно если рядом с ней сидит полуобнаженный Джордан? Жар его обнаженной кожи легко преодолевал расстояние между ними. Сколько времени прошло с того времени, когда она находилась в одной комнате с обнаженным мужчиной? Не говоря уже о том, что ни один из них не был хотя бы наполовину таким, как Джордан, или их поцелуи хотя бы наполовину были такими сладкими, как поцелуй Джордана.

Снова воцарилось молчание. Взгляд Джордана был направлен в сторону; наверное, он думал о своей жене, о своей мимолетной измене ей.

Эрин напряженно соображала, о чем бы еще спросить его.

— У вас сохранился ваш санпакет? — громко выпалила она, и Стоун, вздрогнув, вышел из состояния задумчивости.

— Простите, — пробормотал он. — Наверное, я все еще нервничаю.

— Я ведь не кусаюсь.

— А все остальные, кто находится здесь? — спросил Стоун с улыбкой.

Эрин, улыбнувшись в ответ, почувствовала, что напряженность, возникшая было между ними, прошла.

Джордан извлек санпакет из кармана своих приготовленных на выброс джинсов, все еще лежавших на кровати.

— Давайте займемся вашей ногой.

— Я, пожалуй, справлюсь сама.

В этот момент Эрин предпочла бы лучше умереть от потери крови, чем позволить ему заниматься ее бедром. Начни он заниматься этим сейчас, кто знает, к чему это приведет.

— Может, вам лучше одеться, пока я буду обрабатывать свою рану? — предложила она.

Джордан покорно улыбнулся и подал ей санпакет. Эрин повернулась к нему спиной, а он принялся натягивать чистые черные брюки. Она пристально осмотрела ногу. Цара-

пина, оставленная волком, уже не казалась такой опасной, как в пустыне. Эрин тщательно промыла рану, затем намазала ее антибактериальной мазью и забинтовала марлевым бинтом.

Джордан стоял к ней слишком близко, что смущало ее, но сейчас на нем хотя бы были брюки.

— Наряд вполне подходящий. А кстати, вы имеете какие-либо навыки по оказанию первой медицинской помощи?

— Должна вам сказать, я выросла в такой среде, где посторонним людям вообще было запрещено дотрагиваться до нас — не говоря уже о том, чтобы заботиться о нас во время болезни или недомогания.

Эрин избегала рассказывать кому-либо об этом периоде своей жизни. Она и сама не могла вспоминать о своем прошлом без стыда за то, что была настолько легковерной, за то, что тогда не противилась этому. Один из терапевтов как-то сказал ей, что подобная эмоциональная реакция является типичной для переживших длительный период дурного обращения и что Эрин, по всей вероятности, никогда не избавится от этого. Пока что все было именно так, как говорил этот терапевт. Но все-таки какие-то песчинки ее прошлого просыпались перед Джорданом.

— Ну и ну, — только и мог сказать он.

Она едва могла скрыть улыбку.

— Это одно из самых обобщенных представлений, характеризующих мою прошлую жизнь. Но только впоследствии понимаешь, что означала изоляция, в которой мы жили.

— А я рос в Айове, среди кукурузных полей. Вместе с целой кучей братьев и сестер; мы постоянно были в ссадинах, с ободранными коленками, а подчас и со сломанными костями.

Болезненное ощущение в левой руке напомнило Эрин о том, как оно появилось. Однако она сомневалась, что переломы костей у братьев и сестер Джордана возникали преднамеренно, являясь уроками. Она молчала, поскольку знала Джордана еще не настолько хорошо, чтобы пускаться в дальнейшие рассказы о себе.

Сам Джордан тем временем насухо вытирал грудь. Эрин сосредоточенно смотрела на деревянную дверь, на каменный пол — на все, что было в комнате, кроме Стоуна.

Наконец он взял с кровати чистую рубашку и натянул ее на себя.

— А как вам удалось оттуда выбраться?

Эрин все еще возилась с санпакетом.

— После того как меня, семнадцатилетнюю, насильно попытались вытолкать замуж, я самовольно взяла лошадь и ускакала в город. Домой я уже не вернулась.

— Так, значит, контакты с семьей вы утратили? — Джордан сочувственно опустил брови — так, как мог сделать только тот, у кого сохранились нормальные теплые отношения с семьей.

— Да. Мама уже умерла. Отец тоже. Ни сестер, ни братьев нет. Так что я одна-одинешенька.

Эрин не знала, как закончить это разговор, и опасалась, что вдруг примется сбивчиво рассказывать о своем отце, о сестренке, которая прожила на свете всего два дня... Да и кто знает, что еще она обрушит на Джордана?

Встав с кровати, она подошла к двери. Может быть, лучше подождать в своей комнате?

Джордан, последовав за ней, коснулся ее плеча.

— Простите. Я не собирался расспрашивать вас.

И вдруг голос — встревоженный и обеспокоенный голос Руна — донесся из-за дверей:

— Сержант, Эрин нет в...

Дверь распахнулась, Рун чуть не влетел в нее, но, остановившись на пороге, стал напряженно всматриваться внутрь, при этом лицо его становилось все более удивленным.

Джордан, стоявший позади Эрин, спросил его:

— Стучаться здесь не принято?

Рун, оставаясь за дверью, быстро овладел собой. На нем все еще была разорванная одежда, в которой он покинул пустыню, но он почти дочиста смыл с себя кровь. Его темные глаза переходили с него на нее; спина падре была прямее, чем обычно, что казалось Эрин неестественным.

Щеки Корцы горели. Хорошо, что священник не пришел на несколько минут раньше.

Джордан застегивал пуговицы на рубашке.

— Простите, падре, но мы с Эрин решили на всякий случай держаться рядом.

— Здесь вы и так всегда рядом. Так что с этим все в порядке. — Рун повернулся на месте, показывая тем самым, что они должны следовать за ним. Спина его при этом оставалась такой же прямой. — Кардинал готов к аудиенции с вами.

22 часа 10 минут

Джордан словно чувствовал волны неодобрения, исходившие от тела падре. Справившись с пуговицами, он заправил рубашку в брюки и следом за Эрин вышел в коридор. Женщина шла, опустив голову и уставившись в пол.

Корца, храня ледяное молчание, вел их сначала по коридору, а потом наверх по винтовой лестнице, на верхней площадке которой их поджидал Амбросе. На его лице при виде их появилось недовольное выражение — возможно, оно было его неотъемлемым качеством. Джордан вспомнил часто повторяемое предостережение своей матери:

Не строй рожи, а то таким и останешься.

— Когда кардинал придаст аудиенции неформальный характер, — объявил падре Амбросе, останавливая взгляд на Джордане, — не сочтите это за приглашение начать панибратское общение с Его Высокопреосвященством.

— Понятно, — Джордан подкрепил свое слово поднятием левой руки в виде салюта.

Амбросе, сосредоточенно нахмурившись, подвел их к большой двери и толчком распахнул ее.

Джордан, следуя за Руном и заслоняя собой Эрин, перешагнул через порог, не зная, что их ожидает.

В лицо ему пахнуло свежим ветром, что привело его в немалое изумление. После целого дня, проведенного по большей части под землей, он почувствовал несказанное облегчение от того, что вышел наконец из-под земли. Сто-

ун сделал глубокий вдох, словно пловец, вынырнувший на поверхность.

Перед ним расстилался большой, расположенный на крыше сад, освещенный расставленными повсюду масляными, сделанными из глины светильниками, приглашающими глаз задержаться на них, а ноги — подойти к каждому. Джордан принял это приглашение и медленно, ведя за собой Эрин, пошел по саду.

По обеим сторонам тропинок стояли растущие в горшках оливковые деревья, их листья шелестели на ветру.

Эрин наклонялась, чтобы вдохнуть пряный аромат цветов, раскрывающихся в ночные часы. Каменные плиты пола покрывали зерна золотой пыльцы.

Джордан, сколько мог, не спускал с нее глаз, оставаясь при этом вне зоны ее внимания. Но им овладела и другая страсть. Его желудок заурчал, как только он увидел деревянный стол с едой: с хлебом, виноградом, гранатами и сыром. Он бы с превеликим удовольствием отведал гамбургер с пивом, но не откажется и от того, что было выставлено на столе.

Эрин присоединилась к нему; вид у нее был такой, какой бывает у ребенка наутро первого дня Рождества.

— Эта обстановка — и светильники, и растения, и стол — все как будто появилось здесь прямо со страниц Библии.

Кроме, разумеется, огней светофоров, светившихся вдалеке.

На дальнем конце террасы под зеленым балдахином стоял человек во всем красном; его белые волосы четко выделялись на темном ночном небе. Это, вероятно, и был кардинал Бернард.

Падре Амбросе провел их мимо накрытого стола к ожидавшему их человеку — если тот был действительно человеком. В этот момент все и вся в глазах Джордана вызывало подозрения. Помня об этом, он заглянул за растущие на краю сада оливковые деревья, стараясь сориентироваться и определить их местонахождение. Совсем рядом он увидел гигантский золотой купол, который Эрин называла Купо-

лом скалы. Она-то наверняка знает, в каком именно месте они сейчас находятся.

Голос падре Амбросе снова привлек его внимание к кардиналу:

— Позвольте мне представить вам доктора Грейнджер и сержанта Стоуна.

Кардинал протянул руку. На голове у этого человека была красная маленькая шапочка; сам он был в сутане, такой же, какая была на Руне, только красной.

Джордан не видел необходимости в том, чтобы прикладываться к руке губами, — а потому тоже протянул свою руку. Но кардинал сначала пожал руку Эрин, сжав ее пальцы между своих ладоней.

— Доктор Грейнджер. Для меня это большая честь.

— Спасибо, Ваше Высокопреосвященство.

— Лучше называйте меня кардинал Бернард, — в его глубоком голосе слышалось дружеское расположение. — Мы здесь не придерживаемся строгих формальностей.

Затем он пожал руку Джордана.

— Сержант Стоун, благодарю вас за оказанную нам услугу: вы помогли падре Корце в целости вернуться к нам.

— Я думаю, это как раз мы должны за это благодарить падре Корцу, кардинал Бернард.

Желудок Джордана снова заурчал.

Кардинал направился к столу.

— Простите мою старческую рассеянность. Вам необходимо хорошо поесть.

Он усадил их за стол. Тарелки стояли только перед Джорданом и Эрин.

— Все в порядке, падре Амбросе, можете быть свободны, — негромко произнес Бернард.

Священник, казалось, растерялся от того, что его попросту выпроваживали, но поклонился и вышел.

Джордан отнесся к его уходу безучастно. Он с удовольствием налегал на еду. Эрин тоже взяла себе изрядную порцию хлеба с сыром. Бернард и Корца не притрагивались ни к чему.

— Пока вы едите, позвольте мне рассказать вам одну историю... — Кардинал вопросительно поднял вверх свои кустистые белые брови.

— Будьте добры, — ответила Эрин.

— С того времени, как историю начали записывать, люди боятся темноты. — Оторвав от виноградной кисти ягоду, Бернард начал катать ее по столу. — Все время, какое ни назови, стригои постоянно толкутся среди нас, заполняя наши ночи ужасом и кровью.

Джордан, проглотивший кусок хлеба с сыром, внезапно почувствовал сухость в горле. Напоминание об опасностях, которые представляют эти вампиры, было совсем некстати.

Кардинал между тем продолжал:

— Отцы-основатели церкви знали об их существовании. В те дни, как, впрочем, и сейчас, это не было тайной. Церковь основала преданную своему учению секту, задачей которой было контролировать численность стригоев — не только из-за жестокости, проявляемой ими при нападениях на людей, но также еще и потому, что, когда люди совершали превращение в стригоев, они разрушали этим собственные души.

Темные глаза Корцы были непроницаемыми. Что должен представлять собой священник, у которого нет души?

— А откуда вы знаете об этом? — поинтересовалась Эрин.

Кардинал улыбнулся, и его улыбка напомнила Джордану его собственного деда.

— Существуют способы... правда, они весьма экзотические, для того чтобы рассказывать о них за столом, но обеспечиваемые ими результаты абсолютно достоверные.

— Может быть, вы все-таки расскажете о них в нескольких словах, — попросил Джордан.

Эрин, сцепив пальцы рук, присоединилась к нему:

— Я думаю, вам стоит попытаться.

— Я имел в виду не неуважение к присутствующим, просто у нас не так много времени. Я считаю более важным убедиться в том, что вы знаете, *что* наиболее значимо для

нынешней ситуации. Но я могу и потом объяснить вам, как обстоит дело с душой стригоя.

Карие глаза Эрин смотрели на кардинала со скептицизмом. Джордан был в восторге от того, как она держится с Бернардом. Ее, казалось, ничем не взять и не запугать.

— Сангвинисты — это орден священников, которые черпают свои силы из крови Христа. — Кардинал дотронулся до креста, висевшего у него на шее. — По своей природе они бессмертны, но их часто убивают в священных сражениях. Будучи убитыми таким образом, они получают назад свои души.

Джордан снова впился глазами в Корцу. Так, значит, его судьба заключалась в том, чтобы биться со злом до того, как это зло его уничтожит, сколько бы времени для этого ни потребовалось... Иными словами — вечное пребывание в наряде.

Кардинал не сводил пристального взгляда с Эрин.

— Многие из совершенных стригоями массовых убийств получили неправильное отражение в истории.

Брови археолога сошлись на переносице, затем ее глаза расширились.

— А резня, учиненная Иродом? — спросила она. — На месте моих раскопок. По-вашему, это не дело рук Ирода, желавшего ликвидировать будущего царя иудеев, так?

— Здесь больше фантазии. Ирод не убивал такого количества младенцев. Их убили стригои.

— Но они не только пили кровь этих детей. Я обнаружила на костях следы зубов, которыми они в них вгрызались. Это было дикое по своей жестокости деяние — если, конечно, оно преследовало определенную цель.

Кардинал положил свою руку в перчатке на руку Эрин.

— Как мне ни жаль, но я должен сказать, что это правда. Стригои стремились убить младенца-Христа, поскольку знали, что Он поможет уничтожить их. Так оно и случилось: поскольку чудом Его крови было то, что именно она и привела к образованию Ордена сангвинистов и начала их борьбу со стригоями.

— Выходит, что сангвинисты сами нашли себе работу, — с этими словами Джордан забросил в рот целую пригоршню виноградин.

— Вовсе нет. Дорога, которую мы выбрали, отнюдь не и легких; наше дело служить человечеству и открывать для него единственную дорогу, ведущую к спасению души. — Кардинал Бернард катал виноградину между пальцев. — В течение многих веков мы обеспечивали сбалансированную численность стригоев, но за несколько последних десятилетий стригои и некоторые люди сформировали некий союз, называемый Велиалом.

Эрин прижала руки к груди, услышав это имя.

— Велиал. Предводитель сынов Тьмы. Одна из древних легенд.

— Круто, — сказал Джордан, перестав жевать.

— Мы так никогда и не узнали, зачем они образовались. — Кардинал посмотрел поверх их голов на ночное небо. — Но, похоже, завтра мы это узнаем.

Брови Корцы сдвинулись, глаза смотрели вниз.

— Пока мы в этом не уверены. Даже сейчас. Не позволяйте любви Бернарда к драматическим эффектам влиять на вас.

— А каким образом она может влиять на нас? — спросил Джордан.

— А как образовался Велиал? — спросила Эрин, обращаясь к кардиналу.

— Насколько мне известно, Рун рассказывал вам, что в усыпальнице в Масаде хранилась Книга, самая священная из когда-либо написанных Книг. Это была собственная история Христа о том, как Он пришел к Своему обожествлению; и Книга эта написана Его собственной кровью. И называется она «Кровавое Евангелие».

— Что по-вашему значит «пришел к Своему обожествлению»? — поинтересовался Джордан, насытившись и отставляя от себя тарелку.

Кардинал, глядя на него, кивнул.

— Занимательный вопрос. Как вам известно из Библии, Христос в ранние периоды своей жизни не творил чудес.

Зато впоследствии он совершил целый ряд удивительных деяний. Его первое чудо — превращение воды в вино — было описано в Книге Иоанна.

Эрин, сев поудобней на стуле, прочла по памяти библейский пассаж:

— *Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его*[1].

Бернард утвердительно кивнул.

— А впоследствии и множество других чудес: увеличение количества рыб, исцеление больных, воскрешение мертвых...

— Но какое все это имеет отношение к Кровавому Евангелию? — спросила Эрин.

— Тайна сотворенных Христом чудес привела в замешательство многих ученых толкователей Библии, — начал объяснять кардинал. — *Чем* вызвана эта неожиданная демонстрация чудес? *Что* побудило Его божественность так неожиданно воссиять на фоне Его земной плоти? — Перед тем как ответить, Бернард обвел взглядом всех сидящих за столом. — На эти вопросы и дает ответ Евангелие от Христа.

Эрин смотрела на него отрешенным взглядом.

— Звучит, по-моему, убедительно, — высказал свое мнение Джордан. — А с чего велиане заинтересовались этим?

— Потому что эта Книга может дать *любому* возможность ощутить собственную божественность и объявить о ней во всеуслышание. Вы представляете себе, что будет, если стригои прознают про это? Это даст им возможность избавиться от их слабостей. Возможно, они смогут ходить при дневном свете, так же как и мы, и стать намного сильнее. Представьте себе, что в таком случае ожидает человечество.

— Но ведь нам доподлинно не известно *ничего* из только что сказанного, — прервал кардинала Корца. — Это не более чем домыслы Бернарда. — Его тяжелый взгляд остановился на Эрин и Джордане. — И *вы* должны это помнить.

---

[1] Ин. 2:11.

— Почему? — спросила Эрин, внимательно глядя на него и на кардинала.

Лицо кардинала стало твердокаменным и строгим. Его явно взбесило неожиданное вмешательство Корцы. Свои последующие слова он произнес так же твердо:

— Потому что в этой игре у вас есть роли — у вас обоих, — в том, что начнется после. Если вы откажетесь, мир погрузится во мрак. Как это было предсказано.

Глава 22

26 октября, 22 часа 32 минуты
по местному времени
Иерусалим, Израиль

Эрин попыталась изобразить на лице улыбку, но не смогла.

— Выходит, судьба мира зависит от нас? От Джордана? От меня?

— С чего это вы произносите мое имя с таким удивлением? — недовольно пробурчал Джордан.

Эрин пропустила мимо ушей его саркастическую реплику, к которой он и сам отнесся несерьезно. Все свои вопросы она собрала в один вопрос, выражающийся одним словом:

— Почему?

Прежде чем ответить, кардинал положил виноградину, которую катал между пальцами, на блюдо.

— Я не могу раскрыть этого вам, доктор Грейнджер, — по крайней мере сейчас, пока вы еще не сделали своего выбора. Но после этого я расскажу вам все, и вы сможете отказаться без всяких последствий для себя.

— Так, значит, это вы послали вертолет за мной в Кесарию, верно? — спросила она, припомнив и вращающиеся лопасти, и напуганного жеребца, и несчастного Хайнриха, лежащего в крови на месте раскопок.

— Да, я, — подтвердил кардинал. — Я воспользовался своими контактами с израильскими спецслужбами для

того, чтобы доставить вас в Масаду на тот случай, если Евангелие окажется там.

— А почему именно меня?

Эрин намеревалась повторять этот вопрос до тех пор, пока не услышит ответ, который ей понравится.

— Я слежу за вашей работой, доктор Грейнджер. Вы скептически относитесь к религии, но проявили себя знатоком Библии. В результате этого вы обращаете внимание на то, на что нерелигиозные исследователи могут попросту не посмотреть. Также вы задаете такие вопросы, которые просто не могут быть заданы религиозными людьми. Так вот, это редко встречаемое сочетание и делает вас человеком, которому вполне по силам вернуть обратно в мир это Евангелие. И я верю в то, что продолжение уже начатого вами дела приведет к истине.

«Либо так, — скептически подумала Эрин, — либо я попросту оказалась ближайшим к вам археологом». Был конец года, и большинство специалистов уже вернулись домой к началу осеннего семестра. Но стоит ли упоминать об этом? Она решила придержать язык.

— Ну а что вы скажете обо мне? — спросил Джордан голосом, полным сарказма. — Полагаю, мне на долю случайно выпала роль «дикой» карты[1], поскольку ничем особенным похвастаться я не могу.

Эрин, возможно, должна была оспорить это его заявление, вспомнив о его татуировке и трехминутном пребывании мертвым.

А был ли во всем этом какой-то смысл?

Кардинал посмотрел на Джордана с ободряющей улыбкой.

— Я не знаю, почему пророчество выбрало именно вас, сын мой. Но ведь именно вы трое оказались единственными, кто выбрался живым из усыпальницы.

---

[1] «Дикая» карта, джокер — универсальная карта, может быть использована в качестве любой другой необходимой, но отсутствующей карты.

— И что нам предстоит делать в дальнейшем? — спросил Джордан, ерзая на стуле.

Эрин подозревала, что для Стоуна стало привычным, когда его при исполнении порученных заданий держат в неведении. Но для нее это не подходит. Она хотела полной ясности.

— Вы оба, — продолжал кардинал, — вместе с Руном должны найти и завладеть Евангелием, после чего доставить его в Ватикан. Согласно пророчеству, Книгу можно будет открыть только в Риме. — Опершись локтями о стол, он закончил: — Именно там наши ученые и раскроют ее тайны.

— И что потом? — поинтересовалась Эрин. — Вы снова намерены ее спрятать?

Если Кровавое Евангелие действительно существовало и содержало все то, о чем говорил Бернард, то самым лучшим было бы оставить ее в руках церкви.

— Слова Господа должны быть доступными каждому.

Карие глаза старого кардинала улыбались ей.

— Уж не потому ли церковь сжигала книги во времена инквизиции? Часто вместе с теми, кто их написал?

— Церковь допустила много ошибок, — признал кардинал. — Но не в нынешнее время. Заполучив Книгу, мы наделим светом, излучаемым этим Евангелием, все человечество.

Он казался вполне искренним, но Эрин тоже понимала, что к чему.

— Я посвятила всю свою жизнь поискам истины, и меня не останавливало даже то, что результаты этих поисков оказывались в противоречии с тем, чему учит Библия.

Губы кардинала слегка скривились.

— Я бы сказал, *особенно* если результаты этих поисков оказывались в противоречии с тем, чему учит Библия.

— Возможно, и так. — Она сделала глубокий вдох. — Но можете ли вы дать обет, что допустите к этой Книге — обеспечивая ее неприкосновенность — светских исследователей? Даже если она противоречит церковным канонам?

— Клятвенно обещаю вам это, — торжественно объявил кардинал, положив руку на крест.

Его жест удивил Эрин: это кое-что значило. Она не была уверена в том, что Бернард сдержит данное ей слово, особенно если содержание книги будет прямо противоположным учению церкви, но ведь лучшего предложения ей сделано не было. А если это Евангелие действительно существует, ей очень хотелось его найти. Такая находка хотя бы самым незначительным образом позволит оправдать понесенные потери — смерть Хайнриха там, в их лагере, и всех тех, кто погиб в Масаде.

Она подтвердила свое решение согласным кивком.

— Тогда я...

— Постойте, — резко прервал ее Рун. — Прежде чем связывать себя обещанием, вы должны понять, что эти поиски могут стоить вам жизни. — Он положил руку на свой нагрудный крест. — Или чего-то еще более ценного.

Эрин вспомнила их прежние разговоры о душах стригоев или об отсутствии у них таковых. Сейчас речь шла не только об их жизнях — Руна, Джордана и ее собственной; падре имел в виду риск, связанный с их предстоящим путешествием.

Его глаза представляли собой два бездонных колодца печали, связанной с его прошлым. Страдал ли Рун по своей душе или по душе кого-то другого?

Эрин молча перебирала в уме логически обоснованные причины, по которым ей не следует соглашаться с полученным предложением, почему ей следует вернуться назад в Кесарию, встретиться с родителями Хайнриха и продолжить свои раскопки. Но для принятия решения ей требовалось нечто большее, чем логика.

— Доктор Грейнджер, — обратился к ней кардинал. — Ну, что вы решили?

Она внимательно смотрела на стол, стоящий на этом месте не меньше тысячи лет, и на Руна, само существование которого являлось живым подтверждением возможности замещения одной живой субстанции другой. Если Рун ре-

ально существует, возможно, так же реально существует и Евангелие Христа.

— Эрин? — подал голос Джордан.

Она глубоко вдохнула.

— Неужели я могу упустить такую возможность?

Склонив голову набок, Джордан посмотрел на нее.

— Вы действительно думаете, что садитесь в свои сани?

Если это были не ее сани, тогда чьи же? Перед глазами Эрин возник скелет младенца, откопанный на месте раскопок, заботливо запеленатый кем-то из родителей. Она представила себе убийцу, бросившего этого младенца в такую преждевременную для него могилу. Если есть хоть какая-то доля правды в рассказах, которые Эрин слышала сегодня ночью, она не может допустить, чтобы этой Книгой завладел Велиал, а подобные зверства стали бы повсеместными.

Она встретилась взглядом с Джорданом, в его голубых глазах застыл вопрос.

Рун сидел опустив голову и, кажется, молился про себя.

Эрин кивнула, окончательно подтвердив свое твердое решение.

— Я должна это сделать.

Взгляд Джордана еще на мгновение задержался на ней.

— Если она в деле, то и я тоже.

Кардинал склонил голову в знак благодарности. Но дело еще не было закончено.

— Есть еще одно условие.

— А разве когда-нибудь бывает иначе? — пробурчал Джордан.

— Если вы вступаете в Орден сангвинистов, вы должны знать, что вас объявят мертвыми, а для этого включат в список погибших на вершине Масады. Ваши семьи будут вас оплакивать.

— Одну минуту, — прервал его Джордан.

Эрин сразу все поняла. Семья Джордана будет тосковать по нему, будет страдать из-за принятого им решения. Он не должен участвовать в этом. Эрин испытывала к нему чувство, близкое к зависти. У нее были друзья, в том числе и близкие, были коллеги, но среди них не было никого, кто

будет искренне убиваться, узнав, что она не вернулась из Израиля. А вот семьи у нее не было.

— Другого способа нет, — кардинал развел в стороны руки, подняв кверху ладони в перчатках. — Если велиалы прознают, что вы живы и ищете Евангелие, они начнут пытаться повлиять на вас через ваши семьи... думаю, вы знаете, что это может означать для ваших семей?

Эрин согласно кивнула. Она своими глазами видела, какие зверства творили велиалы в усыпальнице в Масаде.

— Чтобы защитить себя, защитить тех, кто вас любит, мы должны обеспечить вам прикрытие, сделав вас сангвинистами. Вы должны исчезнуть из большого мира.

Джордан задумчиво потирал свой безымянный палец со следом от обручального кольца.

— Вы не должны участвовать в этом, Джордан. Вам предстоит потерять очень многое.

Кардинал заговорил по-отечески теплым голосом:

— Это ведь только ради их *безопасности*, сын мой. Как только угроза исчезнет, вы сразу сможете вернуться к своей прежней жизни, а ваши друзья и члены вашей семьи поймут, что вы пошли на этот шаг из любви к ним.

— А это под силу только *нам* и никто больше не в силах сделать это? — Глаза Джордана неотрывно смотрели на его пальцы.

— Я уверен, что только вы трое можете вместе выполнить эту задачу.

Джордан пристально посмотрел на Руна — тот отвел свои черные глаза в сторону, — затем на Эрин. В конце концов он встал и подошел к краю расположенной на крыше площадки, плечи его распрямились. Эрин знала, насколько трудно ему принять решение. Ведь он, в отличие от нее, не был осиротевшим археологом. В Айове его ждала большая семья, жена и, возможно, дети.

А у нее не было никого.

Она привыкла к одиночеству.

Так почему же она неотрывно смотрела в спину Джордана, с волнением ожидая его ответа?

Глава 23

26 октября, 22 часа 54 минуты
по местному времени
Под израильской пустыней

Батория очнулась от дремоты, не понимая, когда она, сморенная усталостью и холодом, заснула в тишине этого подземного бункера. Ей хватило и одной секунды на то, чтобы вспомнить, где она находится. Смутное ощущение потери облепило и опутало ее, словно паутина.

Затем она вспомнила все.

Время снова навалилось тяжким бременем на ее плечи, а на фоне утомления и усталости, как уколы ножа, ее беспокоила паника. Она села, опустив ноги с дивана с регулируемой спинкой. Магор, постоянный ее защитник, свернувшись, лежал рядом. Он поднял свою большую голову с горящими глазами.

Батория, махнув ему рукой, разрешила отдыхать дальше, но волк поднялся и, тяжело ступая, подошел к ней и снова опустился на пол, положив голову ей на колени. Он чувствовал ее расстройство и недомогание, так же как она чувствовала бесхитростную теплоту его привязанности и заботы.

— Со мной все будет нормально, — заверила она его.

Но он почувствовал и то, что она не сказала: почувствовал ее страх и обеспокоенность.

Почесывая у него за ушами, Батория искала слова, с помощью которых рассказать ему о своей неудаче — если вообще такие слова существовали. Потеряв большую часть стригоев своей команды, она позволила рыцарю Христа ускользнуть из расставленной для него западни. Но самым худшим было то, что она так ничего и не добилась.

Книги, разумеется, нет — но это не ее вина. Кто-то уже успел украсть ее задолго до того, как Масада превратилась в руины. У нее были даже доказательства, подтверждающие кражу: крупнозернистые нечеткие фотографии, сделанные с мобильного телефона.

Но даже для нее любые объяснения о ночных происшествиях звучали скорее как оправдание ее бессилия и неспособности.

Не в силах дольше сидеть, Батория осторожно отвела морду Магора и встала. Прошлась босыми ногами по персидскому ковру, покрывавшему когда-то пол в ее наследственном замке и согревавшему ноги тех, кого давно уже нет на свете.

Она подошла к бетонной стене, задрапированной красным китайским шелком, который как бы раздвигал границы этого бункера, служившего ей домом в пустыне, домом, закопанным на двадцать футов под землю и песок. У стены стояли искусно расставленные полки, на одной из которых лежал старинный скальпель-копье с ручкой из слоновой кости и золотая, залитая кровью чаша, внутри которой были золотые кольца, показывающие, сколько крови было выпущено.

Она подняла чашу. Сколько еще ее проклятой крови сможет Он взять в виде наказания?

Магор ткнулся носом в ее бедро, и она, поставив чашу и став на колени, уткнулась лицом в его шерсть. От него исходили запахи волка, крови и покоя. С уходом Хунора он оставался ее единственным верным спутником.

Что будет, если Он отберет у нее Магора?

От одной этой мысли у Батории задергалось лицо. Ее взгляд остановился на наиболее ценной из ее вещей — портрете мальчика, написанном кистью Рембрандта. Версия портрета Тита, висящего в одной из картинных галерей Америки. Вьющиеся белокурые волосы обрамляют ангельское личико. Серьезные серо-голубые глаза смотрят прямо на нее, красные губы вот-вот растянутся в улыбке. В американском варианте портрета одно его плечо украшает грязно-серое пятно. Искусствоведы предполагали, что это был либо ручной попугай, либо обезьянка, умершие в течение недель, которые потребовались художнику на то, чтобы закончить портрет. Чтобы не травмировать ребенка, его умерший друг был дорисован после того, как портрет был закончен. На ее варианте портрета не было ни попугая,

ни обезьянки. На нем была изображена рыже-коричневая сова, сидящая на плече мальчика и смотрящая назад.

Этот ночной хищник не выдержал взгляда ее глаз. А вот мальчик выдержал. Он был похож на ее брата Иштвана, при мысли о котором ее постоянно преследовало смутное, но колющее чувство потери чего-то очень важного.

Сперва она потеряла Иштвана.

И вот теперь Хунора.

Волк положил свою крупную тяжелую морду на ее плечо. Батория вполголоса запела ему колыбельную и задумалась над тем, что делать. Может быть, ей кинуться в пустыню, затеряться вместе с Магором? В ее тайнике достаточно денег и драгоценностей для того, чтобы безбедно прожить многие годы. Сможет ли она наконец выбраться из той серебряной клетки, в которой ее держат столько лет?

И тут чья-то тяжелая рука застучала в дверь, словно кто-то прочитал ее мысли.

Магор зарычал, шерсть гребнем поднялась на его спине.

Не дождавшись ее ответа, толстая металлическая дверь ее комнаты распахнулась настежь. Внутрь вошли черные башмаки.

Тарек остановился сразу за порогом, заслонив собой своего брата Рафика. Такое вторжение было дерзким поступком.

Став против него, Батория подняла подбородок, демонстрируя ему горло и Его знак на нем. Магор ходил взад-вперед между ней и Тареком — еще одна линия обороны.

— Как ты посмел войти сюда без моего разрешения? — спросила она.

В ответ Тарек улыбнулся, губы его поднялись и растянулись, обнажая длинные клыки.

— Да уж посмел, а все потому, что Он знает о том, как ты облажалась.

Из-за его плеча выглядывало лицо Рафика; его злобные безумные глаза, казалось, зашлись в каком-то сумасшедшем танце.

Тарек понятно разъяснил причину своего бесцеремонного вторжения. За ним явно должно последовать силовое решение. Эта явная демонстрация его намерений и сделанный

им шаг через ее порог смахивали на то, как собака оставляет свою метку на дереве.

— Я получил от Него инструкции о том, как убивать тебя, когда ты облажаешься в следующий раз.

Взглянув в веселые глаза Рафика, Батория поняла, что смерть ее не будет ни быстрой, ни безболезненной.

Усилием воли она сохранила бесстрастное выражение лица и выдержала взгляд Тарека. Эти монстры в ее дверях, наверное, были сильнее ее, но она хитрее и изворотливее. Она показала им свою уверенность, выдерживала взгляд Тарека до тех пор, пока в конце концов не выпроводила их за дверь.

Такие угрозы не напугали ее, а возымели обратное действие — она почувствовала себя более сильной и решительной.

То, что они все исполнят, это Он знал.

Батория дотронулась до плеча Магора.

— Пора снова на охоту.

Глава 24

26 октября, 22 часа 57 минут
по местному времени
Иерусалим, Израиль

Из сада, расположенного на крыше, Джордан смотрел вниз, на Стену Плача, на молившихся перед ней людей. Молодая мать держала на руках ребенка, девочку в розовом платьице, протягивающую ручку, чтобы потрогать камень кладки. Девочка была копией его племянницы, Эбигейл, когда она была в таком же возрасте. В течение трех лет его младшая сестра одевала свою дочку-непоседу исключительно во все розовое. А потом, когда Эбигейл могла сама выбирать для себя одежду, она одевалась во все коричневое. Мать, стоявшая у Стены Плача, прижала девочку к груди и поцеловала ее в макушку.

Эта пара — мать и ребенок — не имели ни малейшего представления о стригоях.

Они жили в мире, где не было монстров.

Но монстры существовали в этом мире, и теперь Джордан об этом знал. Если их миссия потерпит неудачу, все, кто живет в этом мире, тоже узнают о них. Он припомнил ту короткую операцию, которую выполняли он и его в высшей степени подготовленные люди.

Наблюдая за тем, как мать с девочкой отошли от стены и направились домой, Стоун всеми силами старался отогнать от себя мысли о своей собственной семье. В особенности он старался не думать о матери. В прошлом месяце она перенесла операцию по удалению опухоли головного мозга, после которой еще полностью не восстановилась и как раз сейчас заканчивала курс химиотерапии.

Забудь об этом Велиале, печальное известие о твоей смерти может свести ее в могилу.

Однако, несмотря на все, Джордан знал, что мать одобрит все, что он собирался сделать. Он ведь был ее сыном; его восприятие правды и неправды были привиты ему ею — ее словами, ее делами и поступками, даже ее страданиями. Не без ее участия он пошел а армию, чтобы служить своей стране, своим соотечественникам. Он верил в армейский девиз:

Это мы будем защищать.

За то, чтобы не дать стригоям править миром, предстояло заплатить страшную цену, и ему не уклониться от этой платы. Ничего другого его семья от него бы и не ожидала. Люди из его команды отдали за это все.

Приняв решение, Джордан направился к столу.

Его доводы основывались на благородных порывах и устремлениях, но сам он осознавал, что его решение частично объясняется еще и тем, как Эрин улыбнулась ему, проснувшись в вертолете, как таяло ее тело, оказавшись там, внизу, в его объятиях. Он не мог оставить ее на Руна и других.

Подойдя к столу и бросив на него свои «собачьи жетоны»[1], Стоун объявил:

---

[1] «Собачий жетон» — металлический медальон, который носят на шее все военнослужащие. На него записывается основная информация о его обладателе на случай гибели, что упрощает «подсчет тел» на поле боя и опознание трупа.

— Я согласен.

— Джордан... — Широко раскрытыми глазами Эрин смотрела на него, и на ее лице отражалась происходящая в ее сознании борьба между облегчением оттого, что он будет рядом, и страхом за то, что их ждет.

Стоун внимательно смотрел на свои «собачьи жетоны». Получив их, родители поймут, что его нет в живых.

Кардинал сдержанно кивнул, но его глаза сияли оттого, что этот вопрос разрешился наилучшим образом. Джордану неоднократно доводилось наблюдать подобное выражение на лицах разных генералов. Обычно оно появлялось на них после того, как вы добровольно изъявляли желание принять участие в чем-то. Ну, например, в убийстве самого себя.

Корца так резко и стремительно встал со своего стула, что тот, упав, откатился назад, скользя по гладким плиткам пола, а сам он быстро вышел из сада.

— Вы должны извинить Корцу, — сказал кардинал. — В прошлом он заплатил страшную цену за то, что исполнил предписание пророчества.

— И какую же цену?

Джордан, подняв с пола стул, осмотрел его и сел на него, широко расставив ноги.

— Это было почти четыреста лет назад. — Глаза кардинала, в которых отражались светильники, пристально смотрели мимо Джордана, на современные огни города. — Я уверен, что если он захочет рассказать вам об этом, то вы все узнаете.

Такой ответ кардинала не был для Джордана неожиданным. Опершись руками о спинку стула, он сказал:

— Ну а теперь, когда мы, если можно так сказать, поднялись на борт, как насчет того, чтобы посвятить нас в то, что предсказывает пророчество и почему выбор пал именно на нас троих?

Эрин, сложив руки на коленях и склонившись вперед, как внимательная школьница, тоже ждала ответа кардинала.

— Когда Книга была скрыта от глаз людских, пророчество предсказывало, что... — Кардинал остановился и, покачав головой, продолжил: — Пожалуй, я лучше просто покажу вам его.

Открыв один из ящиков письменного стола, он вынул из него мягкий кожаный футляр, не имеющий, казалось, ничего общего с пророчеством. Но стоило ему открыть его, как Эрин подалась вперед, а Джордан, шагнув ближе, согнулся над столом, касаясь плечом плеча Эрин.

— Что это? — спросила женщина.

Кардинал вынул из футляра какой-то документ, запечатанный в пластик. Джордану, насколько он мог судить, этот пергамент показался таким же старым, как и город, лежащий вокруг них. Буквы, написанные черными чернилами, выстроились рядами на единственной странице. Прочесть слова он не мог, хотя некоторые буквы были ему знакомы.

— Греческий? — спросил он.

Эрин утвердительно кивнула и, наклонившись над листком, стала читать вслух:

— *И настанет день, когда Альфа и Омега прольют мудрость его в Евангелие Драгоценной Крови, которым сыны Адама и дочери Евы смогут пользоваться во дни, когда будет им это необходимо.*

— Альфа и омега?[1] — спросил Джордан.

— Это Иисус. Я так думаю. — Она, снова склонившись над пергаментом, продолжила чтение, водя пальцем по пластиковой поверхности: — *До наступления этого дня благословенная книга сия должна быть спрятана в колодце, в глубочайшей тьме и сохраняться Девочкой...* — Она сделала паузу. — Или, может быть, *женщиной?* Это не ясно. Здесь сказано «Девочкой с утраченной девственностью».

---

[1] Альфа и омега — первая и последняя буквы греческого алфавита; словосочетание является наименованием Иисуса Христа или Бога в Книге Откровения Иоанна Богослова, символами Бога как начала и конца всего сущего: «Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его. Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний» (Откр. 22:12–13).

Но последнее слово может также означать *знания.* Библейские упоминания о знании, о добром и о злом часто путают и смешивают.

Голова Джордана уже пошла кругом.

— Может, начнем с общего представления? А потом разберемся с деталями?

— Резонно. — Эрин продолжила чтение: — *До наступления этого дня благословенная книга сия должна быть спрятана в колодце, в глубочайшей тьме и сохраняться Девочкой с утраченной девственностью, рыцарем Христовым и Мужем-Воителем.*

Она остановилась, чтобы сделать новый глубокий вдох.

— *В свой черед другое трио вернет эту книгу из тьмы на свет. И только Женщина, умудренная Знанием, рыцарь Христов и Муж-Воитель смогут открыть Евангелие Христа и явить миру славу Его.*

Кардинал пристально смотрел на Эрин.

— Я верю, что речь идет о вас, доктор Грейнджер, вместе с сержантом Стоуном и нашим падре Корцей.

Эрин не отводила глаз от пергамента.

— А почему вы думаете, что мы и есть те самые люди, о которых говорится в пророчестве?

— Вы втроем оказались в том месте, где поначалу покоилась Книга. Каждый из вас сыграл определенную роль в отражении нападения созданий тьмы и вернулся живым, чтобы увидеть над собой звезды пустыни.

Джордан вздохнул — слишком громко, так что все посмотрели на него. Прочитанное Эрин звучало для него как религиозная мишура, и он объяснил им почему:

— Но мы ведь не *взяли* эту Книгу. Ее сделали до нас и переправили в другой мир. Кто-то, вероятно, уже давным-давно открыл эту Книгу.

— Но, сын мой, если бы они открыли Книгу, мир изменился бы. Чудеса стали бы повседневным явлением.

— Возможно, — согласился Джордан. — Но может быть и иначе: *какие-то* другие люди уже нашли ее и держат при себе. *И они* должны быть теми, о ком говорит пророчество, так ведь?

Кардинал покачал головой.

— Пророчество не говорит о тех, кто *найдет* Книгу, а только о тех, кто должен ее *открыть*. И я верю в то, что, в чьих руках ни находилась бы Книга, они не смогут ее открыть, потому что они не являются составляющими троицы, о которой говорит пророчество. Но я верю в то, что ими являетесь вы.

— И куда же нам идти на поиски Книги? — спросила Эрин.

Кардинал снова покачал головой.

— На этот вопрос у меня нет ответа. Рун сказал, что он ничего не нашел в усыпальнице — ничего указывающего на то, кто ее похитил.

Эрин посмотрела в глаза Джордана; ее взгляд спрашивал, можно или нет. Стоун согласно кивнул. Он сейчас не видел причины хранить этот секрет. Эрин, порывшись в кармане, медленно извлекла из него нацистскую медаль.

— Это мы нашли в зажатой руке мертвой девочки. Должно быть, она сдернула его с того, кто похитил Книгу, с того, кто убил ее.

Кардинал протянул ладонь. Эрин немного поколебалась, прежде чем положить бронзовый диск на ладонь, обтянутую красной перчаткой.

Не меньше минуты кардинал внимательно изучал надпись, выгравированную по краю медали, прежде чем прочитать ее вслух:

— «Аненербе».

— Вам знакома эта структура? — спросил Джордан.

— Наш Орден часто проводил исследования, сходные с теми, которые вызывали интерес этой структуры. «Аненербе» обшарила Святую землю в поисках утраченных артефактов и религиозных предметов, дающих власть и силу. Должен сказать, что святому отцу, который однажды уже пытался найти это Евангелие, было поручено также и наблюдать за тем, чем занималась «Аненербе». К несчастью, мы потеряли падре Пирса во время Второй мировой войны. — Кардинал поцеловал нагрудный крест, после чего продолжил: — Тогда мы потеряли очень многих.

Джордан понимал, что он чувствует, говоря это.

Бернард медленно выпрямился; лицо его оставалось задумчивым, когда он протянул медаль Эрин.

— Я знаю кое-кого, кто должен был видеть это. У нас есть Епископальный университет — один из университетов, управляемых Орденом сангвинистов; он скрытно функционирует в Эттальском аббатстве, в Германии. В тамошней библиотеке собрано громадное количество материалов по проведенным исследованиям. Там вы найдете наши научные отчеты, касающиеся «Аненербе» и их работ во время войны и после нее. Возможно, это будет первая остановка на маршруте ваших поисков?

Джордан посмотрел на Эрин.

— Может, вы предложите что-либо лучшее?

— Лучшее, чем сангвинистская библиотека? — Ее лицо выражало нетерпение и желание отправиться туда немедленно. — Не знаю, как дождаться момента, когда я окажусь там.

Стоун улыбнулся. В ее словах не было ничего удивительного. Ее нетерпение передалось и ему.

— Если падре Корца не возражает, давайте отправимся туда прямо сейчас.

— Я прослежу за тем, чтобы вас подготовили. После этого я должен вернуться в Рим — подготовить Ватикан, если, конечно, ваши поиски будут успешными.

Кардинал, посчитав переговоры законченными, собрался встать с кресла, но Джордан жестом руки попросил его задержаться.

— Прежде чем мы расстанемся, я хочу попросить вас оказать мне услугу.

— Да?

— Я написал письма обо всех людях моей команды. — Сержант старался говорить ровным, профессионально бесстрастным голосом, не раздумывая над фразами и словами. — Эти письма необходимо доставить их семьям по причине их смерти, в том числе и моей семье по той же причине. Могли бы вы проследить за тем, чтобы эти письма были доставлены куда положено?

Бернард склонил голову.

— Конечно, сын мой. У нас есть контакты со многими армейскими капелланами.

Джордан кашлянул, прочищая горло, и тем же твердым голосом попросил:

— И еще одно, Ваше Высокопреосвященство.

— Ну конечно, сын мой, говори.

Джордан потянулся к маленькому, застегнутому на молнию карманчику куртки и вынул из него обручальное кольцо. Держа его между большим и указательным пальцами, он вспомнил тот дождливый день, когда Карен надела его ему на палец. После выпускного класса средней школы воспоминания об этом моменте до сих пор будоражат его душу так, словно по ней мчится тяжеловесный состав. У них и мысли не было о том, что им суждено расстаться.

— Пожалуйста, проследите за тем, чтобы это кольцо передали семье моей жены, — сказал он. — Я всегда говорил им, что, если я погибну, они получат его. Они говорили, что хотели бы похоронить его рядом с ее могилой.

Глава 25

26 октября, 23 часа 14 минут
по местному времени
Иерусалим, Израиль

Когда Джордан передавал кардиналу кольцо своей покойной жены, Эрин пила воду, и у нее от волнения, да и от удивления тоже, случился приступ кашля.

Обручальное кольцо сияло золотом на красной кожаной перчатке кардинала, пока он не сжал его в ладони.

— Все будет сделано так, как ты хочешь, сын мой.

Выходит, Джордан не женат — он вдовец.

Эрин старалась переосмыслить образ Стоуна с учетом только что услышанного, а он в это время объяснял кардиналу, где найти написанные им письма и куда послать обручальное кольцо. Он ведь *должен был быть* женатым. Об этом свидетельствовала белая полоса на безымянном

пальце его загорелой ладони. Она была буквально вне себя из-за того, что неверно истолковала увиденную улику. Он был вдовцом, вдовцом, который, без сомнения, любил свою жену, но и ее не хотел упускать.

Это меняло все. Если он одинок, то все его поступки приобретают совершенно иную окраску — так же как и ее собственные. Эрин начала ретроспективно просматривать все их прошлые контакты, все время невольно возвращаясь к тому поцелую в его комнате.

Она внезапно почувствовала, что кончиками пальцев ощупывает свои губы, и, сделав над собой усилие, отвела руку от лица.

— Прошу прощения, Ваше Высокопреосвященство, — высокий неприятный голос, донесшийся из сада, привлек всеобщее внимание. — Я могу убирать?

Эрин встала, не зная, куда теперь идти.

— Ну конечно, сын мой, — ответил кардинал. — Мы ведь уже отужинали.

Желая хоть чем-то занять руки и собраться с мыслями, Эрин принялась помогать падре Амбросе убирать со стола, в то время как Джордан и кардинал продолжали беседу. Неся в руках тарелки, она последовала за торопливо идущим к лестнице падре.

Выйдя из сада на лестницу, Эрин закрыла за собой дверь, желая уловить момент, когда они со священником окажутся наедине.

— Я хотела бы поговорить с падре Корцей, — сказала она.

Падре Амбросе ловко ухватил оставшуюся в чаше виноградину и съел ее. Вдали от глаз кардинала он вел себя менее сдержанно. А может быть, некоторая свобода в его поведении объяснялась тем, что он не видел в ней угрозы своему положению.

— Вы, конечно, можете попытаться поговорить с ним, но наш падре Корца не очень-то *коммуникабельный* человек.

— Мне все-таки хотелось бы попробовать, а вдруг повезет, — не отступала Эрин.

— Ну, хорошо, — падре Амбросе едва заметно улыбнулся, как бы давая понять, что у него есть что еще сказать. — Но я вас предупредил.

Она последовала за ним в на удивление по-современному оборудованную кухню и поставила тарелки в раковину. А он взял два бронзовых подсвечника из шкафчика, вставил в каждый по свече и зажег их.

— Там, куда мы идем, нет света, — объяснил он.

Вручив ей один подсвечник, Амбросе направился снова к винтовой лестнице. Они стали спускаться, ввинчиваясь все глубже и глубже вниз, прошли мимо келий, где они с Джорданом мылись, где они целовались. Эрин торопливым шагом прошла по этому этажу.

Продолжая спускаться в глубину, она обдумывала, как лучше всего подойти к Руну. Вспомнила, как он пришел в бешенство, когда они с Джорданом согласились быть его спутниками в поисках Книги. Но почему? Какую цену он уже заплатил четыре столетия назад?

Эрин мысленно прикинула его возраст. А может ли ему и вправду быть пятьсот лет? Если да, то выходит, что он жил в эпоху Ренессанса. Этим можно объяснить его вежливые, формальные манеры, но все остальное в нем никакому объяснению не поддается.

Так же как необъяснимо и то, зачем она сейчас спускается к нему вниз.

Отчасти объяснение было простым: *сбежать*. Ей необходимо было найти пространство и время, где она могла бы настроить себя на новые отношения с Джорданом.

Но и у Руна было немало ответов на интересующие ее вопросы.

По давешней реакции преподобного в саду она склонялась к мысли о том, что Рун, возможно, обладает более правдивой информацией об ожидающих их опасностях — во всяком случае, более четкой и однозначной, чем кардинал. Даже сейчас, когда Эрин уже приняла решение, ей все равно хотелось узнать как можно больше о предстоящих поисках. Рун может дать ей ответ на этот вопрос или, что более вероятно, будет просто смотреть на нее своими черными глазами и молчать. Но попытаться она должна.

Падре Амбросе, остановившись перед другой массивной деревянной дверью, стал пытаться открыть ее ключом, выбранным из связки, висевшей у него на поясе. Ржавый замок выглядел так, будто его не тревожили уже много лет.

Волосы на руках у Эрин буквально встали дыбом от внезапно зародившегося в голове страха. Что, если падре Амбросе вознамерился причинить ей зло? Она бранила себя за эту глупую мысль, неизвестно с чего пришедшую ей в голову. Ведь и Джордан, и кардинал видели, как она уходила вместе с ним. Он не осмелится сделать ей ничего плохого. И все-таки ее гулкое сердцебиение не стихало.

Замок наконец поддался, и падре Амбросе с трудом потянул на себя тяжелую дверь, а потом жестом пригласил ее войти в находящееся за ней темное помещение.

Там, в помещении, стоял на коленях Рун — перед чем-то, что, наверное, было алтарем, однако внутри было так темно, что поручиться за это Эрин не могла. Единственная, как предписывал обет, свеча освещала комнату, большая часть ее света поглощалась ярко-красным стеклом, за которым она горела. Ее слабое пламя открывало взору высоко расположенный арочный потолок и старинные, застекленные матовым стеклом окна, за которыми наверняка была только скала. Пустые деревянные скамьи со спинками занимали всю площадь пола, в середине был проход, застеленный выцветшим и вытертым ковром.

Падре Амбросе жестом пригласил ее войти первой. Эрин, проскользнув за порог, бесшумно сделала несколько шагов и остановилась, боясь потревожить молящегося Руна.

Дверь за нею закрылась, и поднятый ею ветер задул свечу. Эрин следовало подумать о том, чтобы заслонить пламя ладонью. Она повернулась к падре Амбросе — но сразу поняла, что он не вошел в помещение вместе с ней.

Вернувшись к двери, она взялась за ручку.

Заперто.

Она оказалась в ловушке вместе с Руном.

Эрин в растерянности остановилась, не зная, что предпринять. Она не собиралась доставлять падре Амбросе удо-

вольствия тем, чтобы начать колотить в дверь и просить выпустить ее. К тому же она не хотела мешать Руну молиться.

Что касается Корцы, он все еще не заметил ее присутствия, поскольку, должно быть, находился в состоянии глубокой медитации. Хотя Рун замечал все. Его чувства были более обостренными, чем ее, но сейчас он не подавал вида, что знал о том, что она находится рядом.

Был ли он настолько погружен в свою веру?

Эрин почувствовала жгучую зависть к тому, что он может быть так поглощен молитвой.

В тишине она различала едва слышные слова на латыни, слова, легко переводимые, поскольку она часто слышала их во время мессы, будучи ребенком.

Кровь Господа нашего Иисуса Христа, которую Он пролил за тебя, сохраняя тело твое и душу твою для жизни вечной. Пей ее в память о том, что кровь Христа была пролита ради тебя, и будь благодарен за это.

Корца отдавал себя всего общению с Богом. Впервые в жизни Эрин ясно поняла, *что* стоит за молитвой. Все, что она знала о Христе, следовало переосмыслить. Символы веры, однажды отвергнутые ею, оказались истинными, подтвержденными историей, что раньше казалось ей едва ли возможным.

Кровь Господа нашего Иисуса Христа сохранит тебя для жизни вечной.

Рун приложил к губам большую чашу и произнес речитативом:

— *Кровь Христа, чаша спасения души.*

Там, в пустыне, он стеснялся пить свое вино на глазах у нее и у Джордана. Эрин медленно пошла назад к двери, с намерением постучать в нее, но так и не решилась поднять руку.

Рун ведь буквально воспылал ненавистью к ней и к Джордану за то, что они видели его уязвленным, но будь на его месте падре Амбросе, все было бы наверняка еще хуже.

Эрин повернулась спиной к Руну, желая хотя бы этим показать, что не вторгается в его жизнь. А затем незаметно села на пол, обхватила руками колени и стала ждать.

23 часа 31 минута

Рун поднес холодную чашу к губам, вдохнул знакомые запахи золота и вина. Сегодня вечером он чувствовал такую необходимость в крови Христа, какой не чувствовал уже много лет. Она поможет уму исцелиться и успокоит его злость. Понимая, о каком риске может идти речь, Бернард все-таки навязал эту ни в чем не повинную женщину и солдата ему в спутники. А они приняли предложение, не понимая, к чему оно их приведет. Неужто и он был таким же безрассудным в то недолгое время, когда был человеком?

Его жег стыд. И чувство вины — ведь Бернард действовал не один. В результате его, Руна, действий солдат и женщина оказались здесь. Он спас их для того, чтобы потом отправить на смерть...

Если он сейчас не выручит их, то потом они будут жалеть, что он не дал им умереть быстрой смертью в пустыне.

Поднеся чашу к губам в последний раз, Рун стал пить. Долго и много. Жидкость текла по его губам, по горлу. Это был не перебродивший виноград, это был дух собственной крови Христа, сжигавший грех, бурливший в его запятнанном теле. Корца поставил на место пустую чашу, затем, раскинув руки в стороны на высоте плеч, дал возможность пламени дара Христова жечь все его существо до тех пор, пока он не завершит молитву. Пар поднимался от его губ, и он, с трудом преодолевая агонию, произносил последние слова. Затем он снова пал на колени, не ощущая ничего, кроме памяти о своем грехе.

Свежие стебли тростника потрескивали под башмаками Руна, когда тот шел по вестибюлю, чтобы поприветствовать служанку Элисабеты, застенчивую маленькую Анну.

В Кашицком замке Элисабета установила за правило, что каждой осенью старые тростниковые циновки выбрасывались, каменный пол отмывался дочиста и высушивался, после чего вновь застилался новыми циновками. Она разбрасывала на них цветки ромашки, наполнявшие

ее дом чистым успокаивающим ароматом, какого Корца не ощущал в большинстве домов, в которых обитала знать и где ему доводилось бывать.

— Вы не хотите последовать за мной в большую гостиную, падре? — Анна не отрывала своего взгляда от циновок, пряча таким образом от него родимое пятно.

— Если вы пожелаете, Анна. А скажите, можете ли вы привести сюда вашу госпожу?

Хотя Рун бывал в этом доме много раз, сегодня он не хотел идти в глубину дома.

Прежде чем Анна отправилась за госпожой, появилась сама Элисабета в роскошном темно-зеленом платье, подчеркивающем ее тонкую изящную талию.

— Дорогой мой падре Корца! Как редко удается мне увидеть вас в столь позднее время. Пойдемте же в большую гостиную. Анна только что заново разожгла камин.

— Я вынужден отказаться. Полагаю, что моя миссия... мой долг... будет лучше, если я останусь здесь.

Ее ровно очерченные брови поднялись, свидетельствуя о крайнем удивлении.

— Как таинственно вы говорите!

Она знаком велела Анне отойти, затем плавной походкой подошла к высокому столику возле двери и зажгла восковые свечи. Их медовый запах сразу же напомнил Корце о тех давно прошедших временах, о том, как он проводил летние месяцы во времена своей безгрешной, незапятнанной юности.

В мерцающем свете свечей ее лицо казалось более прекрасным, чем когда-либо. Ее угольно-черные волосы, казалось, светились отраженным светом, а в серебристых глазах танцевали озорные искорки. Глядя ему прямо в глаза, она, всплеснув руками, сказала:

— Так скажите же наконец, падре, что у вас за миссия?

— Я пришел для того, чтобы кое-что сообщить вам.

Элисабета притихла. Улыбка сошла с ее лица, серебристые глаза потемнели, словно их затянули штормовые тучи.

— О моем супруге, графе Надаши?

Рун не мог рассказать ей этого. Он не мог причинить ей боль. Падре стиснул в руках свой крест, надеясь, что тот придаст ему сил. Но, как обычно, крест лишь усилил его боль.

— Он пал... — прошептала Элисабета.

Конечно, будучи женой воина, она сразу поняла все.

— Это была смерть героя. В...

Она, прислонившись спиной к стене, едва слышно произнесла:

— Прошу вас, не надо подробностей... пощадите меня.

Рун недвижно застыл перед ней, не в силах сказать ни слова.

Элисабета склонила голову, стараясь не показывать слезы.

Как пастырю душ, ему надо было сейчас быть с ней. Ему надо было молиться вместе с ней, говорить о воле Божьей, объяснять, что Ференц сейчас греется в лучах славы. Ведь Корца много раз исполнял эту роль, утешая многих скорбящих.

Но выполнить этот свой долг для нее он был не в силах.

Только не для нее.

Ведь на самом деле он страстно желал заключить ее стройное тело в свои объятия и, прижимая к своей груди, унять ее печаль. Но вместо этого Рун отошел от нее, позволив своей трусости сотворить жестокость по отношению к ней — оставить ее одну в это трудное для нее время.

— Я выражаю свои самые глубокие соболезнования в связи с постигшей вас утратой, — сдавленным голосом произнес он.

Элисабета подняла на него глаза, полные печали. Едва заметные искорки удивления и смущения промелькнули в них, утонув в бездонной печали. Она изо всех сил старалась придать лицу обычное выражение, но безуспешно: она так и не смогла полностью согнать с лица гримасу боли, вызванную его холодностью.

— Не буду вас задерживать, падре. Время позднее, а путь вам предстоит дальний.

Не сказав ни слова, Рун ушел.

Он покинул ее, потому что любил.

Бредя, спотыкаясь, по промерзшей дороге, уводившей его прочь от дома Элисабеты, он понял, что между ними все изменилась. Да и она, разумеется, поняла это. Ференц был в некотором роде стеной, отделяющей их друг от друга, удерживающей обоих на безопасном расстоянии.

А без этой стены многое может исчезнуть.

Рун пришел в себя, снова вернувшись в настоящее и ощущая себя распростертым на каменном полу молельни. Лежа на нем, он снова мысленно вернулся к тому своему визиту в замок. Он должен был, следуя своему инстинкту, исчезнуть навсегда и никогда больше не возвращаться к ней.

Но вместо этого он, как и сейчас, закопал себя в черное смирение, к которому призывает церковь. Те яркие ароматы его прежней жизни пропали, и теперь он вдыхал лишь каменную пыль, запах человеческого пота и чуть заметные запахи ладана, дыма курильницы и смолы, которой кровоточат хвойные деревья.

Но ничего зеленого и живого.

Во время тех давно прошедших ночей Рун исполнял свой пастырский долг. Но в дневные часы он пристально вглядывался в ясные глаза Непорочной Девы Марии, оплакивающей своего сына, и думал только о Элисабете. Он спал лишь тогда, когда ему становилось невмоготу: потому что, когда он спал, ему снилось, что он не потерял ее, что он прижимает к себе ее тело и успокаивает ее. Он поцелуями осушает ее слезы, ее улыбка снова излучает солнечный свет, и улыбка эта предназначается ему.

За все долгие годы своего служения Корца никогда не колебался в вере. Но вот тогда он стал вероотступником. Он морил себя голодом до тех пор, пока у него не начались боли в костях. Только он и еще один сангвинист в течение всех прошедших столетий никогда не пробовали человеческой крови, не отобрали жизнь ни у одного человека. Рун считал, что его вера крепче его плоти и его чувств.

И он думал, что взял верх над ними.

Его надменность и высокомерие все еще разъедали его сознание.

Его гордыня и стала причиной его падения, да и ее падения тоже.

Почему это вино сегодня вечером напомнило ему о наложенной на него епитимии?

Донесшиеся до него удары сердца прервали его мысли и вернули назад в освещенную свечой молельню.

Человек? Здесь? Подобные проникновения были строго запрещены.

Корца приподнял голову над каменным полом. Какая-то женщина, склонив голову к коленям, сидела спиной к нему. То, как была наклонена ее голова, напомнило ему о чем-то. Запах, исходивший от ее затылка, был ему знаком.

Эрин.

Это имя, пробившись сквозь время и туман воспоминаний, всплыло в его памяти. Эрин Грейнджер.

Женщина, умудренная Знанием.

Рун весь зашелся от злости. Еще одно невинное существо возникло на его пути. Может, лучше убить ее сейчас, просто и быстро, чем вверять ее злокозненной судьбе? Он стоял словно в розовом мареве своих видений, пытаясь молитвой обуздать охватившую его страсть.

И тут он услышал другое, слабое, знакомое ему сердцебиение, редкое и неритмичное.

Амбросе.

Так это он закрыл Эрин с Руном — либо ради того, чтобы осрамить его, либо в надежде на то, что наложенная на Руна епитимия заставит его потерять контроль над собой, как это почти что случилось...

Он так быстро прошел по молельне, что Эрин вздрогнула и мирно подняла руки.

— Простите, Рун. Я не собиралась...

— Я знаю.

Корца прошел мимо нее и толкнул дверь с такой силой, которой обладает только сангвинист; а звук, с которым тяжелое тело Амбросе врезалось в стену, доставил ему истинное удовольствие.

Затем он услышал, как этот человек вскочил, а потом до него донеслись его торопливые шаги по ступеням лестницы.

Рун вернулся к Эрин и помог ей встать на ноги, вдыхая запах лаванды, исходящий от ее волос, и едва уловимый мускусный запах ее проходящего страха. Биение ее сердца стало ритмичным, дыхание — ровным. Он на одну лишнюю секунду задержал ее руку в своей, ощущая ее тепло и не желая отпускать ее.

Она была живым существом.

Рун отдал бы все на свете за то, чтобы это продолжалось вечно.

Глава 26

26 октября, 23 часа 41 минута
по местному времени
Месторасположение не указано, Израиль

Прижавшись лбом к оконному стеклу больничной палаты, Томми отстукивал костяшками пальцев медленные ритмы, прислушиваясь к глухим гулким звукам, издаваемым толстым стеклом. К этому моменту он уже пришел к твердому заключению, что находится в военном госпитале, а может, даже и в тюрьме.

Притянув к себе штатив для установки капельниц, Томми оценивающим взглядом рассматривал его, решая, может ли он воспользоваться им в качестве стенобитного оружия для того, чтобы выйти отсюда на волю.

Ну а что потом?

Если ему удастся разбить стекло и выпрыгнуть наружу, разве он останется жив? В одном телевизионном шоу, которое он смотрел года два назад, сказали, что падение с высоты в тридцать футов почти всегда приводит к летальному исходу. А расстояние от окна его палаты до земли было значительно больше.

Томми подбрасывал провода и кабели, свешивающиеся со штатива. Медперсонал измерял невесть сколько параме-

тров, характеризующих его состояние, — частоту пульса, степень насыщения крови кислородом и еще кучу всего прочего. Надписи на иврите были ему непонятны. Его отец мог читать на иврите и пытался научить сына, но Томми выучил только то, что было необходимо для прохождения бар-мицвы[1].

При воспоминании об отце перед Томми снова возникло облако черновато-оранжевого газа, накатывающееся на его родителей. Не скажи он им тогда, что этот газ не опасен, может быть, они остались бы живы. Теперь-то он знал, что этот газ был токсичен, но только не для него. *Иммунный*[2] — это слово он часто слышал в разговорах врачей. Может, он смог бы оттащить родителей в безопасное место... Тот странный священник в Масаде говорил, что там ничего нельзя было сделать, ну а что еще он мог сказать?

Ты убил своих родителей, парень. Ты отправляешься в ад, но дойдешь до него еще очень не скоро.

Томми снова посмотрел в окно. Далеко под ним расстилалась пустыня. Вдалеке тени, отбрасываемые громадными валунами, казались лужами чернил, пролитых на яркий песок. Это был унылый пейзаж, но с высоты он выглядел спокойным и мирным.

Какой-то шорох заставил Томми повернуть голову и осмотреть палату.

Рядом с ним стоял какой-то мальчик. По возрасту он был примерно таким же, как Томми, но на нем был надет костюм-тройка. Он по-собачьи нюхал воздух, и с каждым новым вдохом его нос приближался к Томми. Его черные глаза блестели.

— Чем я могу тебе помочь? — спросил Томми, отходя от него.

---

[1] Бар-мицва (*иврит*) — церемония, освящающая вступление в совершеннолетие еврейских мальчиков, совершается в первую субботу после исполнения 13 лет и одного дня.

[2] Иммунный — обладающий иммунитетом, невосприимчивый.

Этот вопрос вызвал на лице гостя улыбку — такую холодную, что Томми всего передернуло.

Перепугавшись, он стал нажимать на кнопку вызова, подавая дежурной сестре панические сигналы SOS. Потом снова отпрянул к окну, частота его пульса сильно увеличилась, следящие за его состоянием устройства начали громко и тревожно сигналить.

Мальчишка подмигнул.

Томми поразила странность такого поведения.

Кто *сейчас* подмигивает? Если говорить серьезно, кто...

Правая рука мальчишки метнулась с такой быстротой, что Томми даже не заметил, что у него в руке, пока она не оказалась под его нижней челюстью. Острая боль резанула по шее.

Подняв обе руки, Томми прижал ладони к шее. Сквозь пальцы заструилась кровь, растекаясь по его больничной пижаме и капая на пол.

Опустив руку с ножом и склонив голову набок, парень наблюдал.

Стараясь остановить кровь, Томми прижимал ладони к горлу так сильно, что едва не душил себя. Но кровь продолжала течь сквозь его пальцы.

Он закричал, но из его рта вырвалось только глухое бульканье, потому что жгучая боль пронзила его горло.

Понимая, что ему необходима помощь, Томми выдернул провода подключенного к нему электрокардиографа. Стоящий позади него монитор выключился, и устройство стало подавать заунывные тревожные сигналы.

И тут же в комнату ворвались два солдата с автоматами наготове. Томми увидел шоковое выражение их лиц — и тут парень подмигнул снова.

Как плохо.

Парень, подняв стул и двигаясь неуловимо быстро, запустил им в толстое стекло окна и, не останавливаясь, вытолкнул Томми через разбитое окно в ночную темень.

Наконец свободен.

Пока Томми падал, холодный ветер пронизывал его тело буквально насквозь. Горячая кровь хлестала фонтаном из шеи.

Он закрыл глаза, готовясь встретиться с мамой и отцом.

Томми едва смог представить их себе — все его тело тряхнуло от удара о землю. Никогда он не испытывал такой боли, как сейчас. Конечно, скоро все закончится. Так должно быть.

Но так не произошло.

Пули защелкали по асфальту вокруг него. Стреляли солдаты, свесившись в разбитое окно. Пули перебили провода электрических электродов, вызывавших боли в его грудной клетке, бедре, руке.

Завыли сирены. Включились осветительные прожектора.

Мальчишка легко приземлился рядом с ним, коричневые замшевые башмаки почти бесшумно коснулись земли. Неужели он прыгнул? С такой высоты?

Мальчишка схватил его за руку. У Томми кости заскрипели от трения друг о друга, когда парень потащил его прочь от освещенного места в пустыню, прыгая быстро, как газель. Его совершенно не интересовало то, какую боль чувствует Томми от ударов его спины о камни и как эта жуткая тряска действует на его переломанные кости.

А в это время белые безразличные звезды освещали их обоих своим светом. Подмигивая так же холодно, как этот мальчишка.

Томми хотелось, чтобы все наконец закончилось. Он хотел умереть. Он начал считать секунды, оставшиеся до смерти.

Одна, две, три, четыре.

Сквозь пелену боли в его сознании возникла самая худшая в его жизни мысль.

А что, если я вообще не смогу умереть?

Глава 27

26 октября, 23 часа 44 минуты
по местному времени
Иерусалим, Израиль

Эрин держалась в нескольких футах позади Руна все то время, пока он выходил из молельни, поднимался по ступеням лестницы и пробирался через лабиринт туннелей. Хотя падре шел очень быстро, она знала, что он старается шагать с такой скоростью, чтобы она не отстала, но приближаться к нему Эрин все-таки опасалась. В мерцающем красном свете молельни она ясно видела его гнев. Ей казалось, что он едва сдерживает себя от того, чтобы не броситься на нее.

Если бы не темная путаница туннелей, Эрин убежала бы от него прочь. Но она где-то обронила свою свечу, поэтому мерцающий свет свечи из молельной, зажатой в руке Руна, был сейчас единственным ориентиром на пути к спасению, к безопасности.

И вот наконец она услышала голоса спорящих, доносящиеся откуда-то сверху, из открытого дверного проема, откуда струился свет. Эрин сразу узнала всех: разгневанный голос Джордана, притворно-жеманный голосок падре Амбросе и призывающий к смирению голос кардинала Бернарда.

— *Так где она?* — кричал во всю мощь своих легких Джордан с явным намерением дознаться, что падре Амбросе сделал с ней.

Еще несколько шагов, и темная фигура Руна прошла через дверной проем. Эрин поспешила за ним и очутилась в современном помещении с побеленными стенами, с полом из полированного камня, на котором стоял стол, заваленный оружием и боеприпасами.

Стоило ей войти, как все глаза устремились на нее.

Выражение облегчения мгновенно преобразило лицо Джордана.

— Слава богу, — с облегчением произнес он, хотя Бог был явно не причастен к тому, что с ней случилось.

Лица остальных, находившихся в комнате, оставались непроницаемыми. Всех, кроме Руна. Рванувшись вперед, он схватил падре Амбросе за горло и с размаху ударил его о стену. Короткие ножки падре мелькнули в воздухе.

— Кардинал! — сдавленно прохрипел падре Амбросе.

Рун продолжал сжимать горло пастора.

— Пожалуй, нам скоро придется свести счеты, Амбросе. Помни об этом.

Джордан, сделав шаг в их строну, поднял руку, показывая, что собирается вмешаться в потасовку.

Лицо кардинала оставалось бесстрастным.

— Оставь его, Рун. Я уверен, что он накрепко запомнит твое предупреждение.

Рун склонился ниже над Амбросе. Только Эрин, стоявшая сбоку, видела острые концы зубов Руна, когда он угрожающе зарычал.

— Прочь с моих глаз! А не то я посчитаюсь с тобой прямо сейчас.

Рун отпустил пастора, лицо которого было мертвенно-бледным. Значит, и *он* тоже видел эти острые концы зубов. Кое-как придя в себя, падре отпрянул на несколько шагов от Руна и сразу же поспешно скрылся.

Джордан приблизился к ней.

— Эрин, вы в порядке? Где вы были? Что произошло?

— Я в полном порядке.

Она не хотела пускаться в подробности, тем более сейчас, пока еще не свыклась с только что изменившимся семейным положением ее нового спутника. Хотя она была более чем рада, что именно он будет сопровождать их в поисках. Эрин представила себе мрачную злобу на лице Руна, когда он увидел ее в молельне, представила, как заострились его зубы, когда он набросился на падре Амбросе.

Склонившись ближе к Джордану и чувствуя исходящее от него успокаивающее тепло, она прошептала:

— Спасибо.

— Раз уж вы вернулись к нам, доктор Грейнджер, — прочистив горло, заговорил кардинал Бернард, — я думаю, нам, пожалуй, стоит закончить нашу беседу о стригоях.

Он жестом пригласил ее к столу, на котором лежало оружие, и Эрин заняла место на дальнем от Руна конце, несмотря на то что Корца, казалось, окончательно успокоился.

Джордан, взяв со стола защитные очки, внимательно рассматривал их.

— Это очки ночного видения, но уж больно странно они выглядят.

— Это специальные очки, применяемые для наблюдения за объектами как при слабом освещении, так и в инфракрасном свете, — пояснил Бернард. — Полезный инструмент. Способность видеть при слабом свете позволяет вам обнаруживать противника ночью, но поскольку стригои холодные и их тела не излучают тепла, то они не видны в инфракрасном свете. А если ваши очки совмещают обе эти возможности, то вы сможете в ночное время различать людей и стригоев.

Эрин, одержимая любопытством и желая проверить возможности этих очков, надела их на себя и посмотрела на Джордана. Его волосы и кончик носа были желтыми, теплое лицо выглядело красным, а махавшая ей рука — оранжевой.

Без сомнения, теплокровное существо.

Вспомнив жар его поцелуя, Эрин сразу постаралась запрятать это воспоминание поглубже в памяти и поспешно перевела взгляд закрытых очками глаз на Руна. Хотя кардинал только что предупредил ее, что его тело должно иметь комнатную температуру, она все-таки почувствовала испуг, когда увидела его лицо таким же фиолетово-синим, как и стена позади него. Когда она переключила очки на режим ночного видения, все выглядели одинаково.

— Ну, как они работают? — спросил Джордан.

— Отлично.

Еще одно достижение науки показало, насколько Рун *отличается* от них. Да и вообще было ли у него хоть что-либо общее с ними?

— Вот серебряные пули для вашего оружия, — кардинал протянул Джордану деревянные коробки. — Остановить обычной пулей нападающего на вас стригоя трудно,

но такие боеприпасы могут помочь это сделать. У них полые наконечники, которые, расплющиваясь, расширяются, когда входят в контакт с их кровью.

Джордан, подкинув патрон на ладони, поднес его к свету. И пуля, и гильза отливали серебром.

— И как же это помогает?

— Наша общая с ними кровь сопротивляется смертельным заболеваниям. Мы можем жить вечно, если не станем жертвами насилия. Наша иммунная система по всем статьям превосходит вашу, кроме тех случаев, когда дело касается *серебра*.

— Но вы же носите серебряные кресты, — Эрин указала на крест, висевший поверх красной сутаны кардинала.

Поцеловав кончики пальцев, прикрытых перчатками, Бернард коснулся ими своего пасторского креста.

— Каждый сангвинист носит на себе это бремя, да, — как напоминание о нашем проклятом положении. Если мы коснемся серебра... — Сняв перчатку, он прижал свой бледный палец к пуле, торчащей из патрона, зажатого в руке Джордана. Эрин сразу почувствовала запах горелой плоти. Кардинал поднял вверх палец и показал на нем то место, которым он прикоснулся к серебру. — Оно жжет даже нас.

— Но, как я полагаю, не так сильно, как стригоев, — предположил Джордан, кладя патрон в коробку.

— Это верно, — подтвердил Бернард, кивнув для убедительности. — Будучи сангвинистом, я существую в состоянии, промежуточном между осуждением на вечные муки и святостью. Серебро жжет меня, но не убивает. Стригои не обладают защитой — в их венах нет крови Христа, — поэтому серебро для них более чем смертельно. — Он снова надел перчатку. — Священные предметы также обладают некоторой подобной способностью, но сила их недостаточна для того, чтобы убивать стригоев.

— А как же тогда нам защищаться? — спросил Джордан.

— Я полагаю, что вы будете относиться к стригоям, как к животным, — сказал кардинал. — Для того чтобы зава-

лить их, вы, как это ни прискорбно, должны ранить их из обычного оружия, как любых других животных.

Эрин посмотрела на Руна, который никак не прореагировал на то, что его назвали животным.

Падре молча достал свой кинжал и полоснул им по ладони.

Эрин невольно вскрикнула, часто моргая. Глаза Корцы не отрывались от ее лица, а кровь растекалась по столу.

— Вы должны полностью во всем разобраться, — сказал он.

— То, что вы сделали, причинило вам боль? — не могла не спросить она.

— Многое мы чувствуем сильнее, чем люди. В том числе и боль. Так что, отвечая на ваш вопрос, скажу: да, это причинило мне боль. Но посмотрите на рану.

Он показал ей раскрытую ладонь. Кровотечение из пореза внезапно прекратилось, словно кто-то перекрыл невидимый кран. Даже кровь, собравшуюся по краям раны, втянуло *обратно* в руку.

— А вы показываете нам этот крутой фокус для того, чтобы... — не досказал Джордан.

— Секрет заключается в нашей крови. Она самостоятельно обеспечивает и регулирует кровоток по нашим телам, являясь как бы живой силой. А это значит, что кровотечение из нанесенных нам ран останавливается почти мгновенно.

Эрин наклонилась ниже над его ладонью.

— Так, значит, для того, чтобы гнать по телу кровь, вам не требуется сердце? Кровь сама регулирует свой ток?

Рун склонил голову в знак благодарности за ее понимание сути дела.

Эрин задумалась над тем, что может из этого следовать. Не это ли лежит в основе легенды о живых мертвецах? Стригои кажутся *мертвыми* потому, что они холодные и у них нет бьющихся сердец?

— Ну, а как насчет дыхания? — спросила она, ожидая подробного объяснения.

— Мы дышим лишь для того, чтобы обонять и говорить, — объяснил Рун. — Поскольку в других жизненных функциях дыхание не участвует. Мы способны задерживать дыхание на бесконечно долгое время.

— Более приятная новость, — пробормотал Джордан.

— Надеюсь, теперь вы поняли? — заключил Рун. — Как только что предостерегал вас кардинал Бернард, если вы нанесли колотую или резаную рану стригою, не останавливайтесь, продолжайте резать и колоть его. Ни в коем случае не думайте, что он смертельно ранен, потому что такого не бывает. Будьте все время наготове.

Джордан кивнул.

— Слабым местом стригоев является воздействие на них огня, серебра, солнечного света, а также нанесение им ран настолько серьезных, при которых они не могут достаточно быстро остановить кровотечение.

Джордан, склонив голову, внимательно рассматривал выложенное на столе оружие. По его виду было заметно, что сейчас он более встревожен, чем за минуту до этого.

— Спасибо за ободряющую установку, — пробурчал он.

Кардинал обвел своей одетой в перчатку рукой несколько разложенных на столе кинжалов и ножей.

— Все это оружие покрыто серебром и освящено церковью. Я думаю, вы сочтете их более эффективными, чем нож, который вы носите возле лодыжки, сержант Стоун.

Джордан брал в руки каждый клинок, осматривал его и, качая на вытянутой руке, прикидывал вес. Выбрав нож с костяной рукояткой и лезвием длиной не меньше фута, он внимательно осмотрел его.

— Да это же американский нож «Боуи»[1].

---

[1] Нож «Боуи» — крупный охотничий нож длиной в 20–30 см, изобретенный братьями Джимом и Ризином Боуи. Такой нож обычно отковывался кузнецом из напильника. Он пользовался большой популярностью среди пионеров-покорителей Запада и солдат, которые любили его за универсальность: им можно было снять шкуру зверя, заколоть врага, а также использовать его как универсальный инструмент для еды.

— Подходящее оружие, — согласился Рун. — Он изготовлен и использовался во время Гражданской войны, а сюда его принес один из братьев нашего Ордена, который погиб в сражении при Антиетаме[1].

— Одного из самых кровопролитных сражений нашей войны, — добавил Джордан.

— После этого его лезвие было покрыто серебром, — произнес Рун, глядя на Джордана. — Пользуйся им умело и с достоинством.

Стоун кивнул, с грустью подумав о прежнем владельце кинжала.

Эрин припомнила сражение на ножах в усыпальнице. Теперь она никогда бы не стала беспомощно прятаться в саркофаге.

— Мне тоже нужен такой же. А пистолет?

— А вы умеете стрелять? — поинтересовался кардинал.

— В подростковом возрасте я охотилась — но никогда не убивала того, кого не намеревалась съесть.

Джордан снова улыбнулся ей своей насмешливо-презрительной улыбкой.

— А сейчас думайте о том, как застрелить того, кто намерен съесть *вас*.

Эрин через силу улыбнулась, все еще не в силах прийти в себя от мысли, что ей предстоит убивать кого-то, пусть даже стригоев. Ведь они выглядят как люди; они и *были* когда-то людьми.

— Они без колебания убьют вас или поступят с вами куда хуже, — сказал Рун. — Если вы не сможете подготовить себя к тому, что вы должны лишать их жизни...

— Хорошо, хорошо, Рун, — прервал его кардинал. — Но ведь не всем предстоит солдатская работа. Доктор Грейнд-

---

[1] Сражение при Антиетаме произошло 17 сентября 1862 года у города Шарпсберг, штат Мэриленд, и реки Энтитем-Крик между федеральной армией и армией Конфедерации. Стало первой крупной битвой на территории Севера и осталось самым кровопролитным однодневным сражением в американской истории: с обеих сторон погибло около 3600 человек.

жер будет путешествовать в качестве ученого. Я уверен, что вы с сержантом Стоуном обеспечите ее безопасность.

— Лично я не разделяю вашей непоколебимой уверенности в наших способностях, — скептически заметил Рун. — Она должна быть готова к тому, чтобы защищать себя.

— Я к этому и готовлюсь.

Свой выбор Эрин остановила на пистолете «ЗИГ-Зауэр».

— Отличное оружие, — похвалил ее выбор кардинал, передавая ей несколько коробок с посеребренными боеприпасами.

Она положила пистолет в наплечную кобуру, представляя себе, как нелепо та выглядит на ее длинном платье — словно наряженная для роли в шоу в стиле «Дикий Запад»[1].

— Я могу купить здесь джинсы?

— Я прослежу за этим, — обещал Бернард, а затем показал на одежду, развешанную на плечиках по стене: два длинных кожаных плаща. — Кстати, это тоже для вас.

Джордан подошел ближе и пощупал пальцами более длинный плащ.

— Из чего он сшит?

— Из волчьих шкур богопротивных тварей, — шутя, ответил кардинал. — Такая кожа непроницаема ни для ножа, ни для пули.

— Похоже на бронежилет, — одобрительно заметил Джордан.

Эрин выбрала плащ меньшего размера, явно предназначенный для нее. Он был как минимум вдвое тяжелее нормальной куртки. Хотя по внешнему виду плащ не отличался от куртки, материал был похож на дорогую кожу. Джордан натянул свой плащ на плечи. Цвета молочного шоколада, он сидел на нем безукоризненно. В нем Стоун выглядел даже лучше, чем в камуфляже.

Эрин надела свой плащ, чуть посветлее, чем у Джордана. Он доходил ей до колен, но не мешал движению. Кру-

[1] Имеется в виду знаменитое цирковое представление, включало скачки, стрельбу, элементы родео, охоты на бизонов и т. п.

глый воротник, доходивший спереди ей до подбородка, сзади прикрывал шею.

— Я хочу дать вам еще и это.

Рун вложил ей в руку серебряное ожерелье — цепь с висящим на ней православным крестом.

Много лет назад Эрин ежедневно надевала на себя крест — пока в конце концов не сбросила его с себя, когда лошадь уносила ее на своей спине из постылого дома. После многих лет, в течение которых отец вколачивал в нее Бога, он преуспел лишь в том, что напрочь выбил Бога из ее сознания.

— И какая от этого польза? — поинтересовалась она. — Кардинал сказал, что священные предметы не имеют большой силы против стригоев.

— Это не простое оружие, — Рун говорил так тихо, что ей пришлось напрягать слух, чтобы расслышать его слова. — Это символ Христа. А он сильнее оружия.

Эрин пристально посмотрела в его искренние глаза. Пытался ли он этим снова вернуть ее в лоно Христово? Или это было нечто большее?

Не обращая внимания на то, что он видел в ее взгляде, Корца все-таки повесил крест ей на шею.

— Спасибо.

В ответ Рун слегка поклонился ей и передал такой же крест Джордану.

— Не рано ли украшать себя драгоценностями? — спросил Стоун.

Рун смущенно сдвинул брови.

Эрин улыбнулась — и ее улыбка пришлась как раз вовремя.

— Не принимайте его всерьез. Он шутит над вами, Рун.

Джордан вздохнул, похлопал себя по бедрам и задал последний вопрос:

— Так когда мы отправляемся?

— Прямо сейчас, — без колебаний ответил Бернард.

Часть III

Восходят до небес, нисходят до бездны;
душа их истаевает в бедствии.

Псал. 106:26

Глава 28

27 октября, 03 часа 10 минут
по центральноевропейскому времени
Оберау, Германия

До рассвета оставалось еще невесть сколько времени, и Джордан старался поудобнее устроиться на сиденье черного седана «Мерседес S600». Из окна автомобиля он пристально вглядывался в темноту баварского леса, в котором еще властвовала ночь. Рядом с ним расположилась Эрин, а впереди за рулем сидел Корца, ведя машину настолько ловко и умело, словно специально демонстрировал им навыки использования сверхъестественных рефлексов, которыми он обладал.

Марио Андретти[1] *в колоратке.*

На всем протяжении извивающейся асфальтовой дороги по обеим ее сторонам стеной, упиравшейся в мрачное серое небо, стояли хвойные деревья. Со всех сторон клочья тумана, словно указующие персты привидений, тянулись вверх над темными суглинковыми проплешинами. Джордан протер глаза. Ему надо было перестать ломать голову и передохнуть, как это рекомендуют делать мужчинам, на-

[1] Марио Андретти — американский автогонщик итальянского происхождения, чемпион мира по автогонкам в классе Формула 1.

смотревшимся фильмов ужасов. Реальность, в которую он попал, была настолько необычной и причудливой, что его воображение вполне могло отдохнуть, оставив его в покое.

Он зевнул, все еще не отойдя от полета. Едва поднявшись на борт роскошного частного самолета, присланного из Ватикана, Стоун почти мгновенно заснул в одном из огромных удобных кресел. Трудно было поверить в то, что все это происходило в течение одной ночи: прошло всего четыре часа с того времени, как они вылетели из Иерусалима и реактивный самолет понес их на максимальной скорости на север.

Когда их самолет приземлился в Мюнхене, Эрин осматривалась вокруг такими изумленными, только что раскрытыми после сна глазами, что он сразу понял — она тоже хоть немного, но поспала.

Теперь Эрин, сидя рядом с ним и повернув голову, смотрела в свое окно. На ней были простые серые джинсы, белая рубашка и кожаный плащ, который дал ей кардинал. Джордан, просунув палец под высокий воротник своего плаща, провел им вокруг шеи. Воротник был ему немного тесен, но во всем остальном подаренный кардиналом плащ был намного лучше всех бронежилетов, которые ему приходилось использовать; к тому же он еще и выглядел как обычная куртка. Хотя, учитывая, что их ждет впереди, такое защитное средство может оказаться и недостаточным.

Корца, сидящий перед ними за баранкой, распростился со своей разодранной сутаной и сейчас тоже был в коже — его черная куртка выглядела более эффектно, чем одежда Эрин и Джордана, и, по всей вероятности, была пошита на заказ. Долгие ночные часы, которые они провели в небе, казалось, ничуть не повлияли на него. А спал ли он в самолете? А требуется ли ему вообще сон?

С той минуты, как машина тронулась, Джордан не произнес ни звука, не желая отвлекать Корцу от дороги. Эрин тоже сидела молча, но, вероятнее всего, по другой причине.

Стоун не мог рассмотреть ее. Даже после того, как он вручил кардиналу свое обручальное кольцо, Эрин, казалось, все еще его сторонилась. Он случайно заметил, как она кра-

ем глаза наблюдала за ним, стараясь делать это незаметно и словно опасаясь открыто посмотреть ему в лицо.

Знай он наперед, что его заявление о том, что он одинокий, сделало его менее интересным для нее, то передал бы кардиналу Бернарду это обручальное кольцо, оставшись с ним наедине. Но что Джордан вообще знает о женщинах? Весь год, прошедший после смерти Карен, он прятал это кольцо.

Эрин, сидевшая рядом, зашевелилась.

— Вот и деревня Этталь.

Стоун, склонившись к ее окну, стал всматриваться туда, куда она показала.

Впереди, в глубине соснового леса, горели фонари уличного освещения, освещая своим светом белые дома с коричневыми крышами. В этот ранний час большинство окон были еще темными. Место, мимо которого они проезжали, напоминало изображенный на почтовых открытках живописный вид деревни с тисненными на лицевой стороне геральдическими символами и надписью *«Приятного пребывания в Баварии!»*. Трудно было поверить, что эта скромная, ничем не примечательная деревня хранит мрачную тайну, благодаря которой она стала оплотом сангвинистов.

Рун, не снижая скорости, промчался мимо.

Через несколько крутых поворотов перед ними возникло величественное, поднимающееся ввысь сооружение в стиле барокко, по обеим сторонам которого тянулись вытянутые в линию строения с башнями. Куполообразная крыша в центре, упиравшаяся в небо, была увенчана массивным золотым крестом, сиявшим в лунном свете. Под бесчисленными арками, украшающими фасад, либо ютились разные статуи, либо в них были вставлены окна витиеватого вида.

— Эттальское аббатство[1], — с благоговейным страхом в голосе произнесла Эрин, выпрямляясь на сиденье. — Я всегда надеялась, что когда-нибудь его увижу.

---

[1] Аббатство в Эттале было основано в 1330 году. По легенде, на месте, где сейчас стоит храм, трижды вставал на колени конь короля Баварии Людвига. Чуть позднее тут появилась знаменитая Эттальская Мадонна, и аббатство превратилось в место паломничества.

Услышав снова ее голос, Джордан буквально воспрянул.

С душевным волнением в голосе она продолжала:

— Людвиг Баварский выбрал это место для аббатства, потому что его конь трижды кланялся, оказавшись здесь.

— А как можно заставить лошадь кланяться? — изумился Джордан.

— Очевидно, с помощью божественных сил, — предположила Эрин.

Он ответил ей широкой улыбкой, а потом, наклонившись вперед, обратился к преподобному:

— Это и есть тот монастырь, падре, о котором вы говорили? В нем функционирует секретный университет?

— Он расположен внутри. И еще, я прошу вас называть меня Рун, а не *падре*.

Машина притормозила, заворачивая за угол, и туча гранитной крошки взметнулась из-под шин. В лучах фар возникло простое здание, стоящее на заднем плане, белое под красной шиферной крышей, более скромное и аскетическое, чем окружающие его строения. Оно казалось наиболее соответствующим сангвинистскому стилю.

Рун подвез их и к одному ничем не примечательному зданию и сразу резко остановился. Пастор выскочил из машины, даже не дождавшись, пока двигатель полностью остановится. Он замер возле седана, осматривая окружающие горы, двигая только глазами. Его ноздри раздувались.

Эрин, намереваясь открыть дверь, взялась за ручку, но Джордан остановил ее.

— Подождем, пока он не предложит нам выйти из машины. И пожалуйста, застегните молнию на плаще.

Он, насколько это было возможно, хотел защитить ее.

Снаружи Рун медленно вертелся вокруг себя, словно готовился дать отпор нападению с любой стороны.

03 часа 18 минут

Рун напрягся изо всех сил, вслушиваясь в сердцебиение людей, спавших в расположенном по соседству монастыре. Он ощущал запах сосен, доносившийся из леса, и

запах горячего металла от автомобиля. Он слышал мягкий свист рассекаемого воздуха — это ночная сова летала над лесом; слышал суетливую возню мыши-полевки возле своей ступни.

Пока ничего опасного.

Рун облегченно вздохнул: хорошо быть одному ночью. Большую часть жизни он провел в помещении в молитве или в полях, занимаясь охотой, на то, чтобы любоваться природой, времени у него не было — он был слишком занят войной. Когда Корца впервые надел на себя облачение своего Ордена, новые, возникшие при этом чувства, напугали его: они всегда напоминали ему о его сущности, не давая забыть о том, что на нем проклятие; но вот теперь он стал ценить такие редкие моменты, когда мог остановиться и пообщаться с созданием Божьим со всей полнотой и без всякой утайки. Рун никогда не чувствовал такой близости к Богу, как в такие моменты одиночества, он был намного ближе к Нему, чем в те минуты, когда стоял на коленях в какой-либо подземной часовне.

Рун решил побаловать себя еще одним вдохом.

И тут женщина зашевелилась в машине, призывая его заняться порученным ему делом.

Корца стоял перед громадой главного здания и двумя его крыльями. Он внимательно смотрел на дальние окна, проверяя, нет ли в каком-либо из них наблюдателя. Нет, сейчас никто не шпионил за ним изнутри здания. Толстая дверь, расположенная внизу одного из меньших замков, была закрыта. Он напряг все свои чувства, стараясь услышать хоть что-то из-за крепкой и прочной деревянной обшивки этой двери, но изнутри не доносилось даже ударов сердца — и только шепот уловило его чуткое ухо.

Рун, входи, пожалуйста. Все спокойно.

Корца расслабился, услышав этот знакомый голос с немецким акцентом.

Повернувшись, он быстро кивнул Джордану. У этого парня, по крайней мере, хватило ума на то, чтобы все это время оставаться вместе с Эрин в машине. Пара, неловко

двигаясь и с громким шумом, раздражающим чуткое ухо Руна, выбралась наружу.

Пока они были в безопасности, находясь в его тени, Рун поспешил к обитой деревом двери.

Джордан стоял между Эрин и темным лесом, прикрывая ее с той стороны, откуда вернее всего можно было ожидать нападения. У него был хороший инстинкт — Рун подметил это еще раньше. Может, этого и будет достаточно.

Они еще не успели дойти до массивной двери, как она уже отворилась.

Рун отошел в сторону, давая возможность своим спутникам пройти первыми. Чем скорее они покинут открытое пространство, тем лучше.

Когда Джордан и Эрин, пригнувшись, проходили через невысокий дверной проем, Корца обернулся назад и в последний раз осмотрелся. Он не заметил ничего угрожающего, но чувство опасности все-таки не давало ему покоя.

Глава 29

27 октября, 03 часа 19 минут
по центральноевропейскому времени
Эттталь, Германия

Укрывшись на вершине поросшего лесом холма, оттуда было видно аббатство, Батория, лежа на животе на куче прошлогодних листьев и не обращая внимания на холодную сырость, пробиравшую ее до костей, наблюдала за Руном Корцой.

Голые толстые ветви липы, под которой она лежала, скрипели и потрескивали под напором ветра. Приставив к глазам мощный бинокль, Батория видела, что этот рыцарь оставил седан за зданием монастыря. Свой наблюдательный пункт она расположила на таком расстоянии от монастыря, чтобы оставаться вне зоны досягаемости чутья сангвинистов. То, с каким напряженным вниманием рыцарь ос-

мотрелся перед тем, как войти в дверь, ясно говорило о его подозрениях, однако ее он не обнаружил.

Но сейчас ее единственным врагом был сгущающийся туман.

Как только Корца скрылся в аббатстве, Батория, опустив голову на руки, решила передохнуть и расслабиться.

Рисковая игра, которую она затеяла, позволит ей расплатиться со всеми и за все сполна.

Она послала фото нацистской медали трем историкам, связанным с велиалами. Поскольку они не пришли к единому мнению о важности этой улики, она решила изменить направление своей работы, сосредоточившись на шпионской информации, добываемой ее агентурой на Святой земле. Батория получила известие о том, что Корца намерен вылететь на самолете в Германию, но точно узнать, где именно он намерен приземлиться и куда потом направится, ее агентура не смогла.

Но она-то это знала — или, по крайней мере, предполагала.

Корца не станет откладывать поиски Книги в долгий ящик. Он наверняка возьмет эту единственную улику, добытую в усыпальнице, и обратится к историкам, лояльно относящимся к его Ордену, точно так же, как она обратилась к историкам, лояльным к ней. Батории было известно об Эттальском монастыре и о том, что ученые Епископального университета проводили историческое исследование, связанное с событиями конца Второй мировой войны.

Разумеется, именно сюда он и должен был направиться.

Батория тоже начала действовать, не сказав никому ни слова о своих планах, поскольку понимала, что их одобрение может затянуться невесть на сколько времени. Она собрала все силы, которыми располагали стригои в песках Святой земли — армия получилась небольшой, — и расположила их здесь, в засаде, среди суглинков и опавшей листвы.

Это был отчаянный шаг, поддержанный Тареком, который, в чем она была уверена, тайно надеялся на то, что она снова провалит дело.

Магор, лежавший рядом с ней, зашевелился, его голова покоилась на ее плече. Батория склонилась к нему. Несмотря на плотное, подбитое мехом пальто, защищавшее ее от холода баварской ночи, ей доставляло несказанное удовольствие жаркое тепло, исходившего от тела Магора, — более того, она буквально млела от его привязанности, от чувства близости, исходившего от него. Да и он сам, ощущая ее покровительство, чувствовал себя рядом с ней более защищенным. Батория ощущала некоторое подспудное и непонятное для волка беспокойство, стеснявшее его грудь.

Для волка пустыни это был новый, непонятный мир.

Успокойся... — мысленно внушала она ему... — *кровь из добычи льется здесь так же хорошо, как и в песках...*

Существо, лежавшее возле другого ее бока, тоже зашевелилось, это был тот, к кому она испытывала лишь презрение.

— Может, мне вместе с другими выдвинуться ближе? — спросил Тарек. — У меня ведь нет сердца, так что сердцебиение меня не выдаст. А вот у тебя-то все иначе.

Батория пропустила мимо ушей и его реплику, и последнюю фразу, в которую он вложил оскорбительный для нее смысл. Она была уверена, что Тарек думает лишь о том, как украсть у нее славу.

— Сиди здесь, — осадила она его. — Мы не можем рисковать нашими силами.

Запах прелых листьев заполнил ее ноздри. В отличие от Магора, Батория словно глотала его. После многих лет, проведенных в жаркой Иудейской пустыне, слушать звуки леса и вдыхать лесные запахи доставляло ей огромное удовольствие. Все здесь напоминало ей о ее родном доме в Венгрии, и эти счастливые воспоминания словно прибавляли ей сил. Какое чудное было то время, пока на ее теле не появилась Его отметина...

— На этот раз у нас больше сил, — наседал на нее Тарек. — Мы можем взять их. Вытянуть из них информацию и завладеть Книгой.

В его словах Батория слышала кровожадное желание: Тареку не терпелось отомстить за тех, кого он потерял в Масаде, утолить свою ненасытную жажду крови. Она прижала к глазам окуляры бинокля. Неужто он не понимает, что и она одержима таким же желанием отомстить, такой же жаждой крови? Но она не будет делать глупостей и спешить, да и Тареку не разрешит подобного. Батория помнила основную задачу союза, созданного и предводимого Велиалом: умело сочетать дикость стригоев с тщательно вымеренными коварством и хитростью людей.

Отвечая ему, она даже не соизволила повернуть голову в его сторону.

— Мои приказы остаются прежними. Выбранные мною оборонительные позиции предпочтительнее твоих. Всего *один* из сангвинистов справился с шестью твоими подручными на незнакомой территории в Масаде, а сейчас мы не знаем, сколько их может быть в аббатстве. Тот, кто осмелится спуститься вниз, наверняка не вернется назад.

При этих словах у большей части ее воинства лица стали откровенно трусливыми.

Но Тарек не испугался. Его вытянутая рука показывала на аббатство; он был готов спорить с ней, испытывать ее. Ее совершенно не трогало проявляемое им неуважение. Батории надо было окончательно покончить с ним, так как сангвинисты покончили с ее семьей.

Она схватила его вытянутую в сторону аббатства руку и с силой приложила ее к своему горлу прежде, чем он успел среагировать.

— Если ты думаешь, что сможешь повести их, — презрительно произнесла она, — давай, веди!

Как только ладонь Тарека коснулась ее роковой отметины, его кожа зашипела. Подпрыгнув, он с криком отскочил прочь, его пальцы дымились от этого секундного контакта с порченой кровью Батории, действующей даже сквозь ее кожу.

Окружавшие их мужчины отпрянули назад — все, кроме Рафика, который бросился на выручку брату, вскочив на бугорок рядом с ней.

Магор угрожающе зарычал, готовый вступить в бой.

Нет, — приказала она ему. Это была ее драка, ей предстояло дать урок.

Вскинув тощее тело Рафика, Батория положила его на себя, как любовника. Затем зажав в пальцах его волосы, притянула его голову к себе и приложила его ртом к своей шее. Нежная плоть задымилась, Рафик завопил и волчком завертелся над ней.

А она, глядя на Тарека, спросила:

— Ну как, кормить твоего братца дальше?

Злоба буквально выплескивалась из его глаз, сменяясь страхом — он боялся за жизнь брата и боялся Баторию. А она, удовлетворившись содеянным и отпустив Рафика, оттолкнула его от себя. Он, хныча, как младенец, подобрался на четвереньках к Тареку, его губы, покрывшиеся волдырями, кое-где еще дымились.

Тарек, опустившись на колени, успокаивал своего все еще не опомнившегося брата.

Батория почувствовала себя виноватой — она ведь знала, что умственное развитие Рафика было на уровне маленького ребенка, но она должна быть твердой — более твердой, чем любой из них.

Магор, ползя на брюхе, приблизился к ней, обнюхал ее, убеждаясь, что с ней все в порядке, и одновременно демонстрируя ей своей позой, что он целиком и полностью признает ее вожаком этой своры. Батория почесала у него между ушей, принимая его волчье почтение. Встав над Тареком, она ожидала подобного и от него.

Его голова медленно склонилась, глаза потупились.

Вот и отлично.

Батория вернулась к своему лежбищу на листьях и поднесла бинокль к глазам.

Теперь ей предстояло одолеть еще одного.

Глава 30

27 октября, 03 часа 22 минуты
по центральноевропейскому времени
Эттталь, Германия

Едва Эрин переступила через порог маленькой двери в заднем фасаде аббатства, знакомый запах дыма горящего дерева вернул ее снова к тому времени, когда она была обязана постоянно обеспечивать дом дровами и водой.

Это показалось ей очень странным. Зачем сангвинистам огонь? Разве они любят тепло, танцующее пламя, потрескивание угольков? А может быть, в этой части аббатства жили люди?

Шагнув за порог, Эрин остановилась рядом с Джорданом у входа в длинный каменный коридор, конец которого был скрыт в темноте. Путь им преградил ангельского вида священник, с виду не более чем мальчик.

Может, он и вправду был мальчиком?

— Я брат Леопольд, — приветствовал он их, сопровождая свои слова легким поклоном; в его речи слышался сильный баварский акцент. На нем было простое монашеское одеяние, а на лице — круглые очки в проволочной оправе. — Позвольте мне включить свет.

Он протянул руку вперед, но Джордан перехватил ее со словами:

— Никакого освещения, пока мы все не отойдем от двери.

— Простите мою неосмотрительность. — Брат Леопольд зашагал вперед по длинному коридору. — Здесь, в провинции, мы привыкли к спокойной жизни. Прошу вас следовать за мной.

Он повел их по темному коридору к лестницам. В темноте Эрин, споткнувшись, чуть не столкнула провожатого вниз по ступенькам, но Рун, изловчившись, подхватил ее за локоть и поставил прямо, его рука была крепкой и в то же время холодной.

Джордан сунул ей в руку пару очков ночного видения.

— Раз уж мы захватили с собой эти игрушки, возможно, они нам действительно понадобятся. Как говорят, в чужой монастырь со своим уставом...

Эрин надела очки и закрепила их на глазах с помощью эластичного ремешка, перекинутого за голову. Весь мир сразу покрылся зелеными тенями. Она с трудом различала ступеньки. Вместо грубых каменных плит под ногами был протертый линолеум, похожий на тот, который можно встретить практически в каждом университете.

Этот незначительный показатель соответствия принятому стандарту успокоил ее.

Из любопытства Эрин переключила свои очки на инфракрасный режим и сразу увидела рядом с собой свет теплого тела Джордана. Инстинктивно она приблизилась к нему.

Взгляд, направленный на их провожатого, показал, что тот пропал — хотя она отчетливо слышала его шаги по ступенькам лестницы. Его тело явно не излучало тепла. Несмотря на свою ангельскую внешность, он вовсе не был молодым человеком. Он был сангвинистом. Обеспокоенная этой мыслью, Эрин снова переключила очки на режим ночного видения.

Они дошли до нижней площадки лестницы, и тут путь им преградила стальная дверь с электронным замком.

Брат Леопольд набрал на клавиатуре пятизначный код, и дверь распахнулась.

— Поторопитесь, прошу вас.

Эрин, оглянувшись через плечо, вдруг почувствовала страх и задумалась над тем, какая опасность может их подстерегать.

— В этом помещении установлено устройство климатического контроля, — с ободряющей улыбкой пояснил брат Леопольд. — Больше ничего, поверьте мне.

Эрин быстро вошла в дверь, следом за ней вошел Джордан, все еще демонстрирующий свою готовность к любым неожиданностям.

Протянув руку, брат Леопольд повернул выключатель. Зажегся свет, почти ослепив Эрин, глаза которой все еще

были прикрыты очками. Она и Джордан мгновенно сорвали с себя эти не нужные сейчас предметы экипировки.

— Прошу прощения, — извинился брат Леопольд, поняв, что он сделал, включив свет без предупреждения.

Эрин, часто моргая, помогла сетчатке глаз восстановиться после слепящей вспышки и стала внимательно осматривать заставленную разнообразными вещами комнату, похожую на ее офис в Стенфорде. Но вопреки ее ожиданием, вместо сокровищ библейских времен комната была заполнена реликвиями и артефактами Второй мировой войны. Одна стена была сплошь завешана вставленными в рамы картами 1940-х годов; возле другой от пола до потолка громоздились полки, набитые книгами в два ряда; дальняя стена была облицована черным стеклом, что показалось Эрин несколько странным. В комнате пахло книгами, чернилами и кожей.

Как человек науки, она с удовольствием вошла сюда — и с таким же удовольствием осталась бы здесь навечно.

Ветхий, обитый потертой кожей конторский стул стоял возле большого дубового письменного стола, на котором громоздились кучи бумаг, стопки книг и стеклянная шкатулка, наполненная жетонами и медалями.

Джордан, обозрев комнату, изрек:

— Слава Господу, что хоть в кои-то веки здесь я не вижу ни одной вещи, которая выглядела бы более древней, чем Соединенные Штаты.

— По-вашему, это *хорошо,* — недовольно заметила Эрин.

— И не дурит головы, — добавил Рун. — Ведь много зла было содеяно в современный период истории, так же как и в древние эпохи.

— Никто не собирается мешать мне наслаждаться этим моментом, верно?

Джордан, подождав, пока брат Леопольд отошел в сторону, приблизился к ней, и снова она почувствовала доброжелательное тепло, исходящее от его тела.

— Простите, что не прибрался в комнате, — сказал молодой монах, поправляя очки. — А также и за то, что не

познакомился с вами. Вы ведь сержант Джордан Стоун, верно?

— Так точно, — отчеканил тот, протягивая руку.

Брат Леопольд пожал ее обеими руками, подняв и опустив сомкнутые в пожатии руки.

— *Willkommen*[1]. Добро пожаловать в Эттальское аббатство.

— Спасибо, — ответил Джордан, доброжелательно улыбаясь монаху.

Брат Леопольд ответил Джордану улыбкой, такой же приветливой, как и его рукопожатие.

Представив себя, Эрин про себя решила, что этот монах более человечный, чем Рун или Бернард. Правда, его протянутая для пожатия рука была такой же холодной, но ее пожатие было более дружественным, чем при знакомстве с другими членами его Ордена, и менее формальным по сравнению с пожатием руки, затянутой перчаткой. Возможно, он просто *моложе* своих собратьев, проживших на свете на много столетий больше.

Брат Леопольд драматическим жестом руки указал на хаос, творящийся в его кабинете.

— Вся коллекция и я сам в вашем полном распоряжении, профессор Грейнджер. Насколько мне известно, у вас есть некий артефакт, о котором вы хотели бы получить более подробные сведения.

— Совершенно верно.

Запустив руку под куртку, Эрин достала из кармана джинсов пакетик и, развернув его, положила на ладонь нацистскую медаль. Протянув ее монаху, она спросила:

— Что вы можете сказать об этом?

Держа медаль большим и указательным пальцами, он внимательно осмотрел ее через очки, затем, сняв их, поднес медаль почти вплотную к глазам. Несколько раз подбросил ее на руке и, наконец, подошел к столу, где положил ее под увеличительный объектив, закрепленный на штативе. Прочел выгравированную надпись:

---

[1] Добро пожаловать *(нем.)*.

— *«Аненербе»*. Неудивительно, что вы нашли один из их опознавательных знаков в Святой земле. Эта группа провела там не один десяток лет, отыскивая и обшаривая усыпальницы, пещеры, разного рода развалины. — Он повернул медаль другой стороной. — О, а вот это уже интересно. Руна Одал. — Леопольд внимательно посмотрел на Эрин. — А в каком именно месте вы ее нашли?

— В ручке мумифицированной девочки, убитой в израильской пустыне. Мы ищем какие-либо артефакты, которые, возможно, были похищены у нее людьми из «Аненербе».

Одна бровь монаха в изумлении поднялась. Он смотрел на них, ожидая дальнейших объяснений, но, не дождавшись, вздохнул и, разведя руками, заключил:

— Зло, которое сотворили эти нацисты, не поддается исчислению.

Эрин почувствовала себя неловко и даже несколько виноватой за то, что не могла говорить более открыто с этим благожелательно настроенным монахом. Она знала, что брату Леопольду ничего не известно о том, что они заняты поисками Кровавого Евангелия — он должен был всего лишь помочь им выяснить, что за вещь они нашли в пустыне.

— Как по-вашему, возможно определить, кому принадлежала эта медаль? — спросила Эрин. — Если бы мы знали это, то, возможно, более точно определились бы с направлением дальнейших поисков.

— Это может быть трудно. Я не вижу никаких опознавательных знаков.

Эрин старалась не показывать охватившее ее отчаяние, но разве могла она справиться с ним?

Джордан, должно быть, уловил ее настроение, поскольку, положив руку ей на плечо, постарался перевести разговор на другую тему. Он прочел несколько названий на картах, правильно выговаривая немецкие слова.

— Вы говорите по-немецки? — удивилась Эрин.

— Немного, — ответил Джордан. — И еще немного по-арабски. И немного по-английски.

Рун повернулся на месте, привлекая к себе внимание Эрин, и она задумалась, сколько языков может знать он.

Джордан, глядя на брата Леопольда, спросил:

— А как вам удалось собрать такую значительную подборку карт?

— Некоторые попали ко мне сразу после того, как были напечатаны. — Монах погладил деревянные розовые четки, висевшие у него на поясе. — Должен со стыдом признаться вам, что, будучи человеком, я был членом Национал-социалистической партии.

Глаза Джордана расширились.

— Вы...

Придя в такое же удивление, Эрин пыталась представить себе этого округлого монаха с открытым лицом в образе нациста.

В разговор вмешался Рун:

— Может, нам сосредоточить внимание на «Аненербе»?

— Разумеется. — Брат Леопольд уселся на шаткий, обитый кожей стул. — Я просто хочу, чтобы оба ваши спутника поняли, что мои знания в подобных вопросах вовсе не эзотерические. Став сангвинистом и узнав больше о деятельности нацистов, я посвятил все свое дальнейшее существование и мои научные занятия уничтожению созданного ими зла и недопущению того, чтобы подобное злодейство когда-нибудь повторилось.

— А в процессе этого, — спросил Рун, — вам доводилось видеть медали, подобные этой?

— Да, я видел такие. — Брат Леопольд порылся в одном из ящиков письменного стола и вынул оттуда небольшую деревянную коробочку со стеклянной крышкой. — Вот посмотрите, тут несколько жетонов «Аненербе». Большинство из них собрал падре Пирс, мой наставник и пастор, который и ввел меня в духовный сан. Он знал о нацистских оккультных изысканиях намного больше, чем кто-либо другой, — возможно, даже больше, чем об этом знали сами немцы.

Эрин вспомнила, как кардинал Бернард там, в Иерусалиме, упоминал имя этого погибшего пастора. Многие вы-

дающиеся историки ушли из жизни в прошедшие столетия, унеся с собой в могилу добытые ими, но незадокументированные сведения. Для людей, занимающихся исследованиями, такие потери часто бывают невосполнимыми.

Монах снова обратил их внимание на извлеченную им из стола коробочку:

— Я думаю, вы обратите внимание на центральную часть медали.

Он постучал пальцем по стеклу над отлитым из сплава олова со свинцом жетона в форме руны Одал со свастикой в середине и двумя ножками, протянутыми снизу и как бы оканчивающимися маленькими ступнями.

Эрин прочитала слова, выгравированные по краям: «Volk. Sippe».

— «Народ» и «племя», — перевела она. — «Аненербе» верила, что германцы происходят от арийской расы, от народа, который, как они считали, обитал в Атлантиде, перед тем как двинуться на север.

— В Атлантиде? — качая головой, переспросил Джордан.

Внимание Эрин привлек другой жетон. Эмблема на нем имела форму подставки для установки раскрытой книги.

— А что это?

— А этот жетон подтверждает важность, придаваемую «Аненербе» документальному подтверждению своей арийской истории и унаследованным традициям. Однако некоторые утверждают, что этот жетон означает величайшую тайну, некую оккультную книгу, описывающую великую силу, и эта книга будто бы есть у них.

Эрин и Рун переглянулись.

Может ли это быть истолковано как намек на то, что они владеют Кровавым Евангелием?

Монах сдвинул в сторону груду документов времен нацистской эпохи, под ней показалась современная компьютерная клавиатура. Он застучал по ней пальцами, и стена позади его письменного стола вдруг засветилась, оказавшись гигантским компьютерным монитором. На громадном экране стали с невероятной скоростью возникать данные. Оказывается, сангвинисты располагают и древними, и *современными* игрушками.

— Если вы ищете пропавшие артефакты «Аненербе», — сказал Леопольд, не отрывая своих быстро летающих пальцев от клавиатуры, — то вот перед вами карта Германии. Я тружусь над ней по меньшей мере шестьдесят лет. Красными стрелками на ней указаны *предполагаемые* места расположения нацистских бункеров и хранилищ. Зеленым отмечено то, что уже было опустошено. — Он вздохнул. — Как это ни печально, красных стрелок больше, чем зеленых.

Эрин почувствовала, как внутри ее все оборвалось. Едва ли на карте можно было найти хоть один квадратный дюйм, где не было бы стрелки. И печальнее всего было то, что большинство из них были красными.

— Если все они еще не опустошены, — спросила Эрин, показывая на карту, — как вы выяснили, где именно они

находятся? И как понимать *предполагаемые* нацистские бункеры?

— Мы слышали рассказы о них. Местный фольклор, если можно так сказать. Иногда мы делаем выводы исходя из информации, обнаруженной в уцелевших — хотя бы частично — нацистских документах.

Джордан пристально вглядывался в экран.

— Но ведь это не единственный способ, воспользовавшись которым вы нанесли на карту все эти точки, ведь верно? — Он кивком указал на переполненный данными экран. — Принимая во внимание сложность этого исследования, я могу предположить, что вы, должно быть, использовали спутниковую телеметрию и методы спутникового радиолокационного исследования подпочвенных пластов для определения мест хранения.

Брат Леопольд улыбнулся.

— Вы заставляете меня чувствовать себя обманщиком. Но в конечном итоге все эти замечательные технологии смогли добавить лишь очень небольшое число красных стрелок. Единственным способом выяснить, если ли в данном месте что-либо или имеется ли в этом хранилище что-либо действительно ценное, — это лично осмотреть их одно за другим.

Глаза Руна блестели, когда он взглядом сканировал выведенную на экран карту сверху вниз.

— То, что мы ищем, возможно, находится в одной из сотен этих обозначенных на экране точек.

Брат Леопольд, откинувшись на спинку стула и закинув ногу на ногу, произнес:

— К сожалению, ничего более утешительного сообщить вам я не могу.

Руна передернуло. Эрин почувствовала его нетерпение и раздражение. Велиалы с таким же усердием и азартом шли по следу Книги, как она, Джордан и Рун. Каждая минута могла стать решающей.

Джордан постучал пальцем по одной из стрелок.

— Начнем эту адову работу отсюда, друзья. Мы пройдем по этим точкам, оценим их с точки зрения вероятности и проработаем... вернее, перепашем их. Будем пользоваться координатной сеткой. Эта работа будет не быстрой, но тщательной.

Его предложение было логичным — но не давало уверенности в том, что является правильным.

03 часа 42 минуты

Джордан смотрел, как Эрин, подойдя к письменному столу, вынула медаль из-под увеличительного объектива. По складке между ее бровями и по наклону спины он ясно видел, что она расстроена. Ему также не по душе было предложение обследовать сотни мест, но что еще можно было предложить?

Эрин повернулась в его сторону, и он сразу заметил блеск в ее глазах. Это было привычным признаком того, что положение должно измениться, правда, не всегда эти изменения бывали к лучшему.

Коснувшись ее плеча, Джордан спросил:

— Эрин, ты что-то надумала?

— Даже и не знаю.

Подушечкой большого пальца она потерла руну на обратной стороне медали. Корца, склонив голову набок, не отрываясь смотрел на Эрин с такими же напряжением и волнением, какие испытывал Джордан; своими пристальными взглядами они буквально пожирали ее.

Стоун, сдвинувшись с места, встал между ними.

— Рассказывайте, — сказал он. — Может быть, мы что-нибудь подскажем.

Взгляд карих глаз Эрин был где-то далеко.

— Символы были очень важными элементами для «Аненербе». Почему именно *этот* символ оказался на сорванной девочкой медали?

Стул под Леопольдом заскрипел.

— Руна Одал обозначает *наследственность*. Одал, начертанная после имени человека или на каком-то предмете, обозначает *право собственности*, иначе говоря, владение.

— Подобно тому, как ваши кеды помечены вашим именем, — уточнил Джордан. Он посмотрел на жетон со свастикой в центре руны. — Так, значит, эта эмблема свидетельствует о том, что «Аненербе» принадлежит нацистам?

Стоун понимал, что его вопрос звучит явно по-идиотски для уха ученого человека, но ведь иногда идиотские предложения приводят в конце концов к тому, что дело сдвигается с места.

— Я думаю, более правильным было бы полагать, что, по мнению «Аненербе», она принадлежала *Третьему рейху*, — поправила его Эрин. — Все, кто работал в этой структуре, верили, что они стоят на страже арийского наследия.

— Ну и что из этого следует? — решительным тоном спросил Рун, склоняясь к ней, словно намереваясь заставить ее силой ответить на его вопрос.

Эрин, подавшись назад, ответила:

— Я не уверена в своих предположениях, но в конце войны Берлин подвергался бомбардировкам. Лидеры Третьего рейха, скрываясь от правосудия, были в бегах. — Слова слетали с ее губ медленно, как будто она подыскивала их, в точности повторяя когда-то рассказанную историю. — И ученые «Аненербе» еще до формальной капитуляции знали, что война проиграна.

Леопольд согласно кивал.

— Они, конечно, знали. Но они мыслили в терминах столетий. Для них *настоящее* было бесцветной малоценной субстанцией. Их интересы сосредотачивались на истории арийской расы, уходящий корнями в прошедшие *десять тысяч лет* — и в ее будущее в течение такого же числа тысячелетий.

— Они думали о *Четвертом рейхе!* — сказала Эрин, глаза ее светились. — Эта группа, должно быть, планировала работу на дальнюю перспективу. Они наверняка хотели сохранить свои наиболее ценные вещи и сберечь их до наступления эпохи Четвертого рейха.

— А это значит, что они наверняка должны были спрятать их в местах, не известных вождям Третьего рейха, — заключил Леопольд, снова поворачиваясь к своему столу. — Поэтому мы можем исключить из рассмотрения все бункеры, задокументированные нацистским правительством.

Монах торопливо застучал по клавишам, и половина красных стрелок исчезла с экрана.

— Это уже кое-что, — облегченно вздохнул Джордан.

— И все-таки их еще слишком много, — грустно констатировала Эрин, шагая взад-вперед по маленькому офису, стараясь погасить нервное напряжение и заставить себя сосредоточиться.

Рун, не двигаясь с места, во все глаза следил за ней.

Эрин, не глядя на экран, указала на него рукой.

— Где они могли спрятать свои наиболее ценные артефакты, будучи уверенными в том, что будущие арийские ученые смогут найти их?

— А как насчет Атлантиды? — спросил Джордан, закатывая глаза. — С помощью русалок?

Эрин шлепнула себя ладонью по лбу.

— Ну конечно!

Трое мужчин молча смотрели на нее, как на ненормальную.

— Эрин, — ласковым предостерегающим голосом произнес Рун. — Должен напомнить вам, что нацистам не было известно местонахождение Атлантиды.

Она пропустила мимо ушей такую малозначимую для нее подробность.

— В легенде сказано, что Четвертый рейх поднимется из моря, как когда-то Атлантида, и вернет арийской расе ее господство над всеми. — Она повернулась к Леопольду. — А что, если оставшиеся ученые «Аненербе» пытались, образно говоря, выбрать беспроигрышное пари и следовать тому, что гласит пророчество?

Рун встал рядом с Джорданом, как будто что-то из только что сказанного Эрин обеспокоило его.

Эрин, словно ощутив прилив вдохновения, продолжала:

— Если следовать легенде, они, возможно, спрятали наиболее важные и значительные артефакты где-то возле воды. Оказавшись в окружении сил союзников, остатки ученых «Аненербе» уже не могли в конце войны достичь берега моря — и им пришлось прятать свои сокровища, закапывая их в землю Фатерланда. Поэтому им пришлось подыскивать самое подходящее место, но уже иного рода.

Раздался ставший вдруг хриплым голос Леопольда:

— Водное пространство внутри Германии.

— Какое-либо озеро, — уточнила Эрин.

Леопольд быстро ввел команду с клавиатуры, и с экрана исчезли почти все красные стрелки; осталась лишь дюжина стрелок, указывающих на неисследованные бункеры, расположенные на берегах озер.

Джордан сжал от возбуждения кулаки.

Даже на лице Руна, казалось, вот-вот появится улыбка.

— Сейчас я выведу фотографии всех этих точек, сделанные со спутника, — сказал Леопольд.

Через несколько минут на громадном экране появилось некоторое подобие шахматной доски — это были картины всех предварительно отобранных бункеров, полученные с помощью системы спутниковой подповерхностной радиолокации.

— *Mein Gott im Himmel!*[1] — в экстазе возопил Леопольд, перейдя непроизвольно на родной язык.

Все как по команде подошли почти вплотную к экрану и во все глаза смотрели на него.

Очертания одного из подземных бункеров, расположенного в правом нижнем квадрате, в точности повторяли контуры руны Одал. И этот сразу обративший на себя внимание бункер был расположен *вблизи* озера.

Фактически он находился под водой.

Почти как Атлантида.

---

[1] Бог мой на Небесах! (*нем.*)

Глава 31

27 октября,
03 часа 55 минут
по центральноевропейскому времени
Эттталь, Германия

Стоя перед компьютерным экраном, Рун находился так близко от Эрин, что чувствовал исходивший от ее тела запах простого мыла из иерусалимских запасов Бернарда. Когда она отбрасывала назад пряди своих длинных волос, в воздухе распространялись теплые волны.

Джордан, вставший между ними, снова заслонил от него Эрин. Рун понимал, что сержант делает это специально. Этот солдат держал руки наготове и занимал по отношению к Руну позицию, удобную для любых действий, в том числе и для драки.

Это раздражало Руна — больше того, это его бесило, — но он изо всех сил старался сохранять спокойствие. Джордан, в общем-то, поступал правильно, держа под неусыпным контролем пространство между ним и этой красавицей. Эрин Грейнджер с ее проницательным умом и жалостливым сердцем была, несомненно, очень и очень опасной женщиной. Поэтому Руну надо было держаться от нее как можно дальше.

Корца переключил свое внимание на брата Леопольда и на дело, которым они все занимались:

— Здесь можно собрать триаду?

— *Натюрлих.* — Четки, висевшие на поясе монаха, чиркнули по кромке стола, когда он вставал со стула. — Надия, Эммануил и Христиан, если тебе будет угодно. Хочешь я приведу их?

— Только Надию и Эммануила, — сказал Рун. — Третьим буду я.

— А что такое триада? — спросил Джордан, прислушивавшийся к их разговору.

Леопольд, сняв трубку с черного телефонного аппарата, объяснил:

— Воины-сангвинисты работают в группах по трое. Три — это же святое число.

И отличная боевая единица, мысленно добавил Рун, а вслух произнес:

— Я вместе с этой парой доберусь до бункера и осмотрю его.

Эрин, сложив руки крестом, решительно объявила:

— Я тоже еду.

— Ведь мы же составляем группу, сформированную в результате переговоров, — вмешался в разговор Джордан. — Или ты забыл, что говорил кардинал?

Рун выпрямился и расправил плечи.

— Вам было поручено помогать мне в поиске, что вы и сделали. Если нам повезет, мы вернемся назад с артефактом.

— Я верю тому, что сказал кардинал, назвав нас *«трио». Женщина, воитель и рыцарь.* Я за то, чтобы усилить наше трио, но против того, чтобы заменять его, — с доброжелательной улыбкой возразил Джордан.

Набрав номер, брат Леопольд заговорил в поднесенную ко рту трубку, но глаза его неотрывно следили за солдатом. Он слышал, о чем они говорили, понял, в чем дело, и узнал, что именно они ищут.

— Рун, — сказала Эрин. — Если... артефакт действительно окажется в бункере, то моя помощь приведет вас туда и, возможно, снова потребуется вам, когда вы окажетесь внутри бункера.

— Я прожил много столетий, не прибегая к вашей помощи, доктор Грейнджер.

Но Эрин не отступала:

— Если кардинал правильно истолковывает пророчество, то сейчас не время проявлять гордыню. Никому из нас.

Рун растерянно заморгал. Эрин как бы мимоходом указала ему на его самый серьезный недостаток.

Гордыню.

Именно благодаря ей он так низко пал в прошлом — и не допустит повторения этого вновь. Она права. Ему навер-

няка потребуется ее помощь, и он примет ее, подавив гордыню.

— Мы должны делать то, что нам назначено, — сказала Эрин, и в ее словах он словно услышал эхо того, что говорил ему кардинал.

Мы все должны смиренно подчиняться своим судьбам.

— Только тогда мы сможем добыть Книгу, — добавила Эрин.

Рун опустил глаза. Если исполнение пророчества началось, то они должны искать Книгу втроем. И как бы ему ни хотелось, оставить Эрин в стороне он не может. Даже ради ее личной безопасности.

А может быть, и его безопасности.

04 часа 02 минуты

Весь экран заняла новая карта — современная дорожная карта гористой местности района Гармиш-Партенкирхен. Озеро и спрятанный в нем бункер находились в глубине района примерно в сорока милях от аббатства. Глядя на сверкающий монитор, Эрин проследила взглядом за тонкой белой линией, петлявшей между зеленых холмов и упиравшейся в небольшое горное каровое озеро[1].

— Эта дорога ведет к озеру? — спросила она.

— Да, старая грунтовая дорога, — подтвердил брат Леопольд. — Машина, на которой вы приехали, для этой дороги не годится. Но...

Дверь офиса позади него резко распахнулась.

Рука Джордана машинально сжала приклад пистолета-пулемета.

Рун, отпрянув назад, принял боевую позу.

А Эрин просто повернулась. Правильно ли отреагировали ее спутники на внезапное вторжение, даже находясь здесь, где она чувствовала себя в безопасности? Дело в том,

---

[1] Каровое озеро — высокогорное озеро, образовавшееся в углублении (ка́ре), врезанном в верхнюю часть склона, обычно округлой формы со слабо изрезанной береговой линией.

что именно в этот момент она размышляла о том, спасует ли перед опасностями, которые ждут ее впереди.

Два существа в черном одеянии влетели в комнату подобно порыву ледяного ветра — порывистого, непредсказуемого и холодного. Когда они наконец остановились, Эрин признала в них сангвинистов.

Первым существом, как это ни удивительно, оказалась женщина, облаченная в сшитый по фигуре кожаный костюм, подобный тому, что был на Руне; единственное отличие заключалось в том, что ее талию опоясывал серебряный ремень, набранный из звеньев цепи. Блестящие черные волосы, заплетенные в косы, были собраны на затылке в пучок, заколотый шпильками. Ее суровое с виду лицо было более темным, чем у Руна, но его выражение было таким же непреклонным. Затянутая в перчатку рука покоилась на рукояти кинжала, висящего у бедра.

Обведя глазами комнату, она чуть заметно поклонилась Эрин и Джордану.

— Я — Надия.

Второй сангвинист, мужчина, стоял в двух шагах позади женщины.

— А я — Эммануил, — произнес он с испанским акцентом.

Мужчина был одет в черную сутану, расстегнутую спереди сверху донизу, под которой виднелся черный кожаный костюм и угадывались контуры невидимого оружия, по всей вероятности, покрытого серебром. Его белокурые волосы, слишком длинные для пастора, свободно спадали на плечи, одну его скулу прочерчивал сверху вниз розовый шрам.

Рун быстро заговорил с пришедшими на латыни. Эрин слушала, но не показывала вида, что понимает. Джордан застыл в своей привычной позе, ладонь покоилась на прикладе пистолета-пулемета, свешивающегося с плеча. Он попросту не доверял здесь никому.

Эрин, копируя его, проявила показной интерес к карте на экране, напряженно вслушиваясь при этом в разговор.

Рун быстро и немногословно изложил им все на емкой и краткой латыни: и о пророчестве, и о Джордане и Эрин, и о Книге, которую они ищут, и о врагах, с которыми они столкнулись. Стоило ему произнести слово «Велиан», как оба они, Надия и Эммануил, мгновенно напряглись.

Закончив рассказ, Рун повернулся к Леопольду:

— Ты понял, что тебе надо сделать?

Леопольд утвердительно кивнул:

— Три мотоцикла. Они уже заправлены и ждут вас.

Эрин не отрывала глаз от карты, от тонкой белой линии, проходящей по горам. Конечно, нечего и думать, что они могут добраться до нужного им места на легковой машине или даже на внедорожнике.

— Вы, похоже, готовы? — спросил Рун, глядя на Эрин и Джордана.

Эрин хватило лишь на то, чтобы подтвердить свою готовность кивком — но даже и это движение было неестественным, вымученным. Ей была ненавистна даже сама мысль о том, что надо покидать это привычное для нее, как для ученого, место, набитое пыльными книгами, заставленное колченогими, обитыми потертой кожей стульями; место, где с холодным безразличием светится огромный компьютерный экран. Но у нее были обязательства.

Когда Леопольд вел их по лестницам, Джордан не отходил от нее дальше чем на шаг, поддерживал ее, держа за запястье, при этом задерживая ее руку в своей дольше, чем требовалось.

Наклонившись к ее уху так близко, что она чувствовала на щеке его горячее дыхание, он спросил:

— В том, о чем они там говорили, есть что-либо, о чем мне надо знать?

Разумеется, ее показное невнимание к их разговору не могло быть воспринято им всерьез — Джордан ясно видел, что она вслушивается в их разговор. Эрин усиленно подыскивала слова для ответа, что было весьма затруднительно, поскольку ее сознание в это время переполняло ощущение его близости и практически все ее усилия были сосредото-

чены на том, чтобы не позволить своему телу преодолеть этот последний разделяющий их дюйм.

Перед тем как ответить, ей пришлось мысленно повторить его вопрос.

— Ничего важного. Он просто ввел их в курс дела.

— Ты тоже держи меня в курсе дела, — прошептал он ей на ухо.

Она, подняв голову, посмотрела в его глаза, потом перевела взгляд на его губы, вспомнила, как они там, в Иерусалиме, приникали к ее губам.

— Доктор Грейнджер? — окликнул ее Рун, стоявший на верхней ступеньке лестницы. — Сержант Стоун?

Тяжело дыша — и не только из-за крутого подъема, — Эрин поспешила вслед за сангвинистами.

Оказавшись на открытом воздухе, она почувствовала, что ночью стало еще холоднее, к тому же туман вокруг сгустился. Она с трудом различала очертания их «Мерседеса».

Когда они обошли машину, Джордан присвистнул от удивления.

Три черных мотоцикла с красными выхлопными трубами стояли перед ними на влажной траве. На Эрин они не произвели особого впечатления, но Джордан был просто поражен.

— «Дукати Стритфайтер», — задыхаясь от восторга, произнес он. — С магниевыми ободами и угольными глушителями в выхлопных трубах. Здорово! А быть попами, оказывается, не так уж и плохо.

Эрин смотрела на мотоциклы с более практичной точки зрения, сравнивая число пассажиров с числом машин.

— Кто с кем едет?

Надия, чуть приподняв уголки губ в едва уловимой улыбке, которую смогла сохранить с тех далеких времен, когда была человеком, сказала:

— С точки зрения равномерного распределения масс, мне следует взять сержанта Стоуна.

Эрин заколебалась. Она все еще не разобралась полностью в том, какова роль в предстоящей операции сангвиниста женского пола. Если Рун был пастором, то она — кто-то

вроде монахини, давшей обет церкви? Что бы там ни было, но во взгляде, которым она смотрела на Джордана, не было ничего, кроме целомудрия.

Стоун, разумеется, истолковал ее предложение по-своему и подошел к одному из мотоциклов.

— Я могу вести байк. — По тому, как он произнес это, было ясно, что он хочет сидеть за рулем одной из машин. — И я хотел бы иметь своей пассажиркой Эрин.

— Вы поедете медленно и будете задерживать всех, — сказала Надия, и на мгновение во взгляде ее черных глаз промелькнула насмешка.

Эрин поначалу ощетинилась, но, вспомнив, с каким мастерством Рун вел «Мерседес», вынуждена была признать, что скорость реакции ни у нее, ни у Джордана не идет ни в какое сравнение с быстротой реакции сангвинистов.

Джордан, должно быть, тоже признал это, поскольку с тяжелым вздохом и помрачневшим лицом кивнул.

Эммануил, подойдя к одному из мотоциклов и не говоря ни слова, по-хозяйски сел на седло. Джордан последовал за Надией к другой машине.

— Вы поедете со мной, доктор Грейнджер, — объявил Рун, направляясь к третьему мотоциклу.

— Даже и не знаю, если...

Не обращая внимания на ее слова, Корца сел на седло, приподняв и расправив полы своей сутаны. Обернувшись, он похлопал ладонью в перчатке по кожаному сиденью позади.

— Я помню, как вы сказали: «Для того чтобы добыть эту Книгу, нам придется не жалеть себя». Это ведь ваши слова, не так ли?

— Да, мои, — сделав усилие над собой, согласилась Эрин. — А мы что, поедем без шлемов?

Надия, услышав это, рассмеялась, а ее оживший мотоцикл взревел.

04 часа 10 минут

Рун напрягся, почувствовав, как руки Эрин обхватили его за талию. Даже сквозь кожу своего костюма он ощущал тепло, исходившее от ее рук и доходившее до его тела. Какой-то момент в нем боролись два непримиримых желания: оттолкнуть ее локтем подальше от себя или прижать ближе к себе.

Вместо этого Корца сделал то, что требовалось от него в этот момент.

— Вы прежде ездили на мотоцикле? — спросил он, пристально вглядываясь в темноту леса, затянутую к тому же еще и густой дымкой тумана.

— Один раз, но это было очень давно, — ответила Эрин.

Рун чувствовал, как за его спиной колотится ее сердце. Она была напугана сильнее, чем это могло показаться по ее голосу.

— Со мной вы будете в безопасности, — успокоил ее Корца, надеясь, что так оно и будет.

Эрин согласно кивнула, но сердце ее не стало биться спокойней.

Джордан, сидевший за спиной Надии, поднял вверх большой палец, когда она нажала на газ и мотор ее мотоцикла взревел, перейдя с холостых на рабочие обороты. Эммануил просто сорвался с места и рванул вперед, не дожидаясь никого.

Надия последовала за ним.

Хотя Рун пустил свой мотоцикл на более щадящей скорости, Эрин обхватила его еще крепче. Ее тело терлось о его спину, пока она плотно не прижалась к нему. Ее животное тепло грело Руна, но все его естество противилось этому телесному контакту. Он не должен был допускать того, чтобы его основной инстинкт взял верх над его сознанием. Он священнослужитель и с Божьей помощью исполнит свою миссию. Пробормотав короткую молитву, Корца сосредоточился на мотоцикле Надии, задние габариты которого быстро удалялись, прибавил скорость — и сразу же погнал свой мотоцикл еще быстрее.

Черные стволы деревьев, стоявшие по обеим сторонам дороги, мелькали перед глазами. Голубоватый луч фары прорезал тяжелую, как одеяло, завесу тумана. Рун во все глаза следил за неровностями дороги. Одно неправильное движение, и они разобьются.

Несущиеся впереди Надия и Эммануил прибавили скорость. Он — тоже.

Эрин уткнула лицо между его лопаток. Она дышала часто, но не глубоко, а ее сердце трепыхалось, словно заячье. Она еще не паниковала, но была близка к этому.

Несмотря на молитвы и обещания, тело Корцы сделалось чувствительным к ее страху.

04 часа 12 минут

Джордан сильно наклонялся на поворотах. Стоящие рядом с дорогой деревья сливались в одну длинную черную полосу с темно-зелеными вкраплениями. Глаза болели и слезились от ветра. Полы его плаща трепались за спиной.

Надия открыла дроссель, выехав на прямолинейный участок дороги — такие участки редко встречались на их извилистом пути. Стоун изловчился бросить из-за ее спины быстрый взгляд на спидометр: 254 километра в час — иначе говоря, их скорость была чуть больше 150 миль в час.

Это больше походило на полет.

Джордан слышал, как Надия смеялась, разгоняя мотоцикл все быстрее, но что он чувствовал при этом, он не мог объяснить даже себе. Ему ничего не оставалось делать, как только разделить ее энтузиазм, смеяться вместе с ней, ощущать переливающееся через край возбуждение, впервые после Масады чувствовать себя свободным.

Проходя очередной поворот, Надия накренила мотоцикл. Левое колено Стоуна не достало какого-то дюйма до усыпанной гравием дороги, а лицо проскочило на расстоянии фута от нависшей над дорогой скалы. Одно неверное движение, его или Надии, — и он был бы мертв.

Джордана бесило, что его жизнь зависит от ее мастерства вождения мотоцикла. Он был не более чем зрителем ее трюкачества за рулем.

Однако его лицо, обдуваемое ветром, улыбалось, он крепко прижимался к ее холодному твердому телу, но следил за тем, чтобы не сорваться невзначай и не проявить грубости. Он словно попал в супермаркет в «золотой час».

Глава 32

27 октября, 04 часа 43 минуты
по центральноевропейскому времени
Хармсфельд, Германия

Когда мотоциклы наконец сбавили скорость, Эрин рискнула открыть глаза. В течение почти всей поездки ее глаза были плотно зажмурены, лицо пряталось за спиной Руна, но, несмотря на это, кожа на лице была обветрена, а потому нестерпимо саднила.

Впереди виднелись редкие огни — это и было причиной, по которой Рун снизил скорость. Они доехали до небольшой горной деревни Хармсфельд. Рун сбавил скорость почти до минимальной, чтобы без шума проехать через центральную часть этой маленькой спящей баварской деревушки, выглядевшей так, словно они неслись не на мотоцикле, а в капсуле машины времени и она перенесла их в Средневековье: темные дома с красными черепичными крышами, кирпичными дымовыми трубами и расписными цветочными ящиками, установленными почти под каждым окном. Городскую площадь, на которой наверняка по будним дням располагался фермерский рынок, украшала единственная церковь с колокольней в готическом стиле.

Глядя поверх плеча Руна, Эрин пыталась отыскать глазами два других мотоцикла, но их хвостовых огней не было видно на всем протяжении мощенной булыжником улицы — по ее мнению, это свидетельствовало о том, что Рун слишком сильно сбросил скорость, заботясь о ней; ведь она

была его пассажиром. Но, несмотря на это, у Эрин было такое чувство, будто ее желудок остался на площадке в Эттальском аббатстве, с которой они отправились в поездку.

Сразу же за деревней они увидели серебряную гладь расстилающегося перед ними озера. Его спокойная поверхность лучше любого зеркала отражала раскинувшееся над ним звездное небо, стоящий по его берегам лес и скалистые гребни холмов, за которыми пролегала долина.

Наконец Эрин увидела мотоциклы своих спутников, стоящие возле дощатой пристани. Темно-серое свайное основание пристани было темнее, чем вода; ее едва заметные волны набегали на сваи с чуть слышным шелестом.

Подъехав к стоящим рядом мотоциклам, Рун наконец-то нажал на тормоз. Эрин с усилием расцепила онемевшие пальцы рук, развела руки в стороны, с трудом спустилась с седла на землю и, еле переставляя шаткие ноги, пошла вперед, словно немощная старуха.

Возле пристани приехавшая раньше троица тащила по земле деревянную рыбачью лодку к разделенному лунной дорожкой озеру. До ее ушей долетал радостно-возбужденный голос Джордана, отражающийся эхом от воды, — по всему было видно, какое удовольствие доставила ему эта поездка. Что-то сказанное им вызвало веселый смех Надии, и этот смех удивил Эрин своей беззаботной веселостью.

Заметив ковыляющую к ним Эрин, Джордан окликнул ее:

— Ну, как ты?

Трясущимися руками она показала ему оба больших пальца, поднятых вверх, что вызвало у него приступ смеха.

Рун, как тень, шел позади нее.

Все то время, пока они шли к берегу, Надия не сводила с них глаз, словно пытаясь выяснить какую-то объединяющую их тайну.

Эммануил, дав лодке последний толчок, столкнул ее в воду и, когда она оказалась на плаву, вскочил в нее. Пробравшись на нос, он сел и застыл, словно резная фигура над водорезом пиратского корабля.

Надия прыгнула в лодку с легкостью и грацией камышовой кошки.

Джордан стоял на мелком месте, чтобы помочь Эрин влезть и разместиться в лодке. Она, опираясь на его руку, перебралась на лодку, при этом ее взгляд остановился на облупившейся местами белой краске, которой были выкрашены доски сидений. Лодка отнюдь не выглядела как судно, предназначенное для спокойного плавания. Эрин вынула из кармана фонарик, включила его и направила луч на дно лодки. Воды внутри не было.

Пока не было.

— Вам понравилась поездка? — спросила Надия, отодвигаясь к краю, чтобы освободить для Эрин место рядом с собой на средней банке.

Рун и Джордан разместились позади них, а Эммануил продолжал нести свою вахту, недвижно и молча сидя на носу.

— Для обратной дороги я, пожалуй, вызову такси, — ответила Эрин.

— А может быть, обратно ты поедешь со мной, — сказал Джордан, бросая азартный взгляд на то место на берегу, где они спрятали три мотоцикла «Дукати». — Если, конечно, нас не будет поджимать время.

Рун с такой силой вогнал свое весло в воду, что лодку повело в сторону. Надия, глядя на него, прошептала что-то насмешливым тоном, но так тихо, что Эрин не смогла расслышать, что именно. Спина Руна напряглась, а улыбка Надии стала шире.

Женщина-сангвинистка передала Эрин тяжелое деревянное весло.

— Я думаю, мы вчетвером можем погрести, пока Эммануил отдыхает.

Эммануил, не обращая внимания на ее слова, прислонился спиной к планширу.

Эрин, погружая свое весло в воду, старалась делать это в ритм с остальными гребцами. Их лодка скользила по поверхности, а туман над озером тем временем становился

все гуще, скрывая их и заслоняя от них луну. Лодка словно катилась по какому-то призрачному миру, в котором глаза Эрин могли видеть лишь то, что находится в нескольких ярдах впереди.

Джордан коснулся ее спины, и от неожиданности она вздрогнула.

— Прости, — сказал он. — Посмотри вниз.

Эрин направила свой фонарик на темную воду. Его луч проткнул темноту подобно щупу. Там, в глубине, рассеянный свет фонарика осветил что-то очень похожее на фигуру человека. Затаив дыхание, Эрин склонилась над поверхностью воды. Изумрудно-зеленые водоросли, свисающие с поднятой кверху руки, изгиб торса... Это была статуя человека, сидящего на лошади, вставшей на дыбы. Под ней виднелась огромная чаша фонтана.

Взволнованная, Эрин отцепила от плаща пристегнутый к нему фонарь и стала описывать им широкие круги по поверхности воды; его луч вырывал из тьмы угловатые очертания разрушенных домов и одиноких каменных изваяний.

— Как рассказывал нам брат Леопольд, — объяснила ей Надия, — местные нацисты — возможно, входившие в «Аненербе» — увеличили площадь этого озера, запрудив реку на дальнем конце и затопив город, лежавший ниже по течению. Некоторые люди рассказывали, что нацисты запирали в домах тех, кто противился их действиям, вместе с их семьями. И наказанием за их непослушание послужило то, что все они утонули.

Стая серебристых рыбок собралась вблизи лодки, привлеченная светом фонарика Эрин. Она дрожала, прикидывая в уме, сколько примерно людей погибло и было погребено здесь.

— Они, должно быть, сделали это для того, чтобы спрятать вход в бункер под поверхностью озера, — медленно и мрачно предположил Джордан.

Эрин, насмотревшись на подводные ужасы, выключила фонарик.

— Я думаю, вы оба умеете плавать? — спросила Надия.

Эрин утвердительно кивнула, хотя, положа руку на сердце, отнюдь не считала себя умелой пловчихой. Она усвоила азы, учась в колледже, в основном следуя примеру своей соседки по комнате, которая была убеждена, что однажды свалится с пристани и утонет. Эрин, соглашаясь с ней, практиковалась в плавании, ходила в бассейн, но все равно ненавидела воду.

Джордан, как того и следовало ожидать, обладал куда большей квалификацией в плавании.

— Еще в средней школе я прошел курс спасателя на воде. После школы я еще немного потренировался, так что, думаю, со мной трудностей не будет.

Эрин никогда не приходило в голову спросить, на какой глубине находится вход в бункер. Что, если она не сможет опуститься на такую глубину и ей придется дожидаться возвращения остальных, сидя в лодке? А может быть, не только вход, но и весь бункер находится под водой?

— Стоп.

Эммануил произнес свое первое слово с того момента, как они покинули аббатство; это была команда. Эрин поразил резкий тон, которым он произнес ее.

Монах указал пальцем вниз в черную глубину перед носом лодки.

Джордан пробрался на нос и, направив луч фонаря вниз, выхватил из глубины круглую арку и ее гребень, заросший водорослями.

Эммануил опустил якорь в воду так медленно, что никто не услышал даже малейшего всплеска. Поставив лодку на якорь, он снял с себя сутану, скатал ее и спрятал под свою кожаную куртку. Затем быстро, как рыба, нырнул и, держась за якорную веревку, достиг дна.

Когда он вынырнул, его мокрые белокурые волосы были заброшены за спину.

Эрин, наблюдая за ним, старалась представить, какая в этом месте глубина. *Может быть, футов двадцать.* На такую глубину нырнуть она могла; ну а что потом? Удастся ли ей обследовать туннели *под водой?*

У нее перехватило горло.

— Вы оба останетесь ждать нас здесь, — сказал Рун, подавая знак Надие.

Они вдвоем нырнули с борта, накренив и качнув лодку и унося с собой фонари. Эрин, схватившись руками за оба планшира, старалась выровнять лодку, она обрадовалась, что осталась в ней вместе с Джорданом.

— Пловец ты не из блестящих, верно? — спросил он с улыбкой.

— Откуда ты знаешь?

Положив весла под лавки и выпрямившись, он ответил:

— У тебя, когда ты нервничаешь, плечи поднимаются к ушам.

Эрин мысленно отметила, что надо будет прекратить делать то, о чем он только что сказал, и, показав жестом на сангвинистов внизу, сказала:

— Конечно, плавать так, как они, я не могу.

Она наблюдала сквозь толщу воды за тем, как трио сангвинистов пыталось совладать с какой-то конструкцией, оказавшейся при внимательном рассмотрении большим металлическим люком.

— Эти ребята все время преподносят нам сюрпризы, — покачал головой Джордан. — Они ведь могут не дышать, ты в этом убедилась? Это еще один пункт в перечне свойственных им странностей.

— Ты что, ведешь такой список?

Загибая пальцы, Стоун принялся перечислять подмеченные им моменты:

— Они могут не дышать, имеют свободный кровоток, испытывают аллергию к серебру. Я ничего не пропустил?

— Как насчет того, что они способны сидеть неподвижно, как изваяния, или двигаться вдвое быстрее нас?

— Точно. И еще они охотятся на людей.

— Сангвинисты этим не занимаются, — возразила Эрин. — Это одна из их заповедей.

— Заповедь это или нет, но я могу с уверенностью сказать, что они только и думают об этом. В их натуре присутствует сладострастие. — Склонившись к ней, он продол-

жал: — Я же видел, как Рун смотрит на тебя, с восхищением и с горячим желанием.

— Прекрати! У него и в мыслях нет ничего подобного.

Чувствуя, что ее слова звучат недостаточно убедительно, Эрин сочла за лучшее отвернуться от Джордана, к тому же воспоминания о том, что происходило в подземном храме в Иерусалиме, были еще свежи в ее памяти.

— Просто будь с ним поосторожней, — добавил Стоун.

Эрин снова посмотрела на него, чувствуя в его предостережении какой-то непонятный ей подспудный смысл. Он был прав в своих подозрениях или просто ревнует? Она пока не разобралась, какое из этих предположений может причинить ей большее беспокойство.

Как раз в этот момент над поверхностью воды рядом с лодкой показалась черноволосая голова. Это была Надия.

— Люк открыт. Проникнуть в бункер возможно через воздушный шлюз. Но мы должны войти все одновременно, задраить первый люк, а затем открыть второй.

Отплыв на ярд от лодки, она подала рукой знак Эрин и Джордану следовать за ней.

Джордан тут же нырнул: ведь солдат всегда солдат. Быстро вынырнув на поверхность, он перевернулся на спину и с широкой улыбкой уставился на Эрин.

— Вода прекрасная, — сказал он, но его дрожащий голос яснее ясного сказал ей, что он лукавит.

Надия, поняв причину нерешительности Эрин, сказала:

— Если ты боишься, то, может быть, тебе лучше оставаться в лодке.

Да пошли вы...

Эрин, встав на скамью, шагнула за борт. Вода, холодная, словно только что растопленный снег, буквально обожгла ее, словно пытаясь этим довести до ее сознания абсурдность совершенного ею действия и призывая ее вернуться в безопасную лодку.

Но Эрин, сделав глубокий вдох, нырнула прямиком к раскрытому люку.

05 часов 05 минут

Рун, стоявший на дне озера, слышал, как изменились биения двух человеческих сердец, когда Эрин и Джордан оказались в воде. Высунув голову из арочного входа и включив свой фонарь, он использовал его луч как маяк, указывающий им, куда плыть. Черные силуэты их тел, погружающихся в глубину, были отчетливо видны в серебряном свете луны, падающем на поверхность озера.

Солдат плыл быстро, но в то же время берег силы. Он мог бы достичь дна в несколько секунд, но замедлил погружение, внимательно следя за Эрин.

Что касается женщины, то пловец из нее явно никудышный. Ее движения были судорожно-паническими, а сердце билось в бешеном темпе. И все-таки Рун испытывал к ней уважение за то, что у нее хватило смелости отважиться на такое. Он считал, что без тяжелого плаща, сшитого из шкуры *беспощадного волка*, хотя бы и тянувшего ее вниз, она едва бы полезла в ледяную воду.

Когда Эрин оказалась совсем близко, Рун, приблизившись к ней, схватил ее за руку и втащил в арочный вход, а затем в небольшой затопленный воздушный шлюз. Почти сразу же в нем оказались и Надия с Джорданом.

Вдвоем они закрыли крышку наружного люка.

С глухим звуком тяжелый металлический диск встал на прежнее место. Затем послышался лязг замка, закрывшего наружный люк. Луч фонаря в руке Руна осветил окружавшие их бетонные стены — и испуганное лицо Эрин.

Корца волновался, опасаясь, что ее сердце может не выдержать и разорваться, но частота его ударов, к счастью, начала снижаться. Он должен вывести ее из воды — ведь она может, запаниковав, утонуть. Если бункер за воздушным шлюзом тоже окажется затопленным, то он должен будет сразу же, без малейшего промедления, вытащить ее на поверхность.

На другом конце этой небольшой камеры Эммануил возился с металлическими креплениями, удерживающими внешнюю крышку люка. Когда он отвинтил последнюю гайку, крышка люка резко сама собой открылась наружу

под давлением воды внутри шлюза. Как только вода схлынула, их буквально подхватил осушающий воздушный поток и втянул в сухой нацистский бункер.

Глава 33

27 октября, 05 часов 07 минут
по центральноевропейскому времени
Под Хармсфельдским озером, Германия

Эрин стояла потрясенная, насквозь промокшая, ее зубы уже начали отбивать дробь.

Все ее спутники стояли на ногах с оружием на изготовку и освещали своими фонарями темный бетонный туннель перед ними. Она тоже положила руку на холодную рукоятку пистолета, торчащую из кобуры, прикрепленной к ее поясу, и вытащила из полного воды кармана своего долгополого кожаного плаща водонепроницаемый фонарик.

Ее сердце все еще билось так, что едва не выпрыгивало из горла. Обернувшись, Эрин осмотрела воздушный шлюз. У нее не было ни малейшего желания снова пользоваться им — она надеялась, что где-то есть скрытый, выводящий на берег выход из бункера.

Включив фонарик, она направила его луч на пол; дренажная система, проложенная под ним, уже отвела воду, проникшую в туннель вместе с гостями. После этого Эрин повела лучом по стенам туннеля. Его округлые стены поднимались примерно на пятнадцать футов над уровнем пола; в это пространство, не касаясь бетонных стен, легко вписался бы танк «Шерман»[1].

Она представила себе команду узников концлагеря, исхудавших до состояния ходячих скелетов, работавших здесь почти в полной темноте и знающих, что по окончании работы их ждет смерть, а их кровь прольется для сохранения всех тайн, хранимых в этом сооружении.

---

[1] Средний танк, взятый на вооружение армии США в 1942 году.

Эрин принюхалась к окружающему воздуху: в нем чувствовались сырость и плесень, но он не был застоявшимся. Она посмотрела на потолок. Похоже, что здесь работала какая-то принудительная система вентиляции.

Эрин присоединилась к остальным. По информации, полученной со спутника, они должны были находиться в правой «ноге» руны Одал. Но куда им идти дальше?

— Ну, что теперь? — озвучил Джордан вопрос, мучивший Эрин. — Мы будем просто ходить и смотреть?

Тройка сангвинистов построилась клином, встав в нескольких футах друг от друга. Впереди стоял Эммануил, снова натянувший свою сутану поверх кожаного костюма. Надия и Рун стояли по обе стороны от него. По ним было ясно видно, что вся троица, отбросив все прочие чувства, сосредоточилась лишь на своем положении на местности и оценке уровня возможной опасности.

Эрин подошла ближе к Джордану, надеясь в случае чего на его защиту. Она знала свою роль — в этой группе она была не только ученым, но еще и *Женщиной, умудренной Знанием*.

— Я думаю, что здесь, в этом бункере, наиболее символически сильным местом для хранения священных предметов может явиться какое-либо *перекрестье*, — предположила она, — например, точка пересечения «ног» в нижнем углу ромба. А может быть, и верхняя точка ромба.

— Согласна, — объявила Надия и торопливо подтолкнула Эммануила двинуться к этой точке.

Они с Руном, ступая в ногу, двинулись за ним. Сангвинисты шли так, будто все трое были соединены друг с другом какими-то невидимыми проводами.

— Эрин, — попросил ее Джордан, — становись впереди меня. Я пойду замыкающим.

Эрин без спора согласилась, довольная тем, что в данном случае все будет в соответствии с армейским порядком.

Построившись, они двинулись вниз по туннелю — слишком поспешно, как показалось Эрин, но слишком медленно на взгляд идущей впереди триады. Сангвинисты придержи-

вались своего строя, а она шла за ними, то слишком близко к ним, то слишком далеко.

Эммануил остановился перед первой из встретившихся на их пути дверью. Это была крышка люка, изготовленная из какого-то серого непонятного металла, закрывающая проход, ведущий в сторону от туннеля. Он попытался повернуть ручку. Она не поддавалась, но это не удержало упорного испанца. Он схватился за неподдающуюся ручку всей пятерней в черной перчатке и, выдернув ее из двери, тут же отбросил прочь.

Глаза Джордана расширились, но он не сказал ни слова.

Эммануил слегка толкнул дверь ногой в кожаном башмаке, и та открылась. В его руке тут же появился короткий серебряный меч. Он и Надия вместе вошли в открывшийся проем.

Рун остановился перед проемом рядом с Эрин. Она направила в проем луч своего фонаря, осветивший расположенный за ним зал. Пустой, насколько хватало луча.

— Входите, — раздался изнутри голос Надии.

Эрин и Джордан вошли в проем, последним вошел Рун.

Внутри луч фонаря Эрин выхватил из темноты покрытый пылью письменный стол, на котором стоял старомодный радиоаппарат. Перед ним лежала раскрытая книга кодов. Чуть поодаль лежал отброшенный от стола стул, а рядом с ним распластался скелет нацистского солдата. В момент своей смерти он, очевидно, передавал или принимал радиограмму.

На отвороте его мундира фонарь в руке Джордана высветил эмблему «Аненербе». Ее украшала руна Одал, в точности такая, какая была изображена на медали, найденной в усыпальнице в Масаде.

— Похоже, мы пришли именно туда, куда нам надо, — предположил Стоун.

Эрин, в которой пробудился профессиональный интерес, подошла ближе, чтобы осмотреть мертвого солдата.

Он почти такой же, как те мумии, которые я вижу на раскопках.

Именно это она мысленно повторяла, когда рассматривала расплывшееся по груди его мундира пятно засохшей крови. Она широкими потоками разлилась по его грудной клетке.

Что же здесь произошло?

Эрин, обойдя тело, повернулась и направила луч фонаря назад, в сторону дверного проема. Несколько в стороне от входа лежало второе тело. Она содрогнулась от мысли, что чуть не наступила на него, входя в этот зал.

Сангвинисты, не обращая внимания на трупы, рассматривая содержимое книжных полок, стоявших рядом с радиоаппаратом. Им было и так тесно, поэтому Эрин, не имея возможности принять участие в поисках, подошла к останкам человека, лежащего у двери. Аккуратное круглое отверстие в черепе не оставляло сомнений в том, как умер этот человек. Его форма была не такой, как у радиооператора. Она была цвета хаки с коричневым отливом и сшита из более грубой ткани.

Эрин, опустив фонарь ниже, осветила труп.

— Русский, — сказал Джордан. — Видишь пятиконечную звезду? Это тоже эмблема времен Второй мировой войны[1].

Русский?

— А что он здесь делал? — озадаченно спросила Эрин. — И как здесь очутился?

Джордан тоже нагнулся и стал проверять карманы мертвого солдата, выкладывая их содержимое на покрытый пылью пол: пачка папирос, коробок спичек, какой-то официального вида документ с надписями кириллицей, письмо и фотография.

Джордан поднял выцветшую черно-белую фотографию, на которой была запечатлена женщина славянской внеш-

[1] Вероятно, здесь и далее речь будет идти о засекреченной спецгруппе, поскольку мало того, что советские войска никогда не воевали на территории Баварии (это была сфера действий наших западных союзников), но во время Второй мировой войны там вообще не велось никаких наземных боевых действий.

ности, держащая на руках худенькую девочку с тонкими косичками.

Вероятно, это жена и дочь мертвого солдата.

Эрин подумала, сколько времени эта женщина должна была ждать, чтобы узнать хоть что-то о судьбе своего пропавшего мужа. Тосковала ли она по нему или, наоборот, чувствовала облегчение от того, что он пропал? Жена этого человека наверняка уже умерла, а вот маленькая девочка, возможно, жива...

Эрин, обернувшись к Руну, спросила:

— Брат Леопольд может каким-либо образом разыскать семью этого солдата?

Бросив на нее беглый взгляд, Рун ответил:

— Возьмите с собой письмо. Леопольд, насколько я его знаю, попытается сделать это.

Собрав все документы и бумаги, Эрин встала. Она представила себе сцену, разыгравшуюся здесь много лет назад.

Радиооператор сидит за своим письменным столом и, наверное, вызывает подкрепление. Врывается русский солдат. Они стреляют друг в друга. Впоследствии кто-то наглухо закрывает это место, но перед этим оставляет здесь эти тела.

Но почему?

— Покажи мне этот документ. — Надия, стоявшая рядом с Джорданом, протянула к ней руку в перчатке.

Взяв документ, напечатанный кириллицей, она, пробежав его глазами, сложила вчетверо и положила в карман.

— Что в нем? — спросил Джордан.

— Приказ командования. Его воинской части было приказано прибыть из Ленинграда в южную Германию перед концом войны. Чтобы «разыскать и изъять предметы, представляющие особый интерес» из этого бункера до прихода сюда американцев.

— Из Ленинграда? — переспросил Рун.

Они с Надией обменялись долгими взглядами, лица у обоих были встревоженными.

— Ну, все, — объявила Надия, — здесь мы уже все осмотрели. Пора двигаться дальше.

Эрин в смятении посмотрела вокруг. Эта команда была ей ненавистна — ведь она была археологом, а потому не представляла себе, как можно уйти из этого помещения, не сфотографировав его, не составив его плана с указанием того, что и где расположено, и не сделав подробной описи всех имеющихся в помещении предметов.

— Но ведь здесь может быть многое, что укажет, где следует...

— Мы должны осмотреть как можно больше помещений, прежде чем велиалы обнаружат нас, — сказал Рун, останавливаясь на полпути к двери. — Брат Леопольд сделает более подробную опись всего, что здесь есть, но позже, если для этого будет время.

Джордан снова занял место за спиной Эрин, когда она пошла вслед за Руном обратно в длинный туннель.

Теперь сангвинисты двигались быстрее. Что-то их беспокоило, и она ясно видела это. Эрин и Джордан обменялись озабоченными взглядами. Нечто побуждало сангвинистов быть наготове и одновременно напрягало их нервы.

Идя дальше по туннелю, они осмотрели еще одно помещение: зал для сна, заполненный походными койками. Эрин насчитала в нем четыре трупа немецких солдат: двое лежали на койках, а двое — в проходе, ведущем к двери. У одной из стен лежали два труппа русских солдат.

Все указывало на то, что в спальном помещении шел смертельный бой.

В металлических ящиках, стоявших возле коек, лежала одежда, пачки сигарет, спички, попадались почтовые открытки с не совсем приличными картинками, много писем и фотографий женщин и детей — печальное напоминание о тех, кто, сидя дома, так и не смог дождаться весточки от своих любимых.

Эрин собрала столько писем, сколько смогла, и рассовала их по всем карманам, надеясь, что вода не сильно навредит выцветшим от времени чернилам.

Книги тоже попадались им на глаза: памятка по уходу за винтовкой, какой-то роман на немецком языке, советы, как избежать венерических заболеваний, — но ничего име-

ющего хотя бы самое отдаленное отношение к Кровавому Евангелию.

Опечаленная, с тяжелым сердцем от только что увиденных следов побоища, Эрин вернулась в коридор. Вместе с ней из спального помещения вышли и все остальные.

Вдруг коридор наполнился шуршанием и шелестом чего-то тяжелого, похожего на колыхание штор, вперемешку со слабым, доносящимся издалека визгом, от чего волосы у Эрин буквально встали дыбом.

— Джордан?

— Я тоже слышу, — отозвался он. — Это крысы?

— Нет, — сказала Надия, услышав их разговор за своей спиной.

Идущий на шаг впереди Эммануил понюхал воздух, откинул назад плечи, выгнул по-собачьи шею и поднял голову.

Или это беспощадный волк?

Эрин сделала глубокий вдох, но почувствовала только запах плесени и бетона. Что же такого учуял Эммануил, чего не могла учуять она?

— Так что это? — спросил Джордан.

— Это богопротивные создания, — ответила Надия. — Омерзительные существа.

— Снова *беспощадный волк*? — Джордан снял с предохранителя свой пистолет-пулемет.

— Нет. — Надия стрельнула взглядом в Эрин, в этот момент в ее глазах не было почти ничего человеческого. — Это икаропсы[1].

Джордан сконфузился, не поняв значения этого незнакомого ему слова.

Рун спокойно и как бы не придавая большого значения своим словам, объяснил:

— Икаропсы — это летучие мыши, природа которых изменилась под воздействием мерзкой стригойской крови.

---

[1] Икаропсы — вид ископаемых летучих мышей, окаменелые останки которых найдены в северо-западном Кливленде и северных районах Австралии.

Эрин показалось, что сердце ее сжалось в комок.

Он говорил о богомерзких летучих мышах.

Эрин еще помнила того чудовищного волка в залитой лунным светом пустыне — его смрадное дыхание, его мускулистое тело. На этот раз придется иметь дело с *крыльями*. Она содрогнулась от омерзения.

— Если вдуматься, в этом нет ничего сверхъестественного. — Джордан включил фонарик, установленный на конце ствола его пистолета-пулемета. — Как будем выбираться?

— Я бы посоветовала быстро, — ответила Надия. — И без шума.

Они двинулись дальше по туннелю — в ту сторону, откуда доносился шум. Джордан, держа оружие наготове, смело шел вперед.

— Их можно убить из огнестрельного оружия? — шепотом задала вопрос Эрин.

Эммануил в ответ хмыкнул.

— Против них оружие бесполезно.

— Даже серебряные пули только раздражают их, — пояснила Надия. — Лучше всего нож.

Наклонившись, Джордан вытащил серебряный нож «Боуи» из ножен, закрепленных над башмаком.

Эрин тоже вытащила свой нож.

— Мне не нравится мысль подпускать летучих мышей настолько, чтобы убивать их ножами, — скривился Джордан. — Мне кажется, лучше пальнуть по ним межконтинентальной баллистической ракетой.

— Когда они приблизятся, — предупредила его Надия, произнося свою рекомендацию как бы между прочим, — ложись на пол. А мы будем изо всех сил стараться не допускать их к тебе.

— Ну уж нет, — возразил Джордан, поигрывая ножом. — Однако за совет спасибо.

Надия чуть приподняла свое худенькое плечо, как бы говоря этим: да делай что хочешь.

Эрин была согласна с Джорданом. У нее не было ни малейшего желания укладываться на пол вниз животом и ждать, пока какая-нибудь летучая мышь не клюнет ее в

спинной мозг. Лучше она встретит свою судьбу стоя и с ножом в руке.

Сангвинисты перешли на такой быстрый шаг, что им с Джорданом приходилось бежать, чтобы не отставать от них.

Вскоре они дошли до следующего перекрестья туннелей.

— Мы должны достичь основания ромба, — сказала она, рисуя очертания руны Одал, следуя карте, запечатленной в ее голове.

Из воздуха это пересечение двух туннелей должно было выглядеть как гигантская буква X — повезло, что в букве X четко *отмечается точка пересечения,* подумала Эрин.

— У меня такое чувство, будто это место как нельзя лучше подходит для того, чтобы спрятать здесь что-нибудь, — сказала она.

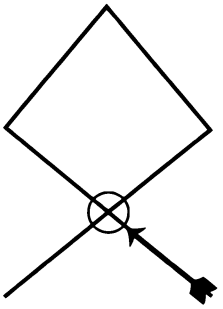
Затем пошарила лучом своего фонаря по полу, но не обнаружила ничего, кроме однородного безликого бетона. Посветила лучом на стены и на потолок. Не было никаких признаков того, что в данном пересечении может быть спрятано что-то особенное или таинственное.

Джордан понял, что надо делать.

— Мы должны проверить все три следующих коридора. Найти и осмотреть все двери.

Но прежде чем они успели сделать шаг вперед, воздух наполнился визгом, доносившимся из всех трех лежащих перед ними туннелей.

Бежать было некуда.

05 часов 29 минут

Сначала они почувствовали запах, пронзительно-зловонный, за которым сразу же последовало громкое и сильное хлопанье сотен крыльев. Зловоние было такое, что у Джордана подкосились ноги — этот отвратительный смрадный запах сочетал едкую вонь протухшей мочи и тошнотворный трупный запах разложившихся под солнцем жирных тел. Стоун почувствовал, что его буквально выворачивает наизнанку; он успел подумать, что это зловоние не является единственным оружием этих тварей — у них есть еще зубы и когти, которыми они умерщвляют добычу.

Нет, он им не поддастся.

Не только его жизнь была в опасности.

Трясущейся рукой он притянул Эрин ближе; она оказалась между его спиной и триадой сангвинистов. Луч ее фонаря, отыскивая дверь в стене, блуждал по туннелю справа налево.

Никакого результата.

Луч, прорезая темноту, бродил по туннелю от одной стороны к другой. Несколько крылатых теней, вылетев из тьмы, ринулись вперед. Они взмыли вверх над головами сангвинистов — их не интересовали существа с небьющимися сердцами.

Сразу же серебряные клинки со свистом рассекли воздух, обрушившись на крылья и тела этих тварей.

Полилась черная кровь.

Извивающиеся и кувыркающиеся в воздухе мохнатые тела с визгом валились на землю. Одной из летучих мышей, в отличие от своих мертвых собратьев, удалось пробиться через строй защитников с серебряным оружием. Ослепленная лучом света, она врезалась со всего лету в стену позади них, свалилась на пол и сразу же повернулась кругом. Свет слепил их и сбивал с пути, но их *слух* работал вовсю.

Мышь с шипением кинулась на Джордана, и он снова закрыл собой Эрин.

Она была размером с крупную кошку; размах крыльев у нее был широкий — до двух метров. Она бросилась на него, вцепилась ему в левую ногу и стала взбираться по ней, по-

могая себе жесткими крыльями. В глазах этой мыши словно горел красный огонь, ее острые, как иголки, зубы сверкали при свете фонарика. Пронзительный злобный визг, вырывавшийся из широко разинутой пасти, должен был напугать человека.

Джордан, размахнувшись своим ножом, полоснул им по горлу мыши. Кровь хлынула из раны, но мышь продолжала висеть на нем и заставила его отступить на шаг назад. Он понял, что необходимо отрубать мышам головы одним ударом. А сейчас покрытые кожей крылья все еще пытались обхватить его. Когти впивались ему в тело, но прочная кожа плаща защищала Стоуна.

Наконец тварь подохла и упала на пол.

Джордан, освободившись и повернувшись вперед, услышал адский шум хлопающих крыльев, который, словно черный прилив, накатывался отовсюду, разбиваясь об оборонительный строй триады. Каждый из сангвинистов повернулся лицом к одному из туннелей.

В центре их строя стояла Эрин, на лице которой застыло выражение ужаса.

Джордан протолкнулся к ней, готовый защищать ее так же активно, как и триада.

Мыши, словно скопление теней, теперь кружились над ними, сталкиваясь в воздухе крыльями, обнажив когти и сверкая глазами. Вся орава на какой-то момент отлетела назад, возможно привлеченная запахом крови своих отвратительных поверженных собратьев и их предсмертными криками.

Но даже и сейчас их пронзительные вопли действовали на Джордана, как зубная боль. Он старался найти какое-либо отделившееся от стаи животное, но они слишком быстро метались в воздухе взад-вперед.

Эрин направила луч своего фонаря вверх. Мыши, шарахаясь от луча, разлетались по сторонам, будто свет жалил их — возможно, он действовал на них по-особому, пугая или причиняя боль.

— Веспер тилионидае, — прошептала она, словно это слово могло послужить заклинанием, — летучие мыши

Веспера. Единственное, что мне не доводилось видеть, так это их зубы такого размера...

— А как ты...

— Я много работала в пещерах, — объяснила она.

Луч ее фонаря метался по туннелю, и всякий раз, стоило ему попасть в глаза летучих мышей, животные мгновенно отлетали прочь.

— Обычные летучие мыши никогда не были такими агрессивными, как эти.

Джордан включил фонарь, закрепленный на стволе его пистолета-пулемета, его луч, направленный в гущу летучих мышей, тоже разогнал их в стороны.

— Все потому, что ты работала среди нормальных мышей, а не этих чертовых бестий с отравленной кровью.

— Посмотри, они постоянно перегруппировываются. — Эрин хоть и говорила сейчас бесстрастным языком ученого, но ее голос звучал как минимум на октаву выше, чем обычно. — Они, похоже, привыкают к свету.

— Пусть попробуют приблизиться. — Надия, сняв с себя серебряный пояс, накрутила один его конец на руку, прикрытую кожаной перчаткой, после чего расправила все его кольца, как бусины на четках. — Ожидание будоражит мне нервы.

— Терпение, — не оборачиваясь, произнес Рун. — Давай лучше пройдем немного вперед и поищем дверь, надо где-нибудь укрыться. А они, кажется, раздумали нападать.

— Если ты сможешь, — попросила Эрин, — посмотри повнимательнее на левую сторону прохода, может быть, как раз на ней и находится дверь, которая, может быть, и выведет нас в центр ромба Одал.

Даже сжавшись в комок под своим прочным кожаным плащом, когда ее в любую секунду могла настичь смерть от этих визжащих чудовищ, она не переставала думать о деле. Эрин и в эти минуты была занята поисками сокровища, спрятанного в бункере.

Эммануил сделал шаг вперед, одна его рука была поднята и сжимала блестевший под лучом фонаря кинжал. На-

дия сбалансированной походкой, грациозно, как балерина, выступала вслед за ним.

Все вместе, впятером, они медленно двинулись вперед по туннелю, не спуская глаз с кружившего над ними плотного облака летучих мышей.

Джордану не терпелось опробовать на них свой пистолет-пулемет, но он понимал, насколько опасны пули, рикошетом отлетающие от стен, да и провоцировать летучих мышей было ни к чему. К тому же он вспомнил, как Надия еще раньше предупредила его о том, что пулей их не убить. Лучше всего для них — это достичь...

Не издав ни звука, мыши кинулись вниз.

Они и сейчас, не обращая никакого внимания на сангвинистов, пикировали на пару в центре триады.

Их целью было лицо Эрин. И лицо Джордана.

Надия, подняв руку с зажатым в ней серебряным поясом, вертела им над головой с такой невиданной силой и скоростью, которые вряд ли способен показать даже кухонный комбайн «Куизинарт». Мыши, отваживавшиеся подлететь слишком близко, были буквально раскромсаны на куски.

Получив хороший урок, летучая орда отступила.

Серебряный пояс Надии, совершив свой последний оборот, сбил отставшую от стаи мышь, которая плашмя врезалась в бетонную стену.

Рун и Эммануил обеспечивали дорогу вперед, продолжая с боем пробиваться сквозь сплошную черную тучу, прокладывая проход серебряными кинжалами, зажатыми в обеих руках.

Джордан изо всех сил защищал тыл, действуя своим ножом «Боуи». Его уши заложило от безумного истошного визга. Несмотря на то что он был облачен в прочный кожаный плащ, его руки и лицо были покрыты бесчисленными царапинами и ссадинами.

Казалось, что вместо одной поверженной мыши на ее месте появляются как минимум две.

Эрин воткнула нож в брюхо одной твари, пикировавшей на Джордана. Ее челюсти, утыканные клыками, похожими

на собачьи, захлопнулись перед самым ее носом, перед тем как она мертвая грохнулась на пол.

Джордан схватил мышь, пролетавшую мимо. Ее шкура, холодная и сырая, как у дохлого варана, едва не вызвала у него рвоту. Он с размаху вонзил в нее нож, но она, повернув в его сторону свою мускулистую шею, вонзила острые клыки в мякоть его большого пальца. Боль пронзила руку до самого плеча.

Стоун несколько раз с размаху ударил раненой рукой, в которую вцепилась мышь, о бетонную стену. Тварь, выдержав удары, так и не разомкнула челюсти. Джордан чувствовал, как ее клыки скребут по кости — еще немного, и он лишится пальца. Кровь, струей текшая из раны, достигла локтя. Вторая мышь, подлетевшая сбоку и нацелившаяся в его голову, раскрыла пасть и в полете нанесла ему глубокую царапину на виске.

Эрин поспешила на помощь. Схватив мышь, висевшую на его руке, за уши, она просунула нож к ее шее в основании головы и, надавив на него изо всей силы, провела лезвием по горлу. Черная струя крови ударила в стену, и челюсти проклятой твари разомкнулись.

— Вперед! — закричал Рун, стоявший в одном шаге от них — в тот момент они оба утратили чувство расстояния. — Впереди дверь! Справа!

Эммануил рванулся вперед, все остальные — за ним. Мыши бросались в лицо Эммануилу, вцеплялись ему в шею и в руки. Но они, казалось, нападали на него без видимой свирепости и не потому, что этот высокий парень оказывался нечувствительным к ранам. Он был весь покрыт кровью, его белокурые волосы почернели от нее.

Еще одна орда бросилась на Джордана, привлеченная кровью из его раненой руки. Клыки снова впились ему в руку, на этот раз в запястье. На *его* тело мыши бросались с прежней свирепостью.

Нож Руна без устали мелькал в воздухе, кроша крылья и обросшие шерстью тела. Он старался освободить Джордана от облепившей его стаи.

Но мыши не думали ни об отдыхе, ни об отступлении.

Ослабевшая рука Джордана дрожала, а мыши, все новые и новые, налетали, и им, казалось, не будет конца.

Глава 34

27 октября, 05 часов 39 минут
по центральноевропейскому времени
Хармсфельд, Германия

Батория опустилась на колени у самой кромки воды баварского озера, затянутого густым туманом.

Она ощупывала пальцами следы, оставленные на земле. Вот по берегу протащили что-то широкое и тяжелое — причем недавно. Вода, просочившаяся из-под земли, заполнила углубления, однако ни хвойных иголок, ни опавших листьев на поверхности воды не было, не было и следов каких-либо животных.

Выпрямившись, Батория подала знак своей команде оставаться на месте, а сама стала медленно кружить вокруг того места, где лодка была спущена на воду. Внимательно приглядевшись к следам, она узнала американские военные ботинки, кеды компании «Конверс» и трое нефабричных башмаков домашнего изготовления: две пары на большую ногу и одну пару на малую. Судя по глубине отпечатков, Батория предположила, что в группе из пяти человек были трое мужчин и две женщины.

Но любые предположения были ей ненавистны.

Следы подвели Баторию к самой кромке воды. Она пристально всматривалась в редеющую пелену, но расстояние обзора из-за проклятого горного тумана ограничивалось всего несколькими ярдами. До прибытия сюда она практически потеряла след Руна с его группой, скрывшихся под завесой тумана, и только рев мотоциклетных моторов выдал их местонахождение.

Батория повернулась к своему помощнику.

— Ты что-нибудь слышишь, Тарек?

Тот склонил голову к плечу и прислушался.

— Звуков сердцебиения ниоткуда не доносится.

Но говорит ли он правду? А может, врет? Врет ради того, чтобы она не нашла Книгу?

— *Магор,* — молча подозвала она волка.

Тот, мягко ступая лапами по земле, подошел к ней и сел, склонив голову. Он тоже не услышал ничего. Батория погладила его по теплому боку. Ее автомобиль не мог тягаться в скорости с мотоциклами, тем более на такой местности. И только чутье Магора помогло обнаружить преследуемого противника, отъехавшего так далеко. Острый нюх волка не раз выручал ее, но сейчас в этом смысле от него было мало толку: Магор не мог учуять нечто, находящееся под водой, так же как Батория не могла видеть за пеленой тумана.

Она снова принялась внимательно осматривать спокойную поверхность озера. Похоже, что сангвинистам удалось раздобыть лодку и они сделали хороший стартовый рывок.

А это было не чем иным, как очередным вызовом.

— Тарек, принеси-ка карту озера.

Он протянул ей свой мобильный телефон с фотографией, сделанной со спутника. Островов на озере не было. А это значит, что сангвинистам лодка понадобилась либо для того, чтобы переправиться на другую сторону, либо они искали что-либо под водой. И вот первая проблема: лодки у Батории не было, а где ее взять, она себе не представляла. К тому же на поиски лодки уйдет уйма драгоценного времени.

Тарек издал резкий горловой звук. Стригои ненавидят ждать. Остальные члены команды, понимая, чем вызвана его дерзость, стояли, переминаясь с ноги на ногу.

Батория пристально посмотрела на него и не сводила взгляда до тех пор, пока он не затих, — а затем скомандовала:

— Приведи мотоциклы в негодное для езды состояние. Но далеко не отходи и оставайся в зоне слышимости.

Магор растянулся на земле возле нее, его красно-золотистые глаза пристально смотрели на воду. Батория, положив руку ему на голову, снова стала рассматривать спутнико-

вую фотографию. Возможно, она догадается, почему сангвинисты выбрали именно это место.

Батория рассматривала в увеличенном масштабе отдельные участки озера и берегов. Съемки производились летом. Темно-зеленая листва деревьев скрывала землю. На прилегающих к озеру участках не было заметно каких-либо свободных от деревьев площадок.

— Мотоциклы больше никогда и никуда не поедут, — доложил Тарек.

— Отлично, — похвалила она его: когда сангвинисты вернутся, быстро скрыться им будет не на чем.

Увеличив масштаб изображения, Батория внимательно рассматривала карту, ее взгляд привлекла длинная прямая линия деревьев с более светлой листвой. Деревья, росшие вдоль этой линии, были другими. Может быть, под ними вода? Или эти деревья более молодые? Батория соединила эту линию с другой, похожей, затем еще с одной, еле просматриваемой. И улыбнулась собственной проницательности, поскольку узнала этот узор.

Это была угловая часть схемы, изображенной на нацистской медали. Остальная его часть лежала под водой озера.

Так вот почему они пришли сюда.

Перед мысленным взором Батория увидела очертания той самой руны. Склонившись над экраном телефона, она своим длинным ногтем очертила контуры ромба. Здесь, по ее мнению, было нечто интересное: вот две «ноги» руны — одна заканчивается *под озером*, а другая тянется под землей и заканчивается по ту сторону озера за дальним склоном холма. На обычной карте этот участок обозначался как сильно заросший лесом. Никаких сооружений, сделанных человеческими руками, — одни деревья да валуны, но это не означает, что в земле под ними ничего не закопано.

Оглядев свое небольшое войско, Батория решила, что у них достаточно сил на то, чтобы без устали копать четыре часа. Она вступает в предложенную игру. Пристальным взглядом женщина посмотрела на далекие холмы, расположенные за озером. Если она не ошибается, то подземный подвал должен иметь *заднюю* дверь.

Глава 35

27 октября, 05 часов 48 минут
по центральноевропейскому времени
Под Хармсфельдским озером, Германия

В эхокамере похожего на пещеру бетонного туннеля у Руна было такое ощущение, будто он плывет и качается, как при сражении, происходящем под водой. Ему казалось, что пронзительные крики на ультразвуковых частотах проникают ему в мозг, минуя уши. Громкий шум хлопающих крыльев, шуршание трущихся тел, потоки крови не позволяли сосредоточиться на ситуации, в которой они оказались.

Но он пробился сквозь шум, сосредоточив внимание лишь на одном лице: испуганном, забрызганном кровью и свирепом.

На лице Эрин Грейнджер.

Оказавшись рядом ней, Рун одним ударом, в который вложил всю силу, сбил с ее груди мышь, переломав ей кости и размозжив голову. Долгополый плащ Эрин предохранял ее тело, но руки и голова оставались открытыми. Корца слышал доносившийся из ее горла безумный ритм биения сердца, слышал ее судорожное дыхание. Их группа долго не продержится.

Эрин металась перед ним, отражая нападение икаропсов, нападавших со спины, нацелившихся на ее шею. Луч фонаря метался в такт ее движениям, освещая тучу мышей, кружившихся под потолком.

Тысячи тварей.

Схватив и перекинув ее себе на спину, Рун протиснулся с этой ношей в черный дверной проем, на пороге которого Эммануил без устали крошил нападавших мышей своим клинком. Рядом с ним Надия, пританцовывая, крутила серебряным поясом, сея смерть среди нападавших тварей.

— Тащите солдата внутрь! — закричал не своим голосом Рун, обращаясь ней.

Он второпях неловко опустил Эрин на пол, положив ее на спину, и тут же принялся кромсать кинжалом налетев-

ших икаропсов, заливая Эрин потоками их крови. Солдата втащили и положили на пол рядом с ней, его защищала надетая на нем кожаная одежда. Повернувшись, он сильным ударом сбил со своего плеча мышь, ослепив ее лучом фонарика, укрепленного на дуле пистолета-пулемета, а затем ударом приклада нанес ей смертельный удар.

Раскатистый грохот и воздушная волна, ударившая Руна в спину, означали, что Надия захлопнула дверь. Эммануил налег на нее спиной. Помещение, в котором они находились, было квадратным и небольшим, но на данный момент здесь они обрели спасение. За открытым проходом в дальней стене находилось еще одно помещение, но оттуда до слуха Руна не доносилось ни биения сердец, ни единого движения. В воздухе пахло мертвечиной и старым гуано[1].

Здесь они хотя бы несколько минут могут ощущать себя в безопасности.

Надия покончила с несколькими мышами, проникшими в помещение вместе с ними.

Деревянная дверь заглушала визг мышей, безумствующих снаружи в туннеле, но люди слышали скрежет когтей и зубов — орде этих омерзительных тварей не терпелось добраться до них.

Рун понимал, чем вызвано их безумное желание. Сердцебиение Эрин было частым и сильным. Сердце Джордана тоже билось в ускоренном темпе. Корца и сам боялся, что не сможет противостоять запаху крови, исходившему от нее и от солдата.

Он даже отошел на шаг дальше от этой пары, покрытой кровоточащими ранами.

Эрин, встав на ноги, с трудом подошла к Джордану.

— Ты ранен?

Он по-прежнему сидел на полу.

— Сам я — нет, но вот моя гордость... — ответил он. — Ну ладно, оставим это.

---

[1] Гуано — разложившиеся естественным образом остатки помета птиц и летучих мышей.

— Неужели это дело рук велиалов? — спросила Эрин, повернувшись к Руну и обдавая его новой волной запаха своей крови.

Корца, справляясь с собой, сделал судорожное глотательное движение и отошел еще на шаг.

На вопрос Эрин ответила Надия, проводя своим серебряным поясом по бедру, перед тем как снова застегнуть его на талии.

— На то, чтобы поголовье этих богопротивных существ достигло такого размера, потребовались годы. Создание этой орды не дело рук тех, кто охотился за вами в Масаде.

Рун, пнув ногой дохлую мышь, поддержал Надию:

— Она права. Возраст некоторых икаропсов достигает нескольких десятков лет.

— А это значит, что мы здесь не одиноки, — добавил Эммануил; его мощный голос прозвучал громче голосов его соратников по триаде. — Один стригой, а может быть, и больше свили свое гнездо в этом каменном лабиринте.

— Еще одна радостная новость, — констатировал Джордан, почесывая голову. — А укусы этих мышей не превратят нас в стригоев, а?

Эрин направила на него луч своего фонаря. Струйки свежей крови текли по его рукам; рана на виске тоже кровоточила. Ее руки и лицо тоже были покрыты кровоточащими ранами.

Рун весь дрожал от усилий не смотреть на сочившуюся из ран красную кровь. Повернув голову к стене, он сказал:

— Нет, этого не будет. Для того чтобы превратиться в стригоя, кто-то должен обескровить вас, а потом напоить своей кровью. Это может быть и мужчина, и женщина. Так что эта судьба вам не уготована.

Надия, протянув руку, потянула сержанта за ноги; она, казалось, чувствовала, что Рун не осмелится приблизиться к этой паре.

— Как твои раны, сержант, серьезные?

Джордан направил луч фонарика на рану на своей руке.

— Ничего страшного. На все раны мне хватило бы комплекта «Бэнд-эйд»[1]. Эрин, а как ты? В порядке?

— В основном. — Она обтерла ладонь о джинсы. — А почему летучие мыши не нападают на вашу тройку?

— Интересный вопрос. — Эммануил навалился всем телом на дверь, из-за которой доносился визг мышей и удары их тел и крыльев о дверное полотно. — Возможно, их привлекает биение ваших сердец. А может, они натасканы на охоту на людей.

— Натасканные на охоту летучие мыши? — переспросил Джордан, растерянно моргая.

— А ты бы предпочел того волка? — спросила Эрин, доставая из кармана небольшой санпакет.

— Вообще-то... — Он помялся. — Да.

Голова Руна кружилась от запаха их крови. Он отошел еще дальше, к самой двери.

— Твое вино, — напомнила ему Надия.

Сунув руку в карман брюк, Корца вытащил свой бурдючок и, быстро поднеся его к губам, сделал глоток, который успокоил его, но не напомнил об епитимии. Кровь Христа обожгла ему горло, тепло от нее разлилось по всему телу — но, к счастью, она не пробудила в его памяти воспоминаний.

— Дай-ка твою руку, — обратилась Эрин к Джордану. — Я посмотрю.

Солдат направил луч своего фонаря на рану на большом пальце.

— Я думаю, зубы этой твари не затронули важных мышц, хотя жжет дьявольски.

— Да они и сами дьявольское порождение, — покачал головой Эммануил, все еще опираясь спиной о дверь, нащупав рукой четки, он начал молиться.

---

[1] «Бэнд-эйд» — лейкопластырь с подушечкой-тампоном, содержащей лекарственную пропитку, выпускаемый в большом ассортименте компанией «Джонсон энд Джонсон».

Надия стояла, прислонившись спиной к стене, ее глаза безотрывно смотрели на мышь, валявшуюся на полу. Она изо всех сил старалась не обращать внимания на мелкие капельки свежей крови, ударяющие о бетонный пол с таким же громким звуком, с каким крупные капли дождя падают на жестяную крышу.

Вот по этой причине в экспедиции, организуемые сангвинистами, не включают людей. Рун совладал с бушевавшим в нем гневом, направленным в основном против Бернарда, навязавшего им эту пару. Кардинал попросту не представлял себе жизнь в миру.

— Тебе недавно делали прививку от столбняка? — спросила шепотом Эрин.

— Конечно, делали. Но от бешенства не делали.

— Они не бешеные, — не поднимая головы, вмешалась в разговор Надия.

Эрин закончила перевязку его большого пальца.

— Тебе повезло хоть в том, что рана на левой руке.

— Это не предмет длительного пользования? — с улыбкой пошутил сержант. — А как выглядит ссадина на голове?

— Наклони голову. — Осмотрев рану, Эрин заключила: — Кровоточит, но ссадина неглубокая.

Рун старался не смотреть, насколько нежно женщина обрабатывала рану на черепе и как легко ее руки касались солдата, когда она заклеивала рану пластырем. Каждое движение говорило о том, как заботливо относится она к Стоуну.

— Теперь твоя очередь, — объявил Джордан, когда она закончила. Они поменялись ролями — санпакет перешел к нему в руки. — Позволь мне осмотреть тебя.

Перевязанная рука Джордана, касающаяся лица и головы Эрин, заставила ее сердце забиться чаще. Она отошла на шаг и, вытянув руки, остановила его.

— Они покусали меня только за руки.

Согласно кивнув, Джордан быстро обработал ее раны.

— Если вы уже закончили... — обратился к ним Эммануил, и в его голосе слышались нотки раздражения. — Так, может быть, мы обсудим, что делать дальше?

За его спиной мышиные когти с прежней энергией скребли дверь.

Летучие мыши были совсем рядом.

05 часов 54 минуты

На глазах у Джордана крайняя доска дверного полотна превратилась в щепу и рассыпалась. В образовавшееся отверстие просунулась отвратительная голова с прижатыми ушами и разинутой зубастой пастью, вертящаяся на длинной шершавой узловатой шее.

Эммануил взмахнул своим коротким мечом, и голова летучей мыши покатилась по полу.

Джордан помог Эрин встать на ноги, и они вместе попятились от двери, в пролом которой уже просунулась другая летучая мышь.

— Эти скоты сжевали дверь, — с отчаянием в голосе произнес Джордан. — Добились, к чему стремились.

Рун кивком указал на темный проход в дальней стене помещения.

— Там открытый арочный проход. Попробуем укрыться в следующем помещении.

Направив туда луч фонаря, Джордан увидел темный проход, который вел неизвестно куда. Но, по крайней мере, мышам через него не проникнуть. И если Рун не почувствовал там никакой угрозы для них, этого вполне было достаточно.

— Поторопитесь, — произнес Эммануил сквозь сжатые зубы, поскольку дверь уже начала разваливаться на мелкие куски, не выдержав натиска такого количества зубов и когтей.

Надия и Рун бросились ему на помощь.

Джордан и Эрин прошли к дальней стене и остановились на пороге, опасаясь идти дальше. Джордан обвел лучом фонаря внутренность помещения, лежавшего за проемом, и удостоверился, что тонкое чутье Руна не подвело его и на этот раз. Проход действительно вел в другое помещение — большое круглое пространство, пустое и похожее на пеще-

ру. Но по мере того, как он вел лучом фонаря по стенам, первоначальное ужасающее предположение стало превращаться в данность.

Из этого помещения не было другого выхода.

Тупик.

05 часов 55 минут

— Оттуда нет выхода! — обернувшись к Руну, закричала Эрин.

Ее глаза начали слезиться от острого аммиачного запаха в помещении. Гуано летучих мышей.

Эрин сделала несколько шагов в глубь помещения, Джордан шел за ней. Она водила лучом фонаря по стенам и по куполообразному потолку. Ее сразу же поразили два обстоятельства. Помещение, в котором они находились, и по форме, и по размерам было точно таким же, как усыпальница в Масаде. Но здесь все поверхности — пол, потолок и стены — были покрыты плитами белого мрамора.

Она представила себе, что когда-то этот зал выглядел прекрасно, но сейчас стены были в черных потеках мышиного помета, а на полу возле них громоздились кучи высохшего гуано.

Когда Эрин обратила внимание на второе обстоятельство, ее сердце забилось чаще, и в голове снова возникло схематическое изображение руны Одал.

— В чем дело? — закричал Корца.

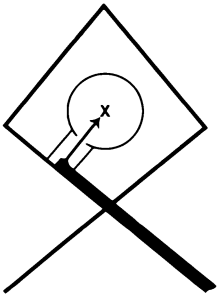
Эрин посмотрела назад. Почувствовал ли он охватившее ее волнение?

Она ответила ему, не очень утруждаясь тем, чтобы кричать и быть услышанной — она понимала, что он отлично расслышит все, если она будет говорить, не повышая голоса.

— Я уверена, что это помещение находится в самом центре ромбического элемента руны Одал.

Перед ее мысленным взглядом возник маршрут, приведший их сюда.

Рун понял все.

— Ищите Книгу. Времени у нас в обрез. Если мы не сможем защитить этот проход, нам придется спешно двигать назад по туннелю и искать более надежное укрытие.

Получив его разрешение и осознав нехватку времени, Эрин поспешила внутрь помещения, где еще раньше ее внимание привлек наиболее заметный здесь предмет — самый высокий из всего, что было в помещении, — распятие в человеческий рост с неестественно изможденным Христом, пригвожденным к нему, высеченное из белоснежного мрамора. Каждая деталь Христова тела выглядела безупречно, от его идеально оформленной мускулатуры до глубокой раны на боку. Однако, в отличие от общепринятого изображения Христа, на этой скульптуре он был нагим и безволосым, как только что родившийся младенец, что придавало его образу некую стилизованную красоту — смесь божественной чистоты и человеческой агонии.

Эрин направила луч фонаря так, чтобы получше рассмотреть его склоненную голову. Скульптура стояла на высоком каменном пьедестале с расширенной верхней поверхностью. Такая форма была известна Эрин, ведь она видела ее несколько часов назад. Она была точно такой же, как на жетоне «Аненербе» в кабинете Леопольда, на том самом, где была изображена колонна, поддерживающая раскрытую книгу.

Монах тогда сказал, что изображенный на жетоне пьедестал как бы представляет одну из главных целей «Аненербе»: документально подтвердить историю и наследие

арийской расы. Но кроме этого он сказал, что это может символизировать «великую тайну, которую содержит в себе некая оккультная книга, обладающая великой силой, заключенной в ней».

Эрин, затаив дыхание, думала о том, что сейчас смотрит на то, что дало жизнь этому символу «Аненербе». Исходя из того, как верхняя плоскость пьедестала развернута относительно статуи, она не могла судить о том, хранится здесь что-либо или нет.

— Мы должны стоять возле двери, — предупредил ее Джордан. — На тот случай, если нам придется давать деру.

Эрин не сдвинулась с места и даже не попыталась этого сделать. Никакая сила не сможет удержать ее от того, чтобы подойти к этому пьедесталу, осмотреть его своими собственными глазами и выяснить, что там лежит, — а вдруг это как раз Книга, написанная собственной кровью Христа?

Джордан, едва слышно выругавшись, пошел за ней к статуе.

Крест и колонна стояли на возвышении — на квадратном мраморном основании со стороной, равной шести футам. Оба эти предмета были установлены так, чтобы подчеркнуть свою значимость. Но зачем нацистам понадобилось устанавливать распятие высотой в человеческий рост? А может быть, оно охраняло что-то, что нацисты посчитали священным и неприкосновенным?

Эрин должна была это выяснить.

Она запрыгнула на возвышение, ее лицо исказилось гримасой, потому что под ногами оказались осколки кам-

ней. Внимательно глядя под ноги и стараясь не наступить на что другое, она, затаив дыхание, обошла вокруг пьедестала. И тут луч ее фонаря высветил верхнюю поверхность мраморного аналоя.

У нее оборвалось сердце.

На нем ничего не было.

— Что ты там нашла? — спросил Джордан, подошедший к основанию возвышения, но его голова была повернута в сторону прохода, где сангвинисты отчаянно сражались с мышами.

Сделав шаг вперед, Эрин ощупывала гладкую поверхность аналоя. Ее пальцы обнаружили что-то вроде выемки, в которой, похоже, что-то хранилось — возможно, предмет, похожий по своим габаритам на то, что описывал Рун.

— Здесь была Книга, — чуть слышно произнесла она.

— Что? — не расслышав ее слов, спросил Джордан.

Убитая своим открытием, Эрин отступила назад, раздавив ступней еще один из осколков, которые валялись под ногами. Она направила вниз луч фонаря. Вокруг пьедестала валялись куски серого камня. Присмотревшись, Эрин обнаружила, что это не натуральный камень, а какой-то материал, сделанный руками человека. Опустившись на колени, она осторожно взяла в руки один из осколков.

Большинство рассыпанных по полу осколков были серовато-пепельного цвета и имели толщину меньше одного дюйма. Выбрав самый крупный осколок, Эрин взвесила его на ладони и внимательно осмотрела в надежде понять, что это за материал.

Серый. Похожий на бетон. Если старинный, то, возможно, сделан из известняка и золы.

Возможно ли, что возраст этих обломков такой же, как возраст Кровавого Евангелия? Для того чтобы точно ответить на этот вопрос, ей необходимо сделать анализ, но, конечно же, не здесь, сейчас же она могла лишь предполагать.

Ногтем большого пальца Эрин поскребла уголок осколка и поднесла к носу зачищенную поверхность.

В нос ей сразу ударил знакомый специфический запах пряности, такой сильный, что из глаз потекли слезы.

Ладан.

Сердце Эрин учащенно забилось. Ведь в усыпальнице в Масаде тоже пахло ладаном — этот запах присутствовал почти во всех древних захоронениях.

Но не в нацистских бункерах.

Она пыталась соединить воедино все выясненное, сопротивляясь своему желанию, подобно неуклюжему быку, запрыгнуть на постамент, и это невзирая на то, что в течение стольких лет она отчаянно бранила студентов за гораздо менее значительные вольности, допускаемые ими и нарушающие целостность восприятия объекта раскопок.

Эрин повернула осколок другой стороной. Его профиль имел сходную с треугольником форму. Похоже на угловую часть шкатулки или ларца... Эрин, застыв на месте, словно перед ней было минное поле, рассматривала другие разбросанные по полу куски. Три других треугольных куска лежали тут же, среди прочих осколков.

А что, если эти куски действительно были угловыми элементами? Если так, то они, возможно, были частями какой-то *оболочки.*

Оболочки, в которой могла храниться *Книга.*

Эрин пристально смотрела на пустой аналой.

Возможно, русские мародеры наткнулись на то, что было спрятано здесь? Разбили свою находку и украли то, что было внутри?

В безысходном отчаянии Эрин уставилась на распятие, словно ища ответы на свои вопросы. Тело, распятое на кресте, выглядело обтянутым кожей скелетом; казалось, что это человек, прошедший через концлагерь. Он выглядел намного более худым и изможденным, чем любое из изображений Христа, когда-либо виденных ею. Черные гвозди пришпиливали к кресту его костлявые руки, более крупный гвоздь пробивал его наложенные одна на другую ноги и скреплял их с вертикальной стойкой распятия. Вокруг ран расплылись бордовые пятна. Эрин направила луч фонаря вверх, осветив безликое лицо распятого. Глаза и рот его превратились в узкие горизонтальные прорези, ноздри были тонкими, как бумага, — распятый, которого она виде-

ла перед собой, был реальным воплощением человека, обреченного на нескончаемые страдания.

Ее охватил какой-то необъяснимый порыв: ей страшно хотелось снять распятого с креста, успокоить и утешить его.

Внезапно Эрин почувствовала острую боль в руке. Поднеся ладонь к свету, она поняла, что, слишком сильно сжав обломок камня, порезала большой палец.

Вспомнив о том, что она решила сделать, Эрин снова повернулась к кресту и начала собирать с основания осколки разбитого ларца и раскладывать их по карманам. Она обратила внимание на то, что на обратной стороне некоторых обломков имеются надписи, но их расшифровкой ей придется заняться позже.

Увидев, чем она занимается, Джордан приготовился к тому, чтобы тоже забраться на постамент.

— Не надо! — предупредила она, опасаясь, что в сутолоке они не заметят или уничтожат какие-либо улики, оставленные здесь русскими.

Было бы время, она, возможно...

Они услышали крик Руна, прозвучавший, словно глас обреченного и потерявшего надежду:

— Мыши пробились в проем!

Глава 36

27 октября, 06 часов 04 минуты
по центральноевропейскому времени
Под Хармсфельдским озером, Германия

Рун подбежал к ним с переднего края свирепой битвы, продолжавшейся позади него. Крылья колотили по его телу, когти и клыки рвали его одежду и плоть.

Он влетел в арочный проем, а следом за ним и Надия с Эммануилом. Орда икаропсов, хлопая своими мускулистыми крыльями, ворвалась следом за ними. Их масса заполняла пространство сверху, все помещение от самого арочного купола до пола забилось этими крылатыми тварями.

Острый взгляд Руна, скользнувший по помещению, сразу обнаружил в нем копию усыпальницы в Масаде — разграбленных развалин этого некогда священного места. Его переполняло бешенство, и только страх не давал ему вырваться наружу.

В центре помещения Корца увидел Эрин, стоящую на возвышении за высоким пьедесталом, подняв голову вверх, она смотрела на вертящихся под потолком мышей. Ее телохранитель, Джордан, запрыгнул на основание, готовый закрыть ее своим телом. Бесполезный, показной жест. У солдата не было ни малейшего шанса совладать с бесчисленной ордой икаропсов, набившихся в помещение.

Да и ни у кого из них такого шанса не было.

Как будто поняв это, орда икаропсов бросилась на неприкрытую ничем пару.

— *Arrктez!..*[1]

Это единственное слово приказа, пробившееся сквозь шипение и визг летучих мышей, заставило их дружно прекратить атаку. Черная орда, кружившаяся над Эрин и Джорданом, рассыпалась и понеслась прочь, хлопая крыльями по стенам и по потолку. Их острые когти с противным скрежетом цеплялись за неровности стен. Прижав сложенные крылья к покрытому шерстью туловищу, икаропсы свешивались отовсюду, ожидая, когда вокруг них образуется свободное пространство, чтобы вылететь из помещения. И только их черно-красные глаза, не моргая, смотрели вниз.

С первым же вздохом Руна буквально обожгла вонь, пропитавшая воздух. Он сделал еще вдох. Его ноздри ощутили уже другой запах, пробившийся сквозь зловоние, распространяемое нечистой кровью икаропсов и их пометом.

Этот другой запах был ему знаком.

Стоявший в другом конце помещения Джордан водил глазами из стороны в сторону. Его опущенных книзу плеч едва не касались вылетавшие из помещения мыши.

— Кто кричал?

---

[1] Прекратить!.. (*фр.*)

На этот вопрос ответила Эрин, указав на распятие:

— Смотрите!

Распятая на кресте мраморная скульптура *двигалась*. Поднялась голова, показалось изможденное донельзя лицо, выступающие кости туго обтягивала увядшая высохшая кожа. Рука Эрин непроизвольно поднялась, ладонь легла на горло, словно она знала, *что* стало в нем комом.

Надия неподвижно застыла рядом с Руном. Эммануил, пошатываясь, отошел на шаг назад.

Сангвинисты тоже все поняли.

Словно повинуясь молча поданной команде, Рун рванулся вперед, Эммануил и Надия бросились за ним.

Веки у распятого на кресте поднялись; выражение лица при этом чуть изменилось. И в этих раскрывшихся щелях снова засветилась жизнь — вернее, то немногое, что еще оставалось в теле. Пристальный взгляд этих остекленевших голубых глаз распятого отыскал Руна и остановился на нем, как бы пытаясь разделить с ним свою бездонную печаль.

Эти глаза, полные безысходного отчаяния, не оставили никакого сомнения в том, *кто* был распят на этом жутком кресте.

Рун мысленно округлил это лицо, окружил его серебряными волосами, вообразил, что чуть припухлые губы улыбаются и эта улыбка светится мудростью всех прожитых веков. В своем сознании он слышал этот энергичный в прежние времена голос, объясняющий тайны истории, судьбу и участь сангвинистов. В свое время этим телом владел сильный и мудрый священник.

Падре Пирс.

Один из друзей навеки.

Этот ученый пропал семьдесят лет назад во время экспедиции по поиску Кровавого Евангелия. Когда он не вернулся, церковь объявила его погибшим. Однако, как теперь выяснилось, нацисты взяли его, чтобы обречь на десятилетия мучительных страданий.

Эммануил, упав на колени, взмолился:

— Падре Пирс... как это могло произойти?..

Голова старого пастора снова упала на грудь, как будто у него не было больше сил держать свой тяжелый череп в прежнем положении. Погасшие глаза нашли Эммануила.

— *Mein Sohn?*[1] — прохрипел он, было ясно видно, что поизносить слова его горло уже разучилось.

Сын мой.

По лицу Эммануила потекли слезы, напомнившие Руну о том, что падре Пирс нашел и ввел Эммануила в сообщество сангвинистов. Он не только заменил Эммануилу отца, но и стал его спасителем.

Эммануил потянулся к почерневшему штырю, пригвоздившему голые ноги пастора, сложенные одна поверх другой, к вертикальной стойке распятия. Двумя другими гвоздями его ладони были припечатаны к поперечной перекладине. Капельки черной высохшей крови запеклись вокруг каждой раны.

— Осторожно! — вырвалось у Надии, стоявшей рядом. — Он пригвожден посеребренными гвоздями.

Эммануил потянул на себя толстый штырь, удерживающий ноги пастора, обжигая при этом собственные пальцы. Надия поддерживала его со спины.

— Пока не поддается.

Эммануил злобно зашипел на нее, обнажив клыки.

— Посмотри на него. Он что, недостаточно настрадался?

— Дело в том, — невозмутимо ответила Надия, — *за что* он страдал. Кто пригвоздил его здесь и почему?

— *Libri... verlassen...*[2]

Казалось, что падре Пирс изо всех сил старается подчинить себе снова и свой язык, и свое сознание, перескакивая при этом с одного наречия на другое, подобно тому, как картины и образы, вызванные душевным расстройством, мелькали перед его глазами.

Рун пристально смотрел на то, во что превратился ученый-сангвинист.

— Снимите его.

---

[1] Сын мой? (*нем.*)

[2] Книги... оставить... (*лат., нем.*)

Надия, казалось, готова была возразить, но Рун, опустившись на колени, осторожно и бережно поддержал ноги пастора. Эммануил, выдернув стержень, приковавший его за ноги, отбросил его в сторону и потянулся к рукам пастора.

Пирс оставался безразличным к тому, что происходит рядом. Его закатившиеся глаза смотрели на сводчатую крышу и ее черное покрытие.

— *Meine Kinder...*[1] они привели вас сюда. — К удивлению, его немощный язык произнес эти слова торжествующим тоном. — Для того, чтобы спасти меня...

Лицо Надии помрачнело. Она посмотрела в ту сторону, куда был направлен вялый взгляд пастора, — на орду икаропсов.

— Так это пастор Пирс сотворил эти нечестивые создания!

— *Богопротивное деяние?* — Пальцы Эммануила застыли на гвозде, пронзившем левую ладонь пастора Пирса. — Но это ведь запрещено!

Руна больше интересовали не богопротивные деяния, а ответы на мучившие его вопросы.

— У него не было выбора. Он ведь должен был чем-то питаться, чтобы, будучи распятым на кресте, выжить в течение всех этих десятилетий. А чем еще он мог здесь питаться, кроме как тем, что приносили эти мыши?

Корца представил себе пастора, получающего это мизерное пропитание от черных обитателей своей усыпальницы; вероятно, за эти прошедшие десятилетия ему удалось подчинить их своей воле, заставить их служить ему, использовать их общество для поддержания своего психического здоровья, которое ему все-таки удалось сохранить в этом непроглядно черном одиночестве.

Давным-давно Рун морил себя голодом почти до смерти, как предписывала епитимия. Он помнил, какую боль ему пришлось испытать, и не мог ставить в вину Пирсу то, что

[1] Дети мои... (*нем.*)

он сотворил икаропсов для того, чтобы выжить. Другого способа для этого у него попросту не было.

— И сколько же он здесь пробыл? — спросила Эрин, ее лицо стало белым, как бумага.

— Я думаю, с того времени, как нацисты оставили его здесь. — Надия не сдвинулась с места для того, чтобы поддержать Эрин, которая была явно на грани обморока.

Рун вытащил гвоздь из правой ладони Пирса, Эммануил занимался его левой рукой. Темная кровь потекла из ран старика. Рун старался действовать с максимальной осторожностью. В теле пастора оставалось совсем немного крови, и эти остатки необходимо было беречь.

— За какие дела он заслужил такую судьбу? — спросил Джордан.

— Это самый главный вопрос. — Надия стояла перед пастором и, глядя прямо в его высохшее изможденное лицо, громко спросила: — Чем вы заслужили то, что вас распяли здесь, падре?

Перед глазами Руна мгновенно возникла усыпальница в Масаде: девочка-стригойка, распятая на стене серебряными гвоздями; старый противогаз, торчащий из-под камня... Может быть, Пирс не выдержал пыток? Может быть, он сказал нацистам, где искать Книгу?.. Какие гарантии были ему обещаны за это, что им необходимо было сделать для того, чтобы преодолеть тысячелетнюю защиту и завладеть Книгой?

При каждом движении гвоздя Пирс издавал жалобные стоны. Рун не понаслышке знал, какую боль вызывает прикосновение серебра к телу. А Пирс был принужден терпеть это нестерпимо-жгучее воздействие серебра почти семьдесят лет. Подобно Иисусу он прошел на кресте через все назначенные ему муки.

Вытащив последний гвоздь, Эммануил швырнул его в дальний конец помещения. Рун подхватил за плечи ничего не весящее тело Пирса.

Эммануил сорвал с себя влажную сутану и, оставшись в защитном кожаном костюме, обернул своей сутаной старо-

го пастора. Рун положил его на пол. Эммануил потянулся за своей фляжкой с вином, но Надия остановила его.

— Он уже перестал быть праведником, — объяснила она. — Твое вино не пойдет ему на пользу, а скорее повредит.

Эммануил бережно взял Пирса на руки.

— Что они делали с вами?

— *Blut und*[1] кость, — пробормотал старик. — *Libri.*

Эрин, стоявшая возле него, оживилась:

— *Libri?* По-латыни это «книга». Возможно, это распятие здесь как-либо связано с тем самым Евангелием?

Рун понимал, что связано.

Эрин протянула Руну руку. На ладони лежал осколок камня пепельного цвета.

— Я нашла эти осколки древнего бетона, состоящего из известняка и золы, валявшимися вокруг пьедестала. Это может означать то, что Евангелие было заложено внутрь оболочки, сделанной из этого древнего бетона. Кто-то разбил оболочку прямо здесь, в этом помещении. Может быть, падре Пирс был распят здесь как хранитель этого артефакта, как та маленькая девочка в Масаде?

— Это знает только он, — ответил Рун. — А что осталось от его ума, мне неизвестно.

— Давайте его лечить.

— Такие дела выше моих возможностей. Возможно, и церковь с этим не справится.

Рун взял с ее ладони осколок камня и стал внимательно изучать. Его пальцы, так же как и глаза, сразу же обнаружили надпись на арамейском языке, тисненную на одной стороне. Если бы его сердце билось, то сейчас оно выпрыгнуло бы из груди.

Книга *была* здесь. Кто-то нашел ее и вынул из каменного блока, в котором она была замурована. Но удалось ли им ее открыть?

---

[1] Кровь и (*нем.*).

Этого не могло быть. Если бы это произошло, то воры, для которых нет ничего святого, получили бы в свое распоряжение силу, которую дает Книга. Но кто же тогда взял ее?

Ему необходим ответ на этот вопрос — в этом Эрин права.

И только один-единственный человек может его дать.

— Падре Пирс, — произнес он речитативом, пытаясь уловить момент просветления в сознании несчастного пастора. — Вы меня слышите?

Глаза старика снова скрылись под веками.

— Гордыня... постыдная гордыня.

О чем говорит Пирс? О спесивости и самомнении нацистов или он имеет в виду нечто более страшное?

— Как вы попали к нацистам? — не оставлял надежды Рун. — Вы рассказывали им о Книге?

— *Es ist noch kein Buch,* — прошептал Пирс бескровными губами.

— Дело не в Книге, — перевел Джордан.

— Рун, должно быть, они его пытали, — сказал Эммануил. — Так же как ты пытаешь его сейчас. Мы должны вылечить его, а уже потом донимать своими вопросами.

— Еще нет, — сказал падре Пирс. — Еще не Книга.

Надия обвела взглядом мраморные стены.

— Скоро рассветет. Ты это чувствуешь?

Рун утвердительно кивнул. Слабость начала разливаться по его телу. Милостью Христовой им дозволялось ходить под дневным солнцем, но из-за своих особенностей они всегда в ночное время обладали большей силой, чем при дневном солнце.

— Как мне нравятся звуки рассвета, — мечтательно произнес Джордан.

— Мы не можем выносить Пирса на дневной свет, — предупредила Надия. — Он утратил благословение, которое дает кровь Христа. Солнечный свет для него смертелен.

— Тогда отсидимся здесь, — без всякого энтузиазма произнес Джордан, подняв глаза к потолку. — Это, конечно, не пятизвездочный отель, но раз летучие мыши утихомирились, то, я думаю, мы можем...

— Да он не доживет до заката, — сказал Эммануил, показывая жестом на скопление мышей, рассевшихся по стенам, — если не накормит этих проклятых тварей.

— Я не допущу этого, — заявила Надия. — Это же грех.

— И я не оставлю Пирса умирать во грехе, — Эммануил выхватил нож, угрожая ей.

Рун, встав между ними, поднял вверх руки.

— Если мы не будем медлить, то еще сможем добраться до молельни в Хармсфельде. Там мы сможем совершить над ним обряд очищения. После этого он снова сможет вкушать кровь Христа.

— А что, если он не сможет очиститься? — почти закричала Надия в запале. — Что, если он не был *пешкой* в руках нацистов...

Рун поднял руку, призывая ее замолчать, но молчать она не собиралась.

— Что, если он сам *разыскал* их?

— Узнаем, — сказал Рун.

Надия высказала вслух те страхи, которые он таил глубоко в себе: интеллектуальная гордыня Пирса довела его до союза с нацистами. Руну была знакома подобная гордыня, причем знакома очень хорошо; знал он и то, к чему она может привести даже убежденного сангвиниста.

— Хватит разговоров, пора строиться, — приказным тоном обратился он к стоявшим вокруг. — Мы должны достигнуть молельни в Хармсфельде до рассвета.

В силу долгой привычки Эммануил и Надия заняли свои места: он впереди, она слева от него. Рун, встретившись глазами с Джорданом, указал кивком на Пирса.

Они вышли из тесного помещения, миновали вестибюль и снова свернули в черный бетонный туннель.

Джордан нес на руках Пирса, тело которого все еще было завернуто в сутану Эммануила, Эрин шла чуть позади.

— *Ich habe Euch betrogen,* — прошептал Пирс. — *Stolz. Buch.*

Рун слышал, как Джордан перевел его слова:

— Я всех вас предал. Гордыня. Книга.

Эммануил остановился и, обернувшись, посмотрел на Пирса. Его глаза были полны слез. Рун взял его за руку. Пирс хотя бы сейчас вынужден признать, что предал их Орден нацистам.

Рун отвернулся, пытаясь понять. Был ли его друг одержим всепоглощающим желанием первым найти эту Книгу? А это желание привело его к нечестивому союзу с «Аненербе»? А немцы, наверное, в конце концов предали его самого? Рун припомнил его слова, произнесенные словно в бреду: *Это не Книга.* Означают ли эти слова то, что нацисты здесь по какой-то причине потерпели неудачу в чем-то? А в наказание они распяли Пирса?

Независимо от того, чем все закончилось, если Пирс пришел сюда по своей воле, то они никогда не смогут очистить его от грехов настолько, чтобы он вернулся в сообщество сангвинистов.

Когда они дошли до перекрестка коридоров, Пирс повернул голову влево.

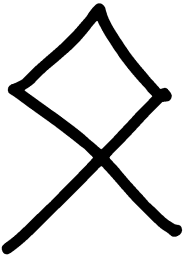
— *Sortie.*

По-французски «выход». Эрин догадалась: он пытается указать им обратный путь.

Став на колени, она пальцем нарисовала на пыльном слое на полу руну Одал. Показав на нее, она спросила:

— Пирс, вы можете указать, где выход?

Джордан повернул Пирса так, чтобы он мог видеть нарисованную на полу руну. Старик указал *на левую* «ногу» руны своим вытянутым вперед костлявым пальцем. А их команда входила сюда через *правую* ногу.

— Там второй выход, — сказала Эрин, окинув спутников обнадеживающим взглядом. — В другой «ноге» руны. Возможно, летучие мыши используют их как вход и выход.

Пирс опустил на глаза тонкие, как бумага, веки, и его голова снова откинулась на плечо Джордана.

— Если мы поспешим, — сказал Рун, — то, может быть, успеем донести его до Хармсфельдской молельни до восхода солнца.

Но даже если это и получится... все равно какой-то непонятный страх гнездился в душе Руна.

А вдруг уже слишком поздно предпринимать что-либо во спасение души Пирса?

Глава 37

27 октября, 06 часов 45 минут
по центральноевропейскому времени
Хармсфельдское нагорье

Батория, поплотнее запахнув соболиное манто вокруг своего стройного тела, остановилась в еще окутанном темнотой лесу. Край неба на востоке уже начал светлеть. По тревожным взглядам, которые ее обеспокоенные спутники бросали в эту сторону, она поняла, что до восхода солнца остается не более четверти часа.

Воздух сделался жгуче-холодным, словно ночь мобилизовала весь холод перед атакой на наступающий день. Облачка белого пара от горячего дыхания слетали с губ Батории — так же как и из пасти волка. Ни у кого из ее сопровождающих не было заметно ничего подобного. Они оставались такими же холодными и недвижимыми, как лес, в котором они стояли, но не все они были одинаково спокойными.

— Мы должны идти. И немедленно.

Тарек неожиданно возник рядом с ней; рот его скривился, когда он прорычал ей эти слова. Его брат Рафик неотступно, как на коротком поводке, следовал за ним, его губы

все еще были распухшими после того соприкосновения с Баторией.

Батория покачала головой. Пока не поступило ни единого слова от наблюдателя, оставленного ею возле мотоциклов. Сангвинисты не возвращались назад прежним путем — но для нее это не было неожиданностью. Батория была уверена, что это место было не тем кроличьим садком, который кролики покинули бы с охотой[1]. Она нутром чувствовала это.

— Никогда не лезь к животному в нору, — посоветовала Батория.

Она не отрывала глаз от двери бункера. Магор нашел среди валунов нору. Она была чуть больше барсучьего логова, но острейшее чутье парней из компании Тарека определило источник запаха, привлекшего волка.

Икаропсы.

Батория представила себе вонючее скопище, появляющееся из этой дыры каждую ночь. Что-то ведь породило орду крылатых тварей, и это что-то должно быть все еще находиться там.

Ее помощники с ожесточением расширяли дыру, выкапывая землю, которую нацисты использовали для сокрытия потайной двери. Когда слой земли был снят, обнаружилось, что мыши проделали своими когтями ход в каменном основании рядом с крышкой люка, через которую выбирались из бункера на свои ночные прогулки.

При таком открытом доступе в бункер открыть люк изнутри не составит никакого труда, что послужит приглашением тем, на кого она охотится, выйти на поверхность именно этим путем.

— Мы перебьем их, как только они выйдут из двери, — объявила Батория.

---

[1] Батория вспоминает стилизованный мультфильм «Уотершипский холм» («Уплывший корабль») в диснеевском стиле по бестселлеру Ричарда Эдамса «Watership Down» о семье кроликов, ищущих безопасное место для жизни.

— А если они дожидаются рассвета? — Тарек метнул быстрый взгляд на восточный край неба, цвет которого уже сделался серо-стальным.

— Если они не вылезут оттуда до восхода солнца, мы сами проникнем в бункер, — обнадежила его Батория. Ее мужчины будут сражаться яростнее, если перед ними будет дилемма: взять бункер или умереть. — Будем ждать до последнего момента.

Шестеро ее стрелков-арбалетчиков застыли на месте по трое с каждой стороны от нее, серебряные стрелы наготове. Арбалетная стрела увеличенного размера имеет не только более тяжелый серебряный наконечник, но и намного тяжелее обычной пули; плюс к этому стрела почти всегда остается в теле, а не проходит через него, практически не причиняя вреда.

Батория больше не могла рисковать, ведя игру против Руна Корца.

Голова Тарека повернулась в сторону двери. Все ее воинство приготовилось.

Батория не слышала ничего, но знала, что слух у них особо острый.

Дверь бункера двинулась вперед, открываясь все шире и перемещаясь над только что расчищенным для этого местом.

Три сангвиниста, выйдя из люка, ступили на землю, и среди них Рун Корца.

Батория насчитала еще трех человек, идущих позади них и еще не вышедших из бункера. Один из этих людей, по всей видимости раненый, покоился на руках другого. Но одно обстоятельство не поддавалось никакому объяснению, а сюрпризы и неожиданности Батория не переваривала. Аббатство покинуло всего *пятеро*, и следы лишь *пяти* человек были обнаружены у кромки воды.

Тогда откуда взялся этот *шестой?*

Неужто Корца обнаружил кого-то живого в этом бункере?

Тогда Батория вспомнила про икаропсов. Эти таинственные существа тоже обитали в бункере?

Она подняла вверх руку, подавая своему воинству знак дождаться, пока все не выйдут из бункера. Но последние трое все еще оставалась внутри, что показалось ей подозрительным.

Корца, посмотрев вниз на землю, опустился на колени, ясно увидев, что люди Батории раскопали поверхностный слой почвы. Прежде чем он успел высказать пришедшие ему в голову подозрения, Батория опустила руку.

Свист арбалетных стрел смешался со звоном тетив, туго натянутых между концами луков. Залп, предназначавшийся идущему впереди сангвинисту, пригвоздил его к толстому стволу стоявшей позади древней сосны. Он сразу стал пытаться освободить себя, но струйки дыма уже заструились из ран, растекаясь по холодному ночному воздуху.

Арбалетчики дали второй залп; все стрелы попали в ту же цель, пронзив грудь, горло и живот.

Сангвинист корчился в туманном мареве, поднимающемся от его собственной кипящей крови.

С одним преподобным было покончено.

Теперь надо было убить Корцу.

Глава 38

27 октября, 06 часов 47 минут
по центральноевропейскому времени
Хармсфельдское нагорье

— Не выходите! — закричал Рун, уворачиваясь от града смертоносного серебра.

Выпущенная из арбалета стрела попала ему в руку, нестерпимая боль моментально обожгла ее вплоть до самого предплечья. Стрела, впившаяся в его плоть, жгла ее и отравляла ядом серебра. Ведь он, стоило ему увидеть свежевскопанную землю перед входной дверью в бункер, сразу почувствовал опасность — но прореагировал на нее слишком медленно.

Кто-то уже ждал их в засаде.

Кто-то, кто подготовился к схватке с сангвинистами.

Подобравшись ползком к толстой липе, Корца укрылся за ее стволом. Очутившись в этом надежном убежище, он перво-наперво вырвал стрелу из руки. Из раны вытекло больше крови, чем он мог сейчас израсходовать на то, чтобы очистить тело от серебряной грязи.

Высунувшись из-за дерева, Рун посмотрел налево. Как он и надеялся, Надия нашла укрытие за одним из валунов рядом с дверью.

А вот Эммануилу не повезло.

Дюжина серебряных стрел пригвоздили его к сосновому стволу, стоявшему в нескольких ярдах от валуна, за которым пряталась Надия. Смог от горевшей на серебре крови поднимался из ран и словно окутывал его прозрачным саваном, образующимся из его страждущей плоти.

Рун понимал, что к Эммануилу ему не подобраться — даже если бы он смог, смерть уже заключила в свои объятия его старого друга и брата по вере.

Эммануил тоже понимал это. Он потянулся рукой к бункеру.

Из темноты донесся скрежещущий голос Пирса:

— Сын мой.

— Я вас прощаю, — прошептал Эммануил.

Рун надеялся, что Пирс услышал эти слова и молча молится сейчас за упокой души своего умирающего друга.

Через несколько мгновений Эммануил обмяк, соскользив по стволу, и только стрелы удерживали его тело в вертикальном положении.

Надия, прячась за валуном, вытирала глаза тыльной стороной ладони. Как и Рун, она понимала, что Эммануил мертв, но в горечь потери вплеталась и ниточка радости: для сангвинистов такой конец — смерть в бою — был наиболее почетным.

Эммануил дал свободу своей душе.

Завершив молитву, Рун обратил внимание на ритмические щелчки — это было сердцебиение одного человека, доносившееся из леса. Так, значит, среди нападавших стригоев был человек — это проясняло природу и сущность тех, кто напал на них.

Велиалы.

Но как им удалось обнаружить здесь Руна и его команду? И сколько их скрывается в лесу?

Из бункера за его спиной, усиленные эхом, до его слуха доносились биения сердец Эрин и Джордана; они находились в подземном убежище вместе с Пирсом. Там — по крайней мере в эту минуту — они были в безопасности.

Протянув руку к набедренному карману, Рун вынул из него свой бурдючок. Ему необходимо было восполнить кровопотерю кровью Христа. Без этого он не сможет дальше продолжать бой. Но сделав этот глоток, он рискует быть отброшенным в прошлое, рискует стать беспомощным и открытым перед лицом врага.

Однако выбора у него не было. Он поднес бурдючок к губам и начал пить.

Жар, разлившийся по всему телу, укреплял и поддерживал его, а чистый огонь Христа делал нечувствительным жжение, причиненное серебром. Малиновая кайма опоясала поле зрения.

Корца изо всех сил сопротивлялся надвигающейся угрозе епитимии, которая может, войдя в сознание, стать для него путами.

Элисабета в полях. Элисабета у костра. Элисабета в гневе.

Протянув руку, Рун сжал свой нагрудный крест, умоляя боль вернуть его в настоящее. Мир в его глазах превратился в неразличимую смесь прошлого и настоящего. Образы, вспыхивая, наплывали друг на друга.

...длинное голое горло.

...кирпич, вмазанный в разделительную стену.

...девушка с малиновым пятном на лице беззвучно кричит.

Он старался сосредоточиться на деревьях; на жгучей боли, которую чувствует ладонь, сжимающая крест; на треске ломающихся веток под ногами стригоев, вышедших из укрытий и устремившихся к бункеру. Он рискнул высунуться из-за дерева и осмотреться — его глаза делали это намного быстрее, чем глаза человека.

Их от шести до десяти.

Сколько их было, точно он не знал.

У Джордана и Эрин не было никаких шансов выстоять против них. Трясущимися руками он снял пистолет с предохранителя.

В его памяти возникло множество образов, напоминающих ему о совершенном им грехе, они лишали его мужества в тот момент, когда сила нужна ему больше всего.

...брызги крови на белых простынях.

...бледные груди в лунном свете.

...улыбка, яркая, как солнце.

Перед глазами мелькали призрачные проблески прошлого, однако Корца прицелился и выстрелил, ранив двух стригоев, стоявших на правом краю, попав каждому в колено, свалил их на землю, задержал их, вывел их из боя.

Надия сняла двух других, стоявших на левом фланге.

Корца слышал, как позади затрещал пистолет-пулемет Джордана: солдат открыл огонь из двери бункера. А потом он услышал *паф-паф-паф-паф* — выстрелы из пистолета Эрин.

Первая волна стригоев откатилась в сторону, рассчитывая приблизиться к цели с фланга. К ним подошло подкрепление. Корца насчитал дюжину, четверо уже были ранены, но не тяжело. Один из стригоев старше Руна, остальные моложе, но все равно и они опасны.

Воспоминания волнами накатывались на него; сейчас эти волны катились одна за другой, унося его прочь, затем пригоняя обратно.

...потрескивающий огонь; мягкий голос женщины, читающей Чосера и с трудом произносящей слова на среднеанглийском; женщина больше смеется, чем читает.

...развевающееся при лунном свете платье; она, не видя никого вокруг, танцует под звездами на балконе, а музыка негромко, как эхо, льется из раскрытого окна.

...бледная нагота тела, нестерпимо ярко выделяющаяся на фоне красной лужи крови; и никаких звуков, кроме его учащенного дыхания.

Пожалуйста, Боже, нет... не надо...

Стрела, пущенная из арбалета, чиркнув по щеке, вернула его в настоящее — и, задев край дерева, воткнулась в землю позади него.

Рун упал на спину, понимая, что никто из его команды не выдержит боя на открытом месте, особенно в таком положении, в котором он находился сейчас. Они были слишком открыты для противника.

— Заманите их внутрь! — задыхаясь, прокричал он, махая рукой Надие, которая была ближе к двери бункера. — Я задержу их...

— *Стоп!* — прозвучал голос настолько знакомый, что Рун снова схватился за крест, не понимая, где он находится — в прошлом или в настоящем.

Он прислушался, но в лесу стояла мертвая тишина.

Даже стригои затаились где-то — но вот-вот должно было взойти солнце, так что времени у них осталось немного. В любой момент они всей стаей могут наброситься на них.

Корца напряг все силы, старясь понять, послышался ли ему этот голос, этот обломок воспоминаний, неожиданно воскресший в памяти.

И тут он услышал снова:

— *Рун Корца!*

Тот же акцент, тот же тембр, даже злобные нотки в голосе те же — все это он знал. Рун старался изо всех сил оставаться в настоящем, но произнесенное вслух его имя позвало его в прошлое.

...Элисабета слезает с лошади, ее рука, протянутая к нему в ожидании поддержки, ее обнажившееся запястье, на нем сквозь тонкую бледную кожу видно, как бьется ее пульс, ее голос, в котором слышится насмешка над его нерешительностью.

— Падре Корца...

...Элисабета, плачущая в саду под яркими лучами солнца, ее нехитрая радость, сияющая сквозь слезы.

— Рун Корца...

...Элисабета, приходящая к нему, босоногая, идущая через камыши, с обнаженными руками и ногами, ее лицо,

горящее желанием, ее шевелящиеся губы, говорящие о невозможном.

— Рун...

Эти руки, простертые к нему и наконец-то зовущие его...

И он пошел навстречу.

Выстрел разорвал ему грудь; жгучая, нестерпимая боль, отбросившая прочь прошлое и оставившая ему только настоящее.

А он продолжал стоять с протянутыми к ней руками.

Она стояла перед ним — но только не та, что прежде. Ее черные волосы стали огненными. Он слышал биение ее сердца, зная, что этого не должно быть — уже не должно быть.

Стоя на склоне чуть ниже его, она соблюдала дистанцию, укрываясь за стволом ольхи. Но даже со своего места он узнал тот же изгиб шеи, те же подвижные, как ртуть, глаза, те же длинные локоны, спадающие на плечи. Она даже сейчас пахла так, как пахла всегда.

У него двоилось в глазах, образ одной женщины накладывался на образ другой.

Розовые губы искривились в той самой улыбке, которая когда-то совратила его.

— Твои дела привели нас сюда, падре Корца. Помни это.

Подняв свой еще дымящийся револьвер, она выстрелила, еще раз, еще раз...

Пули разрывали его грудь.

Серебро.

Каждая пуля была серебряной.

Мир в его глазах потемнел, и Рун упал.

06 часов 50 минут

Когда Корца упал, Джордан дал очередь поверх того места, где лежал падре. Рыжеволосая, которая стреляла в него, юркнула за дерево.

И какого черта этого дурака понесло на открытое место?

Рун в тот момент был явно не в себе, когда, спотыкаясь, выбрался из укрытия и протянул к той женщине руки, в

которых не было оружия, — он словно сдавался ей на милость.

Джордан, продолжая палить из своего пистолета-пулемета, дал знак Надие, что прикроет ее, если она сможет по добраться к Руну. Стригои подползали к ним, они, похоже, не думали подниматься во весь рост из опасения, что серебряные мечи и кинжалы искромсают их на части. Джордан надеялся, что патронов у него хватит: кроме магазина, которым он пользовался сейчас, у него было еще два в запасе.

Эрин стояла на коленях по другую сторону двери, держа в руке свой «ЗИГ-Зауэр». Она не стреляла так кучно, как Джордан, но ее выстрелы были на удивление точными. Она стреляла по ногам, предпочитая ранить, но не убивать — так же как Рун. В этот момент легче было сбить темп наступления стригоев, чем уничтожить их.

Надия, просунув руку Руну под мышку, потащила его назад в бункер. Стрела, выпущенная из арбалета, попала ей в заднюю часть бедра, но она даже не остановилась и не уклонилась от намеченного пути. Втащив тело Руна внутрь, она захлопнула дверь бункера.

— А Эммануил? — спросил Джордан.

— Погиб.

Сжав челюсти, Надия вырвала из бедра стрелу. Кипящая кровь, хлынувшая из раны, потекла по бедру, распространяя струйки дыма, плывущие по воздуху. По туннелю поплыл запах горелого мяса.

Эрин с трудом проглотила слюну. Джордан представил себе, что чувствовала Надия.

— Ты можешь идти? — спросил он. — Я могу подставить тебе плечо, чтобы ты...

— Я смогу идти.

Надия попросила их поскорее отойти от двери и, сняв с пояса свой бурдючок, осторожно сделала небольшой глоток.

Что-то тяжелое уткнулось в дверь с наружной стороны, эхо от этого толчка разнеслось по туннелю. Надия даже не обернулась. Прицепив бурдючок к поясу, она положила Руна на пол, быстро вынула из ножен карамбит Руна и,

приставив закругленное острое лезвие к его груди, разрезала кожаную защитную вставку, прикрывающую грудную клетку Корцы.

— Нам надо спешить. Велиалы могут в любой момент вломиться в эту дверь.

Эрин опустилась на колени рядом с ней.

— А откуда ты знаешь, что они могут оказаться здесь?

— Им это необходимо. Они же стригои. Когда всходит солнце, они все умирают. Им необходимо где-то затаиться.

Поддев пулю острым концом карамбита, Надия извлекла ее из груди Руна. Пуля расплющилась, приняв необычную форму пятилепесткового цветка.

— Серебряная пуля с пустотелым наконечником, — сказал Джордан, сразу поняв, в чем дело.

Нападавшие знали, каков может быть эффект от такого выстрела.

Надия извлекла из грудной клетки Руна остальные пули, действуя быстро, без прежней осторожности. Всего шесть пуль. Человек не смог бы выжить, получив такие раны. Возможно, они и для сангвиниста окажутся смертельными.

Кровь хлынула, как из насоса, и сразу залила весь пол.

Эрин положила ладонь на грудь Руна и с уверенностью в голосе произнесла:

— Я думаю, кровотечение у него остановится само.

Джордан припомнил, как Корца на их глазах в Иерусалиме полоснул себя ножом по ладони.

Надия отвела в сторону руку Эрин.

— Его кровь выводит из него серебро. Если она с этим не справится, он умрет.

— Ну а от потери крови он не умрет? — спросила Эрин.

Лицо Надин стало суровым.

— Такое может быть, — грустно сказала она и, обернувшись, посмотрела на дверь.

Стригои перестали ломиться. Джордану эта тишина показалась обманчивой, да и Надии тоже. Она встала, взвалив Руна на одно плечо. Эрин тоже поднялась с намерением помочь ей.

— Что мы будем делать? Попытаемся воспользоваться туннелем для стока воды?

— Это наш единственный шанс, — ответила Надия, показывая направление свободной рукой. — Мы должны выйти на солнечный свет.

Они пустились вперед почти бегом. Джордан закинул тело Пирса себе на плечо, как это делают пожарные, спасая людей из огня, но Надия шла быстрее его. Они дошли до пересечения туннелей, когда позади них прогремел мощный взрыв и ударная волна ударила им в спину.

Джордана тряхнуло, уши заложило. Враг заложил заряд взрывчатки под дверь.

Не останавливаясь, Стоун обернулся, чтобы посмотреть, как там Эрин. Она шла позади него, но *слишком* далеко позади.

По туннелю прокатилось эхо дикого рева, раздавшегося у разрушенной двери. Эти монстры проникли внутрь — и они были охвачены злобой.

Глава 39

27 октября, время неизвестно
Местоположение не указано

Томми ворочался на своей новой кровати, пытаясь придать телу более удобное положение. Он не представлял себе, где он сейчас и когда здесь оказался, но по всему было видно, что оказался он не в больнице. Томми внимательно изучал свой новый дом, который, как он подозревал, вероятнее всего, был для него местом заключения.

Сейчас он гнал от себя эту тревожную мысль.

Но вместе с тем Томми должен был признать и тот факт, что в *копилке* для мыслей в его голове становилось все более и более тесно. Чем-то в конце концов надо было поступиться.

Он внимательно огляделся вокруг. Стены были окрашены в серебристый цвет, окон не имелось, но в комнате были установлены три вида консолей с джойстиками для

компьютерных игр и телевизор с плоским экраном, подключенный к спутниковой антенне, принимающей американские каналы.

Напротив задних ножек кровати располагалась дверь, ведущая в ванную комнату, заполненную знакомыми брендами мыла и шампуней. Другая дверь вела в коридор, но, когда Томми вносили сюда, он был без сознания и поэтому не знал, куда эта дверь ведет.

Какие-то безликие доктора собрали его кости, подлатали его, не скупясь при этом на обезболивающее. Томми до сих пор ощущал во рту вкус ваты, от которого, как он ни старался, невозможно было избавиться постоянными полосканиями. Но шея его уже зажила, и кости быстро срастались. Что бы ни произошло там, в Масаде, это ускорило его выздоровление, да и излечило его не только от рака.

После того как Томми очнулся и пришел в себя, его стали кормить всем, что он заказывал: гамбургерами, картофелем фри, пиццей, мороженым и сухими завтраками из злаков с яблочным соком и корицей. И что удивительно — он постоянно был голодным. Ему все время не хватало еды, как будто его телу необходимо было питание, чтобы помочь вылечить себя.

Никто не сказал ему, где он находится и почему.

Однажды Томми проплакал целый час, но никто не обратил на это ни малейшего внимания, в конце концов он понял, что слезами тут не поможешь, и предался более практичным мыслям о побеге.

Но пока что хорошего плана у него не имелось. Стены были сделаны из бетона, к тому же он был уверен, что где-то в комнате установлена камера. Охрана передавала ему еду через окошечко в двери, выходящей в коридор.

И вдруг эта дверь открылась.

Томми сел на кровать. Он пока еще не мог уверенно стоять на ногах.

В комнату вошел его старый знакомый, от чего на Томми повеяло неприятным холодом. Это был тот самый мальчик, который выкрал его из больницы. Этот странный под-

росток вошел и сразу же улегся на кровать, растянувшись рядом с Томми, словно они были закадычными друзьями.

На этот раз на нем был серый шелковый галстук и серые брюки, по виду очень дорогие. Одевался он отнюдь не как нормальный подросток.

— Привет. — Томми повернулся к нему лицом и протянул руку, не зная, что еще сделать. — Я — Томми.

— Я знаю, кто ты. — Акцент у мальчика был странный и сильный.

Однако он пожал протянутую Томми руку, тряхнув ее твердо, по всем правилам. Рука у него была такой холодной, какой Томми едва ли когда-либо касался. Может, он только что приплыл из какой-то страны, расположенной за Полярным кругом?

Мальчик отпустил руку Томми.

— Мы теперь друзья, верно? Так что можешь называть меня Алешей.

Друзья не пытаются убивать друзей.

Но Томми не высказал эту мысль вслух, а задал более важный для него вопрос:

— А почему я здесь?

— А где бы ты хотел быть?

— Где-нибудь в другом месте, — ответил Томми. — Здесь я чувствую себя как в тюрьме.

Мальчик стал вертеть золотое кольцо, надетое на один из его белых пальцев.

— Если говорить о клетках, то эта клетка позолоченная, согласен?

Томми не стал втолковывать ему, что он не хотел бы находиться ни в какой клетке — позолоченной или не позолоченной, — но ему не хотелось обижать парня, не хотелось проявлять грубость по отношению к нему. Честно говоря, Томми не желал снова оставаться в одиночестве. В этот момент он не имел ничего против общества этого странного парня — особенно если от него можно узнать что-нибудь полезное.

— Когда мне было столько лет, сколько тебе, я жил в одной из самых лучших золоченых клеток во всем мире. —

Мальчик оглядел комнату своими светло-серыми глазами. — Но потом меня освободили, так же как тебя.

— Я бы не назвал *свободой* то, как я живу сейчас. — Томми жестом обвел свою палату.

— Я хотел сказать, *освободили* от заключения в собственном теле. — Мальчик сел на кровати, скрестив ноги, и потянулся к джойстику. — Многие стремятся к этому.

— Так ты свободен? — Томми потянулся и взял второй джойстик, как будто в данный момент это была его самая неотложная естественная потребность.

Мальчик пожал плечами и, глядя на экран, начал какую-то новую захватывающую игру.

— До известной степени.

— И как это понимать?

Алеша посмотрел на него. В это время компьютер загрузился и на экране возникла игровая ситуация.

— Ты бессмертный, верно?

Томми опустил свой джойстик.

— Что?

Алеша следил за игрой «Боги войны».

— Ты уже знаешь об этом или нет? Вот как раз этому я и старался научить тебя, когда доставил сюда из пустыни. Так что тебе надо это осознать.

Томми старался понять, ища какую-либо приемлемую систему отсчета, одновременно слушая музыкальное сопровождение игры, основную часть которого исполняли ударные и духовые.

— А ты-то сам бессмертен, Алеша?

— Существуют ситуации, в которых моя жизнь может закончиться. Но если мне удастся их избежать, то да, я буду жить вечно. Таким образом, мы будем друзьями в течение очень долгого времени.

Томми показалось, что в этом голосе прозвучал намек на одиночество.

— Значит, я такой же, как ты? — спросил он мягко, с безысходностью в голосе.

Алеша заерзал, как будто его участие в разговоре наскучило ему.

— Нет, ты не такой. Когда-то в далекие времена был *один* друг, похожий на тебя. Но *ты,* мой друг, объект особый.

— А этот *один,* о котором ты говорил, он еще существует?

— Да, конечно, он существует. Как и ты, он не может умереть или закончить свою жизнь.

— Никогда?

— Пока не закончится время.

Томми снова обвел комнату долгим взглядом. Неужто ему суждено оставаться здесь вечным заключенным? Ему хотелось посмеяться над абсурдностью этой ситуации, но какой-то частью своего сознания он понимал, что Алеша сказал ему правду — только, возможно, не всю ее гнусную суть.

Томми понял все сказанное по-своему.

Бессмертие не было благом.

Оно было проклятием.

Глава 40

27 октября, 06 часов 55 минут
по центральноевропейскому времени
Под Хармсфельдским озером, Германия

Держа на плече Пирса, Джордан, отбежав на несколько шагов в сторону, свернул в бетонный туннель, преследуемый орущими стригоями, дикими и наводящими ужас. Обернувшись к Эрин, следовавшей за ним в двадцати ярдах, он закричал:

— Скорее!

— Беги, не останавливайся! — раздраженно и со страхом в голосе ответила она.

В этом была вся Эрин.

Да пошло все к черту.

Как раз сейчас Надия добежала до дальней ноги и быстро спустилась вниз по туннелю, в котором был воздушный шлюз, держа на руках обмякшего и отравленного Руна. По-

хоже, она не считала себя обязанной дожидаться этих двух медленных людей. К тому же Надия была не сильно расположена к Пирсу. Понятно, что возвращаться назад она тоже не хотела.

Джордан положил Пирса на бетонный пол и взял в руки свой пистолет-пулемет.

— Прости меня, старик.

Пирс открыл свои выцветшие голубые глаза.

— *Meine Kinder.*

Дети мои.

— Я вернусь, — сказал Джордан, надеясь, что сможет исполнить это обещание.

Прежде чем он окончательно встал на ноги, Пирс схватил его руку. Его пожатие оказалось неожиданно крепким, возможно, у него было достаточно сил, чтобы ломать кости.

— Икаропсы. *Sie kommen*[1]. Помочь. Я послал им приказ.

Через разломанный дверной проем, ведущий в соседний вестибюль, в туннель ворвалась черная туча летучих мышей, они натыкались друг на друга, истошно вопили — все это происходило над самыми их головами.

Тысячи летучих тварей заполнили коридор.

Джордан, пригибаясь, проскочил под машущими крыльями, сквозь удушающую вонь, которую он ощущал даже во рту и на языке. Вместе с Пирсом они прижались к стене.

Эрин почти догнала их, одной рукой она прикрывала лицо, заслоняясь от машущих крыльев.

Но на этот раз вся злость этих свирепых тварей была направлена не на нее.

Эрин, низко наклонив голову, медленно и осторожно пробиралась против их потока.

За ее спиной черная орда налетела на стригоев, подобно бушующему потоку. Мыши налетали на монстров, образуя непрерывный калейдоскоп из потоков крови, шерсти и бледной кожи. Среди этого хаоса, подобно молниям, вспыхивало серебро. Некоторые икаропсы пали, но еще большее их количество спешило занять места павших.

---

[1] Они придут (*нем.*).

Джордан видел, как одна огромная мышь метнулась вверх и обхватила своими крыльями стригоя, словно каким-то чудовищным плащом.

Визг становился громче.

И вдруг в самую середину этого черного водоворота влетела струя пламени. Воздух задрожал от свиста и хруста костей и почти сразу огласился ужасающим визгом. Облако вонючего дыма окутало трех наблюдателей.

Горело мясо и нефть. Казалось, что заработал огнемет.

Пирс застонал от жалости к своим деткам, дикий визг которых едва выдерживали барабанные перепонки Джордана.

Эрин наконец-то добралась до него. Стоун, схватив ее за руку, потянул за угол.

— Давай быстрее к воздушному шлюзу! А я сразу за тобой.

Она, с трудом переводя дыхание, согласно кивнула.

Схватив на руки Пирса, Джордан устремился за ней. Он молил Бога о том, чтобы уцелевшие мыши дали им возможность выбраться из этого проклятого места. А уж потом защитить их сможет солнце.

Так он, по крайней мере, рассуждал.

Они со всех ног неслись к воздушному шлюзу. Внезапно из темноты перед ними возникла Надия, но с пустыми руками. Должно быть, она, оставив Руна в воздушном шлюзе, прибежала на помощь. Так, значит, она вовсе не собиралась бросать их здесь на произвол судьбы.

— Быстрее! — закричала женщина, хватая Эрин и почти отрывая ее ноги от пола.

Внимание Джордана привлек душераздирающий вопль, донесшийся из-за спины. Какой-то выскочивший из-за угла стригой — окровавленный, обгоревший, без одного глаза — бросился к ним; горя желанием расправиться с ними, он бежал так быстро, что в некоторых местах вскакивал на стены, отталкиваясь от них ступнями.

До воздушного шлюза оставалось всего несколько ярдов.

Но преодолеть их ему было не суждено.

06 часов 57 минут

Ступни Эрин почти не касались пола, когда Надия с непреодолимой силой тащила ее вперед к воздушному шлюзу. Она, извиваясь в ее крепких руках, с трудом подняла свой «ЗИГ-Зауэр».

— Джордан! Ложись!

Эрин видела, как Стоун, находившийся в туннеле на значительном расстоянии от нее, послушно растянулся на полу головой к ним и перевернулся, не выпуская из рук Пирса, чтобы заслонить собой тело падре.

Она прицелилась из пистолета в бегущего монстра как раз в тот момент, когда он готовился броситься на Джордана. И сделав один, равномерный спокойный вдох, задержав дыхание, нажала на курок.

Пистолетный выстрел прозвучал как раскат грома, больно кольнув ее в уши, после чего в них долго слышался звон.

Затылочную часть черепа стригоя разнесло, и сейчас из черепа шел дым от серебряной пули, которую Эрин всадила в его уцелевший глаз. Силой инерции безжизненное тело этого существа преодолело еще несколько ярдов. Оно рухнуло на землю позади Джордана и, скользя по полу, почти достигло ног Эрин. Та отпрянула назад, но Надия успокоила ее, произнеся лишь одну фразу:

— Это мертвец.

Джордан снова встал на ноги и поднял Пирса.

— Отличный выстрел.

Он улыбнулся, но его улыбка не была снисходительной. Удовлетворенность тем, что она сделала, теплой волной захлестнула ее сознание.

Они вдвоем втиснулись в сырой воздушный шлюз.

Эрин поспешно склонилась над Руном, напуганная его бледностью, — он и обычно был бледным, но сейчас его лицо выглядело абсолютно белым. Из его обнаженной груди все еще сочилась кровь. Надия и Джордан с оглушительным лязгом захлопнули люк воздушного шлюза и зафиксировали крышку замками. После этого начали торопливо открывать крышку наружного люка.

Надия скорым шагом пробралась по тесному помещению и повернула рукоятку крышки наружного люка в положение «открыто». Та с треском отворилась. Эрин не успела сделать глубокий вдох, как холодная вода хлынула в шлюз и в считаные секунды накрыла ее с головой. Джордан, не выпуская из рук Пирса, включил свой водонепроницаемый фонарь. Эрин сделала то же самое, вцепившись мертвой хваткой в куртку Руна.

Надия подпирала плечом крышку до тех пор, пока давление наконец не уравновесилось, и стала подталкивать всех к выходу. Она плыла рядом с Эрин и Руном, держа своего собрата-сангвиниста за запястье.

Теперь Руна опекала Надия, поэтому Эрин, оттолкнувшись от крышки люка, поплыла вперед. Она изо всех сил старалась преодолеть вес тяжелого кожаного плаща, тянувшего ее в глубину, не говоря уже о том, что все ее карманы были наполнены бетонными обломками. Она начала было тонуть, но решила не сдаваться, потому что все, что было при ней, дорогого стоило.

Невдалеке Эрин увидела искривляемое волнами изображение фонтанной статуи — человека на вздыбленном коне, — облепленной водорослями. А может, и ее ждет та же судьба, что и тех жителей города, что вместе с ним ушли на дно озера?

И тут рядом с ней возник Джордан. Вцепившись в воротник ее плаща, он потащил ее, стараясь рывками и толчками подталкивать и ее, и Пирса к серебряной полоске, показавшейся на восточном краю неба.

А ведь только что, когда ее голова была под поверхностью воды, Эрин чувствовала, будто погружается в вечность...

Она глубоко вдохнула.

Небо над ее головой уже окрасилось в нежно-серый цвет. Приближался рассвет, но Пирсу это не сулило ничего хорошего. Им так и не удастся достичь святилища Хармсфельдской церкви вовремя.

Джордан притянул ее к лодке. Надия вместе с Руном уже были на борту; сангвинистка помогла втащить в лодку тело падре Пирса, пребывавшего в бессознательном состоянии. Джордан влез в лодку сам, чуть не перевернув ее при этом.

Эрин, ухватившись за деревянный планшир рядом с веслом, дожидалась своей очереди. Она сделала глубокий прерывистый вдох, ее тело дрожало, как в лихорадке. Никогда в жизни ей не было так холодно, как сейчас. Но главное, что она была жива.

Балансируя, Джордан снял с себя плащ, сшитый из волчьей шкуры, и накрыл ею кого-то из тех, кто был в лодке. Затем, протянув теплую ладонь Эрин, втащил ее в лодку, она оказалась в ней в самой неуклюжей позе.

— Твой плащ, — обратилась к ней Надия. — Скорее.

Джордан с такой быстротой помог Эрин снять промокшую одежду, как будто плащ на ней горел. Она дрожала настолько сильно, что едва держалась на ногах.

Джордан и Надия работали быстро и слаженно, пристроив оба плаща над ранеными сангвинистами так, чтобы солнечные лучи не попадали на их тела. Солнечный свет убьет Пирса, а Рун, как полагала Эрин, должно быть, окажется слишком слабым, чтобы противостоять ему. Слишком много крови он потерял у входа в бункер.

Когда все неотложные дела в лодке были закончены, Надия села и наклонила голову. Ее тоже колотил озноб. Она опустила тяжелую голову на руку.

— Ты в порядке? — спросил Джордан.

— Все обойдется, — невнятным шепотом ответила сидящая к нему спиной женщина.

На ее правом бедре была глубокая рана диаметром с четвертак, уже вычищенная и обработанная. Но даже несмотря на эту рану, она спасла всех.

Джордан вытянул якорь и бросил его на середину лодки.

Чувствуя слабость, Эрин, нащупав весло, помогла Джордану грести к берегу. Ее руки дрожали так сильно, что она едва удерживала конец весла.

Из-под одного из плащей раздался слабый, задыхающийся, едва слышный голос:

— Пожалуйста. Снимите с меня это.

Это был голос падре Пирса.

Надия, опустив глаза, посмотрела на его скрюченное тело, по выражению ее лица всем стало ясно, что у падре агония.

— Ты же умрешь.

— Я знаю, — сказал он. — Освободите меня.

Рука Надии опустилась на плащ, но она не сняла его с тела старика.

— Пирс, пожалуйста, не надо.

— Ты можешь гарантировать мне отпущение грехов? — Его хилый, болезненный голос был едва слышен на фоне плеска воды и шума, создаваемого весельными лопастями.

Надия вздохнула.

— Я пока еще не получила священных приказов. — Она подняла другой плащ и просунула под него голову. — К сожалению, Рун в таком состоянии тоже не может гарантировать тебе отпущения грехов.

Сидя рядом с Эрин, Джордан быстро и ритмично загребал веслом воду. Ей грести было тяжелее, руки занемели от холода.

— Тогда прошу тебя, Надия, давай помолимся вдвоем, — взмолился Пирс.

Эрин и Джордан, работая веслами, медленно приближались к берегу, а двое сангвинистов молились на латыни, но слова их молитвы Эрин не переводила. Она неотрывно смотрела на воду, розовеющую при свете утреннего солнца, и думала о Руне, умирающем, а может быть, уже и мертвом, под джордановским плащом. Зачем она согласилась отправиться на эти поиски? Ведь розыск Евангелия унес уже столько жизней, тем более что Рун предупреждал ее об этом... Пока они не нашли ничего, а потеряли так много.

Они приближались к берегу. Надия осторожно подняла плащ, которым был накрыт Пирс, и посадила его, устроив его высохшее тело напротив себя. Впервые Эрин видела ее испуганной.

Подернутые пеленой голубые глаза Пирса пытались рассмотреть береговой ландшафт.

Эрин тоже смотрела в эту сторону: на темные сосны; на серебристые стволы лип, сбросивших листву по осени; на воду озера, казавшуюся медной под восходящим солнцем; на золотые лучи, пробивающиеся сквозь пелену тумана.

Пирс поднял лицо к солнцу.

— Свет — это поистине самое замечательное из Его творений.

По щекам Надии покатились слезы. Она не вытирала их, потому что крепко обнимала Пирса.

— Прости меня, — сказала она на латыни. — Ты блаженный[1].

Лицо Джордана стало каменным, казалось, самым главным для него сейчас было не нарушить ритма гребли.

Лицо Пирса сияло радужным многоцветием в лучах утреннего солнца. Спина его согнулась. Шея и руки покрылись румянцем.

Он пронзительно вскрикнул. Надия прижала его к себе.

— Господи! Ты нам прибежище во всех поколениях... Дни и года сменяются, но Ты пребываешь вечно.

Пирс замолчал, затих в ее руках и успокоился.

— Милостью своей Ты не оставляешь нас ни в жизни, ни в смерти, — продолжала Надия. — Даруешь нам милость вспоминать с благодарностью то, что Ты даровал нам через Пирса и Эммануила. Прими же их обратно в царствие Твое после их многолетнего служения Тебе.

Последнее обращение к Богу Эрин повторила вместе с ней, вспомнив слова, которые столь долго не произносила вслух, сомневаясь до нынешней минуты в том, что понимает их истинное значение.

— Аминь.

---

[1] Блаженный — в католицизме эпитет местночтимых святых, прошедших первую ступень канонизации.

Глава 41

27 октября, 07 часов 07 минут
по центральноевропейскому времени
Хармсфельд, Германия

Глубоко погружая в воду лопасть весла, Джордан медленно вел лодку по поверхности озера. Он смотрел на солнце, радуясь наступлению нового дня после только что закончившейся самой длинной ночи в его жизни, после которой он хотя бы все еще оставался живым.

Стоун представил себе лица ушедших мужчин... Пирса... Эммануила...

Снимая свой плащ с тела Руна, он понял, что и этот преподобный, возможно, ненамного отстал от своих предшественников. А ради чего? Ведь из своего долгого ночного кошмара они вышли с пустыми руками.

На носу лодки Надия, сняв с тела Пирса плащ, передала его Эрин. Падре уже не надо было защищаться от холода и предохраняться от лучей солнца, а вот Эрин всю трясло от пронизывающего утреннего холода. Надия нашла Пирсу такое положение в лодке, при котором она смогла скрестить его руки на груди. Ее руки не касались страшных ран на его ладонях и ступнях. Она накрыла его мертвое тело сутаной Эммануила, бережно подоткнув ее края под тело Пирса, после чего склонила голову в молитве.

Джордан, относящийся к Пирсу с уважением, последовал ее примеру.

Закончив молитву, Надия осенила себя крестным знамением. Со скорбными вздохами она некоторое время смотрела на солнце, а затем, обхватив тело Пирса, подняла его над планширом и бережно опустила в озеро. Он пропал из поля зрения, погрузившись в зеленую воду, лишь цепочка воздушных пузырьков поднялась на поверхность из-под черной сутаны.

Эрин лишь тягостно вздыхала, наблюдая за скромным погребением падре Пирса.

— Ему не суждено было найти упокоения в святой земле, но здесь его тело не будет найдено, — объяснила Надия, а затем, сев на банку, взяла в руки весло. — Пусть он обретет мир и вечный покой в этой горной стране, которую так любил.

Эрин трясло как в лихорадке, ее посиневшие губы вытянулись в тонкую линию, но она продолжала грести.

Повернув голову, Джордан посмотрел на выплывающий из-за тумана берег и направил лодку немного правее. В прибрежном лесу запела птица, приветствуя наступление утра, к ней тут же присоединилась другая. Жизнь, казалось, шла своим чередом.

Приближаясь к берегу, Джордан не замедлил ход лодки, и она, идя по инерции, вылезла носом за прибрежную линию.

— Подождите меня здесь, — велел он женщинам.

Эрин, которую все еще трясло, молча кивнула. Надия никак не ответила.

Он вытащил свой «кольт» и соскочил на землю. Его ботинки ушли во влажную рыхлую землю, но все равно приятно было вновь ощущать себя на твердой земле, в большом мире, в котором наступал рассвет.

Стоун поспешил к тому месту, где они накануне спрятали свои мотоциклы. Менее чем через час они смогут добраться до аббатства. Может быть, у брата Леопольда найдется лекарство, которым он вылечит Руна.

Но, едва ступив под знакомое раскидистое дерево, Джордан остановился: перед ним валялись разбросанные по земле обломки — все, во что превратились их «Дукати». Напрягая слух и зрение, он стал осматриваться и прислушиваться. Стригои наверняка скрывались где-то от солнца, но, как ему было известно, велиалы нанимают на службу также и людей.

И тут он осознал весь ужас их положения.

Даже при ярком дневном свете им по-прежнему грозила опасность.

07 часов 12 минут

Эрин, стоя у кромки воды, старалась хоть как-то согреться, кутаясь в свой кожаный плащ. Переведя взгляд на купу деревьев, среди которых скрылся Джордан, она ждала его возвращения. Но там не было заметно никакого движения, и от этого она почувствовала беспокойное жжение в груди.

Надия, стоявшая рядом с ней, отвязала от пояса свой бурдючок и, держа его в руке, забралась под плащ, накрывавший Руна, стараясь при этом предохранить его тело от солнечного света.

Эрин тоже очень хотелось заглянуть под плащ и посмотреть, как чувствует себя Рун, но сделать это она не осмелилась — Надия лучше ее знала, как следует сейчас заботиться о нем. Да и знакома она была с ним намного дольше, чем Эрин успела прожить на свете.

Увидев, что из леса появилась знакомая фигура Джордана, Эрин облегченно вздохнула. Но по его согбенным плечам она сразу поняла, что новости, которые он принесет, будут нерадостными. Очень плохими. Для того чтобы расстроить его, надо было очень постараться, а сейчас Джордан выглядел подавленным и удрученным.

Надия снова села на старое место, держа одну руку на голове Руна, прикрытой плащом.

— Кто-то переломал наши мотоциклы, — объявил Джордан, глядя на нее извиняющимся взглядом, будто в этом была его вина.

— Все мотоциклы? — спросила Надия.

Джордан утвердительно кивнул.

— Для того чтобы привести их в рабочее состояние, потребуются инструменты, запчасти и время.

— И ничего из перечисленного у нас нет. — Надия провела ладонью по своему раненому бедру — и вдруг внезапно стала слабой и хрупкой. — Нам ни за что не доставить Руна в аббатство живым, если мы пойдем туда пешком.

— А как насчет Хармсфельдской молельни? — Эрин указала на шпиль колокольни, возвышающийся над лесом. — Ты ведь думала, что там Пирс, возможно, получит отпущение грехов. Может быть, там помогут Руну?

Надия, откинувшись назад, провела рукой по плащу, под которым лежал Рун.

— Мы должны молиться — именно это ему сейчас нужно.

07 часов 14 минут

Стоя у кромки воды, Джордан наблюдал, как рассеивается туман, разрываясь на клочья в раннем утреннем свете. Когда в воздухе посветлело, их стало видно отовсюду: три взрослых человека возле украденной лодки и тяжелораненого мужчины.

Решить, как поступать с раненым, было очень нелегко.

Надия подошла к лодке, нос которой по-прежнему стоял на берегу, и принялась укладывать тело Корцы поудобнее на руки, прежде чем поднять и перенести его на берег. Пешая дорога до живописной деревушки Хармсфельд занимала совсем немного времени.

Джордан бросился помогать ей.

— Прошу тебя, дай я подниму и перенесу его.

— Почему? Ты думаешь, я слаба для такого дела? — Ее темные глаза сузились в щелки.

— По-моему, если кто-то увидит такую маленькую, как ты, женщину, тащащую взрослого мужчину с такой легкостью, словно он щенок, это вызовет вопросы.

Надия неохотно позволила Джордану закинуть тело Руна на плечо. Пастор и вправду был слишком тяжел для нее. По человеческим меркам он был просто мертвецом: холодный, сердце не бьется, не дышит. Непонятно, был ли он еще живым...

Джордан должен был принимать на веру все, что исходило от Надии.

Эта женщина, шагая почти невозможно быстрой походкой, провела их через окружающий озеро лес. Вскоре, когда перед ними возникла деревня, Джордан почувствовал облегчение от того, что не позволил ей нести Руна.

Меньше чем через десять минут они уже устало брели по покрытым первым инеем камням, которыми была вымощена главная улица. Надия вела их наугад, не зная куда, вре-

мя от времени останавливаясь и прислушиваясь, наклонив голову к плечу. Очевидно, она слышала приближающихся людей раньше Джордана и Эрин и готовилась к тому, чтобы избежать встречи с ними.

Джордан посмотрел на Эрин. Она, так же как и он, продрогла до самых костей, к тому же ее тело не вырабатывало тепла, поскольку Эрин не несла в руках тяжелой ноши. Ее посиневшие губы дрожали. Стоуну необходимо было привести ее куда-то под крышу и обогреть.

Наконец они добрались до стоявшей на площади деревенской церкви. Ее прочное здание было построено из камня, добытого в местной каменоломне много веков назад; строители выложили из каменных блоков арочные входы, а обе боковые пристройки украсили окнами, в рамы которых вставили разноцветные стекла. Строгая, устремленная в небеса колокольня с единственным колоколом, казалось, внушала прихожанам неколебимую решимость в вопросах веры.

Надия, поднявшись по ступенькам, подергала ручки двойной двери. Заперто.

Джордан опустил Руна на землю. Может быть, он сам сможет открыть замок.

Надия отошла на шаг назад, подняла ногу и ударила ею по деревянной двери. Обе ее половины с треском распахнулись. Не совсем мирный способ входа в церковь, но зато самый действенный.

Она торопливо вошла внутрь. Джордан, подхватив со ступеней Руна, последовал за ней, Эрин вошла последней. Стоун не хотел показываться кому-либо на глаза до того момента, пока не станет ясно, что это они вломились в церковь, да еще и принесли с собой мертвеца.

Эрин, словно чувствуя что-то подобное, плотно закрыла за ними двери.

Надия была уже в алтаре, поглощенная поисками.

— Священного вина нет, — сказала она, нервы ее не выдержали, и сангвинистка, столкнув локтем на пол пустой потир, разбила его вдребезги.

— Может, стоит вести себя немного потише? — Джордану меньше всего хотелось спорить с ней и выводить ее из душевного равновесия.

Надия пробурчала что-то невнятное и, как показалось, нечестивое, а затем устремилась к деревянному распятию, висевшему за алтарем. Сходство вырезанной из дуба фигуры с фигурой Пирса было настолько разительным, что Джордан в смятении отступил на шаг назад.

Что задумала сделать Надия?

Глава 42

27 октября, 07 часов 31 минута
по центральноевропейскому времени
Хармсфельдское нагорье

Батория стояла перед телом мертвого сангвиниста, все еще пригвожденного серебряными арбалетными стрелами к стволу древней сосны, подобно жертве друидов. Ухватившись за конец одной из стрел, она вырвала ее из плоти и со вздохом посмотрела на дело рук своих.

Яркий солнечный свет заливал поляну, усыпанную желтыми листьями, опавшими с липы. Немногое свидетельствовало о том, что совсем недавно здесь происходил бой: несколько комков вывороченной земли, полдюжины отметин от пуль в стволах деревьев да черные пятна крови, впитавшейся в землю. Один хороший дождь и несколько недель нового, послезимнего роста травы — и уже никто не обнаружит ни малейших следов того, что здесь было.

Вот только это проклятое тело, пригвожденное к дереву...

Батория потянула вторую стрелу, думая о том, что могла бы поручить эту работу Тареку, но он и в течение дня не смог бы ее выполнить. Даже Магор сильно мучился от солнечного света, его тело дымилось, и ей пришлось буквально силой затолкать его вместе с остальными в бункер.

Батория продолжала вытаскивать стрелы, постепенно освобождая тело.

Жаль, что ими был пронзен не Корца. Но она видела, как он упал, после того как собственноручно всадила в его тело шесть серебряных пуль. В таком состоянии ему долго не выдержать. Она наслаждалась, стреляя в него и видя на его лице удивление. Он-то считал ее Элисабетой — давно умершей предшественницей Батории, неизвестно как вернувшейся лишь для того, чтобы простить его.

Как будто этого было бы достаточно для искупления его грехов.

Она освободила тело сангвиниста, вытащив из его тела последнюю стрелу. Будь этот мужчина стригоем, солнечные лучи превратили бы его тело в пепел и позволили бы ей не думать о неприятностях.

Заканчивая свои дела, Батория спешила с завершением этой последней кровавой операции в соответствии с планом, имевшимся в ее голове.

Книга все еще не нашлась — но она знала, куда идти, чтобы найти ее.

И что более важно, *кто* сможет помочь ей в этом.

Глава 43

27 октября, 07 часов 35 минут
по центральноевропейскому времени
Хармсфельд, Германия

Эрин стояла рядом с Джорданом, когда тот положил Руна перед алтарем. Недвижный падре лежал на каменном полу, словно мертвец.

— А он еще жив? — спросила она.

— Чуть теплится. — Опустившись на колени, Надия вылила немного вина из своей фляжки тонкой струйкой ему в рот.

Проглотить вино он не смог. Это не сулило ничего хорошего.

— Мы можем чем-нибудь помочь? — спросил Джордан.

— Если не будете мне мешать. — Надия положила голову Руна на свои колени. — И шуметь тоже.

Надия порылась среди вещей, которые перед этим собрала в алтаре, и перво-наперво взялась за бутылку с вином. Надавив пальцем на пробку, она пропихнула ее внутрь и объяснила:

— Это вино надо освятить.

— А ты можешь сделать это? — Джордан посмотрел на дверь из опасения, что кто-либо может забрести в церковь и прервать готовое начаться таинство.

— Конечно, она не может, — ответила за нее Эрин, состояние которой все еще было близким к шоковому. — Освятить вино может только какой-либо священник.

Надия саркастически хмыкнула.

— Доктор Грейнджер, вы достаточно хорошо образованы в истории, чтобы лучше разбираться в этом вопросе, или я не права? — Она обтерла кровь с груди Руна алтарной скатертью. — Разве на первом этапе существования христианской церкви женщины не служили мессы и не освящали вино?

Эрин почувствовала себя уязвленной. Ей *следовало* бы помнить об этом. В своем преждевременном суждении она опиралась на церковные догмы, с которыми история находилась в прямом противоречии. Да, подумала Эрин, сколько еще времени ей предстоит быть дочерью своего отца и мыслить его категориями...

Больно кольнуло в сердце.

— Прости, — сказала она. — Ты права.

— У людей церковь лишила женщин этой возможности. А вот церковь у сангвинистов — нет.

— Значит, освятить вино ты сможешь, — резюмировал Джордан.

— Этого я не обещала. Я сказала, что *женщины* могут быть священниками в сангвинистской церкви. Но сама я пока не прошла посвящения в сан, поэтому и не являюсь таковым.

Джордан снова настороженно посмотрел на дверь.

— Почему бы нам просто не взять эту бутылку с вином и, проделать над ней все, что ты намерена, но где-нибудь в другом месте, потому что сюда в любую минуту могут

прийти и помешать нам? Ведь тебе не обязательно делать это именно в церкви, верно?

— Самой большой исцеляющей силой обладает вино, освященное и выпитое в церкви. Дополнительную силу ему придает освященная земля. — Надия положила руку на грудь Руна. — Что бы мы ни сделали, все сейчас пойдет Руну на пользу.

Она вылила последние капли вина из своей фляжки на раны Корцы, отчего он слабо застонал.

В сердце Эрин затеплилась надежда. Может, дело обстоит не так плохо, как ей кажется?

Надия отвязала серебряную фляжку Руна от его пояса и тоненькой струйкой влила немного вина ему в горло. На этот раз он его проглотил.

И сделал вдох.

— Элисабета?

Надия закрыла глаза.

— Нет, Рун. Это Надия.

Корца посмотрел вокруг неосмысленным взглядом.

— Ты должен освятить это вино. — Она обвила его пальцы вокруг зеленого горлышка бутылки. — Иначе ты умрешь.

Его дрожащие веки снова сомкнулись.

Эрин внимательно смотрела на впавшего в беспамятство преподобного. Что могло бы поднять его на ноги, она не знала.

— А ты уверена, что это вино необходимо освящать? Может, просто сказать ему, что оно благословенное?

Надия посмотрела на Эрин злобным взглядом.

— Я еще тогда, в пустыне, подумала: так ли важно освящать вино по-настоящему или Руну надо просто *думать* о том, что оно освящено? Может быть, здесь дело в вере, а не в чудесах? — Эрин не могла поверить, что подобные слова могут слетать с ее губ.

Она видела собственными глазами, что происходит, когда медицинская помощь уступает место вере и чудесам: сначала это была ее рука, потом — ее новорожденная сестричка. Эрин закрыла глаза, словно опуская занавес в памяти

и закрывая от себя воспоминания. Но воспоминания, как это было всегда, все равно возникли перед ее внутренним взором.

У ее матери были очень тяжелые роды. Эрин вместе с другими женщинами прихода несколько дней наблюдали за ее потугами. Лето в том году было раннее, и в спальне было жарко и душно. Пахло потом и кровью.

Она держала руку матери, стирала пот с ее бровей и молилась. Это было все, что она могла для нее сделать.

Наконец ее сестричка, Эмма, появилась на свет.

Но с первых же минут жизни маленькая вся горела, как в лихорадке. Она была настолько слаба, что не могла ни плакать, ни сосать грудь. Лежала, завернутая в свое детское одеяльце и приложенная к материнской груди; ее широко открытые темные глаза были остекленевшими.

Эрин умоляла отца показать новорожденную настоящему доктору, но он, залепив ей пощечину, разбил нос.

Вместо того чтобы пригласить врача, женщины прихода молились, собравшись вокруг постели матери. К молитве их призвал ее отец; его глубокий грудной голос возвещал, что Господь услышит их и спасет это дитя. А если нет, то Господу известно, что спасать ее и не стоило.

Эрин стояла возле матери и, глядя на родничок на головке Эммы, следила за тем, как быстро, словно зажатая в кулаке птичка, бьется ее сердечко. Ее буквально жгло желание взять девочку и отвезти на лошади в город. Но отец, словно учуяв намерения дочери, ни на минуту не оставлял ее наедине с новорожденной. Эрин могла только молиться, надеяться и наблюдать за тем, как сердцебиение сестрички становилось все медленнее и в конце концов прекратилось.

Эмма Грейнджер прожила всего два дня.

Вера не спасла ее.

Эрин коснулась пальцами кусочка ткани, лежавшего в ее кармане. Она отрезала его от детского одеяльца Эммы, перед тем как ее завернули в него для погребения. После похорон этот кусочек ткани был при ней, каждый день напоминая ей о необходимости следовать правилам, навсегда

оставшимся в ее сердце: просить об исполнении того, что явно не будет выполнено, а после этого *всегда* действовать.

— Надия, — обратилась к ней Эрин, — попытайся выпить неосвященное вино. Ну, что тебе стоит?

Надия поднесла бутылку ко рту и сделала долгий глоток. Красная жидкость вырвалась струей у нее из горла и растеклась по полу.

— Похоже, так дело не пойдет, — с гримасой на лице произнес Джордан.

— Это говорит о том, какое значение имеют чудеса, — обтерев рот, ответила ему Надия.

Или, может быть, все произошло просто потому, что Надия *не верила*, что это вино было кровью Христа?

Эрин молча наблюдала за происходящим.

Рун жаждал умереть, искренне желая, чтобы они никогда не разбудили его.

Боль, причиняемая ему ранами, не шла ни в какое сравнение с той болью, которую он испытал, когда снова увидел Элисабету в лесу. Но это не была настоящая Элисабета. У той женщины в лесу были рыжие волосы, а не черные. А Элисабета уже четыре сотни лет как ушла из жизни.

Так кем же была та женщина, которая стреляла в него? Какой-нибудь потомок или дальний отпрыск? А впрочем, какое это имеет значение?

Темнота, словно мягкая накидка, окутала его. Погруженный в нее, Рун чувствовал облегчение. В теплой темноте его не обжигало серебро. Ему казалось, что он плавает в ней.

Жидкость опалила ему губы. Он старался отвернуть голову в сторону.

— Рун, — приказал знакомый голос, — ты снова *придешь* ко мне.

Но это была не Элисабета. Этот голос звучал злобно. И пугающе.

Надия?

Но Надию ничего не пугало.

Он с усилием поднял свои тяжелые веки, прислушался к биению сердец. Частые удары сердца Эрин, устойчивый сердечный ритм Джордана. Значит, они оба выбрались из этой передряги живыми.

Это хорошо.

Довольный, Рун попытался вновь поплыть по волнам воспоминаний. Но холодные пальцы, схватив его за подбородок, притянули голову к черным глазам Надии.

— Сделай это для меня, Рун. Я отдала тебе все твое вино — и мое тоже. Без него я ведь тоже умру. Умру, если не нарушу своего обета.

Корца старался держать глаза открытыми, но веки опять накрыли их. Он снова с усилием открыл глаза.

— Так постарайся ради меня, Рун.

Надия выпустила из рук его голову и встала, как быстрый проблеск в темноте. Обвив Эрин рукой за талию, она рывком отвернула ее голову в сторону. Сердце Эрин забилось чаще, и ее учащенное сердцебиение продолжалось до тех пор, пока каждый мускул не сжался, не сомкнулся с соседним мускулом и не образовал одну непрерывную последовательность.

Джордан поднял свой пистолет-пулемет.

— Если ты выстрелишь в меня, солдат, знай, что я убью ее раньше, чем вторая пуля вылетит из ствола, — прошипела Надия. — Ну так что, Рун, ты можешь сделать это?

Янтарные глаза Эрин пристально смотрели в его глаза, моля оставить ей жизнь, а заодно и ему.

Рун нашел в себе силы, чтобы ответить на этот взгляд, а не на вопрос Надии. Он нашел в себе силы поднять свое тело, схватить вино, прижать бутылку к своему сердцу и произнести необходимые слова.

Церемония переросла в таинство — и в течение всей этой процедуры Надия держала Эрин, прижав зубы к ее горлу.

Наконец Рун произнес заключительную фразу:

— Мы предлагаем Тебе разумную и бескровную жертву; и мы взываем к Тебе, мы молим Тебя, мы молимся Тебе о том, чтобы Ты ниспослал Свой Святой Дух на нас и на эти дары. Аминь. Да будет благословенна святая чаша

сия. И то, что в этой чаше, Драгоценная Кровь Твоя, о Христос.

Он опустил руки на колени. Ритуальное действо закончилось, силы устремились в его члены; его единственным желанием было прийти в сознание.

Но Надия не расположена была давать ему отдых. Она полила кровью Христовой его раны, налила кровь ему в рот. Его тело охватил огонь, и сейчас он сжег его полностью. Рун знал, куда это может занести его, и грозящая перспектива его пугала.

— *Нет...* — взмолился он. — Но его мольба осталась без ответа.

— Отвернитесь, — злобно приказала Надия людям, глядящим в полной растерянности, как его грехи утаскивали его от действительности в то, за что на него была наложена епитимия.

Бернард, еще раньше почувствовав камень на сердце Руна, послал его в замок Кашисе для того, чтобы порвать все отношения с Элисабетой. Рун заверял самого себя, что сможет сделать это, что к ней его влечет лишь чувство долга пастора.

И все-таки весь долгий путь по зимней дороге до самого ее порога он молился. Снег покрывал поля и сады, где им доводилось прежде гулять вдвоем. Среди высоких высохших стеблей лаванды ворон доклевывал серую полевую мышку; маленькое розовое пятнышко ее прежде живой крови виднелось на снегу даже на таком большом расстоянии. Рун дождался, когда ворон, закончив трапезу, улетел прочь.

Когда он дошел до замка — на час позже, чем рассчитывал, — уже начало смеркаться. И все-таки он еще долго стоял перед дверью, прежде чем решился постучать. На плечах его сутаны выросли небольшие снежные сугробы. Холода он тем не менее не чувствовал, однако как настоящий мужчина, должен был перед входом в дом стряхнуть с себя снег, хотя бы для того, чтобы не показывать каких-либо различий между собой и обитателями этого дома.

Служанка Анна открыла ему дверь; ее руки были красными от холода.

— Добрый вечер, падре Корца.

— Приветствую тебя, дитя мое, — ответил он. — А вдова Надаши дома?

Рун молил Господа, чтобы ее не оказалось дома. Возможно, ему нужно было назначить встречу с ней в деревенской церкви. Там его решимость была бы сильнее. Да, лучше было бы встретиться в церкви.

Анна, присев перед ним, ответила:

— После смерти доброго графа Надаши она гуляет допоздна по вечерам, но возвращается до наступления темноты. Вы можете подождать?

Рун последовал за этой хрупкой девушкой в большую комнату, которую потрескивающий камин наполнял уютным теплом. Настой ромашки, которым был обрызган пол, создавал в комнате знакомый запах лета. Он вспомнил, как они вместе собирали листья и цветы в тот солнечный день незадолго до гибели Ференца.

Рун отказался от предложения Анны освежиться чем-либо после дороги и стоял настолько близко к камину, насколько могло терпеть исходивший от него жар его нечеловеческое тело. Он молился и думал о Ференце, черном рыцаре Венгрии и человеке, с которым Элисабета была связана узами брака. Будь Ференц жив, все было бы иначе. Но Ференц мертв. Рун попытался изгнать из памяти воспоминания о своем последнем визите, когда он рассказал ей о том, что Ференца больше нет.

Вошла Элисабета, одетая в бордовое манто; растаявший снег превратился в воду на ее плечах. Рун выпрямил спину. Вера его была неколебимой. Это испытание он выдержит.

Она стряхнула воду с манто. Капли оставили на полу темные следы. Девушка-служанка приняла от нее в протянутые руки тяжелый меховой наряд и, пятясь назад, вышла из комнаты.

— Очень рада видеть вас в добром здравии, падре Корца. — Черные юбки взметнулись вокруг ее ног, когда она

быстрой походкой подошла к камину и встала рядом с ним. — Наверное, вам предлагали вина и что-либо перекусить?

Элисабета спросила об этом как бы между прочим, но сильно бьющееся сердце выдало ее истинные чувства.

— Да, предлагали.

В свете камина она выглядела изящнее и стройнее, чем сохранилась в его памяти после последней встречи; в чертах ее лица появилась некоторая суровость, как будто печаль согнала с ее лица часть доброты, присутствующей на нем раньше. Но даже и сейчас она была невероятно красивой.

Страх, казалось, проник в кровь Руна и разносился ею по всему его телу.

Он едва удерживался от того, чтобы сбежать; но ведь он же обещал Бернарду, и он обещал себе. Он был достаточно силен, для того чтобы выполнить обещанное. Он должен это сделать.

— Насколько я понимаю, вы занимаетесь сбором пожертвований на церковь?

Ее язвительный тон подсказал ему, что она понимает, как нелепо он обошелся с нею, когда оставил ее в одиночестве горевать по усопшему Ференцу; что она не простила его за то, что он бросил ее в тот час, когда она отчаянно нуждалась в том, чтобы кто-то близкий был рядом.

Его мозг исходил на крик, приказывая ему бежать, но тело ему не повиновалось.

Он остался.

— Падре Корца? — Элисабета наклонилась ближе, ее голова коснулась его головы; ее сердце стало биться медленнее — она испытывала к нему симпатию, а не гнев. — Вы что, заболели? Может, вам лучше присесть?

Она подвела его к деревянному стулу с прямой спинкой, а сама села напротив, так что расстояние между их коленями было не больше ширины ладони. Тепло камина казалось холодом по сравнению с жаром, исходившим от ее тела.

— Так вы здоровы? Падре Корца?

Его, казалось, пробудила песня, которую пело ее сильное красное сердце.

— Здоров. А как поживаете вы, вдова Надаши?

Ее всю передернуло при слове «вдова».

— Привыкаю к своей доле... — Она подалась вперед. — Оставим эту чепуху. Мы давно и хорошо знаем друг друга, а поэтому не стоит сейчас лукавить. Смерть Ференца явилась огромным бременем, свалившимся на меня, но она дала мне свободу.

Свободу?

Рун не осмелился переспросить. Он лишь поднял голову.

— Вы выглядите так, словно перенесли болезнь, — сказала она. — Так скажите же мне правду. Как вы провели последние месяцы?

Он провалился в ее серебристые глаза, отражавшие оранжевое пламя камина. Как он смог пробыть столько времени вдали от нее? Она одна-единственная из всех, кого он знал, кому доверял воспоминания о своей смертной жизни, храня в тайне свое бессмертное существование.

Едва заметная улыбка играла на ее мягких губах. Ее рука смахнула воду с обнаженного плеча, а затем стыдливо легла на нежное горло. Рун смотрел на ее пальцы и на то, что они прикрывали.

Элисабета встала и взяла его руку в свои.

— Как всегда, такая холодная.

Тепло ее руки подействовало на него, как взрыв. Он должен был уйти, но вместо этого встал и положил свою вторую руку поверх ее рук, забирая ее тепло в свое холодное тело. Только это. Просто одно мгновение контакта. О большем он не просил.

Биение ее сердца прошло по ее рукам в его руки, затем поднялось выше, туда, где когда-то билось его сердце. Теперь его кровь струилась по жилам, подчиняясь ритмам ее сердца. Багровые пятна появились по краям его поля зрения.

Ее веки сомкнулись, она потянулась лицом к нему.

Он взял ее пылающие щеки в свои мраморно-белые руки. До этого он никогда не прикасался к женщине и не испы-

тывал ничего подобного. Он ласкал руками ее лицо, ее гладкое белое горло.

От прикосновения его ладоней ее сердце забилось сильнее. Страх? Или ею движет что-то другое?

Слезы потекли по ее щекам.

— Рун, — прошептала она. — Я так долго ждала тебя.

Кончиком пальца он провел по ее мягким, неправдоподобно алым губам. Она вздрогнула от этого прикосновения.

Как ему хотелось прижать свои губы к ее губам, почувствовать тепло ее рта. Ощутить ее тело. Но это было запрещено. Он ведь был священником. Непорочным и незапятнанным. Он должен был прекратить это немедленно. Он вырвал у нее свою руку и поднес ее к кресту, висевшему у него поверх сутаны.

Она перевела взгляд на крест, и с ее губ сорвался стон разочарования.

Рун замер, ища в себе силы для того, чтобы совладать с исходившим от нее теплом, с запахом талого снега от ее волос, с пульсом ее сердца, который чувствовался на ее губах, с соленым запахом ее слез. Такого испуга он не испытывал никогда, ни в свой смертной, ни в бессмертной жизни.

Склонившись к нему, она поцеловала его; прикосновение ее губ было легким, как касание бабочки.

И Рун пропал.

Она почувствовала вкус горести, крови и страсти. Он больше не был падре или монстром. Он был просто мужчиной. Мужчиной, каким никогда не бывал прежде.

Откинув назад голову, он посмотрел в ее скрытые тенью глаза, темные от страсти. Она стянула с себя шапочку, и ее черные волосы, оказавшись на свободе, рассыпались по плечам.

— Да, Рун, — прошептала она. — Да.

Он целовал тыльную сторону ее запястья, чувствуя своими губами ее участившееся сердцебиение. Распустив тесемку на рукаве, он целовал изгиб ее локтя, ощущая языком нежную мягкость ее кожи.

Она, запутав пальцы в его волосах, притянула его ближе к себе. Он ощутил толчки ее крови на голой шее. Она замерла в его объятиях, а он, обнимая ее, прижимал ее тело теснее к себе. Ее рот снова нашел его рот. Ни Бога, ни обета не существовало. Ему хотелось одного: чувствовать своим телом прикосновение ее кожи. Его пальцы перебирали кружева ее одежд. Она, оттолкнув его, расстегнула и развязала все сама, при этом ее рот был прижат к его рту.

Ее тяжелое платье свалилось с нее на каменный пол; она, переступив через него, подошла к камину. Оранжевое пламя освещало ее всю, проникая через тонкое льняное полотно сорочки. Он освободил ее столь долго желанное ему тело, разорвав сорочку вдоль напополам.

Она, нагая, замерла в его руках. Ее кожа была мягкой и теплой. Ее сердце бешено билось под его ладонями.

Ее пальцы заметались по нескончаемому ряду пуговиц, на которые была застегнута его сутана. Их было тридцать три, и они символизировали тридцать три года земной жизни Христа. Сутана свалилась на пол рядом с ее платьем. Его серебряный крест нестерпимо жег грудь, но он не обращал на это внимания.

Подхватив Элисабету на руки, Рун прижал ее к себе. Она вскрикнула, когда крест коснулся ее голой груди. Он схватил его и, рванув, оборвал цепочку. Крест, зазвенев по камням, упокоился рядом с одеждой. Рун должен был встревожиться, он должен был собрать свои атрибуты святости, надеть на свое тело и превратить их в стену, разделяющую его и Элисабету.

Но он выбрал ее.

Ее губы снова прильнули к его губам, и ее рот раскрылся навстречу его рту. Ничто больше не разделяло их. Они стали двумя телами, страстно желавшими слиться друг с другом.

Элисабета назвала его по имени.

Рун ответил ей тем же.

Он пригнул ее к нагретому камином полу. Она выгнулась под ним; ее длинное гладкое горло потянулось к его рту.

Рун не помнил себя, опьянев от ее запаха, ее тепла, ее сердца. Ни один человек не испытал того, что чувствовал тогда он; ни один сангвинист не смог бы устоять. Никогда он не чувствовал себя таким удовлетворенным, таким сильным. Испытанное им блаженство и было той самой причиной, по которой люди отказываются от сана. Эти узы были более глубокими, чем его чувства к Богу.

Он слился с ней. Он никогда не хотел разлучаться с ней вновь.

Красный цвет поглотил его. Затем он поглотил ее. Он бился в бурлящем красном море.

Когда красное марево рассеялось, обе их души были изломаны.

Глава 44

27 октября, 08 часов 02 минуты
по центральноевропейскому времени
Хармсфельд, Германия

Надия, опустившись на колени в нескольких футах от Эрин, шептала что-то в ухо плачущему Руну. Невзирая на то, что происходило с ними, когда они пили освященное вино, эта процедура была для Руна более неприятной по сравнению даже с шестью пулями, пробившими его грудь. У Надии душа болела за Руна, томившегося в таком капкане всю свою вечную земную жизнь, после которой его ожидал невообразимый ад за грех, в который его вверг напавший на него дикий стригой.

Эрин подошла к поломанным дверям церкви и выглянула на еще пустынную в это раннее утро улицу. Джордан, последовавший за ней, остановился рядом. Как ему удается оставаться таким теплым? Она продрогла до костей. Сперва они бултыхались в озере, вода которого скорее представляла собой тающий снег, а теперь не нашли ничего лучшего, чем укрыться в неотапливаемой церкви.

Лишь Рун затих, она услышала, как Надия, вздохнув, тоже приложилась к освященному вину, но, в отличие от Руна, она не плакала от этого.

В церкви наступило долгое молчание.

— Он проснулся, — наконец объявила Надия, снова обретя свое обычное спокойное и даже несколько безразличное состояние. — Если повезет, он еще до наступления ночи будет готов к тому, чтобы пуститься в путь. Но в течение последующих нескольких дней он все еще будет чувствовать слабость. Кровь Христа не исцеляет так быстро, как может исцелить людская кровь.

— А почему тебе пить это вино не так трудно, как Руну? — Эрин смотрела на падре, накрытого алтарной скатертью, лежащего на боку и отвернувшегося от них.

Надия тоже смотрела на него.

— Я пока что не совершила такого падения.

08 часов 22 минуты

Джордан оглядел маленькую комнатку, которую Надия сняла для него и Эрин в хармсфельдской гостинице, ее тихое и уютное здание стояло тут же на центральной площади, напротив церкви.

Находящийся рядом номер Надия сняла для себя с Руном, однако Джордан осматривал свою комнату так придирчиво и детально, словно здесь ему предстояло выдержать длительную осаду. Дверь была сделана из прочных дубовых досок. Посмотрев за окно, Стоун обнаружил сетчатую решетку, проходящую под их окном, расположенным на втором этаже. Отсюда проникнуть к ним будет трудно. Джордан быстро осмотрел ванную комнату. Окно в ней было настолько маленьким, что через него не пролез бы даже годовалый ребенок. Все остальное в номере было типично европейским: белый кафель, обычный душ, раковина, унитаз и биде.

Вернувшись в комнату, Стоун застал Эрин сидящей в прежней позе на кровати, накрытой углом толстого одеяла.

В комнате стояли двуспальная кровать, два ночных столика с лампами и какое-то странное механическое сооружение, которое он поначалу принял за устройство для чистки обуви.

Эрин выглядела более бледной, чем обычно. Темные круги под глазами, пятна грязи на лице.

— Ты не хочешь для начала принять душ? — спросил Джордан.

— Душ, — повторила она, вставая с кровати. — Сейчас это самое приятное для меня слово в английском языке.

Джордан смотрел ей вслед, когда она, пройдя по номеру, вошла в ванную комнату и закрыла за собой дверь. Он подумал, что сейчас лучшими словами по-английски были бы *«душ вдвоем»*, но понимал, что лучше не говорить об этом. Он сел на другую сторону кровати и открыл меню блюд, которые можно заказать в номер.

Стоун заказал три завтрака с кофе и чаем, поскольку не знал, что Эрин ест и пьет. Он снял телефонную трубку и набрал номер, но до того, как ему ответили, Эрин включила воду в душе. Джордан представил себе, как она переступает через кафельный порог, ее распущенные волосы лежат на голой спине, водяные потоки струятся по всем изгибам ее тела...

— *Darf ich Ihnen behilflich sein?*[1]

Джордан, повернувшись спиной к двери ванной комнаты, по-немецки заказал завтрак.

Дожидаясь завтрака, он развесил их одежду на радиаторы для просушки, пытаясь не думать об Эрин, моющейся под душем, о ее лице, подставленном под струи воды, о паре, окутавшем ее тело.

Чем бы еще заняться, подумал Стоун. Сев на кровать, он принялся чистить оружие. Начав с одного ствола, другой он держал рядом наготове. Покончив со своим вооружением, он вычистил «ЗИГ-Зауэр» Эрин.

---

[1] Я могу вам чем-нибудь помочь? (*нем.*)

Надия, постучав в дверь, сунула ему в руки бумажный мешок, не сказав при этом ни слова. Заперев за ней дверь и раскрыв мешок, Джордан обнаружил в нем основные туалетные принадлежности и смену одежды для себя и Эрин.

Теплые свитера — так, значит, подумал он, обратно в Иерусалим мы не летим.

Привезли завтрак, и Джордан приступил к нему, не дожидаясь, пока Эрин закончит принимать душ.

Через мгновение шум потока воды внезапно стих с щелкающим звуком. Стоун продолжал смотреть на дверь, пытаясь представить, как Эрин вытирает полотенцем свое обнаженное тело.

Но все было не так.

Он ждал ее появления, а когда Эрин наконец вышла в комнату вместе с облаком пара, на ней был белый махровый халат, который она, должно быть, нашла в ванной комнате, ее рука была заново перебинтована. Лицо и шея женщины покраснели от горячей воды. Как ему хотелось посмотреть, на какие еще части ее тела распространилась эта краснота...

Пока она подходила к нему, Джордан разложил на коленях салфетку.

— Я постаралась оставить для тебя немного горячей воды, — сказала она.

— А... я... ну, постарался оставить для тебя кое-что от завтрака. — Джордан сделал долгий глоток кофе из чашки, над которой еще поднимался пар.

Подойдя ближе, Эрин посмотрела на остатки еды. От нее исходил запах мыла и чистого белья.

— Надеюсь, у меня была более приятная работа, чем у тебя.

Стоун с невероятным усилием оторвал взгляд от полы ее халата и поспешил в ванную. Вымылся и побрился он быстро. Причесав волосы и надев на себя чистые брюки и рубашку цвета хаки с длинными рукавами, Джордан почув-

ствовал себя готовым к тому, чтобы взять весь мир в свои руки[1].

Эрин еще заканчивала завтрак, когда Джордан вышел из ванной комнаты. Он лег на кровать и вздохнул. Настоящая кровать.

— Я смогла бы спать даже на полу, — сказала Эрин.

— Нет уж, спать на полу никому из нас не придется, — ответил Джордан. — Обещаю оставаться на своей половине, если ты обещаешь, что тоже будешь оставаться на своей.

Эрин посмотрела на пол, словно оценивая альтернативный вариант.

Встав на ноги, Джордан снял с радиатора свою высохшую одежду.

— Разве в случаях острой необходимости девушки не спали, положив шпагу между собой и своим рыцарем-телохранителем? — Он расстелил высохшие вещи посредине кровати и, подняв вверх три пальца, возгласил: — Слово скаута, я не пересеку этот рубеж, если только ты не попросишь меня об этом.

— А ты когда-нибудь был бойскаутом? — спросила она, посмотрев на него взглядом, полным скептицизма.

Джордан с размаху сел на ближнюю к двери половину кровати.

— Скаутом-орлом[2].

Спустя некоторое время они устроились на разных сторонах кровати. Джордан думал, что заснуть ему не придется, поскольку все мысли его будут заняты Эрин, лежащей всего в одном дюйме от него, но он уснул практически тут же, даже не сняв с себя одежду.

Проснувшись, Стоун сразу сел, схватив в руки оружие. Быстро оглядел залитую закатным солнцем комнату. Вроде

---

[1] ...взять весь мир в свои руки — строчка из известного хита «Возьми весь мир в свои руки» (Take on the World) рок-группы Judas Priest.

[2] Скаут-орел — бойскаут первой ступени, набравший по всем видам зачетов не менее 21 очка и получивший по результатам высшую степень отличия — значок «Скаута-орла».

все в порядке. Дверь закрыта. Окно закрыто. Ванная комната пуста. Что же его разбудило?

Рядом на кровати чуть слышно всхлипывала Эрин.

Он повернулся к ней, чтобы узнать, в чем дело. По-прежнему в халате, она лежала на своей половине лицом к нему, сцепив обе ладони и положив их под щеку. Она задыхалась во сне. Джордан хотел потянуться к ней и, положив руку на халат, дотронуться до нее, но не решился нарушить своего обещания. Один неверный шаг в его отношениях с Эрин, и его песенка спета.

— Тссс, — прошептал он, словно перед ним была его племянница Эбигейл, прославившаяся в семье своими ночными кошмарами с участием гигантских тарантулов.

Эрин, глубоко вздохнув, казалось, погрузилась в еще более глубокий сон.

Для тревожного сна у нее было много причин: стригои, мыши и...

С криком Эрин стремительно села на кровати.

— Я здесь, — успокоил ее Джордан, садясь рядом с ней. — Мы в безопасности.

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Да я же Джордан, припоминаешь? — спросил он.

Эрин судорожно вдохнула и, отпрянув назад, прислонила голову к спинке кровати.

— Да, я помню.

Она внимательно посмотрела на границу вдоль кровати, сооруженную Джорданом из одежды, — сам он только что сделал то же самое.

— Дурной сон?

— Дурная действительность.

— Я сделал что-то не так? — спросил Стоун, надеясь хоть как-то рассеять ее мрачное настроение.

— Ты здесь ни при чем. Да нет, ты... ну в общем... нормальный. Но вот ситуация в целом...

Джордан почувствовал себя уязвленным: его перевели в низший разряд, посчитав *в общем-то нормальным*, но он решил, что сейчас не время цепляться к ее оценкам и заводить пустопорожний спор по этому поводу.

— По крайней мере, нам удалось немного поспать и поесть. После Масады мне нигде не было так хорошо.

Он внезапно замолчал. Масада. Там погибла его команда. Все, кто был с ним. Их имена постоянно стучали у него в голове, видимо для того, чтобы он никогда не забыл их: Сэндерсон, Маккей, Купер, Тисон. Все они, кроме Маккея, были младше его. У Тисон была двухгодовалая дочь, которая никогда больше не увидит свою мать. У Маккея осталось трое детей, бывшая жена и собака по кличке Чиппер. Купер на свое армейское жалованье поддерживал свою больную мать да еще и целую кучу подружек. Сэндерсон еще не успел найти девушку. Он был почти ребенком. Джордан оперся головой о спинку кровати.

— Эти двадцать четыре часа были бесконечно долгими.

— Я все время думаю о том, что будет дальше, — со вздохом сказала Эрин.

— Еще одна научная командировка с нашими веселыми сопровождающими. Руном и Надией.

— Что касается Надии, так веселья от нее немного. — Эрин подтянула одеяло выше талии. — Я думала, она убьет меня в церкви.

— Да нет, мне показалось, что она просто блефует.

Эрин положила ладонь себе на горло.

— А я не думаю, что она блефует.

Джордан и сам так не думал.

— У меня такое чувство, что, если бы она захотела, она могла бы раздавить нас как насекомых, а потом нанять кого-нибудь, чтобы смыть с пола пятна.

Эрин улыбнулась.

— Ты, кажется, имеешь намерение меня подбодрить?

Он посмотрел на нее.

— По крайней мере, мы вместе.

Это прозвучало так банально и убого, что он с удовольствием взял бы эти свои слова обратно.

— Но я почти тебя не знаю, — задумчиво сказала она.

— А что тебе хотелось бы знать? — спросил он, подтыкая под голову подушку. — Я, как видишь, мужчина. Мне тридцать пять лет. Родился в Айове. Выбрал службу в ар-

мии. Третий сын. У моей мамы пятеро детей. Мой любимый цвет — зеленый.

Эрин, улыбаясь, покачала головой.

— Неужто этого недостаточно? — Джордан решил сообщить и о главном — вернее, рассказать всю правду. — Моя жена Карен тоже служила в армии. Несколько лет назад ее не стало. Погибла в результате несчастного случая. — Его голос напрягся, было видно, что эта тема до сих пор для него болезненна, но он справился с эмоциями. — Детей у нас не было, а хотел иметь троих... Теперь твоя очередь. Как насчет детей? И мужа? Братьев и сестер?

— Эти игры не для меня. — Джордан успел заметить вспышку горечи и боли в ее взгляде, до того как она его отвела.

Стало быть, семья была для нее запретной темой. Ну и ладно, бог с ней, с семьей. Он выбрал вопрос полегче:

— Ну а какой твой любимый цвет? Разумеется, если это не государственная тайна?

Она снова повернулась к нему, на ее лице была чуть заметная улыбка.

— Сепия.

— Сепия? — Джордан с удивлением смотрел на нее. — Это же коричневый цвет, верно?

— Скорее серо-коричневый. Первоначально эту краску получали из мешочков с красящим веществом, имевшихся в теле каракатиц.

Ее ясные янтарно-желтые глаза пристально смотрели в его глаза. А может быть, цвет ее глаз и был *сепией?*

— Послушай. Давай для начала вот что. — Стоун заворочался на кровати, готовясь пояснее сформулировать свой другой вопрос. — Предположим, сегодня суббота и ты дома. Чем бы ты занялась?

Эрин, опустив глаза, стала рассматривать свой плащ, сшитый из шкуры *беспощадного волка*, словно пытаясь не показать свое смущение.

— Я бы ела «Лаки чармс»[1] и смотрела мультики.

— Что-то не могу представить себе такое. — Джордан и вправду попытался представить ее сидящей в пижаме с чашкой сухого завтрака перед экраном телевизора, показывающего мультфильмы. Но, вообще-то, это неплохое начало уик-энда.

— Моя соседка по комнате в общежитии колледжа, Уэнди, приучила меня к этому. Она сказала, что я пропустила пропасть отличных мультиков.

После ее несуразного детства Уэнди, если вдуматься, была не так уж и не права.

— Итак, — объявила Эрин, — теперь твоя очередь. Рассказывай, что бы ты делал в субботу утром, когда все призывает к тому, чтобы расслабиться и лениться.

— Я бы спал, — ответил Стоун, не сумев придумать ответа покруче.

Она, придав своему лицу глуповато-застенчивое выражение, пролепетала:

— Прости, что разбудила тебя.

— Ну, сейчас-то я не сплю...

Он потянулся и сдвинул мокрую прядь волос с ее щеки, готовый сразу же отдернуть руку назад, как только Эрин покажет, что такое внимание ей не по нутру.

Однако она, закрыв глаза, положила свою голову на его ладонь.

Джордан перегнулся через плащ из шкуры *беспощадного волка*, выполняющий роль разделительной полосы, и поцеловал ее. Он сделал это не задумываясь, как будто его губам самое место на ее губах.

Эрин, издав еле слышный вздох, обвила руками его шею.

---

[1] Товарный знак детского сухого завтрака в виде глазированных фигурок-«талисманов» (подковки, сердечки, кленовые листочки и др.) из овсяной муки с искусственными красителями и экстрактом аптечного алтея; выпускается компанией «Дженерал миллс».

10 часов 04 минуты

Рун проснулся от лимонно-кислого запаха химического чистящего средства и, положив ладонь на грудь, начал вспоминать все, что было с ним до этого, а потом, приподнявшись на локте, осмотрелся.

Он находился в спальне с белыми занавесками от солнца. В нескольких шагах от его постели на деревянном полу лежала какая-то женщина. Надия. Сейчас он вспомнил все. Надия. Эммануил. Бункер. Он прислушался к биению сердец Эрин и Джордана, доносившимся из-за стены. Мягкое звучание их голосов успокоило его.

Опираясь на спинку кровати, он встал на ноги.

Надия зашевелилась и потянулась, как проснувшаяся кошка.

— Тебе лучше?

Рун, покачиваясь на нетвердых ногах, спросил:

— Тебя ранили?

— Только в ногу. — Она тоже встала — правда, с меньшими затруднениями, чем он. — Заживет.

Рун позавидовал ей.

— Ну а как остальные, тоже были ранены?

— Солдату повезло, — ответила Надия. — А эта женщина — способный стрелок, даже из пистолета, к тому же она чувствует, когда не стоит высовываться.

— А Пирс? — Рун снова повел глазами по затемненной комнате.

— Скончался.

Надия рассказала обо всем, что случилось после того, как Руна подстрелили в лесу.

Корца задал вопрос, который тревожил его больше всего:

— А как велиалы узнали о нашем местонахождении и устроили там засаду?

Об отбытии его команды из Иерусалима было известно только кардиналу и его самому ближайшему окружению.

Надия обеспокоенно вздохнула.

— Я думаю, будет лучше всего, если я вернусь в аббатство с известием о смерти Эммануила и скажу, что ты и

остальные люди тоже погибли. Это даст тебе время действовать без надзора со стороны церкви и каких-либо шпионов — ты сможешь втайне ото всех предпринять дальнейшие шаги по поиску Кровавого Евангелия.

Рун согласно кивнул. Им было необходимо держать свои действия в тайне от велиалов.

— Так что насчет Пирса? Что ты можешь сказать о нем?

— Я скажу тебе только то, что я обнаружила, — ответила Надия. — Я почувствовала стыд, когда обнаружила в бункере немецких солдат. И, разумеется, стригоев.

— Значит, ты ничего не скажешь им о русских солдатах?

— Да. Если церковь узнает, что русские солдаты из Ленинграда были в том самом бункере, где хранилось Кровавое Евангелие, они пошлют в Россию не просто команду. Это будет полномасштабная война.

Рун согласно кивнул. Ни один сангвинист так никогда и не вернулся из Санкт-Петербурга живым с той поры, как вероломный Витандус захватил там власть. Для того чтобы вернуть из России хоть что-то, церковь должна будет направить туда по крайней мере армию. А каждая потеря в живой силе ослабит их Орден в борьбе, которую они не переставая ведут против велиалов.

— Мы должны действовать сами, без посторонней помощи, — заключил Рун. — Причем в двух направлениях: предотвратить войну и, используя любую возможность, найти Книгу.

— Ну а как быть с людьми? Брать их с собой опасно.

— Витандус, возможно, ненавидит наш Орден, но он, как ни странно, привержен чувству чести. Может, этого будет достаточно для их безопасности.

Рун слышал, что по ту сторону стены сердца Джордана и Эрин забились чаще.

— Рун, я совершенно ясно вижу твою привязанность к ним, — сказала Надия. — Неужели ты думаешь, что русские не обратят на них внимания?

— Я же не могу оставить их здесь. — Корца старался не обращать внимания на звуки, доносившиеся из-за стены,

от Джордона и Эрин. — Если у велиалов есть осведомители среди высокопоставленных сангвинистов, их жизнь здесь подвергнется еще большей опасности по сравнению с той, что их ждет в России.

— Значит, решено. — Надия встала и надела свой серебряный пояс.

— Мне понадобятся документы на всех нас, — добавил Рун.

— Я обеспечу их тебе, сохранив все в тайне.

Рун обдумывал путь, по которому ему придется следовать. В первый раз за свою долгую-долгую жизнь он должен был отделиться от церкви; даже зная, что это всего лишь на время, он все равно чувствовал себя лишенным чего-то очень важного.

Надия, направляясь к двери, сказала:

— Я принесу тебе кое-что, что ты сможешь использовать для безопасного продвижения. Нечто особо ценное для правителя Санкт-Петербурга.

Даже Надия не осмеливалась называть *его* по имени.

Когда-то он и сам был сангвинистом, но так вызывающе и грубо нарушил законы церкви, что был отлучен от нее — и это было не обычным отлучением, а изгнанием без возможности возврата в ее лоно, настолько суровым и категоричным, что все знавшие его должны были вечно его сторониться.

10 часов 08 минут

Эрин улыбалась, когда Джордан, подняв ее над кожаным плащом, перенес к себе на колени. И вот теперь она, сидя в удобной позе, смотрела на его шалую улыбку.

— Как получилось, что я оказалась на твоей стороне?

— Так ты же сама перебралась на мою сторону.

Он нежно поцеловал ее в губы, и от этого поцелуя у нее по спине прошел холодок.

Против этого Эрин не могла спорить. Махнув ногой, она сбросила на пол плащ из шкуры *беспощадного волка*. Джордан с улыбкой посмотрел на нее.

— Проблема решена?

Она провела ладонью по его щеке, мягкой после недавнего бритья, и снова поцеловала его. От Джордана пахло эвкалиптовым кремом, а на его губах все еще чувствовался вкус кофе.

Откинув голову назад, Эрин пристально смотрела в эти прекрасные глаза.

— У тебя голубые египетские глаза, такие как у бога солнца Ра.

— Принимаю это как комплимент.

Стоун положил свою горячую ладонь ей на талию, затем осторожно прижал ее к груди так, что она почувствовала своей грудью биение его сердца.

Эрин расслабилась в его объятиях, чувствуя себя под надежной защитой.

Через несколько секунд Джордан нашел ее рот и крепко поцеловал ее. Страстное желание перетекло с его губ на ее губы. Эрин застонала, еще крепче прижимаясь к нему, и, запустив пальцы ему в волосы, притянула его лицо к своему.

Она хотела забыть обо всем, что произошло за эти двадцать четыре часа, выбросить из памяти все плохое. Единственное, что было сейчас в ее голове, — это они оба. Джордан водил руками по ее телу. Подложив одну руку ей под спину, второй рукой он старался придать ей более удобное положение на кровати и под его телом.

Эрин вытянулась под действием его веса, ощущая всем телом его мускулистую массу, лежащую на ней. Ее руки гладили сверху вниз его широкую спину. Просунув ладони под его рубашку, Эрин почувствовала теплую гладкую кожу на его спине. Джордан одним быстрым движением стянул с себя через голову футболку, обнажив свою великолепную татуировку на одном боку: ветвистую прерывистую отметину от удара молнии, свидетельство его кратковременного пребывания в объятиях смерти. Эрин провела пальцем вдоль одной из двух исходящих из одной точки линий. По его телу прошла дрожь. Сейчас смерть ему не грозила, ды-

хание было ровным и глубоким, тело его излучало тепло, лучи его глаз проникали в ее глаза.

Не отрывая от нее пристального взгляда, он развязал пояс ее халата и осторожно развел в стороны его половины. И только тогда его глаза посмотрели вниз. Он буквально пожирал взглядом ее тело; жар его тела возбуждал их обоих, хотя Джордан даже не прикасался к ней.

— Ох, — еле слышно произнес он.

Эрин притянула его на себя, с трудом переведя дыхание, когда его голое тело коснулось ее. Ее рот снова отыскал ее губы. Эрин целиком растаяла в этом поцелуе. Ее сердце бешено колотилось на его груди; ее дыхание то замедлялось, останавливалось, то снова ускорялось.

Джордан оторвал свои губы от ее губ всего лишь на ширину мизинца, и она сразу же подняла голову, чтобы прильнуть к ним снова. Он стал целовать ее горло. Она выгнула шею и, запрокинув голову, опустила ее с подушки, чувствуя пряди мокрых волос на своем лице, но не желая даже на секунду оторвать руки от его тела, для того чтобы отбросить локоны с лица. Его губы опустились ниже, приблизились к ключице и целовали впадинку на горле.

— Эрин?

Его вопрос обдал струей теплого воздуха ее шею.

Она знала, о чем он спрашивает, и знала, что он хочет услышать в ответ. Но не сказала ничего.

— Постой. — Эти слова Эрин произнесла без капли воздуха в легких. Оттолкнув его, она запахнула халат. — Слишком скоро.

— Ты хочешь, чтобы все произошло не так быстро, — кивнул Джордан. — Понимаю.

Эрин завязала пояс халата. Ее сердце стучало, и сильнее всего ей сейчас хотелось снова очутиться в его объятиях. Но она не подчинилась своему желанию. Не могла.

Кто-то постучал кулаком в дверь. Снаружи раздался голос. Надия.

— Пора идти.

Глава 45

27 октября, 10 часов 10 минут
по центральноевропейскому времени
Мюнхен, Германия

Как только самолет поднялся в воздух, Батория, облегченно вздохнув, удобно вытянулась в мягком кресле. Она чувствовала, что и Магор тоже расслабился в темноте грузового отсека.

— *Спи, мой дорогой,* — сказала она ему. — *Мы в безопасности.*

В первый раз за многие годы Батория летела днем и без своих стригоев. Там, куда она направлялась, их ожидали более серьезные опасности, нежели обычный солнечный свет, — главный риск представляло само их существование. Это было опасное место, но без них Батория чувствовала себя в большей безопасности.

Она зафрахтовала этот самолет, пилот которого не задавал ей никаких вопросов, когда аэродромные рабочие погрузили ее волка в грузовой отсек. Сидя в закрытом ящике, он не подавал никаких звуков, но по сильному запаху, исходящему от него, они наверняка догадались, что грузят на борт огромную тварь. Рабочие молчали, потому что им хорошо заплатили. Батория с наслаждением растянулась в широком кресле. Она была одна в самолете, если не считать командира и второго пилота.

Сколько времени ей не доводилось быть в таком одиночестве? Вдали от Него и Его челяди? Многие годы.

Батория погладила кожаную обивку кресла, словно проверяя ее качество, а потом подняла солнцезащитный экран иллюминатора. Салон наполнился солнечным светом, лучи падали на ее ноги, согревая их. Она, подняв руки, подставила свету ладони, как будто собиралась ловить ими солнечные лучи. Когда ей наскучило это, она посмотрела на залитый солнцем ландшафт под крылом.

Мюнхен остался позади, уступив место фермам, лесам и односемейным домикам, расстояние между которыми становилось все больше по мере того, как самолет удалялся от

города в восточном направлении. Семьи, обитавшие в каждом из этих домов, только что позавтракали. Отец, поцеловав на прощание мать, ушел на работу, дети, собрав свои школьные ранцы, тоже ушли. Дома сейчас стояли пустыми, но пройдет время — и они наполнятся вновь.

А что вообще представляет собой жизнь в таком доме?

Судьба Батории была предрешена еще при рождении. Никакой обычной жизни с мужем, детьми, никакого домашнего хозяйства. Такое существование всегда вызывало у нее чувство презрения, но сегодня она внезапно почувствовала в нем какую-то незатейливую привлекательность.

Женщина покачала головой. Будь она свободна, она не поместила бы себя в другую тюрьму, став женой и матерью. Нет, она и Магор стали бы охотиться. Они бродили бы повсюду и заходили так далеко, как им бы хотелось; они вели бы одинокую жизнь, никогда не опасаясь того, что Он вдруг накажет ее или что Тарек в конце концов отомстит ей, о чем он так долго мечтает. Она перестала бы ежедневно сражаться, силой утверждая уважительное отношение к себе и обеспечивая возможность увидеть рассвет следующего дня...

Мысли обо всем этом утомили Баторию. Магор, почувствовав ее волнение, завозился в своем ящике.

— *Отдыхай*, — велела она ему, и он снова затих.

Батория коснулась пальцами черной отметины на горле, этого знака, показывающего, что она не такая, как все. Свести это пятно и порвать с Ним было бы для нее подлинным чудом.

А вдруг Книга научит ее, как осуществить это чудо?

Часть IV

Проклят ты будешь в городе,
и проклят ты будешь на поле.
Прокляты будут житницы твои
и кладовые твои.
Проклят будет плод чрева твоего
и плод земли твоей...
Проклят ты будешь при входе твоем
И проклят при выходе твоем.

Втор. 28:16–19

Глава 46

27 октября, 16 часов 45 минут
по московскому времени
Санкт-Петербург, Россия

Эрин прошла через российскую таможню, будучи еще в полусонном состоянии, но когда она и двое сопровождающих ее мужчин, выйдя из здания санкт-петербургского аэропорта, вступили на промерзший тротуар, она окончательно проснулась. Рун затолкал их в такси со сломанной печкой, водителю которого был явно чужд страх смерти. Эрин больше всего боялась замерзнуть, когда водитель, петляя и виляя из стороны в сторону, несся сквозь снежную пургу и не умолкая говорил им что-то по-русски[1].

Внезапно таксомотор остановился перед чем-то похожим на городской парк, перед большим участком земли —

[1] Здесь и далее: к сожалению, автор не очень хорошо разбирается в российских реалиях (например, снежная пурга и сильный мороз в конце октября), поэтому отнесем все это на счет авторского вымысла.

по всей вероятности, зеленым в летнее время, — по обеим сторонам которого стояли ряды высоких деревьев. Сейчас сучья и ветви деревьев были голыми, а промерзшая трава скоро покроется толстым слоем белого снега.

Эрин и предположить не могла, насколько далеко очутится она от жгучей жары Масады. Еще вчера утром самой большой неприятностью, которую можно было ждать от погоды, был солнечный ожог, сегодня надо было опасаться переохлаждения. Стоило ей выбраться из такси, как санкт-петербургский ветер, пронизав насквозь плащ из шкуры *беспощадного волка*, тут же проморозил ее до мозга костей. Вместо песка ее щеки колол снег.

Солнце над головой выглядело неярким диском жемчужного цвета; его лучи, с трудом пробивавшиеся сквозь густую облачность, давали мало света и еще меньше тепла.

Джордан шел рядом с нею, когда они, пройдя под каменной аркой, вошли в парк. Ей показалось, что он хочет взять ее за руку, и она, не останавливаясь, засунула сжатые в кулаки пальцы поглубже в карманы. Похоже, он обиделся, но Эрин не могла винить его — она просто не знала, как сейчас вести себя с ним. Она почти отдалась ему там, в Германии, и сейчас с тревогой думала о том, что было бы, если бы они дошли до конца. Джордан уже нравился ей слишком сильно.

С каждым шагом ее кроссовки еще сильнее скользили по обледеневшим камням дорожки. По обеим ее сторонам возвышались обрамленные травой возвышения. Эрин смотрела на них и не могла понять, зачем они нужны.

Джордан поднял воротник плаща, его нос и щеки уже покраснели. Она вспомнила, что чувствовала, прикасаясь губами к его подбородку, вспомнила тепло его губ на своей коже — и быстро отвела взгляд в сторону.

Идущий немного впереди Рун не испытывал никакого беспокойства по поводу недостаточности своей одежды и размашисто шагал в черной, колышущейся при каждом шаге сутане. Его белые, без перчаток, руки выглядели так же, как и при жуткой жаре на вершине Масады. В одной руке он нес длинный кожаный цилиндр, который Надия оставила для

них в Германии. Эрин не могла даже представить, что находится в нем, и предполагала, что и Рун пребывает в таком же неведении. Прежде чем передать ему цилиндр, Надия опечатала его сургучом золотистого цвета, к которому приложила папскую печать — два скрещенных ключа, скрепленные лентой и увенчанные тройной папской короной.

— Ну что, Рун, — спросил Джордан, становясь по правую руку от падре. — Зачем мы здесь? Зачем мы пришли в этот промерзший парк?

Эрин подошла к Руну с другой стороны, чтобы услышать его ответ. До этого он сказал им лишь то, что они направляются в Санкт-Петербург, потому что русские войска после войны, должно быть, доставили Книгу в этот город. Эрин эта мысль тоже приходила в голову, когда она увидела в бункере мертвого русского солдата и услышала, как Надия прочитала бумаги, написанные кириллицей. Солдат ведь прибыл из этого города.

Эрин также помнила, что у этого солдата оставались жена и ребенок — дочь, которая, возможно, еще жива, проживает в Санкт-Петербурге и даже не подозревает, что каким-то иностранцам известно о смерти ее отца больше, чем ей самой.

Эрин была рада, что отдала тогда Надие эти письма из бункера и попросила передать их брату Леопольду. Может быть, их усилия хотя бы в малой степени успокоят душу этой женщины.

— Рун, — не отступала от него Эрин, желая узнать больше, ведь она заслуживала того, чтобы знать больше.

Падре остановился и посмотрел за присыпанное снегом земляное ограждение, дороги туда, где стояла редкая поросль тощих деревьев. Ветер шевелил еще оставшиеся на ветвях упрямые листья.

— Мы пришли сюда для того, чтобы попросить разрешения искать Книгу на русской земле.

— А зачем? — удивился Джордан. — Я думал, что сангвинисты не просят разрешений.

Бесстрастное, ничего не выражающее лицо Руна и на этот раз не выдало никаких эмоций, однако Эрин почувствовала исходивший от него страх. Она и вообразить себе не могла, что может существовать нечто такое, что может напугать Руна.

— Санкт-Петербург — это не наша территория, — несколько загадочно произнес он.

— А чья же тогда? — не унимался Джордан. — После падения Берлинской стены католическая церковь снова присутствует здесь.

Эрин, засунув руки поглубже в холодные карманы, устремила взгляд на конец дорожки, где стояла большая бронзовая статуя женщины в широкой юбке, держащей в поднятой руке какой-то предмет. Эрин прищурилась, но все равно не поняла, кем была женщина, которую изображала статуя. Она осмотрелась вокруг. Прежде она приняла это место за городской парк, но какой-то дух печали пропитывал окружающий это место воздух. Эрин даже не могла представить себе играющих здесь детей.

— Этой землей правит Витандус, — ответил Рун на вопрос Джордана и дотронулся до кожаного цилиндра, свешивающегося с его плеча, словно убеждаясь в том, что эта драгоценная вещь не потеряна. — А он не отличается любовью к церкви. Когда он придет, ничего не рассказывайте ему ни о нашей миссии, ни о себе.

— А кто такой этот Витандус? — спросил Джордан.

Ответ на этот вопрос Эрин знала.

— Это титул, данный ему в наказание. Самое худшее из религиозных порицаний из уст церкви. Оно даже хуже, чем отлучение. Больше похоже на постоянное изгнание и наказ держаться от него в стороне.

— Здорово. Не могу дождаться встречи с этим парнем. Должно быть, он истинный маг и волшебник.

— Это точно, — согласился Рун. — Так что будь настороже.

Джордан невольно протянул руку к кобуре, но вспомнил, что все свое вооружение он был вынужден оставить в

Германии. Они прилетели сюда рейсом коммерческих авиалиний с фальшивыми документами, изготовленными Надией. Но провезти с собой оружие не было никакой возможности.

— А чем занимается Витандус? — спросила Эрин, переступая застывшими ногами с земли на камень, как будто стоять на нем было теплее. — Кто он такой?

Рун по-прежнему не сводил с голых деревьев наблюдательного, настороженного и пристального взгляда, при этом в его глазах Эрин явно видела испуг. Он как бы между прочим ответил на ее вопросы — хотя этот ответ подействовал на нее как удар обухом по голове.

— Вам этот человек более известен как Григорий Ефимович Распутин.

16 часов 52 минуты

Медленно идя по выложенной каменной плиткой тропе, Рун, перебирая ледяными пальцами свои четки, творил молитву о том, чтобы Григорий не приказал немедленно убить их, как убивал он всех сангвинистов, присланных в Россию после 1945 года. Возможно, тот самый тубус, который вручила ему Надия, сулил некоторую надежду. Она велела Корце отдать его Григорию нераспечатанным.

Но что это было? Что в тубусе, подарок или оружие?

Эрин разволновалась.

— Распутин? — Неверие звучало в ее голосе, светилось в ее прищуренных глазах. — Этот сумасшедший монах? Сподвижник Романовых?

— Он самый, — ответил Рун.

Такие подробности о Григории Ефимовиче Распутине были известны большинству историков. Он был мистическим монахом и, по слухам, обладал даром исцеления. Его судьба была связана с царем Николаем II и его семьей. В начале 1900-х он использовал эти свои возможности для того, чтобы втереться в доверие к царю и его семье; всем им казалось, что только он один способен помочь их сыну, стра-

дающему гемофилией. За такую нежную заботу о больном отроке они смотрели сквозь пальцы на его эксцентричные сексуальные выходки и политические махинации, пока однажды один из агентов британских спецслужб и группа высокородных дворян не убили его.

Так, по крайней мере, думали.

Руну, разумеется, было известно намного больше.

Вдохнув, падре набрал полные легкие холодного воздуха. Он ощутил запах свежевыпавшего снега, покрытого им ковра из побитых морозом листьев и едва заметный запах давней смерти.

Россия.

Такого запаха он не ощущал уже, наверное, лет сто.

Джордан между тем осматривал парк, проявляя повышенное внимание, — он, похоже, чувствовал такую же озабоченность, как и Рун.

Корца смотрел в ту же сторону, что и Джордан. Взгляд сержанта задержался на темных стволах деревьев, низкой каменной стене, на цоколе, поддерживающем статую, — иными словами, на всех местах, где могли укрыться враги. Руну нравились проявляемые Джорданом настороженность и подозрительность — две наиболее важные и необходимые здесь, на русской земле, особенности. Но их противник еще не появился. Так что в течение нескольких следующих минут они еще могли чувствовать себя в безопасности.

Троица остановилась перед темной зловещей статуей женщины, смотрящей куда-то вдаль и держащей в руках венок в память о погибших гражданах Санкт-Петербурга: символ скорбящей родины-матери.

Джордан подышал на ладони, чтобы хоть как-то согреть их, — этот жест подтвердил то, что он человек и что внутри у него идет процесс остывания.

— Я думал, что Распутин помер еще во время Первой мировой войны, — сказал он, посмотрев на Руна.

Ответила ему Эрин:

— Он был убит. Его отравили цианидом, всадили в него четыре пули, били дубинкой, потом завернули в ковер и бросили в Неву, где он, как полагают, утонул.

— А выходит, этот парень все-таки выжил, — не без сарказма сказал Джордан. — Мне он кажется стригоем.

Эрин отрицательно покачала головой.

— Есть множество его фотографий, сделанных при дневном свете.

Рун пытался сосредоточиться, не обращая внимания на их нескончаемый разговор. Он слышал, как какое-то существо возилось среди деревьев в нескольких ярдах от них. Но это была всего лишь мышь-полевка, отыскивающая зернышки до того, как зима погребет все под снегом. Он надеялся, что мышке повезет найти хоть что-то.

— Так где же он? — нетерпеливо спросил Джордан.

Рун вздохнул, понимая, что только его ответы могут заставить их умолкнуть.

— Григорий когда-то был сангвинистом. В течение многих лет он, Пирс и я образовывали триаду, но это было до того, как он был лишен духовного сана.

Джордан нахмурился, сосредоточенно обдумывая только что услышанное.

— Выходит, ваш Орден лишил этого парня духовного сана, а затем еще и подверг его наказанию, изгнав навечно?

— Орден Витандуса, — напомнила ему Эрин.

Солдат, согласно кивнув, добавил:

— Неудивительно, что этот парень невзлюбил церковь. Может, вам стоит поработать над своим имиджем?

— Это не главная причина его ненависти к церкви, — сказал Рун, поворачиваясь к ним спиной.

Он коснулся пальцами своего нагрудного креста. У Григория было *великое множество* причин — сотни тысяч, — чтобы ненавидеть церковь, причин, которые Рун понимал более чем хорошо.

— Так все же почему Распутина отлучили от церкви? — спросила Эрин.

Когда она произносила фамилию Григория, в ее голосе Руну слышалось сомнение и даже недоверие. Эрин не поверит тому, что это правда, пока сама не убедится в этом. А если так, то как бы ей потом не пожалеть о том, что ей требовались такие безусловные доказательства.

Джордан обрушил на Руна очередную порцию вопросов:

— А что происходит с сангвинистом, которого подвергли отлучению? Он все еще способен исполнять священные обряды?

— Считается, что преподобный должен иметь нестираемый знак в своей душе, — ответила ему Эрин. — А раз так, я думаю, он еще способен освящать вино.

Рун потер глаза. С учетом того, что земная жизнь этих людей была такой непродолжительной, их нетерпение было вполне объяснимо, так же как и их ненасытное желание получить ответы на все вопросы. Но ему-то было необходимо, чтобы они помолчали, а вот этого добиться он и не мог.

— Григорий может освящать вино, — устало произнес Рун. — Но это вино, в отличие от освященного священником, принадлежащим церкви, не имеет устойчивой силы крови Христа. И по этой причине его состояние представляет собой нечто среднее между проклятым стригоем и благословенным сангвинистом.

Эрин отбросила назад пряди волос, прикрывающие лицо.

— И как такое состояние отражается на его душе?

— В данный момент, — поспешно добавил Джордан, — меня больше интересует то, как это отражается на его *теле*. Ну например, может ли он появиться здесь днем.

— Он может, и он появится.

И скоро.

— А почему нам необходимо его разрешение на пребывание здесь? — не отступал Джордан.

— Нам необходимо его разрешение потому, что он уже многие десятилетия не разрешает ни одному сангвинисту пребывать на русской земле. Он знает о том, что мы здесь. И в свое время мы перед ним предстанем.

Джордан повернулся к нему, злость буквально пронзила его сердце.

— А раньше ты не мог предупредить нас об этом? О том, какая опасность нам грозит?

Рун спокойно взирал на его бешенство.

— Я верю, что у нас хорошие шансы на то, чтобы уехать из России живыми. В отличие от тех, кто приезжал сюда, у меня с Витандусом особые отношения ввиду нашего общего прошлого.

Рука Джордана снова непроизвольно потянулась к тому месту, где обычно находилось оружие.

— Значит, эти типы в черном драндулете, которые висели у нас на хвосте по дороге из аэропорта... это российские бандиты-стригои, которым приказано открывать огонь без предупреждения по всем сангвинистам?

— Так нас что, вели? — спросила Эрин, кивнув в сторону далекой улицы, где они вышли из машины.

— А я-то надеялся, что это люди Руна, — удивляясь своей наивности, покачал головой Джордан.

— У меня нет людей, — ответил Рун. — Церковь не знает о том, что мы здесь. После нападения в Масаде, а затем событий в Германии я подозреваю, что у велиалов есть агент в Ордене сангвинистов. Поэтому я велел Надие объявить о том, что мы все погибли.

Лицо солдата скривилось в иронической гримасе.

— Ну, в таком случае наши дела обстоят отлично...

Его прервал какой-то новый голос, брюзгливый и в то же время насмешливый:

— Такая горячность здесь неуместна.

Они разом обернулись и увидели коренастого приземистого мужчину в долгополой черной рясе русского православного священника, только что обошедшего бронзовую статую и теперь приближающегося к ним. Полы его рясы сметали снег с плит, которыми была выложена дорожка. С его шеи свешивался нагрудный крест с распятием, что означало его принадлежность к той же самой церкви, во имя которой действовали они.

Он улыбался, подходя к ним. Его когда-то длинные волосы были подстрижены и зачесаны назад, не доставая до плеч чуть меньше чем на дюйм, открывая широкое лицо и лукавые голубые глаза. Его борода цвета соболиного меха была аккуратно подстрижена, чего никогда не бывало в течение тех лет, которые Рун провел вместе с ним.

Эрин сделала глубокий вдох.

Григорий, догадался Рун, должно быть, смотрелся сейчас так же, как и на фотографиях вековой давности, — и это положило конец долго мучившим женщину сомнениям. Он молился сейчас о том, чтобы она и Джордан помнили о его предостережении ничего не говорить Распутину.

Рун приветствовал его лишь легким поклоном головы.

— Григорий.

— Дорогой мой Рун. — Распутин склонил свою квадратную голову в сторону Эрин и Джордана. — У тебя новые спутники.

— Да, — подтвердил Корца, но не стал представлять их.

— Ты, как всегда, толково выбираешь место встречи. — Григорий жестом своей крепкой руки указал на насыпи по обеим сторонам дорожки. — Я мог бы убить вас в любом месте, но только не здесь. Не среди костей полумиллиона моих соотечественников.

Джордан завертел головой, словно пытался увидеть кости, о которых только что упомянул Распутин.

— Он, похоже, не сказал вам, где вы сейчас находитесь? — Григорий прищелкнул языком. — Ты всегда был негодным хозяином, падре Корца. Вы сейчас находитесь на Пискаревском мемориальном кладбище. Оно увековечивает память о тех, кто умер во время блокады Ленинграда. Эти насыпи, которые вы видите перед собой, — массовые захоронения, или, иначе говоря, братские могилы. Точное число таких захоронений — сто восемьдесят шесть.

Эрин, пораженная ужасом, смотрела на ряды этих заросших травой и стоящих впритык друг к другу холмиков.

— В них покоятся кости полумиллиона русских. Четыреста двадцать тысяч из них были мирными жителями.

Они умерли в те годы, когда нацисты окружали наш город. Когда мы сражались и молили о помощи. Но помощь так и не пришла, верно, Рун?

Корца не сказал ничего. Скажи он хоть что-то, это раздуло бы пламя дремавшего в душе Григория неуемного буйства.

— Эта нескончаемая бойня продолжалась четыре года. А разве хоть одна из этих могил потревожила сознание вашего кардинала?

— Я вам соболезную, — сказала Эрин. — Сочувствую вашим утратам.

— Даже этот ребенок может выразить свое сочувствие, Рун. Смотри! — Григорий, вытянув руку назад, указал на стоящую у входа на кладбище машину. — Давай отвезем твоих спутников куда-нибудь от этого холода? Я же вижу, как они страдают под этим колючим ветром.

Рун быстрым взглядом оглядел Эрин и Джордана. Они и вправду выглядели почти окоченевшими. Он имел так мало дел с людьми, что часто забывал об их слабостях.

— Ты гарантируешь нашу безопасность?

— В такой же степени, в какой ты гарантируешь мою. — Порыв ветра бросил на белое лицо Григория черную прядь его волос. — Ты должен понимать, что сейчас время вашей смерти назначаю я.

17 часов 12 минут

Джордан обхватил рукой плечи Эрин. Она не склонилась к его плечу, но и не отодвинулась от него. Глядя на Руна и Распутина, Стоун чувствовал возникшую между ними напряженность, причиной которой могла быть старая вражда, к которой примешивалось уважение, испытываемое ими по отношению друг к другу, а может быть, даже и дружба, возникшая благодаря участию в каких-то неблаговидных делах. Однако свой вопрос он сумел задать игривым тоном:

— Как насчет того, если мы поговорим о нашей неминуемой смерти в каком-либо другом месте, где хотя бы *тепло*?

При этих словах брови Распутина взметнулись вверх, откинув голову назад, он рассмеялся. Его грудной смех был поистине веселым, но на этом заснеженном кладбище он был явно не к месту, особенно после его угрозы убить их. Джордан начал понимать, почему его называли *сумасшедшим* монахом.

— А он мне нравится. — Своей широкой ладонью Распутин шлепнул Джордана по спине, чуть не сбив его с ног. Посмотрев с улыбкой на Эрин, он добавил: — Но не так сильно, как эта красавица.

Последняя фраза Джордану не понравилась.

Рун, встав между ними, сказал:

— Я думаю, мой спутник прав. Мы можем подыскать более подходящее место для беседы.

Распутин пожал широкими плечами и повел их назад по дорожке к стоявшей у входа машине. По пути он решил, что Джордан и Эрин сядут впереди, а он с Руном — сзади.

Джордан распахнул дверь автомобиля, откуда сразу повеяло теплом. Запахло водкой и табачным дымом. Он первым сел в машину, для того чтобы занять место между Эрин и шофером Распутина.

Шофер протянул руку. По виду ему было не больше четырнадцати лет, его белоснежные руки выглядели более замерзшими, чем руки Джордана.

— Меня зовут Сергей.

— А вы достаточно взрослый для того, чтобы вести машину?

Вопрос сорвался с языка Джордана прежде, чем он успел прикусить язык.

— Я старше вас. — Этот мальчик говорил с легким русским акцентом. — Возможно, даже старше вашей матери.

Джордан внезапно с тоской вспомнил свой пистолет-пулемет, свой нож и те дни, когда его врагами были люди.

Глава 47

27 октября, 17 часов 15 минут
по московскому времени
Санкт-Петербург, Россия

Как только большой седан развернулся и отъехал от кладбища, Эрин протянула свои растопыренные пальцы к тепловому вентилятору. Джордан положил руку на спинку ее сиденья. Он был единственным из всех сидящих в этой машине, кому она доверяла — хотя, говоря по правде, она его почти не знала. Но он, по крайней мере, был *человеком*. А сейчас это значило ой как много.

Рун и Распутин, сидевшие позади, разговаривали негромко и неторопливо. Слушая их своим человеческим ухом, хотя и не понимая ни слова по-русски, Эрин могла заключить, что они спорили.

Машина, скрипя шинами на поворотах, ехала по улицам города, на который опускались сумерки. Яркие фасады делали местные здания похожими на какие-то сказочные дома, вокруг которых кружатся снежинки, легкие как пух. Они в лучшем случае захватят еще один час светового дня. Если велиалы следуют за ними по России, то нападут ли на них снова после наступления ночи? Находится ли Распутин в состоянии войны с ними, так же как и с сангвинистами?

С ответами на эти вопросы придется подождать хотя бы до той минуты, когда она сможет поговорить с Руном, так чтобы их не слышал Распутин.

Минут через десять автомобиль, сначала притормозив, остановился напротив великолепной церкви, построенной в русском стиле. Эрин почти прижалась лицом к стеклу, чтобы получше рассмотреть ее.

Купола в форме луковиц увенчивались устремленными в небо золотыми крестами; каждый купол выглядел еще более фантастически, чем соседний: два из них были позолоченными, следующий был словно обвит яркими разноцветными лентами; остальные купола были голубыми, инкрустированными белыми, зелеными и золотыми узора-

ми. Фасады, украшенные колоннами, на квадратных основаниях, арки и огромное мозаичное изображение Иисуса, залитое солнечным светом. От такого фантастического и изобильного великолепия у Эрин буквально захватило дыхание.

— Чудесно, вы согласны? — спросил водитель, почтительно склонив голову.

— Просто нет слов, — призналась она.

— Сейчас вы видите перед собой церковь, которая называется храм Спаса на Крови, — пояснил Распутин, склоняясь к Эрин с заднего дивана. — Он был воздвигнут на месте убийства царя Александра Второго в 1881 году. Но этому царю не суждено было стать *последним* Романовым, павшим от народного гнева. Кстати, внутри храма вы увидите камни мостовой, запятнанные кровью царя Александра.

Несмотря на столь необычную историю этого храма, после рассказа Распутина он утратил в глазах Эрин значительную часть своего великолепия. Ей уже довелось повидать немало камней, некогда обагренных кровью, особенно в последнее время. Но все-таки Эрин, открыв дверь машины, вышла на холодный ветер, еще более пронизывающий, чем на кладбище. Она смотрела на грязно-серые снежные сугробы, наметенные вдоль стен храма сильным ветром, дувшим с находящейся неподалеку реки.

Джордан встал рядом с Эрин, чтобы заслонить ее от ветра. Он внимательно рассматривал замысловатые конструкции, украшающие фасад.

— Похоже, кому-то дали набор инструментов для изготовления имбирных пряников и невесть сколько свободного времени.

Услышав это, Рун чуть слышно проворчал:

— Это его гордость. Не нужно его оскорблять.

Ответ Распутина, стоявшего у другого борта машины, донес до него ветер.

— Рун, они не могут оскорбить меня сильнее, чем ты, а те, кого ты любишь, уже оскорбили меня. Но они оказались достаточно умными и не вводили меня во гнев. Ну а теперь

я чувствую себя достаточно великодушным, чтобы гарантировать их неприкосновенность хотя бы потому, что они не сангвинисты.

— Выходит, нам повезло, что мы люди, — пробормотал Джордан, скривившись в вымученной улыбке.

И как бы в подтверждение этого он, опустив руку, сжал своими теплыми пальцами холодные пальцы Эрин.

И они вдвоем прошли через двойные арки церковного входа вслед за двумя одетыми в черное священниками.

17 часов 27 минут

Пройдя через вестибюль, Рун вошел в главный неф. Он знал, что его ожидает, но то, что он увидел, глубоко его поразило — именно это и предвидел Григорий.

Его взгляд сразу же привлекло мозаичное покрытие всех внутренних поверхностей храма. Ярко-голубые, золотые и кроваво-красные узоры заполнили все поле зрения Руна. Стены и потолок были украшены мозаичными картинами на библейские сюжеты: Иисус и апостолы, одинаковые карие глаза святых, бриллиантовые крылья ангелов. Миллионы мельчайших плиточек образовывали в малых и больших масштабах библейские сцены. Корца закрыл глаза, а когда вновь открыл их, они опять засияли перед ним.

Его желудок выворачивало наизнанку от царившего внутри запаха: от теплых тел людей в нефе; от ладана и вина; от тления, дух которого просачивался сквозь трещины в полу, да и вообще отовсюду; от свежей человеческой крови. Он едва сдерживал себя от того, чтобы не броситься стремглав вон из храма.

Рун повернулся назад ко входу, и его взгляд остановился на широком мозаичном панно над дверью. Сотни тысяч мельчайших плиточек изображали величайшее событие в истории сангвинистов. Он знал, что эту работу заказывал сам Григорий, она показывала воскресшего из мертвых и поднимающегося из своей усыпальницы Лазаря — первого

из Ордена сангвинистов, — чтобы приветствовать Господа нашего и пообещать служить ему, вкушая только Его кровь.

Кроме Руна, Лазарь был единственным членом Ордена, который был обращен еще до того, как вкусил человеческой крови, еще до того, как взял хотя бы единственную жизнь.

Как же сильно я пал...

Рун опустил глаза. Картина о величии судьбы Лазаря помогла ему найти главное для него в шуме и гаме этого храма с хорошо отражающими звук стенами.

— Чудесно, ты согласен? — Григорий обвел рукой это грандиозное строение, вызванное им к жизни.

— Мозаичные панно просто великолепны, — согласилась Эрин, выступая впереди него и, закинув голову, внимательно осматривая все вокруг.

— Да, это точно.

Григорий несколько раз хлопнул в ладоши. В проходе и в нишах возникли какие-то непонятные фигуры — и сразу же засуетились.

Снова внимательно осмотрев внутренность храма, Рун отметил, что ни у кого из тех, кто появился по сигналу Григория, не прослушивалось сердцебиения; большинство из них были похожи на их шофера, такие же молодые лицом, но очень старые по годам. Это были стригои, заключившие договор с Григорием, которого они признали своим священником, создав тем самым искаженную копию Ордена сангвинистов на русской земле.

По приказу Григория туристов, находившихся в храме, вытолкали за двери, которые с глухим звуком захлопнулись и закрылись за ними на засов. Через несколько минут в храме можно было слышать биение всего лишь двух сердец.

Кроме Руна и его спутников, в церкви остались пятьдесят последователей Григория: мужчины, женщины и дети, которых он обратил в свою темную паству и обрек навечно балансировать между спасением души и обречением на вечные муки. Они не были такими же жестокими и дикими,

как большинство стригоев, но и не тянулись к святости, подобно сангвинистам.

Новая тень тьмы была впущена в мир руками Григория.

В неф внесли деревянные лавки и поставили их так, что бы сидевшие на них видели перед собой алтарь. Электрическое освещение было выключено, свет давали только длинные желтые восковые свечи. Летний запах меда хоть как-то смягчал острую вонь, сопутствующую этой мрачной пастве.

Эрин с Джорданом стояли рядом с Руном за скамьями. Стоун тяжело переступал с ноги на ногу, как боксер, ожидающий атаку в любой момент. Эрин внимательно рассматривала одно за другим эти фантастически красивые мозаичные панно. Даже здесь они оба ясно демонстрировали свое перевоплощение в порученные им роли: он — Муж-Воитель, она — Женщина, умудренная Знанием.

Рун, исполняя собственную роль, держался между ними и паствой Григория. Рыцарь Христов. Но его голова шла кругом от того, что все здесь делается *неправильно*, от того, как образы святых взирали вниз на нечестивую паству Распутина.

В сопровождении юных псаломщиков Григорий величавой поступью взошел на алтарь по лестнице из черного мрамора. По обеим сторонам его пути стояли витиеватые кроваво-красные колонны, освещенные пламенем высоких свечей. За его плечами догорали последние лучи уходящего дня, их неяркий оранжевый свет, проникая сквозь высоко расположенные окна, падал на мозаичную картину, изображавшую Христа, потчующего апостолов хлебом и вином, и ангелов, взирающих на трапезу сверху.

Григорий произносил нараспев свою мрачную мессу. Хор тянул древние русские молитвы, чистые голоса взлетали под самый купол. Ритм и тональность были такими, каких обычные люди никогда не слышали и никогда не могли бы повторить.

Под конец чьи-то руки подвели Руна и его спутников к скамье. Он послушно шел, все еще будучи не в силах постичь всю глубинную неправедность этого спектакля.

Вдруг теплая рука коснулась его обнаженного запястья.

— Рун? — прошептал чей-то голос.

Корца обернулся и посмотрел в глаза Эрин, к которых застыл вопрос. Естественность и человечность этих глаз помогли ему вернуться к действительности.

— Вы в порядке? — склонив к нему голову, спросила она, как только они сели на лавку.

Рун, положив свою ладонь на ее руку, закрыв глаза и плотно сжав веки, слушал, как бьется ее сердце, предпочитая эти звуки дурацкой музыке, льющейся с амвона. Звука одного истинного сердцебиения было достаточно, чтобы найти в себе мужество защищать все это до конца.

Пение прекратилось. В церкви воцарилась тишина, слышалось лишь сердцебиение людей. Затем Григорий, подняв высоко золотую чашу, вызвал каждого к себе для причащения. Его приверженцы, заполнив пространство перед алтарем, вкушали отпущенные им порции вина, их подошвы мягко шлепали по мраморному полу. Рун вместе с Эрин и Джорданом оставались на своих местах.

Когда освященный напиток касался губ причащающихся, из их рта поднимался дым, будто они только что вдохнули огонь. С такими нечистыми телами принятие Христовой любви, даже в столь бледном варианте, который был в состоянии предложить Григорий, заставляло его паству стонать, как в агонии.

У Эрин сжалось и забилось чаще сердце — от жалости и сострадания, в особенности к тем, кто выглядел детьми.

Рун смотрел на маленькую девочку, которой по меркам человеческой жизни было бы лет десять или одиннадцать; она отошла в сторону, ее обожженные губы распухли, каждый вздох сопровождался мучительным жалобным стоном. Она подошла к своему месту на лавке и, встав на колени, склонила голову в молитве.

Так вот он какой, этот Григорий, величайший злодей, обращающий в свою веру молодых. Ведь, делая это, он крадет их души и навсегда делает для них невозможным приобщение к любви Христа.

Размышления Руна прервал голос Григория:

— А сейчас, Рун, ты тоже можешь причаститься.

Корца не сдвинулся с места, не желая принимать нечестивое питье в свое тело.

— Не буду.

Григорий щелкнул пальцами, и группа его прихожан моментально окружила Руна и его спутников, которые сразу почувствовали мерзкий запах их немытых тел, вина и горелой плоти.

— Это мое условие, Рун, — прозвучал в притихшем храме трубный голос Григория. — Так что пользуйся моим гостеприимством. Испей святого вина. Только после этого я стану тебя слушать.

— А если я откажусь?

— Дети мои не покинут этот храм голодными.

Прихожане подступили ближе.

Сердце Эрин бешено колотилось. Ладони Джордана сжались в кулаки.

Лицо Григория расплылось в отеческой улыбке.

— А твои спутники вроде намерены драться или я ошибаюсь? Смерть их не будет легкой. Этот парень солдат, верно? Я бы даже не побоялся назвать его *воителем.*

Руна всего передернуло.

— А эта женщина, — продолжал Григорий, — настоящая красавица, вот только руки у нее огрубели от работы в поле и, как я полагаю, от того, что она много пишет. Я уверен, что она и есть *самая знающая.*

Подняв голову, Рун посмотрел поверх голов прихожан на стоящего в алтаре Григория.

— Ну так что, друг мой? — Распутин засмеялся своим знакомым безумным смехом. — Я ведь знаю, что вы ищете Евангелие. И провидение привело вас к моему порогу. Может быть, я даже помогу вам — но за это придется заплатить.

Григорий взял в ладони нечистую, осквернённую губами его паствы чашу и поднял ее.

— Давай, Рун, пей. Пей ради того, чтобы спасти души твоих спутников.

Выбора у Корцы не было. Он встал и, пройдя твердым шагом по проходу между лавками, поднялся по каменным ступеням, встал перед Распутиным и открыл рот.

Напрягся, предчувствуя боль.

Григорий, подойдя к нему, поднял потир и стал лить вино в рот Руна.

Кроваво-красная струя разом наполнила его горло.

К его удивлению, напиток этого черного причащения не жег его. Наоборот, Корца почувствовал тепло, разливающееся по всему его телу. Он почувствовал прилив здоровья и новых сил; все это произошло настолько быстро, что его до сих пор застывшее в покое сердце забилось — а такого с ним не происходило уже много столетий. Чувствуя дрожание сердечной мышцы в груди, Рун понял, что было подмешано в вино, которым его причащали, но по-прежнему не отворачивал лицо от струи, изливающейся из потира. Она наполняла его, утоляла неутолимый внутренний голод. Корца почувствовал, что раны, открывшиеся в бункере, закрылись. Но самым лучшим было то, что он глубоко погрузился в негу и наслаждение.

Он застонал, растворяясь в них.

Григорий, держа в руках потир, отступил на шаг назад.

Все вокруг Руна колыхалось словно на волнах, а он изо всех сил старался объединить слова во фразы.

— Ты не...

— Понятно, я не такой святой, как ты, — закончил за него Григорий, нависая над осевшим на каменный пол Руном. — С тех пор как меня отлучили от твоей любимой церкви. А поэтому вино, которым я причащаю свою паству, питает и укрепляет ее. *Человеческой кровью.*

Рун унесся в прошлое, мир вокруг него перестал существовать, и он остался наедине со своей вечной епитимией.

Приникнув к горлу Элисабеты, Рун глотал ее кровь. За долгие годы, в течение которых он считался молодым сангвинистом, Корца никогда не ощущал своим языком ничего подобного этому столь обогащенному железом напитку —

если, конечно, не считать ту первую ночь, когда он стал проклятым, вкусив грязной стригойской крови.

Паника от этого богохульного действа придала ему силы для того, чтобы не захлебнуться в волнах этого кровавого прилива и сохранять поле своего зрения ясным. Биение его собственного сердца, ускоренное приливом ее крови в его жилы, замедлилось... еще больше замедлилось... и остановилось.

Элисабета лежала под ним, ее мягкое тело казалось золотым в свете камина. Черные волосы разметались по кремовым плечам и по каменным плиткам пола.

В комнате стояла мертвая тишина. Но такого не могло быть.

Ведь он всегда слышал равномерное биение ее сердца.

Шепотом он произнес ее имя, но на этот раз она ему не ответила.

Ее голова была откинута на сторону, и это делало видимой кровавую рану на ее горле. Рука Руна потянулась ко рту. Впервые за много лет он нащупал в нем клыки.

Это сделал он. Он взял ее жизнь. Ослепленный порывом страсти, Рун перестал быть собой, хотя до этого был уверен в своих силах — особых *силах, на что всегда упирал Бернард, — был уверен в том, что не нарушит эдикт, обязывающий всех членов его Ордена соблюдать непорочность и целомудрие, дабы не давать волю зверю, дремлющему внутри каждого из них.*

И что в результате? Он оказался таким же слабым, как и другие.

Рун смотрел на неподвижное тело Элисабеты.

Гордыня убила ее, так же как и его зубы.

Он положил ее остывающее тело на свои колени. Ее кожа сейчас была еще более бледной, чем при жизни, длинные ресницы чернели на белых щеках. Ее прежде красные губы сейчас были розоватыми, как ручка новорожденного младенца.

Рун качал ее на руках и плакал над ней. Он нарушил все запреты, все предписания. Он дал волю дикому животному, таившемуся у него внутри, — и пожрал свою возлю-

бленную. Рун представлял себе ее трепетную улыбку, ее озорные глаза; вспоминал ее искусство врачевания, представлял себе, сколько жизней она бы спасла. А вот теперь она, безжизненная и опустошенная, сама лежит перед ним.

Рун представил себе печальное будущее ее ребенка, лишившегося матери.

И все это сотворил он.

Вдруг на фоне шипения и потрескивания камина раздался невнятный глухой *звук. Потом долгий выдох...*

Она жива!.. Но ненадолго. Возможно, только лишь настолько, чтобы успеть спасти ее. Сколько раз он терпел неудачи в подобных ситуациях и сколько способов он перепробовал! Но сейчас он должен *постараться.*

Такое действие было запрещено. Оно нарушало его наиважнейшие клятвы и обеты. Но ведь он уже нарушил свои пастырские обеты, заплатив за это страшную цену. А эта цена возрастет еще больше, если он нарушит еще и клятвы сангвинистов.

Наказанием за это для него будет смерть.

Ценой, которую заплатит она, будет ее душа.

Первый закон: сангвинистам не дозволено создавать стригоев. Но Элисабета ведь и не станет стригоем. Она соединится с ним. Она будет служить церкви так же, как и он; она будет заодно с ним. Будучи сангвинистами, они оба будут бессмертны. Очередное падение ему не грозит.

Биение ее сердца становилось все слабее.

Времени у него было совсем немного. Почти нисколько. Он полоснул серебряным ножом по своему запястью. И шипение, и ожог чувствовались намного сильнее — ведь теперь он уже больше не был святым. Его кровь, уже будучи смешанной с ее, буквально била ключом. Он поднес свое запястье к ее рту. Капли крови падали на ее бескровные губы. Он осторожно приложил свои губы к ее губам и раскрыл их.

Прошу тебя, моя любовь, молил он.

Пей.

Соединяйся со мной...

Рун проснулся от голода; он лежал на холодном мраморном полу, острия его клыков врезались ему в язык.

Проклятое вино Григория было смешано с человеческой кровью. В душе Рун боролся против такого предательства и вероломства. Но его тело, даже сейчас, требовало еще, настоятельно требовало еще.

Его уши уловили биение двух сердец, доносившееся из задней части храма.

Корца с трудом поднялся на ноги. Его шатало от желания, его неумолимо поворачивало туда, где кипела жизнь, как головку цветка, тянущуюся к солнцу.

— Не отрекайся от своего истинного естества, друг мой, — искушающим шепотом произнес Григорий, остановившись позади него. — Такие скоропалительные решения никогда не доводят до добра. Дай свободу зверю, запертому у тебя внутри. Ты должен погрязнуть в грехе, для того чтобы раскаиваться потом так глубоко, как этого требует Бог. Ведь только тогда ты и приблизишься к Всевышнему. Так что не старайся устоять перед соблазном.

— Я *не поддамся* соблазну, — с хриплым выдохом произнес Рун.

В ушах у него звенело, в глазах стоял туман, рука, лежащая на кресте, дрожала.

— У тебя *никогда* это не получалось, — напомнил ему Григорий. — Что ты видел, когда выпил моего вина? Наверное, осквернение твоей Элисабеты?

Рун повернулся и стремительно рванулся к нему, но защитники Григория бросились на Корцу, готовые на убийство. Два мальчика схватили его за руки, двое повисли на ногах, еще двое вскочили ему на плечи.

У него еще хватило сил сбросить всю эту братию на мраморный пол.

Отойдя на несколько шагов, Григорий рассмеялся.

— Рун! — закричала ему Эрин. — Не надо!

В ее голосе и в ее сердце Корца услышал страх — страх за всех них.

Распутин тоже услышал это. От него ничего нельзя было скрыть.

— Послушай, Рун, откуда она знает, что тебя надо бояться? Может быть, это спасет ее, в отличие от дамы твоего сердца Элисабеты Батории?

Позади себя Рун услышал затрудненное дыхание — черта, присущая Эрин.

Стыд наконец взял над ним верх: он остановился, а потом опустился на колени.

Стоя над ним, Григорий улыбался.

— Видишь, даже твоя подруга знает это имя. Это женщина, которую история прокляла под именем Кровавой графини Венгрии. Это чудовище — прямое порождение твоей любви.

Глава 48

27 октября, 17 часов 57 минут
по московскому времени
Санкт-Петербург, Россия

Холодные руки, обхватив Эрин, прижимали ее к лавке, стоявшей в задней части храма. Холодные, какие-то бесполые тела давили на нее со всех сторон. Она заставила себя подчиниться и не двигаться, не кричать от страха и, что самое главное, не провоцировать их к нападению. Джордан, склонившийся к ней, был в таком же напряжении, как и она.

Следующий момент должен был стать определяющим во всех отношениях.

Рун, отвернувшись от стоявшего перед ним Григория, встретился с пристальным взглядом Эрин. Она ясно увидела неукротимый голод в его горящих глазах. Его лицо было искажено гримасой боли — клыки вонзились ему в губы. Эрин представила себе, как сильно сопротивлялся он жажде крови, буквально сжигающей его.

По тому, как вел себя Рун, она поняла, что Распутин осквернил свое вино для причащения, смешав его с человеческой кровью.

Сопротивляйся изо всех сил, — молча приказала она ему, не отрывая пристального взгляда от его глаз и не желая смотреть на дикое существо внутри него, причиняющее ему еще и стыд.

Но вот плечи Руна опустились, он, по-прежнему стоя на коленях, поднял ладони и закрыл ими лицо, но сквозь пальцы продолжал неотрывно смотреть на Эрин. Его губы шевелились в беззвучной латинской молитве. Она прочитала ее по его окровавленным губам, она помнила эту молитву об искуплении греха еще с тех самых дней, когда, будучи наказанной, стояла на земле на коленях.

Эрин оттолкнула от себя державших ее прихожан и стала на колени на лавке. В унисон с Руном она читала эту латинскую молитву о даровании прощения. При этом она по-прежнему неотрывно смотрела в его глаза.

Завершая молитву, Корца преклонил голову — а когда он снова поднял ее, клыки его исчезли.

— Ты проиграл, Григорий, — шепотом произнес он, но этот шепот услышали все, кто был в церкви.

— А ты, друг мой, оказался победителем. На все воля Божья.

В голосе Распутина не улавливалось разочарования: в нем слышалась благоговейная покорность судьбе.

Прихожане с глухим рычанием отошли от лавки, стоявшей позади Эрин и Джордана.

Перед тем как покинуть свое место, Сергей, похлопав Джордана по плечу, произнес:

— Возможно, чуть позже.

Оставшись вдвоем с Эрин, Стоун наблюдал, как она, встав с колен, снова села на лавку. Склонившись к ней, он, дыша теплом на ее щеку, шепотом спросил:

— Ты в порядке?

Женщина, стараясь не затевать долгого разговора, просто кивнула.

Эрин внимательно смотрела на то, как Рун медленно встает на свои еще слабые ноги. Если она правильно поняла смысл слов Распутина, то получалось, что это Рун развратил Элисабету Баторию. Это имя было знакомо Эрин. Оно

отдавалось в ее памяти эхом легенд, рассказывающих о кровавых событиях, происходивших в мрачных лесах Венгрии и Румынии.

Элисабета Батория, известная также под именем Кровавой графини, часто упоминалась как самая активная и жестокая серийная убийца всех времен. С 1660-х годов, в течение нескольких десятилетий, эта богатая и всесильная венгерская графиня подвергла пыткам и убила множество молодых девушек. По оценкам современников, число ее жертв исчислялось многими сотнями. Про нее говорили, что она, желая вечно оставаться юной, совершает омовения в крови своих жертв.

От таких рассказов веяло кровожадностью и некрофилией.

Неужели этого монстра сотворил Рун? Неужели на его руках кровь этих погубленных юных девушек? Что не давало ему покоя всякий раз, когда он прикладывался к своему преображенному вину?

Внезапно раздавшийся трагически-театральный вздох снова вернул Эрин в настоящее. Она посмотрела на алтарь.

— Когда мы ехали сюда на машине, ты упоминал о каком-то *подарке,* — сказал Распутин, показывая на кожаный тубус, висящий на плече Руна. — Позволь мне взглянуть, кто знает, может, это сойдет за ваш выкуп...

Рун достал тубус из-за спины.

Распутин с видом набедокурившего школяра обратился к Эрин и Джордану:

— Подходи сюда, давайте посмотрим.

Как только Эрин, а следом за ней и Джордан встали со скамьи, распутинские служки и псаломщики вышли из-за алтаря и стали спускаться на мраморный пол, освобождая место для Руна, Эрин и Джордана.

Эрин, поднявшись к алтарю, сразу почувствовала густой запах ладана и горящих восковых свечей.

Как только все собрались в алтаре, Распутин, сев и положив сжатые в кулаки руки на колени, с вожделением уставился на длинный коричневый кожаный тубус.

— Ну, показывай, — приказал он.

Рун провел острым ногтем по папской печати и снял верхнюю часть тубуса, потом внимательно посмотрел внутрь — при этом его брови сошлись на переносице — и, наконец, вытряхнул его содержимое на мраморную поверхность. Это было свернутое в трубку старинное полотно. Выпав из тубуса, оно развернулось.

Распутин склонился к полотну и с величайшей осторожностью, а также и с уважением к возрасту холста расправил его так, чтобы все видели.

Эрин с трудом перевела дыхание, посмотрев на холст при свечном свете. Она сразу узнала это полотно, написанное искусной рукой голландского мастера Рембрандта ван Рейна. Подлинник.

На полотне был запечатлен Иисус, совершающий свое наиболее выдающееся чудо.

Воскрешение Лазаря из мертвых.

18 часов 04 минуты

Григорий в избытке чувств бросился на колени перед алтарем, на котором лежало написанное маслом полотно, его примеру один за другим последовала и вся его мрачная братия.

Рун неподвижно стоял в алтаре, пристально глядя на изображение Лазаря в его каменной усыпальнице.

Это было ошеломляющее представление легендарного момента средствами живописи, секреты которых были досконально известны Рембрандту, и сейчас представшего перед их глазами. Это полотно было одним из трех, о существовании которых было точно известно. Прекрасными, остающимися в памяти мазками Рембрандт изобразил Лазаря в погребальном облачении восстающим из своего гранитного саркофага; стоящие рядом с ним члены его семьи замерли в ужасе. Ставшими невольными свидетелями чуда, они воздели руки к небу, словно защищая себя от этого человека, которого они когда-то любили. Для них этот момент не был

радостным воскрешением из мертвых. Ведь они знали, *что* убило Лазаря.

— Первый сангвинист, — прошептала Эрин, и ее шепот эхом разнесся по притихшей церкви.

Да, все, кто стоял рядом с усыпальницей, стали свидетелями рождения Ордена сангвинистов. Лазарь подвергся нападению и превратился в стригоя, но его семья разыскала его и спрятала в крипте[1], вход в которую завалили камнем, до того как он стал способен отведать крови человеческой жертвы. Они обрекли его на медленную смерть от голода. Но явился Христос и освободил его. И за это в тот день Христос предложил Лазарю сделать выбор, но не предложил ему стать стригоем — а именно такое предложение ему было сделано раньше. Лазарь не мог изменить свою природу, но он смог воспользоваться любовью Христа и Его кровью для того, чтобы бороться против жажды крови. Он избрал служение Христу, и, возможно, настанет день, когда он увидит воскрешение своей души.

Об этом договоре чести и долга — Лазарь дал обет служить в качестве рыцаря Христова — свидетельствует изображенное на холсте оружие: меч в ножнах и пучок стрел, висящих на стене в крипте Лазаря и готовых служить во славу новой церкви.

И вот с того момента Лазарь принял на себя это бремя и основал сангвинистское течение в церкви. Освободившись из крипты, он так никогда и не вкусил человеческой крови. Он всегда поддерживал свои жизненные силы кровью Христа. С того давнего времени только один-единственный сангвинист, начиная свое последующее существование, был готов идти по стопам Лазаря; но только тот, другой, был обращен в сангвиниста еще до совершения своего первого убийства.

Чистый. Непорочный.

В давние времена именно этим сангвинистом и был Рун. Он считал себя достойным стать избранным для исполне-

[1] К р и п т а — подземная усыпальница.

ния пророчества. Он был уверен в собственной добродетели. Он утешался тем, что гордился собой. И это продолжалось до того, пока он не вкусил крови Элисабеты. В тот день он создал чудовище. В этот момент он совершил падение. И с того момента лишь Один оставался незапятнанным, непорочным.

Лазарь.

Их истинный духовный отец.

Эту его роль признавал даже Григорий. Он провел кончиком пальца по святой фигуре Лазаря на полотне, остановив свой палец на тонкой красной линии, берущей начало в углу рта Лазаря.

Ну как кто-либо, глядя на это полотно, не мог увидеть правду, изображенную Рембрандтом? Перепуганные зрители, кровь на губах, оружие на стене... Рембрандт был явно посвящен в сангвинистские тайны — один из немногих, кому стало доступно то, что никогда не выходило за пределы ограниченного круга приверженцев их церкви. Чтобы оправдать высокое доверие, он и сотворил этот шедевр, в котором тени переплетались со светом; скрыл тайну, выставив ее напоказ в виде картины — и завета их Ордена.

Григорий поднялся на ноги, его взгляд, оторвавшись от холста, устремился на мозаичное панно, выложенное над входом в его храм. На нем был изображен Лазарь в саване, стоящий живым у входа в свою усыпальницу, его лицо скрыто под капюшоном, защищающим его от солнечного света. Христос стоит перед этим восставшим из мертвых человеком, его руки простерты к его новому ученику, а его последователи взирают на это с удивлением, очень похожим на то, с каким на Григория взирают его последователи.

Когда Распутин повернулся к Руну, в его глазах стояли слезы.

— Я помогу тебе в поисках Книги, друг мой, и, если воля Божья будет иной, никакие тяжкие муки не будут уготованы тебе, пока ты находишься в границах моей страны.

Глава 49

27 октября, 18 часов 08 минут
по московскому времени
Санкт-Петербург, Россия

Стоя в нескольких шагах от алтаря, Джордан не сводил глаз с собравшихся внутри храма.

Он не доверял ни одному из них. Ни Распутину с его безумным смехом и причудливыми забавами, ни похожим на потерявшихся животных прихожанам, которые в конце концов предпочли укрыться в тени храма, ни даже Руну. Он видел перед собой его глаза, одержимые жаждой крови, вспомнил, как он, словно лев на упитанного теленка, смотрел на Эрин.

Хуже всего было то, что, подвергнись она нападению, Джордан ничего не смог бы поделать. Практически он был в капкане: прислужники Григория повисли бы у него и на руках, и на ногах, и его сила в такой ситуации была бесполезной — он ничего не мог бы сделать с ними.

Его внимание привлекли раздавшиеся в алтаре крики. Молодые прихожане Распутина, переговариваясь вполголоса, втаскивали в неф деревянный стол и четыре тяжелых неуклюжих стула, казавшихся с виду неподъемными, однако мальчишки так легко справлялись с ними, словно они были сплетены из тростника.

В отличие от одетого в пасторское облачение Распутина, его прихожане были в обычной одежде для улицы: джинсы или темные брюки со свитерами. Если не знать, кем они были, их без труда можно было принять за истомленных зубрежкой русских школьников, пришедших в храм с родителями.

Но Джордан-то знал, кто они такие.

— Давайте сюда. — Распутин, выйдя из алтаря, направился к столу, ведя за собой остальных и приглашая Джордана следовать за ними. Безумный монах быстро расположился на стуле и, подобно чопорной пожилой даме, разгладил ладонями свою рясу. — Присоединяйтесь ко мне.

Эрин, выбрав место, села. Джордан опустился рядом с ней, оставив последний свободный стул Руну.

Сергей поставил на середину стола громадный серебряный самовар. Другой юноша из распутинской паствы принес тонкие чайные стаканы в серебряных подстаканниках.

— Чаю? — предложил Распутин.

— Нет, спасибо, — пробормотал Джордан.

После того что произошло с Руном, у Стоуна не было никакого желания пить или есть что-либо, к чему прикасалась рука Распутина. Он, будь это возможно, не дышал бы и одним с ним воздухом.

Эрин тоже отказалась, но по тому, как она прятала сжатые ладони в вытянутые рукава своего свитера, было видно, как сильно она замерзла и как сильно ей хочется выпить чего-нибудь согревающего.

— Рун, а твои спутники мне не доверяют. — Распутин обнажил в улыбке квадратные белые зубы. Его клыки были удалены, но и это обстоятельство, по мнению Джордана, не делало его менее опасным.

Никто из сидевших за столом не ответил на его шутливое замечание. По всей вероятности, этот вопрос, насколько можно доверять Распутину, никогда даже и не обсуждался.

Григорий повернулся к Руну.

— Ладно, шутки в сторону. Почему вы решили, что Евангелие может находиться в моем городе?

— Мы полагаем, что оно могло быть доставлено сюда русскими войсками в конце Второй мировой войны.

Ладони Руна лежали на столе, как будто он был готов отдернуть их и встать на ноги: либо для того, чтобы драться, либо — что было бы наиболее вероятным — бежать.

— В столь давние времена?

Кивком Рун ответил на его вопрос.

— А куда они могли бы деть эту Книгу?

— Знай они, что попало к ним в руки, они, возможно, отнесли бы ее к самому Сталину. — Распутин положил локти на стол. — Но они этого не знали.

— Ты в этом уверен?

— Конечно. Если бы они доставили ее в какое-то важное место, я знал бы об этом. Я ведь все знаю.

Рун потер свой указательный палец, ту его часть, которая вставляется в кольцо карамбита, когда это оружие пускается в ход.

— За последние сто лет, Григорий, ты почти не изменился.

— Как мне кажется, ты намекаешь на мою гордыню, потвоему, это грех, который всегда возбуждал в тебе тревогу за судьбу моей души. — Распутин покачал головой. — А помоему, тревожить тебя должна *твоя собственная* гордыня.

— Я постоянно помню о своих грехах, — ответил Рун, склоняя голову.

— И ты все еще, каждый божий день, страдаешь из-за глупостей этой епитимии?

— Может, мы не будем копаться в наших грехах? — нахмурившись и сжимая пальцами свой крест, осадил его Рун.

— Ну что ж. — Распутин подался вперед. — А разве не грехи наши определяют то, кем мы являемся? Как это получается, что один или два момента проявления слабости порождают такое громадное преступление, за которое приходится рассчитываться веками служения?

Хотя Джордан в целом и был согласен с тем, что говорил Распутин, но подозревал, что моментов проявления слабости у самого Распутина в свое время было значительно больше двух.

Рун сжал губы.

— Я здесь не для того, чтобы обсуждать с тобой грехи и их искупление.

— А жаль. — Распутин посмотрел на Эрин. — Ведь мы с Руном в те годы вели столько просветительных и назидательных бесед...

— Мы здесь для того, чтобы найти Евангелие, — напомнила ему Эрин. — А не ради просвещения.

— Я помню об этом, — с улыбкой сказал Григорий. — Расскажите мне, где они взяли эту Книгу и когда.

Немного поколебавшись, Рун решил рассказать правду.

— Мы нашли доказательства того, что Книга находилась в бункере в южной части Германии, недалеко от Эттальского аббатства.

— Доказательства? — Пристальный взгляд Распутина остановился на Джордане, словно он, по его мнению, мог ответить на этот вопрос лучше, чем Рун.

Джордан напрягся под его взглядом. Его инстинктивным намерением было по возможности скрыть от Распутина все, что возможно.

— Я всего лишь мускульная сила и делаю то, что мне приказывают.

— А ведь Россия — большая страна. — Распутин посмотрел на Эрин. — И если вы не помогаете мне, то как я смогу помочь вам?

Эрин, натягивая манжеты свитера на окоченевшие руки, взглянула на Руна.

— Пирс сказал нам, — ответил Рун. — Перед смертью.

У Распутина вытянулось лицо.

— Так он, значит, все-таки перешел к нацистам?

Не дождавшись ответа Руна, Григорий продолжал:

— Он приходил ко мне в самом начале войны. Но тогда моя жизнь не была столь комфортной, как сейчас. — Сделав короткую паузу, он обвел глазами храм, улыбаясь своим последователям, стоящим вдоль блистающих стен. — Хотя даже и тогда мои ресурсы были при мне.

На лице Руна появилось выражение крайнего удивления.

— А чего ради он пришел к тебе?

— Рун, ведь мы когда-то были близки друг к другу. Пирс был первым, ты — вторым, я — третьим. Неужто ты и вправду этого не помнишь? — В его голосе ясно слышались обида и затаенная злость. — А куда еще он мог пойти? Кардинал угрожал ему отлучением, если он не прекратит поиски Книги. Так что, побывав у меня, Пирс отправился к нацистам просить помощи, которую я не смог ему предоставить. Он отказался прекращать поиски. От одержимости не

так-то легко избавиться, в чем ты и сам можешь удостовериться, вспомнив свою историю с леди Элисабетой.

Рун, отвернувшись от него, ответил:

— Кардинал Бернард не мог предпринять ничего подобного в отношении Пирса.

Но чуткое ухо Джордана уловило, что эти слова Рун произнес без свойственной ему уверенности. Стоун, практически не зная кардинала, понимал, насколько важна для него троица, о которой говорилось в пророчестве. Для кардинала падре Пирс не имел в данном сценарии никакой роли.

Как же он ошибался...

— Рун, ведь тебе неизвестно, — продолжал Григорий, — что твой драгоценный кардинал вовсе не такой, каким ты его считаешь. Помнишь, это ведь он отлучил *меня*. За совершение греха не большего, чем твой грех. И ведь я не отнял жизнь у того, кого я пытался спасти.

— О чем вы вообще говорите? — прервал их Джордан, у которого было такое ощущение, что он вошел в зрительный зал на середине кинофильма.

Эрин выпрямилась на стуле, догадываясь, о чем идет речь.

— Вы имеете в виду сына царя Николая? Мальчика по имени Алексей?

Распутин посмотрел на нее с печальной, но благодарной улыбкой.

— Этот бедный ребенок страдал. И кончилось тем, что он почти умирал. Что мне оставалось делать?

Сейчас Джордан вспомнил эту историю. Сына царя в свое время поручили заботам Распутина. Подобно многочисленным внукам королевы Виктории, он страдал от заболевания, известного под названием «королевская болезнь» — гемофилия. Согласно историческим данным, только Распутин мог дать ему облегчение во время случаев обильного и болезненного внутреннего кровотечения.

— Ты должен был дать ему возможность умереть естественной смертью, — объявил Рун, — вручив себя милости

Божьей. Но ты не смог. Да и потом ты не раскаивался в своем грехе.

Джордан представил себе, как Распутин превращает мальчика в монстра, но не позволяет ему умереть.

— И именно за это тебе нет прощения, — заключил Рун.

— А почему ты думаешь, что мне нужно прощение кардинала? Зачем оно мне?

— Я думаю, что мы слишком отдалились от темы, которую собирались обсудить, — прервал их полемику Джордан. Старинные разногласия Руна и Григория не могли сдвинуть их спор с мертвой точки. — Так вы поможете нам найти Книгу?

— Для начала расскажите мне, как умер Пирс. — Распутин взял в свои руки руку Эрин. Она хотела было вырвать ее, но передумала, хотя должна была исполнить свое первоначальное намерение. — Пожалуйста.

Она рассказала ему о обо всем, что произошло в бункере, рассказала о том, как Пирс умер в лодке.

Распутин поднес к глазам большой полотняный носовой платок.

— А как ты объяснишь это, Рун?

— Милостью Божьей, — слова Корцы были простыми, но произнес он их страстно, с душой.

— Объясните что именно? — спросила Эрин, глядя то на одного, то на другого.

— Пирс осквернил себя, нарушив обет тем, что создал и выкормил этих *богомерзких* тварей. За это он должен был бы сгореть на солнечном свете и превратиться в пепел. — Распутин сложил свой носовой платок и спрятал его в одном из потайных карманов своей рясы. — Именно это и происходит со всяким стригоем, которому не удается вкусить крови Христа. Неужели Рун ничего не сказал вам об этом?

Корца не сказал им о многом. Сказал лишь о том, что солнечный свет убивает их, но не сказал, что они в нем сгорают. Джордан вспомнил, как заботливо Надия приподнимала плащ над лицом Пирса, вспомнил ее страх, когда она поворачивала его так, чтобы он мог в последний раз взгля-

нуть на солнце. Его смерть казалась мирной, спокойной — никакого насилия, скорее это был добровольный уход. Простил ли Бог ему в конце концов все его грехи или ему было достаточно того, что благословенная кровь Христа все еще текла по его венам, не давая ему сгореть и превратиться во прах? Стоун подозревал, что они так никогда и не узнают верного ответа — ведь в этот момент у них были более важные заботы.

— Книга, — упрямо твердил Джордан. — Давайте говорить о Книге.

Распутин выпрямил спину, похоже, он и сам намеревался перейти к обсуждению интересующего всех вопроса.

— Этот немецкий бункер был расположен далеко к югу. Вам известно, *когда* русские войска могли добраться до него? Будь у меня временная шкала...

Джордан старался припомнить свою историю, надеясь на то, что Эрин прервет его потуги своим ответом.

— Последнее крупное немецкое соединение на юге сложило оружие двадцать четвертого апреля, но русские, возможно, проводили зачистку до формального объявления капитуляции Германии восьмого мая. — Он мысленно произвел подсчет, оперируя этими датами. — К середине мая русские производили формальное разделение Германии на оккупационные зоны и железный занавес уже опускался. Я могу предположить, что команды русских, перед которыми была поставлена задача «тащи все, что увидишь», действовали примерно до двадцатого мая, хотя не исключено, что русские обследовали подобные бункеры и до этой даты, и после нее.

Распутин смотрел на него взглядом, в котором ясно читалось уважение.

— Да, в истории вы разбираетесь неплохо.

Джордан пожал плечами, но не замолчал, а продолжал говорить — ведь их задачей было найти Книгу и всем троим покинуть Россию живыми.

— Я довольно подробно изучал Вторую мировую войну и время, в которое она происходила. Я многое слышал от своего деда, который сражался на ее фронтах. Но, касаясь

нашего дела, могу сказать, что этот бункер находился далеко на юге и располагался в уединенном месте. Учитывая время, необходимое на то, чтобы добраться до него, время на то, чтобы проникнуть в него, и время на обратный путь — необходимо было убраться из этого района до того, как американские войска начнут его патрулирование, — я бы взял на себя смелость предположить, что наиболее вероятным временем, когда русские проникли в бункер, являлся период между двадцать восьмым мая и вторым июня. Я, конечно же, не исключаю возможности весьма существенной погрешности в своих рассуждениях.

Эрин удивленно посмотрела на него, словно для нее было неожиданностью услышать от него что-то полезное.

— Впечатляюще, сержант. — Распутин откинулся на спинку стула. — Эта информация весьма ценная. Хотя на то, чтобы найти Книгу, уйдет уйма времени.

Интересно, откуда Распутину стало известно, что Стоун сержант? Эта мысль прочно засела у Джордана в голове.

— А что ценного в этой информации? — поинтересовалась Эрин. — Какой смысл в этих датах?

— Прежде всего скажите мне, что вы прячете в карманах своего плаща, дорогая госпожа доктор.

Значит, ему известно и то, что Эрин имеет степень доктора наук. Джордан понял и то, что речь идет о кусках бетона в ее карманах, в который была замурована Книга. Выходит, что ему все известно!

— Я носом чувствую то, что у вас в карманах, — пояснил Распутин.

Эрин посмотрела на Руна. Тот согласно кивнул, и она достала из кармана кусок бетона.

— Мы полагаем, что это могло служить защитной оболочкой Книги.

Распутин протянул руку, и Эрин медленно положила обломок на его ладонь. Он провел большим пальцем по тонким линиям копоти, осевшей по краям обломка, по которым можно было понять, что это часть уничтоженной взрывом оболочки.

Джордана внезапно осенило. Как это раньше не пришло ему в голову?

— Если вы достанете детектор нахождения следов взрывчатого вещества, я смогу использовать этот обломок для поиска других объектов, на поверхности которых имеется тот же набор химических элементов. Если этот кусок действительно является частью защитной оболочки Кровавого Евангелия, то и на самой Книге мы сможем обнаружить следы химических веществ, образовавшихся в результате взрыва. Если, конечно, сама Книга не была уничтожена взрывом.

Рун, которого потрясли последние слова Джордана, снова положил руку на крест. Похоже, падре даже и не представлял себе возможности того, что Книга может быть уничтожена и что они, возможно, рискуют своими жизнями, разыскивая то, что, может быть, уже разнесено взрывом в клочки и превращено в пепел.

Распутин кивком подал знак Сергею, тот сразу выступил вперед.

— Поезжайте с моим личным помощником. Он поможет вам раздобыть то, что вам требуется.

— Мы ездим только все вместе, — ответил Джордан, не двигаясь с места.

18 часов 17 минут

Распутин нахмурился, затем рассмеялся. Эрин не предполагала, что его смех все еще вызывает у нее такое же отвращение, как тогда, когда она услышала его впервые.

— Очень хорошо, — сказал Григорий. — Тогда напишите подробное задание Сергею.

Последний вынул из заднего кармана блокнот со скрепленными спиралью страницами и ручку.

Эрин, взяв со стола кусок бетона, опустила его обратно в карман, опасаясь, что Распутин может его украсть. В нем безошибочно угадывался человек, не упускающий удобного случая. Он и так уже знал слишком много. Знал, что Эрин имеет степень доктора, знал, что она вместе с Руном

и Джорданом ищет Книгу и что они, возможно, и являются той троицей, о которой сказано в пророчестве. А жадный блеск его глаз, который она заметила, когда Джордан, перечисляя вероятные даты разграбления бункера, также навел ее на мысль о том, что ему должно быть наверняка известно, где находится Книга.

Было совершенно ясно, что Распутину доставляет удовольствие заставлять их плясать под свою дуду, как дрессированных обезьян, а вдруг это нечто большее, чем злорадство или простое недоброжелательство?

Их хозяин встал и жестом указал на черную палатку, стоящую в задней части храма.

— Давайте посмотрим на камни мостовой, на которых лежал царь. В честь него этот храм и возведен.

Эрин, встав, подвинула свой стул к столу. Джордан и Рун сделали то же самое. Они пошли вслед за опустившим плечи Распутиным, выстроившись на манер сангвинистской триады: Рун впереди, Джордан справа, Эрин слева.

Распутин остановился перед палаткой. Четыре полированные колонны поддерживали балдахин, высеченный из мрамора и витиевато украшенный в русском стиле: черными цветами и завитушками. В небольшое отверстие в палатке, полог над которым был приподнят, виднелся участок обычной дороги, мощенной серым булыжником. Продуманное сочетание повседневной обыденности с церковной пышностью напомнило Эрин, почему это громадное здание было воздвигнуто именно здесь, — для того чтобы увековечить память об убиенном царе. Она сравнила высоко парящие потолки над приделами и богато расписанные золотом изразцы в храме с простыми земляными насыпями и гранитными плитами на Пискаревском кладбище.

Да, некоторые смерти увековечивались более пышно и выразительно по сравнению с другими.

Несколько распутинских прихожан подошли и встали полукругом за их спинами, как будто привязанные невидимыми нитями к своему пастырю.

— Я часто приходил сюда во время блокады Ленинграда, — сказал Григорий, положив руки на край доски деревянной рамы палатки. Рукава его рясы опустились почти до локтей, выставляя напоказ обросшие густыми черными волосами запястья и предплечья. — Церковь была недействующей. Ее святость снова перешла к Риму. Но само здание вполне годилось для складирования покойников. Они и использовали его как морг в зимнее время. Трупы складывали вдоль стен.

Эрин всю передернуло, она представила себе замороженные трупы, уложенные, как туши на бойне, в ожидании прихода весны, когда их можно будет предать земле.

— По мере продолжения блокады число трупов возрастало, их доставляли сюда на санках, которые тащили живые. Лошади к тому времени уже были съедены. Мертвецы прибывали сюда, словно новорожденные из родильных домов, — голыми. Каждый лоскут одежды надо было сохранить, чтобы обогревать с его помощью тех, кто еще был жив. — Распутин внезапно заговорил хриплым шепотом. — Сам я жил в подземной усыпальнице. Никому и в голову не приходило прийти сюда, чтобы посмотреть на трупы. Их было слишком много. По ночам я выходил и считал их. Вам известно, сколько детей умерло в блокаду? Не только от холода, хотя он был нестерпимо жгучим и, как говорят, унес немало жизней. И не просто от голода, хотя он явился причиной смерти многих. И даже не от рук нацистов, которые сеяли смерть с неба и разбрасывали ее повсюду по земле. Нет, даже не от них.

У Эрин сжало горло.

— *Стригои?*

— Они набросились, как туча чумной саранчи, пожирая души слабых и голодных людей, пребывающих здесь. Мне удалось выбраться отсюда, добраться до Рима и попросить помощи. — Распутин посмотрел на Руна, который, не выдержав его взгляда, опустил глаза. — В той войне церковь соблюдала нейтралитет, но сангвинисты никогда не прекра-

щали бороться против стригоев. Они и до сих пор с ними борются.

Эрин обхватила себя руками. Стригои нашли легкую добычу в этом осажденном городе.

— Из Рима я вернулся ни с чем. Мне пришлось силой пробиваться через линию фронта для того, чтобы снова оказаться в этом городе, который я так любил и который война буквально превратила в склеп. И когда мне попадались умирающие дети, я спасал их, забирая в свой приход. С помощью своей собственной крови я создал армию, которая защищала моих людей от этого проклятия.

Распутин жестом руки, прикрытой черным рукавом, указал на своих псаломщиков и служителей, стоявших неподалеку.

— Вы видите перед собой лишь нескольких из тех детей, что потерял Ленинград. Это ангелы, которые не умерли в грязи.

Они переступали с ноги на ногу, их блеклые глаза неотрывно смотрели на него — смотрели с поклонением.

— Доктор, а вы знаете, сколько людей погибло здесь?

Эрин покачала головой.

— Два миллиона. Два миллиона душ в городе, в котором прежде проживало три с половиной миллиона человек.

Эрин никогда прежде не сталкивалась с кем-либо, кто видел страдания и знал величину безвозвратных потерь русских.

— Я очень сожалею.

— Я не мог оставаться в стороне. — Распутин сжал свои мощные руки в кулаки. — Именно *это* и побудило меня к действию. Судьба более суровая, чем отлучение от церкви. Речь шла о спасении детей. Скажите, доктор, а как бы вы поступили на моем месте?

— Ты же не спас их, — возразил Рун. — Ты превратил их в монстров. Лучше бы ты дал им возможность идти в царство Божье.

Распутин игнорировал реплику Руна, его глубоко посаженные голубые глаза пристально смотрели на Эрин.

— Вы можете смотреть в глаза умирающего ребенка, слышать, как затихает его сердцебиение, — и при этом ничего не делать? Зачем Бог дал мне эти возможности, как не для того, чтобы использовать их для спасения невинных и непорочных?

Эрин вспомнила, как она слушала, как постепенно затихало, а потом и вовсе остановилось сердцебиение ее сестрички. Вспомнила, как она молила отца отвезти их с матерью в больницу, вспомнила, как молила Господа спасти ее. Но ее отец и Бог выбрали другую судьбу этому невинному ребенку — позволили ей умереть. То, что Эрин не смогла спасти свою сестру, преследовало ее всю жизнь.

Она сунула руку в карман и коснулась пальцами лоскутка одеяльца. Вот если бы она обладала такой смелостью, как Распутин... Вот если бы она использовала свой гнев на то, чтобы бросить вызов отцу, выступить против его толкования воли Божьей... Ее сестра, возможно, была бы сейчас жива. Могла ли Эрин обвинять Распутина в том, что ей хотелось сделать самой?

— Ты развратил и испортил их. — Рун коснулся ее рукава, словно чувствовал охватившее ее горе. Распутин, опустив глаза, следил за его рукой. — Ты же не спас тех детей. Ты не дал им возможности обрести вечный мир рядом с Господом.

— Ты уверен в том, что говоришь, друг мой? — спросил Распутин. Он отвернулся от палатки и посмотрел в лицо Руну. — А ты сам обрел хоть какой-то мир, служа церкви? Когда ты предстанешь перед Богом, у кого душа будет чище? У того, кто спасал детей, или у того, кто превратил в чудовище женщину, которую любил?

Глаза Распутина в этот момент были устремлены на Эрин.

Она задрожала, почувствовав некое предостережение в этом мрачном взгляде.

Глава 50

27 октября, 18 часов 22 минуты
по московскому времени
Санкт-Петербург, Россия

Прежде чем Рун смог ответить на оскорбительный упрек Григория, их разговор прервали. Глаза всех, кроме глаз Эрин и Джордана, повернулись в сторону богато украшенного входа в храм. И снова чувства Руна были оскорблены отражением мерцающих свечей на бесчисленных изразцовых плитках, полированном мраморе колонн и позолоченных поверхностях.

Помимо всего этого он услышал приближающееся к наружной стороне двери сердцебиение. Его ритм был ему знаком, *но почему* — ведь между слежением за ритмическими пульсациями сердец Эрин и Джордана и сигналами от перегруженных до предела органов, реагирующих на внешние раздражители, он не мог предположить ничего, что могло бы так резануть слух.

Затем раздался стук.

Эрин с Джорданом тоже обернулись, заслышав этот сильный требовательный стук костяшек пальцев по дереву двери. Григорий поднял руку.

— Ага, кажется, ко мне пожаловали еще и другие гости. Прошу у вас прощения.

Его мрачные прихожане, окружив Руна и его спутников, повели их к апсиде.

Рун не сводил с двери пристального взгляда, напрягая все свои органы чувств в попытке угадать, кто этот таинственный гость, но сейчас запахи крови и горелой плоти, исходившие от прихожан Григория, окутывали и его тоже. Удрученный неудачей, он глубоко вдохнул и произнес про себя молитву о ниспослании терпеливости в пору бедствия и несчастий. Однако молитва не принесла желаемого успокоения.

Григорий незаметно проскользнул в вестибюль, исчезнув из поля зрения, и, открыв дверь, вышел в густые холодные сумерки.

— Мне надоело, что нас постоянно пасут, — сказал Джордан, касаясь локтем Эрин.

— Как коров, — поддержал его Рун.

— Нет, не как коров, — возразил солдат. — Как *быков*. Надо же мне сохранить свое достоинство. Хоть как-то.

Они стояли в ожидании, Эрин, скрестившая руки на груди, выглядела самой спокойной из троих. Доверяла ли она Григорию, обещавшему сдержать свое слово не причинять им зла? Разумеется, она не была настолько глупой. Рун старался не вслушиваться в ее сердцебиение, а уловить то, что говорилось там, возле дверей. Но Григорий и его запоздалый гость отошли слишком далеко.

— Вы думаете, он действительно знает, где находится Книга? — обратилась Эрин к своим спутникам, ясно давая понять этим вопросом, насколько мало она в действительности верит словам Григория.

— Не знаю. Но если она в России, мы никогда не отыщем ее без его помощи.

— А что будет после этого? — задал вопрос Джордан. — Что будет потом? Что предпримет он — в отношении тебя, в отношении нас? Мне кажется, ничего веселого ждать не стоит.

Рун почувствовал некоторое облегчение, увидев, что Джордан понял, что представляет собой этот монах.

— Похоже, что так, — согласился он.

В голосе Эрин по-прежнему слышалась решимость.

— Я думаю, Распутин сдержит свое слово. Но это принесет столько же беспокойства и волнений, как если бы он его не сдержал. Он напоминает мне человека, одновременно играющего в шахматы на многих досках, но все время сохраняющего неизменно улыбчивое выражение своего лица.

Рун согласно кивнул.

— Григорий — человек слова, но вы должны внимательно прислушиваться к каждому звуку, слетающему с его

губ. Он никогда не говорит ничего, не обдумав. А его преданность — это понятие чрезвычайно... *путаное.*

Джордан посмотрел на их молчаливое охранение, выполнявшее свои караульные обязанности, пока троица ожидала, что будет дальше.

— Дела обстояли бы проще, если бы церковь оставалась верна *своему* слову. Она должна была оказать помощь осажденному городу, особенно тогда, когда сюда в поисках пропитания нагрянули стригои. Может быть, тогда мы и не нашли бы в лице Распутина своего врага.

Рун перебирал пальцами бусины своих затертых четок.

— Я сам, обсуждая этот вопрос с кардиналом Бернардом, говорил ему, что Христос не обязывал нас придерживаться нейтралитета в войне, приносящей несчастья и бедствия, и что он обязывает нас бороться против этого всегда и всеми возможными средствами.

Рун не сказал им о том, что намеревался последовать за Григорием, когда тот во время войны возвращался назад, в Петербург. Он был уверен в том, что его неспособность убедить Бернарда оказать помощь осажденному городу была одной из его самых больших ошибок, допущенных им за все то время, что он пребывал в Ордене сангвинистов, — возможно, это было еще хуже того, что он совершил с Элисабетой.

Один из прихожан Распутина приблизился к ним. Сергей. Взгляд его был таким твердым, словно его глаза были стеклянными.

— Так ты признаёшь, что он был прав?

— Даже сломанные часы дважды в день показывают правильное время, — ответил Джордан, сложив на груди руки. — И учти, *быть правым* не всегда означает *быть хорошим.*

На этом их спор и закончился.

Весь последующий час Эрин посвятила изучению мозаичных панно, составляющие их элементы практически не отличались от драгоценных камней, и она останавливалась во всех местах, где могла дотянуться до них рукой, словно прикосновение к мозаике помогало ей понять суть изобра-

жения. Что касается Руна, то ему стало невмоготу взирать на них. Демонстрация таких прекрасных работ на религиозные темы в столь нечестивом и неосвященном месте[1] выглядела в его глазах прямым оскорблением Бога.

Джордан, как и подобает хорошему солдату, вернулся к столу, сел и, положив голову на столешницу, решил поспать, поскольку других дел у него не было. Практичность Джордана буквально привела Руна в восторг, но сам он не мог позволить себе подобного спокойствия и хладнокровия. Напрягая свои органы чувств, Корца пытался уловить то, что происходило за пределами церкви; прислушивался к ритму жизни города, погружающегося в ночь, к стихающему шуму автомобилей, к приглушенным шагам, замирающим вдали голосам — и все это на фоне мягкого шепота падающего снега.

Внезапно Рун услышал шаги и громкое сердцебиение кого-то приближающегося ко входу в церковь. Головы охраны разом повернулись, но алтарники и служки Григория, казалось, без труда узнали этого гостя, а потому и не потрудились снова отвести Руна и его спутников в потайное укрытие.

Сергей сбегал в вестибюль и вернулся оттуда с низкорослым остроносым мужчиной с сальными волосами.

— Не так-то легко было раздобыть то, о чем вы просили.

Мужчина подал Сергею пластиковый ящик размером с коробку для обуви в прозрачной заводской упаковке. Тот подал ему свернутые в рулончик банкноты, которые мужчина пересчитал желтыми от никотина пальцами. Снова свернув банкноты в рулончик, он кивнул Сергею и, быстрым незаметным шагом выйдя за двери храма, снова исчез в ночи.

Сергей, повернувшись к ним, и в первую очередь к Джордану, произнес:

— Теперь наш черед преподносить вам подарки, да?

---

[1] Автор, разумеется, применил данный эпитет не к действительному храму Спаса на Крови, а к месту в его повествовании, куда он поместил своих отрицательных героев. Выбор места остается на совести автора.

18 часов 38 минут

Джордан взял ящичек, освободил его от фабричной упаковки, открыл маленький замочек и приподнял крышку. Заглянув внутрь, он даже присвистнул от удовольствия, как будто Рождество уже настало и он получил свой подарок.

— Что это? — спросила Эрин, взяв его за локоть. В воздухе распространились свежие запахи чистого белья и шампуня, напомнившие немецкий отель и их первый поцелуй. — Джордан?

На то, чтобы прийти в себя, ему потребовалась еще одна дополнительная секунда.

— Это то, что я заказывал раньше. — Наклонив коробочку, он вынул из нее голубой электронный прибор, уложенный для безопасности на рельефную подушку из серой вспененной резины. Там же в коробочке лежали пакет с батарейками, ремешки для переноски прибора, инструкция по его использованию и пробоотборники. — Это переносной детектор нахождения следов взрывчатого вещества.

— Он похож на пульт дистанционного управления большого размера. — Эрин пальцем провела по голубому корпусу прибора. — Вот только клавишей здесь маловато.

— С клавишами все в порядке, — успокоил ее Джордан. — При нормальной работе он способен уловить присутствие следов веществ, образующихся при взрыве, в диапазоне нескольких частиц на квадриллион. Например, определить четырехатомную молекулу углерода в черном порохе, определить присутствие в нем аммония и нитрата мочевины. В действительности он может определить присутствие еще многих веществ.

— И как же он работает? — Эрин смотрела на прибор таким взглядом, словно хотела немедленно задействовать его.

— Он использует усиливающие флуоресцентные полимеры. — Морщась от боли в укушенном летучей мышью большом пальце, Джордан вынул прибор из предохранительной упаковки. — Детектор, генерируя ультрафиолетовый луч, фиксирует то, что происходит во флуоресцентной

области после того, как частицы приходят в состояние возбуждения.

— А это опасно? — спросил Рун, подозрительно глядя на прибор.

— Да нет. — Джордан вставил в прибор батарейки и, не прекращая разговора, включил его. — Дай, пожалуйста, тот кусок бетонной оболочки, в которой была Книга.

Эрин достала из кармана то, что он просил, и вложила кусок бетона ему в руку, при этом ее холодные пальцы погладили его ладонь. Джордан не знал, делает ли она это намеренно, но ему казалось, что она могла бы гладить его ладонь в течение всего дня.

— И этого куска тебе хватит? — спросил Рун, прочищая горло.

— Да, этого достаточно.

Джордан внимательно осмотрел следы ожога на одной стороне излома бетона, замешенного на смеси извести и золы. Удовлетворившись тем, что имеющийся у них кусок вполне может быть использован как образец для испытаний, он разложил все необходимое на столе и приступил к работе.

— Мне необходимо произвести калибровку прибора для установления факта, что оболочка была разрушена именно взрывом. Эта операция сделает из нашего маленького приборчика своего рода электронную ищейку.

Он едва успел завершить калибровку прибора, как появился сияющий Распутин. Джордан посмотрел на него напряженно-подозрительным взглядом: все, что делало Григория счастливым, могло стать для них бедствием.

18 часов 46 минут

Эрин повернулась к Распутину, и сразу же рядом с ней возник Рун.

Джордан снова углубился в окончательную настройку детектора следов взрывчатого вещества.

— Добрый вечер! — Распутин встал в центре их группы. Он выглядел возбужденным, и его, казалось, распирало от

энтузиазма, что было для него весьма необычным. — Как я полагаю, оборудование, что мы достали, вас удовлетворяет?

— Вполне, — спокойно, без видимых эмоций, подтвердил Джордан. — И оно практически готово к работе.

— Так же, как и я. — Распутин потер руки и улыбнулся. Вид у него был энергичный и счастливый, как у ребенка, которого сейчас поведут в кафе-мороженое.

— У вас появились какие-либо сведения о Книге? — спросила Эрин.

— Возможно. Я знаю, куда ее могли поместить, если она действительно была доставлена обратно в Ленинград в те числа, которые были названы сержантом.

Распутин подошел ближе, положил ладонь на поясницу Эрин и повел ее в середину церкви. Она, идя перед ним, пыталась сбросить его руку со своей спины. Григорий не более секунды задержал на ее спине свою крепкую, словно сделанную из камня ладонь, а затем с едва заметной улыбкой отвел свою руку в сторону. Смысл этого бессловесного послания был ясен: он сильнее ее и сможет сделать с ней все, что ему заблагорассудится.

Видя это, Джордан собрал детектор, встал и, направившись к ней, встал рядом — то ли под воздействием ревности, то ли беспокоясь за нее. А она вдруг поняла, что это взволновало ее не так сильно, как в Иерусалиме. Жар от его тела, преодолевая столь малое расстояние между ними, согревал ее.

Глаза Джордана потемнели: так этот жар согревал — вернее, жег — и его самого.

Распутин, дойдя с ними до середины храма, остановился. Опустившись на колени на мозаичный пол, он вытащил из него одну плитку, расположенную в центре цветка. Сергей подал ему металлический стержень с крюком, наподобие багра. Распутин сунул заточенный конец в щель между плитками и, одной рукой нажав на стержень, приподнял и вытащил из пола круговой элемент, открыв отверстие ведущей вниз круглой шахты.

С джентльменской галантностью он указал на металлическую лестницу, прикрученную болтами к одной стороне шахты.

Согнувшись над отверстием, Эрин заглянула внутрь, но не увидела дна и только почувствовала идущий из шахты смрадный запах.

Она молча отпрянула и вздохнула.

Им предстояло спуститься вниз.

Снова.

Распутин, опередив Джордана, первым встал на лестницу и начал быстро спускаться по ступеням. Стоун, положив в карман детектор, ждал, когда Эрин будет готова спускаться за ним. Себе он назначил роль буфера между нею и Распутиным.

Она была счастлива пропустить его вперед.

Первым делом Эрин сунула руку в карман и, убедившись, что ее фонарь на месте, последовала за Распутиным. Холод металла буквально ожег ее пальцы и ладони, когда она, хватаясь за перекладины, начала самый долгий в своей жизни спуск по лестнице.

Джордан спускался вниз, держась за ступеньки одной рукой. Старался он показать себя или берег травмированную руку? Рана действительно была глубокой, но он не жаловался.

Перед ним спускался Распутин, следом за ним — его паства.

Все внимание Эрин было занято этим долгим спуском и подсчетом ступеней. Она насчитала более шестидесяти, когда ее ноги, потянувшись вниз, нащупали ледяной пол.

Рун помог ей расстаться с лестницей. Его помощь она не отвергла. Но к этому моменту ее пальцы онемели. Эрин отошла в строну, давая дорогу Джордану, и сунула застывшие руки в карманы.

Джордан, спустившись с лестницы, приветствовал ее радостной улыбкой.

— Когда все это кончится, давай проведем неделю на солнечном пляже. *На поверхности* земли. «Маргарита»[1] за мой счет.

В ответ Эрин улыбнулась и, пройдя, пригнувшись, под ступеньками, принялась зажимать нос, чтобы не дышать царившим внизу едким смрадом, отдающим человеческими испражнениями.

Русские голоса, доносившиеся сверху, снова переключили ее внимание на Распутина, фигура которого замаячила в круге света сразу, как только он оказался внизу. Десять приспешников Григория толпились за его плечом. Вдруг кто-то поставил на место металлическую крышку шахты, погрузив их в полную темноту.

Через полсекунды вспыхнул яркий фонарь Джордана, к которому тут же присоединился свет фонаря Эрин.

При свете этих двух фонарей они поняли, что находятся внутри грязно-серой бетонной трубы, свод которой был настолько низким, что голова Джордана почти упиралась в него. Стены и пол были покрыты промерзшей серо-зеленой тиной.

Эрин всеми силами старалась удержать подступающую тошноту. Она внушала себе, что сможет выдержать это. Летом здесь наверняка было намного хуже.

Лицо Распутина расплылось в отталкивающей улыбке.

— Тут не так приятно, как в древней усыпальнице, верно?

Эрин только покачала головой.

— Не хотелось бы вас огорчать, но этот отрезок туннеля служит в моем понимании также и усыпальницей, — с грустью добавил он. — Каждую зиму бездомные дети Санкт-Петербурга находят пристанище в канализации. Десятки тысяч таких детей. Мы приносим им горячую еду и охраняем канализационные стоки от проникновения стригоев, но этого недостаточно. Эти бедные создания умирают здесь в темноте, а вашей драгоценной церкви, Рун, на это наплевать.

---

[1] «Маргарита» — название алкогольного коктейля.

Корца поджал губы, но промолчал.

Распутин одной рукой одернул складку своей рясы, как это делают леди, оправляя бальные платья, и повел их дальше. Пятеро его прихожан шли за ним по пятам, а другие пятеро составляли арьергард, шагая за Руном, Эрин и Джорданом.

Эрин сосредоточила все внимание на том, куда при следующем шаге поставить ногу и не поскользнуться. Он одной мысли, что она может упасть всем телом на пол, ее буквально передергивало. Эрин чувствовала себя спокойно, видя с одной стороны Руна, а с другой Джордана, хотя их триада не могла бы настоять на своем в случае размолвки с десятком сопровождающих их охранников Распутина — даже с одиннадцатью, если считать его самого.

Рун споткнулся и схватился руками за стену.

— Ты в порядке? — спросил Джордан, направив на него луч своего фонаря.

Алтарники и служители подталкивали их вперед, не давая задерживаться на месте.

Рун не переставая шмыгал носом, как будто постоянно проверяя что-то.

— Вроде бы я чувствую запах *какого-то медведя*? Вот оттуда...

Эрин принюхалась, но не почувствовала ничего.

— Это не *какой-то медведь*, — ответил Распутин, кивком указав в глубь туннеля. — *Та самая* Урса[1] собственной персоной. С тех самых времен. Я думаю, мы должны навестить ее ради прежнего знакомства.

Шедший впереди монах вдруг резко свернул в один из боковых туннелей, и вся троица была вынуждена последовать за ним.

Эрин заметила, как Рун потирает свою правую ногу. Все здесь казалось ей странным и внушало какой-то страх. Джордан тоже наверняка заметил это, потому что снова взял ее за руку.

---

[1] У р с а (*лат.* ursa) — медведица.

Пройдя по туннелю еще несколько минут, она тоже почувствовала этот запах. Выросшая в лесах Калифорнии, Эрин сразу узнала этот мускусный душок.

Медведь.

Джордан сильнее сжал ее пальцы.

Шедший впереди Распутин остановился на месте пересечения двух туннелей.

Так же как и в бункере, это место обозначал знак «Х».

Перекресток туннелей образовывал площадку размером примерно пятьдесят квадратных футов. Четверо кованых железных ворот, запиравших выходы из туннелей, создавали просторную клетку. В металлические конструкции были вделаны толстые древесные стволы причудливой формы, из которых торчали ветви с листьями, создававшими видимость леса. Эта своего рода декорация тянулась по продолжавшимся за железными воротами стенам туннелей, покрытым разноцветными стеклянными мозаичными панно с изображениями деревьев и птиц. Глубокие тона, свойственные драгоценным камням, сочетаемые с искусным оформлением этого помещения, вызвали в памяти Эрин мозаичные картины в расположенном наверху храме.

Несмотря на эту видимую глазом красоту, она не могла подавить подступающую к горлу желчь. Мускусный душок медведя не мог подавить всепроникающую тошнотворную вонь — запах гниющего мяса и старой крови.

Луч фонаря, направленный Джорданом в клетку, высветил черную, покрытую мехом кучу, свернувшуюся на гнезде из серых костей и хвойных веток.

Распутин просунул сквозь железные прутья ворот обе ладони и сжал их.

— Дорогая моя Урса! Проснись!

Темная куча ожила — кости и ветви, на которых она лежала, затрещали — и с каким-то скорбным видом перекатилась на живот. Покрытая рубцами и шрамами морда приподнялась и стала принюхиваться. Затем животное поднялось на четыре прогибающиеся под его массой лапы и с трудом приняло вертикальное положение.

Эрин поразили громадные размеры медведицы. Ее плечи упирались в сводчатый потолок. По ее прикидкам, рост животного, стоявшего на задних лапах, был примерно семь футов в холке и не меньше пятнадцати футов, если бы оно встало на задние лапы[1].

Медведица встряхнулась и, проснувшись окончательно, повернула черные колодца своих глаз в их сторону, раскрывая в зевке горящую розовую пасть, казавшуюся бездонной. В луче фонаря все зубы в пасти выглядели гнилыми, отчего волосы на теле Эрин поднялись дыбом.

И вдруг одним молниеносным прыжком медведица подскочила к ограде и очутилась рядом с ними.

Рун в момент очутился перед Эрин и поднял руки, готовясь защитить ее. Она оценила этот рыцарский жест, однако, сумей медведица сокрушить железное ограждение, спасения от нее не было бы.

— Дорогая ты моя Урса, — проникновенным голосом тянул Распутин, обращаясь к медведице, остановившейся перед ним. — Еще раз покушаешь перед тем, как лечь спать на всю зиму?

Сердце Эрин лихорадочно забилось. Не намеревается ли он использовать *их троицу* в качестве последней пищи для медведицы перед спячкой? Скользнув быстрым взглядом по лицам Руна и Джордана, она поняла, что и они думают о том же. Даже прислужники и алтарники подались назад, соблюдая безопасную, на их взгляд, дистанцию.

Подойдя к воротам, медведица потерлась своей крупной головой о железные прутья, демонстрируя густой черный подшерсток своей серой шерсти. Это было старое животное.

Распутин, просунув руки сквозь прутья решетки, стал почесывать ее за ушами. Медведица пыхтела, обдавая его горячим дыханием, а потом неожиданно обернулась в сторону Руна, уставив на него пронзительный взгляд своих неестественно красных глаз, и громко зарычала.

---

[1] Соответственно 2,1 м и 4,5 м.

— Ага, видишь, она *помнит* тебя! — Распутин пощекотал зверя под подбородком. — А ведь прошло столько лет. Ты только представь!

Рун провел рукой по ноге.

— Я тоже помню ее.

По выражению его лица можно было понять, что воспоминания его не из приятных.

— Но твоя нога вроде бы зажила нормально, — заметил Распутин. — А ты должен был в свое время быть более внимательным.

— Зачем она здесь, Григорий? — в твердом голосе Руна слышалась злость.

— В дикой природе для нее не оказалось безопасного места для зимней спячки, — ответил Распутин. — Ее берлогу могут легко обнаружить люди. В ее возрасте она не сможет быстро проснуться. Да и вообще, Урса заслуживает того, чтобы ей предоставили спокойное место, где бы она могла пережить холодные зимние месяцы.

Закатав длинный рукав своей рясы, Распутин вынул из кармана, расположенного среди ее складок, короткий кинжал и полоснул им по запястью. Из пореза хлынула черная кровь. Он просунул свою мускулистую ладонь сквозь прутья решетки. Животное снова фыркнуло, засопело и лизнуло окровавленное запястье. Длинный розовый язык стал ритмично обматываться вокруг запястья монаха.

Во время всей этой процедуры Распутин бормотал медведице что-то ласковым голосом по-русски.

Эрин, почувствовав отвращение, крепко прижала ладонь ко рту. Джордан с трудом сглотнул заполнившую рот обильную слюну.

Пока медведица лизала руку Распутина, ее огромная передняя нога пнула какой-то круглый предмет, выкатившийся сквозь щель между полом и коваными элементами, украшающими нижний край ворот. Этот круглый предмет остановился возле обутых в кеды ног Эрин. Она навела на него луч своего фонаря.

Человеческий череп.

Судя по узкой полоске кожи, свисавшей с него, тот, кто носил на плечах этот череп, был убит недавно.

Эрин в ужасе отпрыгнула назад.

Заговорил Рун, и в его густом голосе послышались командирские нотки:

— Хватит, Григорий.

Распутин отдернул руку от пасти медведицы и опустил рукав рясы. Обернувшись, он обвел взглядом всех присутствующих.

— Ты что, Рун, спешишь куда-то?

— Мы здесь для того, чтобы найти Евангелие и сразу уйти. — Черные глаза Руна продолжали смотреть на зверя. — Как ты и обещал.

— Именно так я и обещал. — Распутин, достав из кармана рясы носовой платок, обтер им ладони. — Ну, пошли за мной.

Он двинулся назад по туннелю, продираясь сквозь строй своих прислужников, от него пахло кровью и медведем.

Они снова двинулись в путь. Эрин с величайшей охотой уходила как можно дальше от логова.

— Рун, — сказала она, пристраиваясь к нему. — Эту Урсу когда-то называли медведем святого Корбиниана[1]. Вы знаете эту историю?

Рун кивнул.

В свое время Эрин заставляли заучивать имена всех святых и их жития. Святой Корбиниан на пути домой, в Рим, повстречал медведя, который сожрал его мула. После чего Корбиниан с помощью Божьей заставил медведя надеть на себя седло и привезти его домой. Но разумеется, чудовище, которое они только что видели, не могло быть *тем самым* медведем. Этот зверь — богопротивная тварь, а они могут жить очень долго. Корбиниан, встретив на дороге чудови-

[1] Святой Корбиниан — один из первых миссионеров и епископов в Баварии. Жил сначала отшельником на родине; около 718 г., посвященный папой Григорием II в епископы, отправился в Баварию, где проповедовал и строил церкви.

ще, заставил его служить себе — а богопротивные твари чрезвычайно редко подчиняются воле сангвинистов.

Эрин подумала о Пирсе и приученных им летучих мышах, но промолчала.

Джордан, оглянувшись из-за плеча назад, сказал:

— Этот медведь чересчур велик для верховой езды.

— А как вы с ним столкнулись? — снова обратилась Эрин к Руну.

— Восемьдесят лет назад разнеслась молва об одном огромном медведе, который пожирал крестьян в России. Пирс, Григорий и я были посланы для того, чтобы освободить крестьян от этого чудовища.

— Похоже, вы не справились с заданием, — съязвил Джордан.

Распутин, замедлив шаг, примкнул к тройке с намерением присоединиться к их беседе и, похлопав Руна по плечу, объявил:

— Да мы даже и не пытались. Рун выследил, где находится ее зимняя берлога. Пирс был недоволен порученным заданием и вообще отказался делать хоть что-то. Но в дальнейшем мы все-таки проявили некоторое усердие — после того как она чуть не оттяпала Руну ногу.

Корца снова погладил свою конечность.

— На лечение ноги ушло более десяти лет.

— Урса была просто напугана, — вступился за медведицу Распутин. — А вообще-то она добрая душа.

Эрин подумала о груде человеческих костей в ее клетке.

— Лично мне она не кажется особенно доброй, — вмешался в разговор Джордан.

— После того как мы с Пирсом высвободили Руна из ее игривых объятий, она скрылась в лесу. — Распутин покачал головой. — Мы так и не нашли ее. В конце концов нас отозвали обратно в Рим.

— Но сейчас-то ты ее нашел, — возразил Рун. — Может, скажешь как?

— Она сама пришла ко мне, — ответил Распутин. — Однажды, когда я перестал быть сангвинистом и обрел свою

истинную натуру, эта *богопротивная тварь* начала меня искать.

— Мерзость ищет подобное себе, — едко заметил Рун.

— Мы то, что мы есть, Рун. Если вместо того, чтобы драться, ты принимаешь то, что назначено тебе судьбой, ты обретаешь намного больше сил, чем даже можешь себе представить.

— Я не ищу силы. Я ищу благодать и милосердие.

Распутин захихикал.

— И за все века стараний ты уже нашел это? Возможно, *благодать и милосердие*, которые ты ищешь, находятся в твоем *сердце*, а не за церковными стенами.

Рун изо всех сил сжал челюсти.

В течение нескольких минут никто не проронил ни слова. Они ускорили шаг. Единственным звуком, раздававшимся в туннеле, был скрип подошв по грязному льду.

Они миновали еще несколько туннелей, ответвляющихся в разных направлениях, прошли мимо лестниц, ведущих вверх и вниз. Эрин, обычно хорошо ориентирующаяся под землей, на этот раз не смогла бы найти дороги, ведущей к церкви, откуда они спустились под землю. Джордан, казалось, вел в уме какие-то подсчеты, и она надеялась, что он обладает лучшим чутьем и представляет, где они находятся.

Наконец Распутин остановился и поднял металлическую лестницу. Эрин включила свой фонарь, но не смогла увидеть ее верхнего конца.

— Ну все, поднимаемся, — с облегчением сказал Джордан, склоняя голову набок. — Есть у нас хоть какая-либо надежда, что по этой лестнице мы попадем в «Старбакс»?[1]

Не теряя зря времени, они, закрепив лестницу, поднялись по ней. Она вывела их в чистое помещение с бетонными стенами. Эрин радовалась, что смрад и зловоние остались далеко внизу. Она вдохнула полной грудью, прочищая свежим воздухом легкие. Единственным предметом, который находился в этом небольшом помещении, была при-

[1] «Старбакс» — всемирно известная сеть кофеен.

крепленная к одной из стен серая металлическая коробка, из которой к потолку были протянуты кабели.

Не обращая на нее внимания, Распутин прошел к двери из серой пушечной бронзы. Огромным, старинного вида ключом он открыл ее и ввел их в комнату, из которой вела другая дверь, которая, в отличие от предыдущей, открывалась при помощи прикрепленной к стене клавиатуры. Он так быстро прощелкал по ней пальцами, что Эрин, несмотря на все старания, не смогла увидеть цифры, составляющие код.

Толстая стальная дверь, похожая на дверь банковского сейфа на колесиках, открылась. Распутин, не спеша и с осторожностью шагнув за порог, подал знак остальным следовать за ним по темному коридору с выкрашенными охрой стенами. Из этой точки начиналось множество переходов, ведущих в разных направлениях; создавалось впечатление, что еще один шаг, и они очутятся в лабиринте.

Распутин быстрым шагом пошел вперед. Джордан, поняв, что это и есть лабиринт, прекратил свои подсчеты.

Еще через десять минут, за которые они прошли по множеству проходных залов, поднялись по ступеням коротких лестниц и миновали несколько пыльных комнат, Распутин остановился перед непримечательной деревянной дверью с ручкой из черного стекла. Она ничем не отличалась от сотен других дверей, мимо которых они только что прошли.

Откуда-то из глубин своей рясы Распутин вытащил массивное кольцо с висящими на нем ключами и начал искать нужный ключ среди как минимум полусотни других ключей, нанизанных на кольцо.

Нащупав нужный ключ, он всунул его в скважину, Рун тут же встал между Эрин и Распутиным. Джордан занял место возле Эрин с другой стороны. Русские стали полукольцом позади них.

Распутин с усилием повернул ключ в скрипучем замке и распахнул дверь.

— Входите!

Они вошли в полутемную комнату, воздух в которой был пропитан запахами пыли и плесени. У Эрин сразу запер-

шило в горле, и она закашлялась. Интересно, мелькнула у нее в голове мысль, сколько времени прошло с последнего проветривания этой комнаты. По привычке, свойственной ученым, она хотела потребовать защитную маску.

Отойдя чуть в сторону, Распутин потянул за проволоку, протянутую к оголенной лампочке, висящей под потолком. В тусклом мерцающем свете они увидели груды какого-то хлама, лежащего вдоль стен. Комната имела вид гостиной, превращенной в склад ненужных вещей.

— Вот мы и пришли! — Распутин повернулся к своим людям. — Подождите снаружи. Я думаю, нас слишком много для такого маленького помещения.

— Где мы? — спросил Джордан, поморщившись от гудения лампочки у него над головой.

— Мы под Эрмитажем, — ответил Распутин. — Это один из самых больших художественных музеев в мире.

Джордан обвел глазами захламленную, тесную комнату.

— Не очень-то верится в это.

— Это хранилища музея, — недовольным голосом пояснил Распутин. — А вот наверху, где расположен сам музей, — там истинное великолепие.

Эрин почувствовала приступ профессионального мучительного дискомфорта. До нее, как и до большинства людей науки, доходили сведения о плачевном состоянии эрмитажных коллекций, в течение долгого времени находящихся в запасниках, где сами условия хранения являются угрожающими для существования экспонатов, однако она и вообразить себе не могла, что дело в действительности обстоит настолько плохо. Стоило ей сделать шаг вперед, как из кучи, накрытой каким-то заплесневелым тряпьем, выскочила мышь.

Она в испуге отпрянула назад.

— Так что, вот здесь и в таких условиях музей хранит свои запасники?

Распутин молча пожал плечами, как бы говоря этим жестом:

Что значит история для того, кто прожил на свете уже много веков?

Эрин обтерла ладони о джинсы и с отчаянием посмотрела вокруг. Картина в раме, прислоненная к стене и еле заметная под грудой хлама, походила на оригинальную гравюру на дереве Дюрера «Четыре всадника»[1]. Эта бесценная гравюра по дереву валялась в куче сломанного инструмента и старых полусгнивших гобеленов. Черные соцветия плесени почти во весь потолок свидетельствовали о недавней протечке.

— Неужели в музее нет другого места? — не унималась Эрин.

Распутин усмехнулся и дружески подтолкнул локтем Руна.

— А она ничего, верно? Эта Женщина, умудренная Знанием, из твоей триады.

Не отвечая ему, Рун повернулся к Джордану:

— Стоит попробовать здесь твой детектор.

Пока Джордан производил начальную загрузку датчика для обнаружения газа, Эрин не отступала от волнующей ее темы:

— Почему ничего из лежащего здесь не каталогизировано?

Распутин потянул за какую-то грязную тряпку, похожую на старую скатерть, купленную на блошином рынке.

— Осторожно! — Эрин коснулась верхней части перевернутой вверх ногами статуи и провела пальцем вдоль вытянутой ноги. — Это же Роден. «Танцовщица». Это же бесценно.

— Возможно, — согласился Распутин.

Монах подошел к стопкам книг в кожаных переплетах, порылся в них. Страницы и обрывки страниц полетели на пол из его рук.

Эрин закрыла глаза. Она не могла смотреть на это, ей была ненавистна мысль о том, что такой урон может быть причинен артефактам этого музея и его архивным записям.

---

[1] «Четыре всадника» — одна из самых известных работ Дюрера. Она входит в цикл из пятнадцати гравюр на дереве, созданных им для иллюстрации «Апокалипсиса».

Рун тщательно приглядывался к ящикам.

— Григорий, — спросил он, — а почему ты решил, что надо искать именно в этой комнате?

— По датам. — Григорий показал на желтую карточку, закрепленную на стене ржавым гвоздем. — Это одна из комнат, в которой русские войска, вернувшиеся домой в конце мая, складировали сокровища, награбленные в Европе.

— И сколько тут таких комнат? — поинтересовался Джордан, машущий из стороны в сторону детектором, который он окончательно загрузил.

— Несколько, — ответил Распутин.

Кусок отвалившейся от потолка штукатурки пролетел буквально в дюйме от головы Эрин.

— И во всех такой же беспорядок?

Ее голова задела едва горящую мелькающую лампочку.

— Во многих даже хуже.

Огорченно вздохнув, Эрин присоединилась к Руну, занимающемуся осмотром книг.

Они потратили примерно час на осмотр первой группы комнат-хранилищ. Распутинская свита не помогала. Его сподвижники просто стояли в коридоре и курили. *Курение* также не шло на пользу экспонатам, но Эрин полагала, что курение — это всего лишь песчинка в песочных часах, отсчитывающих время неминуемой гибели всех этих сокровищ.

Распутин своей обычной веселостью вызывал у нее раздражение.

— Еще одна внизу, и на этом конец! — объявил он и повел их вниз по сырому коридору.

Следующая комната, так же как и первая, была завалена до потолка смесью из ненужных и бесценных предметов, но здесь хотя бы соблюдалась определенная тематика — военная или относящаяся к военному времени. Эрин смотрела на огромную массу русских флагов, груды шлемов, штыков, составленных в некое подобие пирамид, и что-то лежащее посреди комнаты, похожее на гигантский пропеллер.

Все загроможденное помещение было похоже на пещеру, в стенах которой было прорыто множество гнезд и но-

рок. Они могли потратить всю жизнь на разбор одной этой комнаты и не найти ту небольшую Книгу, которую искали.

И вдруг прибор в руках у Джордана загудел.

Глава 51

27 октября, 19 часов 18 минут
по московскому времени
Эрмитаж, Россия

Джордан издал восторженный крик.

Ну теперь-то мы наконец займемся делом — а вскоре, я надеюсь, выберемся из этой адской дыры.

— Значит, Книга здесь? — Эрин, подбежав к нему, заглянула через плечо, он почувствовал на своей шее ее теплое дыхание.

Стоун должен был сделать шаг в сторону.

— Возможно, я пока не знаю. Но, по крайней мере, показатели прибора обнадеживающие. Обнаружено что-то с химической формулой, близкой к пластической взрывчатке «Нобель 808». А это тип взрывчатки, следы которой я обнаружил на осколке, лежащем сейчас у тебя в кармане.

Он размахивал детектором из стороны в сторону, почти прикасаясь к Эрин. Датчик привел его к изорванному в лохмотья гобелену. Он поднял его и распрямил пальцами смятую ткань, а потом, издав вздох сожаления, разорвал ее напополам.

На этот раз Эрин не ругала его. Она лишь подошла к нему почти вплотную.

Джордан переступил через гобелен, идя в глубь комнаты — куда приказывал идти пикающий детектор. Тот привел его к гигантскому пропеллеру, лежавшему на деревянном ящике посреди комнаты.

— Я думаю, это пропеллер от «МиГ-3», — сказал он, похлопывая ладонью по гладкому металлу. — Их было выпущено всего несколько сот, но в воздушных боях на Восточном фронте им приходилось несладко.

— И это тоже показывает твой детектор? — спросила она.

— Не-е-ет... — Он медленно опустился на колени, продвигая конец прибора вперед. — То, что подает сигналы на детектор, находится *под* этим пропеллером. Возможно, даже в этом ящике.

— Пропеллер нам не сдвинуть, — сказал Рун, качая головой и глядя на Распутина.

Джордан, обернувшись через плечо, посмотрел на других мужчин. Обычно вес подобного чудища могли осилить шесть или семь парней. И обычно такую работу выполняли, разбившись на пары. По двое мужчин стали по обе стороны этого громадного пропеллера, каждый их них подсунул плечо под одну из трех лопастей. По молчаливому сигналу они выпрямились, поднимая со скрипом этот массивный предмет аэронавтики. По их напряженным лицам можно было понять, что этот вес превосходит их физические возможности. Джордан подлез под лопасти, стараясь не свалить всю конструкцию себе на голову, потянулся к ящику, на котором стоял пропеллер, и уставился в его набитое соломой нутро.

О господи...

— Есть там что-нибудь? — спросила Эрин.

По обе стороны от него Рун и Распутин старались приподнять эту стальную тяжесть. И вот пропеллер начал дрожать под их ослабевающими усилиями.

— Все замерли! — закричал Джордан. — Не двигаться!

19 часов 22 минуты

Слыша панику в словах солдата, а также и его участившееся сердцебиение, Рун замер в том положении, в котором находился, точно так же поступил и Григорий. Внезапно налетевший страх полоснул по нему острыми крыльями, его решимость словно распалась на кусочки от одной мысли: *а вдруг пропеллер раздробил Книгу?*

— В чем дело? — встревожилась Эрин. — Моя помощь нужна?

— Нет! — От него веяло соленым запахом страха. — Стойте на месте. Все стойте на месте. Иначе мы все погибнем.

Джордан отполз назад от стены, его сердце буквально трепетало в груди.

Рун ожидал, что пропеллер в его руках станет тяжелее.

Григорий посмотрел на него с озорной улыбкой.

— Ну вот, видишь. Мы работаем рядом друг с другом, в одном шаге от смерти, мой *друг*[1]. Ну прямо как в прежние дни.

Джордан медленно и осторожно поднялся на ноги.

— Вы можете опустить пропеллер обратно. В этом ящике хранятся невзрывоопасные боеприпасы. А этот детектор определяет именно то, что и должен. К несчастью, я нашел бомбу, а не Книгу.

— А ты уверен, что это бомба? — спросила Эрин.

— Это советский реактивный снаряд. И в этом я уверен.

Эрин, как всегда, продолжала спорить:

— А может быть, Книга лежит *под* снарядом...

— Если это так, то вынимайте ее без меня. — Джордан указал рукой на зал. — Простите, парни, но мне думается, что вам надо как можно быстрее перенести эту штуковину в дальний конец комнаты. Если нагрузка на этот снаряд увеличится хотя бы на один фунт, мы все покойники.

— Ты слышал это, Рун? Мы должны соблюдать *осторожность*. — Григорий беззаботно рассмеялся.

Этот смех словно вернул Корцу на несколько десятилетий назад. Григорий был самым безрассудным членом их триады, меньше всего думающим о смерти — не только о собственной, но и о смерти других. Его жизнерадостная храбрость не только много раз спасала Руну жизнь, но также и подвергала ее опасности.

— Вам обоим, наверное, есть смысл уйти отсюда на то время, что мы будем пытаться перемещать его? — спросил Рун.

---

[1] В оригинале слово «друг» написано латиницей — *droog*.

— Это не поможет, — ответил Джордан. — Если снаряд взорвется, он разрушит не только само это здание, но еще и часть прилегающего квартала в придачу.

У Эрин замерло сердце.

— Тогда, как мне кажется, каждый обретет свое место в Царстве Божьем. — Губы Григория искривились в знакомой полуулыбке. — Вся ваша троица, да, Рун?

Все вместе они приподняли пропеллер и медленно перенесли его в заднюю часть комнаты. Джордан с Эрин, поднырнув под лопасти, убирали все лишнее из-под ног переносивших эту тяжесть.

Когда пропеллер оказался на значительном расстоянии от места, на котором он лежал прежде, Джордан помахал переносчикам и знаками велел поместить его на штабель ящиков, стоявших у задней стены помещения.

— А что, если и в этих ящиках тоже хранятся бомбы? — спросил Рун голосом, напряженным после поднятия огромной тяжести этих лопастей.

Джордан уверенно покачал головой, а лицо Эрин побледнело.

— Жизнь — это вечный риск, — начал Григорий, как всегда, с философской сентенции. — Лично я не видел причины, по которой мы могли погибнуть еще тогда, когда перетаскивали эту штуку.

Выбора не было, но имелись сомнения в том, что он может переместить эту массу еще хотя бы на один фут подальше, поэтому Рун последовал предложению Григория — они вдвоем осторожно поставили пропеллер на штабель ящиков. И остановились, словно в ожидании самого худшего.

Но ящики, из которых был сложен штабель, выдержали.

Удовлетворенный содеянным, Григорий подозвал одного из своих служек и велел ему утром разыскать куратора музея и объяснить, *что* они нашли. Рун облегченно вздохнул, поняв, что Распутин осознал всю ответственность и заботится о том, чтобы снаряд был убран.

В течение следующего долгого и изнурительного часа они продолжали поиски в этой и других комнатах, испы-

тывая многократные ложные тревоги, в том числе и безрезультатный осмотр обнаруженной детектором Джордана проржавевшей передвижной муфельной печи, которая в давние времена оказалась рядом с разорвавшейся бомбой.

Волосы Эрин вылезли из-под удерживающей их повязки, толстый слой пыли осел на ее щеках. Рун видел, как хаос, в котором они пребывали, действует на нее. Казалось, ее в большей степени поражало то, что столько бесценных вещей недоступны человеческому взгляду, чем то, что они пока не достигли никаких видимых результатов в поисках Книги.

Григорий относился к поискам со своей обычной настойчивостью и терпением, что было несвойственно его напористому и подчас безрассудному характеру. Этот безумный монах был более аккуратным и пронырливым, чем казался многим из тех, кто его знал.

Прибор в руке Джордана снова запищал.

Эрин бросилась к нему.

— На этот раз деталь автомобиля?

— Надеюсь хотя бы на то, что это не очередной *снаряд,* — ответил Джордан, идя к углу комнаты.

Рун последовал за ним.

Прибор вывел их на полуразвалившуюся ивовую корзину, наполненную кусками парусины, которые когда-то были белыми. Пыль толстым слоем осела сверху, а черные пятна плесени источили прутья по бокам корзины.

Рун поднял лежавший сверху кусок ткани. Столовая скатерть. Он положил ее на письменный столик времен Людовика XVI и потянулся за следующим куском.

— Показания прибора увеличиваются, — предупредил Джордан. — Будь осторожней.

Рун вынул из корзины еще одну скатерть, пачку салфеток и красный нацистский флаг.

Григорий весь напрягся, когда на развернутом флаге появилась черная нацистская свастика. Сколько его соотечественников погибло в борьбе с ордами, над которыми развевался этот флаг?

Рун схватил куски ткани, остававшиеся в корзине, и отбросил их прочь.

Эрин подняла полотняную наволочку, наполненную какими-то странными предметами. Разложив ее на полу, она принялась извлекать их один за другим и осматривать. Затем вытащила из наволочки книгу, но это была немецкая книга радиокодов.

Рун закрыл глаза. А может быть, судьбой было предначертано, чтобы это Евангелие всегда оставалось скрытым от глаз людских? Возможно, так было бы лучше для всех. Возможно, самым лучшим исходом было бы то, чтобы они *никогда* не нашли Книгу. Он открыл глаза. Нет. Они должны ее найти, хотя бы для того, чтобы она не попала в руки велиалам.

Эрин вытащила из наволочки почерневшие жестянки с сардинами — и сразу напряглась.

— Джордан! Рун! Смотрите! — Она держала в руке осколок серого бетона, такой же, как те, что составляли оболочку вокруг Книги.

Джордан провел датчиком поверх осколка. Датчик заверещал.

Дрожащими руками Эрин доставала еще обломки из наволочки, пока та не опустела. Эрин грустно покачала головой. Книги не было.

Рун сжал свой крест, пытаясь подавить приступ отчаяния, переключив внимание на боль от ожога серебром.

Неужели они прошли так далеко по этой стезе, чтобы вновь испытать разочарование?

Джордан провел датчиком своего прибора по обломкам ивовой корзины.

Прибор снова ожил, сигналы, издаваемые им, были четкие и ритмичные, как сердцебиение.

20 часов 31 минута

Эрин вынула из корзины последний кусок обветшалой ткани, подняв его, как погребальный покров. Она затаила дыхание — что может оказаться под ним? Но то, что она увидела, разочаровало и привело ее в смущение.

Что это?

На дне корзины находилось что-то непонятное: какой-то блок из уныло-серого металла примерно один фут в ширину и чуть побольше фута в длину. Она осторожно подняла его. Предмет был очень тяжелым, словно отлитым из свинца.

Джордан провел датчиком детектора по его поверхности. Сигнал прибора чуть ослабел.

— Определенно, это именно то, на что реагирует датчик моего прибора. Видите эти следы ожога? Похоже, это результат воздействия той же самой взрывчатки.

Рун отвернулся, в расстройстве склонившись над крестом.

Но Эрин отказывалась признать себя побежденной. Даже если они ничего не обнаружили, кроме этого предмета, то, по крайней мере, его странность не может не заинтересовать ее. А может быть, это и есть именно то, что они сейчас разыскивают, — не Книга, написанная Христом, а символическая реликвия, кусок древней скульптуры?

Es ist noch kein Buch.

Это не Книга.

Это то, о чем говорил Пирс? Или этот артефакт представляет собой простой кусок свинца, на который попали вещества с поверхностей осколков, когда он находился среди них в наволочке?

Что-то относящееся непосредственно к этим обломкам тоже не давало ей покоя, что-то, с чем она прежде никогда не сталкивалась ни в одном из проводимых ею исследований. Но сейчас в ее распоряжении оказалось больше элементов этого пазла...

Эрин повернулась к Джордану и передала ему в руки металлический блок.

— Подержи его. Я хочу попытаться кое-что сделать.

Она собрала все имевшиеся обломки в одну из старых простыней и отнесла их в зал, где было более просторно. Используя еще и обломки, хранившиеся в ее карманах, она могла более полно воссоздать всю конструкцию. Может быть, тогда она сможет прочитать надпись по-арамейски, выдавленную на одной из сторон этой конструкции. В этот

момент пришедшая ей в голову идея казалась более привлекательной, нежели копание в кучах гниющего хлама.

Эрин знаком попросила распутинскую свиту расступиться, после этого расстелила скатерть на полу. Команда Григория, собравшаяся вокруг, наблюдала за ее работой. Не обращая на них никакого внимания, Эрин занялась обломками. Когда она начала складывать их так, чтобы конструкция приняла свою первоначальную форму, и целиком сосредоточилась на этом, звуки, издаваемые Джорданом и падре, продолжающими тщательный осмотр соседнего помещения, перестали ее тревожить.

Сейчас ее миром стал этот самый пазл.

Через некоторое время рука, коснувшаяся ее плеча, заставила ее вскочить.

— Мы не нашли там ничего интересного, — сказал Джордан. — Мы собираемся перейти в следующее помещение.

— Мне нужна буквально одна минута.

Джордан опустился на пол возле нее.

— Ну а чего достигла ты?

Голая, без абажура, лампочка освещала обломки. Эрин составила из них квадрат размером примерно фут на фут. Состыкованные друг с другом, они образовывали нечто похожее на основание ящика с выдавленными на нем арамейскими буквами.

На левой стороне основания было изображение, похожее на скелет, увенчанный буквой «альфа». С правой стороны можно было рассмотреть профиль упитанного человека, на голове которого, словно корона, красовалась буква «омега». Эти две фигуры, казалось, заключили друг друга в вечные и неразрывные объятия; одновременно с этим их связывала вместе плетеная веревка, обвитая вокруг горла человека в районе нижнего позвонка скелета.

— И что это значит? — спросил Джордан.

Эрин, сделав глубокий выдох, в котором чувствовалось отчаяние, сказала:

— Не имею ни малейшего представления.

Джордан провел пальцем по рисунку и вдруг решительно объявил:

— Я видел этот скелет.

— Что? Где?

Эрин мысленно перебрала все места, где они были вместе: усыпальница в Масаде, бункер, русская церковь...

— Туда!

Стоун вскочил на ноги, как внезапно спущенная пружина, и быстро побежал в комнату, откуда только что вышел, в спешке едва не сбив с ног Распутина.

Эрин ринулась за ним, увлекая за собой Григория и Руна.

— Ну и парочка, — покачал головой Распутин. — До чего же они пылкие и горячие.

Эрин надеялась, что данная ситуация не грозит кровопролитием.

Джордан направился прямиком к корзине и вынул из нее тот самый свинцовый блок. Его поверхность покрывали черные отметины от взрывов. Рукавом своей куртки он стер с него копоть.

— Смотри!

Эрин, взглянув на блок из-за его плеча, сразу же узнала рисунок, который прежде скрывали следы взрывов и копоть.

Со свинцовой плоскости на них смотрел тот же самый оскалившийся в улыбке скелет, позвоночник которого склонялся под углом книзу. Изображения на свинцовом блоке и на бетонной оболочке были идентичными.

Эрин отскоблила остатки известняка и золы, смесью которых было первоначально залито изображение на свинцовой поверхности и которые застыли на ней, словно глина, отпечатавшись на внутренней поверхности оболочки.

Джордан смотрел на нее, прижав ладонь к свинцовой поверхности.

— Это еще одна упаковка? Первая бетонная, а эта свинцовая... Интересно, может ли Евангелие оказаться внутри ее?

20 часов 47 минут

Услышав слова Джордана, Рун застыл на месте, не веря своим ушам. Все происходящее казалось ему невероятным. Он неуверенно протянул руку к свинцовому блоку, понимая, что сейчас поступает так же, как Эрин, — надо *ощупать* предмет, дабы убедиться в том, что он реально существует.

Действительно ли в нем находится Евангелие Христа?

После стольких веков бесплодных поисков он думал, что никогда не найдет его, решив, что его грех с Элисабетой сделал его *недостойным* этой находки.

Джордан передал тяжелый свинцовый блок в протянутые руки Эрин. Она, взяв грязную скатерть, принялась стирать с его поверхности остатки копоти и следов взрывов.

— Я не вижу никаких стыковых швов, — сказала она, взвешивая блок на руке. — Очень прочный. Он похож скорее на скульптуру, чем на коробку или футляр.

Рун сгорал от желания взять у нее находку и подержать ее в собственных руках, но сдерживал себя.

— Готов поспорить, немцы не сомневались, что внутри что-то есть. — Джордан постучал пальцами по отметинам от взрывов. — Похоже, они многократно пытались взорвать его. Поэтому показания прибора настолько четкие.

Григорий терся возле Руна, желая осмотреть находку. Если Книга действительно находилась внутри этого свинцового блока, Распутину ее не видать. Рун встал между Григорием и Эрин.

— Зря волнуешься, Рун, — успокоил его Распутин. — У меня нет никаких иллюзий в отношении того, что сказано в пророчестве.

Пророчество... Рун только сейчас вспомнил о нем. Он никогда полностью не верил ему, особенно после истории с Элисабетой. Но теперь...

— Вы, трое, прикоснитесь к нему, — сказал Григорий. — Посмотрим, откроется ли он после этого.

— Да неужто это может быть так просто? — усомнился Джордан, кладя свою ладонь на блок.

Эрин положила свою изящную руку рядом с его.

Рун колебался, не желая пытаться совершать подобное действо перед Григорием.

Григорий, словно прочитав его мысли, подал знак рукой. Его мрачные прихожане набились в комнату. Угроза их вмешательства стала реальной.

Рун положил свою руку рядом с руками Джордана и Эрин. Женщина замерла на месте.

Ее рука лежала между холодной как лед ладонью Руна и излучающей тепло ладонью Джордана. Эрин не могла поверить тому, что происходит; она, посвятившая свою жизнь науке, стоит сейчас, прижав ладонь к какому-то непонятному свинцовому блоку, в ожидании наступления чуда. Так что все-таки произошло за прошедшие полтора дня? Если бы сейчас Джордан и Рун не стояли рядом с ней, она просто сняла бы свою руку с этого блока и затолкала бы его в карман.

Но они оба стояли рядом, поэтому и она, стоя рядом с ними, пыталась внушить себе, что она попросту потакает им, несмотря на то что понимала ситуацию лучше, чем они.

Она ждала чуда, а ладонь ее тем временем практически заледенела. Она стала мертвой, как у покойника. Мысль о том, что она, Эрин, стала участницей какого-то абсурдного действия, буквально застряла у нее в голове. Книга была *мертвой*, и на русской земле она не оживет.

Эрин вспомнила слова кардинала:

Эту книгу возможно будет открыть только в Риме.

— Да, ничего не поделаешь, — сказал Джордан, убирая свою руку и первым из троицы признавая поражение.

Следующим был Рун, а Эрин, взяв блок, прижала его к груди. Если бы она обладала стойкой верой, произошло бы что-нибудь из разряда чудес?

Она отрицательно покачала головой.

С этим надо кончать.

— Как я понимаю, открыть блок будет нелегко, — задумчиво произнес Джордан.

— Да, это так. — Распутин многозначительно посмотрел на своего ближайшего помощника, Сергея, и *с-виду-юноша* скрылся за дверью.

Эрин старалась не думать о том, куда он мог пойти.

— Давайте соберем бетонные осколки, — предложил Рун. — И пойдем отсюда.

— И куда же вы намерены держать путь? — спросил Распутин, становясь в дверях.

— Григорий, ты, никак, собираешься нарушить данное тобой слово? Ты намерен украсть Книгу и убить нас?

Распутин стоял, широко расставив ноги.

— Если Бог так решит, то я никак не смогу остановить его.

— Здóрово! — воскликнул Джордан, подходя ближе. — Спасибо тебе за оказанную помощь и...

Пятеро прислужников Распутина неслышно подошли к нему и окружили со всех сторон.

— Не будь дураком, — предостерег Распутина Рун, он произнес это таким спокойным тоном, словно они обсуждали маршрут увеселительной поездки. — Ведь ты же знаешь, что у тебя нет возможностей открыть это Евангелие.

— Это-то мне понятно, дорогой мой Рун, — с улыбкой ответил Распутин. По спине Эрин пробежал холодок, причиной чего была отнюдь не российская погода. — В этой пьесе задействованы силы более мощные, чем вы и чем я.

Сергей вернулся в комнату.

Какое-то громадное животное шло следом за ним — мертвый снова ожил.

Беспощадный волк угрожающе зарычал, прижав к голове уши, шерсть вдоль хребта поднялась дыбом.

Перед ними был брат-близнец того волка, которого они убили в пустыне.

За волком шла женщина, ее пальцы по-хозяйски ласкали торс выступающего впереди нее монстра. Движением головы она отбросила в сторону гриву огненно-рыжих волос, под которой скрывалось бледное и знакомое лицо — той самой женщины из леса в Германии.

Той самой женщины, которая стреляла в Руна.

Глава 52

27 октября, 21 час 01 минута
по московскому времени
Эрмитаж, Россия

Рун остолбенел. В его груди словно заполыхало пламя, как будто его снова обожгла боль от серебряных пуль, разорвавшихся в его теле. Как сильно эта женщина была похожа на Элисабету — те же серебристо-серые глаза, высокие скулы, безупречно гладкая кожа, тот же наклон подбородка, та же знакомая улыбка...

Но эта женщина не могла быть Элисабетой. Рун, закрыв глаза, прислушивался к биению ее сердца. И каждый издаваемый им звук убеждал его в том, что эта женщина не его Элисабета, что она и не может быть ею.

Гнев уступил место раскаянию и сожалению. Она воспользовалось своим сходством с его возлюбленной для того, чтобы одурачить его, попытаться его убить. Ее приближенные убили Эммануиля и чуть не лишили жизни их всех.

Джордан заговорил, но Рун уловил лишь конец произнесенной им фразы:

— ...тот самый гость, который увел тебя из церкви сегодня ранним утром?

— Я для всех вежливый хозяин, — ответил Распутин.

Рун открыл глаза и стал рассматривать эту непонятную личность. Сходство было сверхъестественным и необъяснимым, но за ним стояла явная фальшь. Подобно всему, что окружало Распутина, это прелестное лицо скрывало дьявольскую сущность.

Распутинская команда, казалось, была напугана ее появлением. Они кучковались у стены, а не окружали ее кольцом, поскольку даже не осмеливались и подумать о том, чтобы коснуться ее.

— Я вижу, вы совсем поправились, падре Корца. — На лице рыжеволосой мелькнула холодная улыбка.

Ее ледяной взгляд, скользнув по Эрин, задержался на Джордане. Рун услышал, как под этим взглядом застучало его сердце.

Беспощадный волк, лежащий у ее ног, негромко рычал, его красные глаза, неотрывно следящие за Руном, пылали ненавистью. Даже при поверхностном взгляде можно было безошибочно определить, что он и волк, убитый в пустыне возле Масады, были волчатами одного помета. А если так, то знал ли он, кто убил его брата?

Масада.

Рун был почти уверен, что эта женщина с волком, должно быть, тоже была там. На ее руках осталась не только кровь Пирса.

Батория, словно читая его мысли, утвердительно кивнула.

— Такое внезапное выздоровление... Наверное, причиной этого послужила кровь ваших спутников, так сильно укрепившая ваш организм?

— Я пью только кровь Христа.

— Не всегда, — возразила она. — Много лет назад вы развратили одного из моих предков.

— Я уже слышал историю нашей гостьи, — сказал Распутин, тряся пальцем перед Руном. — У нее есть все причины к тому, чтобы быть злой на тебя. После твоей трагической ошибки с Элисабетой одна женщина в каждом из поколений Баториев несет на себе пожизненное проклятие боли и рабской зависимости. И каждая такая женщина должна иметь на себе метку, подтверждающую это.

Незнакомка, оголив свое длинное горло, показала черный рукотворный знак.

И все-таки Рун искал во всем этом что-то лживое. Действительно ли эта женщина из рода Баториев? Является ли она потомком той первой женщины, которую они когда-то считали Женщиной, умудренной Знанием?

Вчитываясь в предзнаменования того времени, кардинал Бернард думал, что Элисабета, согласно пророчеству, и была таковой — Женщиной, умудренной Знанием. В конце он все-таки признал свою неправоту, но ведь были и такие, кто верил в правильность его суждений... Возможно, они принимали указания, исходившие от семейств Баториев,

за предосторожность? А может быть, дело в данном случае заключалось совсем в другом?

Рыжеволосая женщина хотя и переключила свое внимание на Распутина, но глаз с Руна так и не спускала.

— Я беру и *его,* и Книгу. А вы получите вдвое больше.

Рун сощурил глаза. *Кому служит эта странная женщина? Кто поставил ей эту черную метку на горле? И почему?*

Рун мог предположить, что лишь одно существо обладает достаточной силой для того, чтобы использовать Распутина в своих интересах: это мистический предводитель велиалов. Последний человек на земле, достойный держать в руках Книгу.

Корца внимательно рассматривал отметину на горле этой женщины. Видел ли он сейчас отпечаток мужской руки, принадлежащей кукловоду велиалов? По его телу пробежала дрожь. Он молил Бога о том, чтобы кардинал Бернард оказался прав, и о том, чтобы Велиал не смог открыть Евангелие. Ведь нацистам это оказалось не под силу. Да и русским тоже. Возможно, Книга была снабжена собственной превосходной системой защиты.

Но ему была ненавистна сама мысль полагаться на случай.

Рун подсчитал силы. Десять стригоев, Распутин и волк. Стольких ему не одолеть. Даже если он и попытается, Эрин и Джордан, вернее всего, будут убиты. Но, кто знает, удачная возможность может возникнуть и позже. Если он согласится на то, что Батория возьмет его сейчас, он сможет быть рядом с Книгой и попытается завладеть ею. Зная, что никаких других шансов у него нет, он склонил голову в знак согласия.

Распутин, прежде чем заговорить, несколько секунд изучал его лицо, по его голубым глазам было видно, что он занят подсчетами.

— Нет, моя дорогая. Он-то охотно согласится. Я обещал тебе Книгу в качестве акта доброй воли по отношению к тому, кому ты служишь. Но Рун *мой.* Ну а ты, если уж хочешь, можешь взять одного из *людей,* если взамен на это

твой хозяин гарантирует сохранение жизни тому, кого я выберу позже.

— Но ведь нам-то ты обещал совсем другое, Григорий, — Рун старался говорить спокойно, хотя прислужники Распутина крепко вцепились и повисли на нем. — И если ей нужно кого-то взять, так почему не взять меня?

— А правда, — поддержала его Батория. — Почему не его?

Распутин подал знак своим приспешникам, и они, хотя и без особого энтузиазма, подступили ближе к ней.

— Таково мое решение. И, прошу тебя, не испытывай мое терпение.

— Ты же дал нам слово, Григорий, — напомнил ему Рун. — Ты не должен действовать нам во вред.

Батория пропустила слова Руна мимо ушей.

— Извините меня, падре Распутин. — Она сначала внимательно осмотрела Эрин, а затем Джордана. — Я воспользуюсь вашим любезным предложением, но вы предоставили мне очень жесткие условия выбора. Даже и не знаю, кого мне выбрать...

— Выбери меня. — Джордан подмигнул ей. — Со мной тебе будет веселее.

— В этом я не сомневаюсь. — Губы Батории скривились в подобии какой-то ведьминской улыбки. Ее серебристые глаза встретились с глазами Руна. Они горели злобным огнем. — Нет, я, пожалуй, возьму эту женщину.

Рун бросился к Батории, но толпа стригоев повалила его на землю, прежде чем он успел сделать первый шаг, и своим весом буквально пригвоздила к месту. Три других стригоя лишили подвижности Джордана.

— Ну что, Рун. — Распутин легонько пнул его носком своего черного ботинка. — Я всегда держу слово. *Всегда*. Надеюсь, ты это помнишь.

Рун сопротивлялся, стараясь освободиться. Джордан рядом с ним тоже старался изо всех сил. Но все было бесполезно. Эрин наблюдала за ними широко раскрытыми глазами. Стригои держали ее за обе руки. Она тоже не могла освобо-

диться. Рун проклинал себя за то, что так глупо доверился Григорию. Это была его вина.

Распутин стоял, уперев руки в бока.

— Батория, дорогая моя, я дал этой женщине слово, что, *пока она в России,* ей ничего не угрожает. И ты, соответственно, будешь выполнять мое обещание. Но этой защите придет конец, как только она пересечет наши границы. Ты можешь делать с ней все, что захочешь, но только вне пределов русской земли.

21 час 04 минуты

Эрин вырывалась из обхвативших ее цепких рук, но не могла сдвинуться даже на дюйм. Еще большее число распутинских приспешников набилось в комнату, наполнив ее запахом смерти.

Рун боролся с повисшими на нем стригоями, пустившими в ход и ногти, и зубы. Ближняя к ним стена уже была забрызгана кровью. Его тело было накрыто целой кучей стригоев.

Джордан, тоже вовсю сражавшийся с напавшими на него, вдруг неожиданно обмяк. Эрин почувствовала удушье. Он убит? Потерял сознание? Она изо всех сил стала пробиваться к нему, но это оказалось невозможным.

Множество рук потянулось к свинцовому блоку. Множество других рук, вцепившись в ее руки, держали их неподвижно перед ее лицом.

Вокруг шеи Эрин защелкнулся холодный ошейник, и приспешники Григория сразу отступили от нее на шаг. Она рванулась к лежавшему ничком Джордану, и сразу же острые шипы вонзились ей в горло. По шее потекла кровь.

Хватая ртом воздух, она остановилась. Пульсирующая боль в шее казалась невыносимой. Ошейник был с шипами — такой же, как строгий ошейник для собак, хотя шипы были заточены острее — для того чтобы их проникновение в кожу было более болезненным. Кто-то просунул палец между ошейником и ее шеей, чтобы шипы вышли из ее тела. Чтобы не закричать от боли, Эрин сжала челюсти.

Стригои, толпившиеся вокруг нее, издавали плотоядные стоны, пожирая своими жадными глазами ее залитую кровью шею. Тот, кто держал ее, беспрестанно облизывал языком губы.

— Хватит! — заорал Григорий.

Держа в руке кожаный ремешок, он протиснулся к Эрин. Привязав один конец ремешка к ошейнику, охватывающему ее шею, второй его конец он протянул Батории.

— Спасибо, — поблагодарила она Распутина, наматывая ремешок на запястье, и, ухватившись за него второй рукой, натянула его туже.

Эрин сразу почувствовала удушье. Натянутый ремень не давал ей нормально дышать и, стиснув горло, не позволял откашляться, хотя кашель буквально душил ее. Холодные руки сдавили ее руки и ноги. Она чувствовала приближение смерти.

— Ну что ж, мы вроде понимаем друг друга. — Эрин увидела лицо Батории, почти вплотную нависшее над ее лицом. — В России ты будешь ходить по самому краю, за которым тебя будет ожидать мучительная смерть, но слова, данного Распутину, я не нарушу.

Колени Эрин подгибались. Она смотрела в эти холодные серебристые глаза. Неужели они, эти глаза, будут последним, что она увидит перед смертью?

— Надеюсь, ты тоже понял это, падре Корца? — Батория посмотрела на кучу копошащихся тел, под которой был погребен Рун.

Глаза Эрин заволокла темнота.

21 час 06 минут

Погребенный под кучей тел помощников Распутина, Джордан сражался изо всех сил, стараясь для начала сбросить с себя массу тел, которая, прижав его грудную клетку, не позволяла ему дышать. Их острые зубы впились ему в руки и в ноги.

Прошу Тебя, Господи, избавь меня от подобной смерти...

Ответ на его молитву пришел из совершенно неожиданного источника.

— *Прекратить!* — донесся до его ушей слегка приглушенный расстоянием трубный голос Распутина.

По этой команде давление на его грудь мгновенно прекратилось, тела покатились прочь. Горячая кровь сочилась из прокушенных мест на руках и на ногах. Голова кружилась, перед глазами все плыло, но вскоре видимость вновь стала нормальной.

Невероятно сильные руки поставили Стоуна на ноги. Свита Григория поставила на ноги и Руна. Один распутинский помощник все еще оставался лежать на земле, истекая кровью. Похоже, в драке Рун был половчее Джордана.

— Куда эта женщина увела Эрин? — едва шевеля языком, спросил Стоун. Его качало от головокружения, вызванного потерей крови.

— Отсюда не видно. — На лице Распутина сияла его безумная улыбка. — Если Батория не убьет ее по дороге, то я и ума не приложу, где они могут оказаться.

Рун, сплюнув кровь, отер подбородок тыльной стороной ладони.

— Почему ты позволил велиалам увести ее — и Евангелие? Они же безбожники. Ты должен понимать, какие могут быть последствия, если они откроют Книгу.

— А разве, если Книгу откроют сангвинисты, последствия для меня не будут еще более худшими? — На лице Распутина появилось выражение печали. — Ваша церковь, к которой ты, Рун, относишься с такой любовью, обладает великим множеством священных книг, в которых изложено то, что составляет их бесценные архивные секреты, но они никогда не воспользовались ни одним из них ради того, чтобы оказать помощь мне и тем, кто следует за мной.

— Григорий, но ведь пострадает весь мир. Весь мир, созданный Богом.

— Этот мир и сейчас страдает. — Распутин провел ладонью по волосам. — А ваш Бог не ударит палец о палец.

Ваша церковь ничегошеньки не делает. Так же как и ваше человечество.

Рун сделал шаг в сторону Распутина, но его команда снова окружила его, вынудив остановиться.

— Если всем до этого нет никакого дела, — сказал Джордан, — тогда отпусти нас.

Распутин захохотал.

— Он меня восхищает, воитель.

— Как ты решил поступить с нами, Григорий?

— Так, как поступаю всегда. — Повернувшись, Распутин направился к выходу из заполненной комнаты. Он щелкнул пальцами, и его темное окружение повело Джордана и Руна следом за ним. — Я намерен предоставить вашему Богу возможность спасти вас. Ведь ты постоянно обращаешься к Нему с этой просьбой в своих молитвах. Разве не так? Ваше спасение в Его руках.

21 час 12 минут

Хватая воздух, с горящим, как в огне, горлом, Эрин, с трудом переставляя ноги, шла по темному коридору вслед за Баторией, тащившей ее, как собаку, на поводке. Эта хладнокровная мучительница ослабляла натяжение ремня ровно настолько, чтобы позволить жертве дышать, но отнюдь не полной грудью.

В ушах Эрин до сих пор звучали слова Распутина: *«Ты можешь делать с ней все, что захочешь, но только вне пределов русской земли»*.

Если ей не удастся сбежать прежде, чем они покинут пределы России, Батория ее убьет.

А что с Джорданом? Неужели он и вправду убит? Эрин отказывалась в это верить.

Рун был явно жив, когда ее уводили, она видела, как отчаянно он дрался с навалившимися на него многочисленными противниками. А вот Джордан лежал недвижим на полу под грудой тел, распутинские приспешники вцепились зубами в его руки и ноги.

Он не может умереть... не может.

Эрин подняла подбородок, стараясь ослабить давление острых шипов на горло. Даже такое слабое движение стянуло ее шею, причинив боль, близкую к агонии, и затянув взор темной пеленой. Она была уверена, что шипы на ошейнике сделаны из серебра, а сам он предназначен для сангвинистов. Она старалась не думать о том, насколько мучительнее могла бы оказаться эта пытка, если бы ее тело реагировало на серебро, подобно телу сангвинистов.

Батория уверенным шагом шла по коридорам, предоставив своему громадному волку следить за дорогой. Тот размашистым шагом шел вперед, время от времени утыкаясь мордой в пол и принюхиваясь, как это делают обычные собаки. Эрин казалось естественным такое тревожное поведение волка — вероятно, ему было непозволительно вести себя так, как это свойственно обычному животному.

— Почему ты так ненавидишь Корцу?

Голос Эрин, прозвучавший хрипло и неестественно, отозвался в коридоре гулким эхом. Ремень чуть дернулся, ее горло сжалось от страха, но рука Батории при этом не двинулась.

— Этот выродок погубил всю мою семью.

Эрин прибавила шагу, чтобы следовать рядом с ней.

— Так, значит, это правда. Ты являешься потомком *той самой* Элисабеты Батории? А как в действительности Рун погубил ее?

— Он убил ее и обратил в стригоя. Она, удовлетворяя свою потребность, преследовала крестьян, что в то время было неслыханно. Ну а потом, когда она занялась девушками из благородных семейств, венгерский король лишил ее достояния, благородного звания и поручил церкви заняться ею. И с тех пор...

Внезапно замолчав, Батория накрыла ладонью черную отметину на горле.

Сделав несколько шагов, Эрин, прося продолжить рассказ, повторила последние произнесенные ею слова:

— И с тех пор?..

Батория убрала ладонь с шеи.

— Мы, оставшись без гроша, еще и подвергались преследованию. А потом какой-то незнакомец предложил нам что-то вроде способа выживания, предложил способ вернуть утраченное, а также и отомстить. — Она подняла руку и показала крупное рубиновое кольцо, надетое на один из пальцев. — Даже вернул кое-какие ценности, принадлежавшие ранее нашей семье, и наши фамильные драгоценности, которые ему удалось спасти и не дать им пропасть навсегда. Но такой благородной щедрости сопутствовало одно непременное условие: одна женщина из каждого поколения нашей семьи должна была находиться в служении у некоего сурового хозяина, должна была быть накрепко привязана к нему и исполнять все его повеления. Я и есть та самая единственная женщина моего поколения. Таков выпавший на мою долю жребий, и никто не спрашивал, готова я следовать ему или нет.

Последние слова были сказаны с горечью, проникающей прямо в сердце.

Эрин, ошеломленная рассказом, буквально онемела и, лишь пройдя несколько шагов, смогла собраться с духом и снова заговорить. Они подошли к закрытой двери, и Батория, открыв ее, вывела Эрин на грязную лестницу. Вынув из кармана фонарь, она включила его. Ступеньки поднимались на несколько этажей. Подъем обещал быть долгим.

— Входи.

Пропустив вперед волка и втянув Эрин, Батория поставила ее перед собой. С каждым шагом ошейник все плотнее стягивал ее горло. По шее потекла свежая кровь. Эрин пыталась заглушить боль, всеми силами переключая сознание на обдумывание способа побега.

Беспощадный волк поднялся до следующего пролета. На лестничную площадку выходила дверь. Это, возможно, тот единственный шанс, которым ей будет можно воспользоваться.

Когда они поднялись до следующей площадки, Эрин, сделав глубокий вдох и быстро припав к полу, выбросила вперед ноги, обхватив ими колени Батории.

Когда женщина падала вниз по ступенькам лестницы, Эрин, изловчившись, выхватила у нее из рук конец ремешка. Батория с грохотом летела кувырком вниз. Эрин, отскочив в сторону, прижалась к стене. Шипы глубоко впились в ее шею, но сейчас она не обращала внимания на боль. Только бы проникнуть за эту дверь и как-либо запереть ее. Тогда она, возможно, смогла бы выбраться из этого плена и выйти из эрмитажного лабиринта.

На верхней ступени пролета, жалобно воя, сидел волк, словно чувствуя боль своей хозяйки. Его горящие красные глаза пристально смотрели на Эрин.

Она, упав всем телом на дверь, стала лихорадочно ощупывать ее своими связанными руками, пытаясь нашарить ручку, — но безуспешно.

21 час 16 минут

Джордану, которого окружала и толкала по проходу куча сподвижников Григория, вдруг ударил в нос сильный тошнотворный запах того самого огромного медведя. Переставляя ноги, он представил себе человеческий череп, выкатившийся из клетки, и искоса посмотрел на Руна.

Падре кивнул. Он тоже, похоже, понял, что их ждет. Распутин планировал скормить их медведице.

Джордан ожидал удобного момента, но распутинские олухи, окружив его стеной, находились не дальше одного шага от него. Он знал и их силу, и собственную слабость. Нечего и думать о том, чтобы затеять сейчас серьезную драку, — он потерял так много крови, что с трудом передвигал ноги.

Так, значит, вот как ему предстоит умереть — стать медвежьей жратвой? Стоун вспомнил, с каким отчаянием просил у Бога не дать ему умереть от клыков распутинских прислужников. Эти молитвы остались без ответа, но он, как это ни странно, все равно благодарил Бога. Он без раздумий

предпочтет скорее стать медвежьей жратвой, чем погибнуть от клыков стригоев.

Перед ним возникло лицо Эрин, ее губы, ее теплые руки на его теле. Он должен освободиться. Ведь с каждой секундой Батория уводила ее все дальше от распутинского обиталища и приближала ее смерть. Она намеревалась убить Эрин в первую же минуту, как только сможет сделать это, не нарушая слова, данного Распутиным.

И все это для того, чтобы причинить боль Руну.

До конца туннеля оставалось совсем немного, вонь от медведя становилась невыносимой. Джордан увидел искусно сделанные ворота, которые издали можно было принять за лесную опушку.

Медведица дремала внутри клетки. Может, она была слишком усталой, чтобы есть их?

Распутин хлопнул растопыренными ладонями по воротам, подавая зверю сигнал к обеду.

Зверь поднялся на ноги.

Время обеда наступило.

21 час 18 минут

Сгорая от злобы и свернувшись в клубок, Батория катилась вниз по ступенькам лестницы, сброшенная этой проклятой женщиной-археологом. Она собственной спиной прочувствовала грани всех идущих вниз ступеней, пока наконец не оказалась на площадке. Некоторое время она лежала, приходя в чувство.

Наверху над ней раздались два удара. Батория, услышав глухое рычание, поняла, что волк держит под контролем эту мерзкую ученую тварь, и почувствовала удовлетворение, доставленное ей Магором, — удовольствие хищника, загнавшего добычу в угол.

— На место! — закричала Батория, радуясь вместе с волком.

Эта радость помогла ей приглушить боль, которую она почувствовала, вставая на ноги. На лице у нее появилось

несколько уродующих ее кровоподтеков, но ничего более серьезного падение с лестницы не причинило. Она уже столько времени живет с постоянным ощущением боли, что практически не заметила боль от ушибов.

Полная решимости, Батория снова поднялась на один марш, на ту площадку, откуда только что упала. Магор прижал женщину к облупленной двери, положив одну лапу ей на плечо, его клыки почти касались ее горла. Батория чувствовала, что он весь сгорает от желания вцепиться ей в горло, его когти скребли по бетонной стене.

Женщина-археолог наблюдала за ним широко раскрытыми глазами. По ней было видно, что она вот-вот лишится чувств.

Батория удивилась тому, что она еще держится и не валяется в обмороке.

— Пока не надо, мой милый. — Она взяла в руку конец ремешка и натянула ошейник что было силы. — Когда будет можно, обещаю, ты сможешь вдоволь наиграться с ней.

Согнув плечи и с трудом переставляя дрожащие ноги, Эрин поднялась за ней еще на один лестничный пролет.

— Какое отчаянное и безвыходное положение, — с язвительной насмешкой в голосе посочувствовала Батория. — Ведь это совсем не то, чего ты ожидала, отправляясь из Иерусалима на эти отважные дела, верно? Ты наверняка была уверена, что твоя жизнь обретет ценность из-за упоминания о тебе в пророчестве?

Они подошли к боковой двери. Батория открыла ее, перед тем как вытолкать свою спутницу на пустынную улицу. Ветер трепал соболиный мех манто Батории.

— О каком пророчестве ты говоришь? — спросила Эрин, прикидываясь неосведомленной... *но это получилось у нее плохо.*

Чтобы умело врать, надо иметь хорошую практику, которой явно не обладала ее пленница.

Неожиданно схватив Эрин за плечи, Батория прижала ее к корпусу серебристого внедорожника, стоявшего у поребрика. Магор зарычал.

— Не стоит даже и пытаться мне врать. Я ведь не дура. И я не верю в пророчество. А поэтому не думай, что твоя жизнь имеет для меня какую-либо ценность из-за того, что ты упомянута в этой поэме, написанной тысячу лет назад.

Эрин прилагала максимум усилий к тому, чтобы не поскользнуться на обледеневших камнях мостовой. Натянув поводок ошейника, Батория заставила ее встать на цыпочки. Поскользнись Эрин сейчас, острые шипы ошейника могли бы прикончить ее.

Батория посмотрела в обе стороны пустынной улицы. Никаких свидетелей. Но Распутин все равно в курсе всего происходящего. Пока Батория находится на русской земле, она не чувствует себя в безопасности от него.

Ослабив поводок и открыв дверцу внедорожника, она втолкнула Эрин на заднее сиденье. Магор прыгнул в машину следом и сразу притиснул свою морду почти вплотную к горлу пленницы. Своим влажным от слюны и пены языком он принялся слизывать с ее шеи кровь, вытекающую из проколов, сделанных шипами ошейника.

Эрин едва сдерживалась, чтобы не закричать. А она — ничего, смелая, подумала Батория, но ведь и у нее существуют пределы.

— Спокойно, Магор. Если кардинал верит, что ей предназначена какая-то особая судьба, мы сможем воспользоваться ею хотя бы как пешкой в предстоящей нам игре.

Эрин, отвернув лицо от волка, ответила ей негромким, но твердым голосом:

— Я не думаю, что кардинала хоть каким-то образом волнует моя судьба.

— Значит, ты не совсем хорошо знаешь этого кардинала. — Батория улыбнулась. — Как бы то ни было, помни, что пророчество не определяет *состояния*, в котором ты должна пребывать в момент открытия Книги.

Батория ясно увидела в глазах Эрин понимание ситуации и страх.

Здорово.

Возможно, она в самом деле и есть та самая Женщина, умудренная Знанием.

— Возможно, ты понадобишься нам *живой,* — с жестокой улыбкой объявила Батория. — Но *не раненой.*

Она покачала головой и снова улыбнулась.

Нет, не раненой.

Глава 53

27 октября, 21 час 20 минут
по московскому времени
Под Санкт-Петербургом

Стоя в туннеле возле клетки, Рун смотрел на Урсу, а Урса смотрела на Руна. В ее красных глазах горела прежняя злоба, ее ненависть к нему не стала слабее за прошедшие сто лет. С ее морды капала слюна, ее невероятно длинный и черный, как резиновый жгут, язык беспрестанно облизывал губы.

Корца подозревал, что медведица еще помнит вкус его плоти. Он почувствовал пульсацию в ноге и испугался, как бы та вдруг не начала подгибаться. Его нога тоже помнила медведицу.

Григорий охватил пальцами кованные из металла ветви дуба, украшающие ворота.

— Если Бог любит тебя, Рун, Он поможет тебе уйти от медведя живым. Ты помнишь урок Даниила и львов?[1] Возможно, твоя приверженность вере сделает так, что ее рот не сможет открыться.

Рун не рассчитывал, что для него все кончится так просто.

Он внимательно смотрел на плитки, которыми были облицованы стены камеры, обращая внимание на стыки туннелей и не находя ни трещин, ни каких других изъянов в

[1] Распутин имеет в виду «Книгу пророка Даниила» из Ветхого Завета, где рассказывается, как Даниил был брошен в ров со львами, ревущими от голода, но Бог за его приверженность вере сделал так, что львы не тронули Даниила.

стенах, обещающих хоть какую-то надежду на выход из клетки.

Он перевел взгляд на кованые железные ворота. При открывании они разделялись посредине на две половины и распахивались на манер французских дверей. Два толстых железных штыря, установленные по обе стороны ворот и наглухо заделанные в бетон пола и потолка, служили опорами обеих створок ворот. Зазор, примерно равный одному дюйму, проходил по всему периметру ворот, а расстояние между стержнями и коваными украшениями створок не превышало нескольких дюймов.

Однажды Руну уже довелось входить в помещение, из которого не было выхода.

Горячая рука Джордана опустилась на его плечо. В его голубых глазах Рун прочитал немой вопрос. Солдат метнул незаметный взгляд в сторону Григория и стригоев, он предлагал Руну стать насмерть и дать бой до того, как Руна затолкают в клетку к медведице.

Чувство благодарности переполняло грудь Корцы. Джордан был настоящим Мужем-Воителем во всех отношениях.

— Спасибо тебе, — прошептал Рун. — Но не нужно.

Джордан отступил на шаг назад, в его глазах был испуг — но боялся он не столько за себя, сколько за Руна.

Не имея сил дальше терпеть это издевательство над человеком, Корца повернулся к воротам.

— Я готов, Григорий.

Часть прислужников повисла на руках Джордана, другие, вцепившись в Руна, держали его на том месте, на котором он стоял. Григорий тем временем открывал мощный стальной замок и распахивал створки ворот.

Руна подтащили к воротам и втолкнули в клетку.

Голова Урсы повернулась в его сторону.

— Ну, любовь моя, — обратился к медведице Григорий, — играй с ним, пока тебе не надоест.

Отойдя назад и пригнувшись, Рун стал ходить кругами вокруг медведицы. Помещение клетки было большим: примерно пятьдесят на пятьдесят футов. Он должен был с тол-

ком использовать это большое пространство. Медведица, стоя на задних лапах, терлась плечами по потолку, поэтому перескочить через нее Рун не мог.

Под его ногой треснула ветка, и воздух сразу же наполнился запахом хвои — это был единственный природный запах в пещере-лежбище. Корца с удовольствием вдыхал его.

И вот Урса сделала выпад. Ее громадная когтистая лапа с неестественной скоростью описала дугу в воздухе.

Это не стало неожиданностью для Руна. В то, давнее время свою левую лапу она всегда пускала в ход первой. Сейчас он, поднырнув под нее, швырнул свое тело вперед по полу и по инерции выкатился на середину комнаты.

Впереди что-то блеснуло. Бросившись вперед, Корца быстрым движением схватил с пола этот предмет. *Фляжка со священным вином.* Еще один сангвинист был принесен в жертву в жуткой берлоге. Быстро, но внимательно осмотревшись по сторонам, Рун нашел и другие подтверждения этого: нагрудный крест, серебряные четки, обрывок черной сутаны.

— Пусть Господь помилует твою душу, Григорий, — обратился к нему из клетки Рун.

— Господь уже давно отвернулся и от меня, и от моей души! — громко прокричал Григорий, припадая к прутьям ворот. — Точно так же он поступил и с тобой.

Урса повернула морду туда, где был Рун. А он продолжал осматривать берлогу. Если погибший здесь сангвинист был вооружен, очевидно, где-то должны быть обломки его оружия. Если бы он смог...

Урса снова изготовилась к прыжку.

Рун, собрав волю в кулак, следил за ней.

Под дрожал под ее лапами. Корца слышал, как ее старое, взволнованное охотничьей страстью сердце тяжело и шумно билось.

Когда Рун почувствовал на своих щеках ее смрадное, отдающее мертвечиной дыхание, он неожиданно бросился на пол и растянулся на нем на спине плашмя, а прыгнувшая на него Урса по инерции перелетела через него. Густые

черные космы шерсти, покрывающей ее брюхо, мгновенно прошли волной по его лицу. Рун поднял вверх свой серебряный крест и держал его под животом медведицы, отчего шерсть на ее брюхе стала гореть и дымиться.

Урса заверещала. Ожог, причиненный ей Руном, не сильно ее травмировал, но медведица поняла, что перед ней не мошка, которую легко можно раздавить.

Джордан приветствовал действия Корцы одобрительными выкриками.

Рун покатился по полу, протянув руки к предметам, которые он приметил еще раньше. На полу лежали два деревянных копья с серебряными наконечниками. Это уникальное вооружение было ему знакомо. Здесь нашел свою смерть его собрат по вере — Джианг. Рун наблюдал, как тот часами практиковался с этими копьями под землей, в древних захоронениях Рима, где у сангвинистов был дом.

Все еще одурманенная ожогом, Урса вертела головой из стороны в сторону. Рун, пригнувшись к земле и сохраняя завидное спокойствие, оценивал свое положение на поле боя, водя взглядом по берлоге. Похоже, в голове у него начало возникать что-то вроде плана, потому что он вдруг метнулся к железным воротам, дальше всего расположенных от места, где стоял Григорий.

Урса, уловив это его движение, метнулась за ним со всех ног.

Припадая то на одну, то на другую ногу и совершая обманные движения перед самой ее мордой, Рун вдруг ударил по ней копьем и откатился в сторону.

Громадная туша медведицы со всего маху врезалась в ворота и выбила один из двух поддерживающих створки стержней, который выскочил из гнезда в полу. Угол створки согнулся. Образовавшаяся щель была слишком узкой для того, чтобы Рун мог, протиснувшись сквозь нее, выбраться из берлоги, но он и не намеревался бежать от разъяренного зверя.

Корца подвел бегущую за ним Урсу к тому месту, где стояли Григорий и Джордан, наблюдавшие за кровавым поединком. Она неотступно преследовала его. Рун проделал

прежний маневр, но на этот раз медведица, видимо, запомнила прежний урок и внезапно остановилась, не добежав дюйма до ворот. Ей удалось, взмахнув когтистой лапой в воздухе, нанести удар поперек спины Руна — как раз в тот момент, когда он отскакивал от нее. Удар получился бреющим, но когти, пропоров защитную куртку, все-таки врезались в мышцы спины.

Рун с трудом выдохнул — в этом шумном выдохе присутствовали и боль, и пренебрежение к ней.

А Урса, сев на задние лапы, поднесла к пасти переднюю лапу, обильно залитую кровью Руна. Не спуская с него своих крошечных глаз, она, пыхтя от удовольствия, слизывала с когтей и шерсти каждую ее каплю.

Корца следил за ней, стоя в дальнем конце берлоги, возле поломанных ворот. Он ничего не чувствовал, кроме запаха железа, присутствующего в его крови. Он поместил одно копье на свою кровоточащую спину: один конец закрепил поясным ремнем, а второй пропустил через воротник. Это позволило ему держать копье под рукой, а вторая рука оставалась свободной. Затем переломил древко второго копья о колено и воткнул обе его половины в землю.

Опустившись на колено, Рун склонил голову и стал читать молитву, прижавшись губами к своему нагрудному кресту, приводя ум в спокойное состояние. Он сразу почувствовал ожог губ, и эта боль помогла ему достичь одной необходимой сейчас цели — сосредоточиться на себе.

Он коснулся лба указательным пальцем.

— *Во имя Отца...*

Дотронулся пальцем до грудины.

— *И Сына...*

Коснулся своего левого плеча, затем правого.

— *И Святого Духа.*

После этого приложил большой палец к указательному, поцеловал его, поднял две половины разломанного копья и стал ждать атаки медведицы.

Она подошла.

Он зашептал:

— Осеняю себя крестным знамением и прошу Тебя, Господи: избавь меня от врагов моих.

Урса обрушилась на него, едва не подмяв его своей тушей.

В последний момент Корца, подпрыгнув к потолку, распластался всем телом на нем и прилип к нему так, как могут только сангвинисты, оказавшись в пространстве между спиной медведицы и сводом крыши. Зазор между его телом и медвежьей спиной составлял всего несколько дюймов.

Урса, находящаяся под ним, со всей неистовой силой обрушилась на ворота. Второй опорный стержень, закрепленный в полу, вылетел, и ширина зазора между двумя створками сделалась больше фута. Если бы Рун пожелал вдруг бросить здесь Джордана, он легко мог бы уйти через образовавшийся в воротах проход.

Но Корца и не думал о бегстве с поля боя. Вместо этого он, перевернувшись в воздухе, свалился на ошеломленное животное. Урса не успела даже тряхнуть своей ничего не соображающей головой, как Рун пронзил одну ее косматую лапу половиной разломанного древка копья.

Он правильно выбрал цель и не промахнулся. Под воздействием массы его тела и силы инерции кусок древка с серебряным наконечником, пройдя сквозь лапу, глубоко вошел в гнездо в полу, в котором до этого был укреплен опорный стержень ворот.

Медведица взвыла от невыносимой боли, которую причиняла ей рана и жжение серебряного наконечника.

Урса еще не опомнилась от того, что произошло с ее лапой, как Рун, спрыгнув ей на спину и оказавшись с другого ее бока, схватил в правую руку второй обломок древка. Он пронзил ее вторую лапу, и кусок дерева, пройдя через медвежью плоть, вошел в отверстие в полу, служившее гнездом для установки второго опорного стержня ворот. Обе передние конечности медведицы оказались пригвожденными к полу.

Урса всем телом рухнула вперед, ее морда, просунувшись в зазор между двумя створками ворот, оказалась в туннеле.

Тело и вытянутые в разные стороны передние лапы образовали на полу некое подобие креста.

Фактически Рун распял медведицу.

Она громко выла.

Рун, вскочив ей на голову, достал из-за спины целое копье и, поцеловав серебряный наконечник, вонзил его в глаз медведицы, а затем продвинул его дальше, в мозг. Умирая, Урса затряслась, тело ее вытянулось. Видя, как перестало пульсировать в груди ее древнее сердце, Рун понял, что она умерла.

Господь с тобой.

Склонив голову, Корца осенил крестом массивную тушу животного. Когда он заканчивал молитву, красное сияние уцелевшего глаза медведицы стало меркнуть. Скоро глаз почернел.

Немало столетий прошло, прежде чем он наконец освободил медведицу от ее постылого рабства.

21 час 33 минуты

Джордан почувствовал, что руки его свободны. Он посмотрел вокруг себя удивленным взглядом, а потом обтер руки о куртку, словно стирая с них следы, оставленные руками распутинских прихвостней, державших его.

Интересно, сдержит ли этот русский монах свое слово и позволит ли им с Руном уйти? Если нет, то Стоун готов драться плечом к плечу с Руном.

Распутин вышел из ворот клетки, его голубые глаза были широко открыты.

— Да, Рун, Бог и вправду любит тебя. Ты, в чем я не сомневаюсь, один из самых близких к нему существ.

Корца, опустившись на колени, собирал с пола пожитки: четки, серебряный крест и фляжку. Джордан был уверен, что все эти вещи прежде принадлежали другому сангвинисту, убитому медведицей.

Распутин открыл замки на воротах клетки.

Рун испытывал к Распутину такую жгучую ненависть, что монах отступил от него на шаг назад. Его сподвижники незаметно исчезли куда-то, словно их сдуло ветром.

— Куда Батория забрала Эрин? — спросил Рун, чеканя каждое слово.

— В Рим, — каким-то неестественно скрипучим голосом ответил Распутин.

Рун пристально посмотрел на него, словно ища другое лицо, на котором можно будет увидеть правду.

— Григорий, так мы решили здесь твои проблемы с Богом?

Распутин склонил голову.

— За что ты так относишься ко мне, Рун? Твой дорогой Бернард стремился *следовать* этому пророчеству. В прошлом он толкнул тебя к Элисабете, которая в его понимании была Женщиной, умудренной Знанием... а ее муж — тем самым могучим Воителем. Теперь-то ты видишь, чем обернулось его вмешательство. — Он воздел к небу руки, словно моля о прощении. — Сегодня я и сам просто хотел *проверить* правдивость этого пророчества и выяснить, являешься ли ты и вправду одним из тех, о ком оно говорит. И Господь помог тебе одолеть медведицу.

— И вот я перед тобой, — ответил Рун. — Но на этом твое испытание еще не закончилось, верно? Ведь именно поэтому ты и отослал Эрин отсюда. Ты разлучил наше трио для того, чтобы проверить, сможем ли мы трое снова найти друг друга и исполнить свой долг. Таким образом, ты снова бросаешь вызов Богу, как ты уже раньше бросил вызов церкви.

Распутин отрицательно покачал головой.

— Вовсе нет. Я бросаю вызов только тебе, мой друг. Тебе, которого церковь любит столь же сильно, сколь сильно она ненавидит меня.

Повернувшись на каблуках, Распутин взмахом руки приказал своей пастве отойти в сторону, освобождая для Руна и Джордана путь к свободе.

Стоун, пройдя вперед, дождался, пока Рун поравняется с ним. Вместе они прошли сквозь строй недругов. С каждым

шагом раны на теле Джордана болели все сильнее и сильнее. Волосы у него на затылке встали дыбом. Он напрягся, ожидая нападения сзади, что было бы, по его мнению, финальным актом предательства Распутина.

Но никто их не потревожил.

— Ищи свою женщину, Рун — закричал им вслед Распутин. — Подтверди этим, что церковь вручает веру в те самые праведные руки, обагренные кровью.

Рун широким шагом шагал по туннелю к храму Спаса на Крови, не обращая внимания на то, что его собственная кровь с глухим звуком капает на промерзшую землю позади него.

Часть V

И поют они новую песнь, говоря: достоин Ты взять книгу и снять с нее печати: ибо Ты был заклан, и кровию Своею искупил нас Богу...

Откр. 5:9

Глава 54

28 октября, 14 часов 55 минут
по центральноевропейскому времени
Рим, Италия

Эрин дернулась во сне, преследуемая кошмаром. Она всматривалась в окружавшую ее темень, но, несмотря на все усилия, не могла рассмотреть ничего. Только сейчас она поняла, насколько отчаянным и безысходным является ее положение, это вернуло женщину к действительности, возбудив в душе леденящий ужас, который еще более усилил ее паническое состояние. Она постаралась пошире раскрыть глаза, но это ни к чему не привело. Место, в которое ее поместили, было настолько темным, что ей стало совершенно безразлично, открыты ее глаза или закрыты.

Эрин прижала к щекам ладони, удивляясь, как она вообще могла уснуть. Утомление и полная утрата связи с реальным миром, похоже, окончательно овладели ею.

Сколько же времени я проспала?

Эрин вспомнила, как прошлой ночью летела сюда из Санкт-Петербурга на частном самолете. Похитители все время держали ее лицо под опущенным капюшоном, но она слышала, о чем говорили находящиеся рядом с нею, и по-

няла, что конечной точкой их перелета был Рим. Они находились в воздухе примерно четыре часа. После приземления и примерно часа езды по шоссе они въехали в предрассветный город. Эрин слышала звуки автомобильных сирен, крики и брань на итальянском языке, чувствовала запах Тибра, когда они пересекали город по одному из главных мостов.

Если она не ошибалась, они ехали в направлении государства Ватикан.

Что задумала Батория?

Что она собирается делать со мной?

Внедорожник, встречавший их у взлетно-посадочной полосы, обслуживающей частные самолеты, внезапно остановился, и Эрин, лицо которой было по-прежнему закрыто капюшоном, вывели из машины на холодный утренний воздух. Даже через опущенный и закрывающий почти все лицо капюшон Эрин легко определила, что до восхода солнца было еще далеко.

Выйдя из машины, они спустились под землю и пошли по туннелям, лестницам и трапам, ходьба по последним была наиболее трудной, поскольку идти приходилось почти вслепую. Передвигаясь подобным образом в течение часа, они, должно быть, пересекли подземный мир Рима. Эрин достаточно хорошо знала этот город и понимала, что значительная часть античного мира все еще существует под его поверхностью — в виде связанных между собой катакомб, винных погребов, усыпальниц и тайных церквей.

Но куда может привести их этот путь?

По окончании поездки Эрин затолкали в темную камеру, ее шею все еще сжимал этот проклятый ошейник с шипами. Минут десять она сидела, прислонившись спиной к стене и обхватив руками колени. Она не слышала, чтобы кто-либо подходил к ней, но когда решилась откинуть с лица капюшон, вдруг обнаружила, что ошейник на ней расстегнут. Сняв, Эрин с радостью отбросила его в сторону. Вскоре после этого она, должно быть, и заснула.

Сейчас, ощупав пальцами шею, Эрин обнаружила, что кожа по всей поверхности покрыта саднящими струпьями.

Эрин всегда обладала хорошими внутренними биологическими часами, и сейчас, по ее прикидкам, в надземном мире должно было быть что-то около полудня.

Она напрягла свои остальные органы чувств и услышала неторопливую капель, эхо которой навело ее на мысль о том, что за стеной ее камеры находится пустота. Воздух был застоявшимся и затхлым, в нем чувствовался сильный запах плесени. Эрин нагнулась и провела ладонью по полу. Камень. Кончики ее пальцев нащупали следы, оставленные зубилом.

Похоже, усыпальница?

Эрин сунула руки в карманы куртки. Ну конечно, фонарик они забрали, зато лоскуток от одеяла сестры по-прежнему лежал в боковом кармане джинсов. По крайней мере, хоть это осталось при ней.

Быстро опустившись на колени, Эрин стала водить ладонями по полу из стороны в сторону, постепенно увеличивая размах и поднимая тучи пыли, покрывающей толстым ковром все вокруг. У нее уже начали слезиться глаза, несколько раз она чихнула. Пыль, в которой утопали пальцы, казалась чем-то вроде смеси древесной трухи и мелкого песка.

Продолжая делать круговые движения руками по полу, Эрин вдруг почувствовала под пальцами круглый предмет. Подняв его, она положила находку к себе на колени. Кость. Ее пальцы нащупали то, что не могли видеть глаза. Череп. У нее перехватило дыхание, но она все-таки продолжала водить пальцами по его поверхности: удлиненный нос, небольшая черепная коробка, длинный загнутый передний зуб.

Явно не череп человека. И даже не череп стригоя. Гигантская кошка. Возможно, лев.

Сев и прислонившись спиной к стене, Эрин задумалась над своей находкой. Должно быть, она сейчас находится в одном из римских цирков, на арене, где гладиаторы и рабы

сражались друг с другом и с дикими зверями. Но животное, которому принадлежал найденный ею череп, было похоронено вместе с остатками того, что было на арене в тот момент, когда его лишили жизни.

Эрин сопоставила эти доводы с тем, что подметила по пути сюда по подземным переходам, проложенным под городом.

К государству Ватикан.

Ей было известно об одном цирке, построенном в пещере, расположенной в этом районе. Да и добрая половина строений самого Ватикана была возведена на этом обильно пропитанном кровью месте.

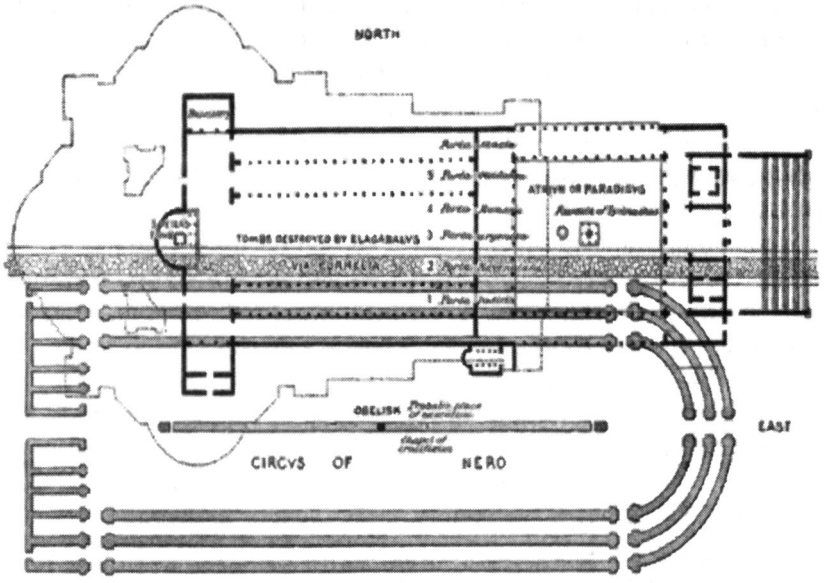
Это был цирк Нерона.

Почти две тысячи лет назад Нерон завершил постройку цирка, начатого Калигулой. Он построил бесчисленное количество ярусов с сидячими местами для зрителей этих жестоких забав. Поначалу он веселил их тем, что, стравливая львов и медведей, как бы приносил жертву богам. Но древние римляне не желали довольствоваться зрелищем погибающих зверей, поэтому император заменил их гладиаторами. В основном они были христианами.

Кровь христианских мучеников вскоре пропитала всю землю арены. Их рвали на куски дикие звери и убивали гладиаторы. Многие из них подверглись распятию. Сам святой Петр был распят кверху ногами на кресте, расположенном возле обелиска в центре арены.

Этот цирк был также известен расположенной под ним широкой сетью туннелей, по которым приводили и уводили пленников, зверей и гладиаторов. Строители также пробили шахты для подъемников, служивших для доставки прямо на арену, а также и с нее, диких зверей и гладиаторов.

Эрин закрыла глаза, мысленно представив себе, как базилика Святого Петра стоит своей частью поверх этого проклятого места. Во время сбора в Риме материалов для диссертации она прочла сочинение, написанное сто лет назад Родольфо Лансиани, — «Рим языческий и христианский». В нем была помещена карта, показывающая, как две эти

структуры проецируются одна на другую — подковообразный цирк внизу и крестообразная базилика сверху.

В подземной тьме эта схема совершенно явственно предстала перед ее мысленным взором.

Если бы Эрин могла выйти из камеры, подняться наверх и снова вернуться во внешний мир, она наверняка оказалась бы рядом с базиликой Святого Петра.

Совсем-совсем рядом.

С удвоенной решимостью Эрин принялась обследовать помещение по всему периметру. Оно было примерно восемь на десять футов, в передней части была смонтирована современная стальная дверь. Никаких слабых мест обнаружить ей не удалось.

Одной ей ничего не сделать — нужна помощь. Два лица промелькнули перед ее мысленным взором: одно бледное, настолько бледное, что черные глаза на нем казались еще чернее, но это лицо всегда излучает благородное устремление; второе — улыбающееся, с румяными щеками и смеющимися глазами цвета ясного неба.

Что может быть сейчас с Руном и с Джорданом? Эрин старалась отогнать от себя эту тревожную мысль — по крайней мере сейчас, в этой кромешной тьме.

Время тянулось так медленно, что казалось ей вечностью. Но вдруг она заметила приближающийся к ней свет. Бросившись к забранной решеткой двери, Эрин прижалась лицом к металлическим прутьям. Четыре фигуры и нечто походившее на громадного волка спускались под уклон по каменному туннелю, один из них держал в руке зажженный фонарь. Волк вышагивал рядом с длинноволосой женщиной.

Батория и ее беспощадный волк.

Следом за ними шли двое мужчин, по виду братья, тащившие за руки, завернутые за спину, третьего мужчину. При его виде у нее перехватило дыхание. Кто это? Джордан? Или Рун?

Подойдя к камере и не говоря ни слова, Батория открыла замок и распахнула дверь.

Эрин вся напряглась. Она хотела скрыться от них, но не могла сделать и двух шагов по туннелю.

Первым в дверь камеры вошел *беспощадный волк*. Батория и двое мужчин вошли следом за ним, принеся с собой волну холодного воздуха. Два брата оказались стригоями.

Они отпустили руки человека, которого тащили с собой. Негромко застонав, тот опустился на пол. Все его лицо представляло собой один большой кровоподтек, заплывшие глаза были закрыты, рукава рубашка и штанины брюк покрыты пятнами засохшей крови.

— Профессор Грейнджер, — произнес надтреснутый знакомый голос с легким техасским акцентом.

Бросившись на колени рядом с ним, Эрин схватила его за руку

— Нейт? Как ты... *почему* ты здесь?

В действительности ответы на оба эти вопроса были ей известны. Ее охватило страшное отчаяние — она поняла, что все это явилось результатом ее недальновидности. Ей никогда не приходило в голову, что велиалы займутся ее ни в чем не повинными студентами. Ну что те могли знать?

И вдруг все в ее голове собралось воедино: она послала *фотографии* усыпальницы и нацистского медальона. Ничего удивительного не было в том, что Батория знала о том, что их группа направляется в Германию.

Что я наделала?

Ответа ни на этот, ни на следующий вопрос она не знала.

— Эмми? — спросила она шепотом.

Нейт пристально посмотрел на нее, в его глазах стояли слезы.

— Я... я не мог защитить ее... меня там не было.

Эрин отшатнулась от него, как будто ее неожиданно ударили по лицу. Она услышала сдавленное рыдание Нейта.

— В этом нет твоей вины, Нейт.

В этом была *ее* вина. Ведь в ее обязанности входило обеспечивать безопасность этих студентов.

— А зачем я здесь, я не знаю, — произнес Нейт хриплым голосом.

Внезапная волна теплоты и привязанности к этому техасскому парню захлестнула сознание Эрин. Она сжала его руку.

— Как трогательно, — осклабилась Батория.

— Зачем ты держишь его? — Повернувшись, Эрин посмотрела на нее, на что незамедлительно отреагировал злобным рычанием *беспощадный волк*. — Как я понимаю, ты получила фотографии. Ведь больше ничего он не знает. Он вообще не связан ни с чем.

— Не совсем так, — поправила ее Батория. — У него есть кое-какие дела *с тобой*.

Чувство вины переполняло Эрин.

— Что тебе надо?

— Разумеется, информацию о *Женщине, умудренной Знанием*. — Батория оскалилась, демонстрируя прекрасные белые зубы и отталкивающую улыбку.

— Я не верю в это проклятое пророчество, — ответила Эрин со всей серьезностью.

Пока что их троица сделала больше ошибок, чем реально полезных дел, и это не вселяло в нее уверенности, что они в действительности исполняют предписанное пророчеством.

— Да? А ведь другие верят. — Батория погладила волка по голове. — Помоги нам.

— Нет.

Она скорее умрет, чем поможет велиалам открыть эту Книгу.

Батория щелкнула пальцами. *Беспощадный волк* прыгнул вперед и, встав передними лапами на грудь Нейта, пригвоздил его к полу. Рука Нейта вырвалась из руки Эрин, а разинутая пасть волка приблизилась почти вплотную к его горлу.

Смысл этого действа был ясен, но Батории хотелось окончательно убедиться в том, что Эрин поняла ее угрозу.

— Мне твой ковбой не нужен.

Батория направила на Нейта луч своего фонаря. Эрин старалась не смотреть на его лицо и водила взглядом по грубым камням стен, по недавно установленной двери со стальной решеткой, черному потолку камеры, высота которого казалась безмерной.

Но ее пристальный взгляд вернулся к Нейту. Он закрыл глаза, тело его тряслось, как в лихорадке, но, несмотря на это, выглядел он настолько мужественным и смелым, что ей захотелось его обнять. Было ясно, что происходящее повергло его в ужас, но о помощи он не просил. Просто ждал.

— Что тебе надо? — спросила Эрин Баторию.

— Хочу знать твои мысли о том, как открыть свинцовую оболочку, под которой находится Книга. — Батория уперла руки в бока и добавила: — Для начала.

— Я не знаю.

Волк зарычал, и его разинутая пасть нависла над оголенным горлом Нейта.

— Знаешь, может быть, *нам* стоит обсудить это, но между собой, — торопливо произнесла Эрин. — Только сначала отгони волка.

Словно повинуясь мысленной молчаливой команде хозяйки, волк поднял морду вверх. Нейт облегченно повел плечами.

Эрин должна была чем-то ответить этой женщине.

— Конструкция свинцовой оболочки наверняка с секретом. А скелет и человек связаны друг с другом веревкой с петлями на концах.

— Так это нам известно. К тому же над головой каждого стоят альфа и омега.

Батория повернулась к одному из братьев — тому, что был выше ростом, покрыт татуировкой и буквально пожирал ее голодными глазами. Он снял со спины ранец, достал из него тяжелый артефакт и протянул его Эрин.

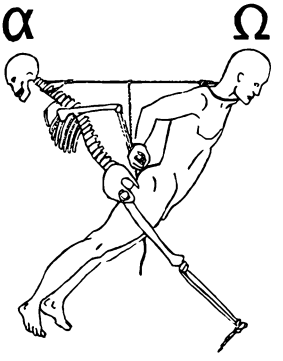
— И что еще ты на нем видишь? — спросила Батория.

Эрин взяла холодный металлический предмет, стараясь не коснуться пальцев этого покрытого татуировкой мужчины. Ей необходимо было сейчас добавить к ранее сказанному что-либо важное. Но что ей известно о Книге? Она провела пальцами по двум выгравированным на лицевой поверхности скрещенным, держащим друг друга за руки и связанным одной веревкой фигурам — человеческому скелету и обнаженному мужчине.

— В этой Книге описаны чудеса, — начала Эрин. — Чудеса, которые совершил Христос, используя свой божественный дар.

Волк тяжело переступал с лапы на лапу.

— Да знаем мы это, — нетерпеливо прервала ее Батория. — Как нам ее *открыть*?

Не обращая внимания на ее окрик, Эрин продолжала размышлять вслух:

— Чудеса. Например, превращение воды в вино. Или воскрешение из мертвых...

Она вдруг замолчала, лицо сделалось удивленным. Батории в голову пришла та же мысль.

— Все основные чудеса связаны с *превращениями.*

— Вот именно! — Эрин удивилась тому, насколько быстро Батория подметила это. — Это как бы замена одной субстанции на другую: замена вина кровью Иисуса...

— Так, возможно, этот свинцовый блок *и есть* Книга. — Батория мгновенно смягчилась, они, почти прижавшись головами друг к другу, склонились над артефактом — точь-в-точь ученые коллеги, обсуждающие важную проблему. Проведя пальцами по свинцу, она продолжала: — Алхимики ведь тоже постоянно пытались найти способ превращения свинца в золото.

Эрин утвердительно кивнула, поняв ход мыслей Батории.

— Может быть, эти поиски как раз и связаны с той легендой. Какие-то древние намеки на существование этого Евангелия странствуют по временам и эпохам. Так же как превращение свинца в золото.

Серебристые глаза Батории неотрывно смотрели в ее глаза.

— А может быть, и это Евангелие требует подобного превращения. Так, чтобы обычный, ничего не стоящий свинец превратился в сияющую золотом Книгу.

Эрин внезапно вспомнила слова, произнесенные Пирсом в бункере.

Еще нет. Еще не Книга.

Возможно, старый священник разгадал эту загадку за те десятки лет, которые он провисел на кресте, когда ему ничего не оставалось, кроме как размышлять и страдать?

— Я думаю, что ты права, — сказала Эрин, подтверждая кивком свои слова.

— Да, это интересная мысль. Но что представляют собой эти ингредиенты, которыми пользуются алхимики для

осуществления такого превращения? — Батория постучала кончиками пальцев по изображению скелета, выгравированному на свинцовой оболочке. — Я думаю, ответ может дать нам наш костлявый друг, изображенный здесь.

— А что, по-твоему, означает буква «альфа» над его головой? Это должен быть ключ, но к чему? — Эрин внимательно посмотрела на скелет, над черепом которого была выгравирована буква «альфа». Затем она перевела взгляд на обнаженного мужчину, над головой которого была выгравирована другая буква. — А что означает буква «омега»?

— Альфа — скелет, омега — человек.

Сказав это, Батория переместила пальцы на две небольшие впадинки на верхней поверхности блока.

До этого момента Эрин не замечала их. Они были похожи на небольшие гнезда, предназначенные для установки или фиксации чего-либо — возможно, чего-то такого, что и является ингредиентами алхимиков, о которых только что упоминала Батория. Она старалась получше рассмотреть эти гнезда.

Прежде чем Эрин смогла сосредоточить на них свой взгляд, Батория вскочила на ноги, лицо ее мгновенно побагровело — похоже, ее осенило. Она выхватила свинцовый блок из рук Эрин.

— Что? — спросила та. — Что ты увидела?

Батория щелкнула пальцами, и волк отошел от Нейта. Несчастный парень с трудом сел, потирая горло.

Зловещие серебристые глаза с застывшей в них улыбкой уставились на Эрин.

— Спасибо тебе за помощь.

С этими словами она и братья-стригои выскочили из камеры. Щелкнул закрывшийся за ними замок, и свет от их фонаря стыл быстро удаляться в темноте туннеля. Эрин подалась вперед, глядя, как меркнет и пропадает свет. Батория додумалась до чего-то — и похоже, до чего-то важного.

Нейт, прерывисто вдохнув, произнес:

— Она вернется.

Эрин, согласно кивнув, добавила:

— Но нас здесь не будет.

13 часов 35 минут

Рун опустил черный капюшон своей сутаны на глаза, пряча лицо от туристов и от ярких послеполуденных солнечных лучей, освещавших площадь Святого Петра.

Здесь он томился в ожидании вместе с Джорданом.

За площадью, выложенной известковым туфом, возвышалась базилика Святого Петра, вершина ее купола была самой высокой точкой в Риме. Протянувшиеся по обе стороны в форме широких дуг двойные колоннады Бернини образовывали площадку, напоминающую по форме замочную скважину. По замыслу Бернини, эта колоннада должна была олицетворять собой руки святого Петра, протянутые для того, чтобы объединить истинно верующих с лоном церкви и превратить их в паству. Поверх этих рук были установлены сто сорок каменных статуй святых, взирающих с высоты на то, что происходит внизу.

Рун надеялся, что его они не видят. Он и выбрал это место для рандеву, поскольку оно было открыто и освещено солнцем — в общем, там было удобно скрываться у всех на виду, так что если Батория уже добралась до Рима, то ее стригои не смогут подслушать ни одного сказанного им слова. Возможно, в поведении Корцы явно чувствовалась излишняя паранойя, но после того, что произошло в России, он не хотел ничем рисковать.

Джордан закатал рукава рубашки. Раны от истязательств стригоев начинались почти от локтей. Он был великолепно сложен. Вот ведь, и избит, и искусан, но его не оставляет постоянное волнение по поводу Эрин. *Истинный Муж-Воитель*, — думал Рун, пытаясь утешить себя мыслью о том, что ей достался такой защитник.

Он стоял в центре людского водоворота. Какая-то мамаша прижимала к своему бедру толстого малыша. Стоявший рядом с ней молодой мужчина пялился на ее груди, сердцебиение выдавало его реакцию на то, что видели глаза. Группа школьниц в синей форме щебетала о чем-то своем под пристальным внимательным взглядом учителя средних лет в сверкающих очках в красной оправе.

Какая-то женщина в длинных джинсах и черной рубашке с удлиненной талией, мягкой соломенной шляпе и солнцезащитных очках бесцельно шла по заполненной народом площади. Она сделала несколько фотоснимков, затем сунула маленькую камеру в рюкзачок, свешивавшийся с ее плеча. Она была похожа на туристку, но таковой она не была.

Надия.

Наконец-то.

Рун ждал, не осмеливаясь пересечь площадь, — ведь пока она не подавала знака, что находится в безопасности. Ему было до крайности неприятно прятаться за зданиями Ватикана. Рим был его домом в течение многих веков. Этот город был единственным местом во всем мире, где Рун всегда ходил свободно — до нынешнего дня. До того, как начались эти поиски, он считал это место убежищем от мира, в котором можно погрузиться в другой, созерцательно-задумчивый мир, существующий в глубине под базиликой. Станет ли этот мир когда-нибудь вновь доступен для него?

Корца пошел вдоль изгибающейся колоннады к старинному трехъярусному фонтану. Подобно многим объектам в Риме, тот был старше, чем Рун. Маленькая девочка играла в прятки среди дорических колонн, прячась за ними от своей энергичной матери. Похоже, они решили сыграть еще один разок в эту веселую игру, перед тем как отправиться домой, где их ждал обед.

Зоркий глаз Руна углядел на широкой серой глади каменной мостовой красный порфирный камень, который был установлен на месте, где тридцать лет назад стреляли в римского папу Иоанна Павла II. Этот кроваво-красный камень напомнил ему о камнях мостовой, помещенных в раку в храме Спаса на Крови в Санкт-Петербурге, а это воспоминание, в свою очередь, напомнило ему в этом святом месте обо всем, что сотворил Распутин.

Рун остановился возле высокого каменного обелиска. Эта колонна была свидетелем несметного числа распятий христиан в цирке Нерона, в том числе и распятия самого святого Петра. Но с конца 1500-х годов она стала чем-то

вроде центра христианского мира. По долготе тени, которую колонна обелиска отбрасывала на мостовую площади, он прикинул время. До заката солнца оставалось еще примерно два часа. Если вместе с велиалами в Рим прибыли стригои, то эти два часа Рун, Джордан и Надия должны использовать с толком.

Рядом с ним остановилась Надия.

— Где эта женщина?

Она склонила голову к плечу, словно рассматривая крест, венчающий обелиск.

— Эрин, — напомнил ей Джордан. — Ее зовут Эрин.

— Они взяли ее вместе с Книгой.

Рун посвятил ее в то, что произошло в России, в конце рассказа, передав ей четки Джианга и его фляжку, для того чтобы Надия отнесла их в святилище под некрополем базилики Святого Петра, в резиденцию Ордена сангвинистов.

Перед тем как положить фляжку в рюкзачок, Надия на несколько мгновений задержала ее в руке. Ей часто доводилось работать с Джиангом.

— Кардинал уже вернулся в Рим из Иерусалима. После того как он получил известие о твоей предполагаемой смерти, он почти все время проводил в уединении с монахами. Молился.

Чувство вины буквально обожгло Руна. Ему было невыносимо вводить Бернарда в заблуждение. Он знал, что после того, как Надия скажет кардиналу о его смерти, Бернард наверняка загрустит. А после того, как выяснится, что Рун и Надия попросту обманули его, он впадет в ярость и почувствует себя обиженным и уязвленным. Но ведь у них не было иного способа скрыть свои действия от велиальских шпионов, действующих в их среде. В любом случае встретиться с Бернардом лицом к лицу и объясниться с ним будет делом нелегким. Рун посмотрел на возвышающийся над колоннадой грандиозный Апостольский дворец[1]. Несколь-

[1] Апостольский дворец, также называемый Папский дворец, или Дворец Ватикана, является официальной резиденцией римского папы в Ватикане.

ко окон в нем были открыты, через них во внутренние покои проникал свет и свежий воздух.

— Ты можешь провести нас к Бернарду? У нас нет сейчас времени на конспирацию, ведь Книга в руках велиалов.

— И Эрин, — добавил Джордан. — Эрин тоже в их руках.

Глава 55

28 октября, 15 часов 40 минут
по центральноевропейскому времени
Цирк Нерона, Рим, Италия

— А как, по-вашему, мы выберемся отсюда? — спросил Нейт.

Эрин, споткнувшись обо что-то в густой масленой темноте, подошла к нему и, взяв за руку, чтобы хоть как-то подбодрить, ответила:

— Попробуем выбраться *через верх*.

— Что... А как?

Она рассказала ему то, что придумала.

Еще раньше, когда Батория освещала своим фонарем камеру, Эрин пришел в голову возможный вариант побега. Разумеется, нечего и думать о том, чтобы пробить брешь в каменной кладке стен, да и дверь, собранная из новых стальных стержней, выглядит неприступной, не говоря уже о поле, вырубленном в крепкой скальной породе. Все эти препятствия являются непреодолимыми.

Но вот потолок...

При свете фонаря Батории Эрин заметила, что над камерой нет крыши. Камера представляла собой некое подобие шахты с пересекающимися под прямым углом стенами, которая сверху оставалась ничем не накрытой.

Эрин знала, с какой целью выбран такой вариант постройки. В древние времена римские рабы использовали длинные шесты для прогона содержащихся в клетках диких зверей вниз по туннелю, по которому сама Батория уже неоднократно ходила прежде. Звери были предназначены

для арены, но сперва, выпустив их из клеток, рабы загоняли их в ту самую камеру, где сейчас сидели они с Нейтом.

В те давние времена каменный пол был скрыт под деревянным настилом. За прошедшие века дерево превратилось в труху, которую и почувствовала Эрин, в первый раз проснувшись в камере. Поначалу доски пола, застилавшие всю площадь камеры и образовывавшие платформу, были скреплены между собой гвоздями. С обеих сторон к платформе были прикреплены цепи, перекинутые через установленные сверху шкивы. Цепи перемещались по щелевым направляющим, вырубленным в каждой из стен, формирующих камеру.

Рабы закатывали клетку со зверями на платформу. Затем по их сигналу другие рабы, находящиеся наверху, при помощи хорошо отлаженных подъемных систем, состоящих из блоков, поднимали платформу с установленной на ней клеткой из глубины на арену, построенную вровень с землей.

Эрин и Нейт надеялись на то, что, поднявшись вверх по этой шахте, они очутятся в более безопасном месте, чем то, где они находились сейчас.

— Иди сюда, — сказала она, ведя Нейта за руку. — Мы можем подняться по стальным стержням двери и добраться до верхнего края шахты.

Эрин помогла ему встать и ухватиться за горизонтально укрепленные скобы. Он все еще дрожал, как в лихорадке. Постоянные избиения и скудная кормежка заметно ослабили его.

— А теперь самое интересное. — Эрин одной рукой удерживала его у стержней двери. — Я видела маленькую вертикальную щелевую направляющую канавку, идущую по одной из стен шахты. Давным-давно по ней скользила цепь, с помощью которой напольная платформа этой шахты поднималась вверх. Если нам повезет, мы, цепляясь за эту направляющую, сможем выбраться на поверхность. Я буду подниматься первой. Ты пойдешь сразу за мной.

— Да, мэм. — В голосе Нейта звучали саркастические нотки, которые ей было радостно слышать.

Подняв руки над головой и проведя пальцами по стене, Эрин нащупала щелевую направляющую. Та была достаточно широкой, чтобы упереться ногами в один край, а спиной — в другой. Такую технику подъема профессиональные скалолазы называют «труболазанием».

Оттолкнувшись ногами от двери камеры, Эрин поднялась вверх до направляющей канавки. Ее потащило вниз, но она успела упереться подошвой ноги в одно боковое ограничительное ребро, а спиной — в другое, противоположное. Ее спина при этом плотно прижалась к поверхности ограничительного ребра. Первый шаг она сделала. Положение ее было устойчивым.

Эрин передвинула вперед подошву одной ноги, затем другой.

— Порядок, Нейт. Теперь твоя очередь.

Не видя ничего в темноте, она слышала, как он, оторвавшись от прутьев, подтянул свое тело к ней — а затем *с глухим стуком* свалился на каменный пол.

Эрин спрыгнула вниз.

— Ты ушибся?

— Я в порядке.

Но по его голосу она поняла, что это вовсе не так.

— Теперь первым пойдешь *ты*.

Эрин нащупала его руку и подвела его снова к стержням двери. Нейт снова полез наверх — и снова упал.

— Оставьте меня, — попросил он. — Мне этого не осилить.

— Ты что, хочешь сказать мне, что у такого здоровенного техасского парня, как ты, не хватает мужества обойти на скале такую тощую старую даму, как я?

— Дело не в мужестве, — ответил он тихим упавшим голосом.

Мысль о том, что надо будет снова пихать и подталкивать его, была ей ненавистна, но, переборов себя, Эрин сказала:

— Да, черт возьми, дело не в этом. А сейчас кончай ныть, поднимай свой зад и давай к стене. Я не собираюсь карабкаться наверх для того, чтобы потом рассказывать

твоей младшей сестренке о том, что ты был убит, потому что поленился выкарабкаться из этой дыры.

Нейт встал и выпрямил спину.

— Вы мне нравитесь.

— Давай, вперед.

На этот раз она поддерживала его ступни, толкая его вверх. Приноровившись опираться на ограничительные бортики щелевой направляющей ногами и спиной, Нейт мог обойтись без помощи своих раненых рук.

Земля и мелкие камни дождем сыпались на нее, когда Нейт медленно продвигался вверх. Эрин, следуя за ним, распрямляла то одну его ногу, поднимая ее на несколько дюймов, а затем находила в себе силы на то, чтобы оторвать от стены его вторую ногу. И так снова и снова. Дюйм за дюймом вверх. Ей и раньше приходилось заниматься «труболазанием», но всегда со страховочной веревкой и фонарем.

— Ну как ты, Нейт?

— Самые лучшие минуты за все это время, — ответил он, одолев еще несколько дюймов.

Эрин грустно улыбнулась. Похоже, он говорил правду.

Пройдено еще несколько очень важных футов... и вдруг он поскользнулся.

Эрин, ухватив его за лодыжку, прижала ее к стене. Он, вцепившись в Эрин, удержался.

Сердце у нее колотилось. Они с Нейтом почти достигли цели. Еще немного, и они разбились бы насмерть при падении. А если и нет, то их разорвал бы на части забавы ради *беспощадный волк*. Но в этом случае они хотя бы умерли, сопротивляясь.

Тусклый серый свет осветил верх шахты.

Кто-то приближался к их камере.

16 часов 05 минут

Джордан, находясь в отдельной комнате Апостольского дворца, скрежетал зубами. Обнаженный до пояса, он лежал, уткнувшись вниз лицом, на толстой шерстяной циновке, расстеленной на полированном деревянном полу. На-

дия, приняв на себя обязанности медсестры, обрабатывала и смазывала раны на его руках и спине, причем делала это старательно и усердно, не проявляя никакого сочувствия к пациенту.

— Странная татуировка, — покачала головой она, рассматривая фигуру Лихтенберга, оставшуюся на его теле после удара молнии.

— Согласен, — подтвердил Стоун, морщась от боли. — Тебе, чтобы поиметь такую, пришлось бы сначала умереть.

Надия тайком провела его и Руна через один из тайных проходов с площади Святого Петра в Апостольский дворец, где проживал римский папа. Она быстро втолкнула их в эту ничем не примечательную комнату с побеленными стенами. В ней стоял длинный старомодный деревянный стол, шесть массивных тяжелых стульев, а на стене висело устрашающего вида распятие. После встречи с падре Пирсом Джордан с трудом мог заставить себя смотреть на него. Вместо этого он сосредоточил взгляд на циновке, пахнущей мокрой овчиной.

Надия отжала мягкую коричневую мочалку в медный таз, и вода в нем порозовела от крови Джордана.

— Где Бернард? — Рун непрерывно ходил по комнате, делая лишь краткие остановки у окна, чтобы бросить быстрый взгляд на двор.

— Я сообщила ему о вашем возвращении, — ответила Надия и снова принялась обрабатывать раны Джордана.

Ой! Она снова погрузилась в работу.

Вынув из рюкзачка стеклянную баночку, Надия предупредила:

— Это может жечь.

— Ну разве это ты должна говорить в подобных случаях? — проворчал Джордан. — Ты должна врать, что будет не больно.

— Ложь — это грех.

— Ты имеешь в виду то, что рассказывала кардиналу о нашей смерти?

Надия отвернула крышку на баночке, и из нее пахнуло чем-то вроде смеси дегтя и конского навоза.

— А *из чего* состоит это снадобье? — спросил он, радуясь возможности сменить неприятную для Надии тему разговора.

— Лучше тебе этого не знать, — сказала она, запуская в баночку большой и указательный пальцы.

Джордан открыл было рот, но решил, что сейчас лучше помолчать. Может быть, это вызывает у Надии какие-то неприятные ассоциации — до этого он не хотел докапываться.

Она смазала своим средством рану от укуса у него на спине — и Стоуна словно ожгло пламенем. Ловя открытым ртом воздух, он моментально покрылся потом.

— Да это хуже, чем напалм!

— Согласна, — подтвердила Надия, быстро обрабатывая своим жгучим средством одну рану за другой.

Джордан рассматривал укус на руке, который не переставая кровоточил с того времени, как они уехали из России, однако эта неприятно пахнущая целебная мазь остановила кровотечение. Он глубоко вдохнул, надеясь, что боль отпустит его или хотя бы притупится.

— Как мы будем искать Эрин?

Рун продолжал ходить по комнате, когда он наступал на циновку, его шаги становились бесшумными.

— Как только прибудет кардинал, мы сразу создадим группу для поисков — ее и Книги. Сангвинисты создали широкую сеть информаторов, особенно в Риме. Так что мы их отыщем.

В ответ на это Джордан едва не сказал, что созданная сангвинистами сеть информаторов пока что показала себя полностью бесполезной, но решил, что такое утверждение не сделает ее работу более эффективной. Он молча терпел болезненную процедуру перевязывания ран, которую сейчас производила Надия. Да, подумал Джордан, она может быть кем угодно, только не медсестрой.

Наконец Надия, закончив, бросила ему чистую серую футболку, и он, сев на циновке, стал натягивать ее на себя. Теперь Стоун выглядел обычным парнем, и лишь пара ши-

роких пластырных наклеек на руках закрывала следы нападения стригоев.

Это уже кое-что.

В дверь постучали, и прежде чем кто-либо успел подойти к ней, она широко раскрылась. В дверном проеме стоял кардинал. Он был в красной сутане и с прочими атрибутами своего сана. По обе стороны от него стояли двое мужчин в синих панталонах, заправленных в высокие черные сапоги, их шеи закрывали пышные белые воротники, на руках были надеты белые перчатки, на головах — черные береты. Они выглядели так, словно только что появились из другого века.

Но «ЗИГ-Зауэры» в их руках выглядели вполне по-современному.

16 часов 12 минут

По мере того как приближался свет, становясь все ярче, Эрин чувствовала, что холодеет. Только бы никто не услышал, думала она, а затем поняла, насколько нелепой и смешной была эта мысль.

В камере был всего один выход, который находился на высоте примерно десяти футов. Стригои обладали способностью слышать сердцебиение, поэтому прятаться в камере было бессмысленно. Единственный шанс на спасение давал побег.

Нейт, находящийся над ней, стал карабкаться быстрее. Его тяжелое частое дыхание свидетельствовало о том, каких сил от него требует этот подъем. А поскольку ни ему, ни Эрин не была известна высота шахты, она не представляла себе, сколько сил может потребоваться для ее преодоления.

Беспощадный волк залаял, подняв морду к шахте. Этот звук отскочил от каменной стены эхом, подобным лаю своры злобных псов из сказок, нагрянувших, чтобы расправиться с ними.

Нейт поскользнулся.

Эрин с трудом закрепилась, упираясь ногами и спиной в обе стенки щелевой направляющей. Но ненадолго.

Падение Нейта ослабило ее положение. Их соприкасающиеся тела буквально висели на волоске. Эрин изо всех сил уперлась головой и руками в бортики щелевой канавки, стараясь оттянуть падение. Но, несмотря на все усилия, полетела вниз. Нейт свалился на нее. При падении ее спина ударилась не о камень, а о человека, оказавшегося на полу ровно под ней.

Эрин попыталась столкнуть с себя тело Нейта, чтобы освободиться, но он оказался слишком тяжелым.

Какая-то женщина разразилась в ее адрес проклятиями, произнесенными с явно славянским акцентом, а потом, упершись в нее своими острыми локтями, сдвинула ее в сторону. Эрин откатилась от Батории с чувством немалого удовлетворения от того, что ее падение завершилось именно таким образом.

Громадного роста стригой левой рукой поднял Эрин, а правой — Нейта. Его рост был, должно быть, не меньше семи футов, совершенно голая голова, похожие на бусинки маленькие глазки. Он, что необычно для стригоя, был чернокожим, одетым в грязные рабочие брюки и когда-то белую, а сейчас покрытую пятнами футболку. Рубашка плотно облегала его мускулистую грудь. Поверхностный осмотр его тела до пояса не обнаруживал при нем оружия. Эрин опустила взгляд ниже. С пояса у него свешивался кинжал в кожаных ножнах.

Он швырнул Нейта об стену, а потом протянул руку к Батории.

И вдруг замер.

И отдернул протянутую к ней руку.

Из раны на руке Батории хлестала кровь. Перепачканный белый бинт сполз почти до локтя: должно быть, Эрин, упав на нее, сдвинула повязку. Шов вокруг трехглавой мышцы разошелся. Кровь обильно стекала по ее руке. Батория, глядя в пол, выругалась, затем дернула повязку вверх, но та снова съехала.

Беспощадный волк тыкался носом ей в ноги и скулил.

— Назад. — Батория грубым движением, почти со злостью, оттолкнула его от себя. — Магор, пошел прочь!

Волк отошел на шаг назад и сел.

Эрин, сощурив глаза, пристально следила за происходящим. *Интересно.*

Батория без посторонней помощи встала на ноги. Капля крови упала с ее руки на пол. Цвет ее показался Эрин странным, но она не могла нагнуться и рассмотреть, потому что стригой крепко держал ее за руку.

— А ты, оказывается, предприимчивая особа, — сказала Батория, стряхивая пыль с джинсов.

— Первой задачей любого заключенного является побег, — ответила Эрин.

Стригой широко открытыми глазами уставился на раненую руку Батории.

Эрин никогда не доводилось видеть, чтобы реакцией стригоя на кровь был страх, а не эмоциональное возбуждение. Ясно, что с раной Батории надо было что-то делать.

— Мне надо показать свою рану. — Батория взяла с пола свой фонарь. — Я скоро вернусь.

— И что будет потом?

Батория повернулась к стригою, державшему Эрин.

— Михир, оставайся здесь и смотри за ними. Не давай им даже и думать о том, чтобы сбежать.

Михир склонил голову.

Батория, свистом подозвав волка, двинулась вниз по туннелю. Другой стригой ждал ее снаружи. Захлопнув дверь, он подергал ее, взявшись руками за прутья решетки, и, удостоверившись, что она действительно закрыта, поспешил за Баторией.

Эрин снова оказалась запертой в камере, но на этот раз вместе с ней находился сокамерник — злобный стригой. Он отшвырнул ее от себя в сторону, и ей пришлось изгибаться и изворачиваться, чтобы не приземлиться на Нейта.

Михир, вертя в руке фонарь, осветил шахту и щелевую канавку, откуда только что свалились Эрин и Нейт.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Эрин, наклонившись к Нейту.

— Это самое худшее место раскопок, — с трудом произнес он, приоткрыв дрожащие веки.

Она улыбнулась.

— Обещаю, когда мы выберемся отсюда, я напишу тебе целую кучу самых лестных рекомендаций.

Михир ходил по камере, далеко обходя каплю крови, оставленную на полу Баторией. Он посмотрел на них недовольным взглядом.

— Прекратите болтать.

Его взгляд остановился на свежей крови, сочившейся из ран на шее Эрин. У нее при падении с высоты также раскрылись раны. Она заметила жадный блеск в его глазах.

Эрин сжала челюсти. Она не испугается. Ее сердце не трогали мысленно произносимые ею успокаивающие слова, и оно продолжало усиленно биться. Дело не в том, испугалась она или нет, но его жажду крови она использует в своих интересах.

Вместо того чтобы отойти от него как можно дальше — поначалу она хотела поступить именно так, — Эрин, наклонив шею, приблизилась к Михиру, зная, что он почувствует запах крови и услышит, как сильно бьется ее испуганное сердце. Руну с трудом удавалось сдерживать себя, когда он видел перед собой текущую из тела кровь. Наверняка Михир был в этом отношении более слабым, чем падре.

Его взгляд так и застыл на ее шее, стригой тяжело дышал. Эрин опустила свою левую руку. У нее был всего один шанс — да и то если ей повезет.

Михир облизал губы, но не сделал никакого движения. Ему требовалось более явное приглашение. Собравшись с духом, она протянула пальцы к своему раненому горлу и, продолжая смотреть ему в глаза, провела своими окровавленными пальцами по его губам.

Молниеносным движением Михир протянул руку к ее горлу. Нейт издал предостерегающий крик, привлекая вни-

мание монстра своим дрожащим голосом, эхо от которого долго не стихало.

Эрин, припав на одно колено, выхватила из ножен, висевших на поясе стригоя, его кинжал и вонзила ему в грудь.

Он, пошатываясь, шагнул вперед. Кровавое пятно расплывалось по его рубашке.

Нейт, оказавшийся у нее за спиной, вытащил из тела Михира кинжал и быстрым движением полоснул им по горлу стригоя. Михир рухнул на пол. Лужа темной, еще живой крови моментально разлилась по каменному полу. Сгусток дыма рванулся в воздух, когда его кровь соприкоснулась с каплей крови Батории.

Нейт, стоя над ним и сжимая в руке оружие, дрожал с головы до пят.

Глаза Михира остекленели, превратившись в глаза мертвеца. Он лежал в луже крови, вытекающей из его тела.

— Нейт?

Он повернулся к ней, подняв кинжал.

— Нейт, — обратилась к нему Эрин, стараясь успокоить его. — Да это же я.

Он опустил кинжал.

— Простите. Что он делал со мной... своими зубами...

— Я все знаю, — сказала она. Она, конечно же, этого не знала, но Нейт должен был услышать эти слова. — Давай снова полезем наверх, нам надо успеть до возвращения этой ведьмы.

На этот раз она была ведущей и освещала стены шахты фонарем, взятым у Михира. Нейт заткнул за пояс окровавленный кинжал и стал карабкаться вслед за Эрин с куда большими усилиями, чем раньше, — очевидно, его кровь будоражил адреналин от недавней битвы. Фонарь в руке Эрин освещал им путь.

Шахта не выводила на арену, как они надеялись, а упиралась в какую-то металлическую площадку, так что они снова оказывались в западне. Через эту шахту выйти наверх они не могли.

Эрин вжалась в стену, стараясь удержаться и не соскользнуть на Нейта. Затем она, освещая фонарем стены и

внимательно осматривая их, увидела что-то вроде вспомогательной шахты, ответвляющейся от основной. Возможно, она вела ко второму ярусу клеток, в которых держали диких зверей. А возможно, и совсем в другое место... Но идти вперед, ведомыми даже этой слабой надеждой, было намного лучше, чем сидеть там, в запертой камере.

— Нейт! — закричала Эрин, показывая лучом на вспомогательную шахту. — Посмотри!

— Так пойдемте же туда, — произнес он с улыбкой.

Освещая себе путь и с возросшей решимостью, они, упираясь в стенки вертикальной направляющей, поднялись до бокового ответвления. Оно скорее походило на небольшой вестибюль, чем на поперечный переход.

Эрин провела лучом фонаря по стенам камеры. Когда-то выход из нее был перекрыт металлическими стержнями, от которых теперь остались лишь кучки ржавчины на полу и небольшие металлические культяпки, торчащие из пола. Перешагнув через них, Эрин оказалась в следующем переходе. Сощурившись и закрыв ладонью стекло фонаря, она посмотрела в темноту.

Впереди, вдали, виднелась манящая полоска бледно-желтого света.

Это был выход из западни.

Глава 56

28 октября, 16 часов 30 минут
по центральноевропейскому времени
Государство Ватикан, Италия

Кардинал Бернард, подобно зловещей грозовой туче, пронесся по залам Апостольского дворца. Рун поспешал за ним, сопровождаемый швейцарскими гвардейцами, держащими оружие наготове. Надия, казавшаяся безразличной к происходящему, шла слева от него, Джордан, вышагивавший справа, выглядел более озлобленным, чем озабоченным. Рун был рад, что они идут рядом с ним.

Прямая спина кардинала Бернарда свидетельствовала о его гневе и возмущении. Его ярко-красная сутана колыхалась и шелестела от быстрой ходьбы. Вне всякого сомнения, причиной его бешенства было то, что Надия соврала ему о смерти Руна.

Корца обернулся назад и глянул на строй шедших за ними швейцарских гвардейцев. В его хвосте вышагивал падре Амбросе с приторно-самодовольной улыбкой, которую он словно хотел выставить на всеобщее обозрение.

С помощью Надии Рун мог бы легко одолеть всю швейцарскую охрану, но у него не было желания спасаться бегством от гнева кардинала. Он хотел объяснить Бернарду, что случилось, и заручиться его помощью в деле спасения Эрин и Книги. Он молил Бога лишь об одном: не упустить время.

Бернард открыл дверь приемной и впустил их. Войдя последним, он пересек комнату и грузно плюхнулся в кресло, стоявшее у круглого стола красного дерева, затем подал Руну знак сесть на его обычное место — справа от него. А может, на самом деле он не так уж и разозлен, подумал Рун, выдвигая из-за стола изящный старинный стул с мягким сиденьем, обитым янтарного цвета тканью, и садясь на него.

— Рун. — Строгий тон Бернарда сразу рассеял ту призрачную надежду, теплившуюся в душе Руна. — Ты врал мне. *Мне.*

— *Я* врала вам, — поправила его Надия. — Вина за это ложится на мои плечи.

Бернард махнул рукой, показывая этим жестом, что ее уточнение не меняет существа дела.

— Это произошло с твоего ведома.

— Все правильно, — ответил Рун, склоняя голову. — Я принимаю на себя всю ответственность.

— Прекрасно, — сказала Надия, складывая руки. — Если я не несу никакой ответственности, так, может, я могу уйти?

— Никто не уйдет отсюда до тех пор, пока ситуация не будет доложена мне целиком и полностью.

— Вы хотите услышать исповедь? — спросил Рун. — Сейчас не время для этого. Книга находится у велиалов.

— Понимаю, — ответил Бернард, откидываясь в кресле.

— Велиалы в Риме. — Рун положил ладони на глянцевую поверхность стола, словно готовясь встать. — И мы должны их найти.

— Сидеть, — приказал Бернард так, будто подавал команду собаке. — Сначала объясни мне, как такое могло случиться.

Рун ощетинился. Он стал водить пальцами по четкам, стараясь успокоиться перед тем, как начать рассказывать о том, что произошло в России. Он говорил быстро, но Бернард все время сбивал темп его речи, задавая бесчисленные вопросы, выискивая в его рассказе ошибки и упущения. Его теологический ум старался зацепиться за любые несообразности в надежде разоблачить ложь.

И все это происходило тогда, когда на счету была каждая минута!

Не в силах удержать себя за столом во время своего рассказа, Рун встал из-за стола и начал ходить по комнате, периодически останавливаясь перед окном, чтобы взглянуть через него на площадь, которую постепенно окутывали вечерние сумерки. Там, снаружи, люди надевали на себя куртки, собирали свои пожитки. Приближался закат, еще полчаса или чуть больше, и на город опустится темнота — вот тогда-то стригои почувствуют себя на свободе. С каждой секундой убывали шансы на то, что Рун и Джордан найдут Эрин живой и вернут Книгу. А кардинал все давил на него.

— Если вы намерены допрашивать нас целый день, — не выдержал Джордан, — так, может, вы пошлете людей на поиски Эрин и Книги на тот случай, если мы не сможем уложиться в отведенное время и рассказать вам свою историю до конца?

— Вы не должны разговаривать с кардиналом в таком тоне! — с напускной строгостью объявил Амбросе.

— Чего? — Джордан отодвинулся от стола, явно готовый задать Амбросе хорошую трепку.

Надия заерзала на своем стуле. Скажи Рун хоть одно слово... И она, и Джордан были готовы к рукопашным действиям.

Но Корца, подняв руки, сделал предостерегающий жест.

— Успокойтесь. Мы...

В дверь негромко постучали.

Рун прислушался. Пятеро мужчин и женщина. На его лице появилась улыбка — одно сердцебиение он узнал. Корца с трудом сдержался от того, чтобы не пасть на колени, воздавая благодарность Господу. Это он сделает позже.

Надия, тоже услышавшая знакомое сердцебиение, перехватила его взгляд.

Джордан смотрел то на нее, то на него, и его симпатичное лицо выражало полное недоумение.

Амбросе, придав лицу максимально возможное выражение высокомерия, пошел открывать дверь.

Вошла Эрин.

Ошейник Батории оставил раны и следы засохшей крови на ее горле. Лицо и руки были сплошь покрыты грязью, она выглядела изможденной и усталой. Молодой человек, вошедший вслед за ней, выглядел еще хуже.

Но она была жива.

16 часов 40 минут

Джордан обнял Эрин, он и сам уже не помнил, сколько времени не заключал никого в такие тесные и горячие объятия. Она, закрыв глаза, приникла к его груди, и ей хотелось оставаться в таком положении как можно дольше.

— А как вы здесь оказались? — спросил Рун. — И кто ваш спутник?

Эрин с трудом оторвала себя от Джордана, с лица которого все еще не сходила радостная улыбка.

— Это Нейт Хайсмит. Он был в составе моей группы в Кесарии. Батория захватила его и привезла в Рим.

Нейт поздоровался со всеми за руку, то и дело бросая при этом ревнивые взгляды на Джордана, еще не опомнившегося от этих более чем горячих объятий. А Джордан, по-

прежнему радостно улыбаясь, казалось, не замечал ничего. Он не сводил глаз с Эрин, да и она сама не могла оторвать от него радостного взгляда. Батория, похитив ее, оставила Джордана и Руна в руках Распутина, и Эрин боялась, что уже никогда не увидит никого из них.

Джордан в нескольких словах посвятил ее в то, что произошло в последние несколько часов, а она, в свою очередь, рассказала, как они с Нейтом выбрались из туннелей под цирком Нерона в Ватикан. Оказавшись в Ватикане, она потребовала встречи с кардиналом Бернардом, однако швейцарские гвардейцы тут же доставили их в тюрьму.

— Развалины цирка! — Руна словно осенило. — Ну конечно же. Это проклятое место, под которым имеется несчетное количество туннелей. Идеальное укрытие для велиалов!

— Почему? — удивленно спросил Джордан.

— Да потому, что туннели расположены под землей и туда не проникает солнечный свет, а значит, стригои Батории могут находиться там в дневное время, — объяснил Рун. — Но более важно то, что этот цирк — одно из самых нечестивых мест в Риме, песок его арены навеки запятнан и пропитан кровью христиан, нашедших свой мученический конец в этом месте. Эта нечестивость придаст Батории новые силы, а нас — ослабит.

Кардинал Бернард подал знак одному из охранников и Амбросе.

— Направьте вооруженную группу в этот цирк. Сангвинистов и людей. Они должны прочесать туннели и вернуть Книгу. И проинформируйте Его Святейшество.

Понимающе кивнув, солдат и падре вышли.

Кардинал снова расспросил Эрин и Нейта о том, что было с ними, обращая внимание на все, даже самые незначительные подробности. На это потребовалось долгое время, но после этого у него, похоже, уже не оставалось никаких сомнений в том, что они говорили правду.

— Опишите мне снова Книгу. — Кардинал прикрыл веками глаза и сцепил пальцы рук.

— Лучше я нарисую вам, как она выглядит, — предложила Эрин и жестом попросила дать ей карандаш и бумагу.

Кивнув, кардинал протянул ей несколько листов почтовой бумаги с папским вензелем и карандаш. Сразу же приступив к рисованию, она изобразила общий вид книги сверху.

— Это свинцовый блок размером примерно с Библию Гутенберга[1], — поясняла Эрин, торопливо рисуя странное изображение, выгравированное на верхней плоскости: скелет и человек, обнимающие друг друга и связанные плетеной веревкой, рядом с которыми были углубления, похожие на чернильницу и греческие буквы.

— *Альфа и омега,* — полушепотом, как бы про себя, произнес кардинал, когда она закончила эскиз. — Конечно, это имеет отношение к Иисусу.

— А вот я в этом не уверена.

Эрин до смерти не хотелось начинать спор, но что-то подсказывало ей, что кардинал ошибается.

— Нет, это именно так! *Я есмь альфа и омега, начало и конец, первый и последний.* Из «Книги Откровений». — Взгляд его карих глаз стал сердитым.

— Но ведь альфа и омега — это также первая и последняя буквы греческого алфавита. — Какие-то смутные ассоциации возникли в закоулках ее мозга. — *Первая* и *последняя.*

Когда она, дорисовав эскиз, посмотрела на него, то ясно почувствовала: что-то в этом рисунке все-таки будоражит ее... но что? И вдруг она поняла, что именно. Холодная уверенность накатила на нее, словно волна. Она же видела подобный рисунок, изображенный на всех книгах в Апостольском дворце. Этот культовый символ присутствовал здесь повсюду — даже вверху листа почтовой бумаги, кото-

[1] Библия Гутенберга (также 42-строчная Библия) — издание Библии, выпущенное Иоганном Гутенбергом в первой половине 1450-х годов. Традиционно считается точкой отсчета истории книгопечатания в Европе.

рый она держала в руке. Эрин обвела всех присутствующих взглядом своих широко раскрытых глаз.

— Я думаю...

И в этот момент с грохотом, от которого Эрин вздрогнула, распахнулась дверь и в комнату ввалился швейцарский гвардеец. По его виду было ясно, что он долго бежал — щеки его пылали, он был в панике.

— Ваше Высокопреосвященство, кто-то проник в папскую усыпальницу в некрополе!

Эрин, обернувшись, встретилась глазами с гвардейцем.

— И они что-то сделали с костями святого Петра, верно?

Он в крайнем удивлении отступил на шаг назад.

— Кто-то украл их.

У кардинала случилось что-то вроде приступа удушья, Рун и Надия тем временем вскочили со своих мест.

— Конечно же, они их украли! — почти выкрикнула Эрин, ее сердце при этом забилось. — Ну конечно!

Все глаза устремились на нее.

— Я знаю, как открыть Книгу! — воскликнула она.

Эрин вспомнила, как выглядело лицо Батории, когда они говорили о превращении Книги и об ингредиентах, которые алхимики используют в качестве катализаторов при превращении обычного свинца в золотое слово Христа. Баторoия уже поняла, что означают альфа и омега.

Все по-прежнему напряженно смотрели на Эрин.

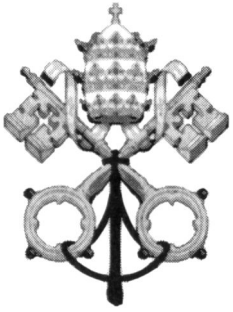
— Ну, дальше, — умоляюще произнес Джордан.

— На свинцовой оболочке, внутри которой заключена Книга, имеется ключ. С его помощью и открывается Книга. — Голос ее задрожал. — И Батория догадалась до этого.

— Да объясни ты, наконец, в чем дело, — взмолился Джордан.

Склонившись над листом почтовой бумаги, Эрин обвела папскую печать, красовавшуюся на его верхней части.

На ней были изображены два ключа — золотой и серебряный ключи святого Петра, перекрещенные посередине и соединенные друг с другом петлями ярко-красной веревки. Папскую печать и рисунок на Книге объединяло какое-то необъяснимое сходство друг с другом — но вместо *ключей*

на папской печати на Книге были два *тела,* перекрещенные подобным образом.

Эрин начала объяснять:

— Святой Петр спрятал эту Книгу два тысячелетия назад. Он наверняка видел этот узор на обложке Евангелия, и узор этот становился все более и более понятным по прошествии столетий — проходя путь от таинственности к открытости, которому суждено будет свершиться в двадцатом столетии, когда скрещенные ключи начали появляться в виде папского геральдического символа. Но ключом к пониманию действия защитного механизма должен был стать рисунок, выгравированный на Кровавом Евангелии и придуманный святым Петром.

Она постучала кончиками пальцев по папской печати.

— Эти ключи как бы олицетворяют понтификат, то есть институт папства. То же самое олицетворяют две фигуры, выгравированные на крышке: скелет и человек. — Она откинула волосы с лица. — *Альфа* означает *первый.* Под этой буквой расположен *скелет.*

— Да? — Рун склонился ближе к ней, его черные глаза пристально смотрели на нее, словно ответ на свой вопрос он мог прочитать на ее лице.

— Эта буква указывает, что это *кости первого папы.*

— Святого Петра! — нервно выдохнул кардинал. — Так вот почему они украли его кости...

— Чтобы использовать их в качестве первого ингредиента для открытия Книги. Я верю, что какая-нибудь из преобразившихся в земле костей святого Петра предназначена

для того, чтобы заполнить первое, похожее на чернильницу отверстие на кожухе.

Джордана словно осенило:

— Пирс, возможно, пытался объяснить нам это в Германии. Он все время повторял «книга» и «кости».

— Точно. — Эрин постучала кончиками пальцев по второй половине картинки. — Это изображение *живого* человека означает действующего папу. Папу под буквой «омега». Последнего папу.

— Выходит, им нужны еще и кости действующего папы? — спросил Джордан, и на его лице появилось выражение брезгливости.

Эрин отрицательно покачала головой.

— А что же им тогда надо? — спросил Рун.

— Что есть у живого человека, но нет у скелета? — спросила Эрин и сама же занялась перечислением: — Жизнь. Плоть. Кровь.

— Кровь? — прервал ее Джордан. — Пирс упоминал и это тоже, но по-немецки: *blut*.

— Второй ингредиент... — Ладони Эрин стали ледяными, когда она поняла, к чему ведет сложившаяся ситуация. Она посмотрела в лица сидящих вокруг нее. — Им нужна *кровь* действующего папы.

16 часов 48 минут

Рун и Надия бежали чуть позади Бернарда, прикрывая его с флангов и образуя таким образом триаду. Не заботясь больше о том, чтобы хранить в тайне то, что им стало известно, они бежали на предельной скорости, мелькая как тени в залах Апостольского дворца. Люди отстали от них. Но это не было их общим делом.

Рун со всех ног бежал по длинному залу, в конце которого находилась дверь, ведущая в спальню Его Святейшества. По обе стороны мелькали стенные панели из благородного дерева. Распятия и мрачные религиозные картины были развешаны по всему залу. Искусство — это богатство, но его бывает недостаточно для того, чтобы сберечь жизнь старого

человека. Это могут сделать только они. Рун мысленно повторял молитву друидов.

Помоги, о Боже, Твоя защита и в защите сила.

Дверь в спальню папы была открыта, из нее в темный зал лился свет. Внутри мелькали какие-то тени.

Бернард вбежал в спальню, не остановившись на пороге и не постучав. Рун и Надия вошли в нее вслед за ним. Кровь буквально закипела в них. Они пришли слишком поздно.

Его Святейшество лежал на полу, повернутый на бок. Кровь из раны на его шее текла на белую сутану. Рядом с ним на полу лежала опасная бритва — возможно, даже его собственная. Возле его головы, белой головы старого человека, стояла пара красных папских туфель, которые он до этого поставил под кровать. Его обычно тщательно уложенные волосы сейчас были взъерошены, морщинистое лицо бледно от шока, голубые глаза, излучающие тепло, были закрыты.

Амбросе опустился перед ним на колени. Ладони его мгновенно покрылись кровью. Он старался остановить кровотечение, но безуспешно.

Бернард тоже опустился на колени рядом с Амбросе, Надия перешла в комнату, смежную со спальней, а Рун осматривал спальню, решая, подойдет ли она для того, чтобы производить в ней необходимые медицинские процедуры. Толстые бархатные шторы плотно закрывали окна, простая бронзовая кровать была разрыта и пуста, стул был задвинут под старинный письменный стол, на книжных полках позади него царил порядок.

Рун все понял.

Они стащили его с кровати, на которой он отдыхал, при этом он даже оказал им слабое сопротивление.

Рун закрыл глаза и прислушался к другим чувствам, будоражившим его сознание. В комнате слышались лишь сердцебиения Амбросе и Его Святейшества. Из всех запахов, которыми была наполнена спальня, знакомыми были только запахи Амбросе, папы и других сангвинистов, а также бумаги, пыли и чуть заметный запах ладана. Но все эти

запахи забивались одним — запахом крови, вытекающей из раны старого человека.

Корца снова внимательно посмотрел на Его Святейшество. Лицо папы было абсолютно бледным, утратив даже тот едва заметный розовый цвет, который они заметили, войдя в спальню. Из его полуоткрытого рта вырывалось хриплое дыхание.

— Я зашел сказать ему, а он... он... — заикаясь, объяснял Амбросе. — Ему нужен врач. Приведите же к нему врача!

Бернард прижал ладонь к ране на шее папы. Надия, кивком подтвердив кардиналу, что ванная комната чистая, кинулась со всех ног из спальни.

Амбросе обтер ладони о свою черную сутану. Его сердце лихорадочно билось — то ли от страха, то ли он еще не вышел из состояния шока. Падре был настолько бледен, что Рун его даже пожалел.

— Мы должны перенести его в хирургическую палату, — обратился он к Бернарду, положив руку ему на плечо. — А может, его врач сможет оказать ему помощь прямо здесь.

Кардинал поднял на него донельзя взволнованные глаза.

— Бернард! — снова обратился нему Рун, стараясь вернуть его к действительности.

Глаза Его Высокопреосвященства прояснились.

— Да, конечно, — произнес он.

Бернард, крепко прижав одну ладонь к ране на шее папы, просунул вторую под его плечи. Рун также обхватил двумя руками тело Его Святейшества. Вес его был очень невелик, и нести его было легко. Старческое сердце папы билось неровно, и с каждым ударом все слабее. Без немедленной помощи он долго не протянет.

Рун и Бернард подняли раненого папу и понесли его в хирургическую палату. Надия должна была привести туда его лечащего врача.

Неся на руках папу, они медленно шли через зал, и у Руна было время рассмотреть древние полотна, вставленные в тяжелые деревянные рамы. Ближняя к нему стена

была украшена изображениями святых. Каждая картина рассказывала историю, полную боли и мученичества.

Зал наполнился топотом швейцарских гвардейцев, приведших Эрин, Джордана и Нейта.

— Его Святейшество серьезно ранен.

Бернард произнес эту фразу на том формальном итальянском языке, который был в ходу во времена его давным-давно прошедшего детства. Рун не слышал подобного акцента уже много лет. Должно быть, Бернард все еще был в состоянии шока.

Гвардейцы растеклись по залу, давая вновь приведенным подойти ближе.

Как и рассчитывал Рун, Надия ожидала их в хирургической палате, рядом с ней сидел какой-то всклокоченный мужчина в белом халате. Он выглядел так, словно его только что вытащили из постели и заставили бежать сюда бегом.

Он побледнел, когда увидел, кого они принесли.

Они прошли мимо него в безукоризненно чистую хирургическую палату, наполненную современным инструментарием и приборами. Все здесь было изготовлено из нержавеющей стали и пластмасс, накрыто пластиковой пленкой и готово к немедленному использованию. На стене висели лишь простые круглые часы и тяжелый железный крест.

Рун и Бернард осторожно положили Его Святейшество на чистую белоснежную кровать. Бернард все еще прижимал ладонь к ране на его шее.

— Его полоснули бритвой, — объяснил он.

В палату быстрым шагом вошел второй врач.

— Всех попрошу выйти, — сразу же потребовал первый врач. — Остаться только медперсоналу.

Врачи сразу же занялись папой, а Рун начал молиться, прося Бога помочь им найти способ спасти его. А чем еще мог помочь делу сангвинист?

Он вышел в зал. Капли папской крови блестели на деревянном полу

— А куда ушла Надия?

— Она вместе с группой гвардейцев охраны вышла куда-то из зала, — ответил Джордан. — Поискать того, кто это сделал.

Если есть хоть один шанс найти нападавшего, Надия найдет его. Рун прислонился к деревянным панелям. Бернард, обняв его рукой за плечи, приник к нему. Успешных покушений на убийство папы не случалось в течение многих столетий.

— Эрин, а какой смысл в этом для Батории? — спросил Джордан.

Ее глаза сообщили Руну все, что ему хотелось узнать.

— Это значит, что у Батории есть оба ингредиента, необходимые для того, чтобы открыть Книгу.

Глава 57

28 октября, 17 часов 05 минут
по центральноевропейскому времени
Государство Ватикан, Италия

Стоя перед дверью хирургической палаты, Эрин до смерти боялась услышать плохие новости. В руках у велиалов была Книга и средства для того, чтобы ее открыть. Достаточно ли этого, чтобы совершить необходимое преображение? Неужели зло одержало верх?

Нейт неуклюже закачался и сел на пол возле ее ног. На его штанинах проступили свежие пятна крови. Она никогда не видела его таким бледным. Его откинутая назад голова уперлась в стену.

Вытащив из кармана куртки бутылку с водой, Джордан вложил ее в руки парня. Нейт осушил ее одним непрерывным глотком. Сколько времени прошло с того момента, когда он последний раз пил? У Эрин не возникло мысли спросить, не испытывает ли он жажду, а ведь она почти все время с того момента, как Нейта бросили в камеру, заставляла его двигаться в быстром темпе.

Бернард, поймав взгляд швейцарского гвардейца, указал ему глазами на Нейта.

— Отведите этого человека к врачу. И эту женщину тоже.

— Нейта заберите сейчас, — попросила Эрин. — А я подойду через минуту.

Бернард, чуть поколебавшись, кивнул в знак согласия. Гвардеец помог Нейту встать на ноги.

— Да я же в порядке.

Нейт пытался встать прямо, но его спина непроизвольно заскользила вниз по гладкой дубовой панели.

— Ну конечно, ты в порядке, — подбодрила его Эрин. — И я в порядке. Мы просто посмешим их. Я приду сразу же за тобой.

Нейт скептически приподнял бровь, но не сопротивлялся, когда два гвардейца, взяв его под руки, повели по залу. Он крепкий парень, и с ним все будет хорошо. Эрин старалась не думать о Хайнрихе, не вспоминать о том, как его уносили. Она была уверена, что скоро снова увидит Нейта.

Джордан достал из кармана куртки санпакет.

— Ты ведь наверняка не пойдешь за этим мальчишкой?

— Раны на моей шее кажутся намного более опасными, чем на самом деле, — ответила она.

— Да, они выглядят даже угрожающими. — Джордан вынул из пакета смоченный в спирте тампон — его запах был хорошо знаком Эрин.

Она сжала зубы, когда он, держа тампон, потянулся к ней, но прикосновение его руки к ее шее было таким легким, как будто он держал в пальцах птичье перышко.

— Ну, что дальше? — Его знакомые голубые глаза смотрели прямо в ее глаза.

Сердце Эрин забилось сильнее.

— Что дальше?..

— Что теперь предпримет Батория? Где она откроет Книгу? — Тон, каким он задавал эти вопросы, наводил на мысль о том, что, по его мнению, ответ на них ей известен.

Эрин пыталась сосредоточиться на разговоре, а не на мысли о том, как близко возле нее он стоит, с какой осторожностью и нежностью касается ее горла.

— Для Книги очень большое значение имеет то, как ее будут открывать и где.

— Ты говоришь о ней, словно о человеке.

Джордан отвел пряди волос с ее шеи и протер то место, которое они закрывали, водя тампоном от скулы к ключице. Эрин вздрогнула и, чтобы скрыть это невольное движение, переступила с ноги на ногу.

— Интересно, неужели не существует каких-либо хитростей, которые мастер, создававший эту Книгу, заложил в ее конструкцию?

— Согласен с вами, — ответил ему Бернард, поправляя ярко-красную шапочку без полей на своей белой голове. — Я всегда именно так и понимал пророчество. Книга ведь может быть открыта только в Риме. Но где именно в Риме?

— Если святая земля является важным аспектом для сангвинистов, — сказала Эрин, чувствуя, что она приближается в мыслях к чему-то важному, — то и для Книги этот фактор тоже имеет значение. Какое место в Риме является наиболее святым? Усыпальница святого Петра? — Она отошла на шаг от Джордона — ей надо было подумать, а исходившие от его тела тепло и мускусный запах не давали ей возможности сосредоточиться. — Но если бы велиалы хотели открыть Книгу именно там, то для начала им понадобилась бы папская кровь, а уже затем кости, следовательно, они могли бы открыть Книгу в том месте, где находились кости.

— А в этом есть смысл, — поддержал Эрин Джордан. — Зачем дважды ломиться в усыпальницу — сначала для того, чтобы украсть кости, а потом — чтобы открыть Книгу?

Раздался удар колокола. Рун и Бернард переглянулись.

— Что это значит? — спросил Джордан, вынимая из санпакета бинт.

— Швейцарская гвардия подает сигнал тревоги, — ответил Бернард. — Они эвакуируют туристов из Ватикана.

— Значит, времени у Батории не так много. — Если бы Эрин имела более четкое представление о том, где скрывается сейчас эта ведьма... Внезапно в ее мозгу блеснул луч

надежды. — Постойте! Базилика. Она же возведена *над* усыпальницей Петра. Это и есть самая святая часть самой святой церкви в Риме.

Она едва закончила фразу, как Рун и Бернард бросились прочь, словно два привидения. Они неслись по залу с невероятной скоростью. Ни у кого из смотревших на них ни на секунду не могло возникнуть и мысли о том, что они люди. Джордан удивленно покачал головой.

— Похоже, они позабыли напрочь о соблюдении тайны своей генетической принадлежности. — Он поднял брови и удивленно развел руками. — Интересно, что будет дальше?

Эрин кивнула и, опершись о его руку, встала на ноги.

Стоун побежал вслед за ними, прихватив свой «Хеклер и Кох», который Надия вместе с пистолетом «Кольт» предусмотрительно привезла из Германии. Эрин поспешно следовала за ним. Они бежали по просторным залам Апостольского дворца по направлению к площади, и никто не попытался их остановить.

Прыгая через две ступеньки, они миновали лестничный пролет и оказались в зале, в конце которого находилась отделанная бронзой дверь, ведущая на площадь Святого Петра.

Впереди два швейцарских гвардейца в обычных сине-красно-желтых полосатых мундирах и бриджах распахнули дверь перед бегущими со всех ног Руном и кардиналом. Джордан прибавил ходу, стараясь догнать их.

— Мы с этими двумя! — закричал он швейцарцам.

— Пропустите их! — повернувшись на ходу, прокричал кардинал, уже выбежавший на площадь.

Гвардейцы расступились, пропуская Джордана и Эрин.

Двери с громким хлопком захлопнулись за ними. Никто так просто не сможет войти через них обратно во дворец.

Эрин, уже начавшая задыхаться, спешила вниз по ступенькам. По обе стороны от нее стояли мраморные колонны, возвышающиеся не менее чем на двадцать пять футов. Среди всего того, что ее окружало, она чувствовала себя ребенком, попавшим в дом, где живут великаны.

Они сбежали вниз на открытую площадь, где Джордан внезапно остановился.

Площадь была заполнена народом. Люди выходили из базилики, шли по колоннадам, людские потоки, огибая обелиск и фонтаны, устремлялись к выходу и растекались по улицам. В лучах заходящего солнца их лица выглядели светло-оранжевыми. Швейцарские гвардейцы подталкивали их вперед, словно пастухи, направляющие пришедшее с пастбища стадо.

Вдалеке от них Бернард и Рун, застрявшие во встречном людском потоке, изо всех сил пытались продвинуться вперед.

— Держись за мой ремень! — крикнул Джордан, повернув голову к Эрин. Она вцепилась пальцами в толстую кожу его плаща.

Джордан ринулся в запрудившую площадь толпу, как фулбэк[1]. Но вместо того, чтобы продираться сквозь людскую массу, как это делали застрявшие впереди сангвинисты, он держался ее кр*ая*, держа одну руку поднятой. Толпа старалась обтекать его с обеих сторон.

Эрин, шагая следом за ним, старалась не отставать, а Джордан, выставив левое плечо вперед, рассекал им поток туристов. Левая сторона его тела была наиболее израненной, но он, устремившись вперед, казалось, не ощущал боли.

Добравшись до базилики, Стоун круто повернул влево, к двери. Немного впереди него Рун и кардинал вбежали через вход внутрь — их сутаны, черная и ярко-красная, взметнулись в воздухе.

Эрин посмотрела наверх. Небо над массивным куполом базилики было янтарно-оранжевого цвета.

Солнце село.

Донельзя растерянная тем, что это может повлечь за собой, она не видела того монаха, а когда увидела его, было уже слишком поздно. Он налетел на нее, оторвав ее руку от

[1] Ф у л б э к — в американском футболе игрок за линией схватки, используемый как атакующий по линии или как защитник.

ремня Джордана. Потом он пробормотал по-польски что-то похожее на извинение, а его руки потянулись к ней с намерением похлопать ее по плечу.

— Ничего, все нормально, — успокоила она его.

Джордан, казалось, не заметил, что произошло с ней, поскольку протискивался в дверь впереди нее. Два швейцарских гвардейца, следившие за порядком в дверях, были поглощены наблюдением за выходящими туристами, но они задержали ее, когда она пыталась пройти внутрь, следуя за Джорданом.

Уже войдя в базилику, Стоун обернулся.

— Иди, иди! — закричала она.

Ведь его присутствие там, где была Батория, было сейчас более необходимым, чем ее.

Он кивнул и со всех ног побежал дальше в базилику.

— Эти здания эвакуируются, мисс. — Слова, вежливо сказанные швейцарским гвардейцем, резко контрастировали с тем, как твердые пальцы монаха сдавливали ей руку. — Боюсь, что мне придется попросить вас...

Золотое свечение, спокойно струившееся из глубины базилики, внезапно ослепительно-ярко вспыхнуло, словно сверхновая звезда. И сразу же повеяло каким-то сладостным ароматом, и неясные звуки музыки, едва различимой для слуха, заставили ухо повернуться в сторону, откуда эта музыка доносилась, и прислушаться к ней.

Гвардеец, отпустив ее руку, стал пристально всматриваться в глубь базилики.

Ну, вот оно и произошло...

Желая увидеть все своими глазами, Эрин, быстро обойдя гвардейца, переступила порог. Оказавшись внутри, она быстро побежала по портику, расталкивая гвардейцев охраны и туристов, неподвижно стоявших у нее на дороге.

Стремглав проскочив через внутренние двери, она очутилась в главном нефе, среди бесчисленного скопления толстых каменных колонн, поддерживающих великолепно украшенную крышу базилики, и стала пристально всматриваться в расположенный в центре нефа и на большом расстоянии от входа папский алтарь. Золотое свечение

струилось из-под массивного черного с золотыми узорами балдахина, накрывавшего алтарь. Бронзовые опоры, казалось, тряслись в этом свечении, подобно мерцающему миражу, возникающему в горячих песках пустыни. А может быть, яркость этого свечения была настолько сильной, что ничего из созданного руками человека не могло находиться вблизи его источника.

Не раздумывая, Эрин бросилась туда, откуда исходил этот свет, лавируя в плотном потоке туристов, стремящихся в противоположном направлении. Большая часть базилики уже опустела, и путь к балдахину неожиданно стал свободным.

Она бежала, как бегут по футбольному полю. Ей было известно, что базилика Святого Петра по размеру внутренней площади превосходит любую другую церковь в мире. В прошлом она неоднократно бывала здесь, но вот *бежать* по ней никогда не доводилось. А сейчас она бежала, бежала изо всех сил, и ее глаза были прикованы к яркому сиянию, струящемуся из-под балдахина.

Подбежав ближе, Эрин поразилась невероятным размерам балдахина. На мраморном цоколе высотой в человеческий рост возвышались черные витые соломоновы колонны[1], их высота достигала примерно шестидесяти футов. Они служили опорами самому бронзовому балдахину, окаймленному по краям причудливым орнаментом, увенчанному статуями и крестом.

Под балдахином в самом центре базилики стояла Батория. Ее рыжие волосы пламенели в золотом сиянии, излучаемом предметом, который она держала в руках. Сияние освещало каждую нишу, каждый уголок в церкви. Все статуи и фрески пульсировали в этом таинственном свете, словно пытаясь слиться с этим сиянием, исходящим из-под балдахина.

---

[1] Соломоновы колонны — витые колонны, типичные для архитектуры стиля барокко. Название возникло в связи с фантастическими представлениями об архитектуре храма Соломона в Иерусалиме.

В руках Батории Книга из свинца стала золотой.

Так вот оно, Преображение, — подумала Эрин. — *Я была права.*

Она промчалась мимо последних статуй, установленных в нефе. Бежавший впереди Джордан замедлил шаг, чтобы подождать ее. Схватившись за руки, они вместе побежали по проходу туда, откуда струился свет.

Впереди Рун и Бернард, словно в столбняке, стояли у края балдахина.

Святость того, что видели их глаза, внушила страх даже им.

Глава 58

28 октября, 17 часов 11 минут
по центральноевропейскому времени
Государство Ватикан, Италия

В то же мгновение, как только тело Батории окутало это золотое сияние, кровь в ее жилах запела от радости.

Мир вокруг нее словно наполнился теплом и любовью. Боль, которая растекалась по всему ее телу с того времени, как она достигла поры женской зрелости, пропала, унеслась из тела этим светом. Она почувствовала, что черная метка на ее горле пропадает под воздействием этого света. Да разве какая-либо тьма могла противостоять этому сиянию?

Свинцовый блок в ее ладонях становился все теплее и теплее. Он пульсировал так, словно, подобно любому живому существу, имел свое собственное сердце. С каждой секундой его вес становился все меньше и меньше, пока она не почувствовала, что между ее пальцами проплывает что-то похожее на пушинку.

Блок, который она держала в руках, преобразовался в чистый золотой свет. Это сияние буквально гипнотизировало ее. Оно светило ей в глаза, но не жгло их. Батория могла бы вечно смотреть на него, ежесекундно постигая его тайны. Выше, над ее головой, золотое солнце, нарисованное

на куполе балдахина, освещало изображение белого голубя. Голубя летевшего, свободного, купающегося в свете.

То же самое происходило и с ней.

Но продолжалось это недолго.

К ней со всех ног бежали женщина-археолог и солдат. По нефу кружили охранники, подходя все ближе и ближе. Группы швейцарских гвардейцев бежали к ней с дальнего конца нефа. Она оказалась в западне. Они убьют ее, зальют Книгу ее кровью, скроют от нее излучаемый Книгой свет.

Словно почувствовав охвативший ее страх, сияние начало меркнуть и меркло до тех пор, пока в ее ладонях не осталась только сама Книга, снова потяжелевшая и оттягивающая вниз руки.

Батория пристально смотрела на нее, вновь преобразившуюся.

Книга в обложке из обычной овечьей кожи, на которой не было ни рисунков, ни украшений. Батория ласкала кончиками пальцев потрепанный переплет, при этом к ее ноздрям поднимался запах древних песков.

Ну как могло появиться такое яркое сияние из такой простой и ничем не примечательной вещи?

Ответ явился сам собой и сразу.

Перед ней возник образ Христа — обычное мужское лицо и в то же время скрытый источник божественной святости.

Слезы катились по ее щекам, и одновременно с этим тяжелая боль снова возвращалась в ее кровь.

Не прикасаясь к своему горлу, Батория поняла, что черная отметина снова вернулась на прежнее место.

Она потрясла головой, словно очищая ее от сияния, все еще присутствовавшего в ее сознании. У нее было такое состояние, словно она только что очнулась от глубокого сна. Но в действительности Батория даже и не помнила, когда ей доводилось испытывать подобное счастье.

Она пристально смотрела в глубь базилики, уже зная, что ей необходимо предпринять. Ей нужно найти пути отхода.

Не теряя времени, Батория соскочила с алтаря на расположенную позади нее апсиду и отошла назад к огромному трону из черного мрамора, укрепленному высоко на стене. Это был трон святого Петра, окруженный папами и ангелами, он был освещен лучами золотого света, который казался слабым и дешевым в сравнении с сиянием, только что исходившим из ее рук.

Отойдя на значительное расстояние от алтаря, Батория полезла в карман, достала из него спрятанный заранее передатчик и нажала клавишу взрывателя-детонатора.

Взрыв прозвучал как далекое эхо, как хлопок грома за горизонтом. Пол под ее ногами тряхнуло. Она заложила заряды взрывчатки внизу, в некрополе, под алтарем, на котором стояла.

Батория с удовольствием наблюдала, как мраморный пол перед ней раскололся вдребезги под ударом тяжелого балдахина, словно это был не мрамор, а лед. Массивный бронзовый балдахин встряхнуло, а затем — она видела это своими глазами — внутренняя часть его разлетелась под собственным весом на куски, рассыпавшиеся по всему полу, часть из них провалилась в отверстие, образовавшееся в полу.

Основание балдахина пробило пол некрополя, расположенного ниже, Небесные врата захлопнулись, оповестив об этом гулом, подобным удару колокола.

Вот так все и было.

Она, разогнав ладонями каменную пыль и дым перед глазами, смотрела, как балдахин содрогнулся и, осев, опустился намного ниже уровня пола. Только его верхушка, наклонившаяся набок, оставалась видимой из нефа.

Ее взрывные заряды сработали как надо.

На дальнем конце провала, образовавшегося в результате взрыва, швейцарский гвардеец, придавленный крупным обломком, громко взывал о помощи. Слева сангвинисты, отпрянувшие при взрыве, словно испугавшиеся львы,

теперь прыгали на трансепт[1] по другую сторону провала. Женщина-археолог и солдат укрылись с правой стороны от него. Все новые швейцарские гвардейцы торопливо бежали по нефу к тому месту, где раньше стоял обрушившийся балдахин.

Но армия стригоев, засевшая в некрополе, тоже не сидела без дела. Как только село солнце, они толпой обступили витую колонну упавшего балдахина, словно орда демонов, вылетевших из стигийской[2] тьмы. Они кучковались на металлическом куполе и сновали по нему вверх-вниз, словно муравьи по муравьиной куче. Даже будучи ослабленными святостью базилики, они без труда расправлялись со швейцарскими гвардейцами, обеспечивая Батории время для бегства с места взрыва.

Она, подойдя к краю провала в полу, спрыгнула на огромную статую ангела, венчающую купол балдахина. Держа в одной руке Книгу, вторую руку она обвила вокруг его позолоченного крыла.

Раздались выстрелы, в нее полетели пули.

Батория увернулась, укрывшись за крылом ангела, оказавшимся между ней и снайпером. Быстрым движением сунула Книгу под рубашку, освободив обе руки, затем, растянувшись на животе, опустила ноги вниз с купола балдахина и принялась пальцами ног шарить по орнаменту колонны, ища опору. Сейчас эта колонна балдахина, украшенная причудливыми выступающими орнаментами, превратилась в отличную лестницу длиной не менее ста футов, ведущую в туннели некрополя — в город мертвых, находящийся под базиликой.

Нащупав опору для ног, Батория стала спускаться вниз по витой колонне балдахина, держась руками за металлические венки, обвивающие ее поверхность.

---

[1] Трансепт — поперечный неф или несколько нефов, пересекающих продольный объем в крестообразных по плану зданиях.

[2] Стигийский — относящийся к реке Стикс, через которую, согласно древнегреческой мифологии, умерших перевозили в страну мертвых.

Там внизу радостно скулил Магор, чувствуя ее приближение.

Она улыбалась, ощущая тяжесть Книги на своей груди.

Вот теперь они скроются из Рима — а может быть, даже и от Него.

Глава 59

28 октября, 17 часов 15 минут
по центральноевропейскому времени
Государство Ватикан, Италия

Джордан сбил Эрин с ног. Ушиблась ли она при этом? Он повалил ее на мраморный пол в ту же секунду, как прогремел взрыв.

— Эрин?

Она молча указала ему на то, что видела за его спиной.

Облако пыли заволокло большую часть базилики позади него, но Джордан, не вставая, перевернулся и вытащил из-под куртки свой пистолет-пулемет. Как только пыль и дым немного рассеялись, он, сделав один выстрел, ранил стригоя в плечо. Черная кровь брызнула на белый камень. Стригой откинулся назад, но движения у него, как показалось Джордану, были какими-то замедленными, словно он шел по воде. Стоун отлично владел своим оружием, но сама мысль о необходимости применять его в базилике казалась ему отвратительной.

Интересно, все ли гражданские лица уже покинули святилище?

Из-за все еще висевшей в воздухе пыли он не мог видеть, что делается вдалеке, но хорошо видел провал с опирающейся на его край и криво лежащей на боку черной скульптурой. Он не мог мысленно не похвалить квалификацию подрывника, работающего на противника.

Левой рукой Джордан помог Эрин встать на ноги, а второй рукой подал ей ее «Кольт 1911». Она, взяв пистолет, навела его на раненого стригоя.

— Они кажутся какими-то оглушенными.

— Может быть, эта благословенная земля отнимает у них силы. — Стоун привел оружие в боевую готовность. — Но дремлют они или не дремлют, выход нам отсюда они перекрыли.

— И что нам делать?

— Займем позицию в каком-нибудь углу, где нас не смогут окружить, — ответил он и потянул ее за собой.

Эрин запротестовала и, указав на дымящийся кратер в полу, объяснила:

— Мы должны следить за Баторией. Она может исчезнуть отсюда вместе с Евангелием.

Стоун вздохнул, уступив ей и зная, что Эрин все равно пойдет за этой женщиной, даже если он воспротивится этому.

— Подчиняюсь указанию командира.

Она улыбнулась в ответ.

Скрываясь за облаком пыли, как за дымовой завесой, они, обойдя кругом апсиду, подошли к краю провала. Эрин, держа пистолет наготове, шла на шаг позади Джордана, прикрывая ему спину.

Большинство стригоев сконцентрировали силы против швейцарских гвардейцев, метавшихся по базилике, время от времени открывая огонь. То, что швейцарцы, отвечая им, не придерживались предосторожностей, необходимых в местах скопления людей, свидетельствовало о том, что базилика уже обезлюдела.

Это к лучшему, — подумал Джордан.

Они с Эрин подошли к краю кратера, не привлекая к себе внимания. Балдахин лежал перед ними на боку, его купол сбился на одну сторону. Раньше, если смотреть с пола базилики, высота всей бронзовой конструкции казалась не меньше ста футов, но теперь она возвышалась над ним всего лишь футов на двадцать, а это значило, что восемьдесят футов опорной колонны опустились вниз, в темноту — туда, где скопились готовые к действиям стригои.

Край пыльного облака справа от них заколыхался, и из него показались две фигуры, в черном и красном одеяниях: Рун и кардинал.

— Уведите эту женщину из базилики Святого Петра, — приказал Бернард.

— Скажите ей об этом сами, — посоветовал ему Джордан.

Словно подтверждая невозможность приказать что-либо «этой женщине», Эрин спрыгнула с края растрескавшейся мраморной плиты на бронзовый купол балдахина. Она качнулась назад, но затем схватилась за один из небольших уголков — за тот, который поддерживал в воздухе корону.

Джордан и Рун прыгнули вниз почти одновременно с ней и приземлились на купол по обе стороны от нее. Чуть спустя к ним присоединился и кардинал, оказавшись на куполе рядом со сферой, увенчанной крестом. В ту минуту это казалось необходимым.

— Если вы с нами, — предостерег его Рун, — встаньте за моей спиной.

Не дожидаясь ответа кардинала, он перебрался на другую сторону купола.

Джордан, ухватившись за плечо Эрин, перед тем как она успела сделать первый шаг, прижался губами к ее уху.

— Как только очутишься на краю, сразу старайся оказаться *за* колонной. А эту массивную бронзовую конструкцию используй, насколько это возможно, для прикрытия, если вдруг начнут стрелять.

Эрин, склонившись к нему, торопливо поцеловала его в губы, а затем, разжав пальцы, вцепившиеся в ангела, соскользнула вниз по бронзовой поверхности и исчезла в глубине за краем провала.

Сердце Джордана, казалось, вот-вот выпрыгнет у него из груди. Для того чтобы выйти из состояния шока, ему потребовалось меньше секунды, после чего он ринулся вслед за Эрин. Он должен был обеспечить ее безопасность, хотя еще не знал, как это сделать.

Добежав до края, он лег на живот, опустил вниз ноги и нащупал множество выступов, которые могли послужить опорами и для рук, и для ног. В следующий момент из света, царившего наверху, он ринулся вниз, в кромешную тьму.

Когда все это закончится, мысленно поклялся себе Стоун, он заберется на самое высокое здание, которое найдет, усядется на его крышу и целый день будет не отрываясь смотреть на солнце и наслаждаться чистым бризом, дующим в лицо. Но сейчас он продолжал снова спускаться *вниз*, не сводя глаз с короны белых волос на голове Эрин. Она, следуя его наставлению, пряталась за колонной.

Перехватывая пальцами золоченый выступ обвивающей колонну декоративной лепнины, Джордан продолжал быстро спускаться, рассчитывая оказаться внизу так же быстро, как если бы он вдруг разжал пальцы и упал. И тут мимо него пронеслась вниз темная тень с красными проблесками.

Кардинал.

— Осторожнее! — прокричал Бернард, пролетая мимо. — Враги там повсюду!

Ничего себе.

Через мгновение Джордан уже стоял на полу. Он включил на короткое время фонарик, закрепленный на стволе его пистолета-пулемета. Вокруг него колыхались какие-то темные очертания, появляющиеся из темных переходов некрополя.

Справа он заметил Баторию, рядом с которой находился и ее огромный *беспощадный волк*. Эта неразлучная пара свернула за угол и исчезла в черном туннеле.

— Туда! — закричал Джордан, указывая стволом направление.

Бросившись к нему, Рун и кардинал встали так, что образовали триаду: Бернард занял место впереди, во главе; Джордан — по левую руку от него. Эрин он втиснул между собой и Руном. Это сейчас было самым безопасным местом для нее, ничего лучшего просто было не найти. Она, подняв пистолет, выстрелила в темноту.

Джордан поднял свой «Хеклер» и дал очередь в ту же сторону.

Брызги черной крови разлетелись по грубым каменным стенам.

Впереди кардинал сцепился в рукопашной с тремя стригоями, показывая, что он еще активен и готов на многое.

Но в сложившейся ситуации до туннеля им было попросту не добраться.

И вдруг чей-то голос, как будто прозвучавший из воздуха, произнес ему в самое ухо:

— Я привел подкрепление.

Стоун обернулся и увидел за своей спиной очкастое ангелоподобное лицо брата Леопольда; позади, за его мелкой хрупкой фигурой, виднелся строй монахов-сангвинистов. Их было не менее двадцати. Подобно дождю, они скатывались с купола балдахина, окружая группу Джордана, и сразу же, не дожидаясь, пока их ноги коснутся пола, вступали в бой.

Леопольд, надвинув очки повыше на нос, дрался, стоя рядом с Джорданом, при этом он больше походил на братишку-подростка, чем на бессмертного Воителя Христова.

Стригои, словно сосредоточившись на этом, по их мнению, слабом звене в обороне, выбравшись из туннеля, расположенного за спиной низкорослого ученого, ринулись на него. Единственным оружием Леопольда был поблескивающий в темноте меч.

Джордан пока отвечал неприятелю силой своих мускулов. Взмахнув своим пистолетом-пулеметом, он ударил по лезвию сабли, отведя его от шеи Леопольда, однако оно все-таки чиркнуло острым концом по плечу молодого сангвиниста.

Глаза ученого округлились.

Взбешенный стригой повернулся к Джордану. Он был огромным, чернокожим и сплошь покрытым татуировкой, с носа и с ушей у него свешивались кольца. Джордан вспомнил, что этого типа он заметил еще в Германии среди головорезов Батории. По его мнению, тот был кем-то вроде лейтенанта среди велиалов, а значит, он наверняка принимал участие в организации нападения на команду Джордана в Масаде.

Улыбка, похожая на звериный оскал.

— Леопольд, отойди назад, — предостерег ученого Джордан, готовясь к схватке с этим бандитом, который продолжал улыбаться.

Глаза молодого монаха сделались огромными, когда он посмотрел на Джордана, вернее, *за спину* Джордана.

Взглянув на отражение в стеклах очков Леопольда, Джордан заметил движение за своей спиной. Он увернулся, и в его руке мгновенно очутился нож «Боуи».

Какой-то гигант — скелетная копия громадного лейтенанта стригоев — набросился на него, его распяленные во всю ширь широченные челюсти были нацелены на горло Джордана.

Не прекращая уворачиваться и отпрыгивать в сторону, Стоун изловчился сунуть посеребренное лезвие своего ножа между этими щелкающими челюстями и по самую рукоятку всадить его в горло громадного стригоя.

Теперь у тебя есть время подумать.

Обезумевший от боли монстр завопил, подпрыгнул в воздух, словно чертик из табакерки, стараясь при этом изо всех сил вырвать рукоятку ножа из пальцев Джордана. Подпрыгнул он высоко, и еще до его падения на землю из его рта и из отверстия в затылке, в которое вышел нож, вырвались клубы дыма и потоки кипящей крови.

Его уже мертвое тело с грохотом упало на камни.

Злобный вопль раздался позади:

— Рафик!

Взгляд диких, полных печали глаз застыл на Джордане.

— Что, разволновался, верно? — прорычал Джордан. — Потерял любимое существо?

Стригой бросился на Джордана, он летел по воздуху, а его плащ развевался, как крылья икаропса размером с человека.

Джордан, припав на колено, навел на него свой пистолет-пулемет и выпустил очередь, кромсая грудь этого монстра пулями из чистого серебра.

— Это тебе за моих ребят.

Лейтенант-стригой рухнул на камни, тело его дымилось. Но он был еще жив и в агонии пытался ползти к поверженному ножом Рафику.

Леопольд подхватил брошенный этим монстром меч — тот самый, которым стригой намеревался убить его, — и бросился к врагу, цеплявшемуся из последних сил за жизнь.

А тот почти уже достиг цели, он вытянул вперед свою окровавленную руку, пальцы тянулись к существу, которого он называл Рафик, желая в последний раз прикоснуться к нему.

Не чувствуя жалости к этому умирающему монстру, Леопольд со всей силы стал наносить подобранным мечом удары по телу, распластанному на каменном полу.

Голова стригоя отлетела от тела, а его протянутая рука безвольно шлепнулась на пол. Отсеченные пальцы упали рядом, а два оставшихся на руке пальца обречены были на вечное расставание со своими отрубленными собратьями.

Леопольд отвернулся от поверженного стригоя и, посмотрев вокруг, смущенно спросил:

— А куда делись все остальные?

Джордан, повернувшись вокруг, с удивлением смотрел на место, где всего полминуты назад была Эрин.

Ее не было.

И Руна тоже.

Глава 60

28 октября, 17 часов 34 минуты
по центральноевропейскому времени
Некрополь под базиликой Святого Петра, Италия

Эрин увернулась от направленного прямо на нее стригойского меча.

Рядом с ней был Рун. Он рывком почти сбил ее с ног и прикрыл своим телом. Одним прыжком он настиг стригоя и, полоснув клинком по горлу, отбросил прочь, как щенка.

Осмотревшись вокруг, Эрин поняла, что они вдруг оказались одни в том самом туннеле, в котором скрылась Ба-

тория. Она посмотрела назад. Там в помещении основного некрополя вниз по колоннам спускались сангвинисты, спеша на помощь своим собратьям, ведущим подземное сражение.

— При первой же возможности возвращайтесь к Джордану, — сурово приказал Рун тоном, не допускающим возражений. — Я догоню Баторию.

Взмах сутаны — и он скрылся в черном туннеле.

Выбора у Эрин не оставалось, и она стала наблюдать за тем, что происходит на поле боя, откуда доносились истошные крики и запах крови. Пристальным взглядом она рассматривала происходящую там резню, пока наконец не увидела Джордана. Он стоял, прислонившись спиной к одному из металлических цоколей, ведя огонь по другому туннелю, откуда потоком изливались стригои.

Там царил такой хаос, словно вдруг ожили полотна Босха, изображающие сцены в аду.

Эрин никогда не смогла бы пройти через весь этот ужас. Если бы ей даже удалось миновать стригоев, ее мог бы свалить огонь своих. Она повернула обратно в сторону пустого туннеля, в котором скрылся Рун. Там, как ей казалось, было безопаснее всего.

Держа фонарь в левой руке, она опустила его ниже, ведя правой рукой по стене туннеля, стараясь не пройти мимо входа в боковое ответвление. Если она дойдет до пересечения туннелей и не будет знать, в каком направлении двинулся Рун, то ей необходимо будет повернуть назад.

Усиленный эхом грохот выстрелов доносился до нее из того места, где проникавший откуда-то серый свет освещал изгиб туннеля. Эрин быстро пошла вперед, но тут до нее снова донеслось свирепое, гортанное рычание, заставив перейти на более медленный и осторожный шаг.

Она достала джордановский «Кольт», заряженный патронами с серебряными пулями. Двигаясь тихо и осторожно, достигла поворота туннеля. Шаг за шагом минула поворот...

Внезапно раздавшийся треск пистолетного выстрела буквально заставил ее подпрыгнуть в воздух.

Совсем близко в туннеле она видела, как Рун, держа в руке дымящийся пистолет, с немыслимой скоростью бежал следом за громадным *беспощадным волком*. Затем, остановившись, он отвернулся от бестии и приготовился снова броситься за Баторией, которой нигде не было видно. Внезапно Рун резко остановился и снова повернулся в ту же сторону — в его движениях была обычная грация.

Он увидел ее за громадой волка. Без сомнения, он услышал ее сердцебиение или заметил игру теней, вызванную светом ее фонаря.

Но в туннеле он был не один. *Беспощадный волк* кружил вокруг, не сводя глаз с нее и скаля зубы, его мускулы напряглись перед прыжком.

— Эрин, беги!

Уши хищника повернулись в сторону Руна, но от Эрин он не отвернулся.

Рун с пистолетом в руке бросился к ней, выпуская пули в зад зверя. С оглушительным воем волк повернулся кругом, взмахнув в воздухе задними лапами, и бросился на Руна. Эрин потеряла его из виду — все поле ее зрения заняло тело волка.

Загремели выстрелы.

Она подняла свой «Кольт», но не стала стрелять, опасаясь, что выпущенные из него серебряные пули могут поразить Руна.

А волк, встряхнув своей толстой шеей, бросился, раскрыв пасть, на Руна. Огромная туша сбила его с ног, словно тряпичную куклу. Стены туннеля окрасились кровью, пистолет выпал из руки Корцы, но тот старался изо всех сил добраться до ножа.

Понимая, что ее помощь необходима, Эрин выстрелила в волка из пистолета, пуля попала тому в плечо. Зверь дернулся, но только и всего. Она стреляла снова и снова, надеясь, что количество серебра, попавшего в зверя и действующего на его организм, наконец-то подействует. С боков у него свешивались клоки шерсти, но волк по-прежнему не обращал на нее внимания и прижимал Руна к полу, его челюсти щелкали у самого его горла.

А сам Рун не шевелился.

Эрин бросилась вперед, услышав пронзительный свист, донесшийся из туннеля.

Батория.

Беспощадный волк, бросив Руна и стряхнув с морды кровь, стремглав бросился в глубь черного туннеля.

Сунув в кобуру бесполезный теперь пистолет, Эрин бросилась к Корце и опустилась возле него на колени. Ее джинсы мгновенно намокли от крови — но это была не ее кровь.

Эрин включила фонарь и навела его луч на Руна. Кровь из разорванного горла стекала по обеим сторонам его шеи и пузырилась на губах, когда он пытался говорить.

Обеими руками Эрин зажала эту страшную рану. Холодная кровь, растекаясь по ладоням, просачивалась между пальцами.

Прокашлявшись, он прочистил свое горло настолько, чтобы приказать ей:

— Иди обратно.

— Только после того, как ты остановишь кровотечение.

Раны были настолько глубокими, что Эрин не была уверена, сможет ли Корца сделать это, но она все еще помнила, как он управлял своей системой кровообращения в резиденции кардинала в Иерусалиме.

Он закрыл глаза, и кровотечение из разорванной шеи замедлилось, превратившись в тонкую струйку.

— Отлично, Рун, отлично.

Эрин принялась шарить руками по его телу, стараясь нащупать бурдючок с вином, висевший на поясе у бедра.

— Недостаточно...

Фляжка выпала из ее скользких от крови рук и упала на пол. Эрин подняла ее и стала отвинчивать крышку. Та поддалась лишь с третьей попытки. Может быть, стоило полить из фляжки его раны? Или дать ему выпить ее содержимое? Она вспомнила, как Надия сперва окропила его раны.

Следуя ее примеру, Эрин смочила раны Руна. Он застонал и, казалось, впал в забытье. Она затрясла его за плечо, пытаясь вернуть в сознание.

— Скажи мне, что делать, Рун!

Он медленно приоткрыл веки, но его взгляд был направлен не на нее, а в потолок, а потом его глаза закатились.

В России Распутин мешал человеческую кровь с вином. Такое снадобье, как ей казалось, действовало на Руна более исцеляюще, нежели чистое священное вино.

Эрин поняла, что ему необходимо.

Не вино.

Не сейчас.

Руну необходима человеческая кровь.

Она нервно сглотнула слюну. Рука ощупала колотые раны на ее шее, оставленные ошейником, который Батория силой надела на нее.

Эрин посмотрела в темную даль туннеля. Никаких признаков присутствия Батории или волка. Эрин понимала, что эту женщину она не сможет поймать никогда. Пока вся надежда на то, что Евангелие можно спасти, связана с Руном. Если Батории удастся исчезнуть из Рима с Книгой, мир изменится навсегда.

Но готова ли она сейчас сделать это? Рискнуть всем и поверить в то, что ее кровь исцелит Руна? Каждая клеточка ее сознания — сознания ученого — восставала от одной мысли об этом.

После того как кровь стала сочиться из ран и ее надежда на предрассудки испарилась, Эрин перестала видеть смысл в этой упорной вере. Она очень хорошо помнила, что произошло с ее матерью и отцом, когда они перестали логически мыслить. Они передали судьбу ее новорожденной сестры Эммы в руки безразличного Бога — и из-за этих слепых верований Эмма умерла.

Но ведь в прошедшие дни Эрин видела вещи *сверхъестественные*. Попросту отмахнуться от них она не могла; она не могла объяснить их с помощью логики и науки. Но в то же время была ли она готова доверить свою жизнь какому-то чуду?

Опустив глаза, Эрин пристально смотрела на Руна.

А какой выбор у нее был?

Даже если она сможет пробиться с боем к Бернарду и остальным сангвинистам, предупредить их и привести сюда, Батория будет к этому времени уже далеко отсюда. Она не должна исчезнуть с Книгой. Ставки для мира были очень высоки, а поэтому Эрин должна попытаться сделать все возможное — даже положиться на силу *веры.*

Она склонилась над Руном и приложила свою шею к его холодному рту.

Он не пошевелился.

Приподнявшись, Эрин провела ногтями по засохшим струпьям на своем горле, отрывая их от ран. Потекла кровь. Она снова прижалась своим кровоточащим горлом к его раскрытым губам.

Он захрипел и повернул голову, отказываясь пить ее кровь.

— Ты должен сделать это.

Он ответил ей шепотом, в котором ясно слышалась боль:

— Начав, я ведь могу...

Она закончила начатую им фразу:

Начав, я ведь могу не найти в себе силы остановиться.

Могу не найти в себе силы было важной частью фразы.

Это означало, что, решившись на этот шаг, Эрин должна полагаться не только на веру, но также и на Руна.

Но если я откажусь от этой попытки, то можно считать, что велиалы уже выиграли.

Эрин, склонив голову, приблизила свое горло к его рту. Ее кровь закапала на его губы.

Из горла Корцы вырвался глухой стон, но на этот раз он не отвернул голову.

Сердце Эрин забилось сильнее, в ней еще живо было животное начало, подбивающее ее убежать, — но ведь, в конце концов, она же не была животным. Эрин оставалась твердой, в своем сознании она видела Даниила, входящего в львиное логово.

Я могу сделать это.

Водя глазами вокруг, она все-таки заставила себя остановить взгляд на Руне. Его глаза были ожившими и насто-

роженными, словно те несколько капель ее крови уже вдохнули в него жизнь.

Проведя языком по губам, он сделал глотательное движение и, взяв ее за плечо, осторожно притянул к себе. Она напряглась, хотя и знала, что сможет остановить его, поскольку он был еще очень слаб. Ее тело продолжало молить ее о том, чтобы бежать отсюда. Но она, сделав глубокий вдох, предала себя *вере*.

Рун, повернувшись, уложил ее на камни рядом с собой и приподнялся, опираясь на один локоть; в его черных глазах светился немой вопрос. Она вся дрожала, лежа на твердом каменном полу.

— Эрин. — Он произнес долгий звук *н* на конце ее имени. — Нет. Даже за эту цену... все равно нет.

— Я же не могу справиться с Баторией и с *беспощадным волком*, — взмолилась она. — Спасти Евангелие можешь только ты.

В его глазах Эрин ясно видела разочарование, понимая, что он не может усомниться в ее логике.

— Но...

— Мне известно, что будет впоследствии, — прервала она его, повторяя те же слова, которые произнесла перед тем, как спустилась в трещину в Масаде. Вот и *пришло время* этих последствий. — Ты должен это сделать.

Его губы медленно опустились к ней, на его лице появилось выражение нежности, которое удивило и восхитило ее.

Но вдруг он, отпрянув от нее, остановился.

— Нет... только не ты...

— Ведь ты же дал обет. — Эрин сжала пальцы в кулаки. Она думала обо всех жизнях, которые будут порушены, если кто-то из них не исполнит свой долг. — Книга имеет более важное значение, чем все эти правила.

— Я понимаю... будь на твоем месте кто-либо другой. Но... — Корца сжал рукой ее плечо. — Я не могу питать свое тело *тобой*.

Эрин пристально посмотрела ему в лицо. Ее взгляд видел сейчас то, что было скрыто под воротом его сутаны, что

таилось за прикрытыми губами клыками, — ее взгляд видел *мужчину*.

Рун откинул пряди волос с ее лица, его ладони, холодные, но очень нежные, обхватили ее щеки. У нее не было слов, чтобы убедить его нарушить свой святой обет. Она не знала, как разбудить в нем жажду крови, присущую сангвинистам. Сейчас в ее распоряжении было лишь одно средство: относиться к нему как к обычному мужчине. А к себе как к обычной женщине.

Эрин приподняла голову с камня, взгляд ее глаз сосредоточился на черных глазах Руна. И в их глубине она увидела внезапную вспышку страха. Он был так же напуган, как и она, а возможно, даже сильнее. Она пробежала пальцами по его густым волосам, притянула его губы к своим. Рун закрыл глаза, и она поцеловала его. От его холодных губ у нее во рту остался вкус крови.

Она притянула его ближе к себе и почувствовала, что последние остатки сопротивления пропали — его прежде твердые губы стали мягкими и зовущими. Его рот приоткрылся, так же как и ее рот, и произошло это так же естественно, как цветок раскрывает лепестки навстречу утреннему солнцу.

Он притянул ее к себе, она почувствовала, как его тело оказалось поверх нее.

Он был холодным, но жара, исходившего от ее тела, было достаточно, чтобы согреть обоих.

Ее язык нашел его язык — это как бы послужило для Руна сигналом к дальнейшим действиям. Стон вырвался из его полусомкнутых губ, а может быть, это был ее стон. Она почувствовала, как внутри его рта медленно появляется что-то острое, похожее на зубчатую стену, закрывающую ее проникновение, но она стала действовать быстрее: ее язык, проникший вглубь, почувствовал какой-то сладостный укол, словно в него воткнулось что-то подобное острию шипа терновника.

У нее потекла кровь, наполнившая оба их рта.

Но перед тем как ощутить во рту вкус железа и страха, ее сознание внезапно всколыхнулось, осознав сущность и суть ее жизни: сладость и горение жара, под воздействием которых отлетели прочь все ее страхи. Она почти чувствовала свою собственную божественность — а ей хотелось большего.

Она притянула его еще ближе к себе.

Рун приник к ней, близость его тела обещала исступленный восторг.

Сила нахлынувшей на нее чувственности оглушила ее. Ее тело не могло сдерживать самое себя. Она изгибалась под ним, поток восторга жизнью соединил их — быстрый и ритмичный, как ее сердцебиение.

Рун оторвал свои губы от ее; их губы были совсем рядом, но не соприкасались. Даже при такой малой удаленности Эрин чувствовала болезненную пустоту. Он застонал, словно почувствовал то же самое. Ее лицо чувствовало его прерывистое дыхание.

Эрин увидела его глаза, такие большие и черные, каких не видела никогда, да еще с каким-то замогильным мерцанием. Не чувствуя страха, она погрузилась в эту темноту — своими сияющими глазами, всем жаром своего тела. И, выгнув шею, подставила ему свое горло, предлагая ему напиться из этого пылающего источника — она желала этого всеми фибрами своего естества.

Рун принял ее.

Пробный прокол клыков — а затем они вонзились на всю глубину.

Ее тело дышало жаром, согревая холодные губы, приникшие к ее горлу.

Эрин корчилась под ним, открывая себя для наслаждения. Темнота начала сгущаться на границах ее поля зрения. С каждым ударом ее сердца он поглощал ее своим телом.

Экстаз заполнял паузы между ударами ее сердца, сперва изнуряюще быстрыми, когда ее тело полностью отдалось чувству. Потом время неожиданно замедлилось, наслаждение распространилось по всему телу и стало еще более силь-

ным. Эрин ждала момента, когда сердце ее остановится и она навечно останется в таком состоянии. Все остальное было ей безразлично.

Только блаженство.

А потом мягкий, медленно усиливающийся свет окружил, окутал ее — любовью, но совсем не похожей на ту, что она знала когда-либо до этого. Это была любовь, которую Эрин жаждала получить от матери, от отца, от малютки-сестры, которой так и не представился шанс вырасти.

Где-то в далекой глубине сознания она понимала, что умирает, — и была более чем благодарна за это. Она дышала с такой легкостью, словно делала первые в жизни вдохи.

А потом она увидела их.

Ее мать стояла в туннеле, залитом светом. Маленькая девочка стояла рядом с ней. Эмма. Ее детское одеяльце свешивалось с ее руки, на нем не было уголка, который отрезала Эрин. Ее отец стоял позади них, одетый в свою старую красную фланелевую рубашку и джинсы, у него был такой вид, словно он только что вышел из конюшни. Отец поднял руку и помахал ей, призывая присоединиться к ним. Впервые за многие годы при виде его Эрин не чувствовала злобы, только любовь.

Она вытянула руку, приветствуя их всех. Отец улыбнулся ей, она улыбнулась в ответ. Она простила его — и себя тоже.

Он был связан своей *верой,* а она — своей логикой.

А в этот момент они думали совсем о другом.

А потом этот приятный свет померк. И сменился холодной темнотой.

Эрин подняла веки. Рун лежал в отдалении от нее. Скатившись на землю, он лежал, прислонившись к стене, и его трясло. Тыльной стороной ладони он отер рот, отер кровь с губ.

Ее кровь.

Ее веки снова сомкнулись — она чувствовала боль от того, что ее отвергли.

— Эрин?

Рун холодными пальцами провел по ее щеке.

Ее всю трясло от холода и одиночества, от боли, причиненной ей тем, чего она лишилась.

— Эрин.

Рун, подняв ее, положил к себе на колени и нагнулся над ней. Его руки пригладили ее волосы, пробежали по ее спине.

Она, с усилием подняв веки, посмотрела в его глаза для того, чтобы сказать то, что казалось сейчас невероятным:

— Иди.

Он прижал ее к себе так крепко, что ей стало больно.

— Иди, — настоятельно повторила она.

— С тобой все будет в порядке?

Он слышал ее сердцебиение — и знал, что в порядке она не будет.

— Не трать мою кровь понапрасну, Рун. То, что было, не должно пройти бесследно.

— Прости, — сказал он. — Я не смог...

— Я тебя прощаю, — со вздохом ответила она. — А теперь иди.

Корца сорвал с себя свой нагрудный крест и положил его ей на грудь. Она почувствовала его вес на своем сердце. Он согревал ее.

— Пусть Бог защитит тебя, — прошептал Рун. — Так, как я мог бы защитить тебя.

Он нагнулся над ней, лежавшей на грязном каменном полу, накрыл ее своей сутаной и бросился от нее прочь.

Глава 61

28 октября, 17 часов 44 минуты
по центральноевропейскому времени
Некрополь под базиликой Святого Петра, Италия

Рун бросился вперед, как охотник за зверем.

Кровь Эрин, горячая и сильная, пульсировала в его венах. Ее жизнь пела в нем. Он никогда не чувствовал столь-

ко неукротимой силы в своих руках и ногах. Он мог бегать вечно. Он мог победить любого врага.

Его башмаки едва касались каменного пола, ему казалось, что он легко мог бы обойтись без этих касаний и не бежать по каменной тверди, а лететь по воздуху. Быстрее, все время быстрее и быстрее. Воздушный поток ласкал его лицо, струи ветра приглаживали его волосы.

Даже сейчас, одержимый этим порывом, он тосковал по Эрин. Она отдала все за это Евангелие. И за него. Свою ученость, свое сострадание — вот они, становясь тусклее, лежат перед ним. Ведь на полу наверняка умирала его темнота, а не ее свет.

Он не растратит впустую то, чем она пожертвовала.

Горечь и грусть наступят позже.

Его ноздри ощутили мускусный запах *беспощадного волка*, бежавшего где-то впереди него. В этом запахе он различил то, как животное на каждом шагу тяжело припадает на больную лапу, различил запах каждой капли крови, даже маленькой, падающей на землю, когда зверю становилось легче.

Нет, волку никогда не уйти от него.

Он найдет его. Он вернет Книгу. Он сделает все во славу принесенной Эрин жертвы.

Она никогда не будет забыта, ни в один из всех бессчетных дней, которые его ожидают.

17 часов 55 минут

Джордан бежал по туннелю в поисках Эрин. Леопольд трусил рядом с ним. Они пробились через первую волну стригоев, расчищая дорогу к этому туннелю. Джордан надеялся, что Эрин и Рун уже настигли Баторию и завладели Книгой.

После всего этого ужаса и кровопролития ему просто хотелось домой, а стоило ему подумать о доме, как перед ним сразу же возникало лицо Эрин.

— Там! — выкрикнул Леопольд, показывая рукой вперед, туда, где его зоркие глаза обнаружили тело, прижавшееся к стенке туннеля.

Только бы не Эрин. Только бы не Эрин.

Джордан бросился вперед, обгоняя низкорослого сангвиниста. Он освещал путь фонарем, не сводя при этом его луч с неподвижно лежащего тела.

Ой, нет...

С бьющимся сердцем, удары которого отдавались у него в ушах, он бросился к ней и, встав на колени, сразу осмотрел ее горло и нащупал пульс. Кожа ее была холодной, пальцы, касавшиеся шеи, ощутили едва заметное сердцебиение.

— Она жива, — сказал он Леопольду.

— Вернее, чуть жива.

Молодой монах опустился на колени и рывком распахнул сшитый из волчьей шкуры плащ Эрин. Ее белая рубашка до самой талии была в крови. Леопольд достал из кармана баночку с каким-то бальзамом. Когда он открыл ее, Джордан по запаху понял, что это такое же притирание, которым Надия смазывала и его раны.

Но будет ли этого достаточно сейчас?

Леопольд затянул молитву на латыни, нанося свое снадобье на раны Эрин. Джордан, едва дыша и дрожа всем телом, наблюдал за ним.

В течение нескольких секунд кровотечение ослабло, а потом и совсем остановилось. Однако Эрин все еще лежала без сознания с белым лицом.

Леопольд осмотрел ее руки и ноги, возможно ища другие укусы.

— Только шея, — объявил он после осмотра.

Джордан сорвал с себя плащ, накрыл им тело Эрин, чтобы согреть ее, и принялся растирать ее холодные руки.

— Эрин?

Ее веки задрожали, как будто она спала, — а затем медленно приоткрылись.

— Джордан?

— Я здесь, с тобой. — Он коснулся ее холодной щеки. — Все будет в порядке, только не бойся.

Ее губы едва заметно искривились.

— Обманщик.

— Я никогда не вру, — сказал он. — Скаут-орел, или ты забыла?

Но сейчас он явно обманывал. Никакой надежды на то, что с ней все будет в порядке, не было.

Леопольд потянулся к Джордану и дотронулся до укуса на его руке, который все еще кровоточил, этот укус он получил от одного из распутинских приспешников, а сейчас кто-то во время свалки в базилике сорвал с него засохший струп.

— Какая у тебя группа крови?

— Нулевая, резус отрицательный. Я универсальный донор[1]. — Сердце Джордана радостно забилось, когда он повернулся к монаху. — Ты можешь сделать прямое переливание крови от меня к ней?

Леопольд, достав санпакет из кармана, начал, бормоча про себя, читать инструкцию. Руки его проворно мелькали: он достал шприц, разобрав его, соединил с трубкой, затем присоединил ко второму концу шприца другую трубку.

Пока молодой монах готовил прямую трансфузию, Джордан поправлял пряди волос, закрывшие лицо Эрин, задерживая ладони на ее лбу и щеках.

— Держись, прошу тебя.

Он не знал, слышит она его или нет. *Кто* напал на нее? И где Рун? Он всматривался в туннель, надеясь увидеть в нем тело падре. Но в туннеле было пусто. Неужто Руна захватили?

Леопольд достал смоченную спиртом салфетку и протер руку Эрин, а затем, взяв другую салфетку, протер руку Стоуна.

---

[1] Автор использует устаревшие данные. Раньше считалось, что первая группа крови с отрицательным резус-фактором является универсальной для всех групп, но с открытием агглютиногенов это мнение было признано неверным.

— Джордан, я должен просить тебя сохранять молчание во время процедуры. — Тон Леопольда был более чем серьезным. — Я должен слышать биения ваших сердец, которое покажет мне, сколько твоей крови перетекло в тело Эрин. Я вовсе не хочу, чтобы эта трансфузия закончилась для тебя смертью.

— Ты только спаси ее, — ответил Джордан, прислоняясь к каменной стене и не сводя глаз с бледного лица Эрин.

Леопольд воткнул иглу в ее руку, затем воткнул иглу в руку Джордана. Сержант едва почувствовал это.

Время пошло, казалось, оно тянется нескончаемо, тем более что кругом была непроглядная темень.

Помимо всего Леопольд приложил бинты к шее Эрин.

— Нам повезло. Это простая рана. Стригои обычно не столь аккуратны, когда пьют человеческую кровь.

Джордана всего передернуло, когда он представил себе одного из этих монстров, приникшего к горлу Эрин.

Я должен был лучше охранять ее.

Через несколько минут Леопольд извлек иглу из руки Джордана и прижал ватный тампон к месту, где была игла.

— Это все, что ты можешь ей дать.

— Я могу дать столько, сколько ей нужно. — Стоун выпрямился и расправил плечи. — Делай все, что необходимо.

Свет отразился в круглых стеклах очков Леопольда, когда он покачал головой.

— Только не надо мне угрожать, сержант.

Прежде чем Джордан успел найти что ответить, Эрин открыла глаза, взгляд ее был по-прежнему затуманенным, но она казалась намного более в себе, чем была несколько минут назад.

— Привет.

Джордан, держась за стену, мгновенно опустился к ней и улыбнулся.

— Добро пожаловать обратно.

— Ее пульс стал более явственным, — сообщил Леопольд. — Дай ей немного отдохнуть, и она должна прийти в норму.

— Кто это сделал? — спросил Джордан, зная ответ наперед.

Эрин закрыла глаза, отказавшись говорить об этом.

Джордан поднял руку, показывая, что понял все еще тогда, когда Леопольд сорвал с нее плащ. Он показал на крест.

— Рун?

Леопольд от неожиданности вздрогнул.

— Эрин? — Джордан пытался говорить спокойно, стараясь скрыть от нее распаляющий его гнев. — Это Рун сделал с тобой?

— Он должен был это сделать. — Она кончиками пальцев поправила бинты на своей шее. — Джордан, я уговорила его сделать это.

Он едва расслышал ее слова — гнев буквально жег его, как огнем.

Этот мерзавец выпил кровь Эрин и оставил ее умирать в одиночестве.

Она старалась сесть и объяснить, что произошло.

Джордан подхватил ее на руки и прижал к своей груди. Его руки обнимали ее тело. Ей было по-прежнему холодно, но чуть теплее, чем прежде.

— Мы должны были сделать это, Джордан, для того чтобы исцелить его, — а без этого он не смог бы помешать Батории исчезнуть отсюда с Евангелием. Рун ведь почти умирал.

Джордан прижал ее ближе к себе, подставив ей под голову плечо.

Леопольд, поправив плащ, накрывающий их обоих, повернулся к ним спиной и, сев рядом, обдумывал что-то, вертя головой то в одну сторону, то в другую.

Джордан прижался подбородком к голове Эрин. От нее пахло кровью. Накрытая плащом, она свернулась так, чтобы быть как можно ближе к его груди. Джордан, сделав осторожный вдох, расправил грудь так, чтобы ей было удобнее.

Леопольд встал на ноги — встал немного поспешно.

— В чем дело? — спросил Стоун.

Леопольд повернулся к нему.

— К нам идут стригои. Дело еще не закончено.

18 часов 24 минуты

Эрин вздрогнула, когда Леопольд поставил ее на ноги. Второй рукой он приподнял Джордана, помогая ему встать, — со стороны могло показаться, что здоровяк-сержант весит не больше тряпичной куклы. Джордан, пошатываясь, отошел на шаг и пришел в себя. Сейчас он был слабее, чем ему казалось. Переливание крови не прошло для него даром.

Стоун положил руку Эрин на свое плечо, а другой своей рукой обхватил ее за талию. Она пыталась протестовать, убеждая его, что отлично может идти сама, но он был уверен, что больше нескольких шагов ей не пройти. Сейчас было неподходящее время для проявления ложной гордости.

— Пошли.

Леопольд, пристально вглядываясь в туннель за своей спиной, подтолкнул их вперед.

Эрин заупрямилась, желая оставаться на ногах. Они с Джорданом изо всех сил старались бежать, но даже по людским меркам передвигались очень медленно.

Леопольд, обнажив меч, прикрывал их с тыла.

Доносившееся из-за их спин и усиленное эхом рычание становилось все громче.

— Впереди поворот, — предупредил Джордан. — Вот там мы с ними и встретимся.

Леопольд подтолкнул их вперед, а затем, остановившись и указав рукой в туннель, сказал:

— Я остаюсь здесь. Вы идете дальше.

— Нет. — Джордан стал как вкопанный.

— Вы входите в троицу, о которой говорит пророчество, — спокойно сказал Леопольд. — Мой долг — спасти вас. Найдите Руна. Верните Книгу. Это будет уже *ваш* долг.

Джордан сжал челюсти, но не сказал ничего.

— Идите с Богом.

Леопольд остановился на повороте туннеля, его меч сверкнул серебром, и он повернулся лицом к приближающемуся врагу.

Не имея другого выбора, Эрин, поддерживаемая Джорданом, бежала, терзаемая муками совести из-за того, что Леопольд остался один. Но сколько других уже отдали свои жизни за то, чтобы они могли двигаться вперед? Они должны гордиться той кровью, что отдана за них, но не отступать.

Дикие вопли все громче слышались за ее спиной, а вместе с ними и лязг стали.

За ее спиной похожий на мальчика ученый в одиночку схватился с дикими стригоями — но сколько он может продержаться, отчаянно защищая и оберегая их?

Эрин сконцентрировала все свое внимание на том, чтобы переставлять отяжелевшие ноги, заставляя себя не думать о том, чтобы сдаться и перейти на руки Джордана.

Луч фонаря Стоуна метался в такт их шагам, освещая гладкий каменный пол туннеля, сложенный из массивных блоков, и грубый арочный свод над их головами.

Эрин перестала ориентироваться и во времени, и в расстоянии. Граница ее мира пролегала в одном шаге от нее.

Далеко впереди показался свет, мерцающий и тусклый. Джордан тянул ее вперед, по направлению к этому свету, который становился все ярче и ярче.

Свернув за угол, они увидели источник света — это был фонарик, закрепленный на стволе пистолета. В силуэте, на фоне которого светил этот источник света, они безошибочно узнали гибкую фигуру Батории, ее рыжие волосы, свободно спадающие на плечи, ее обращенную к ним спину.

Пистолет, который она держала в руке, был наведен на Руна.

В нескольких ярдах от нее Корца дрался с *беспощадным волком*, громадная туша которого возвышалась над священником. Хищник, брызжа слюной, рычал ему в лицо, готовясь разорвать горло. На этот раз у Руна было достаточ-

но сил, чтобы держать его на дистанции, — сейчас их силы были примерно равными. Но это сражение потребовало все силы, только что полученные падре со свежей кровью.

Батория, внимание которой было приковано к схватке, не заметила внезапного появления Джордана и Эрин. Она ходила рядом со сцепившейся парой, намереваясь закончить это, как ей казалось, затянувшееся сражение между падре и волком с помощью нескольких серебряных пуль.

Дрожа от слабости, Эрин молча подала Джордану команду.

Помоги ему!

Лицо Джордана оставалось неподвижным. Он стоял, застыв в недвижной позе, и его рука не тянулась к оружию.

Ну, хватит...

Эрин, проскользнув за его спину, выхватила свой «Кольт». Совсем недавно она выпустила почти целый магазин в *беспощадного волка*. Тогда пули едва заставили его повернуться и посмотреть в ее сторону. Убить этого зверя из пистолета она не сможет.

Но надо же что-то делать.

Батория, все еще повернутая к ним спиной, медленными шажками подошла совсем близко к волку, нацелив пистолет Руну в лицо.

— Теперь ты освободишь нас обоих.

Эрин заметила бинт на предплечье Батории. Его белизна резко выделялась при тусклом свете. Эта повязка как будто снова перенесла ее в цирк Нерона. Она вспомнила, как раскрылась вновь рана Батории, как та в панике отогнала от нее волка и на каком расстоянии держался Михир от капли ее крови. Эрин никогда до этого не видела, чтобы какой-либо стригой реагировал на кровь подобным образом. Михир боялся сделать даже один шаг к той капле. Затем Эрин вспомнила дымящуюся кровь Михира, когда та соприкоснулась с серебристо-красной кровью Батории, расплывшейся по полу камеры.

Сейчас она знала, что делать.

Отойдя от Джордана, Эрин встала так, чтобы видеть и Баторию, и волка, и прикинула величины углов. Она дер-

жала пистолет наготове перед собой, вцепившись в него обеими руками, прицелилась в нее, потом в волка, сделала глубокий вдох...

На выдохе указательный палец ее левой руки нажал на курок.

Прогремел выстрел. Батория качнулась вперед, а *беспощадный волк* завыл в агонии.

Джордан повернул к Эрин удивленное лицо, но она, не сводя глаз с Батории, прицелилась для второго выстрела.

Беспощадный волк соскочил с Руна и заметался кругами по туннелю, припадая на лапу. Пуля, перед тем как попасть в волка, прошла через тело Батории, и на ней оставалась ее кровь. Волчья шерсть встала дыбом, дым поднялся струей в воздух из пробитой пулей раны.

Для стригоев, а также и для созданных ими нечестивых существ кровь Батории была отравой.

Батория повернулась и увидела перед собой Джордана и Эрин. Кровь залила всю ее рубашку, кровавое пятно растекалось дальше, покрыв ее правое бедро. Ее губы скривились в насмешке. Подняв свой пистолет, она навела его на них.

Эрин твердой рукой нажала на курок три раза подряд. Все три пули прошли навылет через грудную клетку Батории и вошли в заднюю часть тела *беспощадного волка*.

Батория рухнула назад, задержавшись спиной о стену, ярко-красное пятно на ее груди все ширилось. Она соскользнула на пол, ее серебристые глаза широко раскрылись от удивления. Пистолет выпал из слабеющей руки, зазвенел об пол, падая возле нее. *Беспощадный волк* свалился на пол, сильная судорога прошла по всему его телу. Кровавые пятна на его шкуре дымились, из пасти шел дым. Он был не в состоянии встать на лапы и, жалобно завывая, полз на животе, оставляя за собой на полу полосу крови.

Добравшись до Батории, волк положил голову ей на колени. Она, подняв руки, обвила ими его голову.

Позади них Рун с трудом поднялся на ноги и поднял с пола пистолет Батории. Выпрямившись, он повернулся и посмотрел на Эрин. При виде ее его губы растянулись в

некое подобие усталой улыбки — видя ее на ногах, он испытывал явное облегчение, а возможно, и более сильные чувства. Как бы то ни было, Эрин понимала, что это была его первая искренняя и честная улыбка, обращенная к ней. Он выглядел молодым, ранимым и очень человечным.

Она, спотыкаясь, двинулась к нему, но Джордан потянул ее назад.

— Не стоит подходить ближе.

В его руке был пистолет, направленный на Руна.

Улыбка сошла с лица Корцы, и мир померк в его глазах.

Глава 62

28 октября, 18 часов 54 минуты
по центральноевропейскому времени
Некрополь под базиликой Святого Петра, Италия

Магор...

Батория ласково поглаживала огромную голову волка, лежавшую на ее коленях. Она чувствовала его агонию, слышала его стоны — это ее кровь стала для него отравой. Ярко-красные, с серебристым оттенком, потоки струились по ее груди, образуя лужи на коленях, там где он лежал, они сжигали его шкуру, погружали его в агонию.

Прошу тебя, уходи... не надо так умирать...

Батория пыталась оттолкнуть его от себя, но он, несмотря на боль, прижимался ближе к ней, потому что не мог не быть с ней.

У нее уже не было сил на то, чтобы прогнать его, она наклонилась к нему, а он смотрел на нее одним уже закатившимся глазом. Батория запела ему прощальную колыбельную. В ней не было слов. У нее не хватало дыхания на то, чтобы произносить слова. В этой ее песне было что-то более глубокое, чем то, что может выразить язык. Она пела и видела летнее солнце, а под его лучами — маленького мальчика с белым сачком, бегающего за бабочками среди высокой травы. В ее песне были и смех, и любовь, и простое человеческое тепло, передающееся от одного тела к другому.

На краях поля зрения появилась темнота, постепенно сужающая его до такого размера, что различимым остался только затянутый пеленой боли глаз, с любовью смотрящий на нее. Она наблюдала, как ярко-красное свечение внутри него угасает, принимая цвет позолоты по мере того, как проклятие, тяготевшее над ним почти с рождения, сходит на нет и Магор становится снова обычным волком... а вся жестокость и злоба остаются позади.

Да и сама боль уходила из его огромного, так любимого ею тела, когда она склонялась над ним.

Боль покидала ее тело вместе с кровью, оставляя после себя мир и покой.

Темнота поглощала их, и она, чувствуя скорый конец, направила последнее послание своему другу.

Пойдем искать Хунора...

Глава 63

28 октября, 18 часов 57 минут
по центральноевропейскому времени
Некрополь под базиликой Святого Петра, Италия

Рун опустился на колени перед той, что напоминала ему Элисабету.

Прижимая к груди Евангелие, он молился о ее душе. Каким нежным и молодым выглядело ее лицо после смерти! Огонь ненависти исчез, а вместо него появились чистота и непорочность, осквернённые им много столетий назад.

Его пристальный взгляд застыл на ее бледном горле.

Черная отметина, когда-то испортившая ее красоту, — сдавливающий горло отпечаток неизвестной руки. Корца снова вспомнил сказанные Распутиным в Эрмитаже слова об одной из женщин в каждом поколении рода Батории, обреченной на пожизненные боль и порабощение.

И начало этому положило его осквернение Элисабеты.

Но кто мог сделать такое? Велиалы? Если это так, то что привлекло Элисабету к ним? Наверняка не то, чтобы при-

чинять ему муки... Так чего ради терзать себя из-за потомков Элисабеты Батории? С какой целью?

Теперь, когда эта женщина мертва, Рун понял, что ответов на эти вопросы ему, похоже, не узнать никогда, что, возможно, эта цепь окончательно прервалась.

Молитва закончилась, а он все стоял, устремив взор на эту скромную Книгу, которую взял у нее.

С помощью существа, над которым тяготело пожизненное проклятие, он передал миру это великое благо. А возможно, Евангелие хранит в себе тайну, узнав которую он сможет перестроить и свою жизнь. Корца боялся даже и думать о том, чтобы снова стать человеком с бьющимся сердцем и теплой плотью, способной согреть кого-то.

Эрин, ожидая, когда он закончит молитву, стояла в нескольких шагах справа от него. Рядом с ней стоял Джордан, держа наготове свой пистолет-пулемет. Даже после того, что он, сангвинист, сделал с нею, Рун не мог ни в чем обвинять этого человека.

— Так ты не собираешься ее открыть? — спросила Эрин.

Рун открыл Книгу и повернул ее вокруг, так что Эрин и Джордан могли видеть страницы.

— Вот я и открыл ее, — сказал он.

На первой странице был всего один абзац, написанный по-гречески. Остальные страницы выглядели пустыми — очевидно, в ожидании дальнейшего чуда, в результате которого в Книге, оказавшейся на свету, появится текст. Но то, что они видели сейчас, внушало страх.

Эрин с Джорданом подошли ближе, влекомые любопытством, которое свойственно тем, чьи жизни продолжаются недолго.

— Какого черта? — заорал Джордан. — Вся эта кутерьма была из-за одного абзаца?! Неужто это все?

Эрин смотрела на страницу таким пристальным взглядом, словно мысленно приказывала словам появиться на бумаге, подчиняясь силе ее воли. Она перевела то, что видела:

— *Надвигается великая война между Небесами. Для того чтобы победу одержали силы добра, оружие должно*

быть выковано из этого Евангелия, написанного моей собственной кровью. Троица, о которой говорит пророчество, должна принести эту книгу к Первому Ангелу для его благословения. Только так они могут спасти мир.

— Тебе бы в священники пойти... — Джордан отступил на шаг назад. — Если эту Книгу необходимо *благословить*, так давайте же благословим ее.

— Я не *Первый Ангел*. — Рун провел рукой по гладкой кожаной обложке, стараясь узнать, что только возможно; он чувствовал, что они стоят у самого истока какой-то величайшей истины. — Благословить эту Книгу должен *первый* — тот, кто чист сердцем и делами. Только тогда нам откроется большее.

— Значит, это явно не ты, верно? — спросил Джордан.

— Джордан!

— Он прав. — Желая поскорее закончить этот неприятный для него разговор, Рун передал Книгу Эрин. — Я не чистый. Даже мои сегодняшние дела подтверждают, что это именно так.

— Да не сделай мы этого, Книга бы пропала!

Рун заметил, как вспыхнули щеки Эрин, и услышал, как часто забилось ее сердце. Чем было для нее то, что он напитал ее кровью свое тело, и испытывает ли она стыд, думая об этом? Он задумался о той давней ночи, когда сам был перевоплощен.

— Я не одобряю цену, которую заплатила Эрин, — сказал Джордан, бросая сердитый взгляд на Руна.

— Это был наш выбор, а не твой. — Эрин, прижав Книгу к груди, отвернулась от него. — Мы так решили.

Опираясь рукой о стену, она пошла назад тем же путем, каким они дошли сюда. Рун хотел взять ее на руки и нести, но не считал для себя возможным касаться ее.

19 часов 04 минуты

Джордан с трудом удерживал себя от того, чтобы застрелить Руна. Тот, как будто чувствуя это, взял его за руку и сказал:

— Мы оба нужны ей сейчас.

Этот каналья был прав, — и ему, Джордану, и Эрин необходима защита Руна для того, чтобы выбраться из этого подземного склепа. Джордан не смог защитить Эрин здесь. А Рун смог. Опустив ствол, Стоун ответил:

— Но так будет не всегда.

Рун утвердительно кивнул.

— Когда она будет в безопасности, поступай так, как подсказывают тебе чувства.

Джордан пошел вслед за Эрин. Она с трудом двигалась вперед, скользя рукой по стене. Стоун обнял ее за плечи. Она напряглась, показывая свое недовольство.

С чего она так злится на меня? Я ведь не оставлял ее умирать.

Джордан, сжав зубы, пошел, шагая в такт ее шагам. Она оперлась на него, вероятно потому, что силы ее были на исходе. Рун обогнал их на несколько ярдов и шел, сохраняя это расстояние. Он выглядел свежим, готовым в одиночку сразиться с кучей стригоев. Если Эрин была права и он почти умирал, то ее кровь определенно дала ему заряд энергии.

После такого суматошного дня голова Джордана буквально раскалывалась, раны болели, рук и ног он почти не чувствовал. Да и переливание крови тоже не прошло для него даром.

Рун прибавил шагу, и вскоре Джордан потерял его из виду. Он крепче обнял Эрин и, проклиная Корцу за его поспешность, принялся изо всех сил догонять священника.

Причина такой поспешности Руна выяснилась, стоило им завернуть за угол. Падре стоял на коленях рядом с лежащим ничком телом в черном одеянии.

Брат Леопольд.

Рун, привстав с колен, поставил его прямо. Леопольд выглядел ужасно, но был еще жив.

— Книга? — с трудом хрипло произнес Леопольд.

— Она в безопасности, — успокоил его Рун.

Услышав эти слова, монах лишился чувств. Рун взял его на руки и пошел по туннелю по направлению к некрополю.

В конце туннеля его глаза увидели неожиданную картину: множество трупов, устилающих землю вокруг осевшего вниз балдахина. Пол был сплошь залит кровью стригоев и сангвинистов, идти надо было с величайшей осторожностью, поскольку это место совсем недавно было полем боя. Несколько сангвинистов патрулировали по некрополю и осматривали тела, но по всему было видно, что сражение уже закончилось.

Столько жертв, и все ради Книги, которую несла Эрин...

Неужели она в действительности того стоит?

Джордан содрогнулся и глубоко вдохнул. Эрин, обхватив его руками, крепче прижала к себе. Книга, которую она держала в руках, давила ему на спину. Когда он склонялся головой к ее плечу, его щека терлась о бинт на ее горле.

Этого он Руну никогда не простит.

Глава 64

29 октября, 05 часов 44 минуты
по центральноевропейскому времени
Святилище под базиликой Святого Петра, Италия

Прошло полночи. Эрин шла между Джорданом и Руном. Они спустились под Рим на большую глубину, чем та, где располагался некрополь и где произошло то памятное и победоносное сражение. Уцелевшие после него стригои были либо добиты, либо спаслись бегством. Один из прежних врагов стал новообращенным и ступил на долгий путь служения Ордену сангвинистов.

Эрин, прижимая к себе Книгу, продолжала спускаться по ступеням. Из-под обложки струился мягкий свет, освещая гладкие каменные стены. По мере того, как они спускались вглубь, свет этот становился все ярче, словно таким образом указывал им путь к источнику питания. Но куда они шли? Рун уже должен был сказать им о конечной точке их пути.

Они спускались все глубже, и Эрин при этом чувствовала прилив сил, становясь сильнее, чем была днем. До этого

ее и Джордана в течение несколько часов подвергали медицинским и оздоровительным процедурам, значительно улучшившим их самочувствие; они узнали, что Его Святейшество хорошо перенес хирургическую операцию и был на пути к полному выздоровлению. В действительности этот старик оказался более сильным, чем казался с виду.

Нейт тоже шел на поправку.

Эрин приняла душ, в конце концов сбросив с себя пропитавшуюся кровью одежду, поела, подремала. Да и Джордан рядом с ней тоже выглядел воскресшим и преображенным. Произошло ли это благодаря отдыху — или благодатному воздействию золотого сияния, излучаемого на них Книгой? С каждым шагом Эрин ощущала прилив новых сил. Тепло и свет наполняли не только пространство зала, но и все ее тело, а возможно, и душу.

Она все еще видела перед собой Баторию, скорчившуюся в смертельных муках над телом своего волка. Хотя смерть ее и была необходимой, Эрин не могла избавиться от чувства вины за то, что лишила ее жизни, понимая, что Батория прежде всего была орудием в чужих руках, чем и были вызваны все ее злодейства. Но она старалась отогнать от себя эти мысли и сосредоточиться на том, что ожидало ее впереди.

Золотое свечение заливало окружающие ее стены из известкового камня, стены, вырубленные в земле с помощью древних молотов и зубил, над которыми возвышался арочный, как в готическом храме, потолок; создание этого подземного сооружения, протянувшегося на много миль, наверняка было делом нескольких поколений.

Пол под их ногами был гладкий, как лед, стертый в своей центральной части неисчислимым количеством прошедших по нему ног. Здесь чувствовалось присутствие какой-то *новой* античности, не похожей ни на опустошенную усыпальницу, ни на древнюю улицу, по которой сейчас катят автомобили, а некогда цокали копыта и шлепали ступни. В этом подземном соборе ощущались слабые ритмические колебания воздуха, который, казалось, оставался здесь с самого начала, но все еще был животворящим.

Туннель вывел их в широкое помещение, возвышающийся над ними сводчатый потолок напомнил Эрин базилику Святого Петра. Но здесь не было никаких украшений, которыми изобиловал собор, возведенный наверху. Обычное неукрашенное помещение. Красоту ему придавала простота линий, мягкость обводов, притягивающих глаз. То, что сделано самой природой без участия человека, либо смущает и расстраивает, либо возвеличивает.

Факелы были установлены в держатели, выкованные из железа и закрепленные на каменных стенах. Над ними в направлении потолка тянулись полосы копоти.

Вдоль стен были расположены закругленные ниши, в каждой из которых стоял простой круглый постамент. На большинстве постаментов возвышались тщательно выполненные скульптуры мужчин и женщин. Почти все выглядели такими же изможденными и измученными, как падре Пирс, однако лица у них были не страдальческими, а умиротворенными и блаженными.

Эрин остановилась и внимательно посмотрела на одну из статуй. Золотистое сияние Книги освещало прекрасную женщину: ее распущенные по плечам волосы доходили до самой талии; закрытые глаза, высокие скулы, загадочная улыбка; изящные руки сложены в молитве под подбородком. Серебряный крест, свешивающийся с шеи, отражал свет, излучаемый Книгой.

Никогда еще Эрин не доводилось видеть ничего более прекрасного. Выражение, застывшее на лице статуи, напомнило ей лицо ее матери, каким оно было поздно ночью, когда она пела ей колыбельные; отец давно уже спал, а они с матерью лежали на постели Эрин, прижавшись друг к другу.

Книга, которую она прижимала к груди, вдруг затрепетала, изгоняя из памяти чувство утраты и напоминая ей о том, что ничего в действительности не потеряно.

Внимательно присмотревшись к женщине, она поняла, что это вовсе и не статуя — это был сангвинист в состоянии

глубокой медитации. Рун как-то вскользь упоминал о таких людях.

О затворниках.

Эрин улыбнулась и пошла дальше, в глубь собора.

— Мы должны встать возле выхода, — сказал Джордан, его подозрительная настороженность была заметна даже в темноте.

Эрин посмотрела на него. После того как они нашли Леопольда, Джордан не сказал Руну не единого слова.

— Я хочу узнать о Первом Ангеле. — Она повернулась к Руну. — Ведь мы пришли сюда именно за этим, верно?

Рун согласно кивнул.

— Мы разыщем самого старого из них. Только он сможет благословить Книгу. Воскресший.

Сердце Эрин забилось чуть быстрее. Даже Джордан выглядел озадаченным.

Воскресший?

За прошедшие несколько дней она достаточно нагляделась на чудеса, чтобы пропустить слова Руна мимо ушей. Эрин представила себе распятие, висевшее над ее кроватью, когда она жила в общине. Может, сейчас ее ждет встреча с кем-то на таком же кресте?

С тем, кто восстал из мертвых через три дня после своего распятия?

05 часов 52 минуты

Рун, перебирая пальцами четки, шептал молитвы, пытаясь навести порядок в мыслях. Корца с благословенным трепетом относился к Воскресшему, поскольку именно он дал жизнь их Ордену, именно он внушил таким, как Рун, что даже проклятый может искать прощения. Не будь его, Рун, должно быть, оставался бы тем, кого называют грязным животным.

Корца пошел дальше в святилище.

Джордан вздрогнул, когда статуя в одной из ниш зашевелилась и повернулась лицом к ним.

— Эти статуи, оказывается, живые! Как Пирс...

— Нет, — покачал головой Рун. — Не как Пирс. Они не попадали в западню и не страдали. Они сами разыскали это святилище.

— Зачем? — спросила Эрин, внимательно наблюдавшая за тем, что происходит.

— После долгих лет, отданных служению, многие решили обрести здесь отдых и посвятить свое вечное существование размышлениям.

Корца знал, что некоторые находились здесь уже по тысяче лет, поддерживая себя лишь малой дозой священного вина.

Брови Джордана взметнулись вверх.

— Я ведь тоже намеревался удалиться от мира и найти приют здесь, — сказал Рун, улыбаясь.

— И что помешало осуществлению этого плана?

Джордан явно не был в восторге от того, что этому плану Руна не суждено было осуществиться.

— Кардинал Бернард призвал меня служить.

Сейчас Рун был благодарен судьбе за то, что внял тогда призыву. Он добыл сведения о Книге, но ведь он также нашел Джордана, и Эрин, и новую жизнь. Может быть, с помощью Книги он сможет снять с себя проклятие, ходить под лучами солнца и не чувствовать боли, питаться простой пищей и вести жизнь смертного падре...

Теплое тело Эрин, стоявшей рядом с ним, зашевелилось.

А может быть, он сможет жить жизнью простого *смертного* вне церковных стен...

Книга в руках у Эрин сияла все ярче. Рун опустился на колени и преклонил голову в молитве.

Книга знала его потаенные желания.

Из темноты перед ними послышались шаги, звучавшие словно из тьмы времен.

К ним подошел Воскресший.

17 часов 53 минуты

Эрин опустилась на колени рядом с Руном, Джордан почти сразу последовал ее примеру. Книга дрожала в ее руках. Она была в замешательстве, не зная, что делать.

— Поднимитесь, — повелел хриплый голос.

Все разом поднялись с колен и, преклонив головы, встали перед Воскресшим.

— Ты принес мне Книгу, Рун?

— Да, Елеазар.

У Эрин перехватило дыхание. *Елеазар?* Она помнила, что это было имя одного из тех, кто первым спрятал Книгу в Масаде. Воскресший не был Иисусом Христом — перед ними было другое чудо.

Перед ними был другой персонаж, *воскресший* много лет назад.

Джордан, склонив голову, смотрел на Эрин, на ее глаза, в которых застыл вопрос. Он не знал, кто стоит перед ними.

И она не знала. Они стояли не перед Христом.

Елеазар — это была древняя форма имени, в настоящее время произносимая как *Лазарь*.

Перед ними был духовный лидер сангвинистов, одной из ветвей католической церкви, подобный римскому папе, считавшемуся духовным лидером *людей*, приверженцев католической церкви.

Не поднимая головы, Эрин протянула ему Книгу, и он взял ее.

— Вы все можете посмотреть на нее.

Она подняла голову, все еще боясь смотреть на *него*. Но все-таки посмотрела. Стоящий перед ней был высокого роста, выше, чем Джордан. Длинные белые волосы его были отброшены назад и открывали гладкое, без морщин, лицо. Глубоко сидящие глаза были темно-карими, как маслины, а на его обычно суровом лице сейчас была обращенная к ней улыбка.

Он повернул Книгу так, что все они смогли увидеть ее, а затем раскрыл обложку.

Со страницы полилось золотое свечение, но ярко-красные буквы, начертанные собственноручно Христом на древнегреческом, можно было прочесть без труда. Эрин уже запомнила то, что было написано на этой странице.

Надвигается великая война между Небесами. Для того чтобы победу одержали силы добра, оружие должно быть выковано из этого Евангелия, написанного моей собственной кровью. Троица, о которой говорит пророчество, должна принести эту книгу к Первому Ангелу для его благословения. Только так они могут спасти мир.

Лазарю, казалось, достаточно было одного короткого взгляда, чтобы прочесть то, что было написано на странице.

— Как видите, Книга цела и в порядке. Вы все сделали хорошо. Сражение выиграно, и без вашей победы все надежды были бы похоронены.

— Звучит многообещающе, — чуть слышно произнес Джордан.

— Но угроза войны все еще существует. Для того чтобы ее предотвратить, вы должны найти Первого Ангела.

Эрин, не веря его словам, пристально смотрела на него.

— А разве это не вы? — спросил Джордан.

— Нет, — ответил Лазарь. — Это не я.

Эрин внимательно посмотрела вокруг.

— А кто же тогда этот Первый Ангел?

Время неизвестно
Месторасположение скрыто

Томми зашнуровывал ботинки. Алеша обещал, что сегодня они смогут пойти куда-то погулять. Он находился под надзором всего несколько дней, но они казались ему вечностью. Ему хотелось увидеть небо, почувствовать дуновение ветра, а вообще-то ему хотелось *сбежать*.

Несколько дней назад из кармана Алеши, когда тот был всецело занят компьютерной игрой, выпал ножик с перламутровой рукояткой. Томми накрыл его подушкой, а потом спрятал под матрасом. А сейчас этот ножик был в его кармане. Он не знал, сможет ли использовать его против кого-либо. Он ведь и в школе никогда не дрался. Родители всегда

внушали ему, что с помощью насилия ничего не решить, но сейчас Томми думал, что именно с его помощью сможет решить свою проблему. От вежливых просьб, в чем он убедился, не было никакого толку.

Открылась дверь. В ее проеме стоял Алеша, держа в руках белоснежное пальто. Этот странный парень носил только брюки и тонкие рубашки, не утруждая себя даже тем, чтобы надеть куртку. Возможно, поэтому он и был всегда таким холодным.

Томми, облачившись в принесенное пальто, повел плечами.

— А из чего оно сшито?

— Из меха горностая. Оно очень теплое.

Томми провел ладонями по полам пальто. Такой мягкий мех он видел впервые в жизни. И сколько же маленьких зверьков потребовалось убить, для того чтобы из их шкурок сшить такое пальто?

Алеша повел его по длинному залу, затем они поднялись на один лестничный пролет, прошли через толстую стальную дверь, выкрашенную черной краской, которая осыпалась на снег, когда Алеша захлопнул дверь за собой.

Оказавшись на улице, Томми сделал медленный круг, почти не сходя с места. Они были в городе, на пустынной автопарковке. Грязный снег утоптан множеством ног. Темно-серое небо сплошь затянуто тучами и выглядит так, будто вот-вот грянет буря или наступит ночь.

Оценив свои шансы на побег, Томми решил не откладывать его, но вдруг перед ним неожиданно вырос Алеша. Томми резко бросился вправо, надеясь обойти его и бежать вдоль фасада здания. Алеша, сделав прыжок, снова оказался перед ним. Томми уклонился влево. Но Алеша снова остановил его.

Томми вытащил нож.

— А ну, прочь с дороги!

Алеша, откинув назад голову и глядя на сумрачное небо, засмеялся веселым беззаботным смехом.

Томми попытался повернуть назад, чтобы броситься прочь, и едва не упал в грязный снег. Алеша попросту иг-

рал с ним. Нет, ему никогда не удастся сбежать. Он останется здесь навсегда и вечно будет связан с этим жестоким мальчишкой.

Серые глаза Алеши блестели злорадством. Он казался Томми похожим на сорокопута. Сорокопуты — это такие хитрые маленькие птички. Но они живут тем, что накалывают свою добычу на острые шипы терновника и ждут, пока добыча не умрет от потери крови. Земля вокруг их гнезд бывает усеяна скелетами мелких птиц и мышей.

— Так ты не дашь мне уйти, верно? — спросил Томми.

— Мы не можем тебя отпустить, — ответил ему рокочущий голос, прозвучавший из-за его спины.

Томми повернулся так быстро, что упал. Серая слякоть перепачкала его пальто. Алеша одной рукой с силой, причинившей ему боль, потащил его вверх.

По снегу, направляясь к нему, шел священник в черном одеянии. Сперва Томми подумал, что это тот самый падре из Масады. На нем была такая же сутана, но этот священник был выше и плотнее телом, его глаза были не серыми, как у преподобного из Масады, а голубыми.

— А ведь я очень долго жду тебя, Томми, — обратился к нему священник.

— Так вы тот самый, который, по словам Алеши, такой же, как я?

— *Альёши*? — Мужчина сосредоточенно нахмурился, а затем улыбнулся, словно услышал веселую шутку. — Ах вот оно что — как вы, американцы, называете это? — никнейм, а у нас это называется кликухой. Его настоящее имя Алексей Николаевич Романов, российский князь, прямой наследник трона Российской империи.

Томми нахмурился, считая, что этот человек его разыгрывает.

— Вы не ответили на мой вопрос.

Священник засмеялся, а по спине Томми пробежал холодок.

— Как это грубо с моей стороны. Нет, я не такой, как *ты*. Я такой, как *Альёша*.

— Так кто вы?

— Я — Григорий Ефимович Распутин. И мы с тобой будем большими друзьями.

Над головой этого человека закрутилась стая серых голубей — а в их гуще, в вышине, кружилась в танце белоснежная птица, ловя своим телом лучики света, такие редкие в этот пасмурный день. Взгляд Томми неотрывно застыл на ней — он вспомнил ту самую раненую птицу в Масаде, голубя со сломанным крылом. Он вспомнил, как подбирал эту раненую птицу, — то было как раз перед тем, как его жизнь раскололась вдребезги.

Может быть, именно этот акт доброты и милосердия и определил его дальнейшую судьбу?

Мальчик сощурился, видя, что белая птица устремилась вниз, пролетая над ними. Она смотрела вниз на Томми — сперва одним глазом, затем другим.

Томми содрогнулся и оторвал взгляд от небес.

Глаза птицы светились зеленым светом, подобно пуговицам из драгоценного малахита. Так же как и у голубя в Масаде.

Как это могло быть? Как такое *вообще* могло быть?

В любой момент я могу проснуться в палате, и в моем теле будут трубки, по которым в меня будут вливаться лекарства.

— Я хочу вернуться обратно к моим прежним друзьям, — объявил Томми, ничуть не заботясь тем, что он говорит тоном обиженного нетерпеливого ребенка.

— Ты обретешь великое множество *новых* друзей за время своей долгой-долгой жизни, — успокоил его Распутин. — Такова твоя судьба.

Томми снова посмотрел на птиц. Он хотел быть в вышине и свободно летать с ними. Почему это не может быть его судьбою?

Он так хотел бы иметь крылья.

Глава 65

29 октября, 05 часов 54 минуты
по центральноевропейскому времени
Святилище под базиликой Святого Петра, Италия

Рун коснулся своего креста. Они победили в сражении. Его передернуло от мысли, насколько велик был для них шанс потерять все. Но они все-таки победили.

Елеазар молчал. Он снова повернул Книгу к себе и, водя пальцем по строкам, снова читал их, как будто в первый раз их содержание было понято им неверно. Но все было тем же самым.

— Итак, первое сражение мы выиграли, — сказал Джордан.

— А как понимать эту «Войну Небес»... и кто такой «Первый Ангел»? — спросила Эрин.

— Мы нашли Книгу, — с твердой уверенностью объявил Джордан. — Мы сможем найти и Ангела. Бьюсь об заклад, что этот Ангел наверняка больше, чем Книга. Так о каких трудностях можно говорить или я не прав?

— Прав. — Эрин засмеялась и склонилась к нему.

Солдат был прав. Они уже сделали невозможное.

— С чего нам начинать? — спросил Рун, глядя на Елеазара.

Тот нахмурил брови.

— С пророчества. Возвращайтесь к пророчеству.

Рун ждал.

Елеазар повторил по памяти: «*И настанет день, когда Альфа и Омега прольют мудрость его в Евангелие Драгоценной Крови, которым сыны Адама и дочери Евы смогут пользоваться во дни, когда будет им это необходимо.*

До наступления этого дня благословенная книга сия должна быть спрятана в колодце, в глубочайшей тьме и сохраняться Девочкой с утраченной девственностью, Рыцарем Христовым и Мужем-Воителем.

В свой черед другое трио вернет эту книгу из тьмы на свет. И только Женщина, умудренная Знанием, Рыцарь

Христов и Муж-Воитель смогут открыть Евангелие Христа и явить миру славу Его».

— Так мы же это сделали, — сказал Джордан. — Что мы должны сделать *еще*, чтобы найти того самого Ангела?

Елеазар закрыл Книгу.

— Это может никогда и не произойти.

— Почему нет? — спросил Джордан, нахмурив брови. — Мы же нашли Книгу, верно?

Елеазар вздохнул, и вместе с этим вздохом из сознания Руна улетучилась вся прежде бывшая в нем надежда.

— Существует вероятность того, что эта троица уже распалась, — предостерег Елеазар.

«О чем говорит Воскресший? — спросил себя Рун. — *Как эта троица может распасться? Они же все здесь».* Он положил одну руку на рукав Джордана, вторую — на рукав Эрин.

И тут женщина закрыла глаза и лицо ее побледнело.

— Что с тобой, Эрин? — всполошился Джордан.

Она, кашлянув, прочистила горло.

— А что, если *я* не являюсь частью троицы? Что, если *я* не являюсь Женщиной, умудренной Знанием?

— Да о чем ты говоришь? Конечно, это ты. Ты раскрыла тайну Евангелия. Без тебя мы никогда бы не нашли его. Ты же была там, когда мы превратили его в Книгу.

Солдат говорил настоятельно-терпеливым тоном, никакого волнения не чувствовалось в его голосе.

Но спина Руна похолодела от страха.

— Вспомните слова пророчества, — обратилась к ним Эрин. — Там сказано, троица *откроет* Евангелие Христово и откроет Его славу миру.

— И? — спросил Джордан.

Эрин в отчаянии покачала головой.

— Я же не присутствовала тогда, когда Книга *открылась*. Я ведь не переступала порога базилики до тех пор, пока золотое свечение не появилось из Книги. А ты был при этом. И Рун был. А меня не было. Я была за пределами базилики с гвардейцами охраны.

— И ты думаешь, что это так важно? — усомнился Джордан. — Что значит один шаг через порог?

— Если я не являюсь Женщиной, умудренной Знанием, ею была *Батория.* — Эрин еще раз глубоко вдохнула. — И я убила ее.

Рун старался найти изъян в ее логике, но, как всегда, не нашел. Все были уверены в том, что Эрин и есть Женщина, умудренная Знанием: она была в Масаде, в Германии, в России и в Риме. Но ведь и Батория тоже была во всех этих местах. Она всюду опережала их на один шаг. Она следовала всем указаниям, не пропускала ни одной зацепки, указывающих путь к Книге, и это она определила, как и где та может быть открыта. И именно она *держала* в руках Книгу после ее превращения.

Рун закрыл глаза, чувствуя, что все это, возможно, правда.

Был ли кардинал Бернард прав во всем, что касалось Элисабеты Батории? Уж не потому ли велиалы начали выбирать кого-либо из женщин в каждом поколении рода Баториев и привязывать ее к исполнению своих гнусных деяний, а также и для того, чтобы хранить Женщину, умудренную Знанием среди своей паствы?

Если это правда, то как они могли даже надеяться на то, чтобы найти Первого Ангела?

По словам кардинала Бернарда, женщина, убитая в некрополе, была последней в цепи женщин в роде Баториев. Но Рун знал, что дело обстояло не совсем так.

— Вы говорите что-то не то, — сказал Джордан, прерывая его мысли. — Эрин проделала всю тяжелую работу, связанную с этим делом. А Батория мертва. Если Книга настолько ценна и необходима, то почему с ней связана столь трудно разрешимая задача?

— Этот Воитель не лишен разума, — многозначительно изрек Елеазар. — Возможно, он говорит правду. Пророчество часто бывает похожим на меч, с обеих сторон которого расположены лезвия, и эти лезвия рубят всякого, кто пытается разъяснить смысл пророчества.

Эрин выглядела неубежденной.

Елеазар, наклонив голову, пристально посмотрел на Руна. Тот понял, что не все еще потеряно.

— У меня есть другой вопрос, который я хотел бы обсудить с падре Корцей, — сказал Елеазар, обращаясь к остальным присутствующим. — Не могли бы мы поговорить наедине?

— Разумеется, — согласилась Эрин, и они с Джорданом отошли.

Когда эта пара скрылась из глаз, Елеазар заговорил снова, но теперь шепотом:

— Ты должен отказаться от этой женщины, Рун. Я видел твое сердце, но из этого ничего не выйдет.

Рун слышал правду в этих словах, они пронизывали его до самых костей.

— Так я и сделаю.

Елеазар смотрел на Руна пристальным и тяжелым взглядом, который как будто снимал с его тела плоть и обнажал его кости. Возникшее при этом чувство не успело воздействовать на Корцу, поскольку Елеазар сразу спросил о другом:

— Может быть, существует *другая* линия Женщин, умудренных Знанием?

Рун наклонил голову, пряча глаза от этого проницательного взгляда. Он знал, в чем суть этого вопроса. Он должен признать все свои грехи, раскрыть все свои тайны, а иначе мир может пропасть.

Его глаза, смотревшие на Елеазара, были полны слез.

— Ты просишь слишком многого.

— Это необходимо сделать, сын мой. — В голосе Елеазара ясно слышалась жалость. — Мы не можем вечно прятаться от своего прошлого.

Рун знал, что сам Елеазар отрешился от очень многого ради этого мира, — и знал также, что сейчас мысленный взор Елеазара обращен в его прошлое.

Рун сунул руку в глубокий карман своей сутаны и вытащил из него куклу, которую подобрал в усыпальнице в

Масаде. Кукла, сшитая из кожи, затвердевшей от времени, была изорвана и изношена донельзя, одного глаза не хватало. Он положил этот маленький, но причиняющий сильную боль предмет на открытую ладонь старца.

Елеазар прожил уже столько времени, что больше походил на статую, чем на любого из отшельников, — в малоподвижных чертах его лица и в фигуре преобладала твердость, более свойственная мрамору, чем плоти. Но теперь эти каменные пальцы дрожали, едва осмелившись коснуться маленькой потрепанной игрушки. Не рассматривая и не ощупывая ее, Елеазар поднес ее к груди и плотно прижал к ней, словно это был ребенок, которого он горестно оплакивал.

— Она страдала? — спросил он.

Рун думал сейчас о том маленьком тельце, висевшем на стене в Масаде, пригвожденном к ней серебряными арбалетными стрелами, которые, должно быть, жгли ее до последнего вдоха.

— Она умерла, служа Христу. Душа ее покоится в мире.

Потом Рун встал и ушел от Воскресшего. Ушел один, унося с собой свою печаль.

Уходя, он заметил блеск в мраморной щели.

Елеазар склонил голову.

Горестная слеза упала на испачканное кукольное личико и растеклась по нему.

Глава 66

29 октября, 06 часов 15 минут
по центральноевропейскому времени
Святилище под базиликой Святого Петра, Италия

Рун, зажав в руке молот, бежал со всех ног во тьме. Минуло уже много веков с того времени, когда его ноги последний раз ступали по этому темному, как ночь, туннелю, но сейчас путь расстилался перед ним, как если бы его тело всегда знало, что снова очутится здесь.

Он опустился глубже отметки, на которой располагался храм отшельников, на такую глубину отваживались опускаться немногие. Здесь он когда-то спрятал свою величайшую тайну. Корца обманул Бернарда; он нарушил данные им обеты; он раскаялся в этом, но всего этого оказалось недостаточно.

И вот теперь его грех оказался тем, что, возможно, спасет его.

Рун остановился перед безликой стеной, провел по ней рукой, но не почувствовал никаких стыков. Четыре столетия назад он заделал все тщательно.

Подняв молот над головой, Рун ударил им по стене. Камень загудел от такого удара. И поддался. Совсем чуть-чуть, но все-таки поддался.

Корца бил и бил, снова и снова. Каменные блоки крошились и крошились — пока наконец не появилось небольшое окошечко. Он едва мог бы пролезть через него, но этого ему было достаточно.

Корца пролез через этот каменный лаз, не обращая внимания на то, как сильно царапают его кожу острые края камней. Ему надо было попасть в темную комнату за этой стеной.

Попав в нее, он зажег свечу, предусмотрительно взятую с собой. Запах меда и пчелиного воска поплыл по комнате, забивая запахи камня, застоя и разложения.

Бледно-желтое пламя отражалось от полированной поверхности черного мраморного гроба.

Приоткрыв крышку, Рун опустил ее на грубые камни пола.

Запах священного вина поплыл по воздуху. Влажная черная поверхность, казалось, поглощала свет.

Перед тем как достать то, что было в гробу, Рун, сложив ладонь и зачерпнув ею вина, выпил его. Ему потребуется каждая капля этого святого, дающего силу напитка, для того чтобы выполнить намеченную задачу. Но перед тем, как приложить силы, он, как обычно, вспомнил об епитимии.

Рун шел в Рим. Недели беспрерывных дневных и ночных переходов по холодным и темным горным тропам вконец разбили его башмаки, а затем и ноги. Когда он не мог идти дальше, то отыскивал убежища в отдаленных горных церквях, подкреплялся глотком вина, после чего снова выходил во враждебный к нему мир.

Бернард встретил его в Риме и привел в подземную глубину под базиликой Святого Петра, где осмеливались появляться только старейшие члены их Ордена. Там Рун и исполнял наложенную на него епитимию. Он голодал. Он молился. Он истязал себя. Но ничто из того, что он делал с собой, не облегчало бремени и позора его греха.

Через десять лет Бернард снова послал его в мир, населенный людьми: на этот раз с новой миссией в замок Сашице, чтобы окончательно избавить мир от последствий содеянного им греха.

Вооруженные люди, окружавшие его, держали мечи наготове. На их лицах постоянно присутствовал страх, он слышался и в частом биении их сердец. И у них были все основания бояться.

Палатин[1] *и графы не спускали настороженных глаз со своих людей, поскольку опасались того, что в нужную минуту эти люди попросту не смогут их спасти. Да те и не могли этого сделать. А Рун мог. Он молился о том, чтобы судьба лишила его сил для этого. О том, чтобы рассказы оказались ложными. О том, чтобы причиной этого не была его неправедная любовь.*

Но он слышал и другие рассказы... о жутких опытах, проводимых глубокими ночами, с намеками на то, что ее зверства осуществлялись во имя каких-то ужасных дел, в чем ей немало помогали и показной ум, и ее искусство врачевания — но и то и другое служило низменным целям. Это пугало его больше всего — часть ее подлинной натуры,

---

[1] Палатин — высшая после короля государственная должность в Венгерском королевстве (до 1853 года). Иногда именовался вице-королем Венгрии. Совмещал функции премьер-министра и верховного судьи королевства.

живущей внутри этого чудовища, и привела сейчас к ужасным результатам.

Когда они добрались до входа в замок, мужчины встряхнулись, их частое дыхание оставляло в воздухе белые облачка пара.

Палатин постучал в прочную дубовую дверь, способную выдержать длительную осаду с использованием стенобитных орудий. В этот момент Рун молил Бога о том, чтобы никто не отозвался на стук и они волей-неволей вынуждены были бы отложить осаду замка. Но Анна открыла дверь. Родимое пятно все еще портило ее лицо, но не будь его, ее вряд ли можно было узнать. Тощая, как скелет, покрытая шрамами, она, несмотря на пронизывающий холод, была одета всего лишь в грязную тонкую сорочку.

Палатин с силой распахнул дверь во всю ширь. Внутри царила непроглядная темень, но обоняние подсказало Руну, что *они там найдут. Он уловил доносившийся откуда-то слабый запах гниющей ромашки.*

Граф Зрини ориентировался на ощупь в свете факела. Запах горящей смолы явно указывал на пирушку со смертью.

Палатин взял факел и вошел в замок. Свет факела падал на молодую девушку, неподвижно застывшую на каменном полу. Ее белое тело было сплошь в кровоподтеках. Замерзшая кровь была на ее запястьях, на шее, между ее бедер.

Палатин осенил себя крестным знамением.

Стоявшего позади него солдата вырвало в снег. Рун, сняв с себя сутану, накрыл ею тело. Но церковь не располагала достаточным количеством сутан, чтобы скрыть этот позор. Это он убил девушку, без сомнения, он — это было столь же бесспорно, как если бы он сам вскрыл ее горло.

В нескольких шагах в глубине комнаты сидели еще две девушки, прижавшись друг к другу под грязным деревянным столом. В брюнетке еле теплилась жизнь. Биение ее сердца становилось все реже и слабее. Корца опустился на колени перед ней и произвел соборование перед смертью.

— Спасибо, падре, — прозвучал хриплый голос из разорванного горла темноволосой девушки.

Он стыдливо опустил глаза. Эти смерти отягощали его сознание, равно как и смерти всех тех, кого убила Элисабета. Любовь сангвиниста приносит только смерть и страдания.

Солдат, взяв на руки оставшуюся в живых, перенес ее к камину, который почти не горел. Он накрыл ее своей шинелью и раздул огонь, его внимание целиком было поглощено этим делом. Рун закрыл глаза ее подруги, отошедшей в мир иной. Они обе выглядели настолько юными, что их скорее можно было принять за девочек.

По замку пронесся пронзительней крик. Палатин склонил голову к плечу, словно определяя место, откуда прозвучал крик. Руну это место было хорошо известно — личные покои Элисабеты.

Он встал с колен и пошел туда.

Один из вооруженных людей последовал за ним, идя примерно на шаг позади. Палатин, казалось, утратил всякое желание руководить этим действом и с безучастным видом топтался позади. Элисабета однажды обратилась к нему, назвав кузеном. Палатин выбрал других дворян в свою свиту из-за их родственных отношений с нею. Каждый из них был женат на одной из ее дочерей. Ей предстоит предстать перед знатью, как этого требует ее положение.

Рун распахнул дверь спальни Элисабеты. Там в темном углу навзрыд плакал какой-то ребенок. Другой ребенок, девочка, стоял в клетке, забранной прутьями с острыми шипами, висящей высоко в воздухе. Под ней стояла нагая Элисабета. Двое слуг раскачивали клетку из стороны в сторону, при этом нежное тело девочки колотилось то одним, то другим боком о заточенные шипы. Розовые брызги летели на белую кожу Элисабеты.

Придя в ужас, Рун с трудом удержал слезы. Он привел их сюда.

Вооруженные люди бросились на слуг и, схватив их, прекратили раскачивание клетки.

И тут палатин снова вышел вперед.

— Госпожа вдова Надаши, именем короля объявляю вас арестованной.

— Вам дорого придется заплатить за это вторжение.

Элисабета не сделала ни малейшей попытки прикрыть свою наготу. Пряди темных волос метнулись ей за спину, когда она повернулась лицом к мужчинам. Лицо ее замерло, когда она поняла, кто перед ней.

— Итак. — Улыбка показалась на ее твердых губах. — Вы пришли сюда, чтобы умереть.

Рун, выйдя вперед, встал между ней и пришедшими в замок людьми. Она могла убить их всех, но не его. Он вытащил нож из рукава и обратился к ней:

— Пожалуйста, не заставляйте меня прибегать к этому.

Она осторожно сделала шаг назад.

— Чего еще вы хотите получить от меня, Рун?

Он вздрогнул и поморщился, а затем взял нож так, чтобы она могла видеть его. Взгляд ее серебристых, таких любимых им глаз застыл на лезвии.

— На этот раз ты хочешь воткнуть в меня только это, падре?

Корца подошел к ней ближе. Теплый запах крови, исходящий от ее кожи, одурманивал его. Он изо всех сил старался подавить возникшее плотское желание.

— Осторожнее, милый, — прошептала она. — Я уже видела, как выглядит твое лицо в минуты страсти.

Пробормотав молитву, Рун обвил шелковым шнуром ее запястья и связал их вместе.

— Под шелком нити благословенного серебра, — сказал он. — Если попытаешься освободиться, они прожгут тебя до костей.

— Прикройте ее, — приказал палатин и бросил запачканное одеяло на ее забрызганные кровью плечи.

Она, словно в молитве, сплела пальцы. Ее глаза встретились с его глазами. Корца увидел в них скорбь, сожаление и, как ни странно, любовь.

Он ждал, когда вернется из прошлого и снова обретет себя в этой промозглой сырой комнате.

Полностью придя в себя, Рун глубоко окунул руки в горячую ванну со священным вином. На самом дне его холодные пальцы нащупали то, что он искал, и вынули ее наверх — снова в этот мир после многовекового пребывания в покое.

Вино, пропитав ее тонкий зеленый плащ, сделало его бордовым, но ее лицо, словно вылепленное из гипса, было таким же белым, как в тот день, когда он погрузил ее в эту ванну, вместо того чтобы убить ее, что приказал ему сделать Бернард. Он отвел длинные черные волосы от ее пока еще неподвижного лица, погладил ее высокий лоб, ее крутые скулы. Она была сейчас столь же прекрасна, как и в тот момент, когда он увидел ее впервые, четыреста лет назад. До того, как он загубил ее душу и обратил ее в стригоя, она была хорошей женщиной. Целительницей. Она ведь и его почти исцелила.

Почти.

Рун стал шепотом читать молитву.

Спокойные, дымчато-серые глаза Элисабеты раскрылись, увидели его.

Зашевелились губы — ни звука, только движение воздуха.

И все-таки Рун понял, что она пыталась сказать, она все еще пребывала во сне, ее злость все еще оставалась где-то в прошлом, и только два слова могли произнести эти прелестные губы.

Любовь моя...

06 часов 30 минут

Эрин, спотыкаясь, шла по длинному темному туннелю. Вместо золотистого сияния, исходящего от Книги, путь им освещал фонарь, который включил Джордан. Его свет, в сравнении с сиянием Книги, казался бледным, холодным и неярким. Джордан все время поддерживал Эрин, обхватив ее рукой за плечи.

Наконец они дошли до поваленного балдахина, основание которого опиралось на пол туннеля, а купол оставался в базилике. Тела уже были убраны, и сангвинисты засыпали песком лужи крови.

Эрин пыталась обойти песчаные кучи, но песок был повсюду. Он скрипел под подошвами, напоминая ей пустыню рядом с Масадой, место ее раскопок в Кесарии. Как развивались бы события, останься она в котловане с Хайнрихом, оттолкни его подальше от копыт жеребца, не сядь она в вертолет? Он остался бы в живых, но велиалы наверняка завладели бы Книгой. И никакой надежды избежать этого не было. Открой они ящик Пандоры, все зло вылетело бы наружу, а надежда осталась бы на самом дне. Не просто надежда, а путь, ведущий к тому, чтобы обеспечить миру безопасное существование...

— Стоять! — Какой-то сангвинист встал у них на пути. Он был тощим, с длинными пальцами, похожими по форме на паучьи лапки. — Что вам здесь надо?

— Сержант Джордан Стоун, — представился Джордан. — И доктор Эрин Грейнджер.

— Две части троицы, — почтительно произнес сангвинист. — Приношу свои извинения. — Жестом он указал на лестницу, прислоненную к балдахину.

— Сначала дамы, — с галантным поклоном объявил Джордан.

Эрин взобралась наверх, где ей потребовалась помощь, чтобы спуститься с лестницы на мраморный пол базилики. Огромные размеры здания снова поразили ее. Все здесь было во много раз больше и грандиознее, чем того требовала жизнь: от балдахина, который сейчас опирался на могилы, расположенные внизу, до высоко парящих потолков, расписанных Микеланджело так, что они образовывали искусственное небо. Эрин медленно повернулась вокруг себя, глядя на белые стены, пышную позолоту, грациозные статуи, утонченные произведения искусства. Люди собрали здесь великие вещи.

При виде всего этого сердце у нее в груди становилось твердым.

Они найдут Первого Ангела и сделают все, чтобы защитить такие чудеса.

Джордан, поднявшись вслед за ней, взял ее за руку. И здесь, на полированном полу, тоже были кучи песка, впитавшего кровь и обозначавшего места, на которых умирали стригои, сангвинисты и люди.

Эрин не могла оторвать взгляда от искусно выложенного мраморного пола, сконцентрировав все внимание на поисках места, свободного от песка, чтобы поставить ногу при следующем шаге. Энергия, полученная ею от Книги, давно улетучилась.

Осторожно и медленно ступая по полу, Джордан вместе с ней двигался в направлении парадного входа.

Не дойдя до портика, он остановился и круто повернул влево.

Эрин, оторвав взгляд от пола, посмотрела вокруг, стараясь понять, что именно привлекло его внимание. Пьета[1] Микеланджело. Мраморная скульптура, изображающая Деву Марию, сидящую на камне на Голгофе и держащую на коленях своего только что распятого сына. Распластанный Христос лежит на ее коленях, голова его откинута назад, недвижные руки свисают вниз. Дева Мария склонила голову, на лице ее глубокая печаль. Она оплакивает потерю своего бесценного сына. Это та самая смерть, которая привела в действие множество событий, случившихся в последующие века.

Джордан не сводил глаз со скульптуры.

Эрин тихонько кашлянула, прочищая горло.

— Джордан?

— Прости, я вдруг подумал о семьях, в которых мне предстоит побывать после того, как все это закончится: у Сэндерсонов, у Тисонов, у Куперов, у Маккеев... Встретиться с матерями, которые будут выглядеть так же, как выглядит эта мать.

---

[1] П ь е т а (по-итальянски «жалость») — оплакивание Христа Девой Марией; изображает Богоматерь с мертвым Христом, лежащим у нее на коленях.

Эрин обвила руками его талию.

Постояв еще некоторое время перед скульптурой, Джордан снова взял ее за руку, и они вышли из базилики на свежий воздух итальянского утра.

Стоун повел ее к лестницам, ведущим на вершину купола.

— Подъем будет долгим, — предупредил он, стараясь по выражению ее лица понять, готова ли она его совершить.

— Я пойду первой, — ответила Эрин, поднявшись на первую из трехсот двадцати ступенек. Небо над ними было бледно-серым. Солнце вот-вот должно было выйти из-за горизонта.

Достигнув вершины, Эрин остановилась, тяжело дыша. Джордан, подойдя к восточному краю купола, присел. Она, смахнув рукой пыль с пола, села рядом с ним.

Небо перед ними стало почти белым.

— Ты поняла, что наверняка не права? — спросил он.

Она попыталась ответить ему улыбкой в благодарность за его усилия.

— А если не поняла?

— Я хочу, чтобы ты была со мной независимо от того, о чем толкует пророчество. Мы шатаемся повсюду, как компания безмозглых дураков, когда тебя нет с нами.

— Люди пожертвовали своей жизнью, чтобы спасти Женщину, умудренную Знанием, — ответила она. — Но спасли-то они лишь меня.

— А разве это плохо? — Джордан поцеловал ее в макушку. — Это же война, Эрин. А они были солдатами. В бою случаются ошибки. Люди погибают. Ты все время продвигалась вперед — и вела их за собой. Сейчас главное — продолжать борьбу.

— Но ведь пророчество... — возразила она, сжимая руки.

— Послушай. — Стоун поднял пятерню, готовясь перечислять. — Первое: кто нашел медальон в ручке девочки? Ты. Второе: кто определил место, где находился бункер? Снова ты. Третье: кто понял, что необходимы кровь и кости для того, чтобы открыть Книгу? И опять ты. Для меня

это неоспоримый комплекс доказательств того, насколько эффективно твое участие во всем этом.

Эрин улыбнулась. Во многом он, возможно, прав. Ведь практически до самого конца именно Батория неотступно шла по их следу, а не наоборот.

Достав из кармана лоскуток детского одеяльца, Эрин положила его на ладонь. И впервые за все время, глядя на него, она не почувствовала нарастающей в ее душе злобы. Эта злоба исчезла, когда в предчувствии неминуемой смерти в туннелях она простила своего отца.

— Что это? — спросил Джордан.

— Давным-давно я дала обещание одному человеку. — Эрин кончиком пальца разгладила лоскуток. — Я обещала, что никогда не буду простым наблюдателем, когда мое сердце подскажет мне, что совершается неправедное дело.

— А что сейчас подсказывает тебе твое сердце?

— Что ты прав.

— Рад это слышать, — улыбаясь, ответил Джордан.

Эрин, зажав лоскуток между большим и указательным пальцами, смотрела, как он трепещет на ветру. А потом разжала пальцы. Оказавшись на свободе, лоскуток ткани поплыл туда, где царила суета и кипела жизнь, — туда, где находился Рим.

Она снова повернулась к Джордану.

— Это больше похоже на одухотворенность и чудеса. К тому же в этом больше логики — и того, на что отзывается сердце. А Первого Ангела мы все равно найдем.

— Конечно найдем, — подтвердил Джордан, притягивая ее к себе. — Мы же нашли Книгу, верно?

— Нашли. — Она прижалась головой к его груди, слушая громкие и четкие удары его сердца. — А раз мы ее нашли, то у нас есть и надежда.

— У меня такое чувство, будто мы сегодня поработали на славу, — произнес Джордан, и в его голосе послышалась легкая хрипотца.

Солнце вышло из-за горизонта. Его золотые лучи согревали лицо Эрин.

Она склонила голову к голове Стоуна. Тот, погладив ладонью ее щеку, прижал ее к шее.

Эрин потянулась к нему, прильнула губами к его губам. Они были теплыми и мягкими, не такими, как у Руна, — живыми. Она просунула руку под его рубашку, чувствуя ладонью жар его тела. Джордан чуть слышно застонал и притянул ее к себе, обвив руками ее спину.

Внезапно она отодвинулась от него, оба тяжело дышали.

— Слишком поспешно? — спросил Джордан.

— Нет. — Эрин снова потянулась к нему. — Слишком медленно.

А затем...

Поздняя осень
Рим, Италия

Брат Леопольд бросил на переднее сиденье пачку денег в уплату водителю такси за это небольшое путешествие. Человек скромного духовного звания, в своей обыденной жизни он был не чужд экстравагантностям.

Водитель в знак благодарности приложил руку к фуражке, когда Леопольд, хлопнув дверью, нырнул в аллею, возле которой остановилось такси. Он оглядел залитую солнцем улицу. Никто не ехал за ним от самого Ватикана. Леопольд постоянно просил водителя менять направление, заставляя его делать не разрешенные правилами движения повороты, заезжать в переулки, кончающиеся тупиками, и постоянно запутывать следы, многократно проезжая по одним и тем же местам. Но и после этого он все же попросил водителя высадить его в нескольких кварталах от места назначения.

Леопольд так долго ждал и так усердно трудился, что не мог допустить того, чтобы в последний момент все сделанное им рухнуло. Случись такое, Он — тот, кому он служил, — покончит с ним. Леопольд был не настолько глупым, чтобы считать себя незаменимым.

Пройдя по узкой улице, он подошел к небоскребу из стекла и стали, на верхнем дверном стекле которого был нарисован серебряный якорь. Это был логотип «Аргентум Корпорейшн». Рисунок якоря содержал также и крест, Crux Dissimulate[1], символ, используемый древними христианами с целью продемонстрировать другим христианам их веру в Христа, не опасаясь при этом расправ и преследований. Сегодня этот символ демонстрировал лояльность и преданность.

Здесь обосновался глава велиалов — Тот, кто составил договор между стригоями и людьми, подчинив и тех и других своему влиянию. Но сам Он при этом не был ни человеком, ни животным. Более того, Он был существом, обреченным собственным словом Христа на вечную жизнь.

И все из-за одного-единственного предательства.

Леопольд дрожал от одной мысли о том, сколько раз он предавал церковь, прикрывая благочестивой внешностью свое предательское нутро, исполняя Его приказания.

А что ему оставалось делать?

Он подошел к логотипу на входе и коснулся креста, скрытого в центре якоря-символа, черпая уверенность в том, что Его дело было истинным и праведным. Он был одним из немногих, кто шел по пути праведному.

Исполненный решимости, Леопольд вошел в здание и назвал себя клерку, сидевшему за письменным столом у входа. Охранник с твердым немигающим взглядом проверил его имя в списке и в базе данных, после чего проводил его в лифт для важных персон. Он остановится только на одном этаже и только если у него будет ключ от этой двери.

После того как двери лифта закрылись, Леопольд поднял над головой свой нагрудный крест, а затем оттянул его конечную удлиненную часть, под которой был спрятан ключ. Зеленый свет подсказал ему, что все сработало. Леопольд вздохнул с облегчением. До этого он никогда не пользовался ключом.

---

[1] Crux Dissimulate (*лат.*) — крест замаскированный.

Двери лифта раскрылись перед секретаршей в щеголеватом черном костюме, сидевшей за письменным столом внушительных размеров. Леопольд быстро прошептал молитву, прося защиты у Бога, и вышел из кабины.

— Да?

Аметистовые сережки в ее ушах блеснули, когда она подняла на него голову. У нее были широко расставленные карие глаза и полные губы — лицо с картины эпохи Ренессанса.

— Брат Леопольд. — Он нервно склонился над ее высоким стеклянным столом. — Я по вызову.

Она, нажав на клавишу длинным пурпурным ногтем, заговорила в трубку телефона. Ответ ей был односложным.

Да.

Леопольд не знал, что чувствовать — облегчение или страх.

Секретарша встала и повела его по полированному полу приемной к безукоризненно чистой алюминиевой двери, ее бедра колыхались в такт ее шагам.

Открыв перед ним дверь, она отступила назад.

Леопольд должен был войти один. Шум бегущей воды наполнил его уши.

Он вошел в большую комнату, освещенную чистыми лучами римского солнца, проникающими через окна во всю стену, от пола до потолка.

Большой многоугольный фонтан занимал весь центр комнаты. Пурпурные водяные лилии светились на фоне серого обрамления бассейна. Вода изливалась на круглый изумрудно-зеленый камень. Звук текущей воды должен был успокаивать, но цоканье капель раздражающе действовало на нервы Леопольда.

Падре изучающе смотрел на человека, который вызвал его. Отвернувшись от фонтана, он повернулся к окну, очевидно глядя на протекавший далеко внизу Тибр. Его седые волосы были коротко подстрижены, показывая полоску загорелой шеи над воротником дорогой рубашки, мощную

мускулатуру подчеркивал безукоризненно сидящий костюм. Даже сейчас его спина не была согнута под тяжестью тысячелетней жизни.

При приближении Леопольда он повернулся и поднял руку, выпуская маленького мотылька с яркими переливающимися крылышками. Мотылек, слетев с его ладони, сел на широкое стекло письменного стола, и Леопольду стало ясно, что этот мотылек не что иное, как маленькое автоматическое устройство, сделанное из бронзы, часовых шестеренок и проволочек толщиной с волос.

Леопольд отвел взгляд от мотылька, чтобы встретить подвижный как ртуть и оценивающий его взгляд. Чувствуя испуг, под тяжестью этого взгляда он рухнул на колени.

— Все сделано, — сказал Леопольд, касаясь креста, но сил ему это не прибавило. — Мы продвинулись вперед. Начинаются великие бедствия.

Он услышал приближающиеся шаги и весь съежился, но не осмелился сделать даже малого движения.

Пальцы, сильные и твердые как камни, коснулись его плеча, но коснулись мягко, нежно, любяще.

— Ты все сделал хорошо, сын мой. Книга открыта, и трубы войны затрубят. После тысячелетнего ожидания моя судьба совершит полный круг и вернется в исходную точку. Я ниспослал назареян[1] в этот мир — теперь это мой долг восстановить Его на троне, по праву принадлежащем Ему. Даже если это приведет к концу этого мира.

---

[1] Самые ранние последователи Иисуса не назывались христианами; их называли назареянами или назареями. Они верили, что Иисус был Христом в еврейском значении этого термина, то есть «помазанником», законным царем Израиля, который вернется в один прекрасный день, чтобы избавить евреев от чужеземного гнета и открыть для человечества эру мира. Они верили в то, что Иисус все еще жив, что Бог специально совершил чудо, воскресив его после распятия, и что он скоро явится, чтобы завершить свою миссию спасения (то есть освобождения).

Трясущийся Леопольд с трудом вдохнул, сердце его ликовало. Палец приподнял его подбородок. Он посмотрел в глаза, смотревшие на него сверху; посмотрел на лицо в свете яркого солнца нового дня; это было лицо, на которое когда-то с любовью и привязанностью смотрел Христос.

Смотрел до того, как подвергнуть его вечному проклятию.

Превратить само его имя в слово, которым называют предателя.

Губы Леопольда молча произнесли это имя с низкопоклонством и обещанием верной службы.

Иуда.

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности 9
Пролог 11
Часть I 21
Часть II 155
Часть III 281
Часть IV 416
Часть V 513

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Джеймс Роллинс, Ребекка Кантрелл

КРОВАВОЕ ЕВАНГЕЛИЕ

Ответственный редактор *В. Хорос*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Г. Романова*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *Т. Бородоченкова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Өндіруші: «ЭКСМО» ЖШҚ Баспасы, 127299, Ресей, Мәскеу, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru . E-mail: info@eksmo.ru.
Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы,
Домбровский көшесі, 3»а», Б литері, 1 кеңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92,
факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Қазақстан Республикасының аумағында өнімдер бойынша шағымды Қазақстан
Республикасындағы Өкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3»а», Б литері, 1 кеңсе.
Өнімдердің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: http://eksmo.ru/certification/

Подписано в печать 16.05.2013.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «SchoolBookCTT».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,0.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 3619.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-63415-6

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Стачки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: **eksmo-nsk@yandex.ru**
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.
В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.
В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.
Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

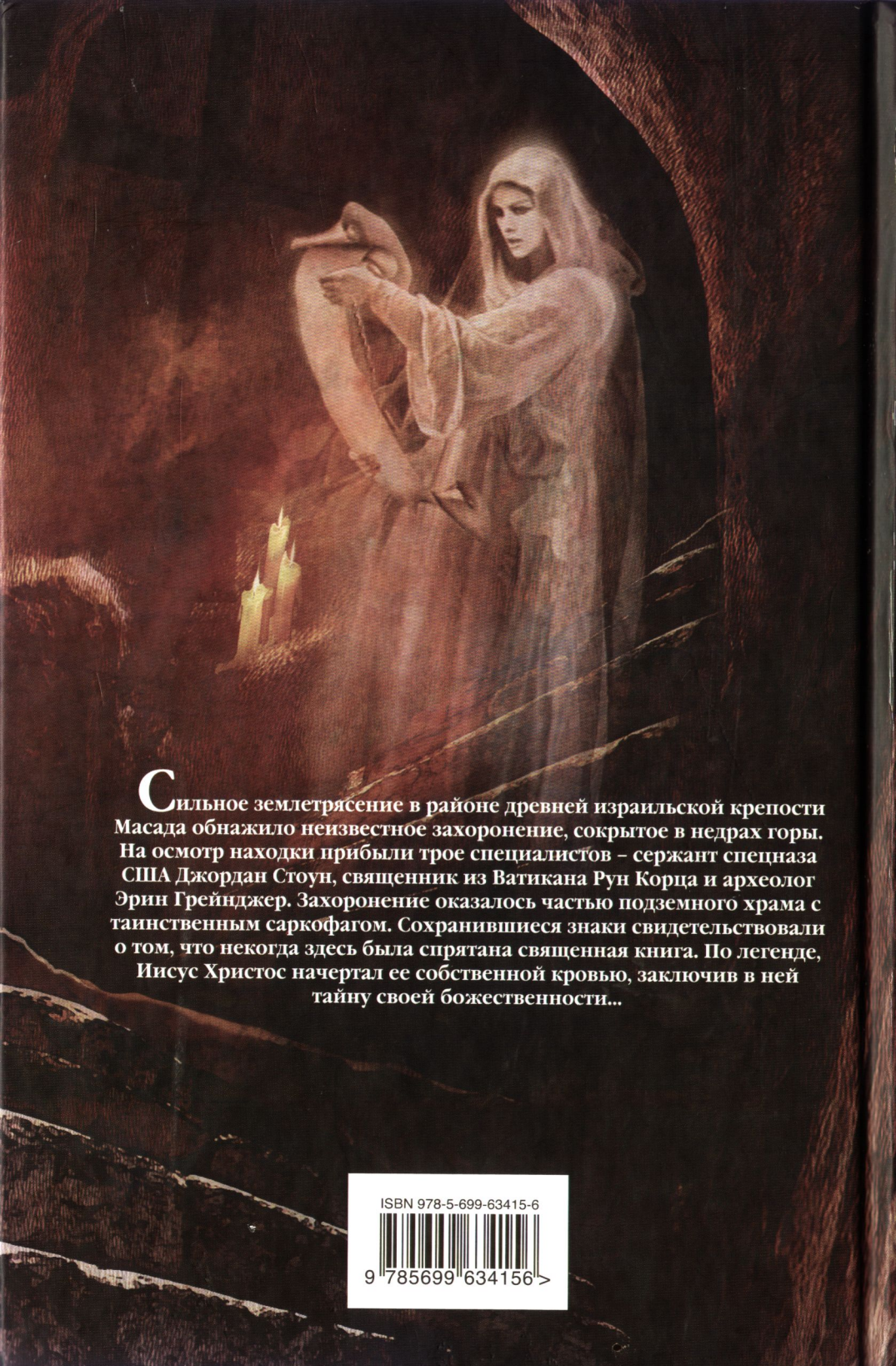
Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru
Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14 . E-mail: **imarket@eksmo-sale.ru**

Сильное землетрясение в районе древней израильской крепости Масада обнажило неизвестное захоронение, сокрытое в недрах горы. На осмотр находки прибыли трое специалистов – сержант спецназа США Джордан Стоун, священник из Ватикана Рун Корца и археолог Эрин Грейнджер. Захоронение оказалось частью подземного храма с таинственным саркофагом. Сохранившиеся знаки свидетельствовали о том, что некогда здесь была спрятана священная книга. По легенде, Иисус Христос начертал ее собственной кровью, заключив в ней тайну своей божественности...

ISBN 978-5-699-63415-6